

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор	Комлева Евгения Владиславовна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Заместитель главного редактора	Туманик Екатерина Николаевна <i>кандидат исторических наук</i> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Ответственный секретарь	Введенский Владимир Викторович Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия	
■ Редакторы и ответственные секретари выпусков	Аблажей Наталья Николаевна <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Потапова Наталья Анатольевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Гонина Наталья Владимировна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Савин Андрей Иванович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Демидова Лариса Денисовна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Семёнов Михаил Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Журавлёв Вадим Викторович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	Чернова Ирина Сергеевна <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Ильных Владимир Андреевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Шарапов Сергей Валерьевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь
	Лапердин Вячеслав Борисович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия ответственный секретарь	Шипилов Илья Александрович <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор
	Петров Станислав Геннадьевич <i>кандидат исторических наук</i> Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия выпускающий редактор	
■ Члены редакционной коллегии	Блаховска Катажина <i>профессор</i> Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша	Дацышен Владимир Григорьевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия
	Гагкуев Руслан Григорьевич <i>доктор исторических наук</i> Институт истории РАН, Москва, Россия	Исупов Владимир Анатольевич <i>доктор исторических наук</i> Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия
	Дай Цзяньбин <i>доктор исторических наук, профессор</i> Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай	Кабульдинов Зиябек Ернуханович <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан
	Данилович Вячеслав Викторович <i>кандидат исторических наук, профессор</i> Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь	Катионов Олег Николаевич <i>доктор исторических наук, профессор</i> Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

■ Члены редакционной
коллегии

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Красильников Сергей Александрович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет
имени Карла фон Осецкого, Германия

Рышков Вадим Маркович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик

канд. ист. наук **И.А. Шипилов**
В.В. Введенский
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев

ИСТОРИЧЕСКИЙ
КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2026. № 3 (47)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 7–9

From the Editor 10–12

■ Исторический хронотоп науки

И.А. Шипилов. Проект научных экспедиций в Сибирь Петра I
в XVIII – первой половине XIX века: ритмическая парадигма исследования 13–29

Л.Д. Бондарь, А.А. Сизова. Калмыцкий (ойратский) язык
в материалах Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга 30–41

Д.И. Улбутов. Антигуманизм Вяч.И. Иванова как способ исторического мышления 42–51

Д.А. Бакланов. Персонализм и «поиск свободы»:
штрихи к пониманию истории Исайей Берлиным 52–60

Г.М. Запорожченко, О.Н. Шелегина. Социокультурные коммуникации
в новосибирском Академгородке (1960–1980-е годы) 61–81

Н.А. Куперштох. Исследовательский потенциал программы «Сибирь»:
социогуманитарный аспект 82–93

■ История науки. Персоналии

С.А. Васильева. «Вся моя жизнь прошла в ученье»:
штрихи к биографии М.Н. Гернета (1874–1953) 94–110

А.А. Сулейманов. Исследователь Якутии И.П. Сойкконен: биографический этюд 111–125

О.Н. Полянская. Буддийское искусство бурят:
достижения и задачи изучения в XIX – начале XX века. А.Д. Руднев (1878–1958) 126–137

А.И. Свирепов. Николай Савельевич Васильев:
биография интеллектуала в контексте драматической истории раннесоветского планирования 138–150

А.М. Суботялова. «Загадкам почки посвятив свой труд»:
профессиональный путь Л.К. Великановой 151–163

■ Институциональная и дисциплинарная история науки

Д.О. Ястребов. Профессионализация российских психиатров
и трансферы идей в середине XIX века 164–178

И.В. Орлова. «Врачебно-санитарная организация»:
институционализация городской медицины в губернских центрах Восточной Сибири 179–192

А.Г. Осипов, Д.И. Муренко, Н.Н. Макаренко, Е.В. Сотникова, Н.С. Ступина. Вузовская техническая интеллигенция Сибири и подготовка осуществления плана ГОЭЛРО в начале 1920-х годов	193–206
Л.С. Шмутьская, О.Б. Лобанова. Репрезентация истории Енисейского учительского института на страницах региональной прессы 1940-х годов	207–219
А.С. Скрипник. «Лаборатория под открытым небом»: роль Крыма в становлении советской курортологии	220–231
Н.С. Воронцов. «Воздержаться от открытия...»: неосуществленные планы создания новых институтов Дальневосточного отделения АН СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов	232–242
С.М. Дударенко. Дальневосточная академическая наука в 1990-е годы: опыт выживания и поиски выхода из кризиса	243–257

■ Наука, образование и техника в исторической динамике

В.А. Василенко. «Далекий край»: изучение Тувы русскими учеными, путешественниками, общественно-политическими деятелями (вторая половина XIX века – 1914 год)	258–270
Д.В. Семушев. Инновации в юридической науке и образовании в 1920-е годы в Сибири	271–284
Л.В. Климова. Письмо профессора И.А. Кассирского наркомун здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминскому накануне реформы медицинского образования 1934 года	285–297
С.И. Зенкевич. Г.А. Князев, А.И. Андреев и сборник «Петр Великий»	298–316
Р.Е. Романов. Трудовые стимулы и санкции на предприятиях СССР в годы довоенных пятилеток: советский историографический «кейс» (1930-е – середина 1980-х годов)	317–334
В.В. Тихонов. «...Стремясь к расширению культурного и научного обмена между Японией и СССР»: подготовка и проведение выставки «Наука в СССР» в Японии (1964–1966 годы)	335–345
Н.А. Старухин. Эпистолярные источники по полевым и эдичионным исследованиям в ИИФиФ СО АН СССР (1968–1973 годы)	346–359
Г.А. Галданов. История экономического сотрудничества 1970–1980-х годов МНР и СССР в трудах исследователей Института востоковедения АН СССР	360–369

CONTENTS

From the Editor (*in Rus*) 7–9

From the Editor 10–12

■ Historical Chronotope of Science

I.A. Shipilov. Peter the Great's Scientific Expeditions to Siberia Project in the 18th – First Half of the 19th Century: A Rhythmic Research Paradigm 13–29

L.D. Bondar, A.A. Sizova. Kalmyk (Oirat) Language in the Works of D.G. Messerschmidt and Ph.J. von Strahlenberg 30–41

D.I. Ulbutov. Ivanov's Anti-Humanism as a Way of Historical Thinking 42–51

D.A. Baklanov. Personalism and the "Search for Freedom": Touches to the Understanding of History by Isaiah Berlin 52–60

G.M. Zaporozhchenko, O.N. Shelegina. Sociocultural Communications in the Novosibirsk Academgorodok (1960s–1980s) 61–81

N.A. Kupershtokh. Research Potential of the Siberia Program: Socio-Humanitarian Aspect 82–93

■ The History of Science. Personalities

S.A. Vasilieva. "My Whole Life is Learning": Touches on the Biography of M.N. Gernet (1874–1953) 94–110

A.A. Suleymanov. Researcher of Yakutia I.P. Soikkonen: A Biographical Sketch 111–125

O.N. Polyanskaya. Buryat Buddhist Art: Achievements and Research Objectives in the 19th – Early 20th Centuries. A.D. Rudnev (1878–1958) 126–137

A.I. Svirepov. Nikolai Savelievich Vasiliev: Biography of an Intellectual in the Context of the Dramatic History of Early Soviet Planning 138–150

A.M. Subotyalova. "Dedicating Work to the Mysteries of the Kidney": The Professional Path of L.K. Velikanova 151–163

■ Institutional and Disciplinary History of Science

D.O. Yastrebov. Professionalization of Russian Psychiatrists and Transfers of Ideas in the Mid-19th Century 164–178

I.V. Orlova. "Medical and Sanitary Organization": Institutionalization of Urban Medicine in the Provincial Capitals of Eastern Siberia 179–192

<i>A.G. Osipov, D.I. Murenko, N.N. Makarenko, E.V. Sotnikova, N.S. Stupina.</i> The Technical Intelligentsia of Siberia and the Preparation for the Implementation of the GOELRO Plan in the Early 1920s	193–206
<i>L.S. Shmul'skaya, O.B. Lobanova.</i> Representation of History the Yenisei Teachers' Institute on the Pages of the Regional Press of the 1940s	207–219
<i>A.S. Skripnik.</i> "An Open-Air Laboratory": Crimea's Role in the Development of Soviet Spa Medicine	220–231
<i>N.S. Vorontsov.</i> "Refrain from Opening...": Unfulfilled Plans for the Creation of New Institutes of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences in the Late 1980s – Early 1990s	232–242
<i>S.M. Dudarenok.</i> Far Eastern Academic Science in the 1990s: Survival Experiences and the Search for a Way Out of the Crisis	243–257

■ **Science, Education, and Technology in Historical Perspective**

<i>V.A. Vasilenko.</i> "The Faraway Land": The Study of Tuva by Russian Scientists, Travelers, and Public and Political Figures (Second Half of the 19th Century – 1914)	258–270
<i>D.V. Semushev.</i> Innovations in Legal Science and Education in the 1920s in Siberia	271–284
<i>L.V. Klimova.</i> Letter from Professor I.A. Kassirsky to the People's Commissar of Health of the RSFSR, G.N. Kaminsky, on the Eve of the 1934 Medical Education Reform	285–297
<i>S.I. Zenkevich.</i> G.A. Knyazev, A.I. Andreev and a Collection of Papers "Peter The Great" (1947)	298–316
<i>R.E. Romanov.</i> Labor Incentives and Sanctions at Soviet Enterprises during the Pre-War Five-Year Plans: A Soviet Historiographical Case Study (1930s – Mid-1980s)	317–334
<i>V.V. Tikhonov.</i> "...Striving to Expand Cultural And Scientific Exchange Between Japan and the USSR": Preparation And Holding of the Exhibition "Science in the USSR" in Japan (1964–1966)	335–345
<i>N.A. Starukhin.</i> Epistolary Sources on Field and Editorial Research at the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences 1968–1973	346–359
<i>G.A. Galdanov.</i> The History of Economic Cooperation between the Mongolian People's Republic (MPR) and the USSR in the 1970s–1980s in the Works of Scholars of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences	360–369

2026 · № 3 (47)

Тема номера:

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИСТОРИИ НАУКИ:
PRO ET CONTRA

ОТ РЕДАКТОРА

Наука как социокультурное явление представляет собой сложную систему, в лоне которой способами организации и самоорганизации объединены человек и его деятельность, социум, государство, культура. Наука неразрывно связана с жизнью общества, государства, цивилизации, а история науки и история человечества интерактивны. Отдельные проявления сциентизации имели место в истории с глубокой древности, становление научных направлений, разработка методов, терминологии шли с Античности. Формирование и развитие науки в ее современном понимании происходят в Новое время (XVI – начало XX в.), когда она приобретает значение одного из основных элементов культуры и критерия для дифференциации эпохи. Логично, что выпуск журнала «Исторический курьер» с тематикой «Традиции и инновации в истории науки: Pro et Contra» хронологически открывают статьи, в которых актуализируются и решаются проблемы истории и историографии нововременной науки в России XVIII в., в классической и неклассической моделях (парадигмах) которой были сформулированы основные принципы и методы научного познания, являвшиеся для своей эпохи инновационными, но впоследствии ставшие традициями эпистемологии, и сохраняют свое значение с поправками на время для исследователей XXI в.

Выпуск журнала состоит из четырех находящихся в диалектическом единстве разделов, сформированных по проблемно-хронологическому принципу.

Первый раздел «Исторический хронотоп науки» репрезентирует пространственно-временное движение научного организма, его историческую динамику и социокультурные эффекты. Две статьи раздела посвящены введению в оборот неизвестных ранее материалов из наследия российских научных экспедиций в Сибирь XVIII – первой половины XIX в. и новым теоретико-методологическим подходам к изучению их результатов. Первая апробация ритмической парадигмы в конкретно-историческом исследовании материалов российских академических и правительственных экспедиций позволила выявить компоненты и исследовать пространственно-временную ритмику мультилинейного исторического движения проекта научных экспедиций Петра I, получить аргументы для разрешения историографических дискуссий, репрезентировать микро-, мезо-, макро-, мега- и метауровни экспедиционной реализации Петровского проекта. Неизвестные материалы Д.Г. Мессершмидта и его сибирского путешествия (1719–1727 гг.), найденные исследователями в собраниях Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, их комплексный анализ и сравнение со сведениями, опубликованными в 1730 г. Ф.И. Страленбергом в его монографии в Стокгольме, предоставили доказательства для констатации значительного вклада обоих путешественников в историю изучения калмыцкого языка, для утверждения о независимости их этнолингвистических записей. Интеллектуальная история и история методологии получили приращение в статьях, посвященных реконструкции теоретико-методологического содержания авторских исследовательских моделей Вяч. Иванова и Исайи Берлина, продемонстрирована их самобытность и перспективность применения в исторических, философских, литературоведческих, науковедческих и научных трудах комплексного содержания. Прослежена историческая динамика гуманитаристики, определены виды и функции социокультурных и межличностных коммуникаций в Новосибирском научном центре в 1960–1990-х годах. Впервые выявлены особенности формирования и функционирования коммуникативного пространства научного сообщества в новосибирском

Академгородке в позднесоветский период, показано его значение в исторической трансляции социокультурных ценностей, сохранении традиций и генерировании инноваций в науке. Представлены результаты изучения реализации гуманитарных проектов программы «Сибирь» в 1978–1991 гг., сделан вывод о том, что практическая направленность исследований воплощалась в подготовке аналитических и докладных записок для инстанций различного уровня.

Научный организм не может существовать и развиваться без субъектов. Следующий раздел журнала «История науки. Персоналии» посвящен исследованию жизненного пути, научных трудов и деятельности индивидуальных акторов научного познания – ученых и исследователей. В этом блоке издания читателям предложены статьи, открывающие новые страницы биографий, впервые или более детально вводящие в оборот материалы из научного наследия и эго-документы, которые проанализированы с различных теоретико-методологических позиций, выдающихся ученых и организаторов российской науки второй половины XIX – XX в.: юриста-криминолога М.Н. Гернета, якутоведа и историка Якутии И.П. Сойкконена, монголоведа и фольклориста А.Д. Руднева, самобытного интеллектуала и деятеля сибирского регионального планирования Н.С. Васильева, физиолога и нефролога Л.К. Великановой. Многие из названных ученых являлись представителями, а некоторые, как, например, Л.К. Великанова, создателями научных школ.

Изучению схолярных и сциентарных коллективов, а также становлению новых научных направлений в российской науке XIX–XXI вв. посвящены труды, представленные в разделе «Институциональная и дисциплинарная история науки». В этой содержательной части выпуска журнала отдельную рубрику составили работы по истории медицины, ее направлений и областей. Исследован процесс обособления психиатрии в отдельное медицинское направление и самоопределение психиатров как узкопрофессиональных врачей в России второй половины XIX в., показано влияние трансфера западноевропейских идей и практик. Рассмотрена институционализация городской медицины в губернских центрах Восточной Сибири как следствие утверждения Александром II Городового положения 16 июня 1870 г., выявлены региональные факторы этого процесса. Результаты анализа нормативно-правовых актов, сборников научных трудов и специализированной периодики позволили репрезентировать организацию на территории Крыма в 1920–1940-х годах санитарно-курортологической «лаборатории под открытым небом», обозначившей начальный этап советской и российской курортологии.

Документы из Государственного архива Новосибирской области послужили для коллектива исследователей информативной источниковой базой для того, чтобы выявить и проанализировать роль инженерно-технических и преподавательских кадров сибирских вузов в разработке национального плана электрификации, проследить социально-институциональную эволюцию научных сообществ и траектории их развития от полевых экспедиций ученых и студентов до участия в разработке плана ГОЭЛРО. В следующей статье данного раздела исследовательская оптика перемещена на реконструкцию и репрезентацию по материалам региональной ретропериодики истории Енисейского учительского института 1940-х годов, для которой, как установили авторы, характерны общие тенденции развития региональных педагогических вузов в этот период. Завершают раздел статьи, посвященные актуальным проблемам институциональной и дисциплинарной науки Дальнего Востока России 1980–1990-х годов, среди которых выделяются: нереализованность проектов по созданию новых институтов Дальневосточного отделения АН СССР (ДВО РАН), обусловленная разрывом между стратегическими замыслами и их ресурсным обеспечением; кризис в дальневосточной академической науке и отток ученых из институтов ДВО РАН; сложные отношения дальневосточных ученых с органами исполнительной власти. Исследователями также отмечены позитивные начинания и тенденции в развитии науки на Дальнем Востоке,

которые оформились в конце прошлого столетия и требуют совместных усилий государства и научного сообщества, бюджетного финансирования для продолжения и усовершенствования в настоящем.

В контент раздела «Наука, образование и техника в исторической динамике» вошли три историографических кейса, которые посвящены: во-первых, особенностям, направлениям и аспектам истории изучения Тувы русскими учеными, политическими и военными деятелями середины XIX в. – 1914 г., завершившейся становлением гуманитарного тувиноведения; во-вторых, выявлению инерции, статичности и динамики мнений в научных трудах экономистов, юристов и историков 1930–1980-х годов, характеризующих эффективность или неэффективность трудовых стимулов и санкций в отечественной индустрии 1928–1941 гг.; в-третьих, комплексному историографическому анализу отечественных научных трудов о советско-монгольском экономическом сотрудничестве 1970–1980-х годов. Дополняют раздел статьи, в которых впервые вводятся в оборот, публикуются, комментируются и анализируются документы из Государственных архивов Новосибирской области и Российской Федерации, и на этой основе выявляются инновации в юриспруденции и медицине, прослеживается становление парадигмы советского юридического образования и изменения в системе подготовки врачей в 1920–1930-х годах. Предметом другого исследования стали провенансы (владельческие знаки) – маргиналии, нотабене и авторизованные надписи, сделанные директором Архива АН СССР Г.А. Князевым в 1960-х годах на принадлежавшем ему сборнике статей «Петр Великий» (1947 г.). Анализ рукописных пометок в корреляции с источниковой базой, представляющей контекст эпохи, позволил автору реконструировать элементы системы взаимоотношений между Г.А. Князевым и выдающимся историком и ответственным редактором «Петра Великого» А.И. Андреевым, аргументированно объяснить причины появления и интерпретировать значение знаков и подписей, проследить судьбу и показать историко-научную ценность названного сборника и его конкретного экземпляра. Подготовка и проведение выставки «Наука в СССР», экспонировавшейся в Японии в 1965–1966 гг., репрезентированы по документам фонда Научного совета по выставкам работ Академии наук СССР и академий наук союзных республик Архива РАН. Концептуальная новизна работы состоит в том, что история проведения мероприятия рассмотрена в контексте советской научной дипломатии, приведена аргументация того, что научные выставки являются малоизученной формой продвижения образа советской науки как инструмента мягкой силы. Введение в оборот и комментированная публикация эпистолярных источников 1968–1973 гг. из фондов Центра хранения рукописей, старопечатных и редких книг Института истории СО РАН раскрывают неизвестные аспекты, нюансы и механизмы полевой и эдиционной работы участников первых сибирских археографических экспедиций, проводившихся под руководством Н.Н. Покровского и ознаменовавших, по словам Д.С. Лихачева, «археографическое открытие Сибири».

*Выпускающий редактор
кандидат исторических наук
Илья Александрович Шипилов*

*Выпускающий редактор
Ответственный секретарь
Корректор
Верстальщик
Интернет-верстальщик*

**канд. ист. наук И.А. Шипилов
В.В. Введенский
Т.В. Соболева
В.В. Введенский
К.А. Васильев**

2026 · No. 3 (47)

The Theme of the Issue:

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE HISTORY OF SCIENCE:
PRO ET CONTRA

FROM THE EDITOR

Science as a sociocultural phenomenon is a complex system in which man and his activities, society, the state, and culture are united by means of organization and self-organization. Science is inextricably linked with the life of society, the state, and civilization, and the history of science and the history of mankind are interactive. Individual manifestations of scientisation have taken place in history since ancient times, the formation of scientific directions, the development of methods, terminology have been going on since Antiquity. The formation and development of science in its modern understanding takes place in Modern times (16th – early 20th century), when it acquires the importance of one of the main elements of culture and criteria for the differentiation of the era. It is logical that the issue of the Historical Courier magazine with the theme “Traditions and innovations in the history of science: Pro et Contra” chronologically opens articles that actualize and solve the problems of the history and historiography of Modern science in Russia of the 18th century, in the classical and non-classical models (paradigms) of which the basic principles and methods of scientific knowledge were formulated, which were innovative for their era, but later became traditions of epistemology and retain their significance, adjusted for time, for researchers of the 21st century.

The issue of the journal consists of four sections in dialectical unity, formed according to the problem-chronological principle.

The first section “Historical Chronotope of Science” represents the spatial and temporal movement of a scientific organism, its historical dynamics and socio-cultural effects. Two articles in the section are devoted to the introduction of previously unknown materials from the legacy of Russian scientific expeditions to Siberia of the 18th – first half of the 19th century and new theoretical and methodological approaches to the study of their results. The first approbation of the rhythmic paradigm in a concrete historical study of materials from Russian academic and government expeditions made it possible to identify the components and explore the spatiotemporal rhythmic of the multilinear historical movement of Peter the Great’s scientific expeditions project, to obtain arguments for resolving historiographical discussions, and to represent the micro-, meso-, macro-, mega-, and meta-levels of the expeditionary implementation of the Petrovsky project. Unknown materials of D.G. Messerschmidt and his Siberian journey (1719–1727), found by researchers in the collections of the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, their comprehensive analysis and comparison with information published in 1730 by F.I. Strahlenberg in his monograph in Stockholm, provided evidence to establish the significant contribution of both travelers to the history of the study of the Kalmyk language, to assert the independence of their ethnolinguistic records. The intellectual history and the history of methodology have been incremented in articles devoted to the reconstruction of the theoretical and methodological content of the author’s research models by Vyach. Ivanov and Isaiah Berlin, demonstrating their originality and promising application in historical, philosophical, literary, scientific and scientific works of complex content. The historical dynamics of humanities is traced, the types and functions of socio-cultural and interpersonal communications at the Novosibirsk Scientific Center in the 1960s and 1990s are determined. For the first time, the peculiarities of the formation and functioning of the communicative space of the scientific community in Novosibirsk Akademgorodok in the late Soviet period are revealed, its importance in the historical transmission of socio-

cultural values, the preservation of traditions and the generation of innovations in science is shown. The results of studying the implementation of humanitarian projects of the Siberia program in 1978–1991 are presented, and it is concluded that the practical focus of research was embodied in the preparation of analytical and briefing notes for various levels of government.

A scientific organism cannot exist and develop without subjects. The next section of the journal is “History of Science. Personalities” is dedicated to the study of the life path, scientific works and activities of individual actors of scientific knowledge – scientists and researchers. In this block of the publication, the authors offer readers articles that open new pages of biographies, introduce for the first time or in more detail materials from scientific heritage and ego documents, that are analyzed from various theoretical and methodological positions, prominent scientists and organizers of Russian science in the second half of the 19th–20th century: criminologist lawyer M.N. Gernet, Yakutologist and historian of Yakutia I.P. Soikkonen, Mongolian scholar and folklorist A.D. Rudnev, an original intellectual and figure in Siberian regional planning N.S. Vasiliev, physiologist and nephrologist L.K. Velikanova. Many of these scientists were representatives, and some, such as L.K. Velikanova, were the founders of scientific schools.

The works presented in the section “Institutional and Disciplinary History of Science” are devoted to the study of scholarly and scientific collectives, as well as the formation of new scientific trends in Russian science of the 19th–21st centuries. In this substantive part of the issue of the journal, a separate section consists of works on the history of medicine, its areas and fields. The process of separating psychiatry into a separate medical field and the self-determination of psychiatrists as highly professional doctors in Russia in the second half of the 19th century is studied, and the influence of the transfer of Western European ideas and practices is shown. The institutionalization of urban medicine in the provincial centers of Eastern Siberia is considered as a consequence of Alexander II’s approval of the City Regulations on June 16th 1870, and regional factors of this process are identified. The results of the analysis of normative legal acts, collections of scientific papers and specialized periodicals made it possible to represent the organization of an open-air sanitary and balneological laboratory in Crimea in the 1920s and 1940s, which marked the initial stage of Soviet and Russian balneology.

Documents from the State Archive of the Novosibirsk Region served as an informative source base for the research team in order to identify and analyze the role of engineering, technical and teaching staff of Siberian universities in the development of the national electrification plan, to trace the socio-institutional evolution of scientific communities and their development trajectories: from field expeditions of scientists and students to participation in the development GOELRO (State Electric Power Construction). In the next article in this section, research optics is shifted to reconstruction and representation based on the materials of the regional retroperiodics of the history of the Yenisei Teachers’ Institute of the 1940s, which, as the authors have established, is characterized by general trends in the development of regional pedagogical universities during this period. The section concludes with articles devoted to topical issues of institutional and disciplinary science in the Russian Far East in the 1980s and 1990s, among which the following stand out: unrealized projects to create new institutes of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences (Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences), due to the gap between strategic plans and their resource provision; crisis in Far Eastern academic science and the outflow of scientists from institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; complex relations of Far Eastern scientists with executive authorities. The researchers also noted positive initiatives and trends in the development of science in the Far East, which took shape at the end of the last century and require joint efforts by the state and the scientific community, budget funding to continue and improve in the present.

The content of the section “Science, education and technology in historical dynamics” includes three historiographical cases, which are devoted to: firstly, the features, directions and aspects of the history of Tuva studies by Russian scientists, political and military figures of the mid-19th century – 1914, which culminated in the formation of humanitarian Tuvan studies; secondly, the identification of inertia, statics and the dynamics of opinions in the scientific works of economists, lawyers and historians of the 1930s and 1980s, characterizing the effectiveness or inefficiency of labor incentives and sanctions in the domestic industry of 1928–1941; thirdly, a comprehensive historiographical analysis of Russian scientific works on Soviet-Mongolian economic cooperation in the 1970s and 1980s. The section is complemented by articles in which documents from the State Archives of the Novosibirsk Region and the Russian Federation are first introduced, published, commented on and analyzed, and on this basis, innovations in jurisprudence and medicine are identified, the formation of the paradigm of Soviet legal education and changes in the system of training doctors in the 1920s and 1930s are traced. The subject of another study was the provenance (ownership marks) – marginalia, notabene and authorized inscriptions made by the director of the Archive of the USSR Academy of Sciences G.A. Knyazev in the 1960s on his collection of articles “Peter the Great” (1947). The analysis of handwritten notes in correlation with the source base representing the context of the epoch allowed the author to reconstruct the elements of the system of relations between G.A. Knyazev and the outstanding historian and responsible editor of Peter the Great A.I. Andreev, to explain in a reasoned manner the reasons for the appearance and interpret the meaning of signs and signatures, to trace the fate and show the historical and scientific value of the named collection and its a specific instance. The preparation and holding of the exhibition “Science in the USSR”, which was exhibited in Japan in 1965–1966, are represented by the documents of the foundation of the Scientific Council for Exhibitions of Works of the USSR Academy of Sciences and the Academies of Sciences of the Union Republics of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The conceptual novelty of the work lies in the fact that the history of the event is considered in the context of Soviet scientific diplomacy, and the argument is given that scientific exhibitions are a little-studied form of promoting the image of Soviet science as an instrument of soft power. The introduction into circulation and the commented publication of epistolary sources 1968–1973 from the collections of the Center for the Preservation of Manuscripts, Old Printed and Rare Books of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences reveal unknown aspects, nuances and mechanisms of field and traditional work of participants in the first Siberian archeographical expeditions conducted under the leadership of N.N. Pokrovsky and marked, according to D.S. Likhachev, “Ehe archaeological the discovery of Siberia”.

Executive editor
Candidate of Historical Sciences
Ilya Alexandrovich Shipilov

Executive editor
Executive secretary
Corrector
Layout designer
Web designer

Candidate of Historical Sciences I.A. Shipilov
V.V. Vvedenskiy
T.V. Soboleva
V.V. Vvedenskiy
K.A. Vasil'ev

И.А. Шипилов*

**ПРОЕКТ НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ В СИБИРЬ ПЕТРА I
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА:
РИТМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИССЛЕДОВАНИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2026-3-1
УДК 94(571):910.4+165*Выходные данные для цитирования:**Шипилов И.А. Проект научных экспедиций в Сибирь Петра I в XVIII – первой половине XIX века: ритмическая парадигма исследования // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 13–29. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-01.pdf>*

I.A. Shipilov*

**PETER THE GREAT'S SCIENTIFIC EXPEDITIONS
TO SIBERIA PROJECT IN THE 18TH –
FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY:
A RHYTHMIC RESEARCH PARADIGM****

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-1

*How to cite:**Shipilov I.A. Peter the Great's Scientific Expeditions to Siberia Project in the 18th – First Half of the 19th Century: A Rhythmic Research Paradigm // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 13–29.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-01.pdf>]*

Abstract. The article examines and supplements the phenomenology of the rhythmic paradigm, a methodological component of the neoclassical model of scientific research, and is the first to test it in a concrete historical study of Peter the Great's era and the legacy of academic and government expeditions to Siberia in the 18th and first half of the 19th centuries. The cognitive capabilities of the pattern made it possible to identify the components and explore the spatiotemporal rhythm of the multilinear historical movement of the Peter I scientific expeditions project. Scientific mapping and study of the history, geography, nature and population of the Arctic, inland regions of Siberia and the Far East, the Bering Strait, the North Pacific region and the American Northwest are the main components of the project. Rhythm analysis of Peter the Great's documents, expeditionary practices and materials showed the long-term temporality of the project, its large-scale spatial, socio-cultural and political effects. On these grounds, arguments have been obtained to resolve historiographical disputes about the true goals and directions of the project. From the selected theoretical and methodological positions, micro-, meso-, macro- and mega-levels of the expeditionary implementation of the Petrovsky project in the period under study were identified and represented. The voyages of the surveyors of the first third of the 18th century and the First Kamchatka expedition mark the microlevel, D.G. Messerschmidt's expedition (1719–1727) – the meso-level, the macro-surveys were carried out by the Second Kamchatka expedition, travels of the 1760s–1790s. led by P.S. Pallas, J. Billings and G.A. Sarychev, and the mega-level was reached by round-the-world expeditions of the first half of the 19th century. It is concluded that the Arctic, Siberian, Far Eastern, and Asia-Pacific areas of Peter the Great's project remain relevant in the 21st century. It is argued that the study marks the formation of a meta-level of study of the Petrovsky project of academic and government expeditions to Siberia.

Keywords: Peter the Great's scientific expedition to Siberia project, rhythmic paradigm, neoclassical model, pattern, rhythm, level, space, time, event, historical movement.

* **Илья Александрович Шипилов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: shipilof@yandex.ru

Ilya Alexandrovich Shipilov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: shipilof@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

The article has been received by the editor on 09.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассмотрена и дополнена феноменология ритмической парадигмы – методологической составляющей неоклассической модели научного исследования – и впервые осуществлена ее апробация в конкретно-историческом исследовании Петровской эпохи и наследия академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII – первой половины XIX в. Когнитивные возможности паттерна позволили выявить компоненты и исследовать пространственно-временную ритмику мультилинейного исторического движения проекта научных экспедиций Петра I. Научное картографирование и изучение истории, географии, природы и населения Арктики, внутриматериковых районов Сибири и Дальнего Востока, Берингова пролива, Северо-Тихоокеанского региона и Американского Северо-Запада – основные составляющие проекта. Ритм-анализ документов Петра I, экспедиционных практик и материалов показал длительную темпоральность проекта, его масштабный пространственный, социокультурный и политический эффект. На этих основаниях получены аргументы для разрешения историографических споров об истинных целях и направлениях проекта. С избранных теоретико-методологических позиций выявлены и репрезентированы микро-, мезо-, макро- и мегауровни экспедиционной реализации Петровского проекта в исследуемый период. Путешествия геодезистов первой трети XVIII в. и Первая Камчатская экспедиция маркируют микроуровень, экспедиция Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) – мезоуровень, макроисследования осуществлены Второй Камчатской экспедицией, путешествиями 1760–1790-х годов во главе с П.С. Палласом, Дж. Биллингсом и Г.А. Сарычевым, а мегауровень достигнут кругосветными экспедициями первой половины XIX в. Сделан вывод, что арктическое, сибирское, дальневосточное и азиатско-тихоокеанское направления проекта Петра I сохраняют актуальность и в XXI в. Утверждается, что исследование маркирует становление метауровня изучения Петровского проекта академических и правительственных экспедиций в Сибирь.

Ключевые слова: проект научных экспедиций Петра I в Сибирь, ритмическая парадигма, неоклассическая модель, паттерн, ритм, уровень, пространство, время, событие, историческое движение.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026 г.

Наука как социальный организм, механизм, компонент культуры и этос находится в прямой связи с жизнью общества, государства, цивилизации, вселенной. Наилучшим образом данная интеракция может быть репрезентирована средствами дихотомии «вызов ↔ ответ», в которой исходящий месседж для адекватного отклика направляют обе стороны диалога. В «ответе» (при определенных условиях является «вызовом») науки – теоретическом, эмпирическом, технико-технологическом состоянии, оснащении, уровне, выраженном в обобщенном виде в исследовательских (познавательных, интерпретационных, объясняющих) моделях/парадигмах, закодированы этапы ее исторического движения. Изучение науки на определенном историческом этапе не может быть эффективно в отрыве от истории социума, государства, культуры. Аутентичность исторического (социокультурного) и познавательного контекстов – залог получения адекватных и актуальных научных результатов исторического, включая историко-научное исследование.

Во второй половине – конце XX в. научный мир в целом и прежде всего историческая наука получили серьезный «вызов», исходящий от постмодернизма. В это время в исторической науке образовалась когнитивная ситуация, в которой конкурировали два основных

эпистемологических направления. Наследники классической модели познания прошлого, восходящей корнями к Античности и оформлявшейся с XVII–XVIII столетий, продолжали отстаивать крайние формы историзма, объективизма, структурализма, линейного прогрессизма, примат каузальных факторов над казуальными, тотального над локальным и региональным, системного над индивидуальным, сциентизировали историю по образцу естественных наук, элиминируя специфику исторического познания и абсолютизируя позицию историка как нейтрального/отстраненного наблюдателя, отводя ему второстепенную роль по отношению к говорящим сами за себя фактам источников, на которых и должна строиться единая и единственно верная теория, свойственная методологическому монизму. Их оппонентами являлись сторонники неклассической парадигмы, формирующейся с XIX в., абсолютизовавшие субъективизм и релятивизм в познании, приоритет идеографического подхода, индивидуального и казуального факторов над глобальным и детерминированным, микроуровня над холизмом в познавательной практике. Методологическим сепаратизмом классиков и субъективистско-релятивистской когнитивной ориентацией их визави воспользовались постмодернисты. Постмодернизм не только вобрал в себя концепты модерна, как критика историзма, отрицание существования исторической реальности как таковой вне текста, культуры, социума, разрыв настоящего с прошлым и построение будущего как преодоление старины, но и включил в себя, часто вместе с носителями, субъективистские, релятивистские и идеографические идеи неклассики, развив и гипертрофировал их. Основная идея постмодернизма, согласно которой историческая реальность существует лишь в субъективных дискурсивных практиках историка, а его труды имеют характер литературных сочинений, поскольку когнитивный инструментарий и истинность выводов – предпочтение автора. Такая эпистемологическая свобода поставила под сомнение саму возможность получения объективно-истинного знания о прошлом, а соответственно, необходимость истории как науки¹.

Историки разных взглядов и направлений на рубеже XX–XXI вв., когда их наука оказалась на «краю пропасти» и в точке «системной бифуркации»², нашли компромисс и для коллективного ответа постмодерну стали формировать из хаоса новую методологическую систему, получившую наименование неоклассическая (постнеклассическая) модель исторического познания. Данная парадигма зародилась в условиях неоглобализма и формируется на базе методологии нового универсализма, характеризующегося преодолением методологических оппозиций и синтезированием: глобального и локального, универсального и уникального, гомогенного и гетерогенного, социоцентристского и антропоцентристского, социологистского и номиналистского. Неоклассику характеризуют принципы мультипарадигмальности, междисциплинарности, методологического плюрализма и интеграции позитивных познавательных практик классики, неклассики, постмодернизма, направлений истории и других гуманитарных и социальных наук³. В лоне неоклассической модели для получения новых научных знаний в результате реконструкций образов прошлого, находящихся в прямой связи с исторической действительностью, но опосредованных сознанием ученых, первостепенное значение имеют паттерны (симулякры, теории, оптики, призмы) конкретного исследования, которые не сводятся к монометодологии, как при классической парадигме.

¹ Harlan D. Intellectual History and the Return of Literature // American Historical Review. 1989. Vol. 94. P. 581; Joyce P., Kelly C. History and Post-Modernism // Past & Present. 1991. No. 133. P. 204–213; Лубский А.В. Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 75–91.

² Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8–21.

³ Подробнее см.: Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб., 2009. С. 249–295; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С. 256–345; Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 158–168; Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. С. 8–11; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 155–159.

«Ящик с инструментами»⁴ – методологию выбирает сам ученый, но делает это не в безграничной свободе, как при постмодернизме, но найдя коррелят между эпистемологическим и историческим контекстами, теоретической рефлексией и эмпирическими данными. Только в таком случае результаты работы историка могут претендовать на объективность, опосредованную паттерном и способностями ученого, а научный труд – на «третью книгу», т.е. реконструкцию образа исторической реальности из «третьих уст»: автор, источник, исследователь. Развитие науки в когнитивной ситуации рефлексивного методологического поворота состоит в успешных апробациях паттернов различных (микро-, мезо-, макро-, мета-) уровней, соответствующих объекту/предмету/контексту исследования, и реконструкциях исторических сведений. Результаты совокупности таких реконструкций, находящихся в единстве и борьбе противоположностей, могут претендовать на корреспондентную истину и объективность. Самой продуктивной в историческом исследовании методологии-неоклассики считают теорию «среднего уровня», объединяющую в одном процессе теорию и эмпирические данные и обобщения, объект изучения и рефлексии ученого.

На роль такой теории, гибкой к междисциплинарным «вызовам» исторической действительности, претендует ритмическая парадигма. Ритм выступает главной категорией модели, активирующей в процессе познания когнитивный инструментарий географии, биологии, математики, физики, социологии, антропологии, этнографии, психологии, архитектуры и других научных дисциплин и направлений⁵. Поскольку ритм – одно из организующих начал жизни на Земле, а человек, согласно меткому выражению М. Мосса, «есть ритмическое животное»⁶ в биологическом, социальном и культурном отношении, данный концепт особое значение имеет для гуманитарных и общественных наук. Философия и история обеспечивают ритмологический кроссдисциплинарный синтез и ритмализацию в синхронном, диахронном и транстемпоральном измерениях.

Генезис понятия «ритм» связан с античной философией – становление, происходившее начиная с разработок Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и других деятелей эпохи Просвещения, активизировалось в XX в. в трудах М. Мосса, М.М. Бахтина, Э. Бенвениста, Р. Барта, М. Фуко, А. Лефевра, Ж. Делёза, А. Мешоника, Ж. Бодрийяра, Э. Морена и др., а оформление системообразующего таксона ритмической парадигмы и ее постулирование связаны с именем и исследованиями первой четверти XXI в. французского философа и историка П. Мишона, являющегося одним из основателей, историографов и современным лидером мультидисциплинарного научного направления – ритмологии⁷. П. Мишон, не отрицая узкого понимания ритма как темпа, предлагает определение ритма в широком смысле как планетарную способность, манеру течения/движения⁸. Соглашаясь с основными теоретико-методологическими разработками французского ученого, отмечая перспективность предложенных им паттернов, считаем необходимым, руководствуясь неоклассической рациональностью, внести в них уточнения. Во-первых, пониманию «ритма» способствует не только и не столько «история повторяется...» Г.В.Ф. Гегеля, сколько «все течет, все изменяется» Гераклита; во-вторых, следует «примирить» методологические антагонизмы между категориями «ритм», «метр», «цикл», «повторение», «динамика», как и ритмология, детерминизм, структурализм, системный подход, субъективизм, которые в неоклассической универсальности амбивалентны.

⁴ Валлерстайн И. Социальное изменение...

⁵ Подробнее см.: Rhuthmos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rhuthmos.eu> (дата обращения: 05.06.2026).

⁶ Цит. по: Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «Ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 18.

⁷ Michon P. Elements of Rhythmology: I. Antiquity. Paris, 2018; Michon P. Elements of Rhythmology: II. From the Renaissance to the 19th century (Rhythmologies). Paris, 2018; Michon P. Elements of Rhythmology: III. The Spread of Metron – From the 1840s to the 1910s. Paris, 2019; Michon P. Elements of Rhythmology: IV. A Rhythmic Constellation. The 1970s. Paris, 2021; Michon P. Elements of Rhythmology: V. A Rhythmic Constellation. The 1980s. Paris, 2018.

⁸ Историографию проблемы см.: Michon P. Rhuthmologie: 2. Le groupement rhuthmique naturaliste. 1970–1980. Paris, 2025. P. 4–11, 120–122; Чеканцева З.А. Лики власти в свете теории ритма: взгляд из XXI века // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 33–40; Чеканцева З.А. Историческое событие и время...

Ритмическая парадигма предложила «новый режим историчности», пересмотрев традиционные (нормативные, линейные) представления об основных категориях исторической науки – событии и времени. В методологических построениях ученых ритмологов-неоклассиков произошла переориентация с герменевтики слова на герменевтику, точнее синергетику, события⁹. При этом особую актуальность имеет не описание времени и места события/факта в прошлом, но изучение события во времени и пространстве. События разного масштаба имеют мультилинейные «траектории» – темпоральности и эффекты в пространстве, т.е. задают разные ритмы исторического движения. Адекватная и полная интерпретация событий, превосходящих время, или процессов большой длительности не всегда подвластна его современникам или даже ближайшим потомкам, но доступна историкам.

Жизнеспособность и эффективность методологических моделей определяются в конкретно-исторических исследованиях. В данной статье впервые в историографии с методологических позиций ритмической парадигмы изучена история проекта/концепта научных экспедиций в Сибирь Петра I.

Личность и эпоха Петра I привлекали и продолжают становиться предметом изучения историков и ученых других специализаций, имея перманентную актуальность. Вневременное и непреходящее значение многих его начинаний и преобразований уже показано в научной и художественной литературе, воспето поэтами и запечатлено мастерами кисти. К примеру, период «петровской модернизации» – реформирования страны по замыслам первого российского императора, согласно ученым, продолжался в течение всего XVIII столетия¹⁰. Петром I не просто были определены направления развития управляемой им империи, но и заданы ритмы дальнейшей истории России. В числе таких начинаний императора научные (академические и правительственные) экспедиции в Сибирь для перманентного научного освоения региона.

Петровский проект научных экспедиций от идеи до воплощения в пространственно-временной ритмике исторического движения России прошел микро-, мезо-, макро- и мега-уровни, между которыми имелись этапы перехода. Конкретизируем данное утверждение.

Сама идея и проект экспедиционных исследований Сибири разрабатывались Петром I с учетом достижений предшествующей истории изучения Сибири, но при этом открывал ее новую страницу, так как был нацелен на решение актуальных проблем и вопросов в освоении региона посредством инновационной для российской действительности исследовательской формы – научных экспедиций. В предшествующий период освоение Сибири вели русские землепроходцы (купцы, промышленники, служилые люди). Их описания и географические чертежи не отвечали критериям научности, содержали противоречивые, мифические и ошибочные сведения о регионе. Эти погрешности экстраполировались в труды европейских ученых, для которых материалы землепроходцев являлись основными источниками информации об Азиатской России. Такие источниковая база и историография нуждались в системной верификации и не могли удовлетворить Петра I, который приобрел собственный опыт путешествий в Европу 1697–1698 гг. и 1716–1717 гг. и руководствовался им при разработке инновационного концепта научных экспедиций.

Из «Старого Света» русским царем были импортированы не только новые идеи, технологии и образцы, но и квалифицированные исполнители – ученые-натуралисты, астрономы, географы, историки и энциклопедисты-универсалы, которых в условиях становления науки в России не было. При непосредственном участии Петра I и по его поручениям в Россию были приглашены европейские ученые и мореплаватели – будущие исследователи восточного макрорегиона: руководитель Первой и Второй Камчатских экспедиций (ВКЭ) В.И. Беринг, участник обоих Камчатских путешествий, руководитель Южного (Курильского) отряда ВКЭ М.П. Шпанберг, доктор медицины, натуралист и ученый-универсал Д.Г. Мессершмидт, астрономы и географы Ж.-Н. Делиль и Л. Делиль де ла Кройер и многие другие. Впоследствии представители Дома Романовых и высшие чиновники Российской империи,

⁹ Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. Anthropologie & Sciences Humaines. 2002. No. 38. P. 69–78.

¹⁰ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 3–102.

следуя заданному Петром I тренду и для реализации его проекта, приглашали европейских ученых и мореплавателей на русскую службу. Абсолютное большинство из них не только безупречно выполнили свои контрактные обязательства перед Академией наук и Адмиралтейством, но и обрели новую родину.

При разработке проекта научных экспедиций в Сибирь «консультантами» Петра I являлись российские государственные деятели, имевшие европейское происхождение и/или образование (Я.В. Брюс, Ф.Я. Лефорт, А.А. Матвеев, Ф.М. Апраксин, П.И. Сиверс, Р.К. Арескин, Л.Л. и И.Д. Блюментросты и др.), и известные европейские ученые и исследователи (И. Ньютон, Н.К. Витсен, Г. Делиль, Г.В. Лейбниц, Х. Вольф и др.). Следует особо выделить российского кораблестроителя, дипломата и агента Петра I в Великобритании и Нидерландах Ф.С. Салтыкова и одного из крупнейших ученых своей эпохи и всех времен Г.В. Лейбница. Салтыков в 1713–1714 гг. в своих «Пропозициях» (предложениях) и записке «Изъявления прибыточныя государству» изложил Петру I аргументы, доказывающие, что поиск, изучение и освоение морского пути от Архангельска (из устья Северной Двины) на восток по Северному Ледовитому океану и из него в Тихий, затем до Амура, в Японию и Китай, принесут «прибыль и богатство государству великое» в финансах, природных ресурсах, территориальных приобретениях¹¹. Лейбниц неоднократно, начиная с 1697 г. и до своей смерти в 1716 г., в устных беседах при встречах и записках Петру I и его сановникам предлагал программу развития науки и образования в России. Одним из главных ее компонентов были экспедиции в Сибирь для решения актуального для изучаемого периода вопроса «сошлась ли Азия с Америкой?» и осуществления географических, этнографических, лингвистических, естественнонаучных и смежных исследований макрорегиона, которые, по мнению ученого, принесли бы «огромную пользу» Российскому государству, науке и «всему человечеству»¹². Предложения Лейбница и Салтыкова, апеллировавшие к «государственной пользе» – одной из главных идеологем русского императора, вошли как компоненты в проект экспедиционных исследований Сибири Петра I.

Основной формой практической реализации проекта станет научное освоение Сибирского макрорегиона – перманентное экспедиционное изучение учеными, морскими офицерами-картографами и гидрографами географии, природы и населения региона, его политического, экономического и социокультурного освоения, коррелирующее с уровнем развития науки и модернизацией государства. Основанием в Санкт-Петербурге в 1724 г. Академии наук, в структуре которой ученые стали де-юре отдельной социальной стратой в России, пополняемой сначала из Европы, а затем выпускниками Академических университета и гимназии, Петром I были запущены синергетические механизмы становления науки в России и заданы ритмы ее исторической динамики. Одним из таких ритмов становятся практики академических и правительственных экспедиций, релевантные уровню развития науки на конкретном этапе.

Отсутствие карт Сибири, адекватных представлений о пространстве региона, неопределенность географических и государственных границ территории обусловили тот факт, что сначала в terra incognita по собственноручным инструкциям Петра I были отправлены геодезисты-картографы – выпускники основанных царем Московской навигационной школы и/или Морской академии в Санкт-Петербурге¹³. В этих учреждениях все геодезисты, названные исследователями «петровскими», прошли научную школу профессора Г. Фарварсона, приглашенного Петром I из Абердина во время Великого посольства¹⁴.

¹¹ Пропозиции Федора Салтыкова. СПб., 1891; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. М., 1984. С. 22–24.

¹² Куприянов В.А., Смагина Г.И. «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Г.В. Лейбница о развитии науки в России // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 3. С. 7–45.

¹³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 21. Оп. 2. Д. 27. Л. 79–80 об.; Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 5, № 3284. С. 616–617; № 3292. С. 622–623; Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734. Akademiegruppe. Halle, 2006. S. 202–203.

¹⁴ The History of Cartography. Cartography in the European Enlightenment. Chicago; London, 2019. Vol. 4. P. 1281–1282.

Научная работа «петровских» геодезистов в Сибири в первой трети XVIII в. маркирует микроуровень пространственно-временной ритмики Петровского проекта. Картографирование, геодезическую съемку и географические описания областей Урало-Сибирского региона (Западное и Восточное Приуралье), Западной и Средней Сибири выполнили работавшие там с середины 1710-х годов геодезические отряды во главе с Ф.А. Молчановым, П. Чичаговым, И. Захаровым¹⁵. Схожий комплекс исследований в Восточной Сибири с начала 1720-х годов выполняли геодезисты А.И. Кушелев, М. Зиновьев, И. Валуев, к которым в 1724 г. присоединился отряд во главе с П.Н. Скобелевым и в составе В. Шетилова, И. Свистунова и Д. Баскакова¹⁶. Стоит отметить акцент в геодезических исследованиях, сделанный в соответствии с проектом Петра I, на определении, съемке и картографировании природных и создаваемых в то время государственных границ и приграничных территорий. Геодезисты П. Чичагов и И. Захаров картографировали возводившуюся в то время на юге Западной Сибири Иртышскую укрепленную линию¹⁷. В 1720-х годах П. Чичагов самостоятельно и при содействии русского купца и самодеятельного картографа П.В. Меллера провел первые научные исследования и съемки естественных рубежей – отрогов Уральского хребта, участков Обь-Иртышской и Ангара-Енисейской речных систем, побережья Северного Ледовитого океана и акватории Северного морского пути от Обской губы к Енисейскому заливу и до устья р. Пясины¹⁸. В этих исследованиях начата практическая реализация арктического направления проекта Петра I, исходящего из предложений Ф.С. Салтыкова. А.И. Кушелевым, П.Н. Скобелевым и их помощниками было выполнено научное картографирование границы между Российской и Китайской империями, обозначенной по Буринскому соглашению и Кяхтинскому договору 1727 г. Стоит отметить, что отряд П.Н. Скобелева наряду с картами Иркутского, Илимского, Селенгинского, Якутского, Нерчинского уездов Иркутской провинции также подготовил краткие и информативные этнографические справки о местных жителях названных территорий (эвенках, бурятах, якутах)¹⁹. Картографические, астрономо-геодезические и этнографические исследования «Скобелевцы с товарищи» продолжили выполнять в составе Второй Камчатской экспедиции (ВКЭ).

Решение одного из самых актуальных для мировой географии исследуемого периода вопроса – «сошлася [ли] Америка с Азией» – стало одной из задач, поставленных Петром I перед правительственной экспедицией геодезистов И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лукина. Согласно собственноручной инструкции русского царя от 2 января 1719 г. геодезисты отправлялись «до Тобольска и от Тобольска, взяв провожатых», на Камчатку, откуда для разрешения названной выше проблемы – «не только [на] зюйд и норд, но и ост и вест, и все на карте исправно поставить»²⁰. Поскольку геодезистам в ходе экспедиции 1719–1722 гг. не удалось провести исследования по главному вопросу инструкции, в научной литературе развернулась полемика и остается дискуссионной проблема истинных целей путешествия Евреинова и Лукина. Большинство исследователей полагают, что имела дополнительная –

¹⁵ Князецкая Е.А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия ВГО. 1966. № 4. С. 333–340.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. ВУА. Д. 25576; 25592; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Китаем. 1729 г. Д. 4. Л. 7 об.–8; Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М., 2015. С. 92–93.

¹⁷ Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул, 2015. С. 301–316.

¹⁸ Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... С. 32; Андреев А.И. Очерки по историко-географии Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л., 1965. С. 22–35; Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Известия ВГО. 1974. Т. 106, вып. 2. С. 134–140; Коновалова Е.Н., Трофимова О.В. Изобразительный материал на рукописных картах Западной Сибири (XVII–XIX вв.) // Геодезия и картография. 2015. № 9. С. 53–61.

¹⁹ Шпилов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск, 2023. С. 186–188; Постигание России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. СПб., 2023. С. 117–119, 156–161.

²⁰ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 5. № 3266. С. 607; Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана... С. 31.

секретная инструкция, которой геодезистам предписывалось обследование Курильских островов²¹. Секретная инструкция до сих пор не обнаружена, поэтому нет решающего доказательства, подтверждающего или опровергающего мнение ученых. Однако в нашем распоряжении есть пространственно-временная ритмика развития событий. Перспективный ритм-анализ и исторический опыт показывают, что в инструкции Евреинову и Лужину Петром I обозначены истинные замыслы путешествия, ставшие основными направлениями проекта по обследованию, описанию и картографированию Северо-Востока Евразии и Северо-Запада С. Америки в их соотношении, которые вследствие их масштабности будут реализовывать несколько экспедиционных кампаний. Ландкарта Сибири, Камчатки и Курильских о-вов, путевые дневники, журналы астрономо-геодезических наблюдений и рапорты И.М. Евреинова и Ф.Ф. Лужина свидетельствуют о том, что геодезистам удалось в ходе экспедиции выполнить исследования в двух из четырех указанных в инструкции направлений – западном, заключавшемся в научном картографировании территории от восточного побережья Камчатки до Олёкминского района Якутии, Ленского бассейна и до Тобольска, и южном – нанесении на карту и описании островов Курильского архипелага²². Однако главный вопрос из-за плохих погодных условий, недостатка провианта, поломки оборудования, опасности от «немирных» коряков и чукчей и иных причин остался без ответа. Крайний северо-восток Сибири на карте И.М. Евреинова выходит за географическую рамку, повторяя изображения ряда русских географических чертежей XVII – начала XVIII в. и карты Н.К. Витсена 1687 г., которые, скорее всего, и послужили источниками для геодезиста. Острова в северной части Тихого океана и Североамериканское побережье отсутствуют. Тем не менее карта Евреинова получила одобрение Петра I, так как декларировала право Российской империи на Курильские острова, которое будет закреплено де-юре после научного картографирования архипелага отрядом М.П. Шпанберга в ходе ВКЭ.

Вопрос о взаимоотношениях Азии с Америкой был разрешен в ходе Первой Камчатской экспедиции (1725–1730) во главе с В.И. Берингом. Исполняя инструкцию Петра I, экспедицией была эмпирически установлена, описана и картографирована мичманом П.А. Чаплиным возможность мореплавания из Северного Ледовитого океана в Тихий через Берингов пролив, разделяющий Евразию и С. Америку²³. То, что экспедиция успешно выполнила поставленные перед ней задачи, в чем есть разногласия у исследователей²⁴, доказывает тот факт, что ее участники получили внеочередное повышение в чине и денежные премии. Беринг был удостоен звания капитан-командора и награжден Адмиралтейств-коллегией 1 000 руб. В состав Первой Камчатской экспедиции входил геодезист Ф.Ф. Лужин, которому со второй попытки, но все-таки удалось осуществить главную цель его путешествия с И.М. Евреиновым. Однако над реализацией плана Петра I по научному освоению востока Сибири, Северо-Тихоокеанского региона и С. Америки, намеченного в наставлении Евреинову и Лужину и ретранслированного с дополнениями в инструкции В.И. Берингу от 6 января 1725 г., на макроуровне будут работать Вторая Камчатская (1733–1743) и Северо-Восточная географическая и астрономическая экспедиции (СВГИАЭ) (1785–1795).

Переход и начало воплощения проекта Петра I на мезоуровень пространственно-темпоральной ритмики следует связывать с экспедицией (1719–1727 гг.) под руководством доктора медицины и натуралиста Д.Г. Мессершмидта. По указу Петра I (рис. 1) и предписаниям президента Аптекарской (с 1721 г. – Медицинской) канцелярии И.Д. Блюментроста Мессершмидт отправлялся в Сибирь для проведения медико-ботанических исследований, поиска и сбора «всяких раритетов», «куриоситетов и лекарственных вещей»²⁵ для Кунст-

²¹ Обзор историографии см.: Петров А., Ермолаев А., Коскина М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // *Quaestio Rossica*. 2021. Т. 9, № 1. С. 273–276.

²² Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 216. Оп. 1. Д. 87. Л. 52; Ф. 233. Оп. 1. Д. 162. Л. 225; Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950. С. 7–99.

²³ Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha, 1996. S. 72–73.

²⁴ Подробнее см.: Сопочко А.А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М., 1983. С. 141–156.

²⁵ Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 201, 224–226.

камеры, т.е. с задачами микроуровня. В ходе экспедиции Д.Г. Мессершмидт, сделав эмпирические обобщения, разработал обширную научно-исследовательскую программу всеобъемлющего естественнонаучного (биологического, минералогического, геоморфологического), географического, включая картографическое, геодезическое и физическое (физико-географическое, магнетическое, метеорологическое), археологического и исторического, этнографического, филологического, медицинского изучения Сибири, ее местного и коренного населения и природы²⁶. Положения программы Мессершмидта были одобрены его непосредственным начальником И.Д. Блюментростом и получили высочайшую санкцию Петра I (рис. 2). Таким образом, Даниэль Готтлиб принял участие в развитии экспедиционного проекта российского императора, дополнив его новым научным содержанием. Благодаря гению Д.Г. Мессершмидта его микропутешествие эволюционировало в мезоэкспедицию, начавшую реализацию проекта Петра I в новой редакции, впервые в истории осуществившую комплексное изучение Сибири в течение 8 лет на пространстве от Восточного Приуралья до Нерчинско-Заводского района Забайкалья и от Барабинской степи, Алтае-Саянской горной системы и Хакаско-Минусинской котловины до Туруханска.

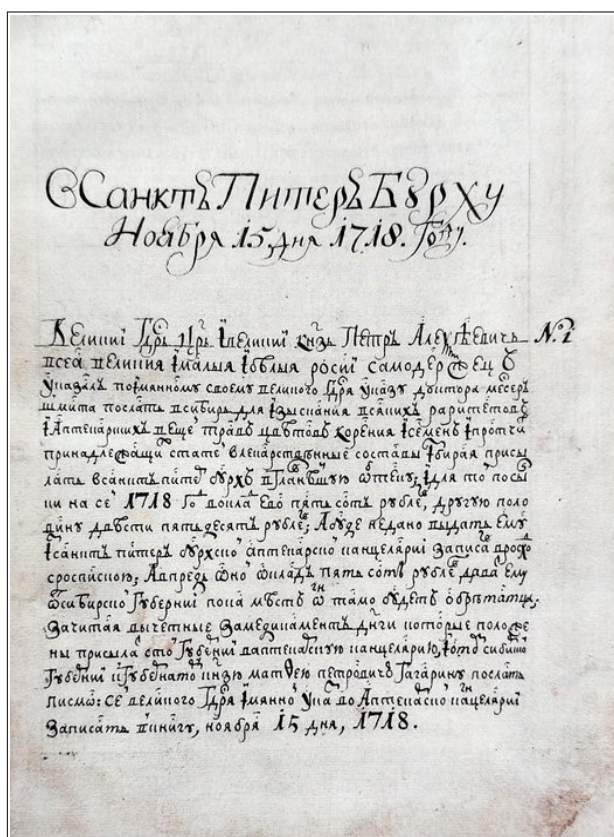

Рис. 1. Именной указ Петра I о посылке доктора Д.Г. Мессершмидта в Сибирь от 15 ноября 1718 г.
Источник: Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 202

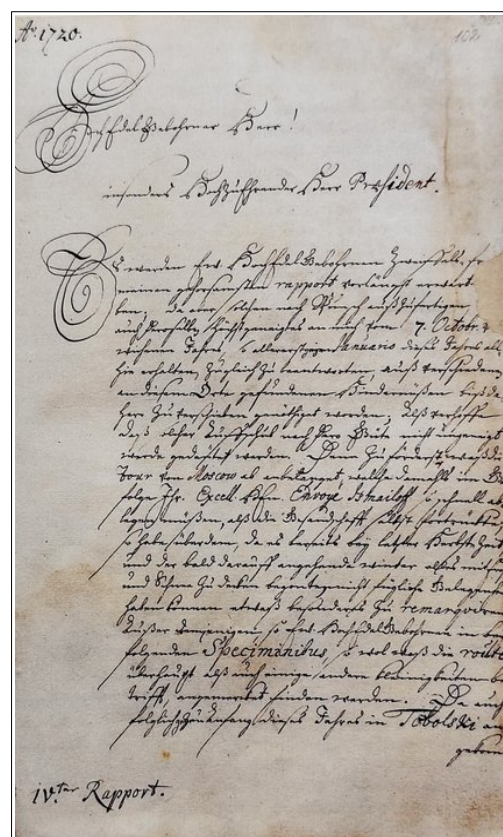

Рис. 2. Четвертый рапорт Д.Г. Мессершмидта И.Д. Блюментросту из Тобольска от 25 июня 1720 г., содержащий научно-исследовательскую программу изучения Сибири.
Источник: Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721. СПб., 2019. С. 253

Экспедиционная практика и научные труды Д.Г. Мессершмидта и его спутников, в особенности Ф.И. Страленберга, задали более масштабные, чем работы геодезистов, темпоральные, пространственные и эвристические ритмы, которые подхватят, увеличат и усилят участники российских экспедиционных кампаний 1730–1790-х годов. С инициативы Мессершмидта разработка научно-исследовательских программ путешествий, детализировавших и конкретизировавших проект Петра I, стала исключительной функцией ученых – действительных членов Российской академии наук. Цели и задачи Второй Камчатской экспедиции

²⁶ Lehfeldt W., Bondar L.D., Knüppel M. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler. Göttingen, 2023. S. 113–125.

(1733–1743), одной из крупнейших в мировой истории, были определены в инструкциях академиков: астронома и географа Ж.-Н. Делиля²⁷, физика и математика Д. Бернулли, химика и натуралиста И.Г. Гмелина, анатома и зоолога И.Г. Дювернуа, историка Г.Ф. Миллера, физика и математика Г.В. Крафта²⁸. Ж.-Н. Делиль, Г.Ф. Миллер вместе с крупнейшими учеными эпохи академиками М.В. Ломоносовым и Л. Эйлером приняли участие в разработке исследовательских планов астрономических путешествий 1740–1770-х годов. Физические экспедиции 1768–1774 гг. инициировал М.В. Ломоносов, их подготовкой занимался академик по классу натуральной истории С.Г. Гмелин, но лидерство в создании научно-исследовательских программ, координация и неофициальное руководство работой отрядов путешествий принадлежит выдающемуся естествоиспытателю, академику П.С. Палласу²⁹. Он же руководил организацией и подготовил инструкции для Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1795 гг.³⁰

Научно-исследовательские мероприятия 1730–1790-х годов³¹ выведут пространственную реализацию проекта Петра I на уровень Урало-Сибирско-Дальневосточного макрорегиона. Морские офицеры и геодезисты северных отрядов Второй Камчатской экспедиции впервые обследуют, выполняют топографические съемки, гидрографические измерения, географические и этнографические описания и, как результат, картографируют на астрономо-геодезической основе акваторию и побережье Северного Ледовитого океана от пролива Югорский шар до Колымского устья, районы Сибирской Арктики от Ямала до Якутии. Эти материалы существенно дополняют и уточняют работы предшественников, выведя на новый макроуровень арктическое направление Петровского проекта. Материковые области Сибири и Дальнего Востока нанесут на карты геодезисты П.Н. Скобельцын, В. Шетилов, Н. Чекин, М. Ушаков, А. Иванов и другие участники академического отряда экспедиции. Научное картографирование и включение в геополитическую орбиту Российской империи Северо-Тихоокеанского региона, т.е. реализацию направления «ост» из инструкции Евреинову – Лужину и проекта Петра I, начнут участники южных (тихоокеанских) морских отрядов ВКЭ во главе с В.И. Берингом и А.И. Чириковым. Научное картографирование, изучение и описание Курильских островов во исполнение южного вектора проекта осуществит экспедиционная команда во главе с М.П. Шпанбергом.

Рост качественных характеристик картографических материалов ВКЭ и созданных на их основе обеспечила апробация во время путешествия Л. Делилем де ла Кройером, а в большей степени А.Д. Красильниковым инновационных технологий Ж.-Н. Делиля по определению методами практической астрономии географических долгот пунктов. Такие определения обретут частоту благодаря экспедиционным исследованиям Ж.-Н. Делиля и студента Географического департамента АН Т. Кёнигсфельса 1740 г., работам С.Я. Румовского, Н.И. Попова и И.И. Исленьева в ходе астрономических путешествий 1760–1770-х годов, но системный ритм они обретут в практике СВГИАЭ³².

Географические, этнографические, исторические, биологические, метеорологические исследования Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Г.В. Стеллера, И.Э. Фишера, С.П. Крашенинникова, Я.И. Линденау, И.П. Яхонтова, А.П. Горланова и других участников академического отряда ВКЭ не только существенно обогатят и объективируют научную базу знаний о Сибири и ее жителях, но и на этой основе дадут старт становлению таких новых дисциплин в лоне российской науке, как этнография, метеорология, ботаника, геология и др.

²⁷ Здесь и далее курсивом обозначены фамилии ученых-путешественников.

²⁸ Dokumente zur 2. Kamſchatkaexpedition 1730–1733... S. 96–144, 314–321.

²⁹ Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 87–89, 108–111; Киссер Т.С. Об организации «физических» экспедиций 1768–1774 гг. // Кунсткамера. 2019. № 3 (5). С. 164–170.

³⁰ Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin – New York, 1992. S. 648–657.

³¹ Подробнее см.: Шпилов И.А. Академические экспедиции XVIII века... С. 95–315.

³² Подробнее см.: Шпилов И.А. Материалы научных экспедиций в Сибирь и на Дальний Восток в истории российской картографии XVIII – первой половины XIX в. // География и природные ресурсы. 2025. № 5. С. 41–49.

В ходе физической экспедиции 1768–1774 гг. академиком П.С. Палласом и его помощниками – представителями научной школы, студентами, впоследствии академиками В.Ф. Зуевым и Н.П. Соколовым, студентами С.М. Кашкаревым, И. Быковым, М. Лебедевым, таксидермистами Павлом и Акулиной Шумскими, художниками Н. Дмитриевым и Д.Р. Ничманном на основе физико-географического районирования были выявлены, исследованы, описаны и репрезентированы в визуальной и картографической форме лесные, степные, лесостепные, тундровые, лесотундровые и арктические геосистемы (природные зоны) Западной, Южной, Центральной и Восточной Сибири на следующей пространной территории: от Семипалатинска (Семей – Казахстан), Усть-Каменогорска, Омска и Барнаула на юге до Нижнего Приобья и Полярного Урала на севере, от Тюмени и Петропавловска (Петропавла – Казахстан) на западе через Томск и Красноярский край до республик Хакасия и Бурятия, Иркутской области и Нерчинско-Заводского района Забайкальского края на востоке. После экспедиции П.С. Палласом было осуществлено природно-климатическое зонирование всей обширной территории Российской империи путем аналитики и критической систематизации трудов и материалов И.П. Фалька, Х. Барданеса, И.Г. Георги, И.И. Лепехина, С.Г. Гмелина, И.А. Гюльденштедта, других участников академических экспедиций 1768–1774 гг. и работ предшественников³³. Экспедиционные и постэкспедиционные научные труды П.С. Палласа, В.Ф. Зуева, Н.П. Соколова, П. и А. Шумских усилили и развили эвристический ритм участников ВКЭ, результатом чего стала структурная дифференциация российской науки на специализированные дисциплины и направления, как этнология, ботаника, зоология, геология, таксидермия, палеонтология, физическая география, гидрометеорология, биогеография, экология и др.

Исследовательская практика и научные труды участников правительственной Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции под командованием Дж. Биллингса и Г.А. Сарычева 1785–1795 гг. завершают пространственно-временную макрореализацию проекта Петра I и маркируют ее переход на мегауровень. В трудах и материалах Дж. Биллингса, Г.А. Сарычева, М. Сауера, К.Г. Мерка, М.М. Робека, А.М. Батакова, Х.Т. Беринга, Р.Р. Галла, А.М. Гилева, Дж. Мейна, К. Кребса, С. Бронникова, Ф. Елистратова и других верно репрезентированы на картах и описаны географически крайний северо-восток Сибири, включая северные районы Якутии и Чукотки, арктические побережья Восточно-Сибирского и Чукотского морей, акватории Беринговых моря и пролива, острова Диамида, Курильский, Командорский и иные архипелаги в Северо-Тихоокеанском регионе, Аляска. В дневниках и материалах участников путешествия описаны этнография, филология, история аборигенного населения указанных местностей, приведены сообщения об их природных ресурсах, полезных ископаемых, флоре и фауне. Можно утверждать, что СВГИАЭ спустя 76 лет реализовала все направления проекта Петра I, отмеченные в инструкции Евреину и Лужину.

От СВГИАЭ «эстафета» на мегауровень была передана с помощью Г.А. Сарычева, который непосредственно участвовал в организации многочисленных российских полукругосветных и кругосветных экспедиций начала XIX в., определяющих названный уровень³⁴. Картографические материалы первого российского кругосветного плавания 1803–1806 гг. под командованием И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, составленные по результатам систематических астрономо-геодезических, физико-географических, гидрографических наблюдений, представляют более точное, чем у предшественников, изображение Камчатки, Курильских и Алеутских архипелагов, тихоокеанских акваторий, островов и Аляски. Научно выверенную репрезентацию гидрографии Беринговых моря и пролива, географии островов Диамида, западного и восточного направлений Северного морского пути, береговых линий и побережий Евразии и Северной Америки дают карты кругосветных экспедиций О.Е. Коцебу и Ф.П. Литке 1815–1818 и 1826–1829 гг. Фундированное понимание

³³ Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII в.). СПб., 2004. С. 107–129.

³⁴ О работах на данном уровне подробнее см.: Шипилов И.А. Материалы научных экспедиций в Сибирь... С. 47.

географии, геоморфологии, этнографии и биологии арктических районов Якутии и Чукотки от Яны до Берингова пролива, Новосибирских и Медвежьих островов получены по результатам научной работы Колымского и Янского отрядов экспедиции 1820–1824 гг., возглавляемой Ф.П. Врангелем и П.Ф. Анжу. Если ВКЭ и СВГИАЭ при реализации проекта Петра I открыли и освоили пространственный и эвристический выход из Сибирского макро-региона в Северо-Тихоокеанский, то кругосветные экспедиции расширили географический спектр сначала до Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем придали ему планетарный масштаб. Визуальную репрезентацию мегауровень получил на картах мира, на которых в пространство макрокосма помещен микрокосм – Сибирь и Дальний Восток (рис. 3).

Рис. 3. Карта земного шара Ю.Ф. Лисянского. Источник: Собрание карт и рисунков, принадлежащих к Путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского, на корабле Нева. СПб., 1812

В статье исследована феноменология ритмической парадигмы как компоненты неоклассической модели исследования и впервые осуществлена ее научная апробация на конкретно-историческом материале Петровской эпохи и наследии академических и правительственных экспедиций в Сибирь XVIII – первой половины XIX в. Когнитивные возможности и инструментарий ритмологии позволили выявить структурные элементы, скорректировав историографические дискуссии, и исследовать бытование в историческом пространстве – времени проекта научных экспедиций Петра I: картографирование, всестороннее изучение истории, географии, природы и населения Сибирской Арктики, внутриматериковых районов Сибири и Дальнего Востока, Берингова пролива, Северо-Тихоокеанского региона и Аляски. Ритм-анализ собственноручных указов, инструкций и документов Петра I, экспедиционных практик и научных трудов и материалов путешественников показал длительную темпоральность проекта, его масштабный пространственный, социокультурный и политический эффект, который увеличивался, возрастал, набирая темп и ускоряясь от экспедиции к экспедиции, как ритм сердца при беге или волнении. С теоретико-методологических позиций ритмической парадигмы дифференцированы микро-, мезо-, макро- и мегауровни экспедиционной реализации Петровского проекта в мультилинейной пространственно-временной ритмике исторического движения (рис. 4). Экспедиции микроуровня проведены в первой трети XVIII в. Путешествие Д.Г. Мессершмидта маркировало

мезоуровень, а теоретические разработки и фундированные эмпирические исследования Даниэля Готлиба стали фактором перехода к макроисследованиям экспедиционных кампаний 1730–1790-х годов, среди которых крупнейшие Вторая Камчатская 1733–1743 гг. и физические экспедиции 1768–1774 гг. Результаты Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции 1785–1795 гг. завершают макроэтап и создают фундамент для мегауровня, воплощенного в жизнь российскими полукругосветными и кругосветными путешествиями первой половины XIX в. Завершение этих экспедиций окончательно не снимает с повестки проект Петра I. В XXI в. сохраняют актуальность освоение и исследование Арктики, которой, как и Сибирью с Дальним Востоком, со времен М.В. Ломоносова и сейчас продолжает прирастать российское могущество. Одним из важнейших направлений российской внешней политики и торговли является Азиатско-Тихоокеанский регион. Проект научных экспедиций в Сибирь Петра I выходит на метауровень изучения, опыт которого предложен в данном исследовании.

Рис. 4. «Уровни ритмической парадигмы исследования проекта Петра I» (Схема подготовлена И.А. Шипиловым)

Литература

- Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVIII век (первая половина). М.; Л.: Наука, 1965. 364 с.
- Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.: документальная монография. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 416 с.
- Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменится? // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 8–21.
- Гнучева В.Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 312 с.
- Евтеев О.А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1950. 106 с.
- Княжецкая Е.А. Первые русские съемки Западной Сибири // Известия ВГО. 1966. № 4. С. 333–340.
- Колчинский Э.И., Сытин А.К., Смагина Г.И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII в.). СПб.: Изд-во СПбИИ РАН; Нестор-История, 2004. 242 с.

Коновалова Е.Н., Трофимова О.В. Изобразительный материал на рукописных картах Западной Сибири (XVII–XIX вв.) // Геодезия и картография. 2015. № 9. С. 53–61.

Куприянов В.А., Смагина Г.И. «Обеспечить расцвет наук и искусств в громадной империи»: идеи Г.В. Лейбница о развитии науки в России // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15, № 3. С. 7–45.

Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Социально-гуманитарные знания, 2004. 351 с.

Лубский А.В. Неоклассическая модель исторического исследования в культурно-эпистемологическом контексте начала XXI века // Общественные науки и современность. 2009. № 3. С. 158–168.

Лубский А. В. Интеллектуальная ситуация в российской исторической науке на рубеже веков // Гуманитарий Юга России. 2013. № 1. С. 75–91.

Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв. / отв. ред. В.В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 244 с.

Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / под общ. ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. 310 с.

Петров А., Ермолаев А., Коскина М. Петр I и рост интереса России к освоению Тихого океана, 1711–1722 // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9, № 1. С. 265–280.

Постижение России. Топография Сибири XVIII в. в графических документах Даниэля Готлиба Мессершмидта и Второй Камчатской экспедиции в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук. СПб.: Реноме, 2023. 267 с.

Постников А.В. История географического изучения и картографирования Сибири и Дальнего Востока в XVII – начале XX века в связи с формированием русско-китайской границы. М.: ЛЕНАНД, 2015. 388 с.

Пропозиции Федора Салтыкова. СПб.: О-во любителей древности, 1891. 36 с

Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 32 с.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. / отв. сост. Т.С. Федорова, гл. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1984. 320 с.

Собрание карт и рисунков, принадлежащих к Путешествию флота капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского, на корабле Нева. СПб.: Морск. тип., 1812. 16 л.

Сопоцко А.А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный Ледовитый океан. М.: Наука, 1983. 247 с.

Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб.: Мир, 2009. С. 249–295.

Троицкий В.А. О картах Сибири геодезиста Петра Чичагова // Известия ВГО. 1974. Т. 106, вып. 2. С. 134–140

Чеканцева З.А. Историческое событие и время в контексте «Ритмической парадигмы» // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 14–27.

Чеканцева З.А. Лики власти в свете теории ритма: взгляд из XXI века // Диалог со временем. 2013. № 45. С. 33–40.

Шипилов И.А. Академические экспедиции XVIII века: роль вспомогательного персонала в изучении Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2023. 368 с.

Шипилов И.А. Материалы научных экспедиций в Сибирь и на Дальний Восток в истории российской картографии XVIII – первой половины XIX в. // География и природные ресурсы. 2025. № 5. С. 41–49.

Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734. Akademiegruppe / Bearbeitet von W. Hintzsche. Halle: Verlag der Franckeschen Stiftungen, 2006. 960 S.

Farge A. Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux // Terrain. Anthropologie & Sciences Humaines. 2002. No. 38. P. 69–78.

Harlan D. Intellectual History and the Return of Literature // *American Historical Review*. 1989. Vol. 94, pp. 581–609.

Hintzsche W., Nickol T. Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska. Gotha: Perthes, 1996. 347 S.

Joyce P., Kelly C. History and Post-Modernism // *Past & Present*. 1991. No. 133, pp. 204–213.

Lehfeldt W., Bondar L.D., Knüppel M. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler. Göttingen: Universitätsverlag, 2023. 747 S.

Michon P. Elements of Rhythmology: I. Antiquity. Paris: Rhuthmos, 2018. 372 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: II. From the Renaissance to the 19th century (Rhythmologies). Paris: Rhuthmos, 2018. 338 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: III. The Spread of Metron – From the 1840s to the 1910s. Paris: Rhuthmos, 2019. 400 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: IV. A Rhythmic Constellation. The 1970s. Paris: Rhuthmos, 2021. 312 p.

Michon P. Elements of Rhythmology: V. A Rhythmic Constellation. The 1980s. Paris: Rhuthmos, 2018. 372 p.

Michon P. Rhuthmologie: 2. Le groupement rhuthmique naturaliste. 1970–1980. Paris: Rhuthmos, 2025. 122 p.

Strahlenberg Ph.J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm: In Verlegung des Autoris, 1730. 438 S.

The History of Cartography. Cartography in the European Enlightenment. – Chicago; London: University of Chicago Press, 2019. Vol. 4. 1920 p.

Wendland F. Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie. Berlin – New York: Walter de Gruyter, 1992. 1208 S.

References

Alekseev, V.V. (Ed.). (2000). *Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [Experience of Russian Modernizations of the 18th–20th Centuries]. Moscow, Nauka. 244 p.

Andreev, A.I. (1965). *Ocherki po istochnikovedeniyu Sibiri. Vyp. 2: XVIII vek (pervaya polovina)* [Essays on the Source Study of Siberia. Is. 2: 18th Century (First Half)]. Moscow, Leningrad, Nauka. 364 p.

Basargina, E.Yu. (Ed.). (2019). *Pervyy issledovatel' Sibiri D.G. Messerschmidt: Pis'ma i dokumenty. 1716–1721* [The First Explorer of Siberia D.G. Messerschmidt: Letters and Documents. 1716–1721]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 310 p.

Borodaev, V.B., Kontev, A.V. (2015). *Formirovanie rossiyskoy granitsy v Irtyshsko-Eniseyskom mezhdurech'e v 1620–1720 gg.: dokumental'naya monografiya* [The Formation of Russian State Border in Irtysh-Yenisei Interfluvium in 1620–1720: Documentary Monograph]. Barnaul, ALTGPU. 416 p.

Chekantseva, Z.A. (2013). Liki vlasti v svete teorii ritma: vzglyad iz XXI veka [The Faces of Power in the Light of the Theory of Rhythm: A View from the 21st Century]. In *Dialog so vremenem*. Vol. 45, pp. 33–40.

Chekantseva, Z.A. (2014). Istoricheskoe sobytie i vremya v kontekste “Ritmicheskoy paradigmy” [Historical Event and Time in the Context of the “Rhythmic Paradigm”]. In *Dialog so vremenem*. Vol. 49, pp. 14–27.

Evtsev, O.A. (1950). *Pervye russkie geodezisty na Tikhom okeane* [The First Russian Geodesists in the Pacific Ocean]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoy literatury. 106 p.

Farge, A. (2002). Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des acteurs sociaux. In *Terrain. Anthropologie & Sciences Humaines*. No. 38, pp. 69–78.

Fedorova, T.S. (Comp.), Narochnitskiy, A.L. (Ed.). (1984). *Russkie ekspeditsii po izucheniyu severnoy chasti Tikhogo okeana v pervoy polovine XVIII v.* [Russian Expeditions to Study the North Pacific Ocean in the First Half of the 18th Century]. Moscow, Nauka. 320 p.

Gnucheva, V.F. (1940). *Materialy dlya istorii ekspeditsiy Akademii nauk v XVIII i XIX vekakh: Khronologicheskie obzory i opisanie arkhivnykh materialov* [Materials for the History of the 18th and 19th Century Expeditions of the Academy of Sciences: Chronological Reviews and Descriptions of Archival Materials]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 312 p.

Harlan, D. (1989). Intellectual History and the Return of Literature. In *American Historical Review*. Vol. 94, pp. 581–609.

Hintzsche, W. (2006). (Bearb.). *Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar – Juni 1734. Akademiegruppe*. Halle, Verlag der Franckeschen Stiftungen. 960 S.

Hintzsche, W., Nickol, T. (1996). *Die Große Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska*. Gotha, Perthes. 347 S.

Joyce, P., Kelly, C. (1991). History and Post-Modernism. In *Past & Present*. No. 133, pp. 204–213.

Knyazhetskaya, E.A. (1966). Pervye russkie s'emki Zapadnoy Sibiri [First Russian Surveys of Western Siberia]. In *Izvestiya VGO*. No. 4, pp. 333–340.

Kolchinskiy, E.I., Sytin, A.K., Smagina, G.I. (2004). *Estestvennaya istoriya v Rossii (Ocherki razvitiya estestvoznaniya v Rossii v XVIII v.)* [Natural History in Russia (Papers on Development of Natural History in Russia in 18th Century)]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPb II RAN, Nestor-Istoriya. 242 p.

Konovalova, E.N., Trofimova, O.V. (2015). Izobrazitel'nyy material na rukopisnykh kartakh Zapadnoy Sibiri (XVII–XIX vv.) [Pictorial Material on Handwritten Maps of Western Siberia (17th–19th Centuries)]. In *Geodeziya i kartografiya*. No. 9, pp. 53–61.

Kupriyanov, V.A., Smagina, G.I. (2024). “Obespechit' rastsvet nauk i iskusstv v gromadnoy imperii”: idei G.V. Leibnitsa o razvitii nauki v Rossii [“To Ensure the Flourishing of Sciences and Arts in the Huge Empire”: Leibniz's Ideas Concerning the Development of Russia]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 15, No. 3, pp. 7–45.

Lehfeldt, W., Bondar, L.D., Knüppel, M. (2023). *Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735): Der erste Erforscher Sibiriens. Versuch einer Annäherung an einen großen Wissenschaftler*. Göttingen, Universitätsverlag. 747 S.

Lubskiy, A.V. (2004). *Al'ternativnye modeli istoricheskogo issledovaniya* [Alternative Models of Historical Research]. Moscow, Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 351 p.

Lubskiy, A.V. (2009). Neoklassicheskaya model' istoricheskogo issledovaniya v kul'turno-ehpistemologicheskom kontekste nachala XXI veka [The Neoclassical Model of Historical Research in the Cultural and Epistemological Context of the Early 21st Century]. In *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 3, pp. 158–168.

Lubskiy, A.V. (2013). Intellektual'naya situatsiya v rossiyskoy istoricheskoy nauke na rubezhe vekov [Intellectual Situation in Russian Historical Science at The Turn of The Century]. In *Gumanitarii Yuga Rossii*. No. 1, pp. 75–91.

Michon, P. (2018). *Elements of Rhythmology: I. Antiquity*. Paris, Rhuthmos. 372 p.

Michon, P. (2018). *Elements of Rhythmology: II. From the Renaissance to the 19th century (Rhythmologies)*. Paris, Rhuthmos. 338 p.

Michon, P. (2018). *Elements of Rhythmology: V. A Rhythmic Constellation. The 1980s*. Paris, Rhuthmos. 372 p.

Michon, P. (2019). *Elements of Rhythmology: III. The Spread of Metron – From the 1840s to the 1910s*. Paris, Rhuthmos. 400 p.

Michon, P. (2021). *Elements of Rhythmology: IV. A Rhythmic Constellation. The 1970s*. Paris, Rhuthmos. 312 p.

Michon, P. (2025). *Rhuthmologie: 2. Le groupement rhuthmique naturaliste. 1970–1980*. Paris, Rhuthmos. 122 p.

Petrov, A., Ermolaev, A., Koskina, A. (2021). Petr I i rost interesa Rossii k osvoeniyu Tikhogo okeana, 1711–1722 [Peter the Great and Russia's Growing Interest in the Exploration of the Pacific Ocean, 1711–1722]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, No. 1, pp. 265–280.

(2023). *Postizhenie Rossii. Topografiya Sibiri XVIII v. v graficheskikh dokumentakh Danielya Gotliba Messerschmidta i Vtoroy Kamchatskoy ekspeditsii v Sankt-Peterburgskom filiale Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk* [Comprehension of Russia. Topography of Siberia of the 18th Century in Graphic Documents by Daniel Gottlieb Messerschmidt and the Second Kamchatka Expedition in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg, Renome. 267 p.

Postnikov, A.V. (2015). *Istoriya geograficheskogo izucheniya i kartografirovaniya Sibiri i Dal'nego Vostoka v XVII – nachale XX veka v svyazi s formirovaniem russko-kitaiskoi granitsy* [The History of Geographical Exploration and Mapping of Siberia and the Far East in the 17th – Early 20 Century in Connection with the Formation of the Russian-Chinese Border]. Moscow, LENAND. 388 p.

(1891). *Propozitsii Fedora Saltykova* [The Propositions of Fyodor Saltykov]. St. Petersburg, Obshchestvo lyubiteley drevnosti. 36 p.

Repina, L.P. (2008). *Novye issledovatel'skie strategii v rossiyskoy i mirovoy istoriografii* [New Research Strategies in Russian and World Historiography]. Moscow, Izdatel'skiy dom GU VSHE. 32 p.

Repina, L.P. (2011). *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [History at the Border of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historiographical Practices]. Moscow, Krug. 560 p.

Shipilov, I.A. (2023). *Akademicheskie ekspeditsii XVIII veka: rol' vspomogatel'nogo personala v izuchenii Sibiri* [Academic Expeditions of the 18th Century: The Role of Support Personnel in the Study of Siberia]. Novosibirsk, SO RAN. 368 p.

Shipilov, I.A. (2025). *Materialy nauchnykh ekspeditsiy v Sibir' i na Dal'niy Vostok v istorii rossiyskoy kartografii XVIII – pervoy poloviny XIX v.* [Materials of Scientific Expeditions to Siberia and the Far East in the History of Russian Cartography of the 18th – First Half of the 19th Century]. In *Geografiya i prirodnye resursy*. No. 1, pp. 41–49.

(1812). *Sobranie kart i risunkov, prinaldezhachikh k Puteshestviyu flota kapitana 1-go ranga i kavallera Yuriya Lisyanskogo, na korable Neva* [Collection of Maps and Drawings Belonging to the Voyage of the Fleet of Captain 1st Rank and Cavalier Yuri Lisyansky on the Neva Ship]. St. Petersburg, Morskaya tipografiya. 16 p.

Sopotsko, A.A. (1983). *Istoriya plavaniya V. Beringa na bote "Sv. Gavriil" v Severnyy Ledovityy ocean* [The Story of V. Bering's Voyage on the St. Gabriel Boat to the Arctic Ocean]. Moscow, Nauka. 247 p.

Stepin, V.S. (2009). *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya* [Classics, Non-Classics, Post-non-Classics: Criteria of Distinction]. In *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura*. St. Petersburg, Mir, pp. 249–295.

Strahlenberg, Ph.J. (1730). *Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia*. Stockholm, In *Verlegung des Autoris*. 438 S.

(2019). *The History of Cartography. Cartography in the European Enlightenment*. Chicago, London, University of Chicago Press. Vol. 4. 1920 p.

Troitskiy, V.A. (1974). *O kartakh Sibiri geodezista Petra Chichagova* [About the Maps of Siberia by Geodesist Peter Chichagov]. In *Izvestiya VGO*. Vol. 106, Iss. 2, pp. 134–140.

Vallerstain, I. (1997). *Sotsial'noe izmenenie vechno? Nichto nikogda ne izmenitsya?* [Does Social Change Last Forever? Will Nothing Ever Change?]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 8–21.

Wendland, F. (1992). *Peter Simon Pallas (1741–1811). Materialien einer Biographie*. Berlin, New York, Walter de Gruyter. 1208 S.

Л.Д. Бондарь
А.А. Сизова*

КАЛМЫЦКИЙ (ОЙРАТСКИЙ) ЯЗЫК В МАТЕРИАЛАХ Д.Г. МЕССЕРШМИДА И Ф.И. СТРАЛЕНБЕРГА**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-2
УДК 94(571)+811.512.37

Выходные данные для цитирования:
Бондарь Л.Д., Сизова А.А. Калмыцкий (ойратский) язык в материалах
Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга // Исторический курьер. 2026.
№ 3 (47). С. 30–41. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-02.pdf>

L.D. Bondar
A.A. Sizova*

KALMYK (OIRAT) LANGUAGE IN THE WORKS OF D.G. MESSERSCHMIDT AND PH.J. VON STRAHLENBERG**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-2

How to cite:
Bondar L.D., Sizova A.A. Kalmyk (Oirat) Language in the Works
of D.G. Messerschmidt and Ph.J. von Strahlenberg // Historical Courier, 2026,
No. 3 (47), pp. 30–41. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-02.pdf>]

Abstract. In the history of the exploration of Siberia and the languages of its peoples, the names of Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) and Philipp Johann (Tabbert) von Strahlenberg (1676–1747) are adjacent to each other. The article examines the contribution of D.G. Messerschmidt and Ph.J. Strahlenberg to the study of the Kalmyk language – this is what both travelers called this language: during their stay in Russia, the Oirat tribes who came into contact with Russians in the border territories in Siberia were called “Kalmyks”, and, accordingly, their language was called Kalmyk. As one of the first researchers of the Kalmyk language, only Ph.J. Strahlenberg gained fame in the scientific world – thanks to a book published by him in 1730, which contained an extensive Kalmyk dictionary. The materials collected by D.G. Messerschmidt remained unknown for a long time either in Europe or in Russia: after the return of D.G. Messerschmidt from the expedition, his collections and notes were arrested, and the scientist was forbidden to work with them. The Kalmyk material preserved in D.G. Messerschmidt’s papers (in his travel diary and a small manuscript “Tatar Dictionary”) differs from the one published by Ph.J. Strahlenberg. The authors of the article conclude that the scientists worked independently, and each of them had their own notes, which did not exclude the possibility of exchange and discussion. However, unlike the materials of Ph.J. Strahlenberg, D.G. Messerschmidt’s notes have not been preserved or remain unidentified to date. The absolute absence of Kalmyk vocabulary in the main work of the German scientist “Sibiria Perlustrata” is surprising. The only possible explanation at the moment seems to be that at the time of writing this manuscript in 1727, D.G. Messerschmidt could no longer access the records of Kalmyk words, since they had been confiscated (or lost).

Keywords: Kalmyk language, Oirat language, Daniel Gottlieb Messerschmidt, Philip Johan von Strahlenberg.

* **Лариса Дмитриевна Бондарь**, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: L007@list.ru

Larisa Dmitrievna Bondar, Candidate of Historical Sciences, Docent, St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: L007@list.ru

Алла Алексеевна Сизова, аспирант, Мюнхенский университет им. Людвига и Максимилиана, Мюнхен, Германия, e-mail: al.la.sizova@yandex.ru

Alla Alekseevna Sizova, Postgraduate Student, Ludwig and Maximilian University of Munich, Munich, Germany, e-mail: al.la.sizova@yandex.ru

** Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РФФИ 2020–2022 гг. «Научное изучение Сибири в Петровскую эпоху: архивное наследие Д.Г. Мессершмидта» (№ 20-011-42006).

The article was prepared as part of a project supported by the Russian Foundation for Basic Research in 2020–2022: “Scientific Study of Siberia in the Petrine Era: The Archival Legacy of D.G. Messerschmidt” (No. 20-011-42006).

The article has been received by the editor on 22.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В истории исследования Сибири и языков населявших ее народов имена Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt; 1685–1735) и Филиппа Иоганна (Табберта) фон Страленберга (Philipp Johann (Tabbert) von Strahlenberg; 1676–1747) соседствуют друг с другом. В статье рассматривается вклад Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга, бывших некоторое время соратниками по экспедиции в Сибирь, в изучение калмыцкого языка – так этот язык называли оба путешественника: во времена их пребывания в России калмыками называли ойратские племена, контактировавшие с русскими на приграничных территориях в Сибири, и, соответственно, их язык называли калмыцким. В качестве одного из первых исследователей калмыцкого языка известность в научном мире приобрел только Ф.И. Страленберг благодаря опубликованной им в 1730 г. книге, которая содержала обширный калмыцкий словарь. Материалы же, собранные Д.Г. Мессершмидтом, долгое время оставались неизвестными ни в Европе, ни в России: после возвращения Д.Г. Мессершмидта из экспедиции его коллекции и записи были арестованы и ученому запретили работать с ними. Калмыцкий материал, сохранившийся в бумагах Д.Г. Мессершмидта (в путевом дневнике и небольшой рукописи «Татарский словарь»), отличается от того, который был опубликован Ф.И. Страленбергом. Авторы статьи приходят к выводу, что ученые работали самостоятельно, каждый из них имел собственные записи, что не исключало возможность обмена и обсуждения. Однако, в отличие от материалов Ф.И. Страленберга, записи Д.Г. Мессершмидта не сохранились или остаются невыявленными на сегодняшний день. Удивительно абсолютное отсутствие калмыцкой лексики в главном «отчетном» труде немецкого ученого – «Sibiria Perlustrata». Единственно возможным на данный момент объяснением кажется то, что на момент написания этой рукописи в 1727 г. Д.Г. Мессершмидт уже не мог обращаться к записям калмыцких слов, так как они были конфискованы (или утрачены).

Ключевые слова: калмыцкий язык, ойратский язык, Д.Г. Мессершмидт, Ф.И. Страленберг.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025 г.

В истории исследования Сибири и языков населявших ее народов имена Даниэля Готлиба Мессершмидта (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685–1735) и Филиппа Иоганна (Табберта) фон Страленберга (Philipp Johann (Tabbert) von Strahlenberg, 1676–1747) соседствуют друг с другом¹. Немецкий врач Д.Г. Мессершмидт был направлен Петром I в научную экспедицию, которая длилась с 1719 по 1727 г. Шведский капитан Ф.И. Страленберг, захваченный в плен под Полтавой, прибыл в Тобольск в 1711 г. Познакомившись с Ф.И. Страленбергом в Тобольске, Д.Г. Мессершмидт нашел в его лице научного помощника: Ф.И. Страленберг сопровождал немецкого ученого с 1 марта 1721 г., когда отряд экспедиции выдвинулся из Тобольска, до 28 мая 1722 г., когда шведский капитан, получив разрешение, отправился на родину. Вместе они проделали путь до Красноярска, зимовали там, проводя исследования в окрестностях города. В этот период Ф.И. Страленберг вел экспедиционный дневник. Часть времени (июль–декабрь 1721 г.) Д.Г. Мессершмидт путешествовал самостоятельно, поэтому систематическими сведениями о его занятиях в это время мы не располагаем.

¹ Более подробно вклад обоих ученых в языковедение рассматривается в статье Л.Д. Бондарь, где собрана информация о словарях, записанных в дневнике экспедиции Ф.И. Страленбергом (помимо калмыцкого, это словники языков камасинских татар, койбал-киштимских татар, татар с берегов реки Анаш, качинских татар): Бондарь Л.Д. Лингвистические исследования в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727): Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2022. № 21 (8). С. 44–66.

Вернувшись на родину и не получая никаких известий от Д.Г. Мессершмидта, Ф.И. Страленберг в 1730 г. опубликовал свою знаменитую книгу, в которой были собраны наблюдения, сделанные за время двенадцатилетнего пребывания в Сибири, в том числе достаточно объемный «Калмыцко-монгольский словарь» (*Vocabularium Calmucko-mungalicum*), состоящий из 1431 словарной единицы (рис. 1)². Впоследствии увидели свет три перевода его книги – на английский, французский и испанский языки. Перевод на русский язык остался неопубликованным³. Калмыцкий словарь Ф.И. Страленберга был включен в подборку западноевропейских источников по калмыцкому языку, составленную тюркологом Г. Дёрфером, и позднее издан монголоведом Дж. Крюгером с комментариями⁴. Все это принесло работе Ф.И. Страленберга определенную известность в среде лингвистов и монголоведов⁵.

В то же время материалы, собранные Д.Г. Мессершмидтом в Сибири, долгое время оставались неизвестными ни в Европе, ни в России. После его возвращения из экспедиции в 1727 г. собранные им коллекции и записи были арестованы, и ученому было запрещено работать с ними. Эти материалы были погребены в архиве и публиковались лишь фрагментарно. Только в последние десятилетия они начинают систематически вводиться в научный оборот, раскрывая ранее неизвестные аспекты работы ученого⁶.

И Д.Г. Мессершмидт, и Ф.И. Страленберг занимались изучением калмыцкого языка. Уточним, что мы используем термин «калмыцкий язык» вслед за Д.Г. Мессершмидтом и Ф.И. Страленбергом; во времена пребывания ученых в России (начало XVIII в.) калмыками

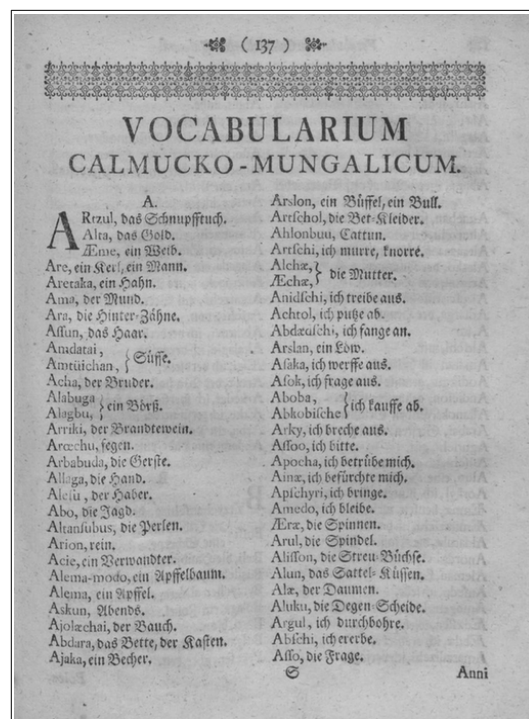

Рис. 1. «Vocabularium Calmucko-Mungalicum» («Калмыцко-монгольский словарь»).

Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae. Stockholm, 1730

² Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. In einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekannten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario. Stockholm, 1730. S. 137–156. Количество словарных единиц определено Дж. Крюгером.

³ Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970. С. 86–88; Эрендженова О.Е. Дж. Крюгер о калмыцко-монгольском словаре Ф.И. Страленберга // Монголоведение. 2004. № 3 (1). С. 303–305.

⁴ Doerfer G. Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden, 1965. (Asiatische Forschungen; Bd. 18); Krueger J.R. The Kalmyk-Mongol vocabulary in Strahlenberg's geography of 1730. Stockholm, 1975.

⁵ Jarring G. Philipp Johann von Strahlenbergs kalmuckisk-mongoliska ordlista 1730 // Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Årsbok. Stockholm, 1974. P. 70–74; Эрендженова О.Е. Дж. Крюгер о калмыцко-монгольском словаре Ф.И. Страленберга... С. 299–308.

⁶ Библиография современных работ на эту тему поистине обширна, и в рамках тематики нашей статьи ограничимся ссылками на публикации, посвященные вкладу Д.Г. Мессершмидта в изучение монгольских языков: Сизова А.А. Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д.Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19). С. 343–351; Сизова А.А. Сведения о монгольских языках в дневниках Д.Г. Мессершмидта // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727). СПб., 2021. С. 330–342; Бондарь Л.Д., Сизова А.А. Бурятский словарный материал в путевом дневнике Д.Г. Мессершмидта // Банзаровские чтения: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ–БГУ: в 2 ч. Улан-Удэ, 2022. Ч. 1. С. 58–62; Сизова А.А., Бондарь Л.Д. Бурятские словники Д.Г. Мессершмидта // Isidis Sibiricae xenium: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта. СПб., 2023. С. 199–217; Сизова А.А., Зорин А.В., Бондарь Л.Д. Словарные материалы в документальном наследии Д.Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники. СПб., 2022.

называли ойратские племена, контактировавшие с русскими на приграничных территориях в Сибири, и, соответственно, их язык тоже называли калмыцким.

В отличие от Ф.И. Страленберга, опубликовавшего свою книгу в 1730 г., вклад Д.Г. Мессершмидта в изучение калмыцкого языка едва ли известен в силу того, что собранные им записи, по всей видимости, не сохранились. Исследования последних лет выявили, что в книге Ф.И. Страленберга содержится разнообразный материал (археологический, лингвистический и др.), который можно найти среди архивных бумаг Д.Г. Мессершмидта. Дж. Крюгер высказывал сомнения по поводу того, чтобы безоговорочно приписывать авторство словника Ф.И. Страленбергу. Он аргументировал это тем, что в написании калмыцких слов допущены серьезные ошибки, которые похожи на ошибки копирования, неправильного прочтения чужих записей⁷. Это обстоятельство заставляло задуматься о доле участия Д.Г. Мессершмидта в сборе словарного материала, опубликованного Ф.И. Страленбергом. На возможность этого намекал и сам автор в предисловии: «Я ждал скорого возвращения моего хорошего друга, который провел в названных отдаленных краях еще больше времени, чем я, чтобы он вместо меня принял на себя этот труд, поскольку он как ученый сделал бы это, вероятно, лучше»⁸.

Для того чтобы прояснить характер работы обоих ученых с калмыцким языком, необходимо обратиться к другим источникам. Основным из них является путевой дневник. В записях за март 1722 г. о пребывании в Красноярске говорится о встречах ученых со «старым калмыцким переводчиком» Степаном, родившимся в окрестностях озера Зайсан. 6 марта 1722 г. он сообщил путешественникам слово *Kyht* ('монастырь') в значении *Bethaus* ('молитвенный дом') и названия трех монастырей: *Bosta-Chan-Kyht*, *Ablay-Kyht*, *Otzurto-Seza-Chan-Kyht*⁹.

9 марта 1722 г. Ф.И. Страленберг записал: «Старый переводчик Степан впервые был с доктором. Он читал ему кое-что из калмыцких рукописей¹⁰, найденных на Иртыше, <...>. Господин доктор между тем записал слова на калмыцком, как он ему прочитал. Он сказал нам следующие калмыцкие *vocabula* <...>». Далее следует перечень из 15 калмыцких (*Calmacksche*) слов специфической семантики, преимущественно металлургическая лексика (рис. 2)¹¹. 11 марта Д.Г. Мессершмидт продолжил работу по разбору калмыцких текстов, словарный материал в дневниковой записи за этот день не представлен.

Из этих записей следует, что калмыцким языком Д.Г. Мессершмидт занимался и делал это, вероятно, более углубленно, чем его помощник. Какие-то представления об ойратском и калмыцком языках у немецкого ученого в начале его экспедиции уже были: на ранних этапах знакомства с другими монгольскими языками Д.Г. Мессершмидт полагал, что от калмыцкого языка происходят и бурятский, и монгольский¹². Известно, что в распоряжении Д.Г. Мессершмидта была рукопись (одна из копий) отчета Иоганна Христиана Шнитшера, или Шницкера (*Schnitscher*, *Schnitzker*; 1682–1744), капитана русской армии и шведа по национальности. Опубликованные варианты этого отчета содержат калмыцкие вокабулы¹³. До нас дошел записанный Д.Г. Мессершмидтом список числительных первого десятка

⁷ Krueger J.R. The Kalmyk-Mongol vocabulary... P. 27. Вместе с тем нельзя исключить предположение, что ошибки в написании калмыцких слов могли возникнуть и на этапе их записи от информанта, и на этапе переписывания из черновых заметок в рукопись книги, и даже на этапе типографского набора.

⁸ Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Ostliche... S. b2.

⁹ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 119 об.; Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 1. Berlin, 1962. S. 192. Перечислены буддийские монастыри ойратов, самым известным из которых в настоящее время является Аблай-хит. Названия монастырей связаны с ойратскими правителями – Аблаем, Очирту-Цэцен-ханом, Галдан-Бошогту. Подробнее о двух последних монастырях см.: Байнаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Ямпольская Н.В. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы, 2019. С. 63–69.

¹⁰ Об ойратских рукописях, поступивших в собрание Академии наук в начале XVIII в., и о возможной связи их с Д.Г. Мессершмидтом см.: Сизова А.А. Монгольские тексты, поступившие в собрание Академии наук в первой половине XVIII в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021220-1-1/> (дата обращения: 20.12.2025).

¹¹ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 120–120 об.; Messerschmidt D.G. Forschungsreise... S. 193.

¹² Сизова А.А. Сведения о монгольских языках... С. 333.

(рис. 3)¹⁴ из приложения к IV рапорту Д.Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию от 25 июня 1720 г. Способ записи числительных во многом напоминает то, что мы находим в упомянутом выше труде И.Х. Шнитшера: (1) *Nege*, (2) *Chojor*, (3) *Gurba*, (4) *Dörbö* (у И.Х. Шнитшера: *derbö*), (5) *Tabu*, (6) *Surga*, (7) *Dolo*, (8) *Naima*, (9) *Jessu* (у И.Х. Шнитшера: *gessu*), (10) *Arba*. Едва ли эти числительные записал Д.Г. Мессершмидт в полевых условиях (к тому же мы знаем, что впоследствии при записи монгольских слов он отражал в транскрипции долгие гласные, чего не находим в таблице). Вероятно, как и часть других словников «*Specimen der Zahlen und Sprache...*», этот список числительных был получен в Тобольске «через третьи руки»¹⁵. Сохранилось еще одно приложение к IV рапорту, содержащее описание ойратской письменности (рис. 4)¹⁶. В качестве примеров в нем приводятся топонимы Алтай, Тобол, «Турман» (ойратское название Турфана¹⁷).

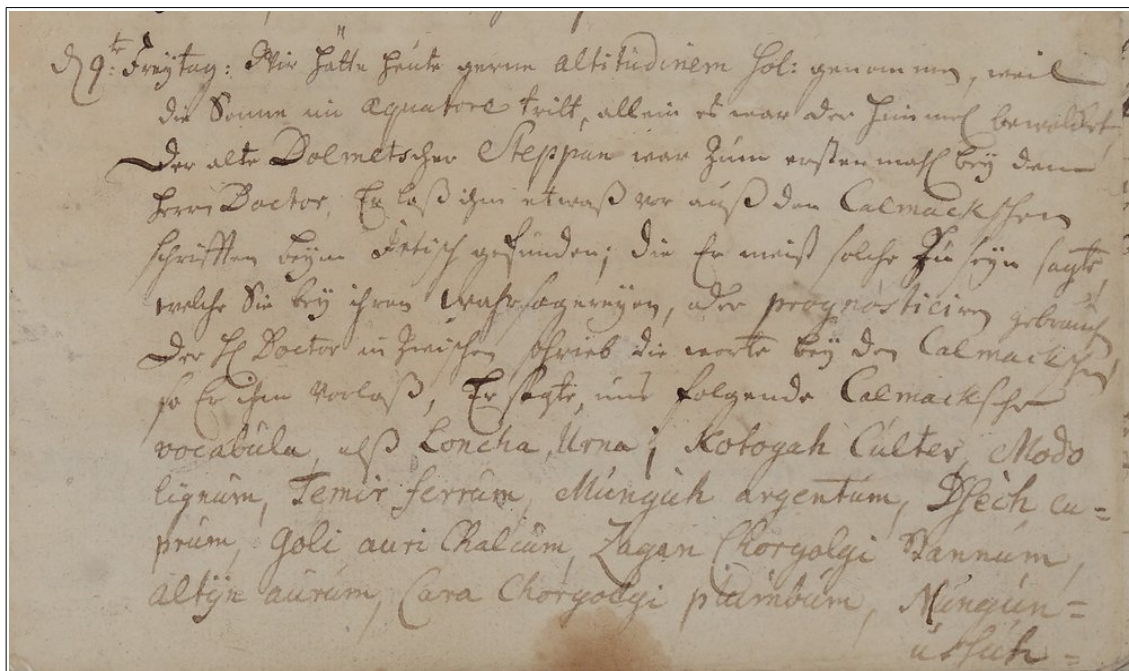

Рис. 2. Фрагмент записи путевого дневника с калмыцким словариком. 9 марта 1722 г. Рук. Ф.И. Страленберга. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 120

¹³ Schnitscher J.Ch. Berättelse om Ajuckinska Calmuckiet eller om detta folkets ursprung, huru de kommit under ryssarnas lydno, deras gudar, gudskyrdan och prester, huru de skiftas uti 4 ulusser eller folkhopar, deras politike och philosopie medflera deras lefwernes sätt och seder så wid bröllop som begrafningar. Stockholm, 1744; Записка шведского капитана Иоанна Христиана Шнитшера, который был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана в провожатых // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. 1764. Ноябрь. С. 428–440; Krueger J.R. Johann Christian Schnitscher, Captain. An account of the Kalmyk land under Ayuki Khan. Stockholm 1744 / transl. from the Swedish and ed. by J.R. Krueger. Bloomington, 1996.

¹⁴ «Specimen der Zahlen und Sprache einiger Orientalischen und Siberischen Völker...» // СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 26. Опул. факсимильно в: Манастер Рамер А., Бондарь Л.Д. Об авторстве «Harmonia linguarum», опубликованной Ф.И. Страленбергом // Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.). СПб., 2018. С. 406. Полнотекстовая публикация: Сизова А.А., Зорин А.В., Бондарь Л.Д. Словарные материалы... С. 378; «Specimen der Zahlen und Sprache, etc.» / публ. В. Лефельдта, Л.Д. Бондарь // «Sibiria Perlustrata» Д.Г. Мессершмидта – энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи. 2-е изд., испр. СПб., 2023. С. 494.

¹⁵ Бондарь Л.Д. «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völker»: о датировке одного документа из архива Д.Г. Мессершмидта // Aus Sibirien – 2019: научно-информационный сборник. Тюмень, 2020. С. 21–24.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 23–24. Факсимиле и перевод опубликованы в: Сизова А.А., Зорин А.В., Бондарь Л.Д. Словарные материалы... Рис. 1–2 (вклейка). С. 381–383.

¹⁷ Так же Турфан назван на калмыцких картах Йохана Густава Рената (Johan Gustaf Renat; 1682–1744): Poppe N. Renat's Kalmuck Maps // Imago Mundi. 1955. Vol. 12. P. 159.

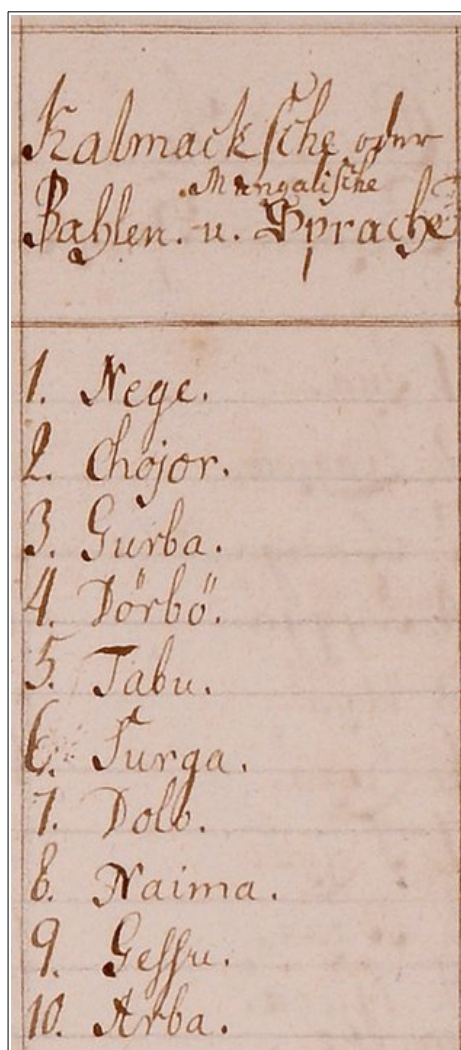

Рис. 3. «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völcker». Фрагмент таблицы с калмыцкими числительными. 25 июня 1720 г. Рукой Д.Г. Мессершмидта. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 26

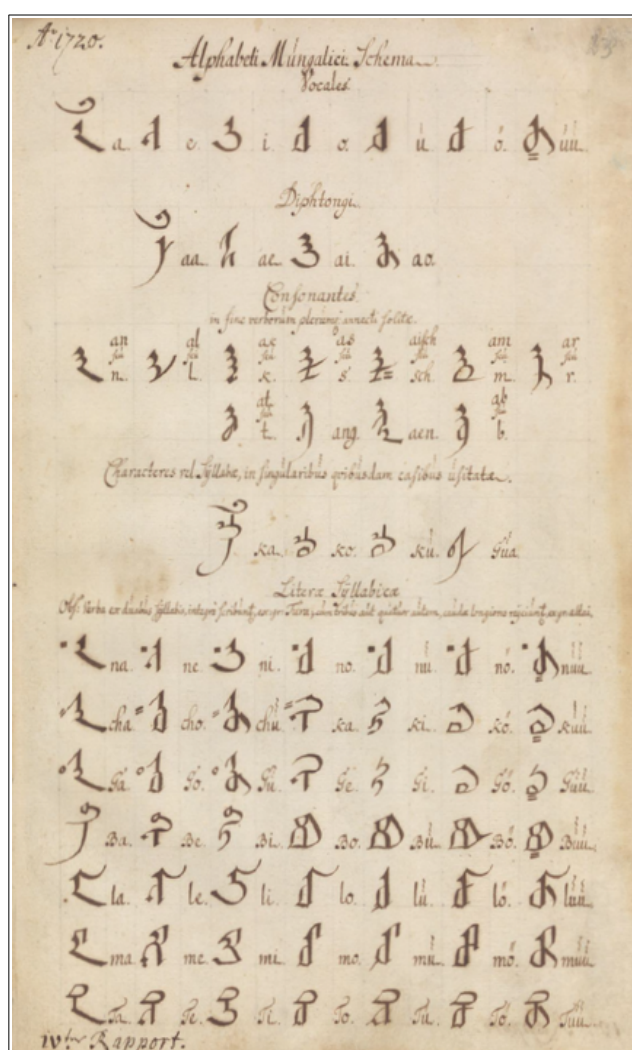

Рис. 4. Описание ойратской письменности. 25 июня 1720 г. Рукой Д.Г. Мессершмидта. © СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 36. Л. 23

Каких-либо других калмыцких материалов, помимо упомянутых, в бумагах Д.Г. Мессершмидта на сегодня не обнаружено. Мы знаем, что часть его бумаг была утрачена (и в Петербурге, и при кораблекрушении во время морской поездки Д.Г. Мессершмидта в Данциг в 1731 г.), однако не находим прямого упоминания о калмыцком словарном материале также и в подробнейшем перечне имущества и рукописей, составленном Д.Г. Мессершмидтом в Иркутске в июне 1725 г., если только этот материал не скрывается под позицией, обозначенной как «Nomenclaturae Tattaricae, Samoed[icae], Tungusicae, Ostiackicae, Permeckicae, Mungulicae, Burathicae etc. M[anu]s[criptum]»¹⁸.

Записанный в дневнике 9 марта 1722 г. небольшой калмыцкий словник был, похоже, составлен именно Д.Г. Мессершмидтом: эквиваленты калмыцких слов записаны не по-немецки, а по-латински, что характерно именно для Д.Г. Мессершмидта. Ф.И. Страленберг латынью не пользовался, и если и знал ее, то не в той степени, что немецкий ученый, свободно владевший этим языком. Кроме того, этот словник не коррелирует с тем, что было опубликовано Ф.И. Страленбергом. Из 15 слов дневника в книге имеется девять, способ их записи значительно отличается¹⁹.

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 4. Л. 133.

¹⁹ Перевод на русский язык в сравнительной таблице сделан авторами статьи.

	Дневник экспедиции, 9 марта 1722 г.		Книга Ф.И. Страленберга, 1730 г.	
	Калмыцкое слово	Латинский/немецкий эквивалент	Калмыцкое слово	Немецкий эквивалент
1	Loncha кувшин, бутылъ	urna горшок		
2	Kotogah нож	culter	kutaga	das Messer
3	Modo дерево	lignum		
4	Temir железо	ferrum	temer, tümir	das Eisen
5	Munguh серебро, деньги	argentum серебро	mungu, mungun серебро, деньги	das Silber серебро
			mungu серебро, деньги	das Geld деньги
6	Dsech ²⁰ медь	cuprum		
7	Goli латунь	auri chalcum латунь	gole латунь	das Messing латунь
			goli латунь	das Kupffer медь
8	Zagan Chorgolgi олово	stannum	korgoldzy свинец	das Zinn олово
9	Altyn золото	aurum	alta	das Gold
10	Cara chorgolgi свинец	plumbum	karakorgoldzy	das Bley
11	Mungun ussuh ртуть	argentum vivum		
12	Udsuhm изюм, виноград	uva passae изюм	udsum изюм, виноград	die Feigen фиги, плоды инжира
13	Dschab-dahl сушеный персик ²¹	mala persica персик		
14	Gu дыня ²²	cucumis огурец	gou дыня	Argurken огурец
15	Irbāki бабочка	Sommervögel		

²⁰ Вероятно, ошибка в записи. Нормативные формы: *zes* (Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935 (KW) 473b), *зэс* [зэсе] (Калмыцко-русский словарь (КРС) 249а).

²¹ Словоформа *šabdal* 'gedörrter pfirsich' зафиксирована у Г.А. Цвика (Zwick H.A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen, 1853. S. 389), откуда под знаком вопроса была перенесена в словарь Г. Рамштедта (KW 343а). Сходная словоформа не обнаружена в калмыцких и ойратских словарях, но очевидно, что *Dschab-dahl* это производное от персидского *šaftālu* 'персик'. Последнее прямо или опосредованно вошло во многие языки Средней и Центральной Азии, например казахский (*шабдалы*) и таджикский (*шафтолу*). Зафиксировано также в русском языке в форме *шентала/шаптала*, для которой словарь В.И. Даля дает значение «сушеные персики, привозимые из Азии».

²² Ср.: *gū melone* (KW 156b). Заимствование из китайского языка: *гуа* 瓜 'дыня', 'тыква', 'арбуз'. Китайское название огурца (*хуангуа* 黃瓜) включает в себя *гуа* 瓜 как компонент. В современном калмыцком языке для огурца используются наименования *хаяр* (КРС 585b), *хурцг*, *ахурцг*.

Слово № 5 (*Mungùh*), имеющее в дневнике значение ‘серебро’, в книге Ф.И. Страленберга записано иным способом и в двух значениях – ‘деньги’ и ‘серебро’. Такого же рода расхождения можно наблюдать на примере слова № 7. Из сопоставления очевидно, что у Д.Г. Мессершмидта и Ф.И. Страленберга были разные калмыцкие записи.

В качестве доказательства наличия таковых у Д.Г. Мессершмидта можно сослаться на сохранившийся обширный перечень птиц (137 наименований), содержащий все известные ученому названия описываемых видов на иностранных языках²³. В перечне есть названия птиц, отмеченные как «калмыцкие» или «калмыцкие и монгольские»:

№ 7 *Üllæ'h* ‘коршун’, № 17 *Schar-Schubhó* ‘филин’, № 18 *Zagàn-Schubhó* ‘лунь’, № 19 *Schubhó* ‘сова’, № 45 *Chorú* ‘тетерев’, № 52 *Altan Gurguldéy* ‘иволга’, № 53 и 54 *Bockschergàh* ‘жаворонок’, № 118 *Chò* ‘лебедь’, № 119 *Galló* ‘гусь’, № 123 *Nowushú* ‘утка’.

В опубликованном Ф.И. Страленбергом словаре есть только три слова из этого перечня, обозначающие распространенных птиц, но даже они записаны в иной транскрипции:

Д.Г. Мессершмидт	Ф.И. Страленберг	
<i>Chò</i>	<i>chun, chuan</i>	лебедь
<i>Galló</i>	<i>galo, gælon</i>	гусь
<i>Nowushú</i>	<i>nogussum</i>	утка

Отдельные калмыцкие слова встречались в записях Д.Г. Мессершмидта и до начала работы с калмыцким переводчиком в марте 1722 г. Ученый в течение нескольких лет вел записи в тетрадке, названной им «татарским словником»²⁴, и два калмыцких слова появились в нем уже в 1721 г. Одно из них, идентифицированное как калмыцкое (Л. 9 об.) (*Mokeén*, со значением ‘смола’), было записано в Томске весной 1721 г.; второе, «монголо-калмыцкое» (*Altan Gurgulde[y]* со значением ‘иволга’), записано 25 октября 1721 г. в Красноярске. Ни того, ни другого слова в опубликованном словаре Ф.И. Страленберга нет. Уже после отъезда шведского товарища, 24 октября 1723 г., Д.Г. Мессершмидт записывает слово *Krime* ‘белка’, которое в книге Ф.И. Страленберга имеет формы *kirma*, *krime*, *taramae*.

В свете всего вышеперечисленного, имея достаточно убедительные доказательства того, что собственные записи калмыцких слов у Д.Г. Мессершмидта были, удивительно абсолютное отсутствие калмыцкой лексики (или лексики, помеченной как «калмыцкая») в главном «отчетном» труде немецкого ученого – «*Sibiria Perlustrata*»²⁵. Невозможно допустить мысли о том, что из-за определенной схожести монгольских языков и недостатка материала Д.Г. Мессершмидт мог просто отказаться от калмыцкого языка: монгольские и бурятские словоформы, даже если они полностью совпадали, маркировались им скрупулезно. Единственно возможным на данный момент объяснением кажется то, что на момент составления своего *opus magnum* после возвращения из экспедиции в 1727 г. Д.Г. Мессершмидт уже не мог обращаться к записям калмыцких слов, так как они были конфискованы (или утрачены).

²³ «Опись птиц, обнаруженных в Сибирской земле» («*Avium in Sibiriae Regno reperiundarum lustrationes*»). 20 мая 1722 г. // СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 20. Л. 66–81 (за исключением л. 67, который был вклеен внутри списка по ошибке).

²⁴ «*Vocabularium polyglotton Tattaricum adornatum â Daniele Gottlieb Messerschmidt Med. D. In itineribus per Sibiriam et circumjacentem Tattariam Magnam ab A[nn]o 1720 usque ad A[nn]um 17<...>*». СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 35.

²⁵ *Messerschmidt D.G. Sibiria Perlustrata, etc.* [Факсимильное издание рукописи]. СПб., 2020; «*Sibiria Perlustrata*» Д.Г. Мессершмидта...

Литература

Байпаков К.М., Ерофеева И.В., Казизов Е.С., Ямпольская Н.В. Буддийский монастырь Аблай-хит. Алматы: Археологическая экспертиза, 2019. 400 с.

Бондарь Л.Д. «Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völker»: о датировке одного документа из архива Д.Г. Мессершмидта // *Aus Sibirien* – 2019: научно-информационный сборник. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2020. С. 21–24.

Бондарь Л.Д. Лингвистические исследования в научной экспедиции в Сибирь (1719–1727): Д.Г. Мессершмидт и Ф.И. Страленберг // *Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология*. 2022. Т. 21, № 8. С. 44–66.

Бондарь Л.Д., Сизова А.А. Бурятский словарный материал в путевом дневнике Д.Г. Мессершмидта // *Банзаровские чтения: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения Д. Банзарова и 90-летию БГПИ–БГУ: в 2 ч. Улан-Удэ: Издательство Бурятского университета, 2022. Ч. 1. С. 58–62.*

Записка шведского капитана Иоанна Христиана Шничера, который был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана в проводимых // *Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах*. 1764. Ноябрь. С. 428–440.

Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 765 с.

Манастер Рамер А., Бондарь Л.Д. Об авторстве «*Harmonia linguarum*», опубликованной Ф.И. Страленбергом // *Миллеровские чтения – 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия: мат-лы II Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 24–26 мая 2018 г.)*. СПб.: Реноме, 2018. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14). С. 395–427.

Новлянская М.Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. 184 с.

Сизова А.А. Сведения о монгольских языках в дневниках Д.Г. Мессершмидта // *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727)*. СПб.: Реноме, 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19). С. 330–342.

Сизова А.А. Бурятская и иноязычная лексика в монгольском словнике Д.Г. Мессершмидта // *К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719–1727)*. СПб.: Реноме, 2021. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 19). С. 343–351.

Сизова А.А. Монгольские тексты, поступившие в собрание Академии наук в первой половине XVIII в. // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13, вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021220-1-1/> (дата обращения: 20.12.2025).

Сизова А.А., Бондарь Л.Д. Бурятские словники Д. Г. Мессершмидта // *Isidis Sibiricae xenium: к 80-летию профессора Вернера Лефельдта*. СПб.: Реноме, 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 23). С. 199–217.

Сизова А.А., Зорин А.В., Бондарь Л.Д. Словарные материалы в документальном наследии Д.Г. Мессершмидта: монгольский и тибетский словники / при участии А.В. Смирнова, А.К. Сытина, А.В. Кургузовой. СПб.: Петербургское востоковедение, 2022. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 10). 456 с.

Эрендженова О.Е. Дж. Крюгер о калмыцко-монгольском словаре Ф.И. Страленберга // *Монголоведение*. 2004. № 3 (1). С. 299–308.

Doerfer G. Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. (Asiatische Forschungen; Bd. 18). 253 S.

Jarring G. Philipp Johann von Strahlenbergs kalmuckisk-mongoliska ordlista 1730 // *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Årsbok*. Stockholm: [s.n.], 1974. P. 70–74.

Krueger J.R. Johann Christian Schnitscher, Captain. An account of the Kalmyk land under Ayuki Khan. Stockholm 1744 / transl. from the Swedish and ed. by J.R. Krueger. Bloomington: Mongolia Society, 1996. (Publications of the Mongolia society, occasional papers; No. 20). 50 p.

Krueger J.R. The Kalmyk-Mongol vocabulary in Strahlenberg's geography of 1730. Stockholm: Almqvist & Wiksell intern, 1975. (Asiatica Suecana: early 18th Century Documents and Studies; Vol. 1). 205 p.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / hrsg. von E. Winter, N.A. Figurovskij. Tl. 1. Berlin: Akademie Verlag, 1962. (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas; Bd. VIII, Tl. 1). 380 S.

Poppe N. Renat's Kalmuck Maps // *Imago Mundi*. 1955. Vol. 12. P. 157–159.

Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1935. 560 S.

Schnitscher J.Ch. Berättelse om Ajuckinska Kalmuckiet eller om detta folkets ursprung, huru de kommit under ryssarnas lydno, deras gudar, gudskyrdan och prester, huru de skiftas uti 4 ulusser eller folkhopar, deras politike och philosofie medflera deras lefwernes sätt och seder så wid bröllop som begrafningar. Stockholm: Tryck hos Lars Salvius, 1744. 68 s.

«Sibiria Perlustrata» Д.Г. Мессершмидта – энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи / ред. Л.Д. Бондарь, И.В. Тункина; авт.: Е.Ю. Басаргина, Л.Д. Бондарь, С.И. Зенкевич, А.В. Зорин, А.В. Кургузова, В. Лефельдт, М.В. Поникаровская, А.А. Сизова, А.В. Смирнов, А.К. Сытин, И.В. Тункина; при участии Е.М. Белкиной, В.П. Иванова, Д.А. Кондаковой, А.В. Куприянова, И. Майер. 2-е изд., испр. СПб.: Реноме, 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14). 560 с.

«Specimen der Zahlen und Sprache, etc.» / публ. В. Лефельдта, Л.Д. Бондарь // «Sibiria Perlustrata» Д.Г. Мессершмидта – энциклопедическое описание Сибири Петровской эпохи / ред. Л.Д. Бондарь, И.В. Тункина; авт.: Е.Ю. Басаргина, Л.Д. Бондарь, С.И. Зенкевич, А.В. Зорин, А.В. Кургузова, В. Лефельдт, М.В. Поникаровская, А.А. Сизова, А.В. Смирнов, А.К. Сытин, И.В. Тункина; при участии Е.М. Белкиной, В.П. Иванова, Д.А. Кондаковой, А.В. Куприянова, И. Майер. 2-е изд., испр. СПб.: Реноме, 2023. (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; вып. 14). С. 491–500.

Strahlenberg Ph.J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. In einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekannten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario. Stockholm: [s. n.], 1730. 438 S.

Zwicky H.A. Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen: I.N. Heineman, 1853. 481 S.

References

Baipakov, K.M., Erofeeva, I.V., Kazizov, E.S., Yampolskaya, N.V. (2019). *Buddiyskiy monastir Ablai-khit* [The Buddhist Monastery of Ablay-hit]. Almaty, Arkheologicheskaya ekspertiza. 400 p.

Bondar, L.D. (2020). “Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völker”: o datirovke odnogo dokumenta iz arkhiva D.G. Messerschmidta [“Specimen der Zahlen und Sprache einiger orientalischen und sibirischen Völker”: On the Dating of a Document from the Archive of D.G. Messerschmidt]. In *Aus Sibirien – 2019: nauchno-informatsionnyy sbornik*. Tyumen, Tyumen State University, pp. 21–24.

Bondar, L.D. (2022). Lingvisticheskie issledovaniya v nauchnoy ekspeditsii v Sibir (1719–1727): D.G. Messerschmidt i F.I. Strahlenberg [Linguistic research in a Scientific Expedition to Siberia (1719–1727): D.G. Messerschmidt and Ph.J. Strahlenberg]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 21, No. 8, pp. 44–66.

Bondar, L.D., Sizova, A.A. (2022). Buryatskiy slovarnyy material v putevom dnevnike D.G. Messershmida [Buryat Vocabulary in the Travel Diary of D.G. Messerschmidt]. In *Banzarovskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 200-letiyu so dnya rozhdeniya D. Banzarova i 90-letiyu BSPI–BSU. Part 1*. Ulan-Ude, Izdatel'stvo Buryatskogo universiteta, pp. 58–62.

Bondar, L.D., Tunkina, I.V. (Eds.). (2023). “*Sibiria Perlustrata*” D.G. Messershmida – *entsiklopedicheskoe opisanie Sibiri Petrovskoi epokhi* [“Sibiria Perlustrata” by D.G. Messerschmidt – an Encyclopedic Description of Siberia in the Peter the Great era]. St. Petersburg, Renome. 560 p.

Doerfer, G. (1965). Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte (Witsen 1692 bis Zwick 1827). Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 253 p.

Erendzhenova, O.E. (2004). Dzh. Kryuger o kalmytsko-mongolskom slovare F.I. Stralenberga [J. Krueger on the Kalmyk-Mongolian Dictionary by Ph.J. Strahlenberg]. In *Mongolovedenie*. No. 3 (1), pp. 299–308.

Jarring, G. (1974). Philipp Johann von Strahlenbergs kalmuckisk-mongoliska ordlista 1730. In *Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Årsbok*. Stockholm, [s.n.], pp. 70–74.

Krueger, J.R. (1975). The Kalmyk-Mongol Vocabulary in Stralenberg's Geography of 1730. Stockholm, Almqvist & Wiksell intern. 205 p.

Krueger, J.R. (1996). Johann Christian Schnitscher, Captain. An Account of the Kalmyk Land under Ayuki Khan. Stockholm 1744. Bloomington, Mongolia Society. 50 p.

Lehfeldt, W., Bondar, L.D. (Ed.). (2023). “Specimen der Zahlen und Sprache, etc.”. In “*Sibiria Perlustrata*” D.G. Messershmida – *entsiklopedicheskoe opisanie Sibiri Petrovskoy epokhi*. St. Petersburg, pp. 491–500.

Manaster Ramer, A., Bondar, L.D. (2018). Ob avtorstve “*Harmonia linguarum*”, opublikovannoy F.I. Stralenbergom [On the Authorship of “Harmonia Linguarum”, Published by Ph.J. Strahlenberg]. In *Millerovskie chteniya – 2018: Preemstvennost i traditsii v sokhranении i izuchenii dokumentalnogo akademicheskogo naslediya*. St. Petersburg, Renome, pp. 395–427.

Messerschmidt, D.G. (1962–1977). Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Tl. 1–5. Berlin, Akademie Verlag. 380 p.

Muniev, B.D. (Ed.) (1977). Kalmitsko-russkiy slovar [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk. 765 p.

Novlyanskaya, M.G. (1970). *Daniil Gotlib Messershmida i ego raboty po issledovaniyu Sibiri* [Daniel Gottlieb Messerschmidt and His Work on the Study of Siberia]. Leningrad, Nauka. 184 p.

Poppe, N. (1955). Renat's Kalmuck Maps. In *Imago Mundi*. Vol. 12, pp. 157–159.

Ramstedt, G.J. (1935). Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura. 560 p.

Schnitscher, J.Ch. (1744). Berättelse om Ajuckinska Calmuckiet eller om detta folkets ursprung, huru de kommit under ryssarnas lydno, deras gudar, gudsdyrkan och prester, huru de skiftas uti 4 ulusser eller folkhopar, deras politike och philosphi medflera deras lefwernes sätt och seder så wid bröllop som begrafningar. Stockholm, Tryck hos Lars Salvius. 68 p.

Schnitscher, J.Ch. (1764). Zapiska shvedskogo kapitana Ioanna Khristiana Shnichera, kotoryy byl u kitayskikh poslannikov, byvshikh v 1714 godu u Ayuki khana v provozhatykh [A Note by the Swedish Captain John Christian Schnitscher, Who was with the Chinese Envoys Who were Accompanied by Ayuki Khan in 1714]. In *Ezhemesyachnye sochineniya i izvestiya o uchenykh delakh*. November, pp. 428–440.

Sizova, A.A. (2021). Buryatskaya i inoyazychnaya leksika v mongolskom slovnike D.G. Messershmida [Buryat and Foreign Language Vocabulary in the Mongolian Dictionary of D.G. Messerschmidt]. In *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmida v Sibir (1719–1727)*. St. Petersburg, Renome, pp. 343–351.

Sizova, A.A. (2021). Svedeniya o mongolskikh yazykakh v dnevnikakh D.G. Messershmida [Information about the Mongolian Languages in the Diaries of D.G. Messerschmidt]. In *K 300-letiyu nachala ekspeditsii Danielya Gotliba Messershmida v Sibir (1719–1727)*. St. Petersburg, Renome, pp. 330–342.

Sizova, A.A. (2022). Mongolskie teksty, postupivshie v sobranie Akademii nauk v pervoy polovine XVIII v. [Mongolian Texts that Entered the Collection of the Academy of Sciences in the First Half of the 18th Century]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 13, Iss. 4 (114). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840021220-1-1/> (date of access 20.12.2025).

Sizova, A.A., Bondar, L.D. (2023). Buryatskie slovniki D.G. Messerschmidta [The Buryat Vocabularies of D.G. Messerschmidt]. In *Isidis Sibiricae xenium: k 80-letiyu professora Vernera Lefeldta*. St. Petersburg, Renome, pp. 199–217.

Sizova, A.A., Zorin, A.V., Bondar, L.D. (2022). *Slovarnye materialy v dokumentalnom nasledii D.G. Messerschmidta: mongolskiy i tibetskiy slovniki* [Dictionary Materials in the Documentary Heritage of D.G. Messerschmidt: Mongolian and Tibetan Dictionaries]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie, 456 p.

Strahlenberg, Ph.J. von (1730). Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. In einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekannten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario. Stockholm, [s. n.]. 438 p.

Zwick, H.A. (1853). *Handbuch der Westmongolischen Sprache*. Villingen, I.N. Heineman, 481 p.

Д.И. Улбутов*

АНТИГУМАНИЗМ ВЯЧ.И. ИВАНОВА
КАК СПОСОБ ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-3
УДК 930*Выходные данные для цитирования:*
Улбутов Д.И. Антигуманизм Вяч.И. Иванова как способ исторического мышления // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 42–51.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-03.pdf>

D.I. Ulbutov*

IVANOV'S ANTI-HUMANISM
AS A WAY OF HISTORICAL THINKING

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-3

How to cite:
Ulbutov D.I. Ivanov's Anti-Humanism as a Way of Historical Thinking // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 42–51.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-03.pdf>]

Abstract. The article actualizes one of the key problems of historical knowledge – the way of historical thinking, generalizing the basic principles of history, philosophy, psychology, art history and other humanities. The analysis is based on the Vyacheslav Ivanov's works, who addressed the issues of the philosophy of history, forming his own special approach to these problem. In an attempt to define this approach as a working model, the concept of anti-humanism is proposed, describing the theoretical and methodological basis for Vyacheslav Ivanov's understanding of the essence of historical thinking. The main leitmotif of Vyacheslav Ivanov's reasoning in this direction was the simultaneous process of the humanism crisis, the way out of which is thought to be the main task of his work in this period. Among the main source materials, his journalistic and prosaic works published in 1912–1920 are used. They contain the main ideas that allow constructing a system of ideas, the structure and content of historical thinking, which in Vyacheslav Ivanov's work is explicated in the form of an artistic worldview. At the same time, artistic worldview is understood not as a specific view of the world through the analysis of art works, but as a general methodological principle of rethinking the humanistic paradigm in light of the transformation of humanity. Hence, the intersection of the article's subject with another topical issue is revealed transhumanism as a cross-cutting problem linking the most diverse ideas and practices in the history of the human nature study. The multifaceted work of Vyacheslav Ivanov allows us to pose the question of the historical knowledge boundaries in a new way by means of an individualized thinking, consistent with the generally accepted philosophical ideas not only of that era, but also of the present. This is the relevance of the study of Vyacheslav Ivanov's historiography, which reveals a method of understanding history as an instrument of reflection of consciousness. The answer to the question of what is the main content of the artistic method of historical thinking, called "anti-humanism" – is the purpose of this article.

Keywords: humanism, anti-humanism, transhumanism, Vyacheslav Ivanov, historical thinking, artistic worldview, methodology of history.

The article has been received by the editor on 22.09.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Дмитрий Иванович Улбутов**, кандидат исторических наук, Институт развития образования Республики Татарстан, Казань, Россия, e-mail: ulbutdima@rambler.ru
Dmitriy Ivanovich Ulbutov, Candidate of Historical Sciences, Institute of Education Development of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia, e-mail: ulbutdima@rambler.ru

Аннотация. В статье актуализируется одна из ключевых проблем методологии исторической науки – способы исторического мышления, обобщающие основные принципы истории, философии, психологии, искусствоведения и других гуманитарных наук. В основе анализа лежит творчество Вяч.И. Иванова, который в своих публицистических работах обращался к философии истории, формируя специфический подход к проблемам исторического мышления. В попытке определить данный подход в качестве рабочей модели предлагается концепт антигуманизма, описывающий теоретико-методологическую основу понимания Вяч. Ивановым сущности исторического мышления. Основным лейтмотивом его рассуждений в этом направлении стал симультанный кризис гуманизма, выход из которого мыслится в качестве главной задачи его творчества в период кризиса русского символизма. Источниковую базу исследования составили прозаические и эпистолярные произведения Вяч. Иванова, опубликованные в 1912–1920 гг. В них содержатся основные идеи, позволяющие реконструировать структуру и содержание исторического мышления, которое в творчестве Вяч. Иванова эксплицируется в форме артистического мировидения. Однако артистическое мировидение – это не только система восприятия, осмысления и деятельностного преобразования действительности, присущая творческому человеку, но и методологический принцип переосмысления гуманистической парадигмы в контексте трансформации человечества. Таким образом, предмет исследования настоящей статьи пересекается с еще одной важной тематикой – трансгуманизмом как сквозной проблемой, связывающей разнообразные идеи и практики в истории исследования человеческой природы. Многогранное творчество Вяч. Иванова позволяет по-новому поставить вопрос о границах исторического познания посредством индивидуализированного способа мышления, согласующегося с историко-философскими представлениями не только той эпохи, но и современности. В этом заключается актуальность исследования историософии Вячеслава Иванова, в которой обнаруживается метод понимания истории как инструмент рефлексии сознания. Ответ на вопрос, в чем заключается основное содержание артистического способа исторического мышления, условно названного «антигуманизмом», есть цель настоящей статьи.

Ключевые слова: гуманизм, антигуманизм, трансгуманизм, Вяч. Иванов, историческое мышление, артистическое мировидение, методология истории.

Статья поступила в редакцию 22.09.2026 г.

«Для “людей порога” прежняя мера человечности становится тесной... Вот почему то, что ныне мы называем гуманизмом, предопределяя им меру человеческого, должно умереть... И гуманизм умирает»¹.

Эта мысль Вяч. Иванова будто бы сразу же раскрывает смысл темы, основное понятие которой – антигуманизм – предстоит определить. Но начинать придется с гуманизма, т.е. с того, что под этим понимает сам Вяч. Иванов. «Под гуманизмом я разумею этическое-эстетическую норму, определяющую отношение человека ко всему, что отмечено или служит внутренним признаком естественной принадлежности к человеческому роду... Признакам человечности приписывается положительная ценность и мерилom приближения к совершенству человеческой личности признается гармоническое развитие и равновесие этих, в положительном смысле определяющих природу человеческую, свойств и способностей»². Причем в контексте своего философского творчества Вяч. Иванов возводит перво-

¹ Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 372.

² Там же. С. 373.

основу современного ему умирающего гуманизма к античности, точнее к «ионийскому племени эллинов», с его открытостью всему, «что в человеке человечно». В дальнейшем в рамках античной культуры идея гуманизма обрела различные влияния со стороны развивающихся философских и религиозных систем – от александрийского космополитизма через римский универсализм к христианскому всечеловечеству – и стала той самой эмблемой классической древности, которой пытались увенчивать свои идеи «гуманно мыслящие» гуманисты различных эпох вплоть до недавнего времени.

Историческая действительность древнего мира, фундированная перманентными войнами, классическим рабством и гекатомбами жертв ради номинального блага, отнюдь не отвечала представлениям о гуманности. Более того, отцы-основатели античного гуманизма, в которые скорее по привычке, нежели по достоинству, мы записываем Платона с Аристотелем, гуманистами не являлись. Все это давно стало общим местом историографии. Идеи, лежащие в основе гуманизма, на протяжении столетий оставались чуждыми духу своего времени, но тем не менее оказывались востребованными и в практическом, и в теоретическом срезе интеллектуального пространства. В конечном итоге любая идеология, взыскующая к проблеме человеческого самоопределения, вырождается в нечто отрицающее все то, над чем была проведена огромная работа мысли.

Если обратить взор на традиционные трактовки гуманизма (т.е. через призму идеи прав и свобод личности, антропоморфизма мировосприятия, «венценосности» человека как конечного продукта эволюции и т.п.), то можно обнаружить в целом прогрессивную направленность исторического развития человека, подлежащую осмыслению. У Вяч. Иванова же гуманизм превращается в «ярмо», отягощающее свободу человека как таковую (взятое обязательство быть гуманным, поступать гуманно налагает ограничения в естественных предикатах человеческой деятельности), и потому сублимируется в понятии антигуманизм, которое можно выделить из его рассуждений о причинах кризиса современного ему гуманизма.

Говоря об эпохе, когда гуманизм в рафинированном, очищенном от религиозно-мистических примесей виде был положен в основу нового мировоззрения (точнее, мировоззрения Нового времени на Западе), уже тогда одновременно был зачат его антипод. До поры до времени на него не обращали внимания – всем новый идеал казался совершенным и единственно возможным результатом развития культуры. Но не культурным тактом, а «красным культуртрегерством» антигуманизм вырос среди ничего не подозревающих маргиналов и интеллигентов. «Не на гуманистической закваске поднялось это тесто, и не напечешь из него опресноков, потребных для обоготворения “гордого человека”, а для ереси “человекобожия”, соблазн коей усмотрели в нем некоторые религиозно-мнительные наши современники. Ибо есть в нем живая закваска, и имя этой закваске – воля Адама, – не благая и не злая сама по себе, скорее – благая и злая вместе, – к реализации своего единства, – тот же, стало быть, древний импульс, что сказывался еще в Платоновых прозрениях антигуманистического Града»³.

Категория гуманизма уже давно обросла аксиологическим содержанием, таковым, что приставка «анти» формирует однозначно негативное восприятие контрарного понятия. Возможно, данное соображение также стало объектом размышлений Иванова, ибо его взгляд «по ту сторону гуманизма» приводит к появлению эвфемизма для этого слова. Если каждая мысль, претендующая на значение научной идеи, «должна креститься в прозрачном Иордане идей – эллинском слове», то для этого Вяч. Иванов вводит понятие монантропизм. Но какое же тождество обнаруживает данное понятие по отношению к антигуманизму? Ответ кроется в методе. Μόνος ὁ ἄνθρωπος – один человек, или одинокий человек, в смысле самодостаточный, стоящий в начале, первый, начинающий действие и т.д. Все эти и другие возможные лингвистические контексты перевода данного понятия реанимируют панадамическую идею: «все мы – единый Адам»⁴. При этом Вяч. Иванов отдает себе отчет в том, что какой бы миро-

³ Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 376.

⁴ Там же. С. 380.

спасительной ни была идея внутреннего откровения через осознание единосущности каждого из людей, на практике эти люди с легкостью прерывают земное существование друг друга. Ни одна мораль, заповедь, категорический императив не смогли обуздать ту адамическую (т.е. изначально присущую человеку) страсть к познанию, познанию как присоединение не своей сущности к своей сути, которую испытывает любой человек в определенный момент жизни. И в этом заключен процесс импроприации одной единицы другой, который в человеческих смысловыражениях означает самоуничтожение. В этом значении монантропизм так же противоположен гуманизму, как и сам антигуманизм.

В рассуждениях Иванова на тему гуманизма первичным материалом служит культура, причем в самом широком значении данного слова. Как гласит одно из определений культуры в этом контексте, культура есть все то, что создано умом и руками человека. Следовательно, культура изначально гуманистична. Однако главной проблемой является дискуссия о том, кто есть создатель. Примерно в этом ключе можно интерпретировать знаменитую «Переписку из двух углов» между Вяч. Ивановым и Михаилом Гершензоном.

Начинается дискуссия с констатации того факта, что кантианский переворот в теории познания⁵ спустя сто лет исчерпал свой потенциал, и философы, а вслед за ними художники своим творчеством вновь сумели «объективировать» существование мира, подтверждаемого реальным субъективным опытом. Оппонируя Гершензону, Вяч. Иванов возражает: «Вы не мыслите пребывания в культуре без существенного с нею слияния. Мне же думается, что сознание может быть всецело имманентным культуре, но может быть и частью лишь имманентным ей, частью же трансцендентным»⁶. Примером трансценденции сознания является религиозная вера, или иначе – вера в абсолютное, которая уже не есть культура, ибо для верующего его религия вне культуры, над культурой. Иванов твердо убежден в необходимости веры как внеположной по отношению к культуре духовной сути, не приемлет руссоизма, который в некотором смысле индульгирует бездуховное естество человека, противопоставляя «*errare humanum est*» сакральному «*esse homo*», «отрицая присутствие исконного греха “индивидуации”, которым отравлена вся историческая жизнь человечества – вся культура»⁷.

Гершензон всецело убежден, что истина давно обретена человечеством, но со временем превратилась в каменные скрижали с непонятными ценностями. Это «тиранические ценности», утверждает Гершензон, ибо они довлеют над каждым человеком, заставляя безропотно исполнять то, что даже еще непонято – вот что такое вера! Гуманизм освобождает человека от пут заблуждений и недопонимания, тем самым делает факт деятельности человека объективной ценностью. «Всё объективное зарождается в личности и первоначально принадлежит только ей», – пишет Гершензон⁸. Какова бы ни была ценность, ее онтогенез неизменно составляют одни и те же три фазы: сначала ценность ничто для мира, затем она вочеловечивается, т.е. появляется её пассионарный носитель, который становится исторической личностью, например, и затем она деперсонифицируется, приобретает статус категорического императива, духовно-нравственного аттитюда, приспособленного для универсального использования. На самом деле истинна только та ценность, которая обнаружена на самой первой стадии своего роста. Потом мир вовлекает цветущую истинную ценность в свои жизненные циклы. В мире ценность сама по себе индифферентна, но включается только как основание, к которому можно апеллировать в случае жизненной необходимости. Мир распознал в ценности некую хтоническую силу, заложенную в ней, и хочет использовать эту силу для извлечения жизненных кондиций. Отношения мира и ценности выводятся на новый уровень: ценность определяет равновесное состояние мира, а тот, в свою

⁵ «Нет ничего существенного; все, что кажется сущим – только планомерно создаваемые образы (воображение). Истина, обнаруженная Кантом, в том, что формальные категории нашего познания, категории времени, пространства и причинности, – не реальны, а идеальны, присущи не миру, а сознанию и им накладываются на опыт, как линейная сеть на ландшафт». См.: *Иванов В.И. Собрание сочинений...* Т. 3. С. 389.

⁶ Там же. С. 391.

⁷ Там же. Т. 3. С. 410.

⁸ Там же. С. 398.

очередь, формулирует конкретные аксиологические предикаты. Поэтому в универсальном использовании ценность всегда дифференцируется, распадается на частные смыслы, в которых отсутствует ее сущность, так как лишь в своей полноте она может быть полезной. «Как дуб нужен людям не в природном своем состоянии, но распиленный на части, так ценность мила им только в дроблении ее существа, как многообразная полезность. Наконец полезность становится общепризнанной ценностью, и ее венчают на царство. Венценосная ценность холодна и жестока, а с годами и вовсе каменеет, превращается в фетиш»⁹. А если под ивановским «миром» подразумевать человечество вообще, то аксиологический поворот в его рассуждениях ожидаемо приводит к кризису гуманизма и поиску выхода из него.

В ходе дискуссии Вяч. Иванов и Гершензон затронули самые разнообразные философские проблемы, в том числе вопросы способа или метода исторического мышления. Как ни парадоксальны порой казались некоторые высказанные ими идеи, они полностью укладываются в систему творческого (в узком смысле) восприятия окружающей действительности. Да, они субъективны, конечны, взыскуют к однозначному пониманию их сути, но они позволяют нам расширить круг разрабатываемых проблем, связанных с интерпретацией антигуманизма и осмыслением историософии. Стоит отметить стремление Иванова-лирика найти доказательства строгого (научного) метода объяснения подобных философских категорий. Причем метод этот именно исторический (не историко-генетический), т.е. исходящий из особенностей исторического формата мышления. Такой подтип научного мышления не столько операционализирует исторические факты в качестве исходного материала для конструирования объяснительных моделей, сколько принципиально ставит результат исторического мышления – историческое сознание – в зависимость от процесса. Мышление определяет сознание, но не наоборот! В контексте рассуждений о ценностях Иванов вдруг неожиданно заявляет: «Впрочем, речь идет не о содержании, а о методе отношения к ценностям – метод исторический по преимуществу и социальный, даже государственный, а не утопический и анархический, т.е. индивидуальный, метод»¹⁰.

Когда речь заходит о методах научного познания, первое, на что ориентируется наше мышление, – это выделение базовой установки, или ведущего методологического принципа. В творчестве Вяч. Иванова априори считается филолого-герменевтический метод установления логической последовательности объяснения. В ряде писем, адресованных западным писателям, философам, деятелям искусств, Иванов постулирует наличие некоторого синкретического метода познания через синтез науки и искусства. Он последовательно отвергает наиболее продуктивные теории того времени: позитивизм, материализм, «интегральный марксизм», психоанализ. Его не устраивает даже пережитый им самим иррациональный опыт непосредственного прямого проникновения в сокровенные тайны психики, когда обостренное восприятие доходило иногда до объективации в символах сна и даже до галлюцинаций¹¹. Но Вяч. Иванов сам же затрудняется определить то, что он чувствует и как воспринимает реальность: «Не умею я определить природу того произвольного, интимного проникновения, которое, по правде сказать, весьма мало походило на действительную ясность ума... Пусть то была недостаточная ясность моего зрения, но все же: сколько

⁹ Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 399.

¹⁰ Там же. С. 405.

¹¹ На фоне смерти жены (Лидии Зиновьевой-Аннибал) Иванов испытал компульсивно-обсессивное расстройство, преодолев которое, он впоследствии попытался рационально описать, если не объяснить, пережитое. «С первых шагов моих долгих странствий проявилась существенная черта моей внутренней жизни: среду, меня окружающую, даже самую обычную, я способен был видеть реально, т.е. в связи с реальностью Идеи, не иначе как извне и на некотором расстоянии от круга непосредственных впечатлений, которые своей насильственно вторгающейся суестью оттесняют, приводя ее в состояние инерции, ту отрешенную прозрачную сферу, где в нас образуются синтетические узрения, интегральные понимания, которые (они одни) показывают нам подлинную сущность вещей, ранее нами наблюдаемых лишь в их аспекте случайном и преходящем: впрочем, многим умозрительно мыслящим знаком такой опыт, и только смерть в свой час озабочится удостоверить его истинную ценность. И вот: переход от относительной слепоты эмпирического состояния к относительному ясновиденью трансцендентного созерцания ощущался мною особенно остро, потрясал меня до самых глубин именно тогда, когда телесно разлученный с моею родиной, я пытался издали всматриваться в ее загадочный облик». См.: Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 421.

я ни пытался вникать в историческую память моего народа, сколько ни занимался рассмотрением его многообразных творческих проявлений, мои наблюдения, мои умозрения даже и не затрагивали самого основания волнительной проблемы, которая противилась всем попыткам ее рационально познать»¹².

Что ж, попробуем мы сделать то, к чему стремился Вяч. Иванов, памятуя, что это будет не продолжением его работы, а новое дело вместо него. Важной зацепкой здесь стали его слова «зрение» и «историческая память народа». Практически в одном предложении оказался сформулирован принцип мировоззрения – мировидение через призму истории. Другими словами, что более релевантно для многогранного творчества Вяч. Иванова, «философия искусства переходила тем самым в философию истории»¹³. Какой по своим существенным признакам стала эта философия истории, будет сказано ниже. Здесь же важно не упустить связь между способом решения поставленной задачи и формирующейся специфической методологией Вяч. Иванова.

Рассмотрение историко-философских аспектов кажется наиболее подходящим материалом для этого, поскольку именно историософия оказывается средоточием многих топосов в творчестве Вяч. Иванова¹⁴. В традиционной философии истории объектом, над которым преломлялись лучи познания, была сама жизнь (реальность). Возведя жизнь в культ, мыслители начала XX в. попытались отыскать в прошлом новые основания для строительства новой жизни. «Впрочем, этот наш культ жизни, хоть он представляется независимым от теоретических построений, все же сам по себе является красноречивым примером естественного, органического, почти бессознательного перехода идей, выработанных на вершинах отрешенного созерцания, в реальные двигатели социальной психики: ведь этот культ жизни предвлялся в сфере умозрения движением, пытавшимся оспаривать и уменьшать доверие к абстрактному мышлению – в решениях, касающихся конкретного, в сущности иррационального факта самой жизни»¹⁵. В этой диалектически снятой контрастности последовательных тактов мышления конечным продуктом становится категория исторической предопределенности. В процессе складывания современного типа мышления, подтипом которого, как мы определили выше, является мышление историческое, рассудок постепенно аннулирует (т.е. вытесняет) приоритетность так называемого «безумия начальных узрений»¹⁶, что делает воспринимаемую картину мира монохромной, механистичной, плоской. Исследователь как бы опускается ниже абстрагированного мышления; он пытается посредством рассудочной оптики охватить природу исторического явления, думая, что уже достаточно далеко вышел за ее пределы. Но историческая реальность все так же недоступна эмпирическому созерцанию, без чего даже простое историко-стохастическое объяснение – «так исторически сложилось» – неспособно валидно сформировать целостную картину мира. И как результат исследователь наблюдает и может зафиксировать лишь поверхностную, механически отчужденную от реальности картину. При этом остается четкое понимание того, что под этой поверхностью имеется бездна, проникнуть в которую можно, но пока неизвестно как. «Человек подменил изначальное ясновиденье вещей божественных остротою зрения в тумане мрачного мира, куда спустился и где остался. И не знает он, что слепота духовная есть только испытание, что он должен вопреки всему выполнять свою высшую задачу, не подозревая даже, что его погружение в материализм провиденциально, не предвидя своего будущего примирения с Природою, против которой он борется ныне и которую угнетает, но которая уже готова предложить ему в какой-то далекий день совсем иное сотрудничество»¹⁷. Посему получается, что единственный путь недопущения дегуманизации человечества – это опора на духовные сущности. Наверное, Иванову-лирику это было очевидно, но Иванову-метафизику понадобились логические доказательства.

¹² Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 423.

¹³ Степун Ф.А. Встречи. Достоевский, Л. Толстой, Бунин, Зайцев, В. Иванов, Белый, Леонов. Мюнхен, 1962. С. 148.

¹⁴ Бондарь О.П. Историософия Вячеслава Иванова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001. С. 3.

¹⁵ Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 457.

¹⁶ Там же. С. 467.

¹⁷ Там же. С. 471.

Теперь возможно ответить на вопрос, каким по своим сущностным признакам является мировидение Вяч. Иванова. В парергах к своим рассуждениям на темы культуры, истории, религии, аксиологии Вяч. Иванов как бы невзначай, но в то же время настойчиво разворачивается к проблеме эстетического выражения этих сущностей. «Искусство есть создание красивых вещей, а “разум красоты”, *ratio pulchri*, как говорили схоластики, есть форма. Все искусство направлено на создание форм. Форма – не средство, а цель; и ничего нет столь тайного и несказанного, что не смогло бы обратиться в эпифанию формы посредством искусства»¹⁸. В определенный момент наука, полагаящая в качестве своего предмета эстетику, провозгласила тождественность формы и содержания. Но это не решило проблему. Форма здесь понимается в аристотелевском смысле как имманентный вещам их акт, реализующий потенциальные возможности меонической, т.е. бесформенной материи. Иванов в свою очередь выводит новую логическую экспликацию гегелевского Снятия (*Aufhebung*) по аналогии со спинозовской суппозицией: *forma formans*, *forma formata*. На русский Иванов переводит это как «форма зиждущая и созижденная». Помимо наличия функционально-логической структуры данной формулы, в ней заложен механизм разворачивания образа вещи или ее прототипа (εἶδωλον) в готовые формы. «Единая глыба мрамора, о которой говорит Микель-Анджело в своем знаменитом сонете¹⁹, есть *forma formata*, которая поверхностью своей передает идею (т.е. зиждительную форму) великого мастера. Чем ближе *forma formata* к идее, ее предварявшей, тем совершеннее произведение искусства. И нет в произведении том никакого другого “содержания”, кроме той идеи, его зиждущей формы (*forma formans*), которая, прежде чем обнаружиться в слове или мраморе, в звуках или красках, уже духовно определяла всю полноту и целостность творящей художественной интуиции»²⁰. Как непосредственное воплощение этого способа мировидения можно рассматривать так называемую специальную теорию творчества Вяч. Иванова, которую он разрабатывает в эссе «О границах искусства». В ее основе лежит поэтапная схема анабатического и катабатического движения художественной интуиции, рождающей произведение искусства. Формально данная схема (для наглядности она представлена графически)²¹ описывает поэтическое творчество на примерах произведений Данте, Петрарки и Гёте. Однако сам автор полагает, что если искусство в целом служит познанию и «что род познания, представляемый искусством, в известном смысле превосходит познания научного»²², то мы вправе использовать ее в расширительном контексте, в том числе решая проблемы исторического познания. В целом схема последовательного либо встречного движения противоположных сущностей широко представлена в философии истории и призвана объяснить генезис и функционирование мира. Так, в ярко выраженном виде философа становления сущности из противоположностей представлена у Гераклита, из формул которого – «панта рей» и «пантон патер» – вытекает идея перманентного столкновения противотоков, некоего постоянного «опрокидывания» (διαβάλλω) всех сущностей в свою противоположность. Принцип слияния потоков и противотоков, т.е. «энантиодромии»²³, содержится в фрагменте 88 Гераклита: «Одно и то же в нас – живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое, ибо эти [противоположности], переменившись, суть те, а те, вновь переменившись, суть эти»²⁴. Более конкретно о становлении мира из противоположных начал пишет Николай Кузанский, который сформулировал представление о Вселенной как о сопряженности развертывания (*explicatio*) и противоположного ему свертывания (*complicatio*) космогониче-

¹⁸ Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 675.

¹⁹ «И высочайший гений не прибавит / Единой мысли к тем, что мрамор сам / Таит в избытке, – и лишь это нам / Рука, послушная рассудку, явит». См.: Поэзия Микеланджело в переводе А.М. Эфроса. М., 1992.

²⁰ Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 679.

²¹ Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 631.

²² Там же. С. 641.

²³ Ханзен-Леве Аге А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. С. 72, 79.

²⁴ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С. 213.

ских сил. Графически оно выражено в виде двух встречно направленных и взаимопроникающих треугольников, один из которых символизирует «пирамиду света» (или единства), входящего во «тьму», а второй – «пирамиду тьмы» (или инакости), поглощающей «свет»²⁵. И даже в современных (для Вяч. Иванова) представлениях об эквивалентности строения макро- и микрокосмоса принцип «энантиодромии» не утрачивает объяснительный потенциал, в частности в учении о психологических типах К.Г. Юнга, который, отталкиваясь от идей Гераклита, разработал практический метод уравнивания сознательных и бессознательных движений психики²⁶.

Историософия Вяч. Иванова формировалась в когерентной среде модерна, а затем и постмодерна. Проблема метода познания прошлого, использующего в качестве первичного материала образы и идеи, зашифрованные в произведениях искусства, становится одной из ведущих, о чем свидетельствует целый ряд исследователей-искусствоведов, внесших значительный вклад в разработку этой методологии²⁷. Вяч. Иванов, как и все они, пытался проникнуть в понимание сущности творческой деятельности человека. Возможно, он превосходит своего рода артистический метод исторического мышления, который был описан выше под рабочим наименованием «антигуманизм». В этой связи необходимо отметить, что так называемое «артистическое видение» предполагает не конкретно-специфический взгляд на мир через анализ произведений искусства, а общеметодологический принцип переосмысления гуманистической парадигмы в свете современной трансформации человечества. Интересен факт, что Вяч. Иванов, пожалуй, первым употребил понятие трансгуманизм в современном значении (в статье «О кризисе гуманизма» 1919 г.), т.е. задолго до Дж. Хаксли и других «авторитетов». Хотя в этой статье он пишет про «музыкальный трансгуманизм» Скрябина²⁸, но контекст высказывания позволяет сделать вывод о том, что на тот момент понятие трансгуманизма уже было им сформулировано и появилась возможность употреблять его для решения конкретных задач. Справедливым будет привести слова самого Вяч. Иванова, сказанные им о Гёте, но уже в его собственный адрес: «В самом деле, обозревая всю огромную деятельность этой сверхчеловечески вместительной жизни, мы видим, что, питая и преобразуя современность, он вместе с тем ставил вопросы, самый смысл которых современность ещё не вполне понимала, и отчасти уже давал ответы на ещё не поставленные временем вопросы»²⁹.

Закljučая рассмотрение вопроса о потенциальном способе артистического мировидения как одного из проявлений процессуальности исторического мышления, нужно сказать, что Вяч. Иванов своей философией истории создал почву для сближения исторической науки и искусства, преодолевая социологичность первой и индивидуальность второго. История как повествование о реальном оказывается подвидом искусства как повествования

²⁵ Николай Кузанский. О предположениях: в 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 207.

²⁶ Юнг К.Г. Психологические типы. 2-е изд., с изм. Минск, 2017. Характерно, что труд Юнга вышел в 1921 г., т.е. Иванов фактически на 7 лет раньше по-своему предвосхитил применение модели артистического мировидения в описании психических феноменов.

²⁷ К этому ряду следует отнести прежде всего Я. Буркхардта (теория культурологии, см.: Махов А.Е. Якоб Буркхардт – критик истории и историк «духа» // Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 2001. С. 475–510), ученика и продолжателя традиции Буркхардта Г. Вельфлина (теория «формального искусства», см.: Рыков А.В. Формализм, авангард, классика. Генрих Вельфлин как теоретик искусства // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 22. С. 155–160), А. Варбурга (иконологический метод искусствоведческого анализа, см.: Торопыгина М.Ю. Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. М., 2015. 368 с.), П.П. Муратова (метод художественно-критического эссеизма, см.: Медведва М. Традиции и новации: методологическая специфика книги П.П. Муратова «Образы Италии» // «Образы Италии» П.П. Муратова: сб. эссе. М., 2018. 19–41) и др.

²⁸ «Это отщепенство от канона, основанного на идее единства нормативной деятельности человеческого духа, – от канона не эстетического только, но существенно этического, – есть музыкальный трансгуманизм, долженствующий всякому правоверному гуманисту показаться даже не хаосом, “родимым” и “звезду рождающим”, а “безумья криком ужасным, потрясающим душу”, пэаном неистовства и разрушения». См.: Иванов В.И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 378.

²⁹ Иванов В.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 113.

о возможном³⁰. Историк как бы совершает погружение в изучаемый объект, при этом не воссоздает прошлое, а рассказывает о том, что видит. Это есть творческий акт, в котором реализует себя историк в ипостаси теурга, чей замысел воплощается «как теория строгой преемственности не только и не столько произнесенного, сколько прозренного в поэтических интуициях, нераздельно связанных с внутренним опытом»³¹. Как и любой творческий акт, историописание обладает эффектом снятия: творя историю, историк как бы раздвигает время, перманентно довлеющее над существованием человека, преодолевая тот самый «теургический порог». В этом кроется сущность исторического мышления и суть постижения истории по Вяч. Иванову. Его способ мышления ставит на место застоявшегося гуманистического самоутверждения человеческого индивида («homo faber») динамическую проблему духовного возрастания («homo patiens»). Ведь человечность есть самоощущение и самоузнавание личности через обращение к предельным актам резильентности, которое еще Гёте формулировал так: «умри и стань!» («stirb und werde»), имея в виду, что пока человек не сделает этого (преодолеет собственную природу), он всего лишь «хмурый гость на земле суровой»³². Утверждение о том, что человек – нечто в нас, что должно быть превзойдено и преодолено, есть лемма трансгуманизма, а значит и есть реверсивный антигуманизм Вяч. Иванова, который в последующие годы определяет его методологические установки. И в дальнейшем «поздний» Иванов по-прежнему будет отстаивать автономию гуманистической парадигмы от исторической науки, в которой пресловутый «фонарь циника» пока что высвечивает антипода гуманизма.

Литература

- Бондарь О.П. Историософия Вячеслава Иванова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2001. 18 с.
- Гёте И.В. Собр. соч. в десяти томах. М.: Художественная литература, 1975. Т. 1: Стихотворения. 528 с.
- Иванов В.И. Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. 2. 871 с.
- Иванов В.И. Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. Т. 3. 913 с.
- Иванов В.И. Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. Т. 4. 801 с.
- Махов А.Е. Якоб Буркхардт – критик истории и историк «духа» // Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М.: Интрада, 2001. С. 475–510.
- Медведва М. Традиции и новации: методологическая специфика книги П.П. Муратова «Образы Италии» // «Образы Италии» П.П. Муратова: сб. эссе. М., 2018. С. 19–41.
- Николай Кузанский. О предположениях. Соч. в 2 т. / сост. В.В. Биbihина. М., 1979. Т. 1. 488 с.
- Поэзия Микеланджело / пер. А.М. Эфрос. М.: Искусство, 1992. 144 с.
- Рыков А.В. Формализм, авангард, классика. Генрих Вельфлин как теоретик искусства // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 22. С. 155–160.
- Степун Ф.А. Встречи. Достоевский, Л. Толстой, Бунин, Зайцев, В. Иванов, Белый, Леонов. Мюнхен: Товарищество Зарубежных Писателей, 1962. 202 с.
- Торопыгина М.Ю. Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 368 с.
- Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / подгот. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 577 с.

³⁰ Удивительным образом данная идея Б. Кроче, несмотря на принципиальные разногласия по основным вопросам философии истории, совпадает с мыслями Иванова на этот счет. См.: Шишкин А.Б., Джулиано Дж. Вокруг встречи Бенедетто Кроче и Вяч. Иванова // *Laurea Logae*: сборник памяти Л.Г. Степановой. СПб., 2011. С. 396–408.

³¹ Худушина И.Ф. Вяч. Иванов: метафизика национального самоопределения // *История философии*. Вып. 2. М., 1998. С. 89.

³² Иоганн Вольфганг Гёте. Собр. соч. в десяти томах. Т. 1: Стихотворения. М., 1975. С. 332.

Ханзен-Леве Аге А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. 816 с.

Худушина И.Ф. Вяч. Иванов: метафизика национального самоопределения // История философии. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 1998. С. 88–99.

Шишкин А.Б., Джулиано Дж. Вокруг встречи Бенедетто Кроче и Вяч. Иванова // *Laurea Loraе*: сборник памяти Л.Г. Степановой. СПб.: Нестор-История, 2011. 727 с.

Юнг К.Г. Психологические типы. 2-е изд., с изм. Минск: Харвест, 2017. 528 с.

References

Bibikhina, V.V. (Comp.). (1979). *Nikolay Kuzanskiy. O predpolozheniyakh. Tom 1* [Nikolay Kuzanskiy. About assumptions. Vol. 1]. Moscow. 488 p.

Bondar, O.P. (2001). *Istoriosofiya Vyacheslava Ivanova* [Historiosophy of Vyacheslav Ivanov], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 18 p.

Efrosa, A.M. (Trans.). (1992). *Poeziya Mikelandzhelo v perevode* [Michelangelo's Poetry]. Moscow, Iskusstvo. 144 p.

Goethe, I.V. (1975). *Sobranie sochineniy v desyati tomakh. Tom 1: Stihotvoreniya* [Collected Works in Ten Volumes. Volume 1: Poems]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 528 p.

Ivanov, V.I. (1974). *Sobranie sochineniy. Tom 2* [Collected Works. Vol. 2]. Brussels, Foyer Oriental Chrétien. 871 p.

Ivanov, V.I. (1979). *Sobranie sochineniy. Tom 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels, Foyer Oriental Chrétien. 913 p.

Ivanov, V.I. (1987). *Sobranie sochineniy. Tom 4* [Collected Works. Vol. 4]. Brussels, Foyer Oriental Chrétien. 801 p.

Jung, K.G. (2017). *Psikhologicheskie tipy* [Psychological Types]. Minsk, Kharvest. 528 p.

Khanzen-Löve Aage, A. (2003). *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeicheskiy simvolizm nachala veka. Kosmicheskaya simvolika* [Russian Symbolism. The System of Poetic Motifs. Mythopoetic Symbolism of the Early 20th Century. Cosmic Symbolism]. St. Petersburg. 816 p.

Khudushina, I.F. (1998). Vyacheslav Ivanov: metafizika natsional'nogo samoopredeleniya [The Metaphysics of National Self-Determination]. In *Istoriya filosofii*. Iss. 2. Moscow, IF RAN, pp. 88–99.

Lebedev, A.V. (Publ.). (1989). *Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov. Chast' I. Ot epicheskikh teokosmogoniy do vozniknoveniya atomistiki* [Fragments of Early Greek Philosophers. Part I. From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism]. Moscow, Nauka. 577 p.

Makhov, A.E. (2001). Yakob Burkkhardt – kritik istorii i istorik “dukha” [Jacob Burckhardt: A Critic of History and a Historian of the “Spirit”]. In *Burkkhardt Ya. Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniya*. Moscow, Intrada, pp. 475–510.

Medvedva, M. (2018). Traditsii i novatsii: metodologicheskaya spetsifika knigi P.P. Muratova “Obrazy Italii” [Traditions and Innovations: The Methodological Specificity of P.P. Muratov's Book “Images of Italy”]. In *“Obrazy Italii” P.P. Muratova*. Moscow, pp. 19–41

Rykov, A.V. (2015). Formalizm, avangard, klassika. Genrikh Vel'flin kak teoretik iskusstva [Formalism, Avant-Garde, and Classics. Heinrich Wölfflin as an Art Theorist]. In *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. No. 22, pp. 155–160.

Shishkin, A.B., Giuliano, G. (2011). Vokrug vstrechi Benedetto Kroche i Vyach. Ivanova. [Around Appointment of Benedetto Croce and Vyacheslav Ivanov]. In *Laurea Loraе: sbornik pamyati L.G. Stepanovoy*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 727 p.

Stepun, F.A. (1962). *Vstrechi. Dostoevsky, Tolstoy, Bunin, Zaitsev, Ivanov, Belyy, Leonov* [Meetings. Dostoevsky, Tolstoy, Bunin, Zaitsev, Ivanov, Belyy, Leonov]. München, Товарищество Зарубежных Писателей. 202 p.

Toropygina, M.Yu. (2015). *Ikonologiya. Nachalo. Problema simvola u Abi Varburga i v ikonologii ego kruga* [Iconology. The Beginning. The Problem of the Symbol in Aby Warburg's Iconology and in the Iconology of His Circle]. Moscow, Progress-Traditsiya. 368 c.

Д.А. Бакланов*

**ПЕРСОНАЛИЗМ И «ПОИСК СВОБОДЫ»:
ШТРИХИ К ПОНИМАНИЮ ИСТОРИИ
ИСАИЕЙ БЕРЛИНЫМ**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-4
УДК 930.2*Выходные данные для цитирования:**Бакланов Д.А. Персонализм и «поиск свободы»: штрихи к пониманию истории
Исайей Берлиным // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 52–60.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-04.pdf>*

D.A. Baklanov*

**PERSONALISM AND THE “SEARCH FOR FREEDOM”:
TOUCHES TO THE UNDERSTANDING OF HISTORY
BY ISAIAH BERLIN**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-4

*How to cite:**Baklanov D.A. Personalism and the “Search for Freedom”:
Touches to the Understanding of History by Isaiah Berlin // Historical Courier, 2026,
No. 3 (47), pp. 52–60. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-04.pdf>]*

Abstract. The paper presents an analysis of the historical model of Isaiah Berlin (1909–1997) using the example of his understanding of the Russian intelligentsia and its specific representatives in the context of the development of intellectual history in the middle of the 20th century. Berlin was primarily famous for his research in understanding the problem of “liberty” (or “freedom”). The author shows how Berlin’s creative activities in this sphere are related to the theoretical and methodological features of his vision of the past. Berlin’s political and philosophical constructions were closely intertwined with his research in the field of Russian thought of the 19th century. Numerous characters of his essay (V.G. Belinsky, A.I. Herzen, M.A. Bakunin, L.N. Tolstoy, and others) became Berlin’s original guides not only to the intellectual landscape of the era, but also formed a solid foundation for his understanding of “freedom”. It was possible to identify a significant influence on Berlin of the Russian philosophical tradition, especially personalism (N.A. Berdyaev), as well as the historical constructions of R.G. Collingwood. Berlin’s explanations on the problem of “freedom” predetermined that personalistic orientation, where the personality was placed at the forefront in a dialogical and polyphonic unity with its creative, spiritual world. Thus, the philosophy of personalism, coupled with the “search for freedom”, became the fundamental principles for Isaiah Berlin, determining both the content of a number of his essays and their external form.

Keywords: Isaiah Berlin, liberty, freedom, intellectual history, history of ideas, personalism, N.A. Berdyaev, R.G. Collingwood, Russian intelligentsia.

*The article has been received by the editor on 13.01.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье представлен анализ исторической модели Исаи Берлина (1909–1997) на примере осмысления им русской интеллигенции и ее конкретных представителей в контексте развития интеллектуальной истории середины XX в. И. Берлин в первую очередь прославился своими изысканиями в осмыслении проблемы

* **Даниил Антонович Бакланов**, аспирант, ассистент кафедры истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, e-mail: bdaniil.01@mail.ru

Daniil Antonovich Baklanov, Postgraduate Student, Assistant of the Department of history and theory of historical science of the Historical faculty of the Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: bdaniil.01@mail.ru

«свободы». Автор статьи показывает, каким образом творческая активность Берлина в этой сфере связана с теоретико-методологическими особенностями его видения прошлого. Политико-философские построения Берлина тесно переплетены с его изысканиями в области русской мысли XIX столетия. Многочисленные герои эссе (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, Л.Н. Толстой и др.) стали для Берлина своеобразными проводниками не только в интеллектуальный ландшафт эпохи, но и составили крепкий фундамент его понимания «свободы». Удалось выявить существенное влияние на Берлина русской философской традиции, в особенности персонализма (Н.А. Бердяев), а также исторических построений Р.Дж. Коллингвуда. Изыскания Берлина в отношении проблемы «свободы» предопределили ту персоналистическую ориентацию, где во главу угла ставилась личность в диалогическом и полифоническом единстве с ее творческим духовным миром. Тем самым философия персонализма вкупе с «поиском свободы» стали основополагающими установками для Исайи Берлина, предопределив и содержательное наполнение ряда его эссе, и их внешнюю форму.

Ключевые слова: Исайя Берлин, свобода, интеллектуальная история, история идей, персонализм, Н.А. Бердяев, Р.Дж. Коллингвуд, русская интеллигенция.

Статья поступила в редакцию 13.01.2026 г.

Введение. Имя Исайи Берлина (1909–1997), британского мыслителя с русско-еврейскими корнями, прочно ассоциируется с понятием «свободы»¹. Знаменитое эссе о двух видах «свободы» – «позитивной» (свобода «для») и «негативной» (свобода «от») (1958 г.), выросшее из инаугурационной лекции при его вступлении в должность чичелийского профессора Оксфорда, стало доминантой и своеобразной точкой отсчета в многочисленных попытках представить общую картину складывания Берлина как теоретика современной либеральной политической мысли. Одни считают, что берлиновский либерализм – его нередко называют «агональным»² – имеет исконно западноевропейскую тональность, другие ищут и находят его глубинные корни в русской философской традиции³. Интеллектуальные поиски Берлина в отношении понятия «свободы» нередко ставятся в один ряд с более поздними конструктами ученого, например «объективным горизонтом ценностей», дополнившими его оригинальный взгляд на проблему либерализма. Между тем Берлин не оставил после себя какой-либо единой философской системы⁴ – в определенной мере это противоречило его собственным представлениям: его мысль раскрывается в многочисленных осколках, разбросанных в целой россыпи текстов, лекций, интервью.

В общем историографическом разрезе слава Исайи Берлина как политического философа сильно перевешивает его достижения в области изучения в большей степени русской (ранний период творчества), в меньшей степени – европейской (зрелый и поздний этап, соседствующий с его осмыслением общефилософских проблем) мысли XVIII и XIX вв.⁵ Порой два его амплуа – политического философа и историка идей – сильно разводятся между собой и осмысляются опосредованно друг от друга, что затрудняет более целостное понимание творческого наследия Берлина. В настоящей статье предпринята попытка наметить новые штрихи в его подступах к осмыслению понятия «свободы», в том числе

¹ См.: Поляков Л.В. О понимании свободы. Перечитывая Исайю Берлина // Полития. 2009. № 1. С. 78–91; MacCallum G.C. Negative and Positive Freedom // The Philosophical Review. 1967. Vol. 76, № 3. P. 312–334.

² Паньковский А. Агональный либерализм Исайи Берлина // Логос. 2003. № 4–5. С. 166–177; Грановская О.Л. Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 126–135.

³ Грановская О.Л. Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51–59.

⁴ Грановская О.Л. Исайя Берлин как философ и педагог // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 166.

⁵ Сам Берлин называл себя именно «историком идей».

выявив возможные влияния на его построения 1940–1950-х годов – периода активного изучения Берлиным русской интеллектуальной истории.

Персонализм в историко-философских построениях И. Берлина. Отличительной особенностью Исайи Берлина как историка является его внимание к мыслителям прошлого, что находит свое отражение в акцентированном выстраивании нарратива в отношении конкретных персоналий. На первый взгляд совершенно предсказуемый ход в случае работ Берлина имеет далеко не столь очевидный философский базис, который произрастает из глубин его ранних интеллектуальных поисков.

Берлин, будучи выпускником и в дальнейшем преподавателем Оксфордского университета, переживал период своего профессионального становления под отзвуки гремевшего в 1920–1930-е годы в Англии логического позитивизма как части аналитической традиции: его коллегами были, например, такие ученые, как Дж. Остин и А. Айер – с последним юный Берлин состоял в дружеской конкуренции. Приверженцы данного направления философской мысли понимали мир через систему строго научных терминов и понятий. Берлин довольно быстро отошел от подобного взгляда⁶, в ходе одной из дискуссий обозначив свою философскую позицию как «персоналистскую»⁷. Этот момент весьма показателен, и неслучайно исследователи творчества Берлина сопоставляют его идеи с философскими моделями теоретиков персонализма – Л.И. Шестова и главным образом Н.А. Бердяева⁸.

Н.А. Бердяев возводил в основание собственной философии духовно-творческое начало личности: «Личность есть субъект, а не объект среди объектов, и она включена во внутренний план существования, т.е. в мире духовном, в мире свободы. Общество же есть объект...»⁹. В другом своем эссе уже применительно к пониманию истории мыслитель констатировал: «Человек есть в высочайшей степени историческое существо. Человек находится в историческом и историческое находится в человеке. Между человеком и “историческим” существует такое глубокое, такое таинственное в своей первооснове сращение, такая конкретная взаимность, что разрыв их невозможен. Нельзя выделить человека из истории, нельзя взять его абстрактно и нельзя выделить историю из человека, нельзя историю рассматривать вне человека и нечеловечески...»¹⁰.

В знаменитом эссе «Еж и лис» (1953 г.) о Л.Н. Толстом Берлин, развивая мысль своего героя, указывал на важность в историческом исследовании персоналистической, творческой доминанты: «История, только история, только сумма определенных событий, имевших место во времени и пространстве, – сумма действительного опыта, накопленного действительно жившими на земле мужчинами и женщинами – в их отношении друг к другу и к реальной, трехмерной, эмпирически воспринимаемой среде нашего физического обитания, – лишь это заключало в себе истину, материал, из коего было возможно созидать настоящие ответы...»¹¹. В работе «Историческая неизбежность» (1954 г.) Берлин критиковал детерминистский и релятивистский взгляд на историю и доказывал, что свобода человеческой воли является основной причиной исторических изменений¹².

Г. Чижевский так описывал подход Берлина: «Одной из важнейших характеристик его методологии как интеллектуального историка является то, что в большинстве случаев он фокусировался на конкретном мыслителе, а не на отдельной идее или дискурсивной сети различных философов»¹³. Сам же Берлин писал, что «...идеи составляют истинное сосредоточение сложных и запутанных отношений человека и с самим собою, и с окружающим миром (курсив мой. – Д. Б.)»¹⁴. Бердяев схожим образом указывал на необходимость

⁶ Berlin I. *My Intellectual Path // The Power of Ideas*. Princeton, 2014. P. 2.

⁷ Грановская О.Л. Исайя Берлин: британский либерализм и русская философия... С. 54.

⁸ Там же. С. 55.

⁹ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. СПб., 2024. С. 29.

¹⁰ Бердяев Н.А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969. С. 23.

¹¹ Berlin I. *Russian Thinkers*. London, 1978. P. 29.

¹² Berlin I. *Historical Inevitability*. London; New York; Toronto, 1955.

¹³ Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian // *History and Theory*. 2022. № 3. P. 454.

¹⁴ Berlin I. *Russian Thinkers...* P. 155.

постижения истории через собственное субъективное восприятие: «Нужно чтобы не только объект был историчен, но чтобы и субъект был историчен, чтобы субъект исторического познания в себе ощущал и в себе раскрывал “историческое”»¹⁵.

Тем самым персонализм, ввиду его сосредоточения на творческой, духовной стороне личности, личности как центре общечеловеческого мироздания, помимо смыслового наполнения, имманентно предопределял и форму нарратива: повествование выстраивалось исходя из концепций конкретных мыслителей прошлого, их духовных и творческих поисков.

Особенности изучения идей И. Берлиным в контексте развития исторической мысли середины XX в. Исторические работы Исаии Берлина с точки зрения композиции и формы сильно отличаются от привычного академического стиля письма. Остановимся на некоторых особенностях его исторических эссе.

Для Берлина идея и ее выразитель не выстраиваются в непрерывную генеалогическую линию, если только вокруг фигуры мыслителя не сложился прочный нарратив, без которого невозможно реконструировать его интеллектуально-биографическую траекторию. Например, в случае А.И. Герцена это яркая мемуаристичность его трудов, нашедшая свое высшее выражение в «Былом и думах» – одной из любимых книг Берлина¹⁶. Отдельные эссе, например «Россия и Европа, 1848 год» (1948 г.)¹⁷ – наиболее ранняя его работа из этого цикла, или же «Рождение русской интеллигенции» (1954 г.)¹⁸, и вовсе являются тем полотном, на котором в дальнейшем появляются новые герои – В.Г. Белинский, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др. Контекст созвучно идеям Бердяева служит Берлину в большей степени вспомогательной конструкцией, нежели непосредственным предметом изучения. Берлин редко прослеживает интеллектуальное развитие той или иной личности, например из детства или юности (что было довольно модным на рубеже 1950–1960-х годов на фоне популярности «психоистории» и неопрецидизма в целом), вместо этого, выбирая удобную для себя точку отсчета из более поздних, уже оформленных идей его героя, а также их последующей рецепции (так начинаются эссе о Толстом, Белинском, Тургеневе).

Идея в широком смысле слова тем самым «привязывается» к ее выразителю, а выразитель, в свою очередь, уже не мыслится в отрыве от озвученной им идеи. Сам по себе биографический подход (в случае Берлина, скорее, биографически-ориентированный) в противовес обезличенной и зачастую контекстуально отвлеченной «истории идей» имманентно предполагал хотя бы минимальное погружение в исторический фон периода жизни той или иной личности. Рассуждая о подходе Берлина, Г. Чижевский удачно подчеркнул различие двух взглядов на историю мысли: «Это не “история идей” в понимании Лавджоя, поскольку Лавджой пытался проследить концепцию “великой цепи бытия” как “единой идеи” на протяжении веков»¹⁹. История идей, согласно А.О. Лавджою – основоположнику данного направления, предполагала изучение «биографии» идеи как таковой на длительном хронологическом промежутке. Иначе говоря, он рассматривал идею как непреходящую константу во времени, а оптика изучения идеи Берлиным неизменно предполагала ее связь с конкретной личностью. Тем самым платонизм Берлина в отношении признания «вечных истин» (например, стремления человека к свободе) контрастировал с платонизмом в изучении идей как неких универсальных (и обезличенных) конструктов, исследованием которых занимались его многочисленные современники.

Нельзя не отметить, что в молодости, еще будучи студентом Оксфордского университета, Берлин испытал сильное влияние Р.Дж. Коллингвуда, который своими трудами продемонстрировал всю сложность и неоднородность исторического поиска и стал для юного Берлина проводником в мир континентальной философии в противовес аналитической традиции, против которой выступал сам. Так, Коллингвуд, стремясь показать важность истории, предпринял смелую попытку реабилитировать метафизику как область научного позна-

¹⁵ Бердяев Н.А. Смысл истории... С. 30.

¹⁶ Berlin I. Russian Thinkers... P. 186, 191.

¹⁷ Ibid. P. 1–22.

¹⁸ Ibid. P. 114–136.

¹⁹ Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian... P. 454.

ния²⁰. Именно Коллингвуда относят к провозвестникам современной интеллектуальной истории (в духе так называемой «Кембриджской школы»²¹ – того направления, которое в дальнейшем задумывалось, в том числе, как преодоление популярной в 1930–1960-е годы «истории идей»). История, по мнению Коллингвуда, – это продукт человеческого мышления, который вырабатывается «историческим методом»²². «История мысли, а потому и вся история – воспроизведение мысли прошлого в собственном сознании историка»²³. Размышляя о возможностях исторической эпистемологии, Коллингвуд задается вопросом: «Но как историк воспринимает мысли, которые он пытается открыть?». Опираясь (во всем своем историко-философском творчестве) на наследие Дж. Вико и Б. Кроче, он дает на него следующий ответ: «Есть только один способ это сделать: историк воспроизводит их в своем собственном сознании»²⁴. Берлин пронизывает свое творчество этим интуитивистским постулатом, воспринимая его не просто как абстрактную методологическую сентенцию, а как максимум модели историописания²⁵.

Особенно ценным для понимания ранних теоретических изысканий Берлина в области истории является уже упомянутое эссе о Л.Н. Толстом – «Еж и Лис»²⁶. В кульминации своей работы Берлин, солидаризируясь с историческими взглядами Толстого и дополняя их, пишет о том, что история заключается в осознании неизбежности «потока»²⁷, в котором разворачиваются события. Если быть еще точнее – «поток» детерминирует эти события, а вместе с тем «историческое». Лишь свойства «воображения» – Берлин не проясняет данный термин, но, очевидно, он имеет переключку с идеями Дж. Вико, творчество которого он глубоко ценил²⁸ – способны не просто осознать тот самый «поток», но и превзойти его через понимание возможных развилки, исторических альтернатив, а также той очевидной истины, что ничего в этом мире не имеет своей окончательной детерминации. В этой связи не случайно настороженное отношение Берлина к контекстуальному подходу в истории: если рассматривать контекст как «цепочку заведомых исторических истин», то эта стратегия не просто ограничит воображение – оно полностью его нивелирует²⁹. Чем полнее наше знание фактов и взаимной их связи, по мысли Берлина, тем сложнее представить простор для возможностей людей прошлого.

Тем самым историческое воображение неизменно должно быть осознаваемо каким-то внешним и более высшим воображением – чувством, которое даст понимание того, что сама природа этого воображения во многом обусловлена историческими обстоятельствами, в рамках и на фоне которых оно функционирует. Всеохватность истины и множественности раз-

²⁰ См.: *Collingwood R.G. An Essay on Metaphysics. Oxford, 1948.*

²¹ Примечательно, что, имея общего ментора – Р.Дж. Коллингвуда, И. Берлин и К. Скиннер в своих методологических воззрениях разошлись диаметрально противоположным образом. Этот гораздо более поздний спор не входит в сферу внимания настоящей работы, тем не менее нельзя не отметить, что точкой преткновения двух мэтров стал вопрос о существовании «вечных идей», места, роли и области применения контекста, а также понятия «свободы».

²² *Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 210.*

²³ Там же. С. 204.

²⁴ Там же. С. 205.

²⁵ Г. Чижевский выстраивает идейно-генеалогическую связь между Коллингвудом и Дж. Вико – первый во многом «открыл» британскому академическому миру итальянского мыслителя – и той моделью интеллектуальной истории, которую в конечном счете представил Берлин. См.: *Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian... № 3. Р. 459.*

²⁶ Под анималистическими масками, как известно, скрывался сам Л.Н. Толстой, стремившейся быть «ежом» (монизм) при всей своей неотчуждаемой сущности «лисы» (плюрализм). Сама метафора, предложенная Берлиным со ссылкой на античного поэта Архилоха, служит своеобразным кличем персоналистического подхода к интеллектуальной истории – Берлин тактично призывает читателей и историков не «навешивать ярлыки», а рассматривать личность во всем многообразии ее намерений и устремлений.

²⁷ Берлин, применяя данный термин, ссылается на А. Бергсона, но сразу добавляет, что тот в сравнении с Толстым развивал свою мысль «несравненно дольше, и запутаннее, и неправдоподобнее – да еще и без нужды жонглировал учеными терминами». См.: *Берлин И. Русские мыслители. М., 2017. С. 98–99.*

²⁸ Именно Коллингвуд познакомил Берлина с творчеством Дж. Вико.

²⁹ *Берлин И. Русские мыслители... С. 93, 146.*

личных воль – сплав мыслительных устремлений ежа и лиса – достигается лишь посредством «синоптического (т.е. возвышенного. – Д. Б.) мироощущения»³⁰, которым, по всей видимости, может быть наделен только историк. Способность к воображению и есть свобода, свобода мыслить иным, отличным образом от реально свершившихся событий («как именно изменился бы в итоге мир и чем он отличался бы от нынешнего...»³¹). Тем самым наши мысли, идеи и воображение для Берлина и есть необходимый «переносчик» контекста. В более позднем эссе Берлин развил свою мысль, заявив, что «если индивид, выбирая одну траекторию, отказывается от другой, на практике реализуется тот самый плюрализм ценностей. Этот выбор и есть предмет интеллектуальной истории»³².

Примечательно, что в историографии воззрения и установки Берлина нередко сопоставляют с М.М. Бахтиным³³ – создателем концепции полифонизма, т.е. равноправного «звучания» голосов героев, не подчиненных единому авторскому замыслу. Кроме того, Бахтина относят к диалогическим персоналистам. Исследователь творчества Берлина писал: «Методология Берлина, как и его труды, определенно не была систематической; скорее, она напоминала “невидимый колледж”, где мыслители всех веков дискутируют друг с другом...»³⁴. Следует подчеркнуть, что и сам Берлин был важным участником этих диалогов. Он не склонен выдерживать исследовательскую дистанцию, свойственную классическим ученым-историкам, нередко преодолевая рубеж в целое столетие и напрямую вступая в диалог со своим героем, а иногда и вовсе сливаясь с его «голосом»³⁵. Как уже было показано выше, проводником в прошлое для Берлина является историческое воображение, которое становится возможным только в случае «понимания» автором своего героя. Современные исследователи творчества Берлина обоснованно видят в качестве теоретического каркаса для этого интуитивистского приема идею об «абсолютных предпосылках» Коллингвуда, которую Берлин всецело воспринял³⁶. Ярким маркером выстраивания Берлиным диалога с мыслителями прошлого является его необычное использование цитат. Они выступают в роли некоего буфера между слабо уловимой позицией автора³⁷ перед цитатой и последующим «слиянием голосов» Берлина и того или иного мыслителя, в результате чего создается своего рода полифоническое и вместе с тем диалогическое единство³⁸.

Русская интеллигенция и «поиск свободы». Субъективизм Берлина, сопряженный с его предзаданностью в поиске «свободы», имеет отчетливый эмпатический и интуитивистский характер, неотъемлемым образом присущий его историческим построениям с их персоналистской ориентацией. Эту отличительную черту историка, к слову, многие критиковали, а некоторые ученики и вовсе не смогли в полной мере принять. Ричард Пайпс, вспоминая о Берлине, писал: «Биограф Берлина (М. Игнатъев) утверждает, что он потому так восхищался Герценом, что тот представлял для него некий недостижимый “моральный идеал”: “Это был человек, который имел мужество и принял на себя политические обязательства, чего, увы, Исайя знал это, ему самому недоставало”»³⁹. Мартин Малиа, находившийся под сильным влиянием Берлина в годы преподавания последнего в Гарварде в 1950-е годы, применительно к его работам о Герцене утверждал, что Берлин и вовсе сконструировал образ последнего таким образом, чтобы сделать предтечей собственных взглядов. Малиа вспоминал: «...он переделал Александра Герцена так, чтобы тот стал пред-

³⁰ Берлин И. Русские мыслители... С. 149.

³¹ Там же. С. 146.

³² Цит. по: Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian... P. 459.

³³ Emerson C. Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations // Symplokē. 1999. Vol. 7., № 1. P. 139–164.

³⁴ Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian... P. 451.

³⁵ См.: Berlin I. Russian Thinkers... P. 60–62.

³⁶ Skagestad P. Collingwood and Berlin: A comparison // Journal of the History of Ideas. 2005. Vol. 66, № 1. P. 111.

³⁷ Неслучайно многие коллеги и ученики Берлина отмечали, что его собственный взгляд на ту или иную проблему крайне сложно вычлениить из общего нарратива: «...для любого, кто слышал его лекцию лично или по радио, практически невозможно отделить выступающего от текста». Цит. по: Emerson C. Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations... P. 144.

³⁸ См.: Berlin I. Russian Thinkers... P. 88–91, 195–197.

³⁹ Пайпс Р. Я жил. Мемуары непримкнувшего. М., 2005. С. 117.

шественником Исая Берлина. Так, мы получаем Герцена, представленного как философа со взглядами Берлина, и он писал об этом множество раз...»⁴⁰.

Последнее суждение можно объяснить тем обстоятельством, что Берлин, вероятно, апробировал свои метаидеи политико-философского уровня (или же, наоборот, приходил к ним таким путем) на более предметном историческом материале – представителях русской интеллигенции XIX в. Так, например, эссе «Бакунин и Герцен о свободе личности» (1955 г.)⁴¹ служит вероятным прототипом «Двух концепций о свободе». Каждый из героев, хоть и с некоторой долей условности, является проводником в осмысление понятия «негативной» свободы. Это эссе – редкий случай, когда Берлин отказывается от принципа полифонизма, отдавая явное предпочтение Герцену (именно его два высказывания выступают в качестве эпиграфа) и обрушиваясь с критикой на его антагониста Бакунина.

Данное эссе хоть и могло служить своеобразным прологом (на это указывает и их хронологическая близость с разницей всего в три года) к «Двум концепциям о свободе», тем не менее рассматривать его лишь в этом качестве – в отрыве от остальных работ Берлина в рамках этого цикла – было бы не вполне корректным. Оно лишь наиболее характерно демонстрирует интерсубъективный характер творчества Берлина. В то же время взаимосвязь между отдельными эссе из «Русских мыслителей» как предтечей к «Двум концепциям свободы» выступает, скорее, в роли определенного маркера, с помощью которого подчеркивается то, как интенциональность Берлина в области фундаментальных философских проблем связана с его видением и пониманием истории.

Тем не менее окончательно реконструировать истоки «Двух концепций о свободе» представляется практически невозможным. Исследователи видят влияние на Берлина философии Т. Гоббса, другие – Дж. Вико, И.Г. Гердера, И. Канта⁴² и др. Так или иначе, все эти версии восходят к исключительно западной философской традиции.

В контексте персонализма Берлина нельзя не отметить поразительное сходство его понимания «свободы» с воззрениями все того же Н.А. Бердяева. Их философские модели имеют ощутимую перекличку (по крайней мере структурную) за тем исключением, что Берлина, в отличие от Бердяева, никогда предметно не интересовали проблемы религиозно-теологического порядка. Так, в творчестве последнего выделяют три вида свободы, каждая из которых имеет свою градационную линию: 1) первичная, произвольная свобода; 2) свобода рациональная, через исполнение морального долга; 3) свобода, связанная с любовью к Богу⁴³. Первые два вида свободы – Бердяев и вовсе пишет об «отрицательной» (свобода «от», отход от Бога) и «положительной» (свобода «для», обращение к Богу) свободе⁴⁴ – имеют явную антагонистическую конгруэнтность со свободой «негативной» и «позитивной» соответственно; Бердяева называют сторонником «позитивной»⁴⁵, а Берлина – защитником «негативной» свободы.

Заключение. Исайя Берлин оказался на перекрестке разнообразных интеллектуальных традиций своей эпохи. Отвернувшись от аналитической философии и выбрав в качестве основы своего историко-философского поиска персонализм, он сосредоточился на изучении великих русских мыслителей XIX столетия. Идеино-теоретическим ориентиром для ученого стал Р.Дж. Коллингвуд, большую часть фундаментальных выкладок которого он воспринял и творчески развил на историческом материале. Изыскания Берлина в области истории очевидным образом соседствовали и с его осмыслением понятия «свободы», предопределив ту персоналистическую ориентацию, где во главу угла ставилась личность в полифоническом единстве с ее творческим духовным миром. Интеллектуальные интенции Берлина

⁴⁰ *Malia M.E.* Historian of Russian and European Intellectual History: An Interview Conducted by David Engerman in 2003. Berkeley, 2005. P. 34–35.

⁴¹ *Berlin I.* Russian Thinkers... P. 111–113.

⁴² Заглавие сборника эссе Берлина (1990) – «Изогнутое древо человечества» – цитата И. Канта из «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане». Самой цитатой он вдохновился, слушая лекцию Коллингвуда в конце 1920-х годов. См.: *Berlin I.* The Crooked Timbers of Humanity: Chapters in the History of Ideas. New York, 1992.

⁴³ *Ермичев А.А.* Три свободы Николая Бердяева. М., 1990.

⁴⁴ См., например: *Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 371–372, 493–494.

⁴⁵ *Герп В.А.* Свобода человека в философии К. Ясперса и Н.А. Бердяева // Вестник ЧелГУ. 2016. № 3. С. 92.

в этой области находят осязаемые переклички с историософскими построениями Н.А. Бердяева. В свою очередь, сосредоточение на конкретных личностях, их экзистенциально-биографической траектории, творческой активности, поисках, а не на общественно-экономических структурах, политике или культуре лишней раз позволяет говорить о персоналистическом ракурсе исторических построений Берлина.

Комплекс интеллектуального наследия Исая Берлина на раннем этапе его творчества (до конца 1950-х годов) свидетельствует о многоаспектном эклектическом сплаве различных идей и влияний, требующих тщательного и внимательного рассмотрения. Предпринятая попытка эти влияния наметить, разумеется, не является окончательной, но, надеемся, послужит более целостному взгляду как на фигуру русско-британского мыслителя, так и на одну из наиболее влиятельных политико-философских концепций второй половины XX в.

Литература

Бердяев Н.А. Смысл истории: опыт философии человеческой судьбы. Париж: YMCA-Press, 1969. 269 с.

Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. СПб.: Азбука, 2024. 384 с.

Берлин И. Русские мыслители. М.: Энциклопедия-ру, 2017. 496 с.

Герт В.А. Свобода человека в философии К. Ясперса и Н.А. Бердяева // Вестник ЧелГУ. 2016. № 3. С. 92–103.

Грановская О.Л. Исая Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51–59.

Грановская О.Л. Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 126–135.

Грановская О.Л. Исая Берлин как философ и педагог // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 162–167.

Ермичев А.А. Три свободы Николая Бердяева. М.: Знание, 1990. 63 с.

Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 485 с.

Пайнс Р. Я жил. Мемуары непримкнувшего. М.: Московская школа политических исследований, 2005. 406 с.

Паньковский А. Агональный либерализм Исая Берлина // Логос. 2003. № 4–5. С. 166–177.

Поляков Л.В. О понимании свободы. Перечитывая Исая Берлина // Полития. 2009. № 1. С. 78–91.

Berlin I. Historical Inevitability. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1955. 79 p.

Berlin I. Russian Thinkers. London: The Hogarth Press, 1978. 312 p.

Berlin I. The Crooked Timbers of Humanity: Chapters in the History of Ideas. New York: Vintage Books, 1992. viii + 278 p.

Berlin I. Two Concepts of Liberty // Contemporary Political Philosophy: An Anthology. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 369–386.

Berlin I. My Intellectual Path // The Power of Ideas. Princeton: Princeton University Press, 2014. P. 1–23.

Collingwood R.G. An Essay On Metaphysics. Oxford: Clarendon Press, 1948. x + 354 p.

Czyzewski H. Isaiah Berlin as a Historian // History and Theory. 2022. № 3. P. 450–468.

Emerson C. Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations // Symplokē. 1999. Vol. 7, № 1. P. 139–164.

MacCallum G.C. Negative and Positive Freedom // The Philosophical Review. 1967. Vol. 76, № 3. P. 312–334.

Malia M.E. Historian of Russian and European Intellectual History: An Interview Conducted by David Engerman in 2003. Berkeley, 2005. 230 p.

Skagstad P. Collingwood and Berlin: A comparison // Journal of the History of Ideas. 2005. Vol. 66, № 1. P. 99–112.

References

- Berdyayev, N.A. (1969). *Smysl istorii: opyt filosofii chelovecheskoy sud'by* [The Meaning of History: The Experience of the Philosophy of Human Destiny]. Paris, YMCA-Press. 269 p.
- Berdyayev, N.A. (1989). *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow, Pravda. 607 p.
- Berdyayev, N.A. (2024). *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and Freedom]. St. Petersburg, Azbuka-klassika. 384 p.
- Berlin, I. (1955). *Historical Inevitability*. London, New York, Toronto, Oxford University Press. 79 p.
- Berlin, I. (1978). *Russian Thinkers*. London, The Hogarth Press. 312 p.
- Berlin, I. (1992). *The Crooked Timbers of Humanity: Chapters in the History of Ideas*. New York, Vintage Books. viii + 278 p.
- Berlin, I. (1997). Two Concepts of Liberty. In *Contemporary Political Philosophy: An Anthology*. Oxford, Oxford University Press, pp. 369–386.
- Berlin, I. (2014). My Intellectual Path. In *The Power of Ideas*. Princeton, Princeton University Press, pp. 1–23.
- Berlin, I. (2017). *Russkie mysliteli* [Russian Thinkers]. Moscow, Entsiklopediya-ru. 496 p.
- Collingwood, R.G. (1948). *An Essay On Metaphysics*. Oxford, Clarendon Press. x + 354 p.
- Czyzewski, H. (2022). Isaiah Berlin as a Historian. In *History and Theory*. No. 3, pp. 450–468.
- Emerson, C. (1999). Isaiah Berlin and Mikhail Bakhtin: Relativistic Affiliations. In *Symplokē*. Vol. 70, No. 1, pp. 139–164.
- Ermichev, A.A. (1990). *Tri svobody Nikolaya Berdyayeva* [The Three Freedoms of Nikolai Berdyayev]. Moscow, Znanie. 63 p.
- Gert, V.A. (2016). Svoboda cheloveka v filosofii K. Yaspersa i N.A. Berdyayeva [Freedom of a Person in Philosophy of K. Jaspers and N.A. Berdyayev]. In *Vestnik ChelGU*. No. 3, pp. 92–103.
- Granovskaya, O.L. (2014). Isaya Berlin: britanskiy liberalizm i russkaya filosofiya (dialog mirovozzreniy) [Isaiah Berlin: British Liberalism and Russian Philosophy (Dialog of Worldviews)]. In *Voprosy filosofii*. No. 9, pp. 51–59.
- Granovskaya, O.L. (2015). Deliberativnaya i agregativnaya modeli demokratii i agonal'nyy liberalizm I. Berlina [Deliberative and Aggregative Models of Democracy and I. Berlins Agonistic Liberalism]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No. 2, pp. 126–135.
- Granovskaya, O.L. (2015). Isaya Berlin kak filosof i pedagog [Isaiah Berlin as a Philosopher and a Teacher]. In *Vysshee obrazovanie v Rossii*. No. 8–9, pp. 162–167.
- Kollingvud, R.Dzh. (1980). *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of the History. Autobiography]. Moscow, Nauka. 485 p.
- MacCallum, G.C. (1967). Negative and Positive Freedom. In *The Philosophical Review*. Vol. 76, No. 3, pp. 312–334.
- Malia, M.E. (2005). *Historian of Russian and European Intellectual History: An Interview Conducted by David Engerman in 2003*. Berkeley. 230 p.
- Pan'kovskiy, A. (2003). Agonal'nyy liberalizm Isayi Berlina [Isaiah Berlin's Agonal Liberalism]. In *Logos*. No. 4–5, pp. 166–177.
- Pipes, R. (2005). *Ya zhil. Memuary neprimknuvshego* [Vixi: Memoirs of a Non-Belonger]. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. 406 p.
- Polyakov, L.V. (2009). O ponimanii svobody. Perechityvaya Isayyu Berlina [On the Understanding of Freedom. Rereading Isaiah Berlin]. In *Politiya*. No. 1, pp. 78–91.
- Skagestad, P. (2005). Collingwood and Berlin: A Comparison. In *Journal of the History of Ideas*. Vol. 66, No. 1, pp. 99–112.

Г.М. Запорожченко
О.Н. Шелегина*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ
В НОВОСИБИРСКОМ АКАДЕМГОРОДКЕ
(1960–1980-Е ГОДЫ)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-5
УДК 001.89(571)+069:377

Выходные данные для цитирования:
Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. Социокультурные коммуникации в новосибирском Академгородке (1960–1980-е годы) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 61–81. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-05.pdf>

G.M. Zaporozhchenko
O.N. Shelegina*

SOCIOCULTURAL COMMUNICATIONS
IN THE NOVOSIBIRSK ACADEMGORODOK
(1960S–1980S)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-5

How to cite:
Zaporozhchenko G.M., Shelegina O.N. Sociocultural Communications in the Novosibirsk Academgorodok (1960s–1980s) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 61–81. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-05.pdf>]

Abstract. The article explores the sociocultural environment as a set of material, social, and spiritual conditions that surround a person and determine their involvement in sociocultural practices. For the first time, the article reveals the features of the formation and functioning of sociocultural communications in the Novosibirsk Academgorodok during the late Soviet period of the 1960s–1980s. The methodological basis of the study is an interdisciplinary synthesis of the logics and tools of the modernization paradigm of social knowledge, new cultural history, and the anthropology of academic life. The author proposes an original version of the historical and cultural discourse of sociocultural communications as interactions between subjects aimed at transmitting information, values, and traditions, as well as at actualizing the social in its cultural diversity through the implementation of integrative, educational, leisure, and commemorative functions, and adapting to transformational processes that contribute to the emergence of innovations. The article analyzes the material and spatial basis of communications, the personal potential of the scientific community, with a focus on gender aspects, and the forms and content of sociocultural practices in the Novosibirsk Academgorodok. In conclusion, based on the pro and contra method, reveals the significance of the temporal factor for the fate of scientific, sociocultural, and interpersonal communications, as well as the achievements of the club movement as an institutional framework for sociocultural communications of the orientational, motivational, and integrative types in the trend of “science – culture – art”. The results of the study of sociocultural communications presented in this work open up the prospects for a monographic study “The First Siberian Science City: Living, Working, and Leisure”, which summarizes the 70-year socio-cultural history of the Novosibirsk Academgorodok in historical dynamics.

* Галина Михайловна Запорожченко, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: galinakoop@yandex.ru

Galina Mikhailovna Zaporozhchenko, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: galinakoop@yandex.ru

Ольга Николаевна Шелегина, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: oshelegina@yandex.ru

Olga Nikolaevna Shelegina, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: oshelegina@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM 2024-0008).

The article was made on the topic of the state assignment “Society and Power in Russia in the 20th and Early 21st Centuries: Political Participation, Communication, and Actor Identity” (FWZM 2024-0008).

Keywords: sociocultural communications, social anthropology, club movement, traditions and innovations, Novosibirsk Akademgorodok.

The article has been received by the editor on 19.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследована социокультурная среда как совокупность материальных, социальных и духовных условий, окружающих человека и определяющих его включенность в социокультурные практики. Впервые выявлены особенности формирования и функционирования социокультурных коммуникаций в новосибирском Академгородке в позднесоветский период 1960–1980-х гг. Методологической основой является междисциплинарный синтез логик и инструментария модернизационной парадигмы социального знания, новой культурной истории, антропологии академической жизни. Предложен авторский вариант историко-культурного дискурса социокультурных коммуникаций как взаимодействий между субъектами, направленных на трансляцию информации, ценностей, традиций, актуализацию социального в его культурном многообразии посредством реализации интегративных, образовательных, досуговых, коммеморативных функций, адаптацию к трансформационным процессам, способствующим появлению инноваций. Проанализированы материально-пространственная основа коммуникаций, личностный потенциал научного сообщества с акцентом на гендерные аспекты, формы и содержание социокультурных практик в новосибирском Академгородке. В заключение в стиле метода *pro et contra* выявлено значение темпорального фактора для судьбы научных, социокультурных и межличностных коммуникаций, достижений клубного движения как институционального оформления социокультурных коммуникаций ориентационного, мотивационного, интеграционного видов в тренде «наука – культура – искусство». Результаты изучения социокультурных коммуникаций, представленные в настоящей работе, открывают перспективы монографического исследования «Первый сибирский наукоград: живем, работаем, отдыхаем», обобщающего в исторической динамике 70-летнюю социально-культурную историю новосибирского Академгородка.

Ключевые слова: социокультурные коммуникации, социальная антропология, клубное движение, традиции и новации, новосибирский Академгородок.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026 г.

В современном мире феномен коммуникации проявляется как один из важнейших и фундаментальных компонентов в системе глубинных связей человека с природой, культурой и обществом¹. Коммуникативно-системные отношения являются базой человечества в создании, сохранении и исторической трансляции для будущих поколений его социально-культурных ценностей и традиций². Социокультурные коммуникации обеспечивают накопление и трансляцию социального опыта, политическую мобилизацию, влияют на процессы формирования традиций, появление новаций в сфере науки, но до настоящего времени еще не стали объектом специального научного исследования, что весьма актуально и перспек-

¹ Грачев В.И. Феномен социокультурной коммуникации в современной художественной культуре (информационно-аксиологический анализ): автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2008. С. 3.

² Якишин С.В. Классификация коммуникаций, базирующихся на взаимодействии культуры и человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 136–137.

тивно прежде всего для развития российских³ сибирских наукоградов. Как показал историко-социологический анализ, во избежание технологического детерминизма этих территорий необходимо изучение их социокультурного пространства и коммуникаций, обеспечивающих развитие человеческого капитала, влияющего на конкурентоспособность государства⁴. Значительный научный и научно-практический интерес для решения этой проблемы представляет исторический опыт развития новосибирского Академгородка – первого сибирского наукограда с новационной научно-исследовательской и образовательной инфраструктурой, креативной культурой жизнедеятельности ученых. Фактически первый «открытый» научный город страны, он воплотил универсальные научно-организационные интенции и алгоритмы, стал во второй половине XX в. моделью для ведущих технополисов мира⁵, объектом активной рефлексии отечественных и зарубежных ученых.

Систематизированный историографический и источниковый ресурс для изучения истории Сибирского отделения, Новосибирского научного центра (далее – ННЦ), Академгородка, определения конфигураций социокультурных практик, пространства памяти был представлен нами ранее⁶. Дополним его работами, выполненными при участии сотрудников Института истории СО РАН, приуроченными к 65-летию СО РАН: второе издание «Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав»⁷, монография «Их именами названы институты Новосибирского научного центра»⁸.

Для расширения научно-практического пространства, связанного с историей новосибирского Академгородка как центрального локуса Сибирского отделения АН СССР/РАН, важное значение имела ориентация структурного подразделения Института истории, курируемого Президиумом Отделения – Музея СО РАН (1991–2012 гг.), на отражение научных достижений и культуры жизнедеятельности сибирских ученых как «витрины советской науки», «образца советского образа жизни», «науки в лицах», что нашло отражение в сборниках статей сотрудников музея⁹, было креативно продемонстрировано на выставке «Новосибирский научный центр: живем, работаем, отдыхаем», характеризовалось широким спектром социокультурных коммуникаций¹⁰. В настоящее время в Институте истории СО РАН функционирует Центр хранения материалов по истории Сибирского отделения.

В канун 70-летия создания Сибирского отделения Российской академии наук целесообразно актуализировать и активизировать «явно недостаточно исследованную собственную историю», по оценке И.С. Кузнецова¹¹, и сфокусировать внимание на социальной истории Академгородка «как уникального социально-исторического феномена, который включал, помимо собственно научных, социальные, градостроительные, экологические, общественно-

³ Алферова А.М. Социокультурная среда города Зеленограда (1958–2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 3.

⁴ Орлов С.Б., Шелегина О.Н. Наукограды в Сибири: историко-социологический анализ // Инноватика и экспертиза. 2019. Вып. 1 (25). С. 156.

⁵ Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–66. С. 51.

⁶ Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. От «золотой долины» к «кремниевой тайге»: векторы культурной памяти // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 45–55.

⁷ Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав: в 2 т. Новосибирск, 2022. Т. 1: Действительные члены; Т. 2: Члены-корреспонденты.

⁸ Куперштох Н., Крайнева И. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск, 2022. 320 с.; Куперштох Н.А. К 65-летию Сибирского отделения Российской академии наук // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 268–272. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-19.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

⁹ Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации. Новосибирск, 2004; Музеи СО РАН (Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук. Очерки формирования и развития). Новосибирск, 2009; Научно-исторический и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010.

¹⁰ Щербин Н.М., Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. ННЦ: живем, работаем, отдыхаем // Наука из первых рук. 2008. № 6. С. 54–57.

¹¹ Кузнецов И.С. Становление историографии новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 15.

политические, морально-психологические и другие параметры»¹², к которым в полной мере могут быть отнесены и социокультурные коммуникации, сформировавшиеся в 1960–1980-е годы.

Выдвижение в центр внимания изучения социокультурных коммуникаций эвристически важно для понимания взаимосвязи между социально-политическими структурами и практикой субъекта, выявления готовности человеческих ресурсов страны к модернизационным преобразованиям и пути становления участников исторического процесса в качестве акторов¹³.

Авторами данной статьи (в том числе в составе авторского коллектива) на основе комплексного изучения социокультурной сферы новосибирского Академгородка были предложены и апробированы новые трактовки концептов: «научный топос», «освоение наследия», «социокультурные практики», «сибирские академины», получившие признание в научном сообществе¹⁴. Использование их при анализе новосибирского Академгородка как достопримечательного места регионального значения¹⁵ позволило впервые в отечественной науке и практике осуществить структурирование пространства научного поселения – наукограда посредством выделения специфических социокультурных комплексов, ставших основой современных векторов его исторической и культурной памяти¹⁶. Полученные нами результаты изучения клубного движения в новосибирском Академгородке¹⁷ расширяют возможности использования достижений истории, философии, культурологии, референтных для выявления констелляции в процессах оформления традиций и возникновения инноваций в социокультурных коммуникациях научного сообщества в период становления и развития сибирского форпоста советской науки – СО АН СССР, значимого в национальном и мировом масштабе.

Объектом нашего исследования является социокультурная среда как совокупность материальных, социальных и духовных условий, окружающих человека и определяющих его включенность в социокультурные практики. Предметом – особенности формирования и функционирования социокультурных коммуникаций в научном топосе как среде с идентичностью, обусловленной системой отношений «человек – наука – культура». Внимание авторов концентрируется на базовых позициях, характеризующих социокультурные коммуникации в новосибирском Академгородке: материально-пространственной основе коммуникаций, личностном потенциале научного сообщества, формах и содержании его социокультурных практик.

Хронологически исследование охватывает позднесоветский период 1960–1980-х годов, в который сформировались и получили наибольшее развитие социокультурные коммуникации, ставшие основой для определения векторов культурной памяти, направленных на совершенствование его коммуникационной инфраструктуры в современных условиях.

¹² Кузнецов И.С. Ученые об ученых: миры и мифы новосибирского Академгородка [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 292–304. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-21.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

¹³ Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. С. 29.

¹⁴ Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки Сибири. 2016. Т. 25, № 3. С. 117–122; Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Исторический контент социокультурных практик в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI века // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 8. С. 87–100; Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. «Сибирские Академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 19. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

¹⁵ Покровский Н.Н., Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и историко-культурное наследие. Новосибирск, 2018.

¹⁶ Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. От «золотой долины» к «кремниевой тайге»... С. 45–55.

¹⁷ Шелегина О.Н. Историко-культурные аспекты клубного движения в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 8. С. 94–104; Запорожченко Г.М. «Важнейшим из кино для нас является искусство»: общественное значение деятельности кино клуба «Сигма» в новосибирском Академгородке (1960–1980-е годы) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2025. Т. 24, № 1. С. 156–167.

При обращении к комплексному исследованию социокультурных коммуникаций в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е годы считаем эффективным применение методологического подхода, основанного на междисциплинарном синтезе логик и инструментария модернизационной парадигмы социального знания, новой культурной истории, антропологии академической жизни.

Модернизационная парадигма позволяет осмыслить процесс формирования в СССР во второй половине XX в. зрелого индустриального общества с его рефлексией статуса науки как драйвера экономического развития в условиях глобальных вызовов и формирования новых технологических укладов¹⁸. Создание в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР и новосибирского Академгородка явилось воплощением амбициозных проектов интенсификации сферы науки. При акторном подходе к изучению движущих сил модернизации¹⁹ внимание акцентируется на формировании среды социально-творческих людей в больших городах и наукоградах, что являлось и фактором, и результатом становления индустриально развитого общества, открывавшего для себя аксиологический потенциал досуга уже не как необходимого «дополнения» к трудовой деятельности, а как автономного самоценного социального института²⁰. Именно в творческой среде наукоградов советский холистический коллективизм коррелировал с импульсами внутреннего индивидуализма, присущего свободомыслящим интеллектуалам с их стремлением к самореализации, риску, новизне, творчеству.

Широкое антропологическое понимание культуры в духе «культурного поворота» второй половины XX в. и *новой культурной истории* интерпретирует уклад жизни научного города, повседневные практики и коммуникации с феноменологических позиций как особую культурно-смысловую метаструктуру, культурный текст²¹. «Особая форма жизни», которая, по определению некоторых исследователей²², развивалась в новосибирском Академгородке, особенно в период политической «оттепели» 1960-х годов, выступает предметом исследования новой дисциплины – *антропологии академической жизни*. Антропологическое измерение феномена научного города обнаруживает среди его творцов прежде всего «академического человека», практикующего науку как способ жизни²³.

Трактовка понятия социокультурной коммуникации в культурологии²⁴ коррелирует с предложенным нами определением исторического контекста социокультурных практик²⁵. Нами предлагается вариант историко-культурного дискурса социокультурных коммуникаций как взаимодействий между субъектами, направленных на трансляцию информации, ценностей, традиций на национальном, регионально-локальном и персональном уровнях, актуализацию социального в его культурном многообразии посредством реализации интегративных, образовательных, досуговых, коммеморативных функций, адаптацию к трансформационным процессам, способствующую появлению инноваций.

Сочетание обозначенных современных теоретико-методологических положений, междисциплинарных подходов, авторских определений концептуализирует изучение социо-

¹⁸ Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущевского десятилетия». Екатеринбург, 2025. С. 51–53.

¹⁹ Побережников И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 41.

²⁰ Ушкарев А.А. Цивилизация досуга и смыслы досугового поведения // Обсерватория культуры. 2016. Т. 13, № 4. С. 429.

²¹ Мазаник А.В. «Культурный поворот» и российская историческая урбанистика // Прошлый век. 2013. № 1. С. 223, 231.

²² Пушкарева Н., Жидченко А. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 2. С. 594, 606.

²³ Комарова Г.А. Новация, обреченная стать традицией // Антропология академической жизни: традиции и инновации. М., 2013. С. 5.

²⁴ Под социокультурной коммуникацией в культурологии понимается взаимодействие между субъектами деятельности с целью передачи и обмена информацией, хранения и трансляции ценностей, передачи и создания различных культурных программ в их духовном и материальном воплощении.

²⁵ Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Исторический контент социокультурных практик... С. 91, 93–94.

культурных коммуникаций научного города в контексте современных процессов позднесоветского периода как проявление кумулятивного эффекта соединения уникальных возможностей, предоставленных государством, и личного вклада ученых.

Таким образом, совокупность обозначенных методов, историографических ресурсов и результатов изучения конкретно-исторического опыта развития социокультурной сферы первого сибирского наукограда – новосибирского Академгородка, репрезентативная источниковая база (эго-документы, материалы электронных архивов СО РАН, периодической печати) дает основания предложить новый актуальный взгляд на социокультурные коммуникации в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е годы.

Новосибирский Академгородок – яркий пример и референтный объект для исследования социокультурной среды подобного типа поселений второй половины XX – начала XXI в. Его важной особенностью явилась комплексность и синхронность строительства уже на начальном этапе: научные институты возводились одновременно с жилым фондом и объектами культурного и социально-бытового характера. М.А. Лаврентьев справедливо считал: «в научном поселении должно быть все: <...> Дом ученых, гостиницы, кино, школы, ясли, должен быть социалистический город нового современного типа»²⁶. Как писала О.Н. Марчук: «По комфорту другие научные городки (под Марселем, Парижем, Токио) возможно превосходили Новосибирский Академгородок. И все-таки не было в них того, что было в нашем Городке, а именно той особой творческой атмосферы, единения ученых разных институтов в одно целое, единый организм»²⁷.

Значительный пафос в отношении Академгородка, зафиксированный в ряде репортажей журналистов, эпистолярном наследии и мемуаристике, определялся не только высоким уровнем внимания государства к развитию сибирской науки, энтузиазмом научных лидеров, молодых ученых, специалистов в области проектирования и строительства, приехавших из европейской части страны создавать научный город под новосибирском, но и впечатляющими результатами, достигнутыми к этому времени.

Академгородок приобрел значение одного из центральных мифов истории советской интеллигенции и, безусловно, самого выдающегося проекта наукограда в советской истории. Если его перспективы оказались не безоблачны, то старт был невероятен²⁸. Характеризуя этот феномен, советолог из Принстона Пол Джозефсон, посетивший Академгородок Новосибирска в 1997 г., даже назвал его утопией с отсылкой к Новой Атлантиде Фрэнсиса Бэкона²⁹. Помимо этого, Академгородок характеризовался эпитетами «Остров свободы», «Республика Соан»³⁰ и «Сибирский Ренессанс»³¹. Однако утопии или заботы об общественно-культурной стороне имиджа не было в замысле. М.А. Лаврентьев вспоминал, что внешний вид построенных в быстром темпе по типовым проектам зданий нового научного городка не особенно волновал. Ставка делалась не на уникальные здания с дополнительными затратами на архитектурное проектирование, а на уникальных в плане научного потенциала людей³².

Исключительность личностного компонента – высококвалифицированной кадровой элиты – являлась одним из важнейших факторов укрепления позиций Новосибирского научного центра, создания там благоприятных условий для всех вариантов социокультурных коммуникаций³³. Ситуация в Академгородке в начальный период его истории существенно

²⁶ Цит. по: Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск, 2007. С. 161.

²⁷ Марчук О.Н. Сибирский феномен: Академгородок в первые 20 лет. Новосибирск, 1997. С. 5.

²⁸ Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // Labyrinth. Теории и практики культуры. 2020. № 4. С. 37.

²⁹ Josephson P. New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science. Princeton; New Jersey, 1997.

³⁰ «Республика Соан» – выражение братьев А. и Б. Стругацких в социально-фантастической повести «Трудно быть богом», которое упоминает М.С. Качан в контексте описания научного сообщества Новосибирского Академгородка в 1960-е годы. (Качан М.С. Культурная республика соан – феномен городка [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2017/04/03/473> (дата обращения: 10.03.2026)).

³¹ Якимова Л. Новосибирск. Академгородок [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2017. № 6. URL: <https://www.sibogni.ru/content/memuary-uchenoy-damy-1> (дата обращения: 10.03.2026).

³² Лаврентьев М.А. ...Прирастать будет Сибирью. Новосибирск, 1982. С. 23.

³³ Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Ядро потенциала сибирской науки // Вестник РАН. 2023. Т. 93, № 7. С. 707.

отличалась от привычных стереотипов бюрократизированной, жестко иерархизированной системы научной организации в стране. М.А. Лаврентьевым, «отцом-основателем» и первым председателем СО АН СССР, был сделан акцент на демократическом стиле управления. В ряду важных компонентов этоса научного сообщества выделялись демократизм и неформальный стиль в общении, глубокий сциентизм, высокий уровень социальной ангажированности³⁴.

Одна из первых «аборигенов» и летописцев Академгородка О.Н. Марчук отмечала, что «это необыкновенное место, где сконцентрировалось большое количество деятельных, умных, культурных людей»³⁵, которые по возрасту были моложе, чем в среднем по Академии. По словам бывшего сотрудника аппарата Президиума СО РАН В.Д. Ермикова, люди, ехавшие в Сибирь, «не были корыстными – зарплата была такой же, как в Москве. Они везли сюда дух истинной науки, свободу мысли и творчества»³⁶. «Быт здесь строится по последнему слову науки и техники, но дело даже не в этом, а в людях», – отмечала Т.И. Заславская³⁷. «Всё по-домашнему. Все знают друг друга, – писала М.И. Черемисина. – Компании интеллектуалов собирались часто, горячо обсуждали живые проблемы сегодняшнего дня, свободно говорили и о темах запретных, играли в модные тогда экономические игры, слушали музыку, особенно Окуджаву»³⁸. Научный городок оправдывал свое прозвище «Академдеревня». Тесный круг общения и деловые отношения неизбежно переходили в разряд знакомства, дружбы, семейственности³⁹. Накануне больших праздников, как правило, устраивали вечера по институтам, где в том числе «много пили», на следующий день собирались компанией на квартире «задушевно и тепло». Традицией стали «домашние встречи» ученых с научной молодежью⁴⁰.

Среди ученых старшего и среднего возраста оказались люди высочайшей культуры и страстные ее пропагандисты, потянувшие в Сибирь свои связи из столичного культурного мира: А.А. Ляпунов, Л.В. Канторович, А.Д. Александров, В.В. Воеводский, Г.И. Будкер, В.А. Аврорин, А.И. Фет, А.Г. Аганбегян. Мало кому известно, что математик А.А. Ляпунов в 1964 г. надиктовал (без предварительной подготовки) текст для журнала «Смена» о роли искусства в развитии человеческого общества, что демонстрировало широту его интересов и эрудиции; математик А.И. Фет прочел цикл лекций «Культура и искусство итальянского Возрождения» в Красноярском университете⁴¹. Академики И.Н. Мешков, А.Д. Александров, Д.Г. Кнорре, инициаторы альпинистского движения, устанавливали социокультурные коммуникации с населением горных территорий Советского Союза, зарубежными коллегами, научной молодежью, студентами⁴². Действительный член АН СССР С.В. Гольдин страстно увлекался фотографией, живописью, играл на мандолине и фортепиано, сочинял музыку, активно занимался спортом (лыжами, большим теннисом), писал стихи. Список увлечений ученых как основы для общения был неисчерпаем. Прямой контакт между отцами-основателями и молодыми учеными вызывал у последних «восхищение и благоговейный трепет»⁴³.

Процесс социального воспроизводства научной элиты в ННЦ и за его пределами инкрустировала яркими эмотивными жизнеутверждающими тонами научно-организационная и педагогическая деятельность женщин. Следует подчеркнуть, что на фоне организационного расширения советской науки в годы политической «оттепели» с созданием новых научных

³⁴ Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества... С. 46–49.

³⁵ Марчук О.Н. Сибирский феномен... С. 147.

³⁶ «И забыть по-прежнему нельзя...»: сборник воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск, 2007. С. 23.

³⁷ Запорожченко Г.М. Повседневная жизнь новосибирского Академгородка в эго-документах «сибирских академин» (1958 – конец 1960-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 3. С. 98.

³⁸ Запорожченко Г.М. Повседневная жизнь... С. 99.

³⁹ Якимов Людмила. Новосибирск. Академгородок...

⁴⁰ Запорожченко Г.М. Повседневная жизнь... С. 99.

⁴¹ Запорожченко Г.М. «Важнейшим из кино для нас является искусство»... С. 160.

⁴² Шелегина О.Н. «Снежный барс» И.Н. Мешков о развитии альпинизма в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг. // Культурно-антропологические исследования. 2023. № 1. С. 40–48.

⁴³ Яблонский Г. Жизнь в Раю. Новосибирский Академгородок, ноябрь 1964 – май 1968 [Электронный ресурс] // Семь искусств. 2022. № 3. С. 10. URL: <https://litbook.ru/article/16568/> (дата обращения: 10.03.2026).

центров на Востоке страны переезд женщин за тысячи километров от столиц «поднимать науку» знаменовал вторую волну феминизации российской науки⁴⁴. В Сибири в силу сложившейся здесь структуры институтов доля женщин-ученых по сравнению с другими научными центрами была относительно небольшой. Если в СССР доля женщин в науке с 1960 до 1970 г. поднялась с 42 до 47 %⁴⁵, то в Сибирском отделении была не более 30 %⁴⁶.

«Сибирские академины»⁴⁷, первыми из которых в ННЦ были П.Я. Кочина-Полубаринова, Т.И. Заславская, Н.А. Притвиц, М.И. Черемисина, А.А. Титлянова, Л.П. Якимова, Р.Л. Берг, О.Н. Марчук, стали олицетворением гармоничного образа женщины с ведущей интеллектуальной составляющей в совокупности ее научных, социокультурных и бытовых ролей⁴⁸.

Обратим внимание на переломный этап биографии известного филолога М.И. Черемисиной, связанный с включением ее в 1965 г. в кадровый состав Сибирского отделения АН СССР, конкретизирующий факторы инкорпорации женщин в мир науки. Преподавательница провинциального вуза в Туле, мать троих детей вошла в сибирскую науку «с боем» благодаря страстной увлеченности языкознанием и самопрофилированию в одном из наиболее прогрессивных научно-технологических трендов послевоенного мира второй половины XX в. – математической лингвистике. Это являлось убедительным подтверждением того, что успех в науке зависит не от пола, а от способностей к выстраиванию определенной жизненной стратегии. Профессиональное утверждение женщин в «мужском» мире науки происходило по линии усвоения маскулинных ролевых моделей и опиралось на талант и фундамент реальных достижений⁴⁹.

Исследование в микромасштабе повседневной жизни женщин-ученых как работающих матерей и хозяек дает представление о подробностях бытового контекста коммуникаций в Академгородке. Важными факторами укоренения женщин-ученых в новом научном городке являлись не только перспективы в научно-исследовательской карьере. Власть, управляющая «раздаточной» экономикой, распределяла блага в соответствии с рангами (прописка, степень, звание, должность). Благоустроенные квартиры с сохранением столичной прописки и жилья, спецснабжение продуктами, удачное природно-экологическое расположение для полноценной рекреации, отдыха и спорта дополнялись такими важными чертами благоустройства Академгородка, как его планировка с шаговой доступностью ежедневных целей – институтов, магазинов, Дома культуры, леса, пляжа и т.д., широкие улицы с обилием деревьев. Гораздо более гибким в новом наукограде был подход к трудовой дисциплине, меньше «дерготни, шумихи, идеологического контроля»⁵⁰. Все это создавало комплекс жизненных условий, вряд ли повторимых где-то в другом месте⁵¹.

На фоне продовольственного и жилищного недопотребления в советской стране условия жизни в Академгородке оценивались женщинами-учеными в высшей степени позитивно, в том числе по сравнению со столичными, вплоть до утверждений о том, что это лучшее место для жизни. Замысел создания конкурентных преимуществ нового города науки по рецепту использования «матричных» рычагов советской командно-распределительной системы для первого десятилетия оказался успешным⁵². Известное сглаживание гендерной

⁴⁴ Пушкарева Н.Л. Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 98.

⁴⁵ Пушкарева Н.Л. Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3 (56). С. 24–35.

⁴⁶ Куперштох Н.А. Демографическая структура научных кадров Сибирского отделения РАН (конец 80-х – начало 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 97.

⁴⁷ Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. «Сибирские Академины»...

⁴⁸ Запорожченко Г.М. Женщины и наука: повседневная научная жизнь новосибирского Академгородка 1960-х гг. в эго-документах женщин-ученых // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 97–113.

⁴⁹ Запорожченко Г. М. «Вишневая косточка личности» Майи Ивановны Черемисиной: начало научной карьеры в Новосибирском научном центре. 1960-е гг. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 32–48.

⁵⁰ Запорожченко Г.М. Женщины и наука... С. 102.

⁵¹ Запорожченко Г.М. Повседневная жизнь... С. 98.

⁵² Там же. С. 100.

асимметрии в поле науки в 1960–1980-е годы являлось зримым антропологическим и социальным последствием модернизационного проекта создания Сибирского отделения Академии наук. Значимость гендерного аспекта в социокультурных коммуникациях посредством сочетания традиций и новаций проявилась в проведении с 2012 г. фестиваля «Академина» с участием женщин Новосибирска, работающих в науке, образовании, экономике, превратившегося в резонансное социокультурное мероприятие регионального уровня.

Для определения видов социокультурной коммуникации важно обратить внимание на особенности формирования витального пространства первого сибирского наукограда. Первопоселенцы «Золотой долины», привыкшие к столичной культурной жизни, оказались в ситуации депривационной (связанной с ограничениями) культуры жизнеобеспечения. Главными компенсаторными механизмами адаптации явились формальные (работа в институтах) и неформальные (общение, досуг) коммуникации жителей («...народ здесь специальный – высокоинтеллектуальный») создающегося научного городка. Первым местом, где начали коммуницировать известные ученые и научная молодежь, стал домик председателя СО АН СССР академика М.А. Лаврентьева: «...Где долго в окнах свет горит, И долго музыка звучит, Где в час любой полно народу...»⁵³. Описанный Н.А. Притвиц культурный быт первых городковцев с позиций антропологии научной жизни являлся социальной адаптацией, позволяющей формирующейся академической системе приспосабливаться к внешним условиям, обеспечивающим самосохранение, возможность успешного развития в дальнейшем⁵⁴, и может быть отнесен к ориентационному виду социокультурной коммуникации.

Территориальная разобщенность с городом Новосибирском, отдалявшая от городских вузов, библиотек, театров, музеев, создавала в молодом Академгородке ощущение оторванности от цивилизации. Однако локальная сконцентрированность и демократизм в общении задавали импульс для насыщенной культурной жизни. В ДК «Москва» каждые два дня показывали новый фильм, давали абонементные симфонические и камерные концерты, периодически бывали вечера поэзии, интересные публичные лекции в университете⁵⁵. С открытием весной 1966 г. Дома ученых культурная жизнь стала более насыщенной и разнообразной, что явствует из коллекции билетов, программ, афиш, самодельных юмористических объявлений о культурно-праздничных мероприятиях Дома ученых и институтских коллективов в 1960–1970-е годы, собранной Н.А. Притвиц⁵⁶.

Среди научной молодежи выявились талантливые инициаторы социокультурных коммуникаций – А. Бурштейн, Г. Яблонский, Г. Безносков, В. Виттих, А. Пономаренко, В. Шелепов, В. Хандрос, Л. Боярский, Е. Иоанесян, А. Синицкий, Б. Швецов, Ю. Кононенко, Н. Притвиц и многие другие. Благодаря «самоорганизации талантов в свободной среде»⁵⁷ формировалась первокультура сибирского наукограда 1960-х годов. Зачинателями клубной формы социокультурных коммуникаций и «пиками на высокогорном плато культуры Академгородка»⁵⁸ являлись Кофейно-Кибернетический Клуб (ККК), кафе-клуб «Под интегралом», киноклуб «Сигма», театр-студия А. Пономаренко, литературный клуб-магазин «Гренада». Клуб любителей хореографии «Терпсихора» вырос до мощного гуманитарного движения, объединившего в 1970–1980-е годы молодых ученых Академгородка, студентов НГУ и разных вузов Новосибирска.

В период с 1966 по 1989 г. в Доме ученых, ДК «Москва»/«Академия», ДК «Юность», молодежном центре «Калейдоскоп» действовало около двух десятков клубов, ориентированных преимущественно на население Академгородка молодежного, среднего и старшего

⁵³ Приведены выдержки из поэмы «Долиниада», полный вариант которой представлен в Открытом архиве СО РАН (ОА СО РАН), фонд Н.А. Притвиц [Электронный ресурс]. URL: http://odasib.ru/OpenArchive/Portrait.c-shhtml?id=Pr_1200&=Pr_0001_0314,0317,0321 (дата обращения: 10.03.2026).

⁵⁴ Комарова Г.А. Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: традиции и инновации. М., 2013. С. 23.

⁵⁵ Запорожченко Г.М. Повседневная жизнь... С. 99.

⁵⁶ Коллекция находится в Центре хранения материалов по истории СО РАН в Институте истории СО РАН.

⁵⁷ По выражению Г. Яблонского. См.: Яблонский Г. Жизнь в Раю... С. 12.

⁵⁸ Качан М.С. Культурная республика соан – феномен городка...

возраста: Клуб межнаучных контактов (МНК), тематические клубы – литературный, языковые (французский, английский, немецкий), народной и бардовской песни, театральный «Лицедей», танцевальные клубы «Такт» и «Элита», фотоклуб «Мудрец», клуб книголюбов «Собеседник», подводников «Нептун», филофонистов, филателистов, клуб альпинистов «Вертикаль». Достаточно представительной была группа женских клубов: «Грация» – клуб модной ритмической гимнастики, считавшийся лучшим в Академии наук СССР, «Сакура» – японской цветочной аранжировки, а также «Эстетика одежды», «Фасон», «Наш дом». Всего в истории Академгородка насчитывалось около 40 клубов. В 1970–1980-е годы клубное движение демонстрировало усиление институционального и интегративного потенциала, что проявилось в создании Ассоциации клубов, Совета творческой молодежи, Совета спортивных клубов, клубных конференциях⁵⁹.

Несмотря на кураторство (благожелательный патронаж, переходящий с конца 1960-х годы в строгий контроль) со стороны Советского райкома ВЛКСМ и партийных органов, отличительными чертами клубной жизни являлась подлинная самостоятельность (президент клуба «Под интегралом» А.И. Бурштейн отмечал: «Мы констатировали тогда безнадежное прозябание богатых профсоюзных клубов и повсеместный успех самостоятельных объединений по интересам»⁶⁰), многопрофильность (например, клуб «Под интегралом» состоял из множества тематических кружков), энтузиазм и самоорганизация участников («президент» и «министры» возглавляли разные направления «интегральной» деятельности), дух экспериментаторства и атмосфера свободы (в клубе «Под интегралом» широко практиковались полемически заостренные дискуссии на общественные и научные темы, юмористические форматы, звучала модная музыка), участие гостей (в клубных мероприятиях принимала участие не только научная молодежь Академгородка, но и гости, в числе которых были известные советские и иностранные ученые, поэты, актеры, журналисты). Неудивительно, что творческие эксперименты неоднократно встречали недовольство партийно-комсомольских властей и консервативной части общественности. К тому же, как отмечали современники, «вызывающая независимость людей из Академгородка была приправлена еще известным интеллектуальным снобизмом, что раздражающе действовало как на власть, так и на местное население»⁶¹.

Следует подчеркнуть важную роль в формировании традиций и появлении новаций Клуба межнаучных контактов (МНК). Волнообразный характер участия в работе клуба жителей и гостей Академгородка в значительной степени объяснялся изменением информационных и научно-коммуникационных потоков в России, соотносящихся с политико-экономической ситуацией в стране. Клуб МНК обеспечивал трансляцию научной идентичности, способствовал развитию мотивационного вида социокультурной коммуникации⁶², осуществлял транспоколенную передачу клубных традиций, внедрял новационные формы работы, благодаря которым он продолжает активно функционировать и в настоящее время⁶³.

При поддержке клубов родились новационные в масштабах страны формы социокультурных коммуникаций: Интернеделя и Маёвка с костром при участии университетского ансамбля политической песни «Амиго» (с 1966 г.), фестиваль авторской песни в Академгородке в 1968 г. стали самыми влиятельными и долговечными⁶⁴ событиями. Театр-студия

⁵⁹ Шелегина О.Н. Историко-культурные аспекты клубного движения... С. 101.

⁶⁰ «И забыть по-прежнему нельзя...» ... С. 137.

⁶¹ Верховод Д.Б. «Храм науки», «академический монастырь» или? // Городок.ru: новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия: воспоминания, размышления, проекты: сб. ст. Новосибирск, 2003. С. 151.

⁶² Мотивационный вид социокультурной коммуникации – это процесс взаимодействия, направленный на побуждение, стимулирование и вдохновение субъектов к обмену культурными ценностями, информацией и смыслами, опирается на внутренние потребности (интерес, самореализация) и внешние стимулы (поощрения, признание).

⁶³ Шелегина О.Н. Историко-культурные аспекты клубного движения... С. 100.

⁶⁴ Имеется в виду, что в 2018 г. в память о фестивале бардов 1968 г. к его 50-летию был приурочен форум «Место силы и свободы. Академгородок», посвященный изучению феномена Академгородка; на здании по адресу пр. Академика Лаврентьева, 16 была установлена мемориальная доска: «В этом здании в клубе-кафе “Под интегралом” в марте 1968 года выступал российский бард, поэт и драматург Галич Александр Аркадьевич»;

А. Пономаренко впервые в стране поставил одну из труднейших пьес (и практически тогда запрещенную) – трагикомедию Н. Эрдмана «Самоубийца», осуществил оригинальную сценическую адаптацию трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», заинтересовав аудиторию Домов ученых в Новосибирске, Томске, Красноярске, Москве (1960–1980-е годы)⁶⁵. Входящий в пятерку самых старых действующих клубов друзей кино – киноклуб «Сигма», используя ресурсы «Госфильмофонда», знакомил с недоступными в другом формате классикой и новинками отечественного и зарубежного киноискусства (с 1965 г.).

Неординарно, в эмоционально-насыщенном ключе, были проведены массовые праздничные мероприятия с элементами театрализации и импровизации – первый в стране конкурс красоты (в клубе «Под интегралом» в 1965 г.); креативный уличный спектакль «Блоха», приуроченный к проводам Масленицы, у кинотеатра «Москва» (ныне ДК «Академия») в 1967 г.; уличное шествие-карнавал 1967 г. в духе каламбура «Смех без причины – признак высокого интеллекта»; ироничный «Бал неучей» в ночь на новый 1969 год в Доме ученых – прощальная акция фактически закрытого клуба «Под интегралом». Эти формы коммуникаций были ценны для раскрепощения советского человека, жившего в тисках идеологически-регламентированного порядка. Участие в работе клубов известных ученых, покровительственное отношение к ним лидеров Сибирского отделения способствовали рафинированию социальной и научной идентичности.

Система клубов, креативный самиздат (стенные газеты, альманахи поэзии и песен), просветительский «Живой журнал», капустники, спортивно-туристские соревнования и походы, стройотряды аккумулировали энергию и общественную активность студентов и ученых, воспроизводили и творчески развивали в Сибири столичные культурные образцы, реализовывали модель будущего постиндустриального общества с вариантами идейно-культурного плюрализма и интеллектуального гедонизма⁶⁶.

Динамичная циркуляция посредством социокультурной коммуникации новых идей и смыслов косвенно способствовала постепенному разрушению дряхлеющей и сковывающей идеологической оболочки позднего социализма и формированию новых ценностей общественного сознания. Тот факт, что многообразная социально-культурная жизнь Академгородка, которая во второй половине 1960-х гг. достигла невиданной за всю историю страны активности, во многом спонсировалась научно-производственным объединением «Факел»⁶⁷, свидетельствовал об уникальном для России процессе зарождения элементов гражданского общества, включающего в качестве неотъемлемых составляющих общественную активность и экономическую самостоятельность (самоокупаемость)⁶⁸. Опыт развертывания в поле социального взаимодействия подлинной самодеятельности с элементами самоокупаемости имел особое значение. Массовизации сознания по советскому образцу были противопоставлены нонконформизм и чувство гражданской ответственности тем более примечательные, что зарождение некоторых структур гражданского общества, может оцениваться важнее, чем научные открытия⁶⁹.

Компаративистский подход к истории городов науки показывает, что концепция комфортной жизненной среды имеет немаловажное, но не решающее значение для формиро-

в Академгородке прошел фестиваль авторской песни под названием «Под Интегралом» – «40 лет спустя», в рамках которого звучали песни начинающих и известных авторов-исполнителей.

⁶⁵ Запорожченко Г.М. Самодеятельный театр новосибирского Академгородка в 1960-е – 1980-е гг.: опыт взаимодействия власти и общества (статья находится в печати в журнале «Вестник ТГУ. История»).

⁶⁶ Шелегина О.Н. Историко-культурные аспекты клубного движения... С. 101.

⁶⁷ «Факел» – научно-производственное объединение (НПО), созданное в 1966 г. в новосибирском Академгородке при Советском районном комитете ВЛКСМ и Сибирском отделении Академии наук, постепенно превратившееся в мощную организацию, где молодые ученые успешно занимались внедрением научных достижений в производство, улучшали свое материальное положение, спонсировали научные исследования и социально-культурные инициативы.

⁶⁸ Кузнецов И.С. Академгородок в 1975 году: как уходил Лаврентьев. Опыт исторической реконструкции. Новосибирск, 2005. С. 9.

⁶⁹ Кузнецов И.С. Комментарий к статье И.В. Жежко-Браун «НГУ: студенческое движение 1960-х» // Идеи и идеалы. 2017. № 1 (31). С. 180.

вания значимых социокультурных коммуникаций. Так, Зеленоград⁷⁰ был первым советским наукоградом, который создавался уже не в героические «оттепельные» времена, а в эпоху, когда в СССР сложилось пусть весьма специфическое (дефицитное), но общество потребления. В расположенном близко к Москве Зеленограде, городе с современной выдающейся архитектурой, с комфортной парковой средой, спортивным комплексом, школами, поликлиниками, бассейнами, магазинами, по мнению Г.И. Ревзина, «никакой содержательной общественной жизни не случилось»⁷¹. Он проанализировал наукоград как тип поселения, являвшегося порождением советской эпохи с ее характерными чертами. Академический город (с конца 1960-х годов) продолжал историю закрытого города в СССР (с конца 1940-х годов). Само строительство новосибирского Академгородка являлось частью стратегии развития в тоталитарном государстве военно-промышленного комплекса, особенно ядерной физики, в условиях мирового противостояния в годы «холодной войны». В его структуре были повторены главные элементы сталинских закрытых городов: четкое выделение зоны жилья для научных сотрудников с коттеджами для элиты («Золотая долина») и зоны институтов; отсутствие главной площади с памятником Ленину посередине и горкомом-горсоветом по сторонам; очерченность границы научного социума, противостоящего всем «чужим»; сравнительно со страной в целом высокие стандарты потребления на основе дифференциации благ⁷².

Научный город центрировался не советской властью, а наукой⁷³. На пересечении осей проспекта Науки (ныне академика Лаврентьева) и Университетского (ныне проспект академика Коптюга) находились два главных здания и предметы гордости – Дом Ученых и университет. С научным наследием связаны многие топонимические нарративы и художественные аттракции Академгородка⁷⁴. Успешным проект оказался не потому, что досконально был продуман изнутри. Он двигался энергией давления снаружи. Приехавшие в Сибирь ученые были полны энтузиазма работать в научном центре, защищенном усилиями М.А. Лаврентьева от идеологического прессинга, который в сталинские времена затронул генетику, кибернетику, теорию химического резонанса, теорию относительности, экономическую теорию, социологию, языкознание, историю⁷⁵.

Сила внешнего давления в эпоху «славного хрущевского» десятилетия с ее научным романтизмом обеспечила фантастический успех Академгородка, создала в наукограде необычную атмосферу творческой свободы и плодотворного междисциплинарного общения. Первое десятилетие было временем больших достижений⁷⁶. Лишь в конце 1960-х годах под влиянием ряда обстоятельств, вызванных как общими изменениями в стране (эволюцией относительно либеральной хрущевской «оттепели» к неоконсервативному брежневскому режиму, утратой Сибирским отделением приоритетной государственной поддержки после отстранения от власти Н.С. Хрущева), так и специфическими процессами, протекавшими внутри самого Академгородка (реакцией власти на «письмо 46-ти» и бардовский фестиваль 1968 г.), атмосфера открытости и взаимного доверия ушла: «от Академгородка отлетел дух свободы, вольного творчества, социального энтузиазма, объединяющего и патриархов, и молодых. Для Городка 1968 год – конец героически-романтического периода»⁷⁷.

Впоследствии неординарность Академгородка нивелировалась ослаблением статуса науки и ученых в обществе, известными недостатками самого проекта, изменившимися

⁷⁰ Зеленоград – город в агломерации Москвы, в 1970–1980-е годы развивался преимущественно как наукоград, один из основных научно-производственных центров советской и российской электроники и микроэлектроники. Известен как советская/русская/российская Силиконовая (Кремниевая) долина.

⁷¹ Ревзин Г.И. Наукограды в России... С. 39.

⁷² Там же. С. 23.

⁷³ Там же... С. 36.

⁷⁴ Оплаканская Р.В. «Академические» номинации городских объектов в топонимическом пространстве Томска и Новосибирска // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 159–164.

⁷⁵ Ревзин Г.И. Наукограды в России... С. 36–37.

⁷⁶ Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11. С. 190.

⁷⁷ Яблонский Г. Жизнь в Раю... С. 6.

бытовыми и социальными отношениями. Жилищный кризис, плохое продовольственное снабжение, внутренняя иерархичность, карьеризм, ограниченность рынка научного труда, изменившаяся общественная атмосфера, однообразие впечатлений вследствие замкнутости и локальной оторванности от большого города, дух коммунальной кухни, где все про всех всё знают, и т.п. усиливали нагрузку на профессионально-мотивационные механизмы, психологическое самочувствие, брачные связи⁷⁸.

Подобные явления были свойственны и другим советским научным городам, которые М. Поповский характеризовал как «бескорневые» (городки военных или поселки сезонных рабочих). Посетив Протвино, Пущино, Дубну, Обнинск, Черноголовку, Жуковский, Зеленоград, он отметил, что советские научные городки имели «свою собственную, с одной стороны, довольно унылую, а с другой – насыщенную электричеством, беспокойную атмосферу, где человек чувствует себя временным жильцом»⁷⁹. Сохранение брони и квартир в столицах для переехавших в Сибирь ученых, как и значительный отток кадров из Академгородка в 1970–1980-е годы, являлось тому подтверждением. Из советских наукоградов только новосибирский Академгородок пережил свой «золотой век» кратковременного научного и общественного оживления, оставивший у современников сильные впечатления⁸⁰.

С распадом СССР, окончанием «холодной войны», деидеологизацией внутривнутриполитической жизни страны внешнее давление на науку ослабло. Микросоциум Академгородка, сформированный на самостоятельной основе, обладал потенциалом, который обусловил его спонтанную самоорганизацию в постсоветский период на базе своеобразного «треугольника когерентности» между первичными научными коллективами, инновационным бизнесом и университетом⁸¹. Однако сибирский наукоград, по заключению академика А.Г. Аганбегяна, не стал лидером в создании высокотехнологичных продуктов – целостных систем, органично связывающих множество технологий для решения широкого спектра практических задач, как это сделала принципиально новая постиндустриальная экосистема – Кремневая Долина⁸². Известным социологом Е.А. Ерохиной на основе анализа кейса «Академгородок 2.0» представлены перспективные сценарии развития ННЦ, образно названного «кремниевой тайгой», с учетом влияния гражданской самоорганизации на процесс принятия решений в сфере управления наукой, технологиями, пространственным развитием инновационного кластера Новосибирского научного центра⁸³.

В постсоветское время социокультурные коммуникации комбинировались из двух комплементарных тенденций – сохранением первокультуры Академгородка как «духа Академгородка» параллельно с новаторским развитием культурных практик в соответствии с тенденциями современного общества. Символические «образы прошлого» реконструировались с учетом нарастающей глобализации информационно-коммуникационных процессов, сохраняя основное аксиологическое свойство социокультурной коммуникации, заключающееся в непосредственном общении людей – субъектов специализированного (научного), образованного и обыденного сознания⁸⁴.

В качестве наследия «золотого века» новосибирского Академгородка, ставшего в 2014 г. достопримечательным местом, сформировалась система динамичных социокуль-

⁷⁸ На эти черты этноса Академгородка указывали П. Джеферсон, Е.Г. Водичев, Н.А. Куперштох, И.С. Кузнецов, М.А. Поповский, Е.А. Ерохина, Д.И. Муренко.

⁷⁹ Поповский М.А. Управляемая наука. London, 1978. С. 231.

⁸⁰ Поповский М.А. Управляемая наука... С. 237.

⁸¹ Гордиенко А.А. Трансинституциональные взаимодействия и самоорганизация сообщества новосибирского Академгородка в контексте регионализации научно-инновационной деятельности // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 91.

⁸² Аганбегян А.Г. О формировании Новосибирского Академгородка – центра Сибирского отделения Российской академии наук: достижения и упущения // Экономика науки. 2024. № 10 (1). С. 36, 39; Федоров В.С. Академгородок и Стэнфорд: наука и производство в инновационных экосистемах 50-х – 70-х годов XX века // Философия науки. 2017. № 1. С. 1, 10;.

⁸³ Ерохина Е.А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 106–118.

⁸⁴ Мирошников Ю.И. Аксиологическая концепция социокультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. С. 10, 29.

турных комплексов, синтезирующих информационную и креативную структуры исторической памяти, реализующих коммеморативные, образовательные и досуговые функции социокультурных коммуникаций. Среди них: *топонимический* (названия улиц, тропинок, символические камни), *мемориально-монументальный* (памятники, мемориальные доски), *наследиеведческий* (музейные структуры институтов, Выставочный центр СО РАН, галерея Дома ученых), *интеллектуально-досуговый и аттрактивный* (культурно-досуговая инфраструктура, арт-стрит-объекты и художественные аттракции с научной символикой и тематикой), *ивентовый* (коммеморативные события и креативные проекты)⁸⁵.

В заключение отметим, что теоретическое осмысление и эмпирическое описание социокультурных коммуникаций в новосибирском Академгородке позднесоветского периода (1960–1980-е годы) в стиле метода *pro et contra*, позволяющем учитывать темпоральные преломления и выявлять каузальные факторы оформления традиций и возникновения инноваций, в контексте модернизационной парадигмы дает возможность интерпретировать уникальность феномена социокультурных коммуникаций в новосибирском Академгородке как проявление процесса генерации постиндустриальных отношений во второй половине XX в. с точки зрения формирования новых ценностно-мотивационных механизмов, образовательных и коммуникационных сдвигов, нарастания социально-структурной дифференциации.

Значение темпорального фактора для судьбы научных, социокультурных и межличностных коммуникаций имела смена эпох: переход от «оттепельной» хрущевской эпохи научного романтизма к консервативной брежневской эпохе идеологического прессинга, конформизма и застоя, когда новации не являлись ориентиром для развития⁸⁶. Ценность передовой для своего времени комфортной среды жизнеобеспечения в сибирском наукограде постепенно девальвировалась из-за обострения жилищного и продовольственного кризисов.

Важно отметить, что, несмотря на эти процессы, усугублявшие известные недостатки самого проекта города науки в Сибири, социально-антропологические эффекты его реализации оказались гораздо шире задуманного и заложенного в планах «отцов-основателей». Значимость и престижность изобретенных учеными форм содержательной общественной жизни Академгородка выходили далеко за его пределы. Достижения клубного движения как институционального оформления социокультурных коммуникаций состояли в приращении культурного пространства жизни научного сообщества, создании условий для развивающего, творческого досуга, нивелировании культурного разрыва между столицей и далеким сибирским регионом, создании коммуницирующей среды творческой актуализации отечественной и мировой культуры. Историко-культурной формулой клубного движения новосибирского Академгородка, укрепляющего научно-организационные принципы создания СО АН СССР «Наука – кадры – производство» в 1960–1980-е годы, можно считать институционально сформированный и реализованный в деятельности учреждений культуры тренд «Наука – культура – искусство».

Синергетический эффект интеграции выделенных видов социокультурной коммуникации (ориентационный, мотивационный, интеграционный) и ее реализованных функций (образовательные, коммеморативные, досуговые) проявляется в значимом общественно-политическом и социокультурном ресурсе, необходимом для адаптации СО РАН к условиям постсоветских трансформаций, определяющих перспективы его развития. Сформированные на основе научных, социально-культурных и межличностных коммуникаций векторы коллективной культурной памяти, приобретшие свойство «легенды», в наши дни поддерживают идентичность научного сообщества и оказывают вдохновляющее воздействие на процесс совершенствования социокультурной среды и коммуникаций современного Академгородка.

Результаты изучения социокультурных коммуникаций, представленные в настоящей работе, открывают перспективы монографического исследования «Первый сибирский наукоград: живем, работаем, отдыхаем», обобщающего в исторической динамике 70-летнюю социально-культурную историю новосибирского Академгородка.

⁸⁵ Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. От «золотой долины»... С. 62.

⁸⁶ Никонова С.И. Кризис идеологии и советское общество в 1970–80-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 5 (61). С. 374.

Литература

Аганбегян А.Г. О формировании Новосибирского Академгородка – центра Сибирского отделения Российской академии наук: достижения и упущения // Экономика науки. 2024. № 10 (1). С. 21–40.

Актеры российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение / авт. В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, О.Н. Богатырева и др.; отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. 318 с.

Алферова А.М. Социокультурная среда города Зеленограда (1958–2000-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 24 с.

Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. Несостоявшееся ускорение: экономическая стратегия «хрущевского десятилетия». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2025. 288 с.

Верховод Д.Б. «Храм науки», «академический монастырь» или? // Городок.ru: новосибирский Академгородок на пороге третьего тысячелетия: воспоминания, размышления, проекты: сб. ст. Новосибирск, 2003. С. 149–158.

Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–66.

Гордиенко А.А. Трансинституциональные взаимодействия и самоорганизация сообщества новосибирского Академгородка в контексте регионализации научно-инновационной деятельности // Вестник НГУ. Сер.: Философия. 2015. Т. 13, вып. 4. С. 90–96.

Грачев В.И. Феномен социокультурной коммуникации в современной художественной культуре (информационно-аксиологический анализ): автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2008. 40 с.

Ерохина Е.А. Есть ли будущее у кремниевой тайги? Перспективы и риски проекта «Академгородок 2.0» // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 106–118.

Запорожченко Г.М. Повседневная жизнь новосибирского Академгородка в эго-документах «сибирских академин» (1958 – конец 1960-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 3. С. 92–102.

Запорожченко Г.М. Женщины и наука: повседневная научная жизнь новосибирского Академгородка 1960-х гг. в эго-документах женщин-ученых // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 97–113.

Запорожченко Г. М. «Вишневая косточка личности» Майи Ивановны Черемисиной: начало научной карьеры в Новосибирском научном центре. 1960-е гг. // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 32–48.

Запорожченко Г.М. «Важнейшим из кино для нас является искусство»: общественно-политическое значение деятельности кино клуба «Сигма» в новосибирском Академгородке. 1960–1980-е гг. // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2025. Т. 24, № 1. С. 156–168.

Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. «Сибирские Академины»: женщины-ученые, вошедшие в историю Сибирского отделения Российской Академии наук [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2019. № 3 (5). Статья 19. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. От «золотой долины» к «кремниевой тайге»: векторы культурной памяти // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 55–64.

«И забыть по-прежнему нельзя...». Сборник воспоминаний старожилов Академгородка / сост. Е.Н. Верховская. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. 336 с.

Комарова Г.А. Антропология академической жизни в постсоветском контексте // Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013. 376 с.

Комарова Г.А. Новация, обреченная стать традицией // Антропология академической жизни: традиции и инновации. М.: ИЭА РАН, 2013. 376 с.

Кузнецов И.С. Академгородок в 1975 году: как уходил Лаврентьев. Опыт исторической реконструкции. Новосибирск: Клио, 2005. 52 с.

Кузнецов И.С. Становление историографии новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 12–22.

Кузнецов И.С. Комментарий к статье И.В. Жежко-Браун «НГУ: студенческое движение 1960-х» // Идеи и идеалы. 2017. № 1 (31). С. 180–184.

Кузнецов И.С. Новосибирский Академгородок: «оазис свободы» или «реликт сталинизма»? // ЭКО. 2019. № 11. С. 172–192.

Кузнецов И.С. Ученые об ученых: миры и мифы Новосибирского Академгородка [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 292–304. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-21.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

Куперштох Н.А. Демографическая структура научных кадров Сибирского отделения РАН (конец 80-х – начало 90-х годов) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 1. С. 97–101.

Куперштох Н.А. К 65-летию Сибирского отделения Российской академии наук // Исторический курьер. 2022 № 3 (23). С. 268–272. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-19.pdf> (дата обращения: 01.03.2026).

Куперштох Н.А., Крайнева И.А. Их именами названы институты Новосибирского научного центра. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2022. 320 с.

Лаврентьев М.А. ...Прирастать будет Сибири. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1982. 175 с.

Мазаник А.В. «Культурный поворот» и российская историческая урбанистика // Прошлый век. 2013. № 1. С. 223–240.

Марчук О.Н. Сибирский феномен: Академгородок в первые 20 лет. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 236 с.

Мирошников Ю.И. Аксиологическая концепция социокультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 2000. 34 с.

Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.М. Щербин. Новосибирск: НГУ, 2004. 146 с.

Музеи СО РАН (Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения российской академии наук. Очерки формирования и развития) / отв. ред В.А. Ламин, О.Н. Трубецва. Новосибирск, 2009. 262 с.

Научно-образовательный и культурно-образовательный потенциал сибирских музеев: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.М. Щербин. Новосибирск: НГУ, 2010. 176 с.

Никонова С.И. Кризис идеологии и советское общество в 1970–80-е гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 5 (61). С. 374–382.

Опалаканская Р.В. «Академические» номинации городских объектов в топонимическом пространстве Томска и Новосибирска // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 159–164.

Орлов С.Б., Шелегина О.Н. Наукограды в Сибири: историко-социологический анализ // Инноватика и экспертиза. 2019. Вып. 1 (25). С. 155–165.

Побережников И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–46.

Покровский Н.Н., Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. Достопримечательное место «Новосибирский Академгородок»: научное и историко-культурное наследие. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. 162 с.

Поповский М.А. Управляемая наука. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1978. 319 с.

Пушкарева Н.Л. Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3 (56). С. 24–35.

Пушкарева Н.Л. Женщины в советской науке. 1917–1980-е гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 92–102.

Пушкарева Н., Жидченко А. Сибирский эксперимент в истории советского академического сообщества: бытовой и гендерный аспекты // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 593–611.

Ревзин Г.И. Наукограды в России: вопросы генезиса // *Labyrinth. Теории и практики культуры*. 2020. № 4. С. 23–42.

Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 500 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав: в 2 т. / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Н.А. Куперштох и др.; отв. ред. В.Н. Пармон. 2 изд., перераб. и доп. Новосибирск: СО РАН, 2022. Т. 1: Действительные члены. 568 с.; Т. 2: Члены-корреспонденты. 540 с.

Ушкарев А.А. Цивилизация досуга и смыслы досугового поведения // *Обсерватория культуры*. 2016. Т. 13, № 4. С. 429–435.

Федоров В.С. Академгородок и Стэнфорд: наука и производство в инновационных экосистемах 50-х – 70-х годов XX века // *Философия науки*. 2017. № 1. С. 1–13.

Шелегина О.Н. «Снежный барс» И.Н. Мешков о развитии альпинизма в новосибирском Академгородке в 1960–1980-е гг. // *Культурно-антропологические исследования*. 2023. № 1. С. 40–48.

Шелегина О.Н. Историко-культурные аспекты клубного движения в Новосибирском Академгородке в 1960–1980-е годы // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2024. Т. 23, № 8. С. 94–104.

Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Исторический контент социокультурных практик в Сибирском регионе в первые десятилетия XXI века // *Вестник НГУ. Сер.: История, Филология*. 2021. Т. 20, № 8. С. 87–100.

Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. Ядро потенциала сибирской науки // *Вестник РАН*. 2023. Т. 93, № 7. С. 705–710.

Шелегина О.Н., Куперштох Н.А., Запорожченко Г.М., Покровский Н.Н. Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // *Гуманитарные науки Сибири*. 2016. Т. 25, № 3. С. 117–122.

Щербин Н.М., Шелегина О.Н., Запорожченко Г.М. ННЦ: живем, работаем, отдыхаем // *Наука из первых рук. Научно-популярный журнал*. 2008. № 6. С. 54–57.

Якишин С.В. Классификация коммуникаций, базирующихся на взаимодействии культуры и человека // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки*. 2011. № 2 (22). С. 136–139.

Josephson P. *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1997. 351 p.

Reference

Aganbegyan, A.G. (2024). O formirovanii Novosibirskogo Akademgorodka – tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk: dostizheniya i upushcheniya [On the Formation of the Novosibirsk Akademgorodok, the Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Achievements and Shortcomings]. In *Ekonomika nauki*. No. 10 (1), pp. 21–40.

Alekseev, V.V., Alekseeva, E.V., Bogatyreva, O.N. et al., Poberezhnikov, I.V. (Ed.). (2026). *Aktory rossiyskoy imperskoy modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of Russian Imperial Modernization (18th – Early 20th Centuries): Regional Dimension]. Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii. 318 p.

Alferova, A.M. (2012). *Sotsiokul'turnaya sreda goroda Zelenograda (1958–2000-e gg.)* [The Sociocultural Environment of the City of Zelenograd (1958–2000s)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 24 p.

Artemov, E.T., Vodichev, E.G. (2025). *Nesostoyavsheesya uskorenie: ekonomicheskaya strategiya "khrushchevskogo desyatiletia"* [The Failed Acceleration: The Economic Strategy of the Khrushchev Decade]. Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta. 288 p.

Erokhina, E.A. (2020). Est' li budushchee u kremnievoy taygi? Perspektivy i riski proekta "Akademgorodok 2.0" [Does the "Silicon Taiga" Have a Future? Prospects and Risks of the Project "Akademgorodok 2.0"]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 11, No. 3, pp. 106–118.

Fedorov, V.S. (2017). Akademgorodok i Stehnford: nauka i proizvodstvo v innovatsionnykh ekosistemakh 1950-kh – 1970-kh godov [Akademgorodok and Stanford: Science and Production in Innovative Ecosystems of the 1950s–1970s]. In *Filosofiya nauki*. No. 1, pp. 1–13.

Gordienko, A.A. (2015). Transinstitutsional'nye vzaimodeystviya i samoorganizatsiya soobshchestva novosibirskogo Akademgorodka v kontekste regionalizatsii nauchno-innovatsionnoy deyatel'nosti [Transinstitutional Interactions and Self-Organization of the Novosibirsk Akademgorodok Community in the Context of Regionalization of Scientific and Innovative Activity]. In *Vestnik NGU. Seriya filosofiya*. Vol. 13, Iss. 4, pp. 90–96.

Grachev, V.I. (2008). *Fenomen sotsiokul'turnoy kommunikatsii v sovremennoy hudozhestvennoy kul'ture (informatsionno-aksiologicheskii analiz)* [Phenomenon of Sociocultural Communication in Modern Artistic Culture (Information and Axiological Analysis)], Dr. Cult. Studies. diss. abstract. Moscow. 40 p.

Josephson P. (1997). *New Atlantis Revisited: Akademgorodok, the Siberian City of Science*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press. 351 p.

Komarova, G.A. (2013). Antropologiya akademicheskoy zhizni v postsovetskom kontekste [Anthropology of Academic Life in the Post-Soviet Context]. In *Antropologiya akademicheskoy zhizni: traditsii i innovatsii*. Moscow, IEA RAS. 376 p.

Komarova, G.A. (2013). Novatsiya, obrechennaya stat' traditsiei [Innovation That Is Doomed to Become a Tradition]. In *Antropologiya akademicheskoy zhizni: traditsii i innovatsii*. Moscow, IEA RAS. 376 p.

Kupershtokh, N.A. (2022). K 65-letiyu Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk [On the 65th Anniversary of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoricheskii kur'er*. No. 3 (23), pp. 268–272. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-19.pdf> (date of access 01.03.2026).

Kupershtokh, N.A. (1995). *Demograficheskaya struktura nauchnykh kadrov Sibirskogo otdeleniya RAN (konets 80-kh – nachalo 90-kh godov)* [Demographic Structure of the Scientific Staff of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Late 1980s–Early 1990s)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 97–101.

Kuperstokh, N.A., Krainova, I.A. (2022). Ih imenami nazvany instituty Novosibirskogo nauchnogo centra [Their Names are Given to the Institutes of the Novosibirsk Scientific Center]. Novosibirsk, Izdatelstvo SO RAN. 320 p.

Kuznetsov, I.S. (2005). Akademgorodok v 1975 godu: kak uhodil Lavrent'ev. Opyt istoricheskoy rekonstruktsii [Akademgorodok in 1975: How Lavrentiev Left. The Experience of the East. Reconstructions]. Novosibirsk, Klio. 52 p.

Kuznetsov, I.S. (2013). Stanovlenie istoriografii novosibirskogo Akademgorodka v kontekste mobilizatsionnoy i innovatsionnoy modeley [The Formation of the Historiography of the Novosibirsk Akademgorodok in the Context of the Mobilization and Innovation Models]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 12, No. 8, pp. 12–22.

Kuznetsov, I.S. (2017). Kommentariy k stat'e I.V. Zhezhko-Braun "NGU: studencheskoe dvizhenie 1960-kh" [Commentary on the Article by I.V. Zhezhko-Brown "NSU: The Student Movement of the 1960s"]. In *Idei i idealy*. No. 1 (31), pp. 180–184.

Kuznetsov, I.S. (2019). Novosibirskiy Akademgorodok: "oazis svobody" ili "relikt stalinizma"? [Novosibirsk Akademgorodok: An Oasis of Freedom or a Relic of Stalinism?]. In *EKO*. No. 11, pp. 172–192.

Kuznetsov, I.S. (2022). Uchenye ob uchenykh: miry i mify novosibirskogo Akademgorodka [Scientists on Scientists: Worlds and Myths of the Novosibirsk Akademgorodok]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 6 (26), pp. 292–304. Available at: RL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-21.pdf> (date of access 01.03.2026).

Lamin, V.A., Truevtseva, O.N. (Eds.). (2009). *Muzei SO RAN (Muzei nauchnykh tsentrov i institutov Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Ocherki formirovaniya i razvitiya)* [Museums of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Museums of Research Centers and Institutes of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Essays on the Formation and Development)]. Novosibirsk. 262 p.

Lavrentiev, M.A. (1982). ...*Prirastat' budet Sibir'yu...* [It will Grow with Siberia]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 175 p.

Marchuk, O.N. (1997). *Sibirskiy fenomen: Akademgorodok v pervye 20 let* [The Siberian Phenomenon: Akademgorodok in the First 20 Years]. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf. 236 p.

Mazanik, A.V. (2013). "Kul'turnyy povorot" i rossiyskaya istoricheskaya urbanistika [The "Cultural Turn" and Russian Historical Urban Studies]. In *Proshlyy vek*. No. 1, pp. 223–240.

Miroshnikov, Y.I. (2000). Aksiologicheskaya kontseptsiya sotsiokul'turnoy kommunikatsii. [The Axiological Concept of Sociocultural Communication], Abstract of Diss. Doctor of Philosophy. Yekaterinburg. 34 p.

Nikonova, S.I. (2008). Krizis ideologii i sovetskoe obshchestvo v 1970–80-e gg. [The Crisis of Ideology and Soviet Society in the 1970s and 1980s]. In *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. No. 5 (61), pp. 374–382.

Oplakanskaya, R.V. (2023). "Akademicheskie" nominatsii gorodskih ob'ektov v toponimicheskom prostranstve Tomska i Novosibirska ["Academic" Nominations of Urban Objects in the Toponymic Space of Tomsk and Novosibirsk]. In *Vestnik TGU*. No. 486, pp. 159–164.

Orlov, S.B., Shelegina, O.N. (2019). Naukogrady v Sibiri: istoriko-sotsiologicheskii analiz [Science Cities in Siberia: Historical and Sociological Analysis]. In *Innovatika i ekspertiza*. Iss. 1 (25), pp. 155–165.

Poberezhnikov, I.V. (2017). Modernizatsii v istorii Rossii: napravleniya i problemy izucheniya [Modernization in the History of Russia: Directions and Problems of Study]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (57), pp. 36–46.

Pokrovsky, N.N., Zaporozhchenko, G.M., Shelegina, O.N. (2018). *Dostoprimechatel'noe mesto "Novosibirskiy Akademgorodok": nauchnoe i istoriko-kul'turnoe nasledie* [The Novosibirsk Akademgorodok: Scientific and Historical-Cultural Heritage]. Novosibirsk, NGU. 162 p.

Popovsky, M.A. (1978). *Upravlyaemaya nauka* [Managed Science]. London, Overseas Publications Interchange Ltd. 319 p.

Pushkareva, N., Zhidchenko, A. (2022). Sibirskiy eksperiment v istorii sovetskogo akademicheskogo soobshchestva: bytovoy i gendernyy aspekty [The Siberian Experiment in the History of the Soviet Academic Community: Household and Gender Aspects]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, No. 2, pp. 593–611.

Pushkareva, N.L. (2010). Zhenshchiny v rossiyskoy nauke kontsa XX – nachala XXI veka: obobshchenie kolichestvennykh harakteristik [Women in Russian Science at the End of the 20th and the Beginning of the 21st Century: A Summary of Quantitative Characteristics]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3 (56), pp. 24–35.

Pushkareva, N.L. (2011). Zhenshchiny v sovetskoy nauke. 1917–1980-e gg. [Women in Soviet Science. 1917–1980s]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 92–102.

Revzin, G.I. (2010). Naukogrady v Rossii: voprosy genezisa [Science Cities in Russia: Issues of Genesis]. In *Labyrint. Teorii i praktiki kul'tury*. No. 4, pp. 23–42.

Shcherbin, N.M. (2022). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otdelenie. Personal'nyy sostav* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Personal Staff]. Novosibirsk, SB RAS. Vol. 1. Deystvitel'nye chleny. 568 p.; Vol. 2. Chleny-korrespondenty. 540 p.

Shcherbin, N.M. (Ed.). (2004). *Muzeevedcheskie aspekty istorii SO RAN: traditsii i novatsii* [Museum Studies Aspects of the History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: Traditions and Innovations]. Novosibirsk, NGU. 146 p.

Shcherbin, N.M. (Ed.). (2010). *Nauchno-obrazovatel'nyy i kul'turno-obrazovatel'nyy potentsial sibirskikh muzeev* [Scientific and Educational and Cultural and Educational Potential of Siberian Museums]. Novosibirsk, NGU. 176 p.

Shcherbin, N.M., Shelegina, O.N., Zaporozhchenko, G.M. (2008). NNTs: zhivem, rabotaem, otdyhaem [NNC: Living, Working, and Relaxing]. In *Nauka iz pervykh ruk*. No. 6, pp. 54–57.

Shelegina, O.N. (2023). “Snezhnyy bars” I.N. Meshkov o razvitii al'pinizma v novosibirskom Akademgorodke v 1960–1980-e gg. [“The Snow Leopard” I.N. Meshkov on the Development of Mountaineering in the Novosibirsk Akademgorodok in the 1960s–1980s]. In *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya*. No. 1, pp. 40–48.

Shelegina, O.N. (2024). Istoriko-kul'turnye aspekty klubnogo dvizheniya v novosibirskom Akademgorodke v 1960–1980-e gody [Historical and Cultural Aspects of the Club Movement in the Novosibirsk Akademgorodok in the 1960s–1980s]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya*. Vol. 23, No. 8, pp. 94–104.

Shelegina, O.N., Kupershtokh, N.A., Zaporozhchenko, G.M., Pokrovsky, N.N. (2016). Identichnost' lokal'nykh nauchnykh soobshchestv: opyt formirovaniya i translyatsii (po materialam Novosibirskogo nauchnogo tsentra SO RAN) [The Identity of Local Scientific Communities: Experience in Formation and Translation (Based on the Materials of the Novosibirsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)]. In *Gumanitarnye nauki Sibiri*. Vol. 25, No. 3, pp. 117–122.

Shelegina, O.N., Zaporozhchenko, G.M. (2021). Istoricheskiy kontent sotsiokul'turnykh praktik v Sibirskom regione v pervye desyatiletia XXI veka [Historical Content of Sociocultural Practices in the Siberian Region in the First Decades of the 21st Century]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya*. Vol. 20, No. 8, pp. 87–100.

Shelegina, O.N., Zaporozhchenko, G.M. (2023). Yadro potentsiala sibirskoy nauki [The Core of the Potential of Siberian Science]. In *Vestnik RAN*. Vol. 93, No. 7, pp. 705–710.

Ushkarev, A.A. (2016). Tsvilizatsiya dosuga i smysly dosugovogo povedeniya [Leisure Civilization and the Meanings of Leisure Behavior]. In *Observatoriya kul'tury*. Vol. 13, No. 4, pp. 429–435.

Verkhovod, D.B. (2003). “Khram nauki”, “akademicheskiy monastyr” ili? [“The Temple of Science”, “The Academic Monastery”, or?]. In *Gorodok.ru: novosibirskiy Akademgorodok na poroge tret'ego tysyacheletiya: vospominaniya, razmyshleniya, proekty: sbornik statey*. Novosibirsk, pp. 149–158.

Verkhovskaya, E.N. (Comp.). (2007). “I zabyt' po-prezhnemu nel'zya...”. *Sbornik vospominaniy starozhilov Akademgorodka* [“And It is Still Impossible to Forget...”. A Collection of Memoirs by Old-Timers of Akademgorodok]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN. 336 p.

Vodichev, E.G., Krasil'nikov, S.A., Lamin, V.A. et al. (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otделение. Istoricheskiy ocherk* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka. 500 p.

Vodichev, E.G., Kupershtokh, N.A. (2001). Formirovanie etosa nauchnogo soobshchestva v novosibirskom Akademgorodke, 1960-e gody [Formation of the Ethos of the Scientific Community in the Novosibirsk Akademgorodok, 1960s]. In *Sotsiologicheskiy zhurnal*. No. 4, pp. 41–66.

Yakishin, S.V. (2011). Klassifikatsiya kommunikatsiy, baziruyushchihsya na vzaimodeystvii kul'tury i cheloveka [Classification of Communications Based on the Interaction of Culture and the Individual]. In *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. No. 2 (22), pp. 136–139.

Zaporozhchenko, G.M. (2022). Povsednevnyaya zhizn' novosibirskogo Akademgorodka v ego-dokumentakh “sibirskikh akademov” (1958 – konets 1960-kh gg.) [Everyday Life in the Novosibirsk Akademgorodok in the Ego-Documents of the “Siberian Academies” (1958 – Late 1960s)]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 29, No. 3, pp. 92–102.

Zaporozhchenko, G.M. (2023). Zhenshchiny i nauka: povsednevnyaya nauchnaya zhizn' novosibirskogo Akademgorodka 1960-kh gg. v ego-dokumentah zhenshchin-uchenykh [Women and Science: Everyday Scientific Life in the Novosibirsk Akademgorodok in the 1960s: Women's Ego-Documents]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3, pp. 97–113.

Zaporozhchenko, G.M. (2024). "Vishnevaya kostochka lichnosti" Mayi Ivanovny Cheremisinoy: nachalo nauchnoy kar'ery v Novosibirskom nauchnom tsentre. 1960-e gg. ["The Cherry Stone of Personality" by Maya Ivanovna Cheremisinina: The Beginning of a Scientific Career at the Novosibirsk Scientific Center. The 1960s]. In *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri*. No. 4, Iss. 52, pp. 32–48.

Zaporozhchenko, G.M. (2025). "Vazhneyshim iz kino dlya nas yavlyayetsya iskusstvo": obshchestvenno-politicheskoe znachenie deyatel'nosti kinokluba "Sigma" v novosibirskom Akademgorodke. 1960–1980-e gg. ["The Most Important Thing about Cinema is Art": The Socio-Political Significance of the Sigma Film Club in the Novosibirsk Akademgorodok. 1960s–1980s]. In *Vestnik NGU. Serya: Istoriya*. Vol. 24, No. 1, pp. 156–168.

Zaporozhchenko, G.M., Shelegina, O.N. (2019). "Sibirskie Akademiny": zhenshchiny-uchenye, voshedshie v istoriyu Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii nauk ["Siberian Academies": Women Scientists Who Made History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoricheskiy kurier*. No. 3 (5), article 19. Available at: URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-3-19.pdf> (date of access 01.03.2026).

Zaporozhchenko, G.M., Shelegina, O.N. (2022). Ot "zolotoy doliny" k "kremnievoy tayge": vektory kul'turnoy pamyati [From the "Golden Valley" to the "Silicon Taiga": Vectors of Cultural Memory]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 3 (76), pp. 55–64.

Н.А. Куперштох*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ПРОГРАММЫ «СИБИРЬ»:
СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-6
УДК 316.422(571)

Выходные данные для цитирования:
Куперштох Н.А. Исследовательский потенциал программы «Сибирь»:
социогуманитарный аспект // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 82–93.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-06.pdf>

N.A. Kupershtokh*

RESEARCH POTENTIAL
OF THE SIBERIA PROGRAM:
SOCIO-HUMANITARIAN ASPECT**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-6

How to cite:
Kupershtokh N.A. Research Potential of the Siberia Program: Socio-Humanitarian
Aspect // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 82–93.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-06.pdf>]

Abstract. By 1978, when the “Siberia program” began, the region had sufficient human resources in humanities research institutes to prepare and implement social and humanitarian projects. In addition to research fellows from academic research institutes, this potential also included scientists – historians, economists, and sociologists – from leading universities in Siberia. The main coordinator of humanitarian forces in the region was the Institute of History, Philology and Philosophy (IHFP) of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, headed by Academician A.P. Okladnikov. After his death, the coordinators of the humanitarian block in the Soviet period were successively employees of this institute, doctors of historical sciences V.V. Alekseev and R.S. Vasilievsky. From 1978 to 1991, three main projects were implemented: the study of the historical experience of the economic and socio-cultural development of Siberia; the social development of the indigenous peoples of Siberia in the context of intensive industrial development of the region; the protection and development of cultural and historical landscapes. Each of the projects achieved impressive results, which were reflected in both annual and five-year research reports under the Siberia program. The results of research on humanitarian projects were presented in the form of monographs, articles, and conference reports. The practical focus of the research was embodied in the preparation of analytical reports and memoranda for authorities at various levels – from the Council of Ministers of the RSFSR to the governing bodies of specific territories and regions of Siberia.

Keywords: USSR Academy of Sciences, Siberian Branch, Siberia program, socio-humanitarian projects, coordinators of the humanitarian research block.

The article has been received by the editor on 11.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Наталья Александровна Куперштох, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nataly.kuper@gmail.com
Natalia Alexandrovna Kupershtokh, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nataly.kuper@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

Аннотация. К 1978 г., когда начала действовать программа «Сибирь», в регионе существовал достаточный кадровый потенциал в НИИ гуманитарного профиля для подготовки и реализации социогуманитарных проектов. Помимо научных сотрудников академических НИИ, этот потенциал включал также ученых – историков, экономистов, социологов из ведущих вузов Сибири. Основным координатором гуманитарных сил в регионе выступал Институт истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР во главе с академиком А.П. Окладниковым. После его ухода из жизни координаторами гуманитарного блока в советский период последовательно выступали сотрудники этого института – доктора исторических наук В.В. Алексеев и Р.С. Васильевский. С 1978 по 1991 г. реализовывались три основных проекта: изучение исторического опыта хозяйственного и социокультурного развития Сибири; социальное развитие коренных народов Сибири в условиях интенсивного промышленного освоения региона; охрана и освоение культурно-исторических ландшафтов. В рамках каждого из проектов были достигнуты впечатляющие результаты, которые получили отражение как в ежегодных, так и пятилетних отчетах исследований по программе «Сибирь». Результаты исследований по гуманитарным проектам были представлены в виде монографий, статей, докладов на конференциях. Практическая направленность исследований воплощалась в подготовке аналитических и докладных записок для инстанций различного уровня – от Совета министров РСФСР до органов управления конкретных краев и областей Сибири.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Сибирское отделение, программа «Сибирь», социогуманитарные проекты, координаторы гуманитарного блока исследований.

Статья поступила в редакцию 11.03.2026 г.

Введение. Программа «Сибирь», начиная с ее подготовки и последующей реализации, постоянно находилась в сфере ответственности председателей Сибирского отделения АН СССР/РАН – академиков Г.И. Марчука¹ и В.А. Коптюга². Значимость любого проекта проверяется временем. Интерес к программе «Сибирь» сохраняется и сегодня. При обсуждении долгосрочных перспектив развития Сибирского региона на Общем собрании СО РАН в ноябре 2024 г. академик Д.М. Маркович, заместитель председателя СО РАН, отметил, что нужна многоуровневая программа научно-технологического развития Сибири. Одной из исторических аналогий при этом послужила программа «Сибирь»³.

В историографии опыту реализации программы «Сибирь», которая в своей активной фазе действовала с 1978 по 1994 г., до сих пор не уделено должного внимания. Хотя среди исследователей-историков наметился устойчивый тренд в изучении различных аспектов проблемы, комплексное исследование программы «Сибирь» еще впереди. Первым, кто систематизировал опыт реализации программы «Сибирь», стал А.А. Долголюк⁴, который в течение продолжительного времени являлся ученым секретарем ее гуманитарного блока. Более масштабное обоснование причин появления региональной программы «Сибирь» и обретения ею статуса государственной программы содержит коллективный труд, изданный

¹ Марчук Г.И. Программа «Сибирь» – программа общегосударственного масштаба // Проблемы социально-экономического развития производительных сил Сибири: сб. докл. пленарного заседания Всесоюз. конф. по развитию производительных сил Сибири. Новосибирск, 1981. С. 7–16.

² Коптюг В.А. Программа «Сибирь» // Огонек. 1982. № 24. 12 июня. С. 16.

³ Соболевский А. Наука управлять наукой в XXI веке // Наука в Сибири. 2024. 3 дек. URL: <https://www.sbras.info/articles/organizaciya-nauki/nauka-upravlyat-naukoy-v-xxi-veke> (дата обращения: 07.12.2025).

⁴ Долголюк А.А. Разработка и реализация программы «Сибирь» в 70–90-е годы XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2006. № 2. С. 51–55.

к 50-летию СО РАН⁵. В работах Н.А. Куперштох⁶ проанализированы результаты реализации подпрограмм, направленных на изучение экологических, социально-экономических, минерально-сырьевых проблем региона.

Целью статьи является изучение гуманитарного блока программы «Сибирь» в советский период: выявление результатов реализации входящих в него проектов, а также ученых-координаторов, которые отвечали за эту реализацию. Проблема впервые изучена на основе контента источников, выявленных в Научном архиве СО РАН и ГПНТБ СО РАН. Анализ источников (годовые отчеты, приложения к отчетам, материалы конференций и др.) позволил изучить результаты работы гуманитарного сообщества региона по социогуманитарным проектам программы «Сибирь».

Исторические обстоятельства появления программы «Сибирь». В 1975 г. ушел в отставку первый председатель Сибирского отделения АН СССР академик Михаил Алексеевич Лаврентьев. За время его нахождения на этом посту (с 1957 г.) произошло многое. Период максимально благоприятного отношения Н.С. Хрущева к новому научному центру в Сибири сменил период довольно прохладного отношения Л.И. Брежнева – как к делу Лаврентьева, так и к нему самому. Преемник Лаврентьева на посту председателя СО АН СССР академик Гурий Иванович Марчук понимал, что претензии «верхов» к региональному научному комплексу можно снять только масштабными делами, доказывающими способность сибирских ученых отвечать на вызовы времени.

22 июня 1976 г. в новосибирском Академгородке состоялось расширенное заседание Президиума СО АН СССР совместно с комиссией ЦК КПСС⁷. Члены комиссии обрисовали задачи по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, прозвучавшие на XXV съезде КПСС, а также рассказали о подготовке постановления в связи с предстоящим 20-летием СО АН. Текст постановления ЦК КПСС 1977 г. ожидаемо содержал критику Сибирского отделения за недостаточно интенсивное изучение ресурсов восточных районов страны, а также слабую координацию с министерствами, ведомствами, отраслевыми институтами и вузами⁸.

Академик Марчук как председатель СО АН был обязан оперативно отреагировать на эту критику. Мониторинг региона членами Президиума СО АН наметил приоритеты в изучении природных ресурсов и развитии производительных сил Сибири применительно к конкретным регионам⁹. Как вспоминал Г.И. Марчук, «мы побывали почти во всех научных центрах: Якутске, Иркутске, Улан-Удэ, Томске – и всюду приняли программы работ по освоению ресурсов регионов Сибири. <...> Я говорил о том, что, по существу, мы создали долгосрочную программу развития производительных сил Сибири. <...> А.Г. Аганбегян сказал, что для такой масштабной научной программы нужно хорошее короткое название, например “Сибирь”. Это всем понравилось»¹⁰.

⁵ Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск, 2007.

⁶ Куперштох Н.А. Разработка и реализация социально-экономических проектов комплексной программы «Сибирь» в 1980–1990-е гг. // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19, № 4. С. 514–528; Куперштох Н.А. Программа «Сибирь» как опыт комплексного изучения региона в советский период // Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения: сб. науч. тр. Новосибирск, 2024. С. 315–324.

⁷ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Стенограмма расширенного заседания Президиума Сибирского отделения Академии наук СССР совместно с комиссией ЦК КПСС. Новосибирск, 1976.

⁸ О деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР по развитию фундаментальных и прикладных научных исследований, повышению их эффективности, внедрению научных достижений в народное хозяйство и подготовку кадров. Постановление ЦК КПСС 27 января 1977 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1977. Т. 11. С. 616.

⁹ Куперштох Н.А., Крайнева И.А. Академик Гурий Иванович Марчук: алгоритмы возможностей и проблем // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 181–182.

¹⁰ Наш Марчук. Новосибирск, 2015. С. 92.

Гуманитарный блок: начало реализации проектов. В июне 1976 г. на совместном заседании Президиума СО АН СССР и комиссии ЦК КПСС прозвучала яркая речь академика Алексея Павловича Окладникова¹¹ о необходимости развития гуманитарных наук. В копилке достижений руководимого им Института истории, филологии и философии (ИИФФ) СО АН СССР¹² уже была многотомная «История Сибири», получившая Государственную премию СССР, шла работа над многотомными «Историей рабочего класса Сибири» и «Историей крестьянства Сибири».

А.П. Окладников подчеркнул координирующую роль ИИФФ в выполнении этих важных для региона проектов с привлечением специалистов из НИИ и вузов других городов Сибири, а в ряде случаев – из научных учреждений Москвы и Ленинграда. Таким образом, лидер гуманитарной науки региона обозначил предпосылки будущего участия специалистов этого профиля в программе «Сибирь»: в Новосибирске действовал многопрофильный гуманитарный институт – ИИФФ, который уже накопил опыт координации исследований по определенным проблемам, имелся кадровый потенциал НИИ и вузов региона в гуманитарном сегменте¹³.

Уже в начальный период реализации программы «Сибирь» ее главные организаторы академики А.А. Трофимук, Д.К. Беляев и А.Г. Аганбегян осознавали важность гуманитарных проблем для изучения региона. Координатором подпрограммы «Гуманитарные аспекты развития Сибири в условиях промышленного освоения» был утвержден академик А.П. Окладников, в этом качестве он вошел в бюро Научного совета программы «Сибирь».

Однако гуманитарии по какой-то причине оказались не в секции регионально-экономических программ, что означало бы естественную интеграцию с экономистами по ряду пересекающихся социально-экономических проблем, а в секции особой сложности и масштаба. Гуманитарный блок соседствовал с такими блоками, как перераспределение водных ресурсов Сибири, аэрокосмические методы исследования природных ресурсов и т.п.¹⁴ Такая структура программы «Сибирь» сохранялась на протяжении всего советского периода и вызывала неоднократные нарекания участников социогуманитарных проектов.

В 1978–1980 гг. гуманитарная подпрограмма была направлена на выявление общих закономерностей и региональных особенностей хозяйственного и социокультурного развития Сибири и включала четыре проекта: 1. Обобщение исторического опыта хозяйственного и социокультурного развития Сибири; 2. Социальное развитие коренных народов Сибири в условиях интенсивного промышленного освоения региона; 3. Охрана и освоение культурно-исторических ландшафтов; 4. Методологические проблемы развития науки в условиях НТР. В 1980 г. в Сибирском отделении подвели итоги выполнения проектов по программе «Сибирь», включая результаты ученых-гуманитариев¹⁵.

¹¹ Окладников Алексей Павлович (1908–1981) – доктор исторических наук (1947), специалист в области истории первобытного общества, археологии и этнографии Северной, Центральной и Восточной Азии. Заместитель директора, заведующий Ленинградским отделением Института истории материальной культуры (археологии) (1949–1950), заведующий сектором палеолита Института археологии АН СССР (1951–1961). Заведующий отделом гуманитарных исследований Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО АН СССР (1961–1966). Директор ИИФФ СО АН СССР (1966–1981). Член-корреспондент (1964), академик АН СССР/РАН (1968).

¹² ИИФФ организован в 1966 г. на базе Отдела гуманитарных исследований ИЭОПП СО АН СССР. С 1990 г. – Объединенный институт истории, филологии и философии в составе институтов: Археологии и этнографии, Истории, Филологии, Философии и права. В последующем каждый из четырех институтов обрел самостоятельный статус.

¹³ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Стенограмма расширенного заседания Президиума... С. 42–43.

¹⁴ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Результаты работ по проблеме комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири (программа «Сибирь») за 1977–1980 гг. Ч. III. Приложения. Новосибирск, 1981. С. 315–316.

¹⁵ Научный архив Сибирского отделения Российской академии наук (НАСО). Ф. 10. Оп. 5. Д. 1352. Л. 104 об –105; 105 об.–106.

1. Обобщение исторического опыта хозяйственного и социокультурного развития Сибири.

Проект объединил ученых из организаций Сибирского отделения АН СССР: ИИФФ, ГПНТБ, Института общественных наук (БИОН) Бурятского филиала, Института языка, литературы, истории (ИЯЛИ) Якутского филиала. Также участвовали представители вузов: Тюменского и Братского промышленных институтов, Новосибирского и Омского педагогических институтов, Тындинского филиала Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта.

Изучение опыта формирования кадрового потенциала важнейших объектов советской экономики – БАМа, Братско-Усть-Илимского ТПК, Западно-Сибирского нефтегазового комплекса – вылилось в подготовку нескольких монографий. Среди них – «Формирование коллектива строителей БАМ» (Новосибирск, 1979), а также сборники статей, в которых были раскрыты такие проблемы, как источники и формы комплектования кадров, их адаптация к экстремальным климатическим условиям Сибири и ее северных районов, а также анализ позитивных и негативных последствий кадровой политики в районах нового хозяйственного освоения¹⁶.

2. Социальное развитие коренных народов Сибири в условиях интенсивного промышленного освоения региона.

К участию в проекте были привлечены ученые ИИФФ, БИОНа, Тувинского и Хакасского НИИЯЛИ. Целью многочисленных экспедиций специалистов-социологов и этнографов ИИФФ совместно со специалистами других городов в районы БАМа, Нижнего Амура, Тувы, Хакасии, Якутии являлось изучение социального развития коренных народов Сибири в условиях интенсивного промышленного освоения. Итоги исследований оформлялись в виде докладных записок (таких как «Жизненные планы эвенков центральной зоны БАМ») с рекомендациями в директивные органы различного уровня. Обобщения более широкого свойства (проблемы адаптации коренного населения к новым видам труда и в целом к образу жизни, спектр общественного мнения по вопросам жизнедеятельности и др.) находили отражение в монографиях, в частности «БАМ и народы Севера» (Новосибирск, 1979), и сборниках статей¹⁷.

3. Охрана и освоение культурно-исторических ландшафтов.

В реализации проекта участвовали сотрудники ИИФФ, Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, ряда организаций Минвуза РСФСР. Деятельность ученых по охране памятников истории и культуры Сибири оказалась весьма впечатляющей. Осмыслить ситуацию в целом помогла подготовка докладной записки в СМ РСФСР «О состоянии и мерах улучшения охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Сибири». Конкретными проявлениями деятельности в этой сфере стали работы с целью спасения археологических памятников, которые проводились в зонах намечающегося строительства тех или иных объектов – в районах возведения БАМа, на территории будущей Богучанской ГЭС и др., что позволило обнаружить в ряде курганов ценные находки раннего железного века. В Хакасии велись работы по созданию историко-природного заповедника, на территории которого находился ряд значимых археологических объектов. Началась реконструкция уникального объекта деревянного зодчества – Спасо-Зашиверской церкви, перемещенной по инициативе академика А.П. Окладникова из Якутии в новосибирский Академгородок¹⁸.

4. Методологические проблемы развития науки в условиях НТР.

В проекте были задействованы ученые ИИФФ, а также представители ряда ведомственных НИУ. Так, философы ИИФФ уделили внимание логике и методологии научного исследования, правилам постановки и решения научных проблем. Широкую известность

¹⁶ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Результаты работ по проблеме комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири (программа «Сибирь») за 1977–1980 гг. ... С. 204–205.

¹⁷ Там же. С. 206.

¹⁸ Там же. С. 206–207.

получила монография В.Н. Карповича «Проблемы, гипотеза, закон» (Новосибирск, 1980). К изучению науки как социального института подключились и другие специалисты – не только из ИИФФ, но и других гуманитарных подразделений региона, силами которых был подготовлен аналитический доклад о научно-образовательном потенциале Сибири¹⁹.

1980-й год стал годом проведения в Новосибирске Всесоюзной конференции по развитию производительных сил Сибири. Хотя среди пленарных докладов не было обобщающего доклада по гуманитарным проблемам, в рекомендациях конференции были четко прописаны дальнейшие задачи их изучения. Ученым-гуманитариям рекомендовалось уделить «особое внимание изучению социальных процессов формирования коллективов, адаптации населения к экстремальным природно-климатическим условиям, роста культурно-технического уровня». Второй задачей являлось изучение социальной адаптации коренного населения Сибири в районах хозяйственного освоения, формирования его социально-профессиональной структуры, межнациональных отношений, системы ценностей. Рекомендовалось расширить археологические и этнографические исследования по всей территории региона, а также усилить изучение взаимодействия русского и национальных языков народов Сибири²⁰.

Реализация социогуманитарных проектов в 1981–1985 гг. В первой половине 1980-х годов в статусе программы «Сибирь» произошли изменения. 13 июля 1984 г. постановлением Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) СССР и Президиума АН СССР она была утверждена в качестве долгосрочной региональной научно-исследовательской программы государственного значения. Изменением своего статуса программа была обязана академику Г.И. Марчуку, возглавлявшему в это время ГКНТ СССР. Более того, опыт реализации программы «Сибирь» лег в основу методических рекомендаций по разработке и реализации подобных программ, утвержденных 11 июля 1985 г. ГКНТ и АН СССР²¹. Это означало новый уровень ответственности сибирских ученых – исполнителей проектов программы «Сибирь».

В 1981–1985 гг. гуманитарии Сибири реализовывали подпрограмму «Гуманитарные аспекты развития Сибири в условиях промышленного освоения». Координатором этого блока программы «Сибирь» был назначен доктор исторических наук Вениамин Васильевич Алексеев²², ученым секретарем – кандидат исторических наук Алексей Алексеевич Долголюк²³ (оба – сотрудники ИИФФ). Целью гуманитарной программы являлось «изучение и обобщение исторического опыта социалистического и коммунистического строительства в Сибири, идеологического, идейно-политического, трудового и нравственного воспитания трудящихся». За пятилетие гуманитарии опубликовали и подготовили к печати 16 монографий и 34 сборника статей, а также подготовили в различные органы свыше 20 аналитических записок²⁴. Количество проектов подпрограммы уменьшилось до трех (исключена как исследовательская проблема методология науки). По всем проектам тематически продолжались исследования предыдущего периода.

¹⁹ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Научно-образовательный потенциал Сибири. Новосибирск, 1980.

²⁰ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Всесоюзная конференция по развитию производительных сил Сибири. Рекомендации по развитию производительных сил Сибири на XI пятилетку и долгосрочную перспективу. Новосибирск, 1980. С. 84–85.

²¹ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Основные результаты работ по проблеме комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири (программа «Сибирь») в 1981–1985 гг. Новосибирск, 1986. С. 4–5.

²² Алексеев Вениамин Васильевич (родился в 1934 г.) – доктор исторических наук (1974), специалист в области истории регионального, индустриального, социального, демографического развития азиатской части России. Работал в ИИФФ СО АН СССР – старший научный сотрудник, ученый секретарь, заместитель директора (1971–1988). Основатель и директор Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР/РАН (1988–2013). Член-корреспондент АН СССР (1990), академик РАН (1997).

²³ Долголюк Алексей Алексеевич (1950–2018) – кандидат исторических наук (1985), доктор исторических наук (2015), специалист в области социально-экономической истории Сибири. Младший научный сотрудник ИИФФ СО АН СССР (1977–1991), старший, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН (1992–2018).

²⁴ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Основные результаты работ по проблеме комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири (программа «Сибирь») в 1981–1985 гг. ... С. 284.

1. Исторический опыт развития Сибири.

Изучение опыта формирования и развития трудовых ресурсов касалось по-прежнему районов нового промышленного освоения Сибири. В сфере внимания историков находились проблемы развития территориально-производственных комплексов (ТПК), а также зона БАМ. Всесоюзную известность получила подготовленная к печати монография В.В. Алексеева и А.А. Долголюка «Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса (1955–1980 гг.)» (Новосибирск, 1988). Результаты исследователей-историков были представлены в сборниках научных трудов: «Социальные аспекты индустриального развития Сибири» (Новосибирск, 1983), «Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития» (Новосибирск, 1985) и др. Сибирским ученым удалось выявить источники пополнения различных категорий персонала, провести их качественный и количественный анализ, проследить динамику численности работающих, изменения в их составе, а также обозначить острую проблему закрепления кадров ТПК. На основе проведенных исследований были подготовлены аналитические записки для различных министерств и ведомств, руководителей предприятий, в которых содержались рекомендации повышения эффективности использования трудовых ресурсов, совершенствования кадровой политики на предприятиях и др.

Результаты исследований агропромышленного комплекса нашли отражение в сборнике статей «Развитие сельскохозяйственного производства Сибири в условиях социализма» (Новосибирск, 1983). Динамика развития аграрного производства региона изучалась с учетом влияния различных социальных факторов – как на общесоюзном, так и региональном уровнях. Заметным событием стал выход в свет коллективного труда «Социально-экономическое развитие советской Сибири: исторический опыт и современность» (Новосибирск, 1984), в котором была предпринята попытка комплексного обобщения исторического опыта развития региона. Индустриальное и аграрное освоение Сибири было дополнено изучением развития науки и образования.

Импульсом к развитию науковедческого направления стало 25-летие Сибирского отделения АН СССР. Совместные усилия сотрудников Президиума СО АН СССР и ИИФФ обеспечили в 1982 г. выход «Хроники»²⁵ и «Персонального состава»²⁶. Если попытки переиздания «Хроники» более не предпринимались, то «Персональный состав» Сибирского отделения РАН был издан с учетом актуальных изменений в 2007 и 2022 гг.

Итоги работы по первому проекту гуманитарного блока программы «Сибирь» были заслушаны и одобрены на бюро Отделения истории АН СССР, где отмечалось, что опыт сибирских историков по обобщению исторического опыта освоения Сибирского региона заслуживает распространения в масштабах страны²⁷.

2. Социальное развитие коренных народов Сибири.

Работа участников второго проекта была направлена на изучение процессов социально-профессиональной мобильности и урбанизации населения, формирования межнациональной культуры, развития родных языков и языкового взаимодействия. С участием ученых Якутии социологи ИИФФ изучали проблемы профессиональной мобильности эвенов и эвенков, формирование социальной и профессиональной структур. Итоги нашли обобщение в монографии В.И. Бойко и Н.В. Васильева «Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутской АССР» (Новосибирск, 1981). В докладной записке, представленной в СМ РСФСР, были выявлены недостатки в работе школ-интернатов, а также социальные факторы, влияющие на выбор профессии молодежи коренных народов Севера.

Важным направлением работы стали исследования народностей Севера Сахалина по поручению Совета министров РСФСР от 26 мая 1982 г. В результате координации усилий ученых Сибирского отделения и региональных отделений медицинской и сельскохозяй-

²⁵ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника: 1957–1982 гг. Новосибирск, 1982.

²⁶ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав: 1957–1982 гг. Новосибирск, 1982.

²⁷ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Основные результаты работ по проблеме комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири (программа «Сибирь») в 1981–1985 гг. ... С. 287.

ственной академией удалось осуществить комплексные исследования проблем развития народностей Севера. Результаты были обобщены в коллективной монографии «Народности Севера Сахалина» (Новосибирск, 1984). Материалы докладной записки по итогам выполнения проекта использовались при подготовке постановления СМ РСФСР 1983 г. «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию проживания народностей Севера»²⁸.

Изучение языковых проблем коренных народов Сибири силами сотрудников ИИФФ и ИЯЛИ было направлено на осмысление синтаксических механизмов алтайских языков в сравнении с европейскими, описание звуковых систем языков аборигенов и др. В монографиях и сборниках статей содержались рекомендации преподавания родного и русского языка для общеобразовательных национальных школ.

3. *Охрана и освоение культурно-исторических ландшафтов.*

Полевые изыскания археологов с целью выявления и картографирования археологических памятников проходили в основном в зоне строительства Чемальской ГЭС в Горно-Алтайской автономной области и Богучанской ГЭС в Красноярском крае. Помимо этого, были обследованы памятники архитектуры в Убсунурском бассейне Тувинской АССР, Томской и Новосибирской областях. Был подготовлен ряд документов, имеющих практическое значение: рекомендации по охране и использованию археологических памятников в зоне Катунского биосферного заповедника, по охранным работам в зоне затопления Еландинской ГЭС и др. Как правило, рекомендации включали в себя описание памятников, их характеристику, топографические условия, комплекс мероприятий по сохранению археологических ценностей²⁹.

Реализация социогуманитарных проектов в 1986–1991 гг. В 1986 г. в связи со сроком истечения полномочий Научного совета по программе «Сибирь» и координационных советов подпрограмм постановлением Президиума СО АН СССР от 11 февраля 1986 г. были утверждены их новые составы. В «большом» Научном совете гуманитариев представлял доктор исторических наук В.В. Алексеев как председатель координационного совета гуманитарной подпрограммы. В 1988 г., в связи с отъездом В.В. Алексеева в Свердловск, координатором гуманитарного блока был назначен доктор исторических наук Руслан Сергеевич Васильевский³⁰. Секретарем остался А.А. Долголюк. Из 14 членов координационного совета гуманитарного профиля восемь являлись сотрудниками ИИФФ СО АН СССР. По одному представителю имели в составе совета Иркутский университет, НИИЯЛИ Тувы, Хакасии и Горного Алтая, гуманитарные институты Сибирского отделения в Бурятии и Якутии³¹.

Гуманитарный блок сохранил свое название, хотя цель программы была сформулирована без идеологических терминов, как в предыдущее пятилетие, и звучала следующим образом: «Изучение практики социально-экономического развития Сибири и выработка предложений по использованию исторического опыта на современном этапе индустриального развития региона»³². Гуманитарная составляющая программы «Сибирь» по-прежнему состояла из трех проектов.

1. *Обобщение исторического опыта хозяйственного и социально-культурного развития Сибири.*

Исполнители проекта отмечали, что участие в программе «Сибирь» потребовало сместить акцент научных исследований в направлении конкретных изысканий, имеющих

²⁸ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Основные результаты работ по проблеме комплексного освоения природных ресурсов и развития производительных сил Сибири (программа «Сибирь») в 1981–1985 гг. ... С. 287.

²⁹ Там же. С. 289–290.

³⁰ Васильевский Руслан Сергеевич (1933–2011) – доктор исторических наук (1974), специалист по изучению древних культур позднелепестового и раннеголоценового времени северной части Тихоокеанского бассейна и Дальнего Востока. Младший научный сотрудник, заведующий сектором, заместитель директора ИИФФ (1967–1991), заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН (с 1991).

³¹ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Региональная научно-исследовательская программа «Сибирь»: Научный совет, координационные советы подпрограмм. Новосибирск, 1986. С. 96.

³² Академия наук СССР. Сибирское отделение. Отчет о деятельности в 1986–1990 гг. Новосибирск, 1990. Т. II: Основные результаты работ по региональной научно-исследовательской программе «Сибирь». С. 258.

практическое значение. Так, в ходе ретроспективного анализа хозяйственного освоения Сибири были выявлены закономерности при разработке проектов транспортных магистралей Сибири, в первую очередь железных дорог. Показано, в частности, что при разработке проектов 1930–1940-х годов по подготовке железнодорожного строительства на севере Сибири и Дальнего Востока была создана эмпирическая изыскательная база, которая послужила основанием для перехода на новую ступень обоснования перспективных направлений железнодорожной сети.

Наряду с продолжавшимся изучением опыта формирования и развития трудовых ресурсов в районах нового промышленного освоения Сибири историки в кооперации с социологами расширили тематический вектор исследований в направлении изучения их социально-демографических и профессионально-квалификационных характеристик. На более глубоком уровне стало проводиться изучение причин текучести кадров с увязкой изучения условий их труда и развитием социально-бытовой сферы. Аналитические записки участников проекта направлялись на конкретные предприятия, а также руководителям той или иной отрасли.

В изучении современных аграрных проблем Сибири фиксировалось, что попытки реформ в этой сфере не затрагивали изменений в формах собственности, а также подчеркивалось, что при разрушении традиционного крестьянского типа хозяйствования не сформировался его современный тип. Ученые критически проанализировали опыт создания мотивации к труду и признали его неудовлетворительным. В подготовленных публикациях и аналитических записках предлагалось в основу аграрной реформы положить радикальные изменения в формах собственности и организации труда, технологическом и социальном обеспечении труда. Предлагался в качестве наиболее эффективного «мелкогрупповой арендный подряд в растениеводстве и крестьянское хозяйство в животноводстве, при наличии снабженческо-сбытового кооперирования»³³, причем оплата труда должна производиться за реализованную продукцию. Подчеркивалось, что названные формы не должны насаждаться сверху, но могут послужить конкретным опытом при разработке изменений в сфере организации и управления аграрным сектором.

Впервые в качестве самостоятельного направления в рамках программы «Сибирь» оформилось изучение демографических процессов в Сибири в связи с ее индустриальным освоением. Выявление динамики численности городского и сельского населения, его социально-профессиональной структуры, тенденций рождаемости и смертности, анализа миграционных потоков из центральной части страны в районы нового промышленного освоения позволило создать научно обоснованную базу для формирования демографической политики.

При проведении исследований по изучению научно-образовательного потенциала Сибири подчеркивалась слабая изученность его формирования в предшествующие периоды, отсутствие методологии, сложность объекта исследования. Тем не менее усилиями ученых-гуманитариев удалось уточнить периодизацию развития советской науки, определить основные векторы научной политики в различные исторические периоды, проанализировать систему взаимосвязей науки с другими социальными подсистемами. Результаты исследования были обобщены в аналитической записке «Основные тенденции и этапы развития сети научных учреждений и системы международных связей СО АН СССР».

Особо отмечены достижения ученых-источниковедов. Силами участников археографических экспедиций ИИФФ, ГПНТБ, НГУ была сформирована уникальная коллекция старопечатных книг и осуществлено их научное описание. При этом важнейшим принципом являлось сочетание исторических и филологических методов в изучении памятников, а также восприятие сибирского литературного и исторического процесса как части общероссийского процесса³⁴. Подчеркивалось значение коллекции для восстановления преемственности культурных традиций, формирования исторического знания у подрастающих поколений.

³³ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Отчет о деятельности в 1986–1990 гг. ... Т. II... С. 261.

³⁴ Там же. С. 263.

2. *Исследование экономического и социального развития народностей Севера в условиях научно-технического прогресса.*

Актуальность темы определялась возрастанием воздействия интенсивного промышленного освоения на все сферы жизнедеятельности коренных народов Сибири. В рамках проекта исследовались процессы социально-профессиональной мобильности и урбанизации населения, вопросы образования и межнациональной культуры, лингвистические и социальные проблемы родных языков, их развития и языкового взаимодействия. В комплексном исследовании принимали участие ученые СО АН СССР, СО АМН СССР, СО ВАСХНИЛ, а также представители вузов.

В результате была разработана концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г., которая была представлена в Совет министров и Госплан РСФСР, в органы управления в районы проживания народностей Севера. Концепция включала анализ комплексных проблем народностей Севера, намечала стратегию развития экономики и социальной сферы в северных районах страны. Докладная записка «О проблемах современного развития народностей Севера Сахалинской области» содержала рекомендации по организации экономического комплекса, совершенствованию сферы занятости населения, улучшению медицинского обслуживания. Итоги исследования были представлены в Сахалинский облисполком. Актуальной для районов Севера была проблема деятельности и воспроизводства населения в экстремальных условиях. Докладная записка «О бригадном поселении в оленеводстве», подготовленная для СМ РСФСР, обозначила проблемы в этой сфере и содержала предложения по изменению условий жизни оленеводов и их семей.

В изучении языковых проблем народов Сибири в дополнение к изучению синтаксических особенностей алтайских языков была разработана специальная методика сбора и первичной обработки материала для бесписьменных языков. В части структурного описания звуковых систем языков аборигенов были подготовлены монографии и серия статей с рекомендациями для общеобразовательных национальных школ.

3. *Охрана и освоение культурно-исторических ландшафтов.*

Подчеркивалась актуальность сохранения памятников археологии, истории и культуры на территории региона: уникальные материалы, выявленные в экспедициях, «вскрывают глубокие исторические корни народов Сибири и Дальнего Востока, самобытность их культур»³⁵. Одним из результатов проекта стала выработка современной концепции сохранения и использования культурного наследия Сибири на основе изучения материалов масштабных раскопок в зонах хозяйственного освоения региона.

В результате изысканий в Западной и Восточной Сибири, а также на Алтае были выявлены неизвестные ранее археологические памятники. Они значительно расширили представления о древнейшей истории народов Северной Азии, их материальной и духовной культуре. При раскопках в районе р. Ангары были обнаружены находки, которые позволили по-новому рассмотреть проблему освоения человеком районов Северного Приангарья, его локальной культуры, которая могла быть связана на востоке с тунгусами и палеоазиатами, а на западе – с кетами.

Изучение в районе Убсунурского биосферного заповедника в Тувинской АССР позволило выделить три зоны концентрации археологических памятников: Торгалыкскую, Ирбитскую и Эрзинскую. Выделение таких зон, подчеркивалось в отчете, может стать основой для создания природно-археологических заповедных зон, являющихся частью территории Убсунурского биосферного заповедника. По мнению ученых-археологов, «на территориях этих зон должна быть существенно ограничена или полностью прекращена хозяйственная деятельность»³⁶.

Одним из значимых направлений работы по проекту явилась паспортизация археологических памятников Красноярского края, проведенная в 1986–1989 гг. в районе Краснояр-

³⁵ Академия наук СССР. Сибирское отделение. Отчет о деятельности в 1986–1990 гг. ... Т. II... С. 268.

³⁶ Там же. С. 271.

ского водохранилища. Изученные свыше двух десятков археологических памятников – от палеолита до железного века – дали основание для подготовки заключения ученых об организации природно-археологической заповедной зоны в Куртакском археологическом районе.

В целом проведенные работы позволили разработать предложения по использованию археологических памятников различных районов Сибири в культурно-просветительных и рекреационных целях. Однако в 1991 г. ученые-археологи указывали в отчете, что мероприятия по охране памятников истории и культуры не всегда координируются с планами промышленного освоения Сибири. Приводился конкретный пример: в проектах создания ТПК «археологические и исторические памятники, попадающие в зону их деятельности, совершенно не учитываются. Это ведет не только к разрушению, но и к полному уничтожению культурных ценностей. Требуется серьезное усиление научной и организаторской работы по охране памятников»³⁷.

Заключение. В советский период программа «Сибирь» была единственной комплексной программой, которая формулировала научно обоснованные предложения по развитию проблем, актуальных для Сибирского региона. Участие в этой программе ученых-гуманитариев означало формирование новых исторических, археологических, этнографических, социокультурных знаний о регионе. В публикациях и аналитических материалах, выполненных в рамках гуманитарных проектов, содержались результаты, обогатившие фундаментальную и прикладную науку, были выявлены наиболее острые проблемы общества в тот период. Ученым, изучавшим социально-экономические отношения, становилась все более и более очевидна неэффективность социалистического строя. Попытка обозначить наиболее актуальные проблемы в рамках реализуемых гуманитарных проектов программы «Сибирь» не была бесполезной, однако не означала готовности и возможности общества решить эти проблемы в обозримом будущем.

Конкретные рекомендации ученых-гуманитариев, подготовленные в содружестве с экономистами и социологами, содержали алгоритмы некоторого исправления существующего положения – в сфере трудовых отношений на предприятиях промышленности, в аграрном секторе, в социокультурном сегменте. Ценные рекомендации были выработаны в сфере изучения культуры, науки, образования, адаптации коренных народов Сибири к новым условиям жизни, сохранения памятников культуры. Докладные записки по различным проблемам, передаваемые в Совет министров РСФСР, в органы власти на местах, оказывали определенное влияние на принятие распоряжений и постановлений различного уровня.

Почему накопленный опыт в работе над гуманитарными проектами востребован и в наши дни? Самое ценное наследие программы «Сибирь», включая гуманитарные проекты, заключается в следующем. Во-первых, она являла собой пример комплексности и системности; во-вторых, продемонстрировала небывалый для региона уровень четкой координации между учеными научных и образовательных организаций, учеными-производственниками, территориальными органами управления.

Литература

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Научно-образовательный потенциал Сибири / отв. ред. В.А. Коптюг. Новосибирск, 1980. 320 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Персональный состав: 1957–1982 гг. / отв. ред. В.Л. Макаров Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 117 с.

Академия наук СССР. Сибирское отделение. Хроника: 1957–1982 гг. / сост. В.Л. Соскин и др. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 337 с.

Долголюк А.А. Разработка и реализация программы «Сибирь» в 70–90-е годы XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Отечественная история. 2006. № 2. С. 51–55.

³⁷ Российская академия наук. Сибирское отделение. Отчет о деятельности в 1991 году. Новосибирск, 1992. Т. II: Основные результаты работ по региональной научно-исследовательской программе «Сибирь». С. 73.

Куперштох Н.А. Разработка и реализация социально-экономических проектов комплексной программы «Сибирь» в 1980–1990-е гг. // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19, № 4. С. 514–528.

Куперштох Н.А. Программа «Сибирь» как опыт комплексного изучения региона в советский период // Индустриальное развитие России: этапы, особенности, перспективы изучения: сб. науч. тр. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2024. С. 315–324.

Куперштох Н.А., Крайнева И.А. Академик Гурий Иванович Марчук: алгоритмы возможностей и проблем // Уральский исторический вестник. 2025. № 2 (87). С. 178–187.

Марчук Г.И. Программа «Сибирь» – программа общегосударственного масштаба // Проблемы социально-экономического развития производительных сил Сибири: сб. докл. пленарного заседания Всесоюз. конф. по развитию производительных сил Сибири. Новосибирск, 1981. С. 7–16.

Наш Марчук / отв. ред. В.П. Ильин, А.К. Лаврова; сост. А.Г. Марчук, Н.А. Притвиц, Я.И. Фет. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 428 с.

Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников, В.А. Ламин и др. Новосибирск: Наука, 2007. 510 с.

References

Dolgolyuk, A.A. (2006). *Razrabotka i realizatsiya programmy “Sibir” v 70–90-e gody XX v.* [Development and Implementation of the “Siberia” Program in the 70–90s of the 20th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri. Seriya: Otechestvennaya istoriya*. No. 2, pp. 51–55.

Ilyin, V.P., Lavrova, A.K. (Eds.). (2015). *Nash Marchuk* [Our Marchuk]. Novosibirsk, SO RAN. 428 p.

Koptyug, V.A. (Ed.). (1980). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otделение. Nauchno-obrazovatel’nyy potentsial Sibiri* [Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. Scientific and Educational Potential of Siberia]. Novosibirsk. 320 p.

Kupershtokh, N.A. (2018). *Razrabotka i realizatsiya sotsial’no-ekonomicheskikh projektov kompleksnoy programmy “Sibir” v 1980–1990-e gg.* [Development and Implementation of Socio-Economic Projects of the Comprehensive Program “Siberia” in the 1980–1990s]. In *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*. Vol. 19, No. 4, pp. 514–528.

Kupershtokh, N.A. (2024). *Programma “Sibir” kak opyt kompleksnogo izucheniya regiona v sovetskiy period* [The Siberia Program as an Experience of Comprehensive Study of the Region during the Soviet Period]. In *Industrial’noe razvitie Rossii: etapy, osobennosti, perspektivy izucheniya: sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, NGU, pp. 315–324.

Kupershtokh, N.A., Krayneva, I.A. (2025). *Akademik Guriy Ivanovich Marchuk: algoritmy vozmozhnostey i problem* [Academician Guriy Ivanovich Marchuk: Algorithms of Possibilities and Problems]. In *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*. No. 2 (87), pp. 178–187.

Makarov, V.L. (Ed.). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otделение. Personal’nyy sostav: 1957–1982 gg.* [Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. Personal Composition: 1957–1982]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otделение, 1982. 117 s.

Marchuk, G.I. (1981). *Programma “Sibir” – programma obshchegosudarstvennogo masshtaba* [The Siberia Program: A National Program]. In *Problemy sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya proizvoditel’nykh sil Sibiri: sbornik dokladov plenarnogo zasedaniya Vsesoyuznoy konferentsii po razvitiyu proizvoditel’nykh sil Sibiri*. Novosibirsk, pp. 7–16.

Soskin, V.L. et al. (Comp.). (1982). *Akademiya nauk SSSR. Sibirskoe otделение. Khronika: 1957–1982 gg.* [Academy of Sciences of the USSR. Siberian Branch. Chronicle: 1957–1982]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otделение. 337 p.

Vodichev, E.G., Krasilnikov, S.A., Lamin, V.A. et al. (2007). *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoe otделение. Istoricheskiy ocherk* [Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Historical Essay]. Novosibirsk, Nauka. 510 p.

С.А. Васильева*

**«ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ ПРОШЛА В УЧЕНЫЕ»:
ШТРИХИ К БИОГРАФИИ М.Н. ГЕРНЕТА (1874–1953)**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-7
УДК 930(470)"19"+94(470)"19"*Выходные данные для цитирования:**Васильева С.А. «Вся моя жизнь прошла в ученье»: штрихи к биографии М.Н. Гернета (1874–1953) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 94–110.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-07.pdf>*

S.A. Vasilieva*

**“MY WHOLE LIFE IS LEARNING”:
TOUCHES ON THE BIOGRAPHY OF M.N. GERNET (1874–1953)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-7

*How to cite:**Vasilieva S.A. “My Whole Life is Learning”: Touches on the Biography of M.N. Gernet (1874–1953) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 94–110.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-07.pdf>]*

Abstract. The documents of the personal archive of M.N. Gernet, the most outstanding Russian criminologist, penitentiary scientist and historian, laureate of the USSR State Prize, offered to the readers’ review, relate to the period of the 1910s–1950s. It is interesting that Gernet’s scientific career took place before 1917, which did not become an obstacle to his achievements at Soviet legal science. The documents are collected in the Department of Manuscripts of the Russian State Library and are represented by manuscripts, materials related to teaching and scientific activities, letters from M.N. Gernet and his family members, photographs. Modern micro-historical analysis of sources of personal origin and personal texts helps not only to restore the psychological aspects of autobiographical memory, but also to compare the “generational identity”, with subsequent access to the macro-historical sphere. Like any personal documents, materials from a personal collection require careful interpretation and should be viewed in the context of parallel historical sources.

Keywords: M.N. Gernet, History of the Tsarist prison, the Department of Manuscripts of the Russian State Library (Foundation 603).

*The article has been received by the editor on 25.08.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. Предлагаемые обзору читателей документы периода 1910–1950-х годов – из личного архива Михаила Николаевича Гернета, русского и советского юриста, криминолога, историка, лауреата Государственной премии СССР. М. Гернет стал одним из немногих ученых, чья карьера сложилась до 1917 г., что не помешало ему успешно продолжить научную деятельность в советской юриспруденции. Документы личного происхождения (так называемые эго-документы) собраны в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и представлены рукописями, материалами, относящимися к ученическим годам, преподавательской и научной деятельности, письмами и фотографиями семьи Гернет. Современный микроисторический анализ источников личного происхождения и персональных текстов помогает не только восстановить психологические аспекты автобиографической памяти, но и сопоставить «поколен-

* **Светлана Анатольевна Васильева**, доктор исторических наук, доцент, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, e-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru
Svetlana Anatolievna Vasilieva, Doctor in History, Associate Professor, The Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, e-mail: Vasi-svetlana@yandex.ru

ную идентичность» с последующим выходом в макроисторическое пространство. Как любые документы личного происхождения, материалы из личного фонда требуют осторожности при истолковании и должны восприниматься в контексте параллельной документации.

Ключевые слова: М.Н. Гернет, «История царской тюрьмы», фонд 603 НИОР РГБ.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

12 августа 1947 г. из радиобеседы товарища Владимиров на тему «Сталинские премии и прогресс советской общественной науки» слушатели узнали о лауреате Государственной премии СССР профессоре Всесоюзного института юридических наук Михаиле Николаевиче Гернете и двух томах его монографического исследования «История царской тюрьмы»¹, которое сочли «ценным вкладом в юридическую и в историческую науку»².

Несмотря на тот факт, что Сталинская премия М. Гернету была присуждена в области юриспруденции, всесоюзную известность ученый получил именно как историк, каковым себя никогда не считал. В истории отечественной уголовно-исполнительной системы труд М. Гернета актуален по сей день, оставаясь бесценным архивным путеводителем и даже историческим источником, поскольку многие архивные и визуальные материалы были впервые обнаружены. Один из создателей советского архивоведения историк В.В. Максакوف подтвердил научную ценность труда, благодаря которому «в научный оборот вовлечено большое количество свежих документальных материалов, многие из которых станут предметом большого внимания исследователей истории России XIX века»³.

Для нескольких поколений историков права, разрабатывающих историю пенитенциарной политики и законодательства, «История царской тюрьмы» – уникальный справочник по нормативной регламентации исполнения уголовных наказаний в Российской империи. Более полувека интеллектуальное наследие ученого в различных областях науки регулярно подвергается ревизии и перепроцессу, привлекая внимание криминологов, юристов, пенитенциаристов, историков и психологов своим фундаментальным и прикладным значением⁴.

В современной исторической науке фиксируется повышенный интерес к эго-документам (мемуарам, дневникам, переписке и пр.), которые используются не только в качестве «традиционного» источника фактической информации, но и рассматриваются как контент для «раскодирования» состояний и смыслов. Историк Л.П. Репина, обозревая методологические поиски современной мировой историографии, уделяет особое внимание анализу «персональных текстов или источников личного происхождения, в которых оказывается запечатленным индивидуальным опытом и тот или иной уровень его осмысления». Персональные тексты становятся не только основой для реконструкции личной жизни отдельной исторической личности, но также средством «познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали. Иными словами, речь идет об изначально заданной принципиальной установке на выявление социального контекста, на выход в макроисторическое пространство»⁵.

¹ Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1941–1956.

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 22 об.

³ Максакوف В.В. М.Н. Гернет. История царской тюрьмы // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 136.

⁴ См., напр.: Сизова В.Н. Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства в творческом наследии Михаила Николаевича Гернета // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 44–46; Луцкий А.И., Луцкий М.И., Киндюк Б.В. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 519–529; Кобец П.Н. Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М.Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 17 (3). С. 586–601; и др.

⁵ Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань, 2001. С. 344–345.

Таким образом, в рамках перспективного направления изучения субъективности эго-документов как самостоятельной ценности в настоящее время пересматриваются «клишированные» статичные биографии, созданные в традиционном панегирическом жанре. Два серьезных биографических очерка, посвященных М. Гернету, были написаны вскоре после его смерти учениками и коллегами – А.А. Герцензоном и М.Д. Шаргородским⁶, став на долгие годы основным источником официальных биографических данных и с завидным постоянством воспроизводясь в последующих исследованиях. Новаторский подход к документам личного происхождения можно наблюдать в монографии П.А. Филиппова, написанной, в том числе, на основе материалов фонда 603 НИОР РГБ, с публикацией личных фотографий семьи Гернет⁷. К большому сожалению, монография вышла небольшим тиражом (300 экземпляров) и осталась популярной в очень узких профессиональных кругах, пополнив серию биографий золотого фонда преподавателей МГУ им. М.В. Ломоносова. В годовщину 150-летия со дня рождения ученого в журнале «Российская юстиция» вышла интересная статья А.П. Евсеева⁸, который, также на основе обращения к эго-документам, постарался показать науку через личность, вывести на первый план образы ученого, «лишенные парадного лоска»: образ «Гернета-мученика» (полностью лишившегося зрения, но не утратившего вкуса к научной работе), «Гернета – превосходного стилиста» и «Гернета-новатора, не боявшегося вместе со своими единомышленниками спускаться, как тогда говорили, “в самые нижние этажи общественного здания”»⁹. Хочется отдельно отметить коллективное исследование по истории научных школ Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ¹⁰, разрушившее многие идеологические клише, связанные с «признанием грубых методологических ошибок»¹¹, якобы осознанных М. Гернетом в 1930-х годов. Идеологическая травля, которую пережили профессора «старой школы», предстает совершенно иной в образах индивидуальной памяти, воссозданных на основе персональных текстов, нежели схематичный коллективный образ, сохранившийся на страницах советской прессы начала 1930-х годов. Очевидно, что обращение современных исследователей к предметному полю эго-истории открывает перед профессиональным сообществом историков весьма заманчивые перспективы. Публикация личных бумаг М.Н. Гернета открывает новые сведения о частной жизни и научной карьере исследователя.

В биографических очерках о М. Гернете информация о его детстве и учебе в гимназии очень скудная. Авторы сообщают только годы ученичества в Симбирской классической гимназии – 1887–1893 гг. В фонде семьи Гернет хранится дело – воспоминания Михаила Николаевича об учении в гимназии, которые он начинает, казалось бы, банальной, но такой емкой для жизненного пути ученого фразой: «Вся моя жизнь прошла в ученье». Необычайно трогательными предстают в этих воспоминаниях родители Гернета, о которых известно крайне мало. Ученый вспоминает подготовку к вступительным экзаменам, когда мать «сама и одна готовила меня к этим экзаменам, изучив для этого и латинский язык». Сначала М. Гернет поступил не в Симбирскую гимназию (как указано в официальных биографиях), а в Алатырскую прогимназию, ради чего родители не остановились перед временным раздельным проживанием членов семьи: «насколько серьезно относились родители к моему ученью видно из того, что они не остановились перед жизнью врозь, только бы следить самим за моим ученьем: мать со мною и младшими детьми переехала в Алатырь, а отец остался один в Ардатове»¹². Только после перевода отца семейства в Симбирск по долгу службы семья вновь воссоединилась.

⁶ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953) // Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1960. Т. 1. С. 7–43; Шаргородский М.Д. Михаил Николаевич Гернет // Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974. С. 8–37.

⁷ Филиппов П.А. Профессор Гернет Михаил Николаевич: жизнь и научно-творческая деятельность. М., 2015.

⁸ Евсеев А.П. Новое о М.Н. Гернете // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 56–65.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2015.

¹¹ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 31–32.

¹² НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 15. Л. 3.

Практически каждая строка воспоминаний М. Гернета так или иначе отсылает к роли родителей в его жизни и учении: «Учился я хорошо, оставаясь всегда не ниже третьего-четвертого ученика, но первым никогда не был. Отец и мать помогали в занятиях и не оставались перед затратами и на оплату репетиторов... С младших классов увлекался историей и русским языком. Очень хорошая библиотека отца позволяла мне много читать и подготавливаться к урокам глубже, чем давал объясняя преподаватель. При ответах меня охватывало даже вдохновение, и товарищи слушали меня даже внимательнее, чем самого учителя, очень плохого оратора... Сочинения по русскому языку в младших классах за меня обычно писали отец или мать, соперничавшие между собой. Отец писал очень обстоятельно и пространно, а мать коротко, и преподаватель оценивал сочинения матери лучшими баллами, нежели сочинения отца. Зато отец преуспевал в решении трудных задач...»¹³. Таких проникновенных штрихов к портрету, нет, пожалуй, ни в одном из существующих биографических очерков.

Несмотря на любовь к знаниям, период гимназического обучения Гернет, по признанию, «закончил с великой радостью», поскольку режим нового директора ему «опротивел»: «Солдатская муштровка тяготила. Чувствовалось развращение этим режимом». Выбор юридического факультета и желание стать адвокатом ученый оценил как самостоятельный, вспомнив, как отец за это решение прозвал его «Плевакой»¹⁴.

Известно, что студент Михаил Гернет становится активным участником студенческих организаций – Симбирского, а затем Сибирского землячества, имеет непосредственное отношение к изданию нелегального студенческого журнала «Студенческий голос». В фонде хранится интересная подборка архивных выписок о причастности Гернета к нелегальным организациям. Это материалы по упоминаемому в различных версиях существующих биографий случаю ареста членов студенческой организации «Союзный совет» 8 ноября 1897 г., когда у 28 студентов Московского университета при обыске были изъяты листовки, прокламации, печатные принадлежности и «в значительном количестве социал-демократическая литература»¹⁵.

Пристальное внимание правоохранительных органов не помешало М. Гернету «остаться при Университете»¹⁶ и начать не только преподавание, но и научную карьеру. Его педагогическая деятельность в качестве приват-доцента Московского университета (1904–1911 гг.), а с 1911 г. – профессора Петербургского психоневрологического института, лектора общества народных университетов, высоко оценивалась коллегами, учениками и даже вольными слушателями публичных лекций¹⁷. Гернет впоследствии вспоминал работу в университете в годы накануне первой революции как период необычайного бурления молодежи: «коридоры и аудитории заполнились, как никогда, студентами. Учащаяся молодежь из других учебных заведений, лица посторонние приходили в университет», как время небывалой популяризации общественных лекций: «Лекции сменялись митингами, митинги сменялись лекциями... На некоторых лекциях этих молодых преподавателей присутствовала аудитория не в сотни, а даже в тысячи человек»¹⁸.

Яркими штрихами к несколько официозному портрету Гернета-оратора могут стать, к примеру, прошение-приглашение от секретаря Женского клуба г. Ростова (1910 г.) «посетить нас и снова <...> глаголом жечь сердца людей»¹⁹ или просьба Общества пособия лицам, освобождаемым из мест заключения города Гомеля, «почаще читать публичные лекции» о целях и задачах патроната, дабы «популяризовать патронат среди широких слоев населения»²⁰. На наш взгляд, одно из самых трогательных подтверждений красноречия и педагоги-

¹³ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 15. Л. 3–3 об.

¹⁴ Там же. Л. 3 об.

¹⁵ Там же. Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.

¹⁶ См. документ № 1.

¹⁷ См. документ № 2, 4.

¹⁸ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 15.

¹⁹ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 10. Ед. хр. 44. Л. 1.

²⁰ Там же. Карт. 11. Ед. хр. 2. Л. 1.

ческого таланта М. Гернета можно найти в бережно хранимом им листке-приглашении на публичную лекцию приват-доцента Московского университета «О самоубийстве», где на оборотной стороне рукой малограмотного слушателя написана сбивчивая и сумбурная записка, в которой он доверительно сообщает лектору, что из всех его читателей «может я был ближе к самоубийству, чем иные, но слышав призыв Ваш “смотреть прямо в жизнь”»²¹ поклялся никогда этого не делать, а, напротив, по сколько силы мои будут, итти Вашим слабым помощником в великом служении идеям Вашим спасать уставших упавших, обездоленных...»²².

Студенты считали М. Гернета не только блестящим лектором, но и ведущим преподавателем-практиком. По признанию самого ученого, лучшие воспоминания об этих годах были связаны как раз с семинарской работой. По инициативе Гернета при университете был создан Музей уголовного права и специальная библиотека, где совместно со студентами преподаватель собирал различные экспонаты по истории наказаний, создавал наглядные пособия, используя диапозитивы и картограммы. В руководимой в эти годы Гернетом семинарии по уголовному праву учебная работа тесно переплеталась с практикой и самостоятельной научно-исследовательской деятельностью обучающихся²³.

Во время преподавания в Московском университете М. Гернет вновь попал в поле зрения правоохранительных органов как лицо, «известное своей политической неблагонадежностью». Коллективная работа над сборником, посвященным проблеме смертной казни, привела к объединению передовых юристов – теоретиков и практиков в общество «Лига борьбы против смертной казни». Московское Особое городское по делам об обществах присутствие, рассмотрев заявление о регистрации и проект Устава Лиги, постановило в просьбе отказать, ссылаясь на потенциальную угрозу «общественному спокойствию и безопасности»²⁴.

В десятилетия двадцатого века М. Гернет сосредотачивается больше на научной деятельности, что связано как с вынужденным уходом из Московского университета, так и с научной командировкой за границу и сбором материала для монографии. Принадлежность М. Гернета к социологическому крылу отечественной школы криминологии определяла основные направления его научных исследований – экономические причины преступности и иные социальные факторы ее происхождения. М.Н. Гернет стал первым российским криминологом, который на богатейшем материале ознакомил общество с социальным значением понятий преступления и наказания.

В 1919 г. М. Гернет возвращается в Московский университет, став одним из первых ученых-юристов, которого после Октябрьской революции пригласили работать в советские учреждения. В фонде сохранились воспоминания Гернета о становлении университетской работы первых лет советской власти: «Октябрьская Революция дала нам возможность ввести новые методы в наше преподавание... С 1919 года не только широко практиковалось посещение московских тюрем, но и изучение там отдельных заключенных. Вспоминаю, с каким интересом студенты произвели в 1923 году обследование всех заключенных арестных домов в гор. Москве по широкой анкете. В результате такой очень большой студенческой работы явилась возможность опубликовать в 1924 году коллективную работу многих авторов “Преступный мир Москвы”»²⁵. Студенты описывали стремление ученого «щедро делиться своими знаниями, оказывать помощь молодежи в ее научных исканиях, привлекать молодежь к научной работе»²⁶.

Важнейшим направлением научно-практических исследований, проводившихся М. Гернетом после Октябрьской революции, являлась разработка вопросов совершенствования уголовной политики Советского государства. В 1918 г. нарком юстиции П. Стучка пригласил

²¹ Подчеркнуто автором отзыва.

²² См. документ № 2.

²³ См. документ № 4.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 8.

²⁵ Там же. Ед. хр. 16. Л. 2.

²⁶ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 15.

ученого «составить кодекс уголовного права для социалистического общественного строя»²⁷. Впоследствии П. Стучка станет одним из создателей и первым директором Института советского права (1931 г.), что, при неоднозначной оценке его партийной деятельности, не умаляет его профессионализма и компетентности в области правоведения. Таким образом, предложение ученому в начале 1918 г., сделанное в такой форме, подтверждает, что советская власть безоговорочно приняла научный авторитет М. Гернета без дополнительных проверок на лояльность²⁸.

При участии М. Гернета в 1926 г. было организовано опытно-лабораторное учреждение – Экспериментальное Пенитенциарное Отделение – с целью изучения рационального применения различных мер воздействия исправительно-трудового характера на заключенных, осужденных на длительные сроки за тяжелые преступления, и приспособления этих заключенных к условиям трудового общежития. Этот эксперимент предоставил М. Гернету возможность апробации своей главной идеи – моделирование социальных условий, способствующих перерождению преступника. Еще в 1911 г. он писал: «Порождаемое социальными причинами преступление слишком крепко вросло в общественный организм. Сколько-нибудь значительная победа над ним будет достигнута лишь победой над порождающими его условиями»²⁹. Всестороннее изучение взаимосвязи, существующей между социальной средой и преступностью, виделось М. Гернету основной задачей современной ему науки. Он неоднократно подчеркивал, что содержание в экспериментальных учреждениях есть не наказание, а опыт новой борьбы с преступностью³⁰. По замыслу ученого, отделение должно было стать передовым пенитенциарно-методическим учебным центром с образцовыми мерами культурно-просветительской работы и трудового воспитания: «...следует признать желательным такую их постановку, чтобы ими был заполнен весь день заключенных, и должен быть дан возможный максимум знаний и здоровых развлечений, а в том числе и максимум тех здоровых радостей, которых может быть и не имеет масса народа: т.к. содержание в Экспериментальном учреждении не есть наказание, а опыт новой борьбы с преступностью, при котором дисциплинарные взыскания не должны иметь место»³¹. Силами заключенных, содержащихся в Экспериментальном пенитенциарном отделении, ставились спектакли. На одно из таких представлений (пьеса «На дне») был приглашен сам автор – М. Горький³². Газета «Вечерняя Москва» напечатала заметку о спектакле, обратив внимание читателей на сотрудников отделения, которые делают «огромное трудное дело»: «как врач изучает болезнь, так и эти социальные врачи изучают социальные болезни, их причины и выявления»³³.

Однако Экспериментальному пенитенциарному отделению не суждено было просуществовать больше двух лет. 1929 год можно считать не только последним годом работы «социальной клиники», но и временем крушения пенитенциарных утопий российских сторонников социологической школы криминологии. Позитивистская методология, на которую опирался М. Гернет в своем пенитенциарном эксперименте, не выдержала столкновения с доминирующим во всех сферах марксизмом-ленинизмом и обнажила иллюзорность гуманистических намерений излечить преступника в условиях социальной клиники.

В 1931 г. увидел свет последний монографический труд ученого в области криминологии – «Преступность за границей и в СССР»³⁴. Казалось бы, завершение научной публикаторской деятельности вполне может быть объяснима тяжелым недугом – потерей зрения. Однако обратим внимание, что к своему главному историческому труду, основанному на введении в научный оборот уникальных архивных материалов, М.Н. Гернет приступил примерно в 1937 г., т.е. будучи полностью слепым.

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 11. Ед. хр. 43. Л. 1

²⁸ См. документ № 3.

²⁹ Гернет М.Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М., 1911. С. 278.

³⁰ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 3. Ед. хр. 18. Л. Л. 7–8.

³¹ Там же. Л. 6–7.

³² См. документ № 5–6.

³³ Вечерняя Москва. 1928. 18 окт. № 243.

³⁴ См. документ № 9.

В «советских» биографиях Гернета «лихолетье» 1930-х годов в судьбе ученого выглядит подозрительным умолчанием. Так, А. Герцензон, максимально подробно осветив научную карьеру и труды правоведа в дореволюционный период и 1920-е годы, осторожно отмечает, что в 1930-е годы Гернет «не уделял большого внимания решению коренных методологических вопросов, связанных с изучением преступности». Но, предлагая не останавливаться «на серьезных методологических ошибках, допущенных в работе», тут же подчеркивает, как «под влиянием критики в печати и в публичных диспутах М.Н. Гернет начинает пересматривать некоторые из своих взглядов, корнями уходящие в дореволюционную русскую науку уголовного права, и на основе этого пытается по-новому оценить <...> коренные вопросы методологии этого изучения»³⁵.

Лишь недавние исследования, в том числе на основе эго-документов, позволяют под другим углом взглянуть на кардинальный поворот в научной карьере М. Гернета. В конце 1928 г. ученый был втянут в научный диспут с представителями секции государства и права Коммунистической академии, который постепенно превратился в настоящую идеологическую травлю с переходом на личность. Во взглядах М. Гернета констатировали преобладание мелкобуржуазного социологического уклона и последовательно отстраняли ученого от научной работы с советской тематикой. Ученому вменяли не только серьезные обвинения в «отходе от марксизма-ленинизма» и «использовании концепций буржуазной науки», но и обширные контакты с зарубежными учеными³⁶. В личной переписке со своим гимназическим другом С. Ушаковым Гернет постоянно жалуется на подорванное с начала 1930-х годов здоровье, имея в виду не слепоту, а «нервические» заболевания: «без видимой причины нередко бессонница, ослабляющая меня», из-за которых он «тяжело переживает даже мелочи жизни» и даже принимает наркотические средства³⁷ (имеет в виду средства от бессонницы. – С. В.).

В 1929 г. эпистолярный собеседник М. Гернета Я. Андреев, упоминая «пережитую бурю», призывает ученого «взять перо в руки и сделать некоторое усилие», чтобы снова обрести себя³⁸. Однако идеологические гонения не позволили ученому «обрести себя» и продолжить научные изыскания в области криминологии и уголовного права. Основные претензии к методологическим ориентирам ученого – «буржуазному позитивизму», социологизаторству, игнорированию закона классовой борьбы – ставили под сомнение авторитет его научных выводов.

Новые научные ориентиры М. Гернет обрел в истории права, в узком отраслевом сегменте – пенитенциарной истории. Свою речь по поводу получения одной из высших форм поощрения граждан СССР за высокий научный и культурный вклад – Сталинской премии – М. Гернет закончил словами: «Мне хочется подчеркнуть, что почти за полвека моей научной работы я никогда не работал с таким интересом и увлечением, как над этой темой по истории царской тюрьмы»³⁹.

Предлагаемые обзору читателей документы из личного архива Михаила Николаевича Гернета хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Как любые документы личного происхождения, материалы из личного фонда требуют осторожности при истолковании и должны восприниматься в контексте параллельной документации.

Документы публикуются с сохранением их стилистических особенностей.

³⁵ Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет... С. 31–32.

³⁶ См. документ № 8.

³⁷ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 9. Ед. хр. 79. Л. 2 об., 26 и др.

³⁸ См. документ № 7.

³⁹ НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 5. Л. 25.

* * *

№ 1

**Справка III-го делопроизводства департамента полиции
от 1 декабря 1897 г. о Гернет Михаиле Николаевиче**

1/XII-97

Московский обер-полицмейстер отношением от 14 октября 1897 г. за № 2958, сообщил Д-ту полиции следующее:

«8 сего октября, к 9 ч. вечера, к студенту Московского Университета, Историко-филологичес. фак., последн. курса, Александру Васильевичу Соколову, проживающему совместно с женой своей Екатериной Петровой в № 118 гостиницы «Петергоф» в д. Скворцовых, по Моховой ул., собрались нижеследующие 10 человек, которые были переписаны местным приставом: студенты Московского Университета: Васютинский, Кольчевский, Никитин, Яковлев, Василенко, Карасев, Алябьев, Саводник, Виктор и помощник присяжного поверенного, оставленный при Московском Университете Михаил Николаев Гернет.

Теперь стало известно, что переписанным оказался кружок Марксистов организованный филологами еще в прошлом учебном году. Вышеупомянутый ГЕРНЕТ^а участвовал в студенческой союзной организации, а затем был членом Союзного Совета и в названном кружке, как окончивший курс, играл руководящую роль.

На основании всего сказанного, оставление ГЕРНЕТА при Университете является крайне не желательным, так как он будет источником брожения среди студентов.

Об изложенном имею честь сообщить Департаменту полиции на благоусмотрение.

По приказу его превосходительства Директора Департамента

23 октября 1897 г. была представлена справка о ГЕРНЕТЕ следующего содержания:

«ГЕРНЕТ Михаил Николаев, дворянин Симбирской губернии получил первоначальное образование в Симбирской гимназии; в 1897 г. окончил курс Московского Университета, по юридическому факультету. В делах Д-та неблагоприятных сведений о нем не имеется»

На вышеизложенном отношении Московского Обер-полицмейстера за № 2958, его превосходительством господином Вице-директором положена резолюция «Представить Г. Директору». Едва ли такой случай может служить поводом к устранению Гернета».

В. Потапов

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 6–7.
Машинописный текст. Подпись – автограф

№ 2

**Отзыв (анонимный) на публичную лекцию
профессора М.Н. Гернета «О самоубийстве»^б**Даты нет¹

Дорогой Михаил Николаевич!

Спасибо Вам – вчера сказал я в комнате лектора. За что? Ваш вопрос. За то, что великим светом знания Вы защитили бедноту. За то, что из всех слушавших Вас, быть может я был ближе к самоубийству чем иные, но слышав призыв Ваш «смотреть прямо в жизнь»^в я вчера думал передать Вам – (но думая об утомлении Вашем и самолично утомясь не ска-

^а Написано заглавными буквами и подчеркнуто в тексте справки.

^б Написано на обороте листка-объявления о публичной лекции приват-доцента Московского университета М.Н. Гернета «О самоубийстве».

^в Подчеркнуто автором отзыва.

зал вот что^г) клянусь Вам никогда не кончить жизнь самоубийством, а по сколько силы мои будут, итти Вашим слабым помощником в великом служении идеям Вашим спасти уставших упавших, обездоленных затиснутых [неразб.] условиями. За то, что всем слушавшим Вас вы передали новые силы для борьбы за лучшее людей.

Всю жизнь я не жалею малых средств на помощь бедным крестьянам, всем кто проходил мимо меня с просьбой чего-либо денег книжек и пр.^о

За яркий очерк страшного вызова обществу ... от самоубийц спасибо в сильной лекции данной спасибо.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 8. Ед. хр. 3. Л. 2.

Рукописный текст. Подписи нет

№ 3

Письмо П. Стучки² к М. Гернету

11 мая 1918 г.

Москва, Ильинка 21

Михаил Николаевич!

В Отделе Законодательных Предположений и Кодификации имеется отделение Уголовного Права, цель которого, между прочим, составить кодекс уголовного права для социального общественного строя, или, по крайней мере, для переходного к нему периода. Среди криминалистов-теоретиков я сейчас знаю только одного человека, который, судя по его работам, мог бы взять на себя редакцию подобного кодекса. Этот человек – Вы.

Я вполне согласен с Вашей суровой критикой по отношению к предпринятой моим предшественником перекройки «Таганцевского»³ кодекса, и, будучи убежден, что у Вас имеются, как лучший ответ на подобную работу, свой план кодекса⁴, предлагаю Вам возможность осуществить этот план в Отделе Законодательных Предположений нашего Комиссариата.

Я знаю, что вы настроены несколько враждебно к нам, но я всегда бываю откровенен и предлагаю вам откровенно сказать мне, если вы согласны побеседовать на эту тему со мной.

Уважающий Вас П. Стучка.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 11. Ед. хр. 43. Л. 1.

Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 4

Письмо Б.И. Пятницкого⁵ к М.Н. Гернету

6. II. 28 г.

Москва

Дорогой,
Михаил Николаевич,

Возвратившись в Москву из командировки, узнал из газетной заметки об исполнившемся тридцатилетии Вашей научной деятельности.

Спешу, хотя и с опозданием, приветствовать Вас.

Юбилеи – всегда повод для оценки значения и деятельности юбиляра. Не мне, Вашему рядовому ученику, говорить о значении Ваших трудов в криминологии.

^г Над строчками основного текста мелко надписано.

^а Предложение зачеркнуто автором отзыва.

Но, как ученик, хочу, в связи с вашим юбилеем, сообщить Вам несколько воспоминаний о влиянии Вашем на слушателей.

Уголовное право в Вашем преподавании являлось горячей проповедью гуманности.

Говоря о правонарушениях и применяемых Государством суровых способов борьбы с ними, Вы всегда сосредотачивали наше внимание на человеческой личности, которую необходимо разглядеть в преступнике как бы ужасно не было им совершенное.

И я убежден, что все ваши ученики, которым приходилось практически работать в уголовном суде – на ролях ли следователя или прокурора – не могли не помнить Вашего призыва к человечности, и он неизбежно сказывался на их работе.

Я не говорю уже о Ваших учениках, ушедших в адвокатуру. Их защитительная работа во многом являлась практическим осуществлением Ваших уроков.

Признаю, что Вы создали свою школу молодых ученых-криминалистов.

Я добавлю, что еще более значительно было число криминалистов-практиков, проводивших в жизнь воспринятое у Вас учение, а потому также составляющих Вашу «школу».

Говорю в прошедшем времени, т.к. мне кажется, что теперь Ваших учеников среди судебных деятелей осталось, к сожалению, мало.

Примите пожелания сил и здоровья для дальнейшей работы от Вашего старого ученика, всегда благодарно вспоминающего аудиторию Университета⁶ и преподававшего в ней криминалиста-гуманиста.

Сердечно преданный Б. Пятницкий.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 11. Ед. хр. 29. Л. 1–2.
Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 5

Письмо М.Н. Гернета к М. Горькому

1928, 11 октября.

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

При Госуд. инст. по изуч. преступности в Москве второй год существует опытный исправ. труд. дом (так назыв. эксперимен. пенитен. Отделение⁷). Это опыт устройства социальной клиники без решеток, с постоянно открытыми незапертыми дверями камер, со штатом по большей части из молодых женщин с высшим юридич. психолог. или психиатрич. образованием, которые всесторонне изучают заключенных и несут культурно-просветительную работу. Никаких дисциплинарных наказаний здесь не применяется и учреждение находится в ведении совета, куда кроме работника из главн. управ. мест заключения входят четыре теоретика (криминалист-социолог, психолог, психиатр, пенитенциарист). Мы ставим своей задачей воплотить в жизнь цели социального приспособления с наивозможно полным устранением страданий личности. Заключенные в громадном большинстве совершили те или иные общеуголовные преступления. В то время как все работники этого учреждения верят в успех своего дела, находятся и скептики. Нам хотелось показать наше учреждение на спектакле заключенных, которые ставят вашу пьесу «На дне» в эту субботу вечером. Мы были бы рады видеть Вас у себя и просим посетить нас.

Примите прилагаемую мою книжку с очерками тюремной психологии⁸. Эту «тюремную психологию» мы хотим изжить в нашей социальной клинике.

С глубоким уважением к Вам

Сев.жел.дор. Лосиноостровская, ул. Чичерина, дом 2.

Профессор МГУ МИХНИК ГЕРНЕТ

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 8. Ед. хр. 20. Л. 1.
Машинописный текст. Подпись – автограф

№ 6

Письмо М. Горького к М.Н. Гернету

12.10.28

Уважаемый Михаил Николаевич.

Крайне сожалею что не могу быть на интересном спектакле, организованном Вашим институтом.

Примите мое уважение и передавайте привет мой участникам спектакля, а также и зрителям.

М. Горький

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 9. Ед. хр. 71. Л. 1.
Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 7

Письмо Я. Андреева⁹ к М.Н. Гернету

20/XI 1929

Дорогой Михаил Николаевич!

От всей души спасибо за книгу. Откровенно говоря, мне ее давно хотелось иметь, но в продаже ее кажется нет. Вопрос о смертной казни, войне и вообще об убийстве всегда интересовал меня¹⁰. Интересовал особенно и главным образом с прогностической точки зрения. В каждом акте убийства, в какой бы форме он не совершался есть что-то отвратительное, отталкивающее. И в то же время убийство в природе как будто биологически узаконено. Там где есть борьба за существование, а она везде есть, там, как одна из форм этой борьбы, существует и убийство.

Не означает ли это, что уничтожение одного человека другим будет существовать вечно?

Эволюция столь медленный процесс, что, кажется, современная наука начинает сомневаться в возможности ее влияния на улучшение человеческой породы.

Во всяком случае одно бесспорно – узаконенное убийство 5–6 тысяч лет тому назад по существу не отличается от современного. Разница только в обстановке, в средствах. В чем же сказалось влияние прогресса? В изменениях внешних форм бытия – более пестрая, кричащая личина, более дерзкая надменно-ложная и все оправдывающая мысль, более тонко-извращенное всегда острое чувствование. И только! А из под тысячелетней культуры торчат клыки гориллы, вооруженной митральезой. В животном, также и в человеке, есть инстинкты, рефлексy, которые автоматически управляют его поведением. Обычно эти рефлексy направлены к сохранению жизни индивидуума или вида. Они столь сильны, что могут быть преодолены только в патологическом состоянии.

В минуту смертельной опасности организм быстро мобилизует все свои резервные силы для борьбы или для спасения бегством. Убийство в природе всегда есть последняя и крайняя мера самообороны или способ питания. Природа не знает смертной казни, как наказания. Человек – homo sapiens выполз из этих непреложных законов природы, создал общество, искусство, религию, законы морали. Неизменной осталась в нем способность к убийству. Будет ли это когда-нибудь изжито? Где предпосылки к этому будущему? – Их можно найти в Вашей книге. Даже самый факт появления такой книги – есть знаменательный факт!

Простите, дорогой Михаил Николаевич, что такими мрачными рассуждениями наполнено мое письмо. Причина – я бегло просмотрел вашу книгу «Смертная казнь»¹¹.

Как бы мне хотелось, чтобы белый лист бумаги, вставленный в машинку, запестрел бы черными буквами, складывая которые мы могли бы читать Ваши мысли.

Особенно четко и глубоко очерчиваются мысли на фоне только что пережитой бури, пронесшейся грозы. В этот момент в них вкладывается вся глубина свежих переживаний, волнующих чувств. Попробуйте взять перо в руки и сделать некоторое усилие, дорогой Михаил Николаевич, и вы снова обретете себя.

Светлой радости в творчестве от всей души желаю Вам.

Ваш Я. Андреев

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 9. Ед. хр. 27. Л. 1–2 об.
Рукописный текст. Подпись – автограф

№ 8

Письмо Дж. Джиллина¹² к М.Н. Гернету¹³

Декабрь. 9. 1931.

Мисконсинский^е Университет

Отделение Социологии и Антропологии.

Дорогой Профессор Гернет.

Я предполагаю в следующем гиду посетить Россию. с целью изучения тюремной системы для уголовных заключенных при**** Советам. Мисс Элен Шлосберг, секретарь Англо-Американской Секции СССР Общества Культурной Связи с Иностранными Государствами дала мне Ваш адрес и сообщила мне, что она направила экземпляр моей книги под заглавием «Усмирение преступника» в Институт**** Криминологии¹⁴. Эта книга появилась в результате исследования, которое я сделал во время своего кругосветного путешествия четыре года тому назад. Она скажет^и Вам кое что о характере исследования, которое я хочу сделать в России.

Я был бы рад, если бы Вы могли дать мне некоторые указания по поводу того, какие учреждения мне следовало бы посетить, чтобы получить хорошее представление о системе, ныне существующей в России, а также кое-что о вашем институте, который я, разумеется, хотел бы посетить, если совершу это путешествие. Может быть Вы также могли бы мне дать некоторые указания по поводу того, какие меры я должен бы был предпринять заранее, чтобы ускорить дело и совершить мое путешествие с возможно наименьшей отсрочкой. Я предполагаю отплыть из Соединенных Штатов в Июне и прибыть в Россию как можно раньше. На обратном пути я предполагаю остановиться в Германии для изучения ее учреждений при новом режиме, но сначала хочу поехать в Россию.

С благодарностью за всякие указания, которые Вы могли бы мне дать, я остаюсь искренне Ваш

Джиллиан. Профессор Социологии.

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 10. Ед. хр. 7. Л. 1–2 об.
Машинописная копия – перевод

^е Опечатка. Висконсинский университет.

^ж Зачеркнуто машинкой.

^з Зачеркнуто машинкой.

^и Впечатано сверху над зачеркнутым «Я скажу».

№ 9

Письмо П.И. Люблинского¹⁵ к М.Н. Гернету

7 октября 1931.

Дорогой Михаил Николаевич,

Приветствую Вас с выходом в свет Вашей новой книги, извлеченной из недр издательства с наложением щипцов и испытавшей на себе такие следы оперативного вмешательства. Предисловие издательства¹⁶ – в духе современного лозунга поощрения авторов к дальнейшему писательству, как того требовало постановление ВПК об издательском деле. Это прямое издевательство над кабальным автором. Но книга говорит сама за себя, и поэтому опровержения не требуется.

При несколько ином положении я отметил бы выход Вашей книги соответствующей рецензией, но сейчас приходится изложить лишь в дружеском письме некоторые суждения о ней.

Большой труд, на нее затраченный, виден из каждой страницы. Вы правы, говоря, что по ряду колониальных стран Вам пришлось быть пионером. Материалы по СССР особенно ценны. Не Ваша вина, а Ваша беда, что ряд разрезом разработки /семейное положение, образование, жилищные условия и пр./ не вошел в книгу. Должен, однако, сознаться, что чтение Вашей работы укрепило во мне убеждение в тщетности уловить при помощи общей угол. статистики р е а л ь н у ю^к картину преступности, установить д и н а м и к у ее и даже предположительно выявить ф а к т о р ы ее. Для всего этого официальная статистика является кривым зеркалом.

Я, напр., насчитал примерно до 30 условий, определяющих возможность сопоставления между собой цифр преступности по годам. Так, если в 1925 г. мы имели X осужденных (или обвиняемых), а в 1930г. – У, то при превышении У над X мы можем заключить о том, что преступность за этот период реально повысилась, учтя такие моменты:

1. Тождество территории, 2/ изменения в численности населения, 3/ изменения в возрастном составе населения, 4/ изменения в распределении его между городом и деревней, 5/ изменение в уголовном законодательстве, 6/ изменения в истолковании практикой угол. материального закона, 7/ расширение или сужение судебной компетенции за счет административной, товар. судов и пр., 8/ существовавшие направления судебной политики /ударн. комп. и пр./, 9/степень энергии и успешности работы органов расследования и прокуратуры, 10/ степень удовлетворительности и полноты статистической регистрации преступлений, 11/ исправность работы почты, 12/ общественно-психологическую реакцию на те или иные преступления /степень выявления их/, 13/ пропускную способность судов и сроки рассмотрения дел, 14/ подсудность спец. судов и квази-судебных органов /ГПУ и пр./, 15/ длительность сроков лишения свободы, назначаемых судом /для учета рецидива/, 16/ изменения в легальной группировке отдельных преступлений и т.д.

Каждое из этих условий имеет такое громадное значение, что без учета его влияния невозможно сделать вывод о реальном увеличении или уменьшении преступности. Если напр. завтра будет введен в действие проект УК Комакадемии, то сравнение последующей преступности с преступностью предшествующих лет не даст возможности в целом сделать каких либо обоснованных выводов /я не говорю об отдельных преступлениях/. Только некоторые страны /напр. Англия, отчасти Франция/, где эти условия имеют относительно устойчивый характер, позволяют говорить о «динамике» преступности. Что касается «факторов», то здесь гадательности еще больше.

Исходя из этих соображений, я в ряде случаев не мог бы согласиться с сделанными Вами выводами о причинах этого роста. Во всяком случае эти выводы остаются неубедительными. Сама преступность настолько разнородна по своей тяжести, социальному харак-

^к Здесь и далее разрезанный текст использован автором письма для акцента.

теру, формам и пр., что делать какие либо научные выводы о «преступности вообще» /чисто формальное понятие/ почти невозможно.

Делюсь с Вами своими скептическими мыслями потому, что глубоко убежден в необходимости совершенно по иному построить учет и научную разработку цифр преступности. Уже одно то обстоятельство, что при существующих условиях нельзя провести каких либо параллелей между преступностью отдельных стран, свидетельствует об отсутствии стандартизированных приемов разработки. Задача угол. статистики – дать таблицы, выводы же могут быть сделаны лишь на почве углубленной социологической разработки отдельных видов преступлений, как это сделали Вы в вопросе о детоубийстве¹⁷ в свое время.

Но при всем моем скепсисе, я убежден, что опубликованные в вашей книге цифры окажутся полезным подспорьем для многих исследователей.

Теперь о другом. В каком положении у Вас вопрос "[...]"^м даже библиотеки. Столковались ли с Межд. Книгой. Что "[...]"^о в Гос. Институте¹⁸. У нас в Кабинете с половины сентября пошли серые бесцветные доклады. 16 окт. поставлен мой доклад на тему: «Проекты междун. уголовной юстиции и борьба против Советского Союза». Тезисы одобрены, а после доклада, уверен, будет опять ругань. Она, по видимому, не прекращается т.к. летом та же кампания выступала против меня на областном съезде научных работников. Казалось бы, я им уже не помеха. С 22 по 27 сентября я по поручению Института Охматмлада¹⁹ ездил в район г. Острова для обследования тамошних колхозов и коммун с точки зрения положения женского труда. Собрал много материалов и представил обширный доклад. Веду научно-исследовательские работы почти исключительно по женским проблемам. Приходится проводить и организ. работу и преподавательскую /вечерний Педвуз, курсы усов. врачей и пр./ В общем от безделья скучать не приходится.

Жду от Вас более подробного письма.

С дружеским приветом и рукопожатием

П. Люблинский

НИОР РГБ. Ф. 603. Карт. 10. Ед. хр. 62. Л. 19–20.

Машинописный текст. Подпись – автограф

Комментарии

¹ Предположительно между 1904 и 1911 гг., когда М.Н. Гернет занимал должность приват-доцента Московского университета.

² Стучка Петр Иванович (Петерис Янович) – латвийский и российский политический деятель, юрист, академик. В 1918 г. занимал пост Наркома юстиции РСФСР. Под руководством П. Стучки закладывались основы советского правоведения. Впоследствии станет одним из создателей и первым директором Института советского права.

³ Таганцев Николай Степанович – отечественный правовед, криминолог, один из основателей науки уголовного права в России.

⁴ В советский период М.Н. Гернет подготовил серию работ, являющихся комментариями к Уголовному кодексу РСФСР 1922 г., в число которых вошли «Практический комментарий к Общей части УК РСФСР» (1924), «Имущественные преступления. Комментарий к УК», «Комментарий к статьям 18, 18а, 18б, 24, 25, 28, 180–199 УК» (1925).

⁵ Пятницкий Борис Иванович – чиновник, юрист, до 1917 г. входил в состав Могилевского отдела партии кадетов. В 1910 г. в рамках семинария по уголовному праву приват-доцента М. Гернета при Московском университете выпустил книгу: *Пятницкий Б.И. Половые извращения и уголовное право / с предисл. прив.-доц. М.Н. Гернета. Могилев губ.: тип. И.Б. Клаза, 1910. 84 с.*

⁶ Московский университет, где М. Гернет работал в 1904–1911 гг. приват-доцентом.

⁷ Экспериментальное Пенитенциарное Отделение (ЭКСПОГИ) – место лишения свободы с 1926 по 1929 г. Территориально располагалось в здании бывшего Ивановского монастыря. Главной целью создания ЭКСПОГИ было заявлено «установление научно-практическим путем рациональных методов исправительно-трудового воздействия, соответственно всем типам мест заключения, предусмотренных исправительно-трудовым законодательством РСФСР». М.Н. Гернет входил в Совет директоров ЭКСПОГИ.

^{л-м} Лист поврежден.

^{н-о} Лист поврежден.

- ⁸ Гернет М.Н. В тюрьме: очерки тюремной психологии. М., 1925.
- ⁹ Личность установить не удалось.
- ¹⁰ Вероятно, речь идет об издании: Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее. М., 1927.
- ¹¹ Гернет М.Н. Смертная казнь. М.: Тип. «Я. Данкин и Я. Хомутов», 1913. 149 с.
- ¹² Джон Льюис Джиллин – американский социолог, в 1907–1912 гг. – профессор социальных наук Университета Айовы, в 1912–1958 – профессор Отделения социологии и антропологии Висконсинского университета, в 1926 г. – 16-й президент Американской социологической ассоциации.
- ¹³ Текст письма – русскоязычный перевод письма Дж. Джиллина, напечатан на пишущей машинке на листе почтовой бумаги. На оборотной стороне черновик ответа М. Гернета на французском языке.
- ¹⁴ Имеется в виду Государственный институт по изучению преступности и преступника (ГИИПП) при НКВД РСФСР.
- ¹⁵ Люблинский Павел Исаакович – российский и советский ученый-правовед, специалист в области уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор. В советское время преподавал в Петроградском университете, Ленинградском юридическом институте (заведующий кафедрой уголовного процесса), в Педагогическом институте им. А.И. Герцена.
- ¹⁶ Речь идет о научной монографии: Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М.: Советское законодательство, 1931. 186 с. Предисловие издательства «Советское законодательство» наглядно отражает начало той идеологической травли, которой подверглись «старые профессора», чья научная карьера состоялась в дореволюционный период. Автору вменяется в вину то, что он «не является марксистом», пользуется «буржуазной не столько наукой, сколько апологетикой», «нигде не критикует и не оспаривает этих данных», «не разоблачает ложь и лицемерие буржуазной уголовной статистики, не предупреждает и не вооружает советского читателя против буржуазной науки». В 1931 г. такой текст был равносителен доносу, на основании которого вполне можно было арестовать за антисоветскую агитацию и пропаганду.
- ¹⁷ Имеет в виду дореволюционную монографию: Гернет М.Н. Детоубийство: социологическое и сравнительно-юридическое исследование. М.: тип. Имп. Моск. ун-та, 1911. 318 с.
- ¹⁸ Имеется в виду Государственный институт по изучению преступности и преступника (ГИИПП) при НКВД РСФСР.
- ¹⁹ Общество охраны материнства и младенчества.

Литература

- Анощенкова С.В. М.Н. Гернет. Взгляд в прошлое // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 24–26.
- Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Юрид. изд-во, 1941–1956. 247 + 478 + 376 + 248 + 339 с.
- Герцензон А.А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953) // Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1960. Т. 1. С. 7–43.
- Евсеев А.П. Новое о М.Н. Гернете // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 56–65.
- Захаров Д.П. Михаил Николаевич Гернет, 1874–1953 // Правоведение. 1978. № 5. С. 97–108.
- Кобец П.Н. Научное творчество выдающегося отечественного правоведа М.Н. Гернета и его роль в развитии наук уголовного права и криминологии в дореволюционный период // Russian Journal of Economics and Law. 2023. № 17 (3). С. 586–601.
- Кораблин К.К. М.Н. Гернет – выдающийся ученый-юрист, основоположник отечественной пенитенциарной науки (к 145-летию со дня рождения) // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 168–180.
- Луцкий А.И., Луцкий М.И., Киндюк Б.В. Вклад профессора М.Н. Гернета в развитие юридической науки // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 3. С. 519–529.
- Максаков В.В. М.Н. Гернет. История царской тюрьмы // Вопросы истории. 1947. № 6. С. 135–138.
- Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение Истории. Человек – Память – Текст. Казань: Изд-во КГУ, 2001. С. 344–345.

Сизова В.Н. Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства в творческом наследии Михаила Николаевича Гернета // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 44–46.

Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: 4-е изд., доп. и перераб. / Е.А. Прянишников и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 568 с.

Филиппов П.А. Профессор Гернет Михаил Николаевич: жизнь и научно-творческая деятельность. М.: Зерцало-М, 2015. 85 с.

Шаргородский М.Д. Михаил Николаевич Гернет // Гернет М.Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 8–37.

References

Anoshchenkova, S. (2013). M.N. Gernet. *Vzglyad v proshloe* [M.N. Gernet. A Look into the Past]. In *Sotsial'no-politicheskie nauki*. No. 1, pp. 24–26.

Evseev, A.P. (2024). Novoe o M.N. Gernete [New Information about M.N. Gernet]. In *Rossiyskaya yustitsiya*. No. 2, pp. 56–65.

Filippov, P. (2015). Professor Gernet Mikhail Nikolaevich: zhizn' i nauchno-tvorcheskaya deyatel'nost' [Professor Gernet Mikhail Nikolaevich: Life and Scientific and Creative Activity]. Moscow, Zertsalo-M. 85 p.

Gernet, M. (1941–1956). *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [The History of the Tsar's Prison] Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo. 247 + 478 + 376 + 248 + 339 p.

Gertsenzon, A. (1960). Mikhail Nikolaevich Gernet, ego zhizn', obshchestvennaya i nauchnaya deyatel'nost' (1874–1953) [Mikhail Nikolaevich Gernet, His Life, Social and Scientific Activity (1874–1953)]. In *Gernet M.N. Istoriya tsarskoi tyur'my*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. Vol. 1, pp. 7–43.

Kobets, P. (2023). Nauchnoe tvorchestvo vydayushchegosya otechestvennogo pravoveda M.N. Gerneta i ego rol' v razvitii nauk ugovornogo prava i kriminologii v dorevolutsionnyy period [Scientific Creativity of the Outstanding Russian Jurist M.N. Gernet and His Role in the Development of the Science of Criminal Law and Criminology in the Pre-Revolutionary Period]. In *Russian Journal of Economics and Law*. No. 17 (3), pp. 586–601.

Korablin, K. (2019). M.N. Gernet – vydayushchiysya uchenyy-yurist, osnovopolozhnik otechestvennoy penitentsiarnoy nauki (k 145-letiyu so dnya rozhdeniya) [M.N. Gernet is an Outstanding Legal Scientist, the Founder of the National Penitentiary Science (On the 145th Anniversary of His Bbirth)]. In *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 7, pp. 168–180.

Lutskiy, A., Lutskiy, M., Kindyuk, B. (2019). Vklad professora M.N. Gerneta v razvitie yuridicheskoy nauki [Professor M. N. Gernet's Contribution to the Development of Legal Science]. In *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. Vol. 13, No. 3, pp. 519–529.

Maksakov, V.V. (1947). M.N. Gernet. *Istoriya tsarskoy tyur'my* [The History of the Tsar's Prison]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 135–138.

Pryanishnikov, E.A., et al. (2015). *Stranitsy istorii i ocherki o nauchnykh shkolakh Instituta zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii* [Pages of History and Essays on Scientific Schools of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation]. Moscow, Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. 568 p.

Repina, L.P. (2001). Personal'nye teksty i “novaya biograficheskaya istoriya”: ot individual'nogo opyta k sotsial'noy pamyati [Personal Texts and a “New Biographical History”: From Individual Experience to Social Memory]. In *Sotvorenie Istorii. Chelovek – Pamyat' – Tekst*. Kazan, Izdatel'stvo KGU, pp. 344–345.

Shargorodskiy, M. (1974). Mikhail Nikolaevich Gernet [Mikhail Nikolaevich Gernet]. In *Gernet M.N. Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 8–37.

Sizova, V. (2015). Nekotorye voprosy effektivnosti ugovnogo zakonodatel'stva v tvorcheskom nasledii Mikhaila Nikolaevicha Gerneta [Some Questions of the Effectiveness of Criminal Legislation in the Creative Legacy of Mikhail Nikolaevich Gernet]. In *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. No. 1 (29), pp. 44–46.

Zakharov, D. (1978). Mikhail Nikolaevich Gernet, 1874–1953 [Mikhail Nikolaevich Gernet, 1874–1953]. In *Pravovedenie*. No. 5, pp. 97–108.

А.А. Сулейманов*

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЯКУТИИ И.П. СОЙККОНЕН:
БЮГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-8
УДК 63(571.56)(091)

Выходные данные для цитирования:
Сулейманов А.А. Исследователь Якутии И.П. Сойкконен: биографический
этюд // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 111–125.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-08.pdf>

A.A. Suleymanov*

RESEARCHER OF YAKUTIA I.P. SOIKKONEN:
A BIOGRAPHICAL SKETCH**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-8

How to cite:
Suleymanov A.A. Researcher of Yakutia I.P. Soikkonen: A Biographical Sketch //
Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 111–125.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-08.pdf>]

Abstract. The article reconstructs the main stages of the scholarly biography of I.P. Soikkonen, primarily connected with the study of Yakutia. The relevance of the research is обусловлена persistent gaps in the study of his life and academic legacy, as well as the presence of several controversial statements in historiography. Based on documents identified in the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the Central State Archive of St. Petersburg, and the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia), as well as other sources, the paper traces Soikkonen's path into science, including his education at a number of institutions. The study examines his work within the Yakutsk Complex Expedition of the USSR Academy of Sciences and the Commission for the Study of the Yakut ASSR. It is noted that in 1926–1927 Soikkonen carried out ethnographic research in the Central Yakutia, collecting a substantial body of materials on family life, childhood, and everyday practices of the Yakuts. The manuscript he prepared, “Family Life of the Yakuts of the Yakutsk Okrug”, is shown to significantly expand our understanding of sanitary and hygienic practices, the status of women and children, and the economic use of cryogenic resources. It is established that after 1930 Soikkonen's scholarly career shifted toward geology. During this period, he participated in several geological survey parties in the central and Arctic regions of Yakutia. In the 1930s–1940s he became a co-author of two monographic works on the geology of the region. The article concludes that Soikkonen's academic trajectory was exceptional, as his original ethnographic research was replaced by successful geological investigations.

Keywords: I.P. Soikkonen, Yakutia, scholarly biography, ethnographic research, geological expeditions.

*The article has been received by the editor on 01.03.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* Александр Альбертович Сулейманов, кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия, e-mail: alexas1306@gmail.com

Alexander Albertovich Suleymanov, Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: alexas1306@gmail.com

** Исследование выполнено в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 «Азиатская Арктика в XX веке: интеллектуальное и индустриальное освоение, реализация ресурсно-природного и человеческого потенциала Якутии в советский период» (проект НИР № FWRS-2024-0082).

The study was carried out as part of State Assignment No. 075-00619-26-00 “The Asian Arctic in the 20th Century: Intellectual and Industrial Development, and the Realization of the Natural Resources and Human Potential of Yakutia during the Soviet Period” (Research Project No. FWRS-2024-0082).

Аннотация. В статье представлена реконструкция основных этапов научной биографии И.П. Сойкконена, связанных прежде всего с исследованием Якутии. Актуальность работы обусловлена сохраняющимися лакунами в изучении его жизненного пути и научного наследия, а также наличием в историографии ряда спорных положений. На основе выявленных в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга и Национальном архиве Республики Саха (Якутия) документов и других данных прослежен путь И.П. Сойкконена в науку, включая его учебу в ряде образовательных учреждений. Представлена история деятельности исследователя в составе Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР и Комиссии по изучению Якутской АССР. Отмечено, что в 1926–1927 гг. И.П. Сойкконен выполнил этнографические изыскания в заречных улусах Якутии, собрав значительный комплекс материалов, характеризующих семейный быт, детство и повседневную жизнь якутов. Показано, что подготовленная им рукопись «Семейный быт якутов Якутского округа» существенно расширяет представления о санитарно-гигиенических практиках, положении женщины и детей, а также о хозяйственном использовании криогенных ресурсов. Установлено, что после 1930 г. в научной карьере И.П. Сойкконена произошел поворот к геологии. В этот период он участвовал в работе ряда геологоразведочных партий в центральных и арктических районах Якутии. В течение 1930–1940-х годов исследователь стал соавтором двух монографических работ, посвященных геологии региона. Сделан вывод об исключительности научного пути И.П. Сойкконена, в котором оригинальные этнографические исследования сменились успешными геологическими изысканиями.

Ключевые слова: И.П. Сойкконен, Якутия, научная биография, этнографические исследования, геологические экспедиции.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026 г.

Введение. Минувший год в истории развития научного знания на северо-востоке России ознаменован вековым юбилеем во многом уникальной по своей задумке Якутской комплексной экспедиции Академии наук (ЯКЭ АН) СССР 1925–1930 гг. Участниками данной инициативы и занимавшейся ее организацией Комиссии по изучению Якутской АССР (КЯР) был, без преувеличения, цвет отечественной науки: академики В.Л. Комаров, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, С.Ф. Ольденбург, В.А. Стеклов, А.Е. Ферсман, профессора А.А. Бялыницкий-Бируля, П.В. Виттенбург, П.Г. Борисов, А.А. Григорьев и др. Биографии этих известных людей, конечно же, достаточно хорошо разработаны. Однако, как это часто бывает, в тени по-прежнему остаются имена многих из условно малозаметных героев экспедиции, тех, чьими усилиями «на земле» воплощались в практику идеи лучших умов нашей страны. Одним из таких людей является руководитель Якутского этнографического подотряда Иван Петрович Сойкконен, началу исследовательской деятельности которого в Якутии летом 2026 г. исполняется 100 лет (рис. 1).

В настоящее время имеется крайне ограниченный круг исследований, в которых затрагивались сюжеты, характеризующие биографию И.П. Сойкконена. Так, в статье Ю.Н. Ермолаевой представлен емкий анализ изысканий, выполненных им в составе ЯКЭ АН СССР¹. Важной вехой в осмыслении интеллектуального наследия исследователя стала публикация Л.И. Винокуровой его рукописи «Зимний день якутской женщины» с научными комментариями². На данный момент эта работа является единственным серьезным этнографическим исследованием И.П. Сойкконена, находящимся в широком доступе, и, учитывая упомянутые

¹ Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 54–57.

² Винокурова Л.И. Рукопись И.П. Сойкконена в аспекте изучения зимней повседневности якутов первой трети XX в. // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 3. С. 501–518.

комментарии, первой, в которой реконструирован ряд значимых страниц из его жизни. В конце 2025 г. в свет вышла статья Ю.А. Слепцова, посвященная изучению вклада И.П. Сойкконена в этнографию детства якутов³. В этой статье также представлена попытка воссоздать основные этапы биографии исследователя. Среди прочего в ней содержится положение о его репрессировании в 1932 г. и расстреле в течение 1930-х годов. Именно с данным обстоятельством Ю.А. Слепцов связывает тот факт, что подготовленные И.П. Сойкконеном к публикации рукописи, включая основную – «Семейный быт якутов Якутского округа», вплоть до последних лет оставались неизданными.

Рис. 1. И.П. Сойкконен во время экспедиционных исследований в Якутии 1926–1927 гг.
СПбФ АРАН. Р. X. Оп. 1-С. Д. 360. Л. 1

Несколько забегаая вперед, следует отметить, что проведенные автором в ходе подготовки данной статьи исследования позволяют сделать вывод как о причинах, по которым упомянутая и другие работы не были опубликованы, так и поставить под сомнение суждение о том, что И.П. Сойкконен был репрессирован в 1932 г. Напротив, как установлено, в этот период жизнь ученого претерпевает достаточно крутой и очень оригинальный поворот, открывая новую главу в его исследовательской биографии. Вместе с тем предлагаемое исследование не претендует на полноту реконструкции биографии И.П. Сойкконена. К сожалению, выявленных на текущий момент в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН), Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Национального архива Республики Саха (Якутия), Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга (ЦГАКФФД СПб), в Едином фонде геологической информации о недрах (ЕФГИ), а также в научной литературе данных недостаточно для воссоздания в полном объеме даже ключевых этапов жизненного пути И.П. Сойкконена. В этой связи свою основную цель автор видит в составлении подготовительного наброска, начертании основных контуров биографии ученого и в первую очередь той ее части, которая связана с изучением Якутии, что, с одной стороны, позволит проследить формирование и развитие исследовательских интересов И.П. Сойкконена, с другой – задаст ориентиры дальнейшего поиска для воссоздания максимально полной и корректной истории его жизни.

³ Слепцов Ю.А. Сойкконен Иван Петрович – исследователь этнографии детства якутов (к 130-летию И.П. Сойкконена) // Культура и цивилизация. 2025. Т. 15, № 11А. С. 232–236.

Пользуясь случаем, автор благодарит за неизменно благожелательное отношение и помощь в проведении исследования сотрудников названных архивов и прежде всего старшего научного сотрудника отдела учета и использования документов СПбФ АРАН Е.А. Анненкову.

Начало пути. И.П. Сойкконен родился 4 (17) ноября 1895 г. в д. Коноховицы Ямбургского уезда Санкт-Петербургской губернии в лютеранской семье финских крестьян Петра Андреевича и Елены Ивановны Сойкконен (в девичестве Парконен)⁴. Как отмечалось в заполненном в 1934 г. исследователем личном листке по учету кадров, он владел двумя языками: русским и финским. В этом же документе указано, что в детстве И.П. Сойкконен занимался со своей семьей в родной деревне сельским хозяйством⁵.

В мае 1916 г. И.П. Сойкконену было выдано свидетельство об окончании Земской учительской школы (ЗУШ) в Петрограде и присвоено звание учителя начального народного училища⁶. По сведениям А.С. Шаркова и Е.В. Захаревич, основанное в 1872 г. это образовательное учреждение стало крайне редким в России, которое позволяло крестьянской молодежи получить среднее педагогическое образование. ЗУШ готовила учителей в первую очередь для сельской местности. В 1907 г. она стала одной из первых в нашей стране школ совместного обучения мальчиков и девочек. Это оказалось возможным, как отмечают исследователи, благодаря прогрессивным взглядам инспектора ЗУШ с 1906 до 1917 г. А.К. Янсона. Образовательный процесс в период его руководства базировался на передовых для своего времени подходах, предложенных К.Д. Ушинским. В частности, при наборе в школу у поступающих проверяли не только знания, но и степень развития восприятия, внимания, мышления, воображения, эмоций, воли. А.К. Янсон привлек к работе в ЗУШ целый ряд видных деятелей народного образования, включая Н.В. Чехова, Э.Ф. Лесгафта, М.Н. Николаевского, П.А. Знаменского, П.А. Компанийца и др. С 1907 г. ЗУШ располагалась на территории городка, построенного заводчиком Ф. Сан-Галли на Петровском острове. Учитывая достаточно закрытый характер школы, очевидно, это содействовало формированию особого микромира, выражением которого стали термины «сангаллец», «сангалльский» в отношении выпускников ЗУШ. Среди последних был, например, будущий директор Эрмитажа Б.Б. Пиотровский⁷.

С конца мая 1916 г. И.П. Сойкконен находился в рядах действующей армии. В личном деле исследователя, относящемся к КЯР, отмечено, что он окончил школу аэрологов-наблюдателей при Центральной аэронавигационной станции (ЦАНС) в Киеве. Возможно, подразумевалась все же Киевская военная школа летчиков-наблюдателей, первый выпуск которой состоялся в 1916 г. Созданная в том же году в Киеве ЦАНС действовала при штабе авиации. В ее состав тогда входили вычислительное бюро, склад приборов, мастерская для ремонта и изготовления опытных экземпляров, метеорологическая станция и самолет для испытания приборов⁸. Объединяла обе структуры фигура А.А. Фридмана, который, будучи руководителем ЦАНС, читал лекции по аэронавигации в военной школе.

А.А. Фридман являлся весьма яркой и неординарной личностью. Академик П.Л. Капица считал его одним из самых талантливых отечественных ученых: «если бы не смерть от брюшного тифа в возрасте 37 лет... безусловно, он сделал бы еще многое в физике и математике и достиг бы высших академических званий. В молодом возрасте он был уже профессором, обладал мировой известностью среди специалистов по теории относительности и метеорологии. В 1920-х годах, находясь в Ленинграде, я нередко слышал отзывы о Фридмане как о выдающемся ученом от профессоров Круткова, Фредерикса, Бурсиана»⁹.

⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-7240. Оп. 9. Д. 1122. Л. 8.

⁵ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. ПЗ. Оп. 177. Д. 5123. Л. 1.

⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 9. Д. 1122. Л. 6.

⁷ Шарков А.С., Захаревич Е.В. Петербургская земская учительская школа. Живой опыт воспитания личности учителя в духе идей К.Д. Ушинского. СПб., 2012.

⁸ Смирнов В.Г. Российские метеорологи и Первая мировая война (1914–1918 гг.) // Метеорология и гидрология. 2014. № 8. С. 88.

А.А. Фридман создал модели нестационарной Вселенной, сформулировав положение о ее расширении, что, в том числе, вызвало оживленную дискуссию ученого с А. Эйнштейном. С началом Первой мировой войны он поступил в добровольческий авиационный отряд и предпринял достаточно серьезные усилия по улучшению работы военной авиации и организации воздушной разведки в Русской императорской армии¹⁰.

После окончания военной школы И.П. Сойкконен служил аэрологом-наблюдателем и аэронавигатором на Румынском фронте. Участие в войне закончилось для будущего исследователя в феврале 1918 г. в звании унтер-офицера¹¹. Вернувшись в Коноховицы, И.П. Сойкконен с мая до сентября 1918 г. работал секретарем и казначеем в местном потребительском кооперативе. После этого он поступил в Географический институт в Петрограде¹², однако в феврале 1919 г. был вновь мобилизован в армию и до июня 1921 г. проходил службу аэронавигатором в 31-м авиаотряде РККА, являясь членом культурно-просветительской комиссии этого подразделения. Исходя из указанных И.П. Сойкконеном в упомянутом личном листке по учету кадров в 1934 г. сведений, не подтверждается его участие в Гражданской войне, которое отмечал Ю.А. Слепцов¹³. В специальных графах листа исследователь указал, что не являлся стороной конфликта как на стороне красных, так и белых¹⁴.

В период с июля 1921 г. до августа 1922 г. И.П. Сойкконен преподавал географию и естествознание в Остроговицкой школе 2-й ступени родного Ямбургского уезда¹⁵. Эта школа размещалась в здании бывшей усадьбы помещиков Стеценко и являлась крупнейшей в уезде. При школе был создан интернат для детей из удаленных поселений¹⁶.

В 1922 г. И.П. Сойкконен вновь стал студентом Географического института (с 1925 г. – факультет Ленинградского госуниверситета), поступив на этнографический факультет, деканом которого тогда являлся Л.Я. Штернберг, а одним из преподавателей – В.Г. Богораз. Примечательно, что на учебу будущий исследователь прибыл с некоторым опозданием в связи с необходимостью «сдачи школы и интерната», а также завершения занятий «с группой своих учеников по подготовке их для дальнейшего образования»¹⁷. Изложенное позволяет предположить наличие у И.П. Сойкконена больших, чем у рядового учителя школы, обязанностей.

Значение Географического института как фактической кузницы кадров для отечественного североведения, из которой вышла плеяда ученых (В.К. Арсеньев, Г.М. Василевич, Е.А. Крейнович, А.А. Попов, Л.П. Потапов и др.), в существенной степени определивших развитие не только советской этнографии, но и, например, лингвистики, раскрыто в достаточном числе исследований¹⁸. В этой связи в представленной статье не будем останавливаться на данном аспекте биографии И.П. Сойкконена подробнее. Следует лишь отметить, что ему вновь повезло с учителями, и наверняка важное место в его становлении как ученого

⁹ Капица П.Л. Выступление на сессии Отделения физико-математических наук АН СССР, посвященной 75-летию со дня рождения А.А. Фридмана // Фридман Александр Александрович. Избранные труды. М., 1966. С. 397.

¹⁰ Френкель В.Я. Александр Александрович Фридман (Биографический очерк) // Успехи физических наук. 1988. Т. 155, вып. 3. С. 481–516.

¹¹ НА РС(Я). Ф. ПЗ. Оп. 177. Д. 5123. Л. 2–2 об.

¹² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 9. Д. 1122. Л. 4.

¹³ Слепцов Ю.А. Сойкконен Иван Петрович... С. 233.

¹⁴ НА РС(Я). Ф. ПЗ. Оп. 177. Д. 5123. Л. 2 об.

¹⁵ Там же. Л. 1 об.

¹⁶ Библиодайджест «Ученик: век XIX – век XX» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.calameo.com/read/004087559b53f74b5ed9f> (дата обращения: 20.02.2026).

¹⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 9. Д. 1122. Л. 4.

¹⁸ Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68; Дьяконова М.П. Василевич Глафира Макарьевна – ученый-тунгусовед (к 125-летию со дня рождения) [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2020. № 1 (17). С. 146–148. URL: <https://eposvfu.elpub.ru/jour/issue/view/2> (дата обращения: 20.02.2026); Вахтин Н.Б., Ляская Е.В. Письма из поля: принципы ленинградской этнографической школы и советская реальность // Новое литературное обозрение. 2024. № 6 (190). С. 15–43; и др.

занимали знаменитые 10 заповедей этнографа, составленные Л.Я. Штернбергом¹⁹. В плане характеристики личности И.П. Сойкконена нельзя не упомянуть также о том, что в годы учебы он являлся старостой студенческого общежития № 120 Географического института (ул. Мойка, 122)²⁰.

По сведениям Л.И. Винокуровой, И.П. Сойкконену в студенчестве, в том числе в связи с кончиной родителей, приходилось постоянно подрабатывать. В историю вошел случай, когда он вместе с Л.Н. Потаповым, вероятно, по протекции В.Г. Богораза, получил подработку в Музее антропологии и этнографии (МАЭ) – переносил книги в бельевой корзине из одного конца здания в другой, где располагалось новое помещение библиотеки²¹.

Учебу на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ И.П. Сойкконен закончил в марте 1926 г., сдав необходимые экзамены. Как отмечал исследователь, представление дипломной работы в тот период не являлось обязательным²².

Работа в Якутской комплексной экспедиции АН СССР. По выявленным на настоящий момент документам достаточно сложно судить о том, чьей именно инициативой стало приглашение И.П. Сойкконена в состав участников Якутской комплексной экспедиции АН СССР. Как указывал Э.К. Пекарский, при подготовке к поездке в Якутию исследователь «довольно продолжительное время» готовился под руководством И.И. Майнова, а также изучал якутский язык при помощи «молодого этнографа, студента-якутянина А.А. Попова»²³. В этой связи отмечу, что при изучении отложившейся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН переписки складывается впечатление, что у И.П. Сойкконена установилась достаточно тесная связь с И.И. Майновым, включающая общение с членами его семьи²⁴. При этом И.И. Майнов наряду с Э.К. Пекарским являлся разработчиком программы этнографических изысканий в рамках ЯКЭ АН СССР²⁵. В целом же представляется очевидным, что подобное доверие к молодому исследователю свидетельствует о высокой оценке способностей человека, который только что получил высшее образование.

В Якутию И.П. Сойкконен отправился из Ленинграда в июле 1926 г. с целью «производства этнографических наблюдений и, в первую голову, изучения тех сторон семейного быта, от которых существенным образом зависит рождаемость и продолжительность жизни якутского населения»²⁶. Следует пояснить, что подобная установка исходила от инициатора экспедиции, одного из руководителей Якутии М.К. Аммосова, который видел среди главных задач исследований определение причины высокой смертности якутского населения²⁷. Например, детская смертность составляла тогда 62,5 % на 100 родившихся и 32 % от общей смертности²⁸.

Дорога до г. Якутска заняла практически месяц, и еще несколько недель до конца августа И.П. Сойкконен занимался в административном центре Якутской АССР изучением музейных коллекций, расспросом сотрудников республиканского Наркомпросздрава, а также проводил беседы с членами исследовательского общества «Саха кэскилэ». Основной темой его интересов на этом этапе участия в ЯКЭ АН СССР являлся сбор первичной информации о «санитарном быте якутов»²⁹.

Полевые исследования Якутского этнографического подотряда ЯКЭ АН СССР, который И.П. Сойкконен представлял единолично, проходили с сентября 1926 г. в четырех

¹⁹ Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Этнографическое обозрение. 1971. № 2. С. 142–143.

²⁰ НА РС(Я). Ф. ПЗ. Оп. 177. Д. 5123. Л. 2 об.

²¹ Винокурова Л.И. Рукопись И.П. Сойкконена... С. 504.

²² ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 9. Д. 1122. Л. 2.

²³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 47. Ф. 47. Оп. 2. Д. 157. Л. 2.

²⁴ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 32. Л. 104.

²⁵ Там же. Л. 252.

²⁶ Там же. Оп. 2. Д. 67. Л. 2.

²⁷ Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг.: развитие науки в Якутии. Новосибирск, 2001. С. 64.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 559. Л. 23 об.

²⁹ Там же. Д. 32. Л. 250.

улусах Якутского округа (административная единица в Центральной Якутии, в которую на тот момент входило 12 улусов, 3 волости и 11 сельских советов): Таттинском, Баягантайском, Ботурусском и 1-м Амгинском. Согласно современной классификации, территория исследовательских интересов И.П. Сойкконена включала заречную (т.е. расположенную через р. Лену от г. Якутска) группу улусов Якутии. До марта 1927 г. исследователь выполнял изыскания в Таттинском и Баягантайском улусах. В апреле после кратковременного возвращения в Якутск он отправился в 1-й Амгинский улус. При этом его путь пролегал по достаточно протяженному маршруту: Уолба – Крест-Хальджай – Чурапча – Сулгачи – Абага – Амгинская слобода. Этот «крюк» был обусловлен желанием И.П. Сойкконена встретиться в Крест-Хальджае с местным учителем Г.Л. Семеновым, чтобы приобрести составленные священником Неустроевым и его сыном рукописи. Данные рукописи исследователю удалось получить, однако, как выяснилось, они серьезно пострадали в годы Гражданской войны и находились в плохом состоянии. Одновременно в ходе выполнения этого маршрута И.П. Сойкконен осуществил обследование питания школьников и условий их проживания³⁰.

Летние месяцы 1927 г. исследователь провел на территории современного Амгинского улуса, работая преимущественно в Абаге, Амгинской слободе (с. Амга) и Чапчылгане, совершая одновременно «по мере надобности боковые разъезды в соседние наслеги»³¹. 30 июня 1927 г. И.П. Сойкконену поступила телеграмма от ученого секретаря КЯР П.В. Виттенбурга с распоряжением вернуться к 5 августа в Якутск для методической консультации краеведа П.В. Слепцова, который должен был вскоре отправиться в Хатанго-Анабарский регион с целью выполнения этнографических изысканий³². В данном отношении представляется точной ремарка Л.И. Винокуровой о том, что профессиональная подготовка И.П. Сойкконена не только «позволила ему возглавить и реализовать программу этнографического подотряда», но и считалась достаточной для консультирования других участников экспедиции³³.

Неизвестно, состоялась ли эта консультация хотя бы в какие-то более поздние сроки, поскольку 23 июля с И.П. Сойкконеном в Амгинской слободе произошел несчастный случай. Испугавшиеся велосипеда, на котором перемещался исследователь из с. Чапчылган, запряженные в подводу лошади сбили И.П. Сойкконена, а колеса телеги переехали ему правую ногу. Как отмечал исследователь в своей телеграмме КЯР 6 августа 1927 г., в Амгинской участковой больнице фельдшер-практикант определил у него перелом малой берцовой кости. Однако этот диагноз у самого И.П. Сойкконена вызвал скепсис – он предполагал повреждение сустава между костями голени и ступни³⁴.

Продолжительность пребывания исследователя на лечении из выявленных на данный момент документов установить не удалось. В своем отчете И.П. Сойкконен отмечает, что полевой этап работ продолжался по сентябрь 1927 г. и завершился, видимо, в Амге³⁵. О том, что до октября, когда, вероятно, исследователь вернулся в Якутск, у него отсутствовала возможность истребовать свою заработную плату, которую он не получал с мая 1927 г. (после отбытия в Якутска в 1-й Амгинский улус), упоминается и в письме от КЯР, подписанном В.Л. Комаровым и П.В. Виттенбургом и адресованном управделами АН СССР³⁶.

В результате выполненных изысканий И.П. Сойкконен не только собрал массив во многом уникальных данных, раскрывающих особенности семейной жизни якутов заречной зоны на рубеже первой – второй четвертей XX в., краткая характеристика которых будет несколько подробнее представлена далее, но также записал 10 биографий, более 50 загадок,

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 32. Л. 253–253 об.

³¹ Там же. Л. 251.

³² Дьяченко В.И. Академические экспедиции на арктическое побережье Якутии в конце XIX – первой трети XX века и долганские коллекции в собраниях Кунсткамеры // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. СПб., 2014. С. 53.

³³ Винокурова Л.И. Рукопись И.П. Сойкконена... С. 504.

³⁴ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 32. Л. 238–239.

³⁵ Там же. Л. 250.

³⁶ Там же. Л. 258.

несколько сот прозвищ, около 150 примет и свыше 100 частушек местного населения (якутского и русского), составил описание порядка 70 якутских игр детей и взрослых, зафиксировал целый ряд преданий, рассказов и песен на языке народа саха. Исследователю удалось даже побывать на шаманском камлании, которое продолжалось две ночи. Помимо этого, И.П. Сойкконен приобрел у населения 4 самодельные карты окружающей местности, более 250 рисунков, включая значительное число выполненных детьми, несколько рукописей (помимо упомянутых, взятых у Г.Л. Семенова, дневники жителя Баягантайского улуса А.А. Черкашина за 5 лет, список с тетради И.В. Оросина, содержание которой относилось к проблеме семейных взаимоотношений у якутов), порядка 40 негативов, свыше 300 предметов материальной культуры местных жителей (календари, курительные трубки, окна жилища и хотона, колыбель и др.), около половины которых относилось к детской жизни. К этому следует добавить, что сам И.П. Сойкконен достаточно умело и активно пользовался фотоаппаратом. Именно за ним, например, он возвращался в свою злополучную поездку из Чапчылгана в Амгинскую слободу. Исследователь сделал более 150 фотоснимков, характеризующих различные стороны жизни населения Якутии³⁷.

Сотрудничество с Комиссией по изучению Якутской АССР. Как отмечено в упомянутом листке по учету кадров, после возвращения из экспедиции И.П. Сойкконен в течение 1927–1930 гг. продолжал работу в КЯР в качестве научного сотрудника по обработке экспедиционных материалов³⁸. Одновременно в ноябре 1927 г. он ходатайствовал перед руководством географического факультета ЛГУ о разрешении ему подготовить на основе материалов, полученных в ходе ЯКЭ АН СССР, весной следующего года дипломную работу³⁹. Добившись такого разрешения, в мае 1928 г. И.П. Сойкконен успешно защищает исследование «Якутские дети (рождение, воспитание, одежда, детские работы, игры)», положительный отзыв на которое написал Э.К. Пекарский⁴⁰.

Данная работа стала основой одной из глав, подготавливаемой параллельно исследователем, упомянутой во введении рукописи «Семейный быт якутов Якутского округа», которая в настоящее время хранится в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и, к сожалению, остается неопубликованной. Помимо главы «Дети», в ней, в частности, представлены главы «Жилище и постройки», «Счет времени, распределение труда в течение года и обязанности членов семьи», «Положение женщины», «Брак», «Взаимоотношения членов семьи», «Смерть и похороны», «Общественный и родовой строй». В своем исследовании И.П. Сойкконен обратил внимание на целый пласт вопросов из повседневной жизни якутов, которые зачастую игнорировались как его предшественниками, так и более поздними авторами. Проведенная работа в итоге значительно вышла за рамки первоначального интереса к санитарной стороне быта якутского населения. В своем исследовании он, к примеру, обратил внимание на тяжелые трудовые будни женщин, положение детей в семьях якутов и отношение к ним со стороны взрослых, посвятил значительную часть работы анализу санитарного состояния жилищ и гигиеничности распространенных бытовых практик, составил подробное описание распорядка среднестатистического зимнего дня якутской семьи⁴¹. Кроме того, исследователь остановился на некоторых примерах эксплуатации якутами в своей рутинной хозяйственной деятельности и в быту криогенных ресурсов – свойств снега, льда и вечной мерзлоты. Например, он является одним из немногих, кто оставил описание оригинального способа получения якутами питьевой воды из снега – таммах⁴². Интересный материал представлен и в приложении к рукописи: якутские песни и их переводы, загадки, приметы, прозвища, игры и др. И.П. Сойкконена, как представляется, можно по праву считать первым исследователем повседневности якутов и пионером целенаправленного изучения антропологии детства народа саха.

³⁷ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 32. Л. 234–237, 250–255.

³⁸ НА РС(Я). Ф. ПЗ. Оп. 177. Д. 5123. Л. 1 об.

³⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7240. Оп. 9. Д. 1122. Л. 2.

⁴⁰ Там же. Л. 50.

⁴¹ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159. Л. 43–221.

⁴² Там же. Л. 158.

С января 1929 г. до февраля 1930 г. И.П. Сойкконен также являлся секретарем Комиссии по отделению хотона от юрты в ЯАССР⁴³. В ходе работы ЯКЭ АН СССР часть участников инициативы пришла к выводу о том, что основным фактором упомянутой высокой смертности якутов является их традиционный тип проживания, когда жилище (балаган) было совмещено со скотопомещением (хотон). В настоящее время подобный подход к организации жизнедеятельности признан некоторыми исследователями оправданным, учитывая особенности социально-экономического положения якутов, развития Якутии в целом и природно-географической специфики региона⁴⁴. Однако в рассматриваемый период к его пересмотру власти отнеслись достаточно серьезно. Так, в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 7 декабря 1928 г. Госплану РСФСР поручалось в 3-месячный срок разработать «при участии АН СССР и других заинтересованных учреждений вопрос об отделении хотона от юрт в направлении увязки этой работы с проведением землеустройства ЯАССР и со всей системой мероприятий по хозяйственному и культурному подъему Якутии в целом с особой тщательной разработкой типа жилищ и планирования поселений»⁴⁵.

В соответствии с названным постановлением и другими более частными решениями КЯР в течение 1929 г. в Ленинграде был организован ряд совещаний, направленных на определение оптимальных путей отделения жилища от хлева. Председателем на этих совещаниях выступал С.Е. Шрейбер, секретарем – И.П. Сойкконен. Следует отметить, что в целом по указанному вопросу не было единства мнений. Так, начальник подотряда животноводства агроном-зоотехник Е.И. Шубская положительно отнеслась к форсированному отделению, отмечая, что «население Якутии само начинает отделение хотона от юрты; обычно это мероприятие проводят только хозяйства обеспеченные, бедняцкие же хозяйства это сделать не смогут без помощи государства»⁴⁶. В схожем ключе высказывался на совещаниях и С.Е. Шрейбер, который отмечал, к примеру, что «население ждет этой реформы» и «надо ее научно обосновать»⁴⁷. Несколько иной позиции преимущественно придерживались исследователи социогуманитарного профиля. К примеру, Э.К. Пекарский предлагал дифференцированный подход, учитывающий локальные особенности конкретных поселений и мнение собственно якутского населения, которое он назвал «довольно умным и толковым»⁴⁸. Очевидно, схожего мнения придерживался и И.П. Сойкконен, отметивший в своей рукописи «Семейный быт якутов Якутского округа» в частности следующее: «если хотон будет отделен от жилья, тогда <...> ухудшится положение женщины, так как ей надо будет постоянно выходить из помещения на мороз, чтобы пройти к скоту»⁴⁹. Однако на упомянутых совещаниях И.П. Сойкконен в силу возложенных на него обязанностей не выступал, а скрупулезно фиксировал озвученные мнения, консенсусом которых явилась в итоге разработка проекта срубных домов и хлевов, а также признание их «единственно верными» типами помещений для сельской Якутии⁵⁰.

В январе 1930 г. И.П. Сойкконен заключил договор с КЯР о публикации упомянутой рукописи «Семейный быт якутов Якутского округа»⁵¹. Однако процесс ее подготовки к изданию, видимо, тормозила потребность исследователя в поиске средств к существованию, либо, возможно, стремление к участию в решении практических вопросов освоения Севера. Истинную мотивацию И.П. Сойкконена, очевидно, уже сложно будет установить. Фактом является то, что в июне 1930 г. КЯР не возражала против участия исследо-

⁴³ НА РС(Я). Ф. ПЗ. Оп. 177. Д. 5123. Л. 2.

⁴⁴ Ноговицын В.П., Соломонов Н.Г., Саввинов А.С., Степанов А.В. Естественнно-научный взгляд на якутский балаган // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2015. Т. 12, № 2. С. 129–139; Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – XX вв.: историко-антропологический очерк. Новосибирск, 2022. С. 17–18.

⁴⁵ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 559. Л. 3.

⁴⁶ Там же. Л. 17.

⁴⁷ Там же. Л. 21.

⁴⁸ Там же. Л. 20.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159. Л. 142.

⁵⁰ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 559. Л. 74 об.

⁵¹ Там же. Л. 47–47 об.

вателя в изыскательных работах Управления Балтийско-Беломорского Водного пути в Карелии⁵². С октября же 1930 г. до мая 1931 г. И.П. Сойкконен проходил обучение на курсах повышения квалификации в Ленинграде по специальности палеонтолог-стратиграф⁵³. В результате по его просьбе в июне 1931 г. договор о публикации работы был расторгнут в связи с необходимостью отъезда исследователя в геологическую экспедицию⁵⁴.

На этом фактически завершился один этап жизненного пути И.П. Сойкконена, который мог сделать его широко известным этнографом, и начался другой. Их объединила Якутия. Именно сюда исследователь вернулся для проведения новых изысканий – на этот раз геологической направленности. К сожалению, о данном этапе на настоящий момент удалось выявить лишь фрагментарные сведения.

Участие в геологических исследованиях. Следует отметить, что 1920–1930-е годы характеризовались резкой активизацией геологоразведочных работ в Якутии. В частности, в 1920-е годы деятельность геологов способствовала развитию золотодобычи в бассейне р. Алдан и роста ее позиций до союзного значения. 1930-е годы характеризовались, в том числе, повышенным вниманием к арктическим районам Якутии, где, помимо поисков названного благородного металла, значительное внимание уделялось выявлению оловорудных месторождений. Ситуацию осложняла фактическая неизученность в геологическом отношении подавляющей части территории Якутии и в первую очередь ее заполярной зоны. В этой связи указанные два десятилетия фактически стали временем первых в деле геологического познания ареала⁵⁵. Одним из пионеров систематического изучения богатства недр Якутии оказался И.П. Сойкконен.

Поиск информации в Едином фонде геологической информации о недрах позволил установить, что в 1932 г. И.П. Сойкконен участвовал в полевых исследованиях в Центральной Якутии. Летом в качестве сотрудника Якутского геологоразведочного треста (ЯГРТ) он выполнил изыскания, направленные на выявление в окрестностях г. Якутска кирпичных глин⁵⁶. Осенью же И.П. Сойкконен работал на левом берегу р. Лены между с. Табага и Еланка с целью обнаружения и изучения месторождений известняка для их последующего использования в строительстве⁵⁷. В феврале – марте 1933 гг. И.П. Сойкконен продолжил изыскания ЯГРТ по предварительной разведке кирпичных глин в окрестностях Якутска в районе Вилуйской пади⁵⁸. В результате данных исследований было установлено наличие на территории и в окрестностях современного городского округа Якутска, а также Хангаласского улуса ряда месторождений глины, составлена их характеристика, включая оценку запасов, перспектив разработки и использования строительной отраслью. Одновременно И.П. Сойкконен определил потенциал промышленной разработки выходов известняков, изученных им в районе современного г. Покровска и на территории выше по течению р. Лены⁵⁹.

На основе полученных в 1932–1933 гг. материалов, а также других геологоразведочных работ, проводившихся в Центральной Якутии, И.П. Сойкконен по заданию Всесоюзного Арктического института в 1935 г. подготовил в виде отчета геологический очерк района

⁵² СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 67. Л. 53.

⁵³ НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 177. Д. 5123. Л. 1.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 67. Л. 56–57.

⁵⁵ Атласов И.П. Краткий геологический обзор северо-восточной части Советской Арктики. М.; Л., 1947. С. 5–6.

⁵⁶ Сойкконен И.П. Отчет Якутской разведочной партии Якутского РГРТ по разведке кирпичных глин в окрестностях г. Якутска летом 1932 г. [Электронный ресурс] // Единый фонд геологической информации о недрах. URL: <https://efgi.ru/#/registry/search/item/46011954> (дата обращения: 17.02.2026).

⁵⁷ Сойкконен И.П. Отчет Якутской партии ЯГРТ о результатах полевых работ по известнякам на левом берегу р. Лены, осень 1932 г. [Электронный ресурс] // Единый фонд геологической информации о недрах. URL: <https://efgi.ru/#/registry/search/item/710509> (дата обращения: 17.02.2026).

⁵⁸ Сойкконен И.П. Отчет о разведочных работах Якутской партии «Якутгеоразведки» по кирпичным глинам в Вилуйской пади в феврале-марте месяце 1933 г. [Электронный ресурс] // Единый фонд геологической информации о недрах. URL: <https://efgi.ru/#/registry/search/item/45995293> (дата обращения: 17.02.2026).

⁵⁹ Николаев И.Г., Сойкконен И.П. Геология и полезные ископаемые Лено-Колымской области. Л., 1938. Вып. 2: Западная Якутия. С. 124–129.

г. Якутска⁶⁰. Спустя три года на основе этого отчета исследователь опубликовал одноименную работу в одном из выпусков трудов Арктического института в серии «Геология и полезные ископаемые Лено-Колымской области». В работе были представлены орографическая и гидрографическая характеристики района г. Якутска в достаточно широком даже по современным меркам понимании (от южных границ Намского улуса до центральной части Хангаласского улуса), его геологическое строение, а также данные по выявленным полезным ископаемым (бурые угли, битуминозные сланцы, известняки, глины, пески, шлаки, сода и поваренная соль, бурый железняк и полиметаллы). Помимо этого, И.П. Сойкконен сформулировал первоочередные задачи, решение которых было необходимо для развития г. Якутска и прилегающей к нему территории: производство топографической съемки, выполнение детальных геологических изысканий, сооружение качественных дорог, широкое развертывание огнестойкого строительства и сокращение доли деревянных зданий за счет использования местных ресурсов, переход с древесного топлива на угольное с опорой на Кангаласское месторождение, организация систематического наблюдения за криогенными ландшафтами и температурой многолетнемерзлых грунтов⁶¹.

В 1934 г. И.П. Сойкконен проводил исследования в составе Себянкельской геолого-поисковой партии только что созданного на основе ЯГРТ Якутского отделения «Союзникель-оловоразведки» на территории Западного Верхоянья⁶². В результате выполненных изысканий была осуществлена геологическая съемка в масштабе 1:200 000⁶³, аккумулирован материал по стратиграфии и тектонической структуре района исследований⁶⁴.

В 1937–1938 гг. И.П. Сойкконен работал в центральной части Восточного Верхоянья в рамках Восточно-Верхоянской геологической экспедиции Всесоюзного Арктического института (с 1938 г. – Арктический научно-исследовательский институт). В состав экспедиции входили: геологи И.П. Атласов (руководитель), А.С. Великий, Г.М. Никитин, В.А. Первунинский, И.П. Сойкконен, топографы А.В. Вацалов, Д.Ф. Пустохин, П.Г. Прудников, астроном В.А. Дадаев, экономист В.М. Николаев (рис. 2). Исследователи охватили своими изысканиями ареал площадью 32 тыс. км от р. Томпо до р. Тыры с ее левым притоком р. Халыей. Следует отметить, что у каждого геолога экспедиции был свой район исследований. Так, И.П. Сойкконен выполнил изыскания в верхнем течении р. Хандыги, Тыры и Халыи. В результате работ была осуществлена геологическая съемка указанной территории в масштабе 1:500 000. Кроме того, все геологи экспедиции коллективно засняли участок, охватывающий р. Долгучан, Тыру и среднее течение р. Халыи⁶⁵.

О дальнейших исследованиях И.П. Сойкконена в Якутии, к сожалению, на данный момент никакой информации выявить не удалось. Анализ упомянутого ЕФГИ свидетельствует, что в 1941 г. И.П. Сойкконен руководил работами Нижне-Чирской геологической партии Сталинградского геологического отделения Комитета по делам геологии при СНК СССР, которой была произведена площадная геологическая съемка в масштабе 1:200 000 в правобережной части нижнего течения р. Дон. В административном делении территория выполненных изысканий охватила Тормосиновский район, частично Нижне-Чирский, Кагановичский и Чернышковский районы Сталинградской области, а также юго-восточные окраины Морозовского и Обливского районов Ростовской области⁶⁶. Никакой более поздней информации о И.П. Сойкконене в ЕФГИ не содержится.

⁶⁰ Сойкконен И.П. Геологический очерк района г. Якутска [Электронный ресурс] // Единый фонд геологической информации о недрах. URL: <https://efgi.ru/#/registry/search/item/46000596> (дата обращения: 17.02.2026).

⁶¹ Николаев И.Г., Сойкконен И.П. Геология и полезные ископаемые Лено-Колымской области... С. 93–133.

⁶² Сойкконен И.П. Предварительный отчет Себянкельской партии Якутникельоловоразведки о геолого-поисковых работах в Зап. Верхоянье [Электронный ресурс] // Единый фонд геологической информации о недрах. URL: <https://efgi.ru/#/registry/search/item/710515> (дата обращения: 18.02.2026).

⁶³ Сойкконен И.П. Отчет Себянкельской геолого-поисковой партии [Электронный ресурс] // Единый фонд геологической информации о недрах. URL: <https://efgi.ru/#/registry/search/item/46001005> (дата обращения: 18.02.2026).

⁶⁴ Хересков Н.П., Колосов Д.М. Геология и геоморфология Западного Верхоянья. М.; Л., 1938. С. 11–58.

⁶⁵ Атласов И.П., Великий А.С., Великий А.С., Никитин Г.М., Первунинский В.А., Сойкконен И.П. Геологическое строение и металлогения центральной части Восточного Верхоянья. М.; Л., 1947. С. 3.

Рис. 2. Участники Восточно-Верхоянской геологической экспедиции 1937–1938 гг. (И.П. Сойкконен – второй слева в верхнем ряду). ЦГАКФФД СПб. Оп. 1Вр-43. Д. 62388

В 1947 г. издательством Главсевморпути в свет была выпущена книга, подготовленная коллективом авторов, проводивших в 1937–1938 гг. рассмотренные исследования в центральной части Восточного Верхоянья⁶⁷. Одним из них являлся И.П. Сойкконен. Присутствие имени исследователя среди авторов, подготовка им значительной части работы (главы «Краткий орогидрографический и геоморфологический очерк» и «Статиграфия»), в целом – неоднократное упоминание в тексте без каких-либо ремарок позволяют предположить, что к этому моменту он не был репрессирован и здравствовал.

Информация об указанной в предыдущем абзаце книге – хронологически последняя, которую на данный момент удалось выявить при разработке научной биографии И.П. Сойкконена. Очевидно, требуется продолжение поисковой работы в федеральных и региональных архивах для установления других геологических изысканий, в которых принимал участие исследователь, реконструкции последних лет его жизни.

Заключение. Резюмируя рассмотренные в статье вопросы, представляется целесообразным отметить несколько основных моментов. Прежде всего, нельзя не остановиться на школе, которую удалось пройти И.П. Сойкконену на пути в науку. Даже военные годы в этом отношении оказались не напрасны для становления исследователя, не говоря уже об учебе в Земской учительной школе и на географическом факультете ЛГУ. Определенные представления о личных качествах И.П. Сойкконена позволяют составить достаточно ответственные должности, которые он занимал. Сформировавшиеся на такой базе и продемонстрированные в ходе работы ЯКЭ АН СССР исследовательские навыки весьма вероятно позволили бы ему впоследствии стать известным этнографом. Однако И.П. Сойкконен выбрал другой путь и также сумел проявить себя в нем. История развития научного знания в Якутии знает достаточно много примеров, когда ученые, основной специализацией кото-

⁶⁶ Сойкконен И.П. Отчет о геологических исследованиях на площади планшетов М-38-122, М-38-133 и М-38-134 [Электронный ресурс] // Единый фонд геологической информации о недрах. URL: <https://efgi.ru/#/registry/search/item/33741204> (дата обращения: 18.02.2026).

⁶⁷ Атласов И.П., Великий А.С., Великий А.С., Никитин Г.М., Первунинский В.А., Сойкконен И.П. Геологическое строение и металлогения центральной части Восточного Верхоянья...

рых являлась геология, аккумулировали в ходе выполнения своих изысканий фактически попутно сведения, относящиеся к историческим наукам. Обратные примеры автору данной статьи неизвестны. Случай ставшего профессиональным геологом этнографа И.П. Сойкконена в этом отношении исключителен. Хочется надеяться, что сделанный выбор и вероятная любовь к Якутии позволили И.П. Сойкконену избежать тяжелой участи многих из североведов Ленинграда того времени, а также значительной части финнов-ингерманландцев Северной столицы и Ленинградской области в 1930–1940-е годы.

Литература

Арзютов Д.В., Кан С.А. Концепция поля и полевой работы в ранней советской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013. № 6. С. 45–68.

Атласов И.П. Краткий геологический обзор северо-восточной части Советской Арктики. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 69 с.

Атласов И.П., Великий А.С., Великий А.С., Никитин Г.М., Первунинский В.А., Сойкконен И.П. Геологическое строение и металлогения центральной части Восточного Верхоянья. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1947. 108 с.

Вахтин Н.Б., Лярская Е.В. Письма из поля: принципы ленинградской этнографической школы и советская реальность // Новое литературное обозрение. 2024. № 6 (190). С. 15–43.

Винокурова Л.И. Рукопись И.П. Сойкконена в аспекте изучения зимней повседневности якутов первой трети XX в. // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 3. С. 501–518.

Гаген-Торн Н.И. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (у истоков советской этнографии) // Этнографическое обозрение. 1971. № 2. С. 134–145.

Дьяконова М.П. Василевич Глафира Макарьевна – ученый-тунгусовед (к 125-летию со дня рождения) [Электронный ресурс] // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Сер.: Эпосоведение. 2020. № 1 (17). С. 146–148. URL: <https://eposvfu.elpub.ru/jour/issue/view/2> (дата обращения: 20.05.2026).

Дьяченко В.И. Академические экспедиции на арктическое побережье Якутии в конце XIX – первой трети XX века и долганские коллекции в собраниях Кунсткамеры // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры. СПб.: МАЭ, 2014. С. 33–56.

Ермолаева Ю.Н. Этнографические исследования якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. С. 54–57.

Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг.: развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 162 с.

Капица П.Л. Выступление на сессии Отделения физико-математических наук АН СССР, посвященной 75-летию со дня рождения А.А. Фридмана // Фридман Александр Александрович. Избранные труды. М.: Наука, 1966. 462 с.

Николаев И.Г., Сойкконен И.П. Геология и полезные ископаемые Лено-Колымской области. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1938. Вып. 2: Западная Якутия. 143 с.

Новожицын В.П., Соломонов Н.Г., Саввинов А.С., Степанов А.В. Естественнo-научный взгляд на якутский балаган // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2015. Т. 12, № 2. С. 129–139.

Слепцов Ю.А. Сойкконен Иван Петрович – исследователь этнографии детства якутов (к 130-летию И.П. Сойкконена) // Культура и цивилизация. 2025. Т. 15, № 11А. С. 232–236.

Смирнов В.Г. Российские метеорологи и Первая мировая война (1914–1918 гг.) // Метеорология и гидрология. 2014. № 8. С. 85–89.

Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии. Вторая половина XIX – XX вв.: историко-антропологический очерк. Новосибирск: Наука, 2022. 136 с.

Френкель В.Я. Александр Александрович Фридман (Биографический очерк) // Успехи физических наук. 1988. Т. 155, вып. 3. С. 481–516.

Хересков Н.П., Колосов Д.М. Геология и геоморфология Западного Верхоянья. М.; Л.: ГОНТИ, 1938. 116 с.

Шарков А.С., Захаревич Е.В. Петербургская земская учительская школа. Живой опыт воспитания личности учителя в духе идей К.Д. Ушинского. СПб.: Нестор-История, 2012. 248 с.

References

Arzyutov, D.V., Kan, S.A. (2013). Kontseptsiya polya i polevoy raboty v ranney sovetskoj etnografii [The Concept of Field and Fieldwork in Early Soviet Ethnography]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 6, pp. 45–68.

Atlasov, I.P. (1947). *Kratkiy geologicheskij obzor severo-vostochnoy chasti Sovetskoy Arktiki* [A Brief Geological Survey of the North-Eastern Part of the Soviet Arctic]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 69 p.

Atlasov, I.P., Velikiy, A.S., Velikiy, A.S., Nikitin, G.M., Pervuninskiy, V.A., Soykkonen, I.P. (1947). *Geologicheskoe stroenie i metallogeniya tsentral'noy chasti Vostochnogo Verkhoyan'ya* [Geological Structure and Metallogeny of the Central Part of Eastern Verkhoyanye]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 108 p.

D'yachenko, V.I. (2014). Akademicheskie ekspeditsii na arkticheskoe poberezh'e Yakutii v kontse XIX – pervoy trety XX veka i dolganskije kolleksii v sobraniyakh Kunstkamery [Academic Expeditions to the Arctic Coast of Yakutia in the Late 19th – First Third of the 20th Century and Dolgan Collections in the Kunstkamera Holdings]. In *Illyustrativnye kolleksii Kunstkamery*. St. Petersburg, MAE RAN, pp. 33–56.

D'yakonova, M.P. (2020). Vasilevich Glafira Makar'evna – uchenyy-tungusoved (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya) [Glafira Makar'evna Vasilevich – Tungus Scholar (On the 125th Anniversary of Her Birth)]. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Eposovedenie*. No. 1 (17), pp. 146–148. Available at: URL: <https://eposvfu.elpub.ru/jour/issue/view/2> (date of access 20.05.2026).

Ermolaeva, Yu.N. (2001). *Yakutskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1925–1930 gg.: razvitie nauki v Yakutii* [The Yakut Complex Expedition of 1925–1930: The Development of Science in Yakutia]. Novosibirsk, Nauka. 162 p.

Ermolaeva, Yu.N. (2009). Etnograficheskie issledovaniya yakutskoy ekspeditsii AN SSSR 1925–1930 gg. [Ethnographic Studies of the Yakut Expedition of the USSR Academy of Sciences, 1925–1930]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4, pp. 54–57.

Frenkel, V.Ya. (1988). Aleksandr Aleksandrovich Fridman (Biograficheskiy ocherk) [Alexander Alexandrovich Friedman (A Biographical Essay)]. In *Uspekhi fizicheskikh nauk*. Vol. 155, Iss. 3, pp. 481–516.

Gagen-Torn, N.I. (1971). Leningradskaya etnograficheskaya shkola v dvadtsatye gody (u istokov sovetskoy etnografii) [The Leningrad Ethnographic School in the 1920s (At the Origins of Soviet Ethnography)]. In *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 2, pp. 134–145.

Kapitsa, P.L. (1966). Vystuplenie na sessii Otdeleniya fiziko-matematicheskikh nauk AN SSSR, posvyashchennoy 75-letiyu so dnya rozhdeniya A.A. Fridmana [Speech at the Session of the Division of Physical and Mathematical Sciences of the USSR Academy of Sciences Dedicated to the 75th Anniversary of A.A. Friedman]. In *Fridman Aleksandr Aleksandrovich. Izbrannye trudy*. Moscow, Nauka. 462 p.

Khereskov, N.P., Kolosov, D.M. (1938). *Geologiya i geomorfologiya Zapadnogo Verkhoyan'ya* [Geology and Geomorphology of Western Verkhoyanye]. Moscow, Leningrad, GONTI. 116 p.

Nikolaev, I.G. (1938). *Soykkonen I.P. Geologiya i poleznye iskopaemye Leno-Kolymskoy oblasti. Vyp. 2: Zapadnaya Yakutiya* [I.P. Soykkonen. Geology and Mineral Resources of the Leno-Kolyma Region. Iss. 2: Western Yakutia]. Leningrad, Izdatel'stvo Glavsevmorputi. 143 p.

Nogovitsyn, V.P., Solomonov, N.G., Savvinov, A.S., Stepanov, A.V. (2015). Estestvenno-nauchnyy vzglyad na yakutskiy balagan [A Natural-Scientific View of the Yakut Balagan]. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova*. Vol. 12, No. 2, pp. 129–139.

Sharkov, A.S., Zakharevich, E.V. (2012). *Peterburgskaya zemskaya uchitel'skaya shkola. Zhivoy opyt vospitaniya lichnosti uchitelya v dukhe idey K.D. Ushinskogo* [The St. Petersburg Zemstvo Teachers' School. Living Experience of Educating the Teacher's Personality in the Spirit of K.D. Ushinsky's Ideas]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 248 p.

Sleptsov, Yu.A. (2025). Soykkonen Ivan Petrovich – issledovatel' etnografii detstva yakutov (k 130-letiyu I.P. Soykkonena) [Ivan Petrovich Soykkonen – Researcher of the Ethnography of Yakut Childhood (On the 130th Anniversary of I.P. Soykkonen)]. In *Kultura i tsivilizatsiya*. Vol. 15, No. 11A, pp. 232–236.

Smirnov, V.G. (2014). Rossiyskie meteorologi i Pervaya mirovaya voyna (1914–1918 gg.) [Russian Meteorologists and the First World War (1914–1918)]. In *Meteorologiya i gidrologiya*, No. 8, pp. 85–89.

Suleymanov, A.A. (2022). “Resursy kholoda” v sisteme zhizneobespecheniya sel'skikh soobshchestv Yakutii. Vtoraya polovina XIX – XX vv.: istoriko-antropologicheskiy ocherk [“Resources of Cold” in the Life-Support System of Rural Communities of Yakutia. Second Half of the 19th–20th Centuries: A Historical and Anthropological Essay]. Novosibirsk, Nauka. 136 p.

Vakhtin, N.B., Lyarskaya, E.V. (2024). Pis'ma iz polya: printsipy leningradskoy etnograficheskoy shkoly i sovetskaya real'nost' [Letters from the Field: Principles of the Leningrad Ethnographic School and Soviet Reality]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 6 (190), pp. 15–43.

Vinokurova, L.I. (2022). Rukopis' I.P. Soykkonena v aspekte izucheniya zimney povsednevnosti yakutov pervoy treti XX veka [I.P. Soykkonen's Manuscript in the Study of the Winter Everyday Life of the Yakuts in the First Third of the 20th Century]. In *Oriental Studies*. Vol. 15, No. 3, pp. 501–518.

О.Н. Полянская*

**БУДДИЙСКОЕ ИСКУССТВО БУРЯТ:
ДОСТИЖЕНИЯ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ
В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА. А.Д. РУДНЕВ (1878–1958)****doi:10.31518/2618-9100-2026-3-9
УДК 947.084.24(517.5)*Выходные данные для цитирования:**Полянская О.Н. Буддийское искусство бурят: достижения и задачи изучения в XIX – начале XX века. А.Д. Руднев (1878–1958) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 126–137. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-09.pdf>*

O.N. Polyanskaya*

**BURYAT BUDDHIST ART:
ACHIEVEMENTS AND RESEARCH OBJECTIVES
IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES. A.D. RUDNEV
(1878–1958)****

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-9

*How to cite:**Polyanskaya O.N. Buryat Buddhist Art: Achievements and Research Objectives in the 19th – Early 20th Centuries. A.D. Rudnev (1878–1958) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 126–137.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-09.pdf>]*

Abstract. The study of Buddhism in Russia has a long tradition. During their field trip to the regions inhabited by the Mongolic peoples following the Buddhist faith Mongolian scholars paid significant attention to the cult side of religious practice for which masters made art objects: tankas, figures of bronze, clay, wood, depicting Buddhist gods in different variations. From the beginning of the 20th century, the richest Russian collections of Buddhist art objects require careful study, systematization. The Orientalist S.F. Oldenburg in his works pointed out the insufficiency of knowledge to make objective conclusions about the evolution of images, to eliminate the instability of the definitions of various images. In solving these problems, there was a shortage of specialists. S.F. Oldenburg as an authoritative scientist and a well-known science facilitator in Russia compiled special programs for researchers of the regions inhabited by the Buryat Buddhists, outlining pressing problems that new materials were supposed to help solve. Andrei Dmitrievich Rudnev, who laid the foundation for the systematic study of dialects in the Mongolian language, began his scientific activity in 1900, and later became known for his works on the dialects of the Buryats. However, the fact that he made a significant contribution to the creation of Buddhist art collections, Mongolian manuscripts and xylographs, wrote a book on the technique of making iconography and sculpture, other ways of saying showed himself as an ethnographer, is not sufficiently covered in the scientific literature. The article deals with the biography of the Mongolian scholar A. D. Rudnev as an outstanding scientist of Russia of the beginning of the 20th, highlights his activities in studying Buddhist art in the context of solving the problems formulated for science.

Keywords: Mongol studies in Russia, Buddhism, Buryats, Siberia, S.F. Oldenburg, A.D. Rudnev, G.N. Potanin, O.M. Kovalevsky, A.M. Pozdneev.

The article has been received by the editor on 01.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Оксана Николаевна Полянская**, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: polgrab@mail.ru

Oksana Nikolaevna Polyanskaya, Candidate of History, Associate Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: polgrab@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).

The article was made on the topic of the state assignment “Siberian Society as a Factor of Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)” (FWZM-2024-0007).

Аннотация. Изучение буддизма в России имеет давние традиции. Организуя научные командировки в регионы проживания монгольских народов буддийского вероисповедания, монголоеды значительное внимание уделяли обрядовой стороне религиозных ритуалов, для исполнения которых мастерами изготавливались предметы искусства: танки, фигуры из бронзы, глины и дерева, изображающие буддийских богов в разных вариациях. К началу XX в. в России были собраны богатейшие коллекции предметов буддийского искусства, требующие внимательного изучения, систематизации, что актуализировал в своих работах востоковед С.Ф. Ольденбург, указав, однако, на недостаточность знаний, чтобы сделать объективные заключения относительно эволюции изображений, ликвидировать шаткость определений различных изображений. Для решения этих задач наблюдалась нехватка специалистов. С.Ф. Ольденбург как авторитетный ученый, известный организатор науки в России, проводил большую работу, составляя, в том числе, специальные программы для отправлявшихся исследователей в регион проживания бурят – буддистов, обозначая острые проблемы, в решении которых должны были помочь новые материалы. С 1900 г. начал свою научную деятельность Андрей Дмитриевич Руднев, заложивший начало систематического изучения диалектов в монгольском языке, в дальнейшем ставший известным своими трудами по говорам бурят. Однако то, что он внес значительный вклад в формирование коллекций буддийского искусства, монгольских рукописей и ксилографов, написал работу о технике изготовления иконографии, скульптуры, т.е. проявил себя как этнограф, отражено в литературе недостаточно. Данная статья – это обращение к биографии монголоведа А.Д. Руднева, относящегося к плеяде выдающихся ученых России начала XX в., с целью освещения его деятельности по изучению буддийского искусства в контексте решения задач, сформулированных перед наукой.

Ключевые слова: монголоведение в России, буддизм, буряты, Сибирь, С.Ф. Ольденбург, А.Д. Руднев, Г.Н. Потанин, О.М. Ковалевский, А.М. Позднеев.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026 г.

История распространения буддизма среди монгольских народов, его влияния на мировоззрение, их повседневную жизнь – одна из важнейших тем в исследованиях российских востоковедов в XIX – начале XX в.

Отмечая всеобъемлющее влияние религии, ученые старались как погрузиться в философию и догматику буддизма, так и изучить его социокультурную роль в жизни монгольских народов. Изучить место религии в жизни бурят, рассмотреть роль духовенства и в распространении буддизма, и в создании буддийской церкви. Значительное место в исследовательской работе ученых занимало знакомство, а затем и изучение обрядовой стороны буддизма, которая обусловила проникновение, а затем и зарождение у бурят и монголов буддийского искусства, предметы которого стали визуализацией религиозного ритуала. Пионерами в изучении и философии буддизма и его обрядовой составляющей называют И.Я. Шмидта (1779–1847), Н.Я. Бичурина, В.П. Васильева (1818–1900), обходя, однако, вниманием О.М. Ковалевского (1801–1878), автора первой работы, посвященной пониманию учения Будды – «Буддийская космология» (1835). О.М. Ковалевский с большой ответственностью относился к изучению буддизма, совершенно верно полагая, что религия может познакомить нас со многими особенностями народа, и эту позицию передал своему ученику Василию Павловичу Васильеву. В результате, продолжая постигать основы буддизма, В. Васильев в 1839 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Об основаниях буддийской философии». Учитывая блестящие способности студента В. Васильева, О.М. Ковалевский посоветовал ему продолжить изучение буддизма (северного буддизма – ламаизма) по монгольским, китайским и тибетским источникам. С этой целью учитель ходатайствовал

перед руководством университета об отправлении В. Васильева в Китай в составе XII Российской духовной миссии, полагая, что нахождение В. Васильева при миссии в Пекине станет хорошей практикой в подготовке его как разностороннего востоковеда. Таким образом, командировка магистра В.П. Васильева в Китай была полностью подготовлена его учителем профессором О.М. Ковалевским¹. О.М. Ковалевский, стоявший у истоков научного монголоведения в России, фактически составил программу для будущих поколений монголоведов, где важной составляющей является буддизм, его философия, литература, искусство. В эпоху О.М. Ковалевского закладываются традиции подготовки востоковедных кадров посредством научных экспедиций, из которых исследователи привозили и богатейшие коллекции литературы на восточных языках, чаще всего религиозного содержания, и предметы религиозного искусства. О.М. Ковалевский, совершив длительное по времени научное путешествие с 1828 по 1832 г. среди забайкальских бурят-буддистов в Монголию и Китай, существенно обогатил библиотеку Казанского университета, а также привез предметы религиозного культа для организованного им в университете² «Кабинета редкостей». В.П. Васильев, пробыл десять лет в Пекине с Духовной миссией, изучил языки, собрал коллекцию книг на восточных языках. Все это было перевезено в Санкт-Петербург при переводе восточного разряда Казанского университета в 1855 г.

Изучением догм буддизма занимались и священники Русской православной церкви, не только широко известные представители Российской духовной миссии в Пекине – Никита Бичурин (о. Иакинф), Палладий Каффаров и другие, но и священнослужители, осуществляющие свою деятельность в кочевьях бурят Сибири, среди которых архиепископ Нил (Исакович) (1799–1874), протоирей К. Стуков (1808–1883), священник А.М. Орлов (1816–1889)³, миссионеры Я. Дуброва⁴, Я. Чистохин, В. Флоренсов⁵ и другие православные христианские миссионеры, внесшие огромный вклад в накопление знаний о культуре и религии монгольских народов.

Сосредоточением предметов буддийского искусства, как и литературы по буддизму, являлись буддийские храмы, у бурят – дацаны. Изучение так называемого «практического буддизма» – это и быт монастырей, их ритуальные практики, содержание библиотек и издательского дела, предметы религиозного культа – все это стало главной задачей экспедиций А.М. Позднеева (1851–1920), Г.Ц. Цыбикова (1873–1930), Б.Б. Барадийна (1878–1937) в регионы России, Монголию и Тибет⁶. За фундаментальный труд «Очерки быта буддийских монастырей» (1887), ставший итогом научной командировки в Монголию 1876–1879 гг., А.М. Позднеев в 1888 г. был удостоен высокой награды авторитетной научной

¹ Полянская О.Н. История и культура монгольских народов в трудах востоковеда В.П. Васильева (1818–1900) [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 171–176. URL: <https://zabvektor.com/wp-content/plugins/zv-magazine-manager/article-information-page.php?article=254&locale=ru> (дата обращения: 25.05.2026).

² В 2026 г. исполняется 225 лет со дня рождения монголоведа О.М. Ковалевского. В Казанском университете открылась выставка экспонатов, в том числе и буддийских атрибутов, привезенных ученым из научной командировки в Монголию, Китай и к забайкальским бурятам в 1828–1833 гг. Информационная политика КФУ [Электронный ресурс] // «Дорога к Солнцу»: Музей истории Казанского университета представил восточную коллекцию Осипа Ковалевского. URL: <https://media.kpfu.ru/news/doroga-k-solncu-muзей-istorii-kfu-predstavil-vostochnuyu-kollekciju-om-kovalevskogo> (дата обращения: 22.02.2026).

³ Полянская О.Н. Монгольский язык в Иркутской духовной семинарии: А.М. Орлов (1816–1889) // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 29.01.2015–30.01.2015). Улан-Удэ, 2015. С. 57–64. А.М. Орлов в своей работе «Грамматики монгольского – бурятского разговорного языка» (Казань, 1878) затронул вопрос многообразия диалектов бурятского языка. Эти диалекты стали объектом изучения монголоведа из Санкт-Петербургского университета А.Р. Руднева в начале XX в.

⁴ Полянская О.Н. Деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО по изучению монгольских народов. Я.П. Дуброва – миссионер и этнограф // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 66–76.

⁵ Крючкова Т. А., Старцев Е.Н. Крестный путь миссионера: жизнь и труды священника Василия Флоренсова. Иркутск, 2024.

⁶ Гарри И.Р. Дневник известного бурятского ученого и политического деятеля Базара Барадина «Амдо-Монголия»: источниковедческие аспекты. 1905–1906 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1032–1043.

организации России XIX в. Императорского Русского географического общества – Большой золотой медали отделений этнографии и статистики РГО⁷.

Кроме материалов, полученных в результате наблюдений, непосредственного контакта с носителями языка и культуры кочевых народов, ученые привозили богатейшие коллекции восточных рукописей, статуй и изображений буддийских божеств, других предметов религиозного культа и быта. Все это делалось, как писал А.М. Позднеев, «...для ознакомления России как с физическим состоянием, так равно этнографией и литературой этих стран». Ученым была собрана большая коллекция ламаистской скульптуры и живописи, музыкальных инструментов, культовых и бытовых изделий, полный состав которой остался неизвестным.

По оценке С.Ф. Ольденбурга, «собрание предметов культа» профессором А.М. Позднеевым во время его долголетних поездок среди монголов, бурят и калмыков насчитывало 300 статуэток... Все это были хорошие образцы, редкие и чрезвычайно ценные... Почти все изображения «легко определяются, и специалисту будет нетрудно составить хороший каталог этого собрания», – выражал надежду С.Ф. Ольденбург, проводя оценку коллекции после смерти А.М. Позднеева, особо подчеркивая важность ее целостного сохранения, необходимого для понимания эволюции изображения буддийского пантеона⁸.

Скруплезно собранные востоковедами материалы о быте и религии, собрание литературы на восточных языках позволили создать целостную картину о культурном наследии монгольских народов и в то же время ставили перед учеными новые задачи систематизации, каталогизации, способствовавшие коллекциям стать источниками для новых научных работ.

Плеяда ученых востоковедов-индологов и буддологов – И.П. Минаев (1840–1890), С.Ф. Ольденбург (1863–1934), Ф.И. Щербатской (1866–1942), чьи работы являются основополагающими в понимании философии буддизма, значительное внимание уделяла переводам текстов буддийских сочинений. С их именами связано появление серии «Bibliotheca Buddhica», выходявшей несколько десятилетий, соединившей результаты работ буддологов двух периодов в истории отечественного востоковедения: имперского и советского. За период с 1897 по 1937 г. вышло 30 томов и более 100 регулярных выпусков буддийских текстов на тибетском, монгольском, уйгурском языках и буддологических исследований. Издание серии, задуманное как международное научное мероприятие, началось в Петербурге под руководством С.Ф. Ольденбурга, оно привлекало и отечественных востоковедов – Ф.И. Щербатского, О.О. Розенберга, Б.Я. Владимирцова, Е.Е. Обермиллера, В.В. Радлова, С.Е. Малова, и зарубежных – С. Леви, Г. Керна, Д. Росса⁹.

«Одно из больших затруднений, встречающихся на пути к изучению буддийской иконографии, – это шаткость определений различных изображений: у нас нет до сих пор еще твердых основ для подобных определений», – формулировал проблему С.Ф. Ольденбург в своей работе «Материалы по буддийской иконографии»¹⁰. Востоковед пытался найти объяснение отсутствия четких определений. Одной из причин, по его мнению, являлась «значительная вольность» художников в отходе от канонов. Но все же основная причина – это «недостаточность знаний из-за ограниченного материала, которого совершенно не хватало для более широких обобщений и для прочного установления определенных

⁷ Полянская О.Н. Экспедиционная деятельность А.М. Позднеева (1851–1920) в контексте истории развития научного монголоведения в России [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13, вып. 4 (114). URL: <https://history.jes.su/s207987840021200-9-1/> (дата обращения: 25.12.2024); Полянская О.Н. Научное наследие монголоведа А.М. Позднеева о буддизме у бурят XVIII – начала XX в.: от распространения до интеграции в социокультурное пространство России [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 1. С. 43–52. URL: <https://zabvektor.com/wp-content/plugins/zv-magazine-manager/article-information-page.php?article=1752&locale=ru> (дата обращения: 25.05.2026).

⁸ Полянская О.Н. Жизнь, судьба и научное наследие монголоведов России после 1917 г.: А.М. Позднеев (1851–1920) // Тармахановские чтения – I: Российская революция 1917 г.: мат-лы Всерос. науч. конф. Улан-Удэ, 2017. С. 98–105.

⁹ Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.

¹⁰ Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1901. Т. 1. Вып. 3. С. 1–6.

правил»¹¹. Недостаточность знаний о буддийском искусстве С.Ф. Ольденбург объясняет и «небольшим числом специалистов», и тем, что «изучение буддийского искусства началось столь недавно», поэтому невозможно глубокое понимание мельчайших деталей памятников, в отличие от памятников античного искусства¹². Тем не менее, далее выражает надежду ученый, «и для нас уже вырисовываются известные общие выводы, известное понимание замыслов художников и техники их исполнения». Более всего тревожила степень эволюции художественного творчества, например: «Мы пока еще точно не знаем, какие краски и тона подверглись особенно сильным изменениям, по-видимому, это было, главным образом, красное и желтое <...> особенно часто синее, зеленое, великолепно сохранившееся золото... Это сочетание красок дает удивительные эффекты...»¹³ для восприятия божественных образов. Все эти размышления приводят к пониманию С.Ф. Ольденбургом сохранения и всестороннего изучения буддийской культуры посредством развертывания научных специальных экспедиций, составления коллекций и их систематизации, разработки понятийного аппарата. Сформулировав эти задачи перед отечественными буддологами в самом начале XX в., он продолжит их решение и в 1920–1930-е годы совместно с академиком Ф.И. Щербатским и М.И. Тубянским, создав в 1927 г. Институт буддийской культуры (ИНБУК) – «скоординированный проект, направленный на составление коллекций буддийских рукописей и старопечатных изданий, и в СССР, на территориях, исторически населенных буддийскими народами, и за рубежом».

Став центром притяжения для исследователей буддийской культуры, Сергей Федорович во многом способствовал их экспедиционной деятельности, находился в тесном контакте с востоковедами, путешественниками – членами различных научных обществ и учебных учреждений России, буддийскими религиозными деятелями. В своих работах С.Ф. Ольденбург ссылается на труды, благодарит за разъяснения, предоставление предметов и изображения буддийского культа Д. Клеменца – исследователя, краеведа, А. Доржиева – религиозного и государственного деятеля, дипломата, А. Деспот-Зеновича – пограничного комиссара и градоначальника Троицкосавска (Кяхты)¹⁴. Кроме того, их жизнедеятельность была связана с регионом российско-монгольского трансграничья, территорией проживания бурят-буддистов, многие из них были членами подразделений Русского географического общества и в Иркутске, и в Троицкосавске, главной задачей которых было изучение и сохранение культурно-исторического наследия монгольских народов.

Для большего понимания изменений, происходящих в процессе создания предметов буддийской религиозной обрядности, Сергей Федорович поддерживает командировку в Монголию и к забайкальским бурятам в 1902 г. Андрея Дмитриевича Руднева (1878–1958) – монголоведа, выпускника Санкт-Петербургского университета (1900), только начинавшего научную деятельность, однако уже имевшего опыт экспедиционной работы. В традициях отечественного востоковедения по подготовке специалистов научная командировка для знакомства с изучаемой страной и для практики в языке является обязательной составляющей этой подготовки. К.Ф. Голстунский, возглавлявший кафедру монгольско-калмыцкой словесности в Петербургском университете, ходатайствовал об отправке студента А. Руднева в Монголию, как в свое время отправил студента А. Позднеева в составе экспедиции известного исследователя Центральной Азии Григория Николаевича Потанина (1836–1920). А.Д. Руднев в 1899 г., будучи студентом, совершил свое первое путешествие в Восточную Монголию в составе противочумной экспедиции доктора Дамаскина. Экспедиционная работа станет неотъемлемой частью исследований А.Д. Руднева. Он неоднократно (восемь экспедиций) работал в кочевьях монгольских племен, в том числе и забайкальских бурят. Изучал не только говоры, но и этнографию, собирал фольклор, песни, систематизировал собранный предшественниками материал, дополнял собственноручно записанными песнями,

¹¹ Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии... С. 1–6.

¹² Ольденбург С.Ф. Пещеры тысячи Будд // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Петербург, 1922. Книга первая. С. 59.

¹³ Там же. С. 61.

¹⁴ Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии... С. 3–5.

сохраняя диалектологические особенности исполнения, рассматривал и проявление буддийской культуры в условиях трансграничья, в частности исследовал развитие и состояние буддийской иконографии у монголов в Урге и бурят Забайкалья.

Командировка А.Д. Руднева в 1902 г., организованная университетом, но по инициативе Сергея Федоровича Ольденбурга – академика (с 1900 г.) и неперменного секретаря (1904–1929 гг.) Академии наук, оказала огромное влияние на становление научного мировоззрения востоковеда. А.Д. Руднев в своей работе «Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии»¹⁵, написанной им по итогам командировки, говорит, что С.Ф. Ольденбург составил для него программу действий и специальных вопросов для получения информации по технике иконографии из бесед с непосредственными художниками, «исходатайствовал командировку и субсидию от Императорской Академии наук на соби́рание в свободное» от основных занятий по соби́ранию фольклора и истории монголов и бурят, определенных университетом, «и попутно на приобретение коллекции образцов живописи и статуэток, а также материалов, употребляемых местными художниками»¹⁶. А. Руднев не пересказывает содержание этой программы, но совершенно очевидно, что оно построено на сформулированных С.Ф. Ольденбургом задачах по ликвидации «недостаточности знаний», так необходимых для систематизации и анализа, получения дополнительных материалов и всех тонкостей создания атрибутов обрядовой стороны буддизма. Подтверждением этому является подробное изложение А. Рудневым в публикации о технике буддийской иконографии, которая, по сути, является отчетом о командировке 1902 г., всех этапов по изготовлению икон, бурханов из дерева и глины на деревянных досках, отливки изображений божеств из металла, инструментов «бесчисленное множество, все они служат для чеканки рисунков и носят различные названия»¹⁷. Таким образом, «Заметка о технике буддийской иконографии...» А.Д. Руднева посвящена не только написанию буддийских икон, но и другим видам искусства. Востоковед отмечает, что для изготовления предметов идет материал, распространенный в регионе, для подготовки досок для печатания книг буряты используют березу в Гусиноозерском дацане, а для орнаментов и изображений бурханов – кедр. «Вообще произведения из кедра ценятся дорого, но особенно ценная работа – это та, что выполнена из сандалового дерева»¹⁸. Литьем изображений божеств из металла занимаются только хоринские и селенгинские буряты на берегу реки Хилок недалеко от Селенгинска и от Цугольского дацана. И подробно останавливается на подготовке специального состава, который размягчается при нагревании, а состоит он, по записи Андрея Дмитриевича, «из свежей смолы прямо из дерева», «козлиного сала», «аргального пепла (скотского помета)» и «сосновой золы», т.е. в большей степени продуктов скотоводческого хозяйства – традиционного вида для бурят¹⁹. Краски имеют особое значение, «употребляются чистые, покупаемые у русских, китайцев и тибетцев, смешанные, а также собственного изготовления», – такие сведения А. Руднев получил в беседе с монгольским художником в Урге Чагдурсрун зурачи²⁰.

Вернувшись из Урги в Троицкосавск, А. Руднев получил от С.Ф. Ольденбурга новый перечень вопросов уже для бесед с бурятскими зурачинами (художниками)²¹. В письме наставник просит А.Д. Руднева обратить внимание, есть ли «влияние европейского художества на буддийское и не вводятся ли под влиянием первого какие-либо новшества в Монголии или Забайкалье», существуют ли отличительные черты тибетского письма

¹⁵ Руднев А.Д. Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии // Сборник МАЭ. СПб., 1905. Т. V. С. 5–15.

¹⁶ Там же. С. 5.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же. С. 7.

и письма бурятских художников²². А.Д. Руднев отмечает консерватизм художников-бурят, о каком-то влиянии на их творчество «приходится ответить отрицательно», – пишет исследователь. Ответы на все вопросы они «обыкновенно» сводили к рассказу про материалы, «что краски они берут у русских, что дерево купили у русских, инструменты употребляют те же, что и русские...»²³. На вопрос, могут ли отличить свою работу от изображения в тибетском стиле, отвечали, «что могут по некоторым признакам, но какие признаки, сказать затруднялись»²⁴. Очевидным отличием, по мнению монголоведа, являются краски, их цветовая насыщенность, и приводит пример, что в одном из бурятских дацанов он «обратил внимание на изображение Сансар'йн хурде тибетского письма», и оно «выделялось из ряда бурятских икон своими живыми сильными красками»²⁵. В целом А.Д. Руднев описывает сюжеты, характеризующие бурятских мастеров, не только художников, как преуспевших в своем деле: «В настоящее время, – пишет Андрей Дмитриевич в 1902 г., – в Гегетувском дацане (в Западном Забайкалье) сооружается грандиозное изображение Майдарі (наподобие Ургинского и Гусиноозерского, вышиной 15 м). Все будет исполнено собственными силами; все чеканится и составляется на месте»²⁶, что говорит о развитости разных видов искусства у бурят. К сведению, А. Руднев приводит такой факт, что Будда Майдари в Ургу был привезен в разобранном виде из Долон-нора. Долоннорские живописцы пользовались известностью за пределами своего города, их изделия из металла славились среди монголов и бурят. Таких мастеров А. Руднев встретил во время своей еще первой экспедиции в Монголию в 1899 г.²⁷ Сведения о статуе Будды Майдари (Майтреи) дополняют уже имеющиеся данные о его разнообразных изображениях, о чем пишет и формулирует проблему классификации этих изображений С.Ф. Ольденбург в разделе «О некоторых изображениях Майтреи» своей работы по иконографии (1901)²⁸.

Мастера-литейщики, с которыми А.Д. Рудневу удалось встретиться, сообщили, что работы бурятских мастеров более легкие, тонкие, в отличие от китайских, которые выглядят грубее, массивнее; тибетского литья у бурят почти не встречается²⁹. Ценность этим работам придает тот факт, что училищ для литейщиков не было, учились мастера друг у друга, так же как и художники обучались «у своих известных художников». «Почти в каждом дацане есть свои живописцы», – констатирует А. Руднев, подчеркивая, что «во всем Забайкалье нет ни одной школы зурачинов»³⁰. Важно, что монголовед называет имена бурятских художников и мастеров, с кем удалось поговорить об их работе, чьи произведения вызвали восхищение: художник Цебек-доржи 50 лет от роду из Джидинского (Атаган-Дырестуйский) дацана, образцы его работ «переданы в Музей Академии наук»³¹; мастера-литейщики: Адуши Лудупов, Цамбол Хадапов и Балшин Седенов, их художественные произведения на буддийскую тематику были представлены на выставке в Чите в 1899 г., где они были сфотографированы со своими экспонатами и получили «почетное свидетельство за свои изделия»³². А.Д. Руднев выполнил задачи, поставленные перед ним, по окончании командировки в том же 1902 г. передал Музею Российской академии наук (Кунсткамере) набор принадлежностей иконописи, бронзовых и глиняных бурханов (коллекция № 720), из последующих экспедиций в Монголию и к забайкальским бурятам Андрей Дмитриевич также привозил предметы, принадлежащие к буддийской религии, – поступления в Кунсткамеру 1903, 1904, 1909 гг.³³

²² Руднев А.Д. Заметки о технике буддийской иконографии... С. 12.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии... С. 3–5.

²⁹ Руднев А.Д. Заметки о технике буддийской иконографии... С. 11.

³⁰ Там же. С. 7.

³¹ Там же. С. 7–8.

³² Там же. С. 11.

Результативность командировки 1902 г. послужила основанием для принятия его весной 1903 г. в Русский комитет для изучения Восточной и Средней Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Согласно уставу, Русский комитет (РК) был призван «всячески содействовать изучению сохранившихся памятников как вещественных, так и духовных в соответствующих странах». Летом 1903 г. РК уже командировал А.Д. Руднева на северо-восток Монголии. В своем кратком отчете он сообщал, что удалось пополнить коллекции буддийской иконографии, а также «добыть тибетские и монгольские книги»³⁴. По оценке монголоведа Б.Я. Владимирцова, коллекция книг профессора А.Д. Руднева – одна из тех, что значительно обогатили «старые собрания» Азиатского музея, и она «обращает на себя внимание во многих отношениях», так как собирал он ее в разных местах монгольского мира: и в Халхе, и в Восточной Монголии, и в Забайкалье, и в калмыцкой степи на протяжении длительного времени³⁵. Научное значение коллекции А.Д. Руднева заключается в отдельных рукописях и ксилографах, некоторые из которых относятся к XVI–XVII вв. и чрезвычайно интересны или по содержанию, или для истории монгольской письменности³⁶. Значительное место в коллекции Андрея Дмитриевича занимают ксилографы, среди которых большинство принадлежит собранию бурятских ксилографов, и подобраны они таким образом, что, изучив их, можно проследить историю издательской деятельности буддийских монастырей у бурят. Она получила значительное развитие, буддийское духовенство издавало ксилографическим способом сочинения на тибетском и монгольском языках. Проблема заключалась в том, что полный перечень изданных в бурятских монастырях книг неизвестен и не был представлен ни в Азиатском музее, ни в библиотеке Петербургского (Петроградского) университета. Собрание ксилографов А. Руднева лишь частично восполнило этот пробел, – писал об этом в 1918 г. Б.Я. Владимирцов³⁷. Бурятская ксилография, как отмечает Борис Яковлевич, развивалась под влиянием пекинской и южно-монгольской. Наибольшей издательской деятельностью отличался Агинский дацан, лектор Петроградского университета Б.Б. Барадийн собрал и доставил в Музей собрание бурятских ксилографов этого дацана³⁸. По содержанию текста бурятские ксилографы – это литература «буддизма для мирян» – переводы и пересказы жизни буддийских святителей, сборники легенд, сочинения дидактического плана.

Систематизации накопленных экспонатов способствовала выставочная деятельность. Кроме того, выставочная деятельность решала задачи просветительского плана – познакомить как можно больше людей с предметами буддийского искусства, которые помогли бы лучше понять «одну из замечательнейших вер, какую знало человечество» – буддизм, интерес к которому был огромен. Отдел³⁹ по делам музеев и сохранения памятников искусства и старины организовал в 1919 г. первую буддийскую выставку в Петербурге. Выставку собрали из собраний предметов музеев Петербурга, привезенных в результате экспедици-

³³ Кисляков В.Н. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) и коллекции по Восточной Азии МАЭ РАН // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-88431-218-0/ (дата обращения: 17.09.2024); Иванова Е.В. Хроника поступлений буддийских коллекций в МАЭ РАН // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-02-025593-7/ (дата обращения: 17.09.2024); Иванов Д.В. Буддийские коллекции Кунсткамеры. СПб., 2021. С. 187.

³⁴ Краткий отчет о поездке на крайний северо-восток Монголии летом 1903 г. командированного Русским комитетом приват доц. А.Д. Руднева // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1904. № 2. С. 7–10.

³⁵ Владимирцов Б.Я. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии наук от профессора А.Д. Руднева // Известия Российской Академии наук. Петроград, 1918. Сер. VI. № 14. С. 1549.

³⁶ Там же. С. 1550.

³⁷ Там же. С. 1549.

³⁸ Там же.

³⁹ В 1918 г. в составе Наркомата просвещения РСФСР был создан Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины, преобразованный в дальнейшем в Главный комитет по делам музеев и охраны памятников искусства, старины и природы (Главмузей).

онной работы из разных стран мира. В большей степени на выставке были представлены Тибет, Монголия и Китай⁴⁰. Однако этой выставке предшествовали экспозиции, организованные сотрудниками региональных отделов Русского географического общества (РГО) на восточных окраинах России, в частности на территории проживания бурят – буддистов. В 1888 г. членами сотрудниками Восточно-Сибирского отдела РГО И. Подгорбунским и Г. Потаниным была организована выставка в Иркутске. Отделом была проделана уже большая работа по собиранию и изучению религиозных верований народов Сибири. Особенно успешной с точки зрения приобретения буддийских предметов стал 1887 год, когда по поручению Отдела Григорий Потанин побывал в Урге и Забайкалье, «собрал значительное количество предметов буддийского культа для этой выставки и привлек к участию многих лиц в качестве экспонентов, живущие в Китае сибиряки выразили сочувствие этому начинанию, приславшие собрание бурханов», хамбо-лама Гусиноозерского дацана Дампил Гомбоев представил в распоряжение организаторов выставки много интересных предметов, употребляемых буддистами при богослужении. «Под балдахином был устроен жертвенник, на коем расположены необходимые принадлежности каждого буддийского храма в том порядке, какой существует в самих кумирнях. На стене шести саженей были развешаны изображения богов буддийского пантеона на фонах из шелковых материй, тут же были размещены их статуи»⁴¹. «После осмотра выставки получается полное представление об изображении буддийских богов, предметах, употребляемых при богослужении ламами, и внешнем виде богослуж[ений] и храмов», – записал Н.С. Романов, автор иркутской летописи⁴². На выставке были представлены фотографии разных народов, исповедующих буддизм, планы и виды буддийских монастырей и храмов. Автор снимков – фотограф Николай Чарушин, участник командировки Г.Н. Потанина в Ургу 1887–1888 гг. с целью подготовки выставки буддийских предметов. Кроме того, на выставке были продемонстрированы модели Гусиноозерского дацана, здания тибетской архитектуры, субурганы и обо⁴³. Экскурсии по выставке проводили Г. Потанин и И. Подгорбунский, предварительно составив каталог⁴⁴. Выставка была открыта с 28 декабря 1888 г. по 15 января 1889 г., ее посетили 674 человека (574 взрослых и 100 детей), цена билета – 30 копеек⁴⁵.

Изучение буддизма, собирание коллекции предметов буддийского богослужения были одной из главных задач сотрудников ВСОРГО, после завершения работы выставки деятельность по формированию коллекции предметов буддийского искусства продолжилась. В 1909 г. вышел новый каталог, составленный И.А. Подгорбунским, – «Каталог буддийской коллекции Иркутского музея», согласно сведениям, представленный в Летописи иркутянина Н.С. Романова за 1902–1924 гг. В феврале 1909 г. бурят «Цыбденов препроводил Географическому отделу 525 рублей ВСОРГО, собранных среди инородцев-ламаитов, прихожан Кыренского дацана», для сооружения при Музее ВСОРГО павильона для размещения в нем предметов буддийского культа⁴⁶, что говорит о значительной по содержанию музейной коллекции этих предметов, потребовавшей специального помещения. Признанием деятельности ВСОРГО и его правителя делами (1887–1890) Г.Н. Потанина по сохранению культурного наследия буддистов является избрание Григория Николаевича Потанина в 1903 г. членом-корреспондентом только что образованного Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии по рекомендации авторитетных ученых-этнографов С.Ф. Ольденбурга, Д.А. Клеменца и А.В. Григорьева⁴⁷. Историей распространения буддизма среди бурят

⁴⁰ Ольденбург С.Ф. Первая буддийская выставка в Петербурге. Очерк. Петербург, 1919. С. 10, 32, 40, 41.

⁴¹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. Иркутск, 1993. С. 190–191.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Каталог выставки предметов внешней обстановки жизни лам / сост. И. Подгорбунским и Г. Потаниным. Иркутск, 1888.

⁴⁵ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. ... С. 197.

⁴⁶ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994.

⁴⁷ Извлечения из протоколов заседаний Русского комитета. Заседание 27 сентября 1903 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1904. № 2. С. 5.

и сохранением буддийского искусства занимались и в отделениях Приамурского отдела РГО в Чите и Троицкосавске (ЧОПОРГО и ТКОПОРГО), начавших свою работу в 1894 г. Так, Читинское отделение ПОРГО в 1899 г. организовало Первую Забайкальскую сельскохозяйственную и промышленную выставку, на которой была установлена специальная модель буддийского храма, построенная на деньги бурят-буддистов. Внутри располагались предметы буддийского культа, богослужения не проводились, после завершения работы выставки здание дацана находилось в ведении ЧОПОРГО для хранения предметов буддийского искусства. Бурятские мастера со своими изделиями принимали участие в Читинской выставке – об этом писал в работе по буддийской иконографии А.Д. Руднев, отмечая высокий уровень выполненных ими работ.

Таким образом, к началу XX в. востоковедами России была проделана большая работа по изучению, коллекционированию и сохранению культурного наследия буддизма. Сложившаяся традиция в подготовке специалистов по Востоку – это научная командировка на территорию распространения той или иной культурной общности. В дальнейшем в научной деятельности востоковедов экспедиционная работа становится неотъемлемой частью их жизни, служит способом пополнения знаний, поиска и нахождения источников, способствовавших пополнению музейных и архивных собраний. Важную роль в накопление этих коллекций внесли научные общества России. Русское географическое общество со своими подразделениями занимает важное место в этнографических исследованиях, благодаря чему формируются музейные коллекции буддийского искусства не только в Петербурге, но и в Азиатской России, регионе непосредственного контакта с народами, исповедовавшими буддизм. Накопленные материалы требовали систематизации, осмысления, пополнения недостающих комплектов в общей картине представлений о буддийской вере. Поэтому в начале XX в. сложилась необходимость целенаправленных экспедиций на выявление недостающих сведений, способствующих широкому обобщению по истории буддийского искусства. Координатором деятельности по сохранению историко-культурного наследия Востока становится Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, вдохновителем и координатором работы по изучению буддийского наследия – С.Ф. Ольденбург. Под его наставничеством изучением буддийского искусства стал заниматься Андрей Дмитриевич Руднев, известный в первую очередь как лингвист, фольклорист, основоположник исследований бурятских говоров. В 1909 г. А.Д. Руднев был приглашен А. Доржиевым⁴⁸ войти в состав строительного комитета по постройке дацана в Петербурге⁴⁹, что означало признание его как специалиста и в области буддийской культуры.

Литература

- Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М.: Наука, 1982. 535 с.
- Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. 220 с.
- Владимирцов Б.Я. Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии наук от профессора А.Д. Руднева // Известия Российской Академии наук. Петроград, 1918. Сер. VI, № 14. С. 1549–1568.
- Гарри И.Р. Дневник известного бурятского ученого и политического деятеля Базара Барадина «Амдо-Монголия»: источниковедческие аспекты. 1905–1906 гг. // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 1032–1043.
- Извлечения из протоколов заседаний Русского комитета. Заседание 27 сентября 1903 г. // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1904. № 2. С. 2–6.
- Иванов Д.В. Буддийские коллекции Кунсткамеры. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 224 с.
- Крючкова Т.А., Старцев Е.Н. Крестный путь миссионера: Жизнь и труды священника Василия Флоренсова. Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2024. 376 с.

⁴⁸ Агван Лобсан Доржиев (1853/54–1938) – посланник XVIII Далай-ламы, бурятский лама, ученый, дипломат, инициатор постройки буддийского храма в Петербурге.

⁴⁹ Андреев А.И. Храм Будды в Северной столице. СПб., 2004. С. 40.

Ольденбург С.Ф. Материалы по буддийской иконографии. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. СПб., 1901. Т. 1, вып. 3. С. 1–6.

Ольденбург С.Ф. Первая буддийская выставка в Петербурге. Очерк. Петербург, 1919. 41 с.

Ольденбург С.Ф. Пещеры тысячи Будд // Восток. Журнал литературы, науки и искусства. Петербург, 1922. Книга первая. С. 57–66.

Полянская О.Н. История и культура монгольских народов в трудах востоковеда В.П. Васильева (1818–1900) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 171–176.

Полянская О.Н. Экспедиционная деятельность А.М. Позднеева (1851–1920) в контексте истории развития научного монголоведения в России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114) URL: <https://history.jes.su/s207987840021200-9-1/> (дата обращения: 25.12.2024).

Полянская О.Н. Научное наследие монголоведа А.М. Позднеева о буддизме у бурят XVIII – начала XX в.: от распространения до интеграции в социокультурное пространство России [Электронный ресурс] // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 1. С. 43–52. URL: <https://zabvektor.com/wp-content/plugins/zv-magazine-manager/article-information-page.php?article=1752&locale=ru> (дата обращения: 25.05.2026).

Полянская О.Н. Жизнь, судьба и научное наследие монголоведов России после 1917 г.: А.М. Позднеев (1851–1920) // Тармахановские чтения – I: Российская революция 1917 г.: мат-лы Всерос. науч. конф. Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2017. С. 98–105.

Полянская О.Н. Монгольский язык в Иркутской духовной семинарии: А.М. Орлов (1816–1889) // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 29.01.2015–30.01.2015). Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного служащего университета, 2015. С. 57–64.

Полянская О.Н. Деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО по изучению монгольских народов. Я.П. Дуброва – миссионер и этнограф // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 98. С. 66–76.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Издание подготовлено Н.В. Куликаускене. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1993. 544 с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускене. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1994. 560 с.

Руднев А.Д. Заметки о технике буддийской иконографии у современных зурачинов (художников) Урги, Забайкалья и Астраханской губернии // Сборник МАЭ. СПб., 1905. Т. V. С. 5–15.

Сыртыпова С.Д. Буддология в России: «Восточный проект» Щербатского в свете XXI в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2023. Вып. 6. С. 193–204.

References

Alekseev, V.M. (1982). *Nauka o Vostoke* [Science of the East. Articles and Documents]. Moscow, Nauka. 535p.

Andreev, A.I. (2004). *Khram Buddy v Severnoy stolitse* [The Buddha Temple in the Northern Capital]. St. Petersburg. 220 p.

Vladimirtsov, B.Ya. (1918). Mongol'skie rukopisi i ksilografy, postupivshie v Aziatskiy Muzei Rossiyskoy Akademii nauk ot professora A.D. Rudneva [Mongolian Manuscripts and Woodcuts Received by the Asian Museum of the Russian Academy of Sciences from Professor A.D. Rudnev]. In *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk*. Petrograd. Series VI, No. 14, pp. 1549–1568.

Garri, I.R. (2023). Dnevnik izvestnogo buryatskogo uchenogo i politicheskogo deyatelya Bazara Baradina “Amdo-Mongoliya”: istochnikovedcheskie aspekty. 1905–1906 gg. [Diary of the Famous Buryat Scientist and Political Figure Bazaar Baradin “Amdo-Mongolia”: Source Study Aspects. 1905–1906]. In *Vestnik arhivista*. No. 4, pp. 1032–1043.

(1904). *Izvlecheniya iz protokolov zasedaniy Russkogo komiteta*. Zasedanie 27 sentyabrya 1903 g. [Extracts from the Minutes of Meetings of the Russian Committee. Meeting on September

27, 1903]. In *Izvestiya Russkogo komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskom, arheologicheskom, lingvisticheskom i etnograficheskom otnosheniyah*. No. 2, pp. 2–6.

Ivanov, D.V. (2021). *Buddistskie kollektsii Kunstkamery* [Buddhist Collections of the Kunstkamera]. St. Petersburg, MAE RAS. 224 p.

Kryuchkova, T.A., Startsev, E.N. (2024). *Krestnyy put' missionera: zhizn' i trudy svyashchennika Vasiliya Florensova* [The Missionary's Way of the Cross: The Life and Works of Priest Vasily Florensov]. Irkutsk, Irkutskaya oblastnaya tipografiya № 1. 376 p.

Oldenburg, S.F. (1901). *Materialy po buddiyskoy ikonografii* [Materials on Buddhist Iconography]. In *Sbornik MAE*. St. Petersburg. Vol. 1, Iss. 3, pp. 1–6.

Oldenburg, S.F. (1919). *Pervaya Buddistskaya vystavka v S. Peterburge. Ocherk* [The First Buddhist Exhibition in St. Petersburg. Essay]. St. Petersburg. 41 p.

Oldenburg, S.F. (1922). *Peshchery tysyachi Budd* [Caves of a Thousand Buddhas]. In *Vostok. Zhurnal literatury, nauki i iskusstva*. Petersburg. Book one, pp. 57–66.

Polyanskaya, O.N. (2018). *Istoriya i kul'tura mongol'skih narodov v trudakh vostokoveda V.P. Vasil'eva (1818–1900)* [History and Culture of the Mongolian Peoples in the Works of Orientalist V.P. Vasilyev (1818–1900)]. In *Gumanitarnyy vector*. Vol. 13, No. 4, pp. 171–176.

Polyanskaya, O.N. (2022). *Ekspeditsionnaya deyatel'nost' A.M. Pozdneeva (1851–1920) v kontekste istorii razvitiya nauchnogo mongolovedeniya v Rossii* [Expeditionary Activities of A.M. Pozdneev (1851–1920) in the Context of the History of the Development of Scientific Mongolian Studies in Russia]. In *Elektronnyy nauchnyy i obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 13, No. 4 (114). Available at: URL: <https://history.jes.su/s207987840021200-9-1/> (date of access 25.12.2024).

Polyanskaya, O.N. (2024). *Nauchnoe nasledie mongoloveda A.M. Pozdneeva o buddizme u buryat XVIII – nachala XX v.: ot rasprostraneniya do integratsii v sotsiokul'turnoe prostranstvo* [Scientific Heritage of the Mongolian Scholar A.M. Pozdneev on Buddhism among the Buryats of the 18th – Early 20th Centuries: From Dissemination to Integration into the Socio-Cultural Space of Russia]. In *Gumanitarnyy vector*. Vol. 19, No. 1, pp. 43–52.

Polyanskaya, O.N. (2017). *Zhizn', sud'ba i nauchnoe nasledie mongolovedov Rossii posle 1917 g.: A.M. Pozdneev (1851–1920)* [The Life, Fate, and Scientific Legacy of the Mongol Scholars of Russia after 1917: A.M. Pozdneev (1851–1920)]. In *Tarmakhanovskie chteniya – I: Rossiyskaya revoliutsiya 1917 g. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Ulan-Ude, pp. 98–105.

Polyanskaya, O.N. (2015). *Mongol'skiy yazyk v Irkutskoy dukhovnoy seminarii: A.M. Orlov (1816–1889)* [The Mongolian Language at the Irkutsk Theological Seminary: A.M. Orlov (1816–1889)]. In *Pravoslavie i diplomatiya v stranakh Aziatsko-Tihookeanskogo regiona: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ulan-Ude, 29.01.2015–30.01.2015)*. Ulan-Ude, pp. 57–64.

Polyanskaya, O.N. (2025). *Deyatel'nost' Vostochno-Sibirskogo otdela RGO po izucheniyu mongol'skih narodov. Ya.P. Dubrova – missioner i etnograf* [Activities of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society for the Study of Mongolian Peoples. J.P. Dubrova – Missionary and Ethnographer]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 98, pp. 66–76.

Romanov, N.S. (1993). *Letopis' goroda Irkutsk* [Chronicle of the City of Irkutsk for 1881–1901]. Irkutsk, Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 544 p.

Romanov, N.S. (1994). *Letopis' goroda Irkutsk* [Chronicle of the City of Irkutsk for 1902–1924]. Irkutsk, Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 560 p.

Rudnev, A.D. (1905). *Zametki o tekhnike buddiyskoy ikonografii u sovremennykh zura-chinov (khudozhnikov) Urgi, Zabaykal'ya i Astrahanskoy gubernii* [Notes on the Technique of Buddhist Iconography among Modern Zurachins (Artists) of Urga, Transbaikalia and Astrakhan Province]. In *Sbornik MAE*. Vol. 5, pp. 5–15.

Syrtypova, S.D. (2023). *Buddologiya v Rossii: "Vostochnyy proekt" Shcherbatskogo v svete XXI v.* [Buddhology in Russia: Shcherbatsky's "Eastern Project" in Light of the 21st Century]. In *Vostok. Afro-aziatskie obshestva: istoriya i sovremennost*. Iss. 6, pp. 193–204.

А.И. Свирепов*

**НИКОЛАЙ САВЕЛЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ:
БИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА
В КОНТЕКСТЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РАННЕСОВЕТСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ****doi:10.31518/2618-9100-2026-3-10
УДК 94(571.1/.5)"192":338.26*Выходные данные для цитирования:**Свирепов А.И. Николай Савельевич Васильев: биография интеллектуала в контексте драматической истории раннесоветского планирования // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 138–150.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-10.pdf>*

A.I. Svirepov*

**NIKOLAI SAVELIEVICH VASILIEV:
BIOGRAPHY OF AN INTELLECTUAL
IN THE CONTEXT OF THE DRAMATIC HISTORY
OF EARLY SOVIET PLANNING****

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-10

*How to cite:**Svirepov A.I. Nikolai Savelievich Vasiliev: Biography of an Intellectual in the Context of the Dramatic History of Early Soviet Planning // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 138–150. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-10.pdf>]*

Abstract. This article focuses on the reconstruction of the professional biography of Nikolai Savelievich Vasiliev, a key yet forgotten figure in Siberian regional planning during the 1920s. Based on the administrative records of Sibkraiplan (Siberian Regional Planning Commission) and Rabkrin (Workers' and Peasants' Inspectorate), as well as specialized periodicals of that period, the study traces N.S. Vasiliev's activities related to various stages of the formation of prospective planning: economic zoning, conjuncture observations, control figures, the general plan, and the five-year plan. The life trajectory of N.S. Vasiliev represents a biography quite characteristic of the "old intelligentsia" who integrated into the apparatus of Soviet institutions. His professional competencies were formed through a high-quality pre-revolutionary university education. During the Revolution and the Civil War, N.S. Vasiliev held positions in the Tomsk city self-government and belonged to the Menshevik Party. In 1919, he withdrew from political activity, and after the restoration of Soviet power in Tomsk, he continued his previous work in municipal economy the city's Department of Communal Economy. The implementation of the tasks set by the party leadership to establish the planning principle in the Soviet economy proved impossible without utilizing the intellectual potential of "bourgeois specialists". In 1921, N.S. Vasiliev became an employee of the Tomsk Provincial Planning Commission, and the following year, of Sibplan. Due to the novelty of the planning methodology and the uncertainty of the Bolshevik leadership's political vision in this field until the late 1920s, "old specialists" enjoyed significant autonomy in their activities. The situation in Sibkraiplan changed in 1928; after the removal of key regional planning figures such as N.Ya. Novombergsky and V.G. Boldyrev, the role of "old specialists" narrowed from planning ideologists to technical executors of political directives. In 1928, N.S. Vasiliev ceased to head the development of control figures. However, even in this role, "old specialists" drew mistrust from the party leadership. The "General Purge" of the Soviet apparatus in 1929–1932 led to the actual removal of a significant group of "spetsy" from Soviet institutions, marking the end of the autonomy of planning as a sphere of intellectual activity. As a result of the "purge" of the Kraiplan apparatus, N.S. Vasiliev was dismissed; he subsequently worked for Sibgosstroytrest and Zapsibproekt.

* **Александр Игоревич Свирепов**, студент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

Aleksandr Igorevich Svirepov, Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.svirepov@g.nsu.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005). The article was made on the topic of the state assignment "Socioeconomic Potential of Russia's Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context" (FWZM-2024-0005).

Keywords: planning, “old specialists”, “General Purge” of the Soviet apparatus, Siberian Krai, 1920s.

The article has been received by the editor on 15.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Данная статья посвящена реконструкции профессиональной биографии Николая Савельевича Васильева – одного из ключевых, но забытых деятелей сибирского регионального планирования в 1920-е годы. На основе делопроизводственной документации Сиб(край)плана, РКИ, а также профильной публицистики тех лет прослеживается деятельность Н.С. Васильева, связанная с различными этапами становления перспективного планирования: районирование, конъюнктурные наблюдения, контрольные цифры, генеральный план, пятилетний план. Жизненная траектория Н.С. Васильева представляет собой биографию достаточно характерную для представителей «старой интеллигенции», интегрировавшихся в аппарат советских учреждений. Его профессиональные компетенции формировались благодаря получению качественного дореволюционного университетского образования. Во время Революции и Гражданской войны Н.С. Васильев занимал должности в томском городском самоуправлении и принадлежал к партии меньшевиков. В 1919 г. он, после восстановления советской власти в Томске, отходит от политической деятельности, продолжая прежнюю хозяйственную деятельность в городском коммунальном отделе. Осуществление поставленных партийным руководством задач утверждения планового начала в советской экономике оказалось невозможным без использования интеллектуального потенциала «буржуазных специалистов». В 1921 г. Н.С. Васильев стал сотрудником Томской губернской плановой комиссии, а в следующем году – Сибплана. В силу новизны методологии планирования и неопределенности политического видения большевистского руководства в данной области до конца 1920-х годов «старые специалисты» пользовались значительной автономией в своей деятельности. В Сибкрайплане ситуация изменилась в 1928 г. после отстранения от работы на ключевых постах таких важных деятелей регионального планирования, как Н.Я. Новомбергский и В.Г. Болдырев, роль «старых специалистов» от идеологов планирования сужается до функции технических исполнителей политических директив. В 1928 г. Н.С. Васильев перестает возглавлять разработку контрольных цифр. Однако даже в этой роли «старые специалисты» вызывали недоверие у партийного руководства. «Генеральная чистка» советского аппарата 1929–1932 гг. приводит к фактическому изъятию значительной группы «спецов» из советских учреждений, что становится концом автономии планирования как сферы интеллектуальной деятельности. В результате «чистки» аппарата Крайплана Н.С. Васильев был уволен, впоследствии работал в Сибгосстройтресте и Запсибпроекте.

Ключевые слова: планирование, «старые специалисты», «генеральная чистка» совapparата, Сибирский край, 1920-е годы.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026 г.

История раннего советского планирования – это путь компромисса партийного руководства и «старых специалистов», время открывшихся возможностей для научного поиска, одной из важнейших составляющих которого становится региональное планирование, являвшееся в тот период самодостаточной его частью, а не просто исполнением директив Центра. Цель данной статьи состоит в историко-биографической реконструкции интеллектуальной деятельности Николая Савельевича Васильева, одного из пионеров сибирского регионального планирования, имя которого оказалось незаслуженно забытым, в отличие от имен

других сибирских плановиков 1920-х годов, прежде всего Н.Я. Новомбергского и В.Г. Болдырева. Теоретической основой исследования деятельности Н.С. Васильева в советских плановых органах являются концепции Роберта Мертон о существовании интеллектуалов в государственной бюрократии, сохраняющие свою актуальность для рассматриваемой проблематики¹. Роль Н.С. Васильева в становлении регионального планирования определялась тем, что он выступал одним из ключевых разработчиков составляющих его направлений – от принципов районирования до разработок первого пятилетнего плана Сибири. Биография Н.С. Васильева представляет собой жизненную траекторию, характерную для многих «старых специалистов» в 1920-х годах: включение/допущение в советский управленческий аппарат; дальнейший период интеллектуальной и весьма эффективной деятельности в качестве управленца; последующее вытеснение/исключение из сферы управления во время «Великого перелома».

Для того чтобы проследить процесс формирования профессиональных качеств и мировоззрения Н.С. Васильева, необходимо обратиться к фактам его ранней биографии, предшествовавшей работе в Сибплане. Информацию о жизни и деятельности Н.С. Васильева позволяют реконструировать сведения из личных дел², данные биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России»³, а также материалы персональной «чистки»⁴. Николай Савельевич родился 14 ноября 1882 г. в Тамбове. Он рано лишился матери, а в 8 лет потерял отца. В дальнейшем воспитывался в чужой семье. В 12 лет Николай был определен в Тамбовскую классическую гимназию и в пансион при ней в качестве стипендиата. После окончания гимназии Николай поступает в Харьковский университет на физико-математический факультет. Как и для многих участников революционного движения, обучение в университете становится поворотным моментом в его политическом становлении. В Харькове Николай вовлекается в студенческое движение, вызванное русско-японской войной, за что впоследствии отчисляется из университета и высылается из города.

Вернувшись в родной Тамбов в 1904 г., Н.С. Васильев вступает в местную организацию РСДРП, партийный псевдоним – Савич, в то время он был большевиком. В последующий революционный год ведет партийную работу. В марте 1905 г. Н.С. Васильев подвергся первому аресту по подозрению в агитации среди рабочих фабрики в селе Рассказове. Позже он руководил октябрьской забастовкой в Тамбове. В декабре выезжает в Таммерфорс, чтобы принять участие в конференции большевиков в качестве делегата от Тамбовской организации. По возвращении в Тамбов Николай Савельевич был арестован, а весной 1906 г. в административном порядке высылается в Нарымский край сроком на 4 года.

В указанном словаре есть две статьи, посвященные Н.С. Васильеву: одна названа «Васильев Николай С. («Савич»)» и охватывает его деятельность до высылки в Сибирь, другая следует сразу за ней и названа «Васильев Николай Савельевич» и освещает уже следующий этап его жизни. Эти два периода настолько не похожи друг на друга, что составители словаря не были уверены в том, что это биография одного человека. Во время отбывания в нарымской ссылке Н.С. Васильев выезжал в Томск, где установил связь с местной организацией социал-демократов. В 1908 г. срок ссылки был сокращен, после чего он возвратился в Тамбов под гласный надзор полиции. Однако в 1909 г. вновь вернулся в Томск, где продолжил партийную работу. В 1910 г. Н.С. Васильев поступает в университет на юридический факультет, который оканчивает в 1914 г. На данном этапе происходит его отход от прежнего радикализма и переход в меньшевизм, а также профессиональное становление. В 1911 г. начинается его служба в статистическом отделе Томского переселенческого управления, где он руководил работами по статистико-экономическому обследованию хозяйств переселенцев и старожилов в Каинском и Барнаульском уездах Томской губернии, а в 1916 г. принимал участие во всероссийской сельскохозяйственной переписи

¹ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 338–359.

² Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1894; Ф. Р-12. Оп. 2л. Д. 132.

³ Деятели революционного движения в России: от предшественников декабристов до падения царизма: биобиблиографический словарь. М., 1933. Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904. Вып. 2: В–Г. Стб. 687–688.

⁴ ГАО. Р-288. Оп. 2. Д. 277.

в качестве окружного руководителя в Томской губернии. Помимо этого, Н.С. Васильев сотрудничал в различных изданиях, в том числе в газете «Сибирская жизнь», где вел международное обозрение, а также помещал статьи по политическим и экономическим вопросам, тем самым приобретая опыт публициста.

После окончания университета становится помощником присяжного поверенного округа Омской судебной палаты, а также возглавляет Статистическое бюро Томской городской управы. С началом Революции 1917 г. Томск в силу концентрации студенчества и интеллигенции становится центром политических событий в Сибири. Н.С. Васильев избран членом первого легального объединенного социал-демократического комитета, входит в созданный вместо прежних административных органов Комитет общественного порядка и безопасности, затем избирается товарищем председателя Томского городского народного собрания. Его кандидатура выставилась от меньшевиков в ходе выборов в Учредительное собрание. После Октябрьского переворота и провозглашения советской власти в Томске большевики, не имея прочной поддержки в городе, действовали достаточно осторожно, органы городского самоуправления были официально распущены только в конце марта 1918 г.⁵

Во время власти антибольшевистских сил городское самоуправление было восстановлено. В 1919 г. Н.С. Васильев фактически отходит от политической деятельности. После повторного упразднения органов местного самоуправления в результате восстановления власти большевиков Н.С. Васильев входит в административные органы, созданные новыми властями, фактически продолжая прежнюю управленческую деятельность, однако теперь уже в Томском коммунальном отделе. В 1920 г. он также назначен помощником заведующего Томским губстатбюро. Помимо этого, Николай Савельевич также с 1921 г. преподавал на экономическом отделении факультета общественных наук Томского университета.

С момента прихода к власти большевики стремились подчинить экономические процессы плановому началу, однако полноценное формирование системы плановых органов началось после создания Госплана в феврале 1921 г. В Сибири эти задачи стали реализовываться даже несколько раньше: в январе 1920 г. в структуре Сибревкома был организован экономический отдел, впоследствии преобразованный в начале 1921 г. для осуществления задачи координации деятельности различных хозяйственных ведомств в регионе в целях построения единого хозяйственного плана, позднее реорганизованный в Сибгосплан⁶. На губернском уровне также образовывались плановые комиссии. Несмотря на то, что элементы планирования в отдельных отраслях экономики внедрялись еще в Российской империи (особенно в период Первой мировой войны)⁷, полное подчинение хозяйственных процессов плану стало принципиально новой задачей. Ее решение требовало привлечения специалистов, обладавших глубокими знаниями в области статистики и экономики. Партийное руководство, испытывая острое недоверие к «старой интеллигенции», было вынуждено пойти на массовое использование опыта «спецов» в советском аппарате. Особенно специфическая ситуация сложилась в Сибири, где прослойка интеллигенции была малочисленна, а многие ее представители участвовали в антибольшевистских движениях. Первоначальный состав экономического отдела фактически полностью формировался из «старой интеллигенции»⁸, коммунисты сохраняли в нем лишь формальное руководство. Некоторые из «старых специалистов», в частности известный ученый и общественно-политический деятель Н.Я. Новомбергский, а также ряд других профессионалов, по запросам от руководства отдела в Представительство ВЧК специально освобождались из мест заключения для работы в этом отделе⁹. В сложившейся ситуации кадрового голода опыт работы

⁵ Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 127–147.

⁶ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 92б. Л. 6–8 об.; Д. 192. Л. 59–60; Д. 588. Л. 20; Д. 727. Л. 192–193.

⁷ Тимошенко А.И. План или стихия рынка? (Из истории государственного планирования) // ЭКО. 2007. № 1. С. 124–140.

⁸ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 13. Л. 93.

⁹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 560. Л. 2; Подробнее о Н.Я. Новомбергском см.: Акишин М.О. Политические взгляды и государственная деятельность Н.Я. Новомбергского // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 5–11.

в статистических органах и знания экономики Сибири бывшего меньшевика Н.С. Васильева оказались крайне востребованы. В 1921 г. он становится членом Томской губернской плановой комиссии.

В 1921 г. усилиями заведующего экономическим отделом (также в прошлом известного меньшевика) Ивана Михайловича Майского сформировался достаточно квалифицированный состав отдела, преобразованного в середине года в Сибгосплан¹⁰. Однако в конце 1921 – начале 1922 г. Сибплан лишился ряда сотрудников, часть которых оказалась затребована учреждениями Центра, в частности Госпланом. Отдельные сотрудники также были заняты в других ведомствах по совместительству¹¹. В этих условиях в августе 1922 г. Н.С. Васильеву поступило предложение занять должность члена Коллегии Сибплана с переездом в Ново-Николаевск.

Следующий, 1923 г. стал переходным для Сибплана: происходит отход от преимущественно консультативных функций к экспертным, лежавшим в основе плановой работы. Начало реформы районирования должно было создать фундамент для перспективного планирования. Ключевым принципом реформы стало деление территорий в соответствии с их экономической специализацией. Реформа предполагала укрупнение существовавших административных единиц, создание регионов, самодостаточных в своей хозяйственной основе, имеющих специализацию в общесоюзном разделении. Этот вопрос был неразрывно связан с защитой региональных интересов Сибири. Возглавил работы по районированию региона Н.С. Васильев, руководивший в то время в Сибплане секцией общей экономики¹². Разработанный Госпланом проект предполагал деление Сибири на несколько экономических областей, что ликвидировало единый макрорегион, сложившийся в результате создания Сибревкома. Работа Н.С. Васильева заключалась в том, чтобы усовершенствовать на той стадии достаточно условный проект Госплана. Обсуждение вопроса о проекте районирования Сибири Госплана потребовалось вынести на предстоящий съезд председателей губпланов и представителей губстатбюро. Материалы доклада Н.С. Васильева о проекте районирования были опубликованы в виде статьи в № 2–3 «Жизни Сибири»¹³.

В итоге изложенные в статье дополнения к проекту Госплана оказались приняты в резолюции по докладу Н.С. Васильева на съезде 29 марта 1923 г.¹⁴. 2 июня в структуре Сибплана учреждалась секция районирования, которую возглавил Н.С. Васильев¹⁵. Проведение районирования оказалось достаточно сложным процессом, связанным с разрешением многочисленных противоречий на различных административных уровнях. Так, возникла проблема с определением границ Обской области. Несмотря на то, что проект Госплана включал Тобольский север, Ялуторовский, Тюменский, Ишимский и Курганский уезды в состав Обской области, Уральское ЭКОСО запроектировало их в составе Уральской области. Для разрешения этого конфликта в августе в Омске проходило совещание представителей Сибири и Урала с участием представителей Госплана, однако на нем противоречия урегулированы не были¹⁶. В ноябре 1923 г. постановлением ВЦИК была образована Уральская область, куда включались Ялуторовский, Тюменский и Курганский уезды, а Тобольский север и Ишимский уезд также вошли в состав созданной области. Помимо противоречий разграничения с Уралом, процесс районирования также вызвал столкновения территориальных интересов с Киргизской АССР (в последующем – Казахской Республикой)¹⁷.

Сибирское руководство стремилось отстоять целостность единого макрорегиона. Работа секции под руководством Н.С. Васильева была призвана сформулировать необхо-

¹⁰ ГАНО. Р-1. Оп. 1. Д. 727. Л. 192–193.

¹¹ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2л. Д. 232, 347, 504, 590, 706, 918, 940; ГАНО. Р-1180. Оп. 1. Д. 149. Л. 31–31 об., 195.

¹² ГАНО. Р-1180. Д. 46. Л. 39–40 об.; Д. 149. Л. 86–87; Р-12. Оп. 2л. Д. 132. Л. 5 об.–6.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 220. Л. 9–28; *Васильев Н.С.* Областное районирование Сибири (К проекту Госплана) // *Жизнь Сибири*. 1923. № 2–3. С. 47–54.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-1180. Д. 149. Л. 110.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2л. Д. 132. Л. 5 об.–6; Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 149. Л. 155–159.

¹⁶ Итоги работы главнейших комиссий Сибревкома: Работы Сибплана по районированию // *Жизнь Сибири*. 1923. № 9–10. С. 79–84.

¹⁷ *Вележев Д.П.* К работам V СибЭКОСО: В деле районирования // *Жизнь Сибири*. 1924. № 2. С. 29–32.

димые обоснования для обеспечения административно-территориального единства Сибири. В 1924 г. Сибплан пересмотрел проект районирования, предложенный Госпланом. Вместо предполагаемого создания областей на территории Сибири было предложено образование единой административной единицы, включающей в себя всю Сибирь. 20 августа состоялся доклад Н.С. Васильева в Сибревкоме о новой схеме районирования¹⁸. Разработка нового проекта районирования завершилась к декабрю¹⁹.

В 1925 г. реформа районирования вышла на завершающий этап. Весной 1925 г. в центральные органы было внесено три конкурирующих проекта районирования Сибири и Дальнего Востока: проекты Сибревкома, Иркутского губисполкома, Дальревкома²⁰. В конце апреля началось совещание местных работников Сибири и Дальнего Востока при Секции районирования Госплана, которое должно было выработать единый план районирования. Совещание работало совместно с Комиссией ВЦИК по районированию²¹. Представителем от Сибири на этом совещании выступал Н.С. Васильев²². 25 мая Президиум ВЦИК утвердил образование Сибирского края в пределах территории, подведомственной Сибревкому²³. Сохранение единства региона стало значимым достижением руководства Сибревкома, чьи усилия опирались на разработки секции районирования, возглавляемой Н.С. Васильевым. Существование единого макрорегиона послужило весомым подспорьем в защите интересов края перед союзным центром.

Другим направлением, послужившим предпосылкой к созданию перспективного плана, стали конъюнктурные наблюдения, начатые в Сибплане с 1924 г. Эту деятельность также возглавил Н.С. Васильев, совмещая ее с руководством работами по районированию. 2 июля в Сибревкоме был заслушан первый доклад о конъюнктуре хозяйства Сибири за май 1924 г. Этот доклад получил высокую оценку в «Советской Сибири» как «первая серьезная и научно поставленная попытка в деле изучения динамики Сибирского хозяйства»²⁴. Начиная с № 5–6, конъюнктурные обзоры за прошедшие месяцы публиковались в журнале «Жизнь Сибири»²⁵. Конъюнктурные наблюдения имели очень важное значение, так как оказывали непосредственное влияние на корректирование текущей экономической политики сибирского руководства. Доклады о конъюнктуре заслушивались на заседаниях Президиума Сибревкома, а с 1926 г. – Сибкрайисполкома. Конъюнктурные обзоры систематически фиксировали динамику восстановительных процессов прежде всего в сельском хозяйстве и соответственный рост спроса на промышленные товары в деревне в ситуации недоснабжения Сибири этими товарами со стороны Центра, что имело негативное влияние на хлебозаготовки²⁶. В постановлениях Сибревкома по конъюнктурным обзорам за ноябрь 1924 г., март-апрель 1925 г. признавалось необходимым ходатайствовать перед Центром об улучшении снабжения промышленными товарами²⁷. Именно наблюдения за конъюнктурой сибирского хозяйства, раз за разом свидетельствовавшие о «товарном голоде», послужили обоснованием необходимости ускоренного развития местной промышленности, ориентированного в тот момент прежде всего на решение местных задач. Постановление Сибревкома по конъюнктурному обзору за июль 1925 г. содержало декларацию необходимости перехода к индустри-

¹⁸ В Сибревкоме (заседание 20 августа). Районирование Сибири (доклад т. Васильева) // Советская Сибирь. 1924. 24 авг. № 192. С. 6; Новое районирование Сибири (Доклад Сибплана в Сибревкоме) // Советская Сибирь. 1924. 26 авг. № 193. С. 6.

¹⁹ ГАНО. Р-1180. Оп. 1. Д. 262. Л. 65–66 об.

²⁰ Плановое хозяйство. 1925. № 9. С. 238–257.

²¹ Плановое хозяйство. 1925. № 4. С. 326–328.

²² ГАНО. Р-1. Оп. 1. Д. 1894. Л. 46–48.

²³ Образование Сибирского края // Советская Сибирь. 1925. 27 мая. № 119. С. 1.

²⁴ Хозяйство Сибири. Хозяйственная конъюнктура Сибири // Советская Сибирь. 1924. 5 июля. № 151. С. 6.

²⁵ Тамарин А., Васильев Н. Конъюнктура сибирского народного хозяйства в июле 1924 года // Жизнь Сибири. 1924. № 5–6. С. 257–267.

²⁶ Сибирский конъюнктурный совет. Обзор конъюнктуры Сибирского хозяйства за ноябрь месяц 1924 г. // Жизнь Сибири. 1925. № 1. С. 140–152; Сибирский конъюнктурный совет. «Обзор мартовской конъюнктуры Сибири» // Жизнь Сибири. 1925. № 5. С. 80–87.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-1180. Оп. 1. Д. 257. Л. 26–26 об., 57; Д. 258. Л. 87–87 об.

ализации Сибири²⁸. Помимо информирования руководства края о состоянии хозяйства региона, конъюнктурные обзоры стали важным инструментом накопления статистических сведений о сибирском хозяйстве, заложив фундамент для последующего перспективного планирования.

Конец 1925 г. стал важным рубежом в истории отечественного планирования. XIV съезд ВКП(б) провозгласил «курс на индустриализацию»²⁹. Логическим продолжением этой линии стали резолюции апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б), декларирующие необходимость «усиления планового начала» в хозяйственной деятельности. Также указывалось на необходимость освобождения высших плановых органов от мелких задач для сосредоточения на основных направлениях планирования³⁰. В 1925 г. Госпланом были представлены контрольные цифры на 1925/1926 г., которые являлись первой попыткой перспективного планирования³¹. В марте 1926 г. состоялся I съезд Президиумов Госпланов. Сибплан на нем представляли заместители председателя Лев Исаакович Эпштейн, Владимир Алексеевич Ветров и Николай Савельевич Васильев³². Съезд наметил более серьезный уклон в сторону плановой работы вместо рассмотрения текущих вопросов³³. В соответствии с новыми директивами произошли изменения в направлении работы Сибплана. Постановлением Президиума Сибкрайплана от 22 мая одним из основных направлений работ было признано составление контрольных цифр развития народного хозяйства региона на 1926/1927 хоз. год³⁴. Оно стало главным для деятельности Сибкрайплана в 1926 г. Руководство этой работой легло на Н.С. Васильева. Если раньше Сибплан лишь составлял операционные планы по отдельным отраслям хозяйства или по проведению отдельных хозяйственных мероприятий, то контрольные цифры предполагали учет связей и взаимодействия всех отраслей регионального хозяйства. Таким образом, их разработка являлась первым шагом к перспективному планированию³⁵. На первом этапе основной задачей выступал сбор надежных статистических материалов и создание методологии и методов регионального планирования³⁶.

Обсуждение контрольных цифр на Пленуме Крайисполкома 5–8 декабря и Первого, после образования округов, планового совещания 10–14 декабря 1926 г. стало завершением 8-месячной работы по построению контрольных цифр³⁷. Важным для понимания значения данного обсуждения является то, что контрольные цифры скорее выступали не плановой директивой, а прогнозом развития отраслей регионального хозяйства, сделанным на основе данных о предыдущем развитии³⁸. Это роднит контрольные цифры с конъюнктурными наблюдениями, с которыми этот метод органично связан, можно сказать, что контрольные цифры – это попытка просчитать конъюнктуру будущего хозяйственного года. Однако, в отличие от конъюнктурных обзоров, в контрольных цифрах содержался и устанавливающий элемент, требующий его исполнения. Контрольные цифры задают показатели, которые могут быть достигнуты исходя из сложившейся ранее экономической ситуации. В этом смысле они воплощают в себе генетический принцип планирования. Обсуждение контрольных цифр, как и в случае с конъюнктурными обзорами, было нацелено на выработку

²⁸ Сибирский конъюнктурный совет. Обзор июльской конъюнктуры сибирского народного хозяйства // Жизнь Сибири. 1925. № 9. С. 123–129; Законодательство. Индустриализация Сибири // Жизнь Сибири. 1925. № 10–11. С. 215–223.

²⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1984. Т. 3: 1922–1925. С. 429.

³⁰ Там же. М., 1984. Т. 4: 1926–1929. С. 10–11.

³¹ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925–1926 г. М.; Л., 1925.

³² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1894. Л. 55–56.

³³ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 396. Л. 28–30 об.

³⁴ Там же. Л. 40–41.

³⁵ Реминный. Работа Сибирской краевой плановой комиссии за июль–август 1926 года // Жизнь Сибири. 1926. № 7–8. С. 167–176.

³⁶ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 396. Л. 54–55 об.

³⁷ Вележнев Д.П. Постановление 4 пленума крайисполкома // Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 106–108; М.И. Реминный. Первое краевое совещание плановых комиссий Сибкрая // Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 113–123.

³⁸ Певзнер А.М. Контрольные цифры на 1926–27 год // Советская Сибирь. 1926. 4 дек. № 281. С. 2.

основных направлений дальнейшего развития сибирского хозяйства на основе представленных Крайпланом разработок. Главной задачей планирования, сформулированной в докладах А.М. Певзнера и Р.И. Эйхе, становилась индустриализация Сибири³⁹. Предполагалось осуществлять развитие в регионе отраслей промышленности исходя из имеющихся ресурсов.

Несмотря на то, что постановление о контрольных цифрах выделяло приоритетные направления развития промышленности, главным новшеством этого плана, по сравнению с абстрактным пятилетним планом развития промышленности, разработанным в 1925 г., являлся акцент на индустриализации сельского хозяйства, основывающейся на переработке местного сырья. Этому направлению развития уделялось больше всего внимания в статьях и выступлениях, освещающих контрольные цифры. Целью планирования являлось превращение Сибири в «промышленно-аграрный комбинат», что подразумевало становление региона как самодостаточной и равноправной части хозяйственного организма Союза.

Не менее важным, чем направления развития, определяемые контрольными цифрами, являлся сам опыт планирования. Можно сказать, что их построение стало опытной площадкой для сибирских плановиков, фундаментом на котором должно было осуществляться перспективное планирование. При всех своих недостатках контрольные цифры впервые содержали данные о хозяйстве Сибири как о едином целом. Эти материалы были выпущены отдельным изданием⁴⁰. В статье А.М. Певзнера подчеркивалась важность контрольных цифр для экономической политики как объективного отражения состояния хозяйства Сибири без ведомственных «прикрас»⁴¹. Таким образом, Бюро контрольных цифр под руководством Н.С. Васильева создало статистический и методологический базис для будущего перспективного планирования, снабдив руководство края данными о состоянии сибирского хозяйства и выработав основные направления его развития.

Постановления Пленума и планового совещания по контрольным цифрам лишь в общих чертах наметили основные направления развития экономики Сибири. Следующим этапом становилась разработка генерального плана, которая должна была конкретизировать эти направления и определить будущее развитие региона на 15 лет вперед. 22 декабря была создана Комиссия по генеральному плану, ее возглавил проф. Н.Я. Новомбергский, в состав комиссии вошли проф. В.Г. Болдырев, Н.С. Васильев, Л.Е. Клейтман и И.Ф. Трелин⁴².

Работа по составлению генерального плана должна была начаться еще в феврале 1926 г., однако тогда все силы были брошены на построение контрольных цифр. Госплан поставил в качестве сроков окончания работ по генеральному плану май⁴³. Это была грандиозная задача, потребовавшая привлечения сил не только хозяйственных ведомств, но и всего научного потенциала Сибири. Главным идеологом построения этого плана выступал Н.Я. Новомбергский. В своей статье в журнале «Жизнь Сибири» он подчеркивает значение этого плана для того, чтобы Сибирь из «сырьевой колонии» стала равноправной частью общесоюзного хозяйственного организма⁴⁴. В то же время при видении широких возможностей Сибири благодаря богатым природным ресурсам Н.Я. Новомбергский подчеркивал необходимость реалистичного планирования исходя из опыта предыдущего развития и наличия не только сырьевых, но также финансовых и материальных ресурсов. Своевременная подача плановых материалов была критически важна: это позволяло региону обозначить свои приоритеты. В противном случае Центр утвердил бы проектировки, не учитывая интересы Сибири⁴⁵. Роль Н.С. Васильева в составлении генплана была существенной: в частности, он замещал

³⁹ IV-й пленум Сибкрайисполкома: Контрольные цифры на 1926–27 год // Советская Сибирь. 1926. 7 дек. № 283. С. 3.

⁴⁰ Народное хозяйство Сибирского края (по контрольным цифрам на 1926–27 г.) // Р.С.Ф.С.Р. Сиб. краев. плановая комиссия. Новосибирск, 1926.

⁴¹ Певзнер А.М. Контрольные цифры на 1926–27 год... С. 2.

⁴² Н.А. Хроника краеведения: Генеральный план народного хозяйства сибирского края // Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 101–102.

⁴³ Н.А. Хроника краеведения...

⁴⁴ Новомбергский Н.Я. О построении генерального плана развития народного хозяйства Сибкрая // Жизнь Сибири. 1927. № 2. С. 5–29.

⁴⁵ Реминный М. Работа Сибкрайплана (февраль-март 1927 г.) // Жизнь Сибири. 1927. № 3–4. С. 128.

Н.Я. Новомбергского на посту председателя Комиссии в самый разгар работы над планом с 21 февраля по 16 марта. В это время Н.Я. Новомбергский находился в Москве, где информировал Госплан о ходе составления генерального плана развития хозяйства региона⁴⁶.

Работа над генеральным планом завершилась к лету 1927 г., 14 июля генплан был представлен Особому совещанию при Госплане⁴⁷. Однако еще в процессе разработки генерального плана II съезд плановых комиссий, состоявшийся в марте, обозначил новое направление работ – составление пятилетнего плана, эта задача также была поручена Комиссии⁴⁸. Магистральным направлением планирования вскоре становится пятилетний план.

В своем подходе к разработке пятилетнего плана Н.Я. Новомбергский и Н.С. Васильев являлись сторонниками генетического подхода. В своих статьях они продвигают идею бюджетных лимитов – ограничений, которые должны были сдерживать рост планируемых показателей⁴⁹. На тот момент эти идеи поддерживались сибирским руководством. Несколько позже во время обсуждения директив к построению пятилетки, вероятно, в конце 1927 г., Н.Я. Новомбергский выдвинул идею «перманентного планирования», суть которой заключалась в ежегодном пересмотре показателей контрольных цифр в рамках пятилетнего плана в соответствии с хозяйственной конъюнктурой. Эта идея вызвала дебаты, по-видимому, ее поддержали некоторые сотрудники Сибплана, в частности Н.С. Васильев⁵⁰. Дискуссия даже выплеснулась на страницы журнала «Жизнь Сибири». С пометкой о том, что статья публикуется в рамках дискуссии и редакция не разделяет мнения автора, была опубликована статья Н.Я. Новомбергского с изложением его концепции⁵¹.

Критический ответ на нее в следующем номере опубликовал член Комиссии по перспективному плану Л.Е. Клейтман⁵². С критикой всей деятельности Сибплана и в частности позиции Н.Я. Новомбергского о принципах планирования выступил в «Советской Сибири» Михаил Алексеевич Минеев⁵³. До своих выступлений в прессе он возглавлял барнаульский окрплан. В июле стал членом Президиума Крайплана⁵⁴. В 1928 г. в планировании все более усиливались позиции телеологов, в противоположность методологии «плана-прогноза», базировавшегося на учете знания предшествовавшего экономического состояния страны, предлагавших отдавать приоритет принципу «плана-директивы». В то же время «Шахтинское дело» радикально изменило отношение к «старым специалистам»⁵⁵. В общественный дискурс входит понятие «вредительство», которое вскоре станет универсальным ярлыком для дискредитации сторонников генетического подхода. Произошла смена руководства Сибплана: на смену А.М. Поволоцкому пришел В.Н. Хронин. В состав Президиума в качестве заместителя председателя был включен М.С. Богуславский – видный левый оппозиционер и бывший глава Малого Совнаркома РСФСР⁵⁶. После исключения из партии на XV съезде он был направлен на работу в Сибирь, что стало важным кадровым усилением директивного крыла плановиков.

Изменения в отношении к «старым специалистам» отразились в статье Хронина, где он высказывает некоторую критику их позиции⁵⁷. Состоявшееся в мае 1928 г. совещание

⁴⁶ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 518. Л. 10, 13–13 об.

⁴⁷ Новицкий С. Прохождение генплана Сибири в Госплане // Жизнь Сибири. 1927. № 3–4. С. 113–117.

⁴⁸ Реминный М. Работа Сибкрайплана (апрель 1927 г.) // Жизнь Сибири. 1927. № 5. С. 99–102.

⁴⁹ Н.Н. Ближайшая задача перспективного планирования // Жизнь Сибири. 1927. № 9–10. С. 191–195; Васильев Н.С. Методология перспективного планирования // Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 14–20.

⁵⁰ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 2 Д. 277.

⁵¹ Н.Н. От плановых скрижалей к реальному плану // Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 21–25.

⁵² Клейтман Л. «Разбитые скрижали» // Жизнь Сибири. 1928. № 2. С. 29–33.

⁵³ Минеев М. Смелее, смелее! // Советская Сибирь. 1928. 9 июня. № 132. С. 2; Минеев М. Как Сибплан расправился с коллективизацией деревни // Советская Сибирь. 1928. 19 мая. № 115. С. 4.

⁵⁴ ГАНО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2331. Л. 132.

⁵⁵ Подробнее см.: Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. М., 2010.

⁵⁶ Богуславский Михаил Соломонович // Мартиролог. Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД»: [Электронный ресурс]. URL: <https://nkvd.tomsk.ru/researches/passional/boguslavskij-mihail-solomonovich/> (дата обращения: 15.06.2026); ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2479. Л. 256.

⁵⁷ Хронин В. Установки в работе плановых органов // Жизнь Сибири. 1928. № 3. С. 29–33.

плановых органов Сибири еще отчетливее выявило противоречия между директивным видением принципов планирования и научно обоснованным подходом «старых специалистов»⁵⁸. В декабре 1928 г. от работы в Крайплане были отстранены Н.Я. Новомбергский и В.Г. Болдырев, в среде технической интеллигенции Новосибирска это решение приписывалось влиянию М.С. Богуславского⁵⁹. В 1928 г. Н.С. Васильев перестает возглавлять работу по контрольным цифрам⁶⁰, фактически с этого момента роль «старых специалистов» в Сибплане сужается до технической.

В апреле 1929 г. состоялась XVI конференция ВКП(б), во многом обозначившая переход к политике «Великого перелома». Эту конференцию можно считать важным рубежом в политике партийного руководства по отношению к «старым специалистам». Ее решением был закреплен выбор в пользу «оптимального» варианта пятилетки, а не «отправного», что означало конец дискуссий о путях планирования⁶¹. На ней, в том числе, было принято решение о проведении генеральной «чистки» соваппарата⁶². Несмотря на то, что «Инструкция НК РКК СССР по проверке и чистке советского аппарата» на первый план выдвигала критерий «качества работы» и декларировала осторожное отношение к «чистке» специалистов, фактически «чистка» не ограничивалась этими целями, сами особенности ее организации определяли направленность против «бывших»⁶³.

Несмотря на то, что специалисты были передвинуты с руководящих должностей, их роль в планировании даже в качестве консультантов секций оставалась значительной. 1 октября 1929 г. Н.С. Васильев назначен консультантом сельскохозяйственной секции, а 3 января 1930 г. стал зам. заведующего указанной секцией. Однако уже в феврале он переброшен на другую работу – в связи с реформой по упразднению округов при Сибкрайплане создана секция районного хозяйства. 17 декабря 1930 г. Н.С. Васильев возвращен консультантом сельскохозяйственной секции. На фоне всех перемещений он оставался членом Президиума Крайплана. В феврале 1931 г. Н.С. Васильев вошел в состав рабочей бригады по окончанию составления пятилетнего перспективного плана, а 2 апреля назначен руководителем работы ведения западносибирской части пятилетнего плана⁶⁴.

В 1930 г. «чистка» охватила крупнейшие хозяйственные учреждения Сибкрая, в частности Земельное управление и Совнархоз. Для некоторых специалистов «чистка» предшествовала аресту⁶⁵. В марте 1931 г. состоялся сфальсифицированный процесс «Союзного бюро меньшевиков»⁶⁶. Все 14 обвиняемых, выведенных на процесс, были сотрудниками центральных хозяйственных ведомств. Проведение процесса имело целью не только дискредитировать российских меньшевиков и западных социал-демократов, но и переложить ответственность за провалы в экономике на плановиков. По делу «Союзного бюро» арестовывались сотрудники плановых и хозяйственных органов по всей стране. Пропагандистская кампания, сопровождавшая проведение процесса, увязывала принадлежность к меньшевикам в прошлом с «вредительством» в экономике.

В такой обстановке в апреле 1931 г. состоялась «чистка» в Крайплане. Персональная «чистка» Н.С. Васильева прошла 13 апреля 1931 г.⁶⁷ Протоколы «чистки» отразили столкновение профессионально-технократических ценностей «старого специалиста» 1920-х годов

⁵⁸ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 851.

⁵⁹ ГАНО. Ф. Р-1228. Оп. 3. Д. 13. Л. 282–293.

⁶⁰ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2 л. Д. 132. Л. 5 об.–6.

⁶¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1984. Т. 4: 1926–1929. С. 448–454.

⁶² Там же. С. 473–476.

⁶³ Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192; Инструкция НКРКИ по проверке и чистке советского аппарата. М.; Л., 1931.

⁶⁴ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2л. Д. 132.

⁶⁵ Подробнее см.: Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.). Вып. 2 (1929–1931 гг.): сб. док-тов и мат-лов. Новосибирск, 2019.

⁶⁶ Подробнее см.: Меньшевистский процесс 1931 года: сб. док-тов в 2 кн. М., 1999.

⁶⁷ ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 2. Д. 277.

и мобилизационного настроя новых сотрудников Запсибплана, вошедших в штат после увольнения Н.Я. Новомбергского и В.Г. Болдырева в 1928 г. Приоритеты в плановой деятельности для Н.С. Васильева и «красных специалистов» были принципиально разными. Если Н.С. Васильев на первое место ставил профессиональную экспертизу, то «молодые сотрудники» – верность идеологическим догматам. В ходе прений в защиту Н.С. Васильева высказался только беспартийный специалист Е.Н. Шефтель. Из всех выступавших он имел самый долгий профессиональный стаж⁶⁸, фактически Е.Н. Шефтель был единственным, кто выступил по существу работы Н.С. Васильева в Крайплане и дал ей положительную оценку. В результате «чистки» внутриведомственная Комиссия признала необходимым «вычистить» Н.С. Васильева по второй категории. Однако заседание Краевой комиссии по «чистке» соваппарата 27 мая пересмотрело это решение на первую категорию, запрещавшую любую работу в советских органах⁶⁹.

Н.С. Васильев подал апелляцию на решение Краевой комиссии, в которой он, в частности, подробно, со ссылкой на воспоминания В.Д. Вегмана в журнале «Сибирские огни» 1922 г.⁷⁰, опроверг утверждения о своей роли в свержении советской власти в Томске в 1918 г. Краевая комиссия приняла часть доводов Н.С. Васильева и изменила решение на вторую категорию «с запрещением работать в планово-снабжениеских, финансовых и торгово-кооперативных органах»⁷¹. «Генеральная чистка» соваппарата происходила в условиях острого кадрового дефицита. К 1932 г. относится письмо Председателя Востсибкрайплана М.И. Кришталь Председателю Запсибкрайплана М.Т. Зуеву, в котором он говорит о сложной ситуации с кадрами в недавно созданном плановом органе и просит его узнать, нельзя ли временно перевести к нему на работу Н.С. Васильева⁷².

После увольнения из Крайплана Н.С. Васильев смог устроиться на работу в 11-й Госстройтрест, впоследствии Сибгосстройтрест. 24 июля он был зачислен на должность экономиста в Планово-экономический отдел, а 1 декабря был назначен заведующим. Также его направляли в командировку в Москву для представления контрольных цифр о строительстве в регионе⁷³. Несмотря на карьерное продвижение, статус «старого специалиста» делал его объектом подозрительности в глазах руководства. В его характеристике отмечалось: «С работой справляется, достаточно опытен и в общественной работе проявляет себя активно, но искренно ли – об этом сказать трудно»⁷⁴.

Хрупкость положения Н.С. Васильева еще раз подтвердилась в 1933 г. При расформировании треста сотрудники распределялись по различным предприятиям. Приказом от 8 сентября 1933 г. Н.С. Васильев был откомандирован на строительство завода горного оборудования (Сибмашстрой). Однако 26 сентября приказ отменили, Н.С. Васильев был уволен⁷⁵. В октябре ему удалось устроиться на работу в проектное бюро «Запсибпроект»⁷⁶. В середине 1930-х годов он работал над схемой распределения территории Томска⁷⁷. В 1934 г. Н.С. Васильев был внесен в списки лишенных избирательных прав как томский городской голова⁷⁸. Установить дальнейшие подробности его биографии пока не удалось.

Жизненная траектория Н.С. Васильева характерна для многих «старых специалистов», ставших частью советского аппарата. Особенностью его биографии является плавный переход в новые административные структуры: от городского самоуправления к советскому коммунальному хозяйству, и дальнейшая профессиональная карьера в качестве одного

⁶⁸ ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1640. Л. 187–189.

⁶⁹ Там же. Оп. 2л. Д. 132. Л. 39–40 об.

⁷⁰ Вегман В. Как и почему пала в 1918 г. Советская власть в Томске // Сибирские огни. 1923. № 1–2. С. 127–147.

⁷¹ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.)... С. 363–372.

⁷² ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 2л. Д. 132. Л. 13–16.

⁷³ ГАНО. Ф. Р-293. Оп. 1. Д. 76. Л. 88, 125, 178, 195–196, 201.

⁷⁴ Там же. Д. 75а. Л. 8–9.

⁷⁵ Там же. Д. 88. Л. 158, 169.

⁷⁶ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 243. Л. 3.

⁷⁷ Духанов С.С. Проектные организации Западной Сибири середины 1930 – начала 1940-х гг. // Вестник ТГАСУ. 2016. № 4. С. 19–28.

⁷⁸ ГАНО. Ф. Р-1344. Оп. 2. Д. 243.

из пионеров в области регионального планирования. Включение в состав управленческого аппарата интеллектуалов из числа «старой интеллигенции» изначально являлось компромиссом для большевистского руководства. Та задача, которую предстояло решать «старым специалистам» – создание принципов планирования, была принципиально новой, они должны были выработать методологию вида интеллектуальной деятельности, не имевшего аналогов в предыдущей отечественной и мировой истории. В силу новизны задачи и, соответственно, неопределенности государственной политики в данной области у специалистов существовала некоторая автономия в ее разработке. Н.С. Васильев фактически стоял у истоков сибирского регионального планирования, последовательно возглавляя работу на разных стадиях его становления: районирование, конъюнктурные наблюдения, контрольные цифры, генеральный план и, наконец, пятилетний план. Сфера плановой деятельности в Сибири вплоть до конца 1927 г., а в некотором смысле и дольше, сохраняла возможность интеллектуальной автономии. Это проявляется в статьях плановиков в главном краевом журнале «Жизнь Сибири», лишенных идеологизированного языка, характерного для советской прессы. Важно отметить, что и сибирское региональное руководство вплоть до 1928 г. доверяло «старым специалистам» и официально подтверждало их позицию. Однако именно 1928 г. оказался в этом значении переломным в отношении власти к интеллектуалам.

В дальнейшем автономия деятельности в сфере планирования все более сокращалась, роль «старых специалистов» сводилась к технической работе. Однако даже в таком положении они вызывали у большевиков недоверие. «Генеральная чистка» соваппарата, проводившаяся в условиях острого кадрового дефицита, фактически уничтожила эту нишу вместе с остатками автономии планирования как нового вида научной деятельности. Одни специалисты вскоре подверглись репрессиям, другие, как Н.С. Васильев, перешли на работу в учреждения значительно меньшего уровня. Трансформацию в политике партийного руководства в отношении планирования иллюстрирует перемена в названии рубрики выходившего с 1922 г. журнала «Жизнь Сибири», где регулярно публиковались статьи деятелей регионального планирования. Если в 1928 г. рубрика устойчиво именовалась «Политика, экономика», то в 1929 г. утверждается символическая замена в этом словосочетании запятой на дефис – «Политика-экономика»⁷⁹, что отразило окончательную потерю автономии научного знания.

Литература

Акишин М.О. Политические взгляды и государственная деятельность Н.Я. Новомбергского // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 5–11.

Духанов С.С. Проектные организации Западной Сибири середины 1930 – начала 1940-х гг. // Вестник ТГАСУ. 2016. № 4. С. 19–28.

Красильников С.А. «Генеральная чистка» госаппарата 1929–1932 годов как проявление кризиса легитимности партийного государства // ЭКО. 2020. № 8. С. 164–192.

Меньшевицкий процесс 1931 года: сб. док-тов в 2 кн. / сост. А.Л. Литвин. М.: РОССПЭН, 1999.

Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.

Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.). Вып. 2 (1929–1931 гг.): сб. док. и мат-лов / отв. ред. С.А. Красильников; сост. О.В. Выдрина и др. Новосибирск: Сова, 2019. 636 с.

Тимошенко А.И. План или стихия рынка? (Из истории государственного планирования) // ЭКО. 2007. № 1. С. 124–140.

Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги: в 2 кн. / отв. ред. С.А. Красильников. М.: РОССПЭН, 2010. (Сер.: Архивы Кремля).

⁷⁹ См.: Жизнь Сибири. 1928. № 1, 2, 3–4, 5, 6, 7, 9–10, 11, 12; 1929. № 1, 2–3, 4, 6, 7–8, 9, 11–12.

References

Akishin, M.O. (2019). Politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost' N.Ya. Novombergskogo [Political Views and State Activities of N.Ya. Novombergsky]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 61, pp. 5–11.

Dukhanov, S.S. (2016). Proektnye organizatsii Zapadnoy Sibiri serediny 1930 – nachala 1940-kh gg. [Project Organizations in Western Siberia in the Mid-1930s – Early 1940s]. In *Vestnik TGASU*. No. 4, pp. 19–28.

Krasilnikov, S.A. (2010). *Shakhtinskiy protsess 1928 g.: podgotovka, provedenie, itogi. V 2 knigakh* [The Shakhty Process of 1928: Preparation, Execution, Results. In 2 books]. Moscow, ROSSPEN. (Arkhivy Kremlya).

Krasilnikov, S.A. (2020). “General'naya chistka” gosapparata 1929–1932 godov kak proyavlenie krizisa legitimnosti partiynogo gosudarstva [“General Purge” of the State Apparatus in 1929–1932 as a Manifestation of the Crisis of Legitimacy of the Party State]. In *EKO*. No. 8, pp. 164–192.

Krasilnikov, S.A. (Ed.). (2019). *Sotsial'no-trudovye otnosheniya i konflikty v sibirskoy provintsii (1922–1933 gg.). Vyp. 2 (1929–1931 gg.)* [Social and Labor Relations and Conflicts in the Siberian Province (1922–1933). Vol. 2 (1929–1931)]. Novosibirsk, Sova, pp. 363–372.

Litvin, A.L. (Comp.). (1999). *Men'shevistskiy protsess 1931 goda: sbornik dokumentov. V 2 knigakh* [The Menshevik Trial of 1931: Coll. of doc. In 2 books]. Moscow, ROSSPEN.

Merton, R.K. (2006). *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, AST, Khranitel. 873 p.

Timoshenko, A.I. (2007). Plan ili stikhiya rynka? (Iz istorii gosudarstvennogo planirovaniya) [Plan or Market Element? (From the History of State Planning)]. In *EKO*. No. 1, pp. 124–140.

А.М. Суботялова*

**«ЗАГАДКАМ ПОЧКИ ПОСВЯТИВ СВОЙ ТРУД»:
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ Л.К. ВЕЛИКАНОВОЙ**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-11
УДК 929*Выходные данные для цитирования:**Суботялова А.М. «Загадкам почки посвятив свой труд»: профессиональный путь Л.К. Великановой // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 151–163.**URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-11.pdf>*

A.M. Subotyalova*

**“DEDICATING WORK TO THE MYSTERIES OF THE KIDNEY”:
THE PROFESSIONAL PATH OF L.K. VELIKANOVA**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-11

*How to cite:**Subotyalova A.M. “Dedicating Work to the Mysteries of the Kidney”: The Professional Path of L.K. Velikanova // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 151–163.**[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-11.pdf>]*

Abstract. This article presents for the first time the professional development of Larisa Konstantinovna Velikanova (1921–2009), Doctor of Biological Sciences, Professor, one of the first Doctors of Sciences in the history of the Novosibirsk State Pedagogical Institute (now NSPU). As one of the students of the physiologist A.G. Ginetsinsky, she proved his hypothesis about the existence of peripheral osmoreceptors. Continuing her research in the field of renal physiology, she defended her candidate’s dissertation, “Tissue receptors of the osmoregulatory reflex” (1956), and then her doctoral dissertation, “Some aspects of the mechanism of osmoreception” (1971), which expanded the understanding of the osmoregulatory system. Having received the position of head of the department of anatomy and physiology of humans and animals at the Novosibirsk State Pedagogical Institute (1972), L.K. Velikanova became the founder of a scientific school with its own scientific problems. Thanks to her efforts, research into the mechanisms of water-salt metabolism regulation during ontogenesis was organized. Under her leadership, a graduate program was opened at the department (1978), and the first candidate dissertations on this topic were defended. L.K. Velikanova raised the prestige of the department in scientific and academic terms, created a strong scientific team, whose achievements are recognized in our country and abroad. The school maintains the traditions established by L.K. Velikanova and continues to develop new areas in renal and age-related physiology. Her memory is preserved: conferences dedicated to her are held, and an auditorium named after L.K. Velikanova was dedicated in 2011 and a memorial plaque was dedicated in 2021.

Keywords: women scientists, Larisa Konstantinovna Velikanova, physiological schools, kidney physiology, osmoreceptors, water-salt metabolism.

The article has been received by the editor on 04.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье впервые представлена профессиональная реализация Ларисы Константиновны Великановой (1921–2009) – доктора биологических наук, профессора, одного из первых докторов наук в истории Новосибирского государственного педагогического института (ныне НГПУ). Став одной из учениц физиолога А.Г. Гинетинского, она доказала его гипотезу о существовании периферических осморецепторов.

* **Анна Михайловна Суботялова**, аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: anyuta108@mail.ru

Anna Mikhailovna Subotyalova, Postgraduate Student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: anyuta108@mail.ru

Продолжив исследования в области почечной физиологии, защитила кандидатскую диссертацию «Тканевые рецепторы осморегулирующего рефлекса» (1956), а затем докторскую – «Некоторые стороны механизма осморцепции» (1971), которая расширила представление об осморегулирующей системе. Получив должность заведующего кафедрой анатомии и физиологии человека и животных в Новосибирском государственном педагогическом институте (1972), Л.К. Великанова стала основателем научной школы с собственной проблематикой и направлением. Ее усилиями были организованы исследования механизмов формирования регуляции водно-солевого обмена в онтогенезе. Под ее руководством на кафедре была открыта аспирантура (1978) и прошли первые защиты кандидатских диссертаций по данной проблематике. Л.К. Великанова подняла престиж кафедры в научном и учебном планах, создала сильный научный коллектив, чьи достижения признаны в нашей стране и за рубежом. Школа сохраняет традиции, заложенные Л.К. Великановой, продолжает активно развивать новые направления в области почечной и возрастной физиологии. Память о ней сохраняется: проходят конференции, посвященные ее имени, была открыта аудитория имени Л.К. Великановой (2011) и мемориальная доска (2021).

Ключевые слова: женщины-ученые, Лариса Константиновна Великанова, физиологические школы, физиология почек, осморцепторы, водно-солевой обмен.

Статья поступила в редакцию 04.02.2026 г.

Введение. В России в 1917–1920 гг. были приняты законы, утверждавшие равенство мужчин и женщин в выборе профессии. Хотя равный доступ к образованию не означал, что женщины станут более активны и в получении научных степеней, в целом во второй половине XX в. наблюдалась положительная динамика¹. Количество женщин, вовлеченных в различные научные области в России, демонстрирует гендерную асимметрию: в 2023 г. они составляли 38,5 %². В гуманитарных, медицинских и общественных науках доля женщин-исследователей преобладает. В медицинских науках (анатомия, физиология, патология и др.) удельный вес женщин – 60,3 %, при этом 40,2 % имеют докторскую степень³.

Политика СССР определяющим образом влияла на развитие науки, ее организационную составляющую, усиливался контроль за деятельностью научных обществ, развитие конкретных научных областей зависело от государственного финансирования. Одновременно с этим возникали и развивались региональные научные центры, одним из которых стал молодой и перспективный Новосибирск, в 1920-е годы впервые заявивший о себе как о центре организации и координации научных исследований в Сибирском регионе. Уже к середине 1930-х годов он превратился в вузовский город, не уступавший по числу вузов, профессорско-преподавательского персонала и студентов традиционным вузовским городам Сибири. Новосибирск получил приоритет в научно-организационной сфере, превратившись в место проведения крупнейших региональных научных мероприятий. Приток квалифицированных научных кадров помог развернуть широкий спектр научных исследований, подготовив условия для создания Сибирского отделения АН СССР и превращения Новосибирска в научный центр уже мирового значения⁴.

¹ Пушкарёва Н.Л. Женщины в российской науке конца XX – начала XXI в.: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3 (56). С. 24.

² Ратай Т.В., Тарасенко И.И., Миронова А.В. Женщины-исследователи в России. 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/news/1022374042.html> (дата обращения: 17.12.2025).

³ Жилкина Ю.В. Женщины в науке [Электронный ресурс] // Human Progress. 2023. Т. 9, вып. 1, ст. 7. С. 5–6. URL: https://progress-human.com/images/2023/Tom9_1/Zhilkina.pdf (дата обращения: 20.05.2026).

⁴ Красильников С.А. Становление Новосибирска как регионального научного центра (20–50-е гг.) // Новосибирск на рубеже XXI века: перспективы развития и инвестиционные возможности: мат-лы науч.-практ. конф. Новосибирск, 2000. С. 45–48.

В этот период развивался Новосибирский государственный медицинский институт, созданный в 1935 г. на базе Омского и Томского мединститутов. В первые годы существования на работу в НГМИ приглашали специалистов здравоохранения из ведущих научных и лечебных учреждений страны, а созданные ими кафедры и научные школы стали основой научно-преподавательского коллектива мединститута. С 1947 по 1964 г. вузом руководил проф. Г.Д. Залесский, сумевший объединить 12 кафедр для фундаментальных научных исследований. Научный коллектив института в послевоенные десятилетия представлял собой сплоченную группу ученых, имевших единый целостный подход в науке⁵.

Одним из важнейших событий в жизни института стал приезд ленинградского ученого А.Г. Гинецинского. Возглавив кафедру нормальной физиологии, он заложил основы научной физиологической школы, основной проблемой которой была физиология почек и водно-солевого обмена, тогда мало изученной, но ставшей актуальным направлением.

Именно в такой атмосфере образования научных коллективов и школ, развития новых направлений в области физиологии начинался профессиональный путь Ларисы Константиновны Великановой (1921–2009). Став частью школы А. Гинецинского и продолжив развивать заданное им направление, она позднее основала собственную научную школу на базе кафедры анатомии и физиологии человека и животных в Новосибирском государственном педагогическом институте. Достижения этой школы получили признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

Цель данной статьи – представить профессиональную реализацию Л.К. Великановой как вклад в развитие новосибирской физиологической школы. Объектом является персональная жизнедеятельность ученого, предметом – выявление в ней факторов и результатов инкорпорации Л.К. Великановой в научную школу как социальный институт воспроизводства знаний.

Методологические позиции автора основаны на модернизационной парадигме исторического знания в варианте акторной концепции. В условиях модернизационного перехода возрастает значение института науки, научного знания, технологий высокого уровня, являющихся и двигателем, и результатом модернизации. Социально-структурные сдвиги способствуют специализации деятельности индивида, изменению баланса гендерных ролей в общественном производстве, частью которого является наука, изменению в идентичности человека, теряющей свою предзаданность и раскрывающейся в решении конкретных проблем⁶. Типизация неформального общения ученых (обмен идеями, обсуждение результатов), закрепляющаяся институционализацией, характеризуется понятием «научная школа» как формы совместной научной деятельности коллектива исследователей, объединенных общей программой исследований под руководством признанного лидера, задачами которой выступает воспроизводство знаний и научных кадров. Как социальный институт феномен научной школы включают в себя также «роли и статусы, систему санкций и социального контроля за поддержанием норм, порядок, общие цели, установки и образцы поведения»⁷.

Помимо этого, использовался историко-биографический метод исследования, направленный на реконструкцию жизни ученого и анализ результатов его деятельности.

Источниковая основа исследования: научные публикации Л.К. Великановой, отражающие ее вклад в развитие почечной физиологии; материалы архива кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности Новосибирского государственного педагогического университета; устные интервью с соратниками Л.К. Великановой; визуальные источники, представленные фотографиями.

Для реконструкции периода научной деятельности в НГМИ автор обращался к статье И.И. Николаевой и соавторов⁸, в которой показано развитие мединститута, где начинался

⁵ Николаева И.И., Баннова Е.С., Шамовская-Островская С.Г. История Новосибирского государственного медицинского университета // Сибирское медицинское обозрение. 2010. № 4 (64). С. 3–7.

⁶ Побережников И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 24 (57). С. 42–43.

⁷ Федотова В.Г., Яковлева А.Ф. Наука и модернизация // Философия и культура. 2012. № 9 (57). С. 66.

⁸ Николаева И.И., Баннова Е.С., Шамовская-Островская С.Г. История Новосибирского государственного медицинского университета... С. 3–7.

научный путь Л. Великановой, к сборникам воспоминаний об А. Гинецинском⁹, а также к труду, посвященному его биографии¹⁰, в которых отражена созданная им атмосфера, включение молодых исследователей в занятия настоящей наукой, формирование научных коллективов. Сборник, опубликованный к 40-летию кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности НГПУ¹¹, статья Р.И. Айзмана и соавт.¹² и монография А.С. Пановой и соавт.¹³ демонстрируют роль Л. Великановой в развитии кафедры, а также в создании признанной научной физиологической школы.

Начало научного пути под руководством А.Г. Гинецинского. Лариса Константиновна Великанова родилась 25 сентября 1921 г. в городе Маркс Саратовской области. В 1944 г. окончила Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, получив квалификацию зоолога. После работала старшим биологом на мясоконсервном комбинате Министерства мясной и молочной промышленности СССР в Новосибирске, где организовала биологическую лабораторию по стандартизации эндокринных препаратов. В 1946 г. получила должность ассистента кафедры нормальной физиологии Новосибирского государственного медицинского института.

В 1951 г. на должность заведующего кафедрой был приглашен ленинградский физиолог Александр Григорьевич Гинецинский (1895–1962). После совместной сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР («Павловская сессия»), прошедшей в Москве в 1950 г., многих ученых обвинили в отклонении от павловского учения. Одним из них был Леон Абгарович Орбели (1882–1958), учитель А. Гинецинского. Именно в это время А. Гинецинский получил приглашение от К.В. Ромодановского, работавшего в НГМИ, и в сентябре 1951 г. вместе с женой выехал в Новосибирск. Позднее Л. Великанова отмечала, что свой путь в науке она связывает именно с приездом А. Гинецинского¹⁴.

В это время Л. Великанова была молодой ассистенткой, читала лекции и временно исполняла обязанности завкафедрой. Ожидание ленинградского ученого со столь известным именем вызывало сильный интерес, но и приводило в волнение сотрудников вуза. Сама Л. Великанова вспоминала: «Мы страшно волновались: какое впечатление произведет на него наша кафедра? Что будет с нами, молодыми и неопытными ассистентами?»¹⁵.

В начале 1950-х годов Новосибирск еще не завоевал себе титул сибирской столицы академической науки, хотя уже являлся крупным культурным и научным центром. А. Гинецинский, вспоминая приезд в Новосибирск и мединститут, в письме дочери писал: «Первое впечатление – это ощущение другого уровня жизни в быту, лаборатории, в модах <...> украсить это место будет нелегко. В лаборатории просто ничего нет. Придется начинать как господа богу из первозданного хаоса...»¹⁶.

А. Гинецинский (рис. 1) с большим рвением и творческой энергией включился в «строительство» кафедры как в прямом, так и переносном смысле. Сотрудники наряду с выполнением учебной программы занимались переоборудованием кафедры, студенческих комнат, кабинетов для исследовательской работы, налаживали биохимические методы, необходимые при изучении водно-солевого обмена. Читать лекции необходимо было с демонстрациями для большей наглядности и лучшего понимания физиологического явления.

⁹ А.Г. Гинецинский. К 100-летию со дня рождения. Воспоминания учеников. Письма. СПб., 1995.

¹⁰ Лейбсон Л.Г., Наточин Ю.В., Иржак Л.И. Александр Григорьевич Гинецинский. Л., 1985.

¹¹ Кафедра анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности. 40 лет. Хронология деятельности. 1968–2008. Новосибирск, 2008.

¹² Айзман Р.И., Панова А.С., Сорокина Т.С., Суботялов М.А. Становление и развитие научной школы по физиологии почек и водно-солевого обмена в Новосибирске // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26, № 4. С. 247–251.

¹³ Панова А.С., Суботялов М.А., Айзман Р.И. Новосибирские научные школы по физиологии почек и водно-солевого обмена. М., 2022.

¹⁴ Великанова Л.К. Мой путь в науке // Интегративная физиология. Юбилейная сессия, посвященная 80-летию со дня рождения доктора биологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Л.К. Великановой: сб. науч. работ. Новосибирск, 2001. С. 5.

¹⁵ Лейбсон Л.Г., Наточин Ю.В., Иржак Л.И. Александр Григорьевич Гинецинский... С. 97.

¹⁶ Там же. С. 98–99.

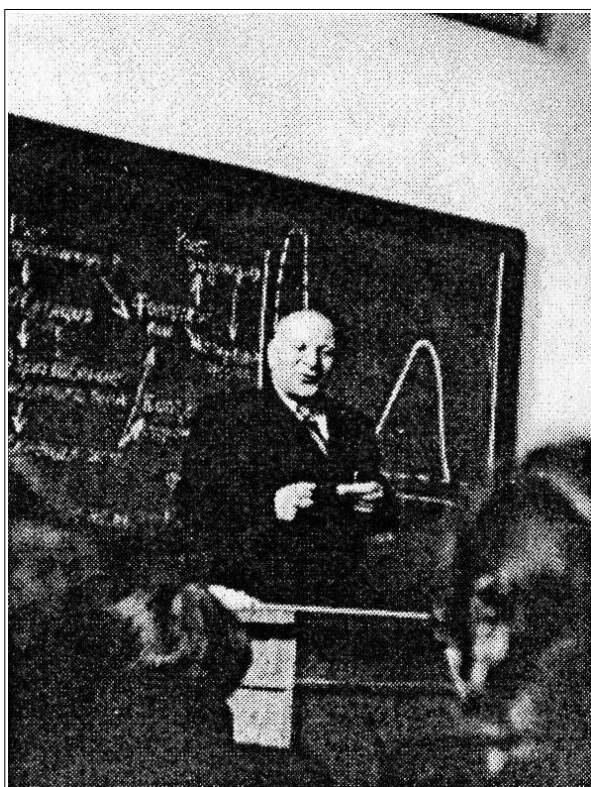

Рис. 1. А.Г. Гинецинский на лекции (Новосибирск, 1954).
Источник: А.Г. Гинецинский. К 100-летию со дня рождения. Воспоминания учеников. Письма. СПб., 1995

Рис. 2. Л.К. Великанова за проведением эксперимента.
Архив НГПУ

Немало препаратов, химических реактивов, инструментов выписывали из Ленинграда, что-то конструировали самостоятельно из того, что можно было найти в Новосибирске.

В подготовке демонстраций задействовали ассистентов, и первую демонстрацию вместе с А. Гинецинским готовили Л. Великанова и Л.И. Курдубан¹⁷.

«У нас на кафедре была неоплачиваемая, но выделенная должность – демонстрационный ассистент <...> В корпусе... был большой зал. Рядом с этим залом была комнатка с выходом на сцену. Вот в этой комнатке было все наше оборудование демонстрационное <...> У нас был проектор, в нем хорошо было видно. Ну, скажем, лягушку туда можно было поместить, посыпать солью мышцу, мышца начинает дергаться. Всякие были варианты»¹⁸.

Позднее Лариса Константиновна воспользуется полученным опытом и перенесет использование демонстраций в учебный процесс в пединституте, став в НГПИ первой, кто внедрит эту практику.

Одной из своих главных задач А. Гинецинский считал пробуждение интереса к науке у молодежи. Нет сомнений, что такой ученый, увлеченный и преданный науке, передал эту страсть и Л. Великановой (рис. 2). В этот период А. Гинецинский начал разработку проблемы «Регуляция экскреторной функции». Физиология почек и водно-солевой обмен тогда были малоизученной проблемой. Ранее, в 1947 г., английский физиолог Э. Верни (E.B. Verney, 1894–1967) показал, что в гипоталамической области мозга находятся специальные чувствительные образования, воспринимающие изменения осмотической концентрации крови. Здесь же происходит и восприятие раздражителя, и обработка информации, и секреция в кровь антидиуретического гормона – основного физиологически активного вещества, регулирующего выделение воды почкой.

Теперь А. Гинецинский вместе с Л. Великановой решили воспроизвести эксперимент Э. Верни. Несколько проведенных опытов дали отрицательный результат. Тогда А. Гинецинский предположил, что осморорецепторы находятся не только в гипоталамической области мозга, но расположены в различных органах

¹⁷ Лейбсон Л.Г., Наточин Ю.В., Иржак Л.И. Александр Григорьевич Гинецинский... С. 100.

¹⁸ Архив автора. Интервью с Л.Я. Кузнецовой (22.11.2025).

и тканях. От них информация поступает в мозг, а сигнал, поступающий к почке, отражает состояние водно-солевого обмена в организме в целом.

Тема «Интероцепция осморегулирующего рефлекса» была предложена Л. Великановой. Дух «Павловской сессии» зарождал сомнения в молодых неопытных ученых. По воспоминаниям Л. Великановой, сомнения одолевали и ее¹⁹, однако отсутствие давления со стороны А. Гинецинского, его умение прививать молодежи вкус к серьезным занятиям наукой помогли ей сделать выбор и принять его как своего руководителя. Написанный рукой учителя перспективный план выполнения исследований она хранила до конца жизни. Этот план определил направление научной деятельности Л. Великановой на многие годы вперед, а исследования, проведенные ею в первой половине 1950-х годов, подтвердили высказанную А. Гинецинским гипотезу.

В 1955 г. завершился сибирский этап жизни А. Гинецинского и он вернулся в Ленинград, оставив в Новосибирске созданный им сильный научный центр, который начал притягивать физиологов Сибири²⁰.

Вспоминая своего учителя, Лариса Константиновна отмечала его «замечательное научное предвидение, целеустремленность и недюжинный научный организаторский талант»²¹, позволявшие ему выдвигать новые научные проблемы и спланировать вокруг себя людей, готовых так же отдаваться науке. Он делал ставку на молодых (что затем будет делать и Л. Великанова), не сковывал их инициативу, побуждал быть активными в научном плане. В будущем Л. Великанова сама станет основателем научной школы с собственной проблематикой, и не в последнюю очередь этому способствовало, по ее словам, творческое общение с А. Гинецинским, человеком глубоко честным и в науке, и в жизни, оказавшим значительное влияние на ее становление не только как ученого, но и как человека, личности.

Продолжение исследований в НГМИ. В 1956 г. Л. Великанова защитила кандидатскую диссертацию «Тканевые рецепторы осморегулирующего рефлекса»²². Хотя А. Гинецинский и поручил исследование проблемы афферентного звена осморегулирующего рефлекса новосибирским коллегам, он продолжал интересоваться ходом исследований, вел переписку с Л. Великановой по этому вопросу, делился собственными соображениями.

Продолжив исследования, она накапливала данные, подтверждающие существование периферических осморорецепторов. Она показала, что при перерезке спинного мозга отключается большинство периферических осморорецепторов от центральной нервной системы и снижается поток импульсов от них, что приводит к нарушению выведения воды²³. Последующие эксперименты (1959) показали, что в печени располагаются рецепторы, чувствительные к осмотическим сдвигам в крови воротной вены. При этом орган не является единственной периферической зоной организма, где находятся специфические осморорецепторы²⁴. Затем были исследованы осморорецепторы тазовых конечностей (1962), механизмы раздражения осморорецепторов (1964), особенности протекания срочной осморегулирующей реакции при использовании веществ различной химической природы (1966).

В это время ректором НГМИ был Григорий Денисович Залесский (1902–1966). Одним из направлений его исследований было изучение вопросов курортного лечения. По его инициативе мединститут организовал исследование лечебного эффекта таких курортных баз, как «Озеро Карачи», «Белокуриха», а также озер Новосибирской области. Результатом поездок в Карачи стала публикация статьи Л. Великановой «Влияние карачинской минеральной воды на водно-солевой обмен» (1963). Работы Г. Залесского и его учеников положили начало развитию курортного дела в регионе.

¹⁹ А.Г. Гинецинский. К 100-летию со дня рождения... С. 28.

²⁰ Там же. С. 10.

²¹ Там же. С. 28.

²² Великанова Л.К. Тканевые рецепторы осморегулирующего рефлекса: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1955.

²³ Великанова Л.К. Влияние перерезки спинного мозга на водовыделительную функцию почек // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1957. № 11. С. 62.

²⁴ Великанова Л.К., Финкинштейн Я.Д. Осморорецепторы печени // Физиологический журнал СССР имени И.М. Сеченова. 1959. Т. 45, № 12. С. 1472–1476.

В 1966 г. Л. Великанова получила звание доцента. В последующие годы работы она проявила себя как опытный педагог, обладающий глубоким знанием предмета. В течение многих лет она руководила методической и учебной работой на кафедре. Профессионализм, отзывчивость и открытость Ларисы Константиновны помогли ей завоевать уважение и любовь студентов. Она не только вела занятия, но и организовала научный кружок, читала лекции на вечернем факультете высшего сестринского образования.

Материал, накопленный за два десятка лет исследований, лег в основу докторской диссертации «Некоторые стороны механизма осморцепции» (1971)²⁵, которая расширила представление об осморегулирующей системе и особенно информационном звене осморегулирующего рефлекса. Л. Великанова подчеркнула, что осморцепторы представляют собой специализированные высокочувствительные нервные образования, которые, на ее взгляд, локализуются на границе «капилляр – ткань» и относятся к группе тканевых нервных приборов. Она определила осморегулирующий рефлекс как основной этап осморегуляции, который, вызывая изменение гидроуретической и натрийуретической функции почек, приводит к окончательной стабилизации осмотической константы внутренней среды организма.

Период работы в НГПИ/НГПУ. В период после защиты диссертации открылись вакансии в Новосибирском государственном педагогическом институте, где уже работали бывшие коллеги Л. Великановой по мединституту: С.А. Борисова, В.И. Инчина, Л.П. Черемных. Они предложили ей перейти в пединститут. Престиж вуза по сравнению с мединститутом был ниже. Кафедра анатомии и физиологии человека и животных, на которую приглашали Л. Великанову, по уровню развития, известности была несопоставима с такими кафедрами мединститута, как кафедры физиологии, анатомии или гистологии.

В 1972 г. Л. Великанова стала завкафедрой (сейчас кафедра анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности) в НГПИ. Так она вошла в коллектив, состоявший из людей, с которыми она уже была знакома и имела совместные научные исследования. Это, несомненно, помогло в освоении на новом месте. В тот период она была одним из трех докторов наук в вузе²⁶. Именно здесь она смогла проявить себя как талантливый ученый, организатор и педагог.

Основной целью стало поднять престиж кафедры и с научной, и с учебной точек зрения. Для педагогического вуза тема водно-солевого обмена была не совсем свойственна. Но Л. Великанова, обсудив этот вопрос с ректором института, получила право самостоятельно определять научную проблематику, которой она хотела бы заниматься. Опираясь на имеющихся сотрудников, она начала расширять круг единомышленников и привлекать молодежь для разработки новой темы – механизмов формирования биологической надежности системы регуляции водно-солевого гомеостаза в онтогенезе. Онтогенетический аспект позволял исследовать развитие функций почки у детей.

В это время в НГМИ, наряду с изучением системы осморегуляции, под руководством проф. Я.Д. Финкинштейна начали исследовать механизмы ионной регуляции – натрий- и калийрегуляции (А.Я. Тернер и Р.И. Айзман). Полученные результаты легли в основу их кандидатских диссертаций. Л. Великанова пригласила Романа Иделевича Айзмана

Рис. 3. «Рабочие моменты. 1957».
Л.К. Великанова третья справа.
Архив Л.Я. Кузнецовой

²⁵ Великанова Л.К. Некоторые стороны механизма осморцепции: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Новосибирск, 1971.

²⁶ Архив автора. Интервью с Р.И. Айзманом (14.08.2025).

(род. 1947) в НГПИ «с перспективой получения квартиры, финансирования кафедры для закупки оборудования и получения свободы в научном плане»²⁷. В 1974 г. Р. Айзман получил должность ассистента кафедры. Вместе они начали оснащать новые лаборатории кафедры и с помощью финансирования от института меньше чем за год оборудовали кафедру для выполнения научных экспериментов.

Поскольку теперь исследования водно-солевого обмена проводились на базе пединститута, они получили развитие и в онтогенетическом аспекте. В работах конца 1970-х годов были изучены механизмы формирования биологической надежности системы регуляции водно-солевого гомеостаза в онтогенезе (1977)²⁸. Впервые было установлено, что в процессе развития организма формируются тканевые водно-солевые депо, увеличиваются экскреторные возможности почек, развиваются гормональные механизмы регуляции водно-электролитного обмена. Была установлена интеграция различных звеньев данной системы, благодаря чему возрастает устойчивость организма к водно-солевым нагрузкам.

Было установлено формирование с возрастом резервных возможностей экскреторной функции почек после водных и солевых нагрузок, а также включение ионодепонирующей функции тканевых депо при избытке солей в организме у взрослых животных (1978).

Затем были изучены функции почек и водно-солевого гомеостаза у детей промышленных районов Новосибирска, Кузбасса, Крайнего Севера (1978)²⁹. Обнаружили, что организм ребенка тратит примерно вдвое больше воды на выведение одного и того же количества осмотически активных веществ, что связали с недостаточной согласованностью механизмов интеграции экскреции воды и электролитов, которая обычно имеет место при осморегуляции.

Рис. 4. Л.К. Великанова (в центре первого ряда) с сотрудниками кафедры. Архив НГПИ

В 1978 г. под руководством Л. Великановой на кафедре открыли аспирантуру. Начали первые исследования механизмов формирования регуляции водно-солевого обмена в онтогенезе, были защищены первые кандидатские, затем докторская диссертация Р. Айзмана по данной проблеме. Всего под руководством Л. Великановой было защищено 9 кандидатских и 1 докторская диссертация³⁰.

²⁷ Архив автора. Интервью с Р.И. Айзманом (14.08.2025).

²⁸ Айзман Р.И., Великанова Л.К., Блинова Л.В. Биологическая надежность механизмов регуляции водно-солевого гомеостаза в онтогенезе // Новые исследования по возрастной физиологии. 1977. № 1. С. 59–63.

²⁹ Айзман Р.И., Борисова С.А., Великанова Л.К. Функция почек у детей в связи с гигиеническими особенностями водного фактора // Охрана здоровья детей и подростков Западной Сибири: сб. науч. тр. М., 1978. С. 89–92.

³⁰ Панова А.С., Суботялов М.А., Айзман Р.И. Новосибирские научные школы... С. 118–119.

Параллельно Л. Великанова вела работу по расширению задач кафедры, привлечению новых кадров, расширению учебной базы. Благодаря ее усилиям получило развитие такое направление, как «Возрастная физиология и школьная гигиена». Кафедра одной из первых среди вузов нашей страны начала преподавать данный курс. Были опубликованы учебные пособия и монографии по возрастной и почечной физиологии. Это повлекло за собой необходимость привлекать новых преподавателей. Л. Великанова считала, что нужно ставить на перспективных творческих выпускников вуза. Таким образом, кафедра расширялась за счет молодых энергичных людей, целью которых была не только преподавательская деятельность, но и активная научная работа.

В 1987 г. Л. Великанова по собственному желанию оставила должность завкафедрой, передав эстафету проф. Р. Айзману и сохранив должность профессора кафедры. К этому периоду кафедра уже стала известной в России учебно-научным подразделением, в активе которого были признанные учебные пособия, курсы, аспирантура и публикации по изучаемой проблеме в ведущих отечественных изданиях. Еще долгое время Л. Великанова принимала участие в делах кафедры, читала лекции, работала со студентами, привлекала их к научной деятельности. Кафедра стала для нее второй семьей. Даже когда здоровье не позволяло регулярно присутствовать в вузе, она интересовалась тем, как продвигаются дела:

«Кафедра для нее была очень важна, и она с трепетом относилась ко всему, что на ней происходило <...> Я приезжала к ней в больницу вечером. Мы работали с ней в ординаторской, а дежурный врач уходил и не мешал нам <...> Не каждый человек, находясь в больнице, согласится этим заниматься, а для нее это было в радость!»³¹.

В 2009 г. Л.К. Великанова ушла из жизни. Из 61 года стажа работы 33 года она посвятила педагогическому вузу. В 2011 г., к 90-летию со дня ее рождения, в Институте естественных и социально-экономических наук НГПУ была открыта аудитория имени Ларисы Константиновны Великановой, а к 100-летию юбилею – мемориальная доска (рис. 5).

Рис. 5. Мемориальная доска Л.К. Великановой, установленная в ИЕСЭН Новосибирского государственного педагогического университета

³¹ Архив автора. Интервью с Н.С. Шулениной (октябрь-ноябрь 2025).

Школа сохраняет традиции, заложенные Л. Великановой, продолжает активно развивать новые направления в области почечной и возрастной физиологии.

Лариса Константиновна оставила после себя хорошую память, коллеги и ученики вспоминают ее дружелюбие, открытость, готовность помогать. В сборнике, опубликованном к 40-летию кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности, можно найти посвященные ей стихотворения и даже частушку, точно отражающие ту атмосферу, которая сложилась при ней, отношения, которые выстраивались на кафедре:

<...> Вы кафедры большой родная мать,
Ее душа вы и ее основа.

<...>

Ваш ясный ум, талантливые руки
Вам принесли признание и почет.
Ваш вклад в развитие почечной науки
Научный мир не даром признает.
Загадкам почки посвятив свой труд,
Раскрыли Вы осморецепции секрет.
Не зря Вас Великановой зовут –
Велики вы, сомненья в этом нет!³²

В поэтических строках Л. Великанова названа «родной матерью, душой и основой» кафедры. Это действительно так, ее трудами и усилиями был сформирован сильный научный коллектив, поднят престиж кафедры, основана научная школа, достижения которой в области почечной физиологии и водно-солевого обмена получили признание в нашей стране и за рубежом.

Заключение. По словам Н.Л. Пушкаревой, именно в 1950–1960-е годы был разрушен миф об «интеллектуальной неспособности» женщин заниматься научной деятельностью. Достигшая определенного положения в науке женщина демонстрировала высокие деловые качества, самодисциплину и ответственное отношение к делу. Именно такой была и Л. Великанова.

Катализатором ее полноценного включения в научную деятельность стал приезд А. Гинецинского в НГМИ. Он стал подлинным Учителем для многих новосибирских физиологов, в том числе и для Л. Великановой, передав ей искреннюю страсть к науке. Его исследования проблемы водно-солевого обмена были частью всплеска интереса к данному вопросу и в нашей стране, и в зарубежном научном сообществе. А. Гинецинский задал направление исследований Л. Великановой на долгие годы вперед. Она первой в мире доказала существование периферических осморецепторов. Ее исследования значительно расширили представление об осморегулирующей системе.

Перейдя в НГПИ, Л. Великанова приложила немало сил, чтобы сформированный вокруг нее круг единомышленников превратился в полноценную научную физиологическую школу. Статус профессора с докторской степенью позволял ей успешно продвигать кафедру, получать достаточное финансирование и самостоятельно решать вопрос кадрового состава. Наличие такого сильного лидера позволило сформировать научную школу с собственной проблематикой, вышедшей на международный уровень.

В Новосибирске Л. Великанова была не единственной женщиной-ученым, создавшей научную физиологическую школу. Другим примером может служить акад. Людмила Николаевна Иванова (1929–2026), которая также была ученицей А. Гинецинского. Созданная ею на базе Института цитологии и генетики СО РАН научная школа изучает молекулярно-генетические механизмы регулирования функций почек.

Таким образом, научный путь Л.К. Великановой демонстрирует пример судьбы женщины, чьи увлеченность наукой, трудолюбие и самодисциплина помогли ей стать признанным ученым в области почечной физиологии, а такие качества личности, как

³² Кафедра анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности... С. 20.

открытость и отзывчивость, позволили собрать вокруг себя круг единомышленников, воспитать несколько поколений исследователей и превратить коллектив в научную школу, которая бережно хранит память о своем Учителе.

Литература

А.Г. Гинецинский. К 100-летию со дня рождения. Воспоминания учеников. Письма / сост. В.Ф. Васильева, Л.И. Курдубан. СПб., 1995. 92 с.

Айзман Р.И., Борисова С.А., Великанова Л.К. Функция почек у детей в связи с гигиеническими особенностями водного фактора // Охрана здоровья детей и подростков Западной Сибири: сборник научных трудов. М., 1978. С. 89–92.

Айзман Р.И., Великанова Л.К., Блинова Л.В. Биологическая надежность механизмов регуляции водно-солевого гомеостаза в онтогенезе // Новые исследования по возрастной физиологии. 1977. № 1. С. 59–63.

Айзман Р.И., Панова А.С., Сорокина Т.С., Суботялов М.А. Становление и развитие научной школы по физиологии почек и водно-солевого обмена в Новосибирске // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018. Т. 26, № 4. С. 247–251.

Великанова Л.К. Влияние перерезки спинного мозга на водовыделительную функцию почек // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1957. № 11. С. 62.

Великанова Л.К. Мой путь в науке // Интегративная физиология. Юбилейная сессия, посвященная 80-летию со дня рождения доктора биологических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Л.К. Великановой: сб. науч. работ. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. С. 5–20.

Великанова Л.К. Тканевые рецепторы осморегулирующего рефлекса: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 1955. 8 с.

Великанова Л.К. Некоторые стороны механизма осморцепции: автореф. дис. ... д-ра биол. наук. Новосибирск, 1971. 28 с.

Великанова Л.К., Финкинштейн Я.Д. Осморцепторы печени // Физиологический журнал СССР имени И.М. Сеченова. 1959. Т. 45, № 12. С. 1472–1476.

Жилкина Ю.В. Женщины в науке [Электронный ресурс] // Human Progress. 2023. Т. 9, вып. 1, ст. 7. URL: https://progress-human.com/images/2023/Tom9_1/Zhilkina.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

Кафедра анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности. 40 лет. Хронология деятельности. 1968–2008. Новосибирск, 2008. 308 с.

Красильников С.А. Становление Новосибирска как регионального научного центра (20–50-е гг.) // Новосибирск на рубеже XXI века: перспективы развития и инвестиционные возможности: мат-лы науч.-практ. конф. Новосибирск, 2000. С. 45–48.

Лейбсон Л.Г., Наточин Ю.В., Иржак Л.И. Александр Григорьевич Гинецинский. Л.: Наука, 1985. 158 с.

Николаева И.И., Баннова Е.С., Шамовская-Островская С.Г. История Новосибирского государственного медицинского университета // Сибирское медицинское обозрение. 2010. № 4 (64). С. 3–7.

Панова А.С., Суботялов М.А., Айзман Р.И. Новосибирские научные школы по физиологии почек и водно-солевого обмена. М.: РУСАЙНС, 2022. 160 с.

Побережников И.В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 24 (57). С. 36–46.

Пушкарёва Н.Л. Женщины в российской науке конца XX – начала XXI в.: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3 (56). С. 24–35.

Федотова В.Г., Яковлева А.Ф. Наука и модернизация // Философия и культура. 2012. № 9 (57). С. 61–72.

Филаретова Л.П., Дюжикова Н.А., Андреева Л.Е., Вовенко Е.П., Рыбникова Е.А. История первого физиологического института России – Института физиологии им. И.П. Павлова РАН // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15, № 3. С. 8–50.

References

- Ayzman, R.I., Borisova, S.A., Velikanova, L.K. (1978). Funktsiya pochk u detey v svyazi s gigenicheskimi osobennostyami vodnogo faktora [Kidney Function in Children in Connection with the Hygienic Features of the Water Factor]. In *Okhrana zdorovya detey i podrostkov Zapadnoy Sibiri: sbornik nauchnykh trudov*. Moscow, pp. 89–92.
- Ayzman, R.I., Velikanova, L.K., Blinova, L.V. (1977). Biologicheskaya nadezhnost mekhanizmov regulyatsii vodno-solevogo gomeostaza v ontogeneze [Biological Reliability of Mechanisms Regulating Water-Salt Homeostasis in Ontogenesis]. In *Novye issledovaniya po vozrastnoy fiziologii*. No. 1, pp. 59–63.
- Ayzman, R.I., Panova, A.S., Sorokina, T.S., Subotyalov, M.A. (2018). Stanovlenie i razvitie nauchnoy shkoly po fiziologii pochk i vodno-solevogo obmena v Novosibirske [The Becoming and Development of the Scientific School of Physiology of Kidneys and Water-Salt Metabolism in Novosibirsk]. In *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. Vol. 26, No. 4, pp. 247–251.
- Fedotova, V.G., Yakovleva, A.F. (2012). Nauka i modernizatsiya [Science and Modernization]. In *Filosofiya i kultura*. No. 9 (57), pp. 61–72.
- Filaretova, L.P., Dyuzhikova, N.A., Andreeva, L.E., Vovenko, E.P., Rybnikova, E.A. (2023). Istoriya pervogo fiziologicheskogo instituta Rossii – Instituta fiziologii im. I.P. Pavlova RAN [The History of the First Physiological Institute in Russia: I.P. Pavlov Institute of Physiology of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. Vol. 15, No. 3, pp. 8–50.
- (2008). *Kafedra anatomii, fiziologii i bezopasnosti zhiznedeystelnosti. 40 let. Khronologiya deyatelnosti. 1968–2008* [Department of Anatomy, Physiology, and Life Safety. 40 years. Chronology of activities. 1968–2008]. Novosibirsk. 308 p.
- Krasilnikov, S.A. (1999). Stanovlenie Novosibirska kak regionalnogo nauchnogo tsentra (20–50-e gg.) [The Development of Novosibirsk as a Regional Scientific Center (1920s–1950s)]. In *Novosibirsk na rubezhe XXI veka: perspektivy razvitiya i investitsionnye vozmozhnosti. Nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. Novosibirsk, pp. 45–48.
- Leibson, L.G., Natochin, Yu.V., Irzhak, L.I. (1985). *Aleksandr Grigorevich Ginetsinskiy* [Alexander Grigorievich Ginetsinsky]. Leningrad, Nauka. 158 p.
- Nikolaeva, I., Bannova, E., Shamovskaya-Ostrovskaya, S. (2010). Istoriya Novosibirskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta [The History of Novosibirsk State Medical University]. In *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie*. No. 4 (64), pp. 3–7.
- Panova, A.S., Subotyalov, M.A., Ayzman, R.I. (2022). *Novosibirskie nauchnye shkoly po fiziologii pochk i vodno-solevogo obmena* [Novosibirsk Scientific Schools on Kidney Physiology and Water-Salt Metabolism]. Moscow, RUSAINS. 160 p.
- Poberezhnikov, I.V. (2017). Modernizatsii v istorii Rossii: napravleniya i problemy izucheniya [Modernization in the History of Russia: Trends and Investigation Problems]. In *Uralskiy istoricheskiy vestnik*. No. 24 (57), pp. 36–46.
- Pushkareva, N.L. (2010). Zhenshchiny v rossiyskoy nauke kontsa XX – nachala XXI v.: obobshchenie kolichestvennykh kharakteristik [Women in Russian Science in the Late 20th – Early 21st Centuries: A Summary of Quantitative Characteristics]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 3 (56), pp. 24–35.
- Vasil'eva, V.F., Kurduban, L.I. (Comp.). (1995). *A.G. Ginetsinskiy. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Vospominaniya uchenikov. Pisma* [A.G. Ginetsinsky. On the 100th Anniversary of His Birth. Memories of Students. Letters]. St. Petersburg. 92 p.
- Velikanova, L.K. (1955). *Tkanevye retseptory osmoreguliruyushchego refleksa* [Tissue Receptors of the Osmoregulatory Reflex], Cand. biol. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 8 p.
- Velikanova, L.K. (1957). Vliyanie pererezki spinnogo mozga na vodovydeltelnuyu funktsiyu pochk [The Effect of Spinal Cord Transection on the Water-Excreting Function of the Kidneys]. In *Byulleten eksperimentalnoy biologii i meditsiny*. No 11, pp. 62.
- Velikanova, L.K. (1971). *Nekotorye storony mekhanizma osmoretseptsii* [Some Aspects of the Mechanism of Osmoreception], Dr. biol. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 28 p.

Velikanova, L.K. (2001). Moy put v nauke [My Path in Science]. In *Integrativnaya fiziologiya. Yubileynaya sessiya, posvyashchennaya 80-letiyu so dnya rozhdeniya doktora biologicheskikh nauk, professora, zasluzhennogo rabotnika vysshey shkoly RF L.K. Velikanovoy. Sbornik nauchnykh rabot*. Novosibirsk, pp. 5–20.

Velikanova, L.K., Finkinshteyn, Ya.D. (1959). Osmoretseptory pecheni [Liver Osmoreceptors]. In *Fiziologicheskiy zhurnal SSSR imeni I.M. Sechenova*. Vol. 45, No. 12, pp. 1472–1476.

Zhilkina, Yu.V. (2023). Zhenshchiny v nauke [Women in Science]. In *Human Progress*. Vol. 9, Iss. 1, Article 7, pp. 5–6. Available at: URL: https://progress-human.com/images/2023/Tom9_1/Zhilkina.pdf (date of access 15.01.2026).

Д.О. Ястребов*

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКИХ ПСИХИАТРОВ
И ТРАНСФЕРЫ ИДЕЙ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКАdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-12
УДК 94(47)18

Выходные данные для цитирования:

Ястребов Д.О. Профессионализация российских психиатров и трансферы идей в середине XIX века // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 164–178.

URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-12.pdf>

D.O. Yastrebov*

PROFESSIONALIZATION OF RUSSIAN PSYCHIATRISTS
AND TRANSFERS OF IDEAS IN THE MID-19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-12

How to cite:

Yastrebov D.O. Professionalization of Russian Psychiatrists and Transfers of Ideas in the Mid-19th Century // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 164–178.[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-12.pdf>]

Abstract. This article analyzes the impact of the transfer of Western European psychiatric ideas on the formation of the system of care for the insane in the Russian Empire during the second half of the 19th century, as well as on the emergence of a distinct professional group of psychiatrists. Based on archival sources from the Russian State Historical Archive (RGIA), the study examines the activities of physicians and officials in reforming the functioning of the capital's All Who Sorrow Hospital and the work of the Commission for the Establishment of District Houses for the Insane under the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs. A crucial role in this process was played by the foreign trips of psychiatrists, who were sent abroad to study the organization of European psychiatric clinics. One of the most significant outcomes of one of the first such journeys the trip of attending physician K. Seifert from the All Who Sorrow Hospital (Bol'nitsa Vsekh Skorbyashchikh) was the expansion of the authority of the head physician in psychiatric hospitals. The head physician became the figure who concurrently managed both the economic and scientific aspects of the hospital, thereby distinguishing psychiatrists as a separate category of physicians. This process continued in the 1860s, when physicians specializing in the treatment of "mental illnesses" acted as experts in the commission established under the Ministry of Internal Affairs for the construction of new insane asylums. While utilizing the psychiatrists' knowledge for utilitarian purposes, the officials nonetheless deferred to their expertise in crucial matters concerning the construction and arrangement of hospitals. By sending psychiatrists abroad and, in conflicts and contentious situations, siding with the nascent professional community, the state facilitated their consolidation and the establishment of their own sphere of responsibility and expertise. Thus, the professionalization of Russian psychiatrists in the second half of the 19th century depended equally on the actions of the state and on the transfer of foreign ideas, which reinforced the authority of Russian physicians.

Keywords: psychiatry, psychiatrists, psychiatric hospital, transfer of ideas, professionalization, Russia Empire.

The article has been received by the editor on 28.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* Даниил Олегович Ястребов, аспирант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: dyastrebov@eu.spb.ru
Daniil Olegovich Yastrebov, Postgraduate Student, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia; National Library of Russia, St. Petersburg, Russia, e-mail: dyastrebov@eu.spb.ru

Аннотация. В статье анализируется влияние трансфера западноевропейских психиатрических идей на изменения в системе призрения душевнобольных в Российской империи во второй половине XIX в., а также на формирование отдельной профессиональной группы врачей-психиатров. На основе архивных источников (РГИА) рассматривается деятельность врачей и чиновников по изменению функционирования столичной Больницы Всех Скорбящих, а также функционирование Комиссии по устройству Окружных домов для умалишенных при Медицинском департаменте МВД. Важную роль в этом процессе играли командировки психиатров, отправляемых за границу с целью ознакомления с устройством европейских психиатрических клиник. Одним из важнейших результатов одной из первых таких поездок, путешествия ординатора Больницы Всех Скорбящих Радости К. Зейферта, стало расширение полномочий главного врача психиатрической больницы. Главный врач стал лицом, соединившим одновременно хозяйственную и научную части больницы, тем самым обособив психиатров в отдельную категорию врачей. Данный процесс продолжился в 1860-х годах, когда врачи, занимавшиеся лечением «душевных болезней», выступили в качестве экспертов в созданной при МВД комиссии по строительству новых домов для умалишенных. Используя знания психиатров в утилитарных целях, чиновники тем не менее отдавали им преимущество в важных вопросах строительства и обустройства больниц. Отправляя психиатров за границу, в конфликтных и спорных ситуациях государство вставало на сторону зарождавшегося профессионального сообщества, тем самым способствуя обособлению и созданию их собственной зоны ответственности и экспертности. Таким образом, профессионализация российских психиатров во второй половине XIX в. равно зависела как от деятельности государства, так и от трансфера зарубежных идей, подкрепляющих авторитет российских врачей.

Ключевые слова: психиатрия, психиатры, психиатрические больницы, трансферы идей, профессионализация, Российская империя.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026 г.

Российская психиатрия в свете истории трансферов. В 1847 г. один из советников Оренбургского губернского правления в ходатайстве Хозяйственному департаменту МВД писал о недостатках существовавших правил освидетельствования душевнобольных. Во-первых, такие люди, отправленные в губернский город, привлекали внимание толпы, что только ухудшало самочувствие больных. Во-вторых, нахождение душевнобольных и психически здоровых людей в одном месте сказывалось на последних негативно. В-третьих, из-за большого числа свидетельствуемых врачебные ошибки были нередки. В-четвертых, в таких скученных и стесненных условиях губернского правления чиновник не исключал и возможность симуляции болезни¹. По его мнению, освидетельствование душевнобольных должно полностью перейти в ведение врачей, а не чиновников, «по правилам науки»². Медики, находившиеся в губернских правлениях, не справлялись с большим количеством поступавших во врачебные отделения людей. Необходимость изменений понимали все: и чиновники, и сами врачи. Проблема надзора над душевнобольными требовала отдельной категории экспертов. Мечты оренбургского губернского советника начали исполняться уже в следующих десятилетиях, когда в России одновременно появились новые больницы и новое профессиональное сообщество психиатров.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 20. Д. 607. Л. 1 об.–4.

² РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 607. Л. 4 об. О формировании освидетельствования см.: Янгулова Л.В. Институционализация психиатрии в России. Генеалогия практик освидетельствования и испытания «безумия» (конец XVII–XIX вв.): дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. 195 с.

Одна из ключевых характеристик науки XIX в. – ее интернациональность. Появление газет, железных дорог и телеграфа позволило увеличить скорость передачи информации, в том числе научного знания³. Хотя эти процессы начались намного раньше, та интенсификация распространения, обмена и адаптации идей, которая произошла в середине XIX в., создала уникальную ситуацию в научном мире.

На материале Российской империи, которая еще с петровских времен заявила о своей приверженности к западной культуре, проблема трансферов осознается историками особо остро⁴. Зарубежные командировки российских ученых уже давно привлекали внимание в историографии⁵. В изучении медицины и психиатрии на сегодняшний день эти вопросы остаются неисследованными.

Одно из важных исключений – работа Р. Николози «Вырождение: литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века». Ученый показал необычную историю трансферов идеи о вырождении человечества, которая стала популярной во Франции. Сначала эта теория стала основой для задуманной Э. Золя эпопеи «Ругон-Маккары», которой пытались подражать русские писатели, обратившие, в свою очередь, на это внимание российских психиатров⁶. В дальнейшем эта проблема развивалась уже в профессиональной академической среде. Таким образом, трансфер идей происходил не напрямую от одного ученого сообщества к другому, а опосредованно через художественную литературу.

«Токи заимствования», как называл их М. Блок⁷, пронизывали российскую психиатрию, стимулируя процесс ее институционализации. Во второй половине 1850-х и начале 1860-х годов у российских психиатров появились новые возможности взаимодействовать со своими зарубежными коллегами. Либерализация режима подразумевала не только возможность диалога власти и общества в России, но и самой России с зарубежными странами. Эта тенденция понятна в контексте широкой реформаторской деятельности, затронувшей почти весь государственный аппарат в Российской империи⁸. Российские врачи получили возможность читать специализированную научную литературу своих европейских коллег. Выросло и число зарубежных поездок. Они позволили им ознакомиться с последними достижениями психиатрии, устройством лечебниц для душевнобольных и новыми методами лечения безумных.

Мишель Эспань отмечал, что трансферы осуществляются людьми осознанно и систематически либо бессознательно и стихийно. Один из важных критериев, который он выделял, – физическое пересечение национальных границ «индивидами и еще чаще группами лиц», которые так или иначе трансформируют смысл идей⁹. В статье я сфокусировался на небольшой группе российских психиатров, которые с конца 1850-х годов предпринимали зарубежные командировки.

На сегодняшний день неизученными остаются вопросы о связях между российскими и европейскими психиатрами, о степени влияния западных идей и концепций на врачей Российской империи. В статье я остановлюсь не на самом трансфере психиатрических концепций и развитии науки, а на его последствиях, которые были важны для складывания профессиональной группы психиатров. Особое внимание будет уделено процессу складывания

³ Остерхаммель Ю. Преображение Мира. История XIX столетия. М., 2024. Т. 1: Общества в пространстве и времени. С. 81.

⁴ Ауст М., Вулпиус Р., Миллер А.И. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917) // *Imperium inter pares*. М., 2010. С. 5–11.

⁵ См., напр.: Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Командировки московских историков в европейские университеты XIX века // *Петербургский исторический журнал*. 2025. № 1. С. 48–61; Гафаров А.А., Гафаров А.А. Практика европейских научных командировок в Российской империи во второй половине XIX века: проблема идеологической амбивалентности // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*. 2021. Т. 41, № 2. С. 23–41.

⁶ Николози Р. Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М., 2019.

⁷ Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // *Одиссей. Человек в истории*. 2001. № 13. С. 71.

⁸ См., напр.: Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 423–424.

⁹ Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М., 2018. С. 71–72.

вания отдельной профессиональной группы психиатров, которые пытались конструировать рамки собственного экспертного поля и устанавливать границы профессии¹⁰. Наиболее ярко это проявилось в процессе изменений в устройстве больниц для душевнобольных. Изучение трансферов и каналов коммуникации, роль отдельных акторов существенно дополнили бы наше представление о развитии психиатрического знания в Российской империи, профессионализации сообщества психиатров, обособлении их как отдельной категории врачей, занимавшихся «душевными болезнями» и «умственными расстройствами».

Российская психиатрическая наука в середине XIX в. До середины XIX в. в Российской империи системы призрения душевнобольных не существовало. Длительный процесс ее формирования был обусловлен политическими, социальными и экономическими особенностями самой империи. Немаловажное значение имело состояние психиатрической науки. И хотя государство уделяло большое внимание правовому статусу душевнобольных и безумцев с начала века, систематизации и унификации эти разрозненные законы не получили¹¹.

Помимо законодательной базы, формировавшейся на протяжении николаевского периода, решения требовал вопрос инкарцерации душевнобольных, который был одним из самых острых и запутанных не только для родственников безумцев, но и бюрократов. В XVIII в. традиционным местом заключения душевнобольных были монастыри, ставшие, таким образом, мультифункциональными учреждениями, т.е. такими местами, которые одновременно выполняли пенитенциарную, благотворительную и исправительную функции¹². Ссылая людей в монастыри для «исправления ума»¹³, власти соединяли воедино монашеский труд, церковное покаяние и наказание за мирские преступления. С конца XVIII в. монастыри сосуществовали с доллгузами, первыми больницами для душевнобольных, которые отличались крайней бытовой суровостью. Многие из попавших туда людей не просто не излечивались от своих болезней, но и умирали. Постепенно число специализированных больниц для душевнобольных росло, их управление перешло в специально созданный для этого орган – Приказ общественного призрения¹⁴.

Хотя монастыри все еще выполняли свои функции в качестве мест заключения и лечения душевнобольных на протяжении всего XIX и начала XX в., необходимость создания централизованных психиатрических больниц, которые были бы подчинены государству, стала ощущаться в 1850–1860-х годах. Основной проблемой в данном случае была нехватка мест для душевнобольных: функционировавшие частные, государственные лечебницы и отделения для душевнобольных были переполнены, а в некоторых городах таковые и вовсе отсутствовали. В 1850 г. Больница Всех Скорбящих Радости, одна из крупных больниц не только в столице, но и во всей империи, отказалась принимать в свои стены душевнобольных из Петергофа, поскольку в ней не оказалось свободных коек¹⁵. Потребность в новых больницах усиливалась из-за развернувшегося широкомасштабного реформирования. Предполагалось, что новые Окружные дома для умалишенных станут важным инструментом социального контроля, в них должны были проходить освидетельствование и лечиться в том числе и те душевнобольные, которые попадали туда по постановлению суда¹⁶. Окружные больницы, таким образом, должны были удовлетворять запросы администрации разных губерний как исполнительной, так и судебной властей.

¹⁰ Abbot A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. 1998; Liu S. Boundaries and Professions: Toward a Processual Theory of Action // Journal of Professions and Organization. 2018. № 5. P. 45–57.

¹¹ Подробнее об этом см.: Шунк В.Э. Российское законодательство XVIII–XX веков о душевнобольных: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 142 с.

¹² Махотина К. Монастыри как мультифункциональные учреждения в России первой половины XVIII в. // Монастырь и тюрьма. Места заключения в Западной Европе и в России от Средневековья до модерна. М., 2023. С. 59, 78–79.

¹³ Каменский А.Б. Тайные безумцы XVIII в. М., 2024. С. 28–30.

¹⁴ Андреевский И.Е. О первых шагах деятельности С.-Петербургского приказа общественного призрения (На основании архивных документов). Читано на торжественном акте археологического института 14-го мая 1889 г. // Русская старина, 1889. Т. 63, № 8. С. 447–448.

¹⁵ РГИА. Ф. 759. Оп. 30. Д. 1663. Л. 1.

¹⁶ РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 73. Л. 55–55 об.

Одновременно с этим на передний план выступило новое, только формировавшееся сообщество психиатров, которым предстояло заявить о себе и реализовать свои замыслы. Идеи бюрократов об административном контроле и желание врачей реформировать существовавшую систему призрения душевнобольных неожиданным образом пересеклись в вопросе переустройства психиатрических больниц и строительства Окружных домов. Первые использовали научную экспертизу психиатров, а те, в свою очередь, опирались на ресурсы, имевшиеся в распоряжении чиновничьего аппарата.

С начала XIX в. государство начало принимать активное участие в формировании профессиональных сообществ ученых. Одна из целей властей – использовать научное знание в своих интересах. Обычная практика для российского бюрократического аппарата многовластия и столкновения ведомственных амбиций вела, с одной стороны, к торможению принятия решений, с другой – создавала условия для автономии и профессионализации врачей¹⁷. Эта автономия способствовала развитию научного знания, в частности в области психиатрии. При этом важно уточнить, что становление отдельной категории врачей-психиатров в Российской империи начало происходить почти одновременно со схожими процессами в Западной Европе. В 1848 г. С.С. Уваров запретил заграничные командировки для ученых¹⁸, это и другие ограничения последних лет царствования Николая I, в частности цензура иностранной научной литературы, не позволили российским медикам приобщиться к новым идеям и теориям того времени.

Важно отметить, что преобразования и изменения 1860-х гг. брали свое начало во времена предыдущего царствования. Интересующий меня процесс – развитие научного психиатрического знания и становление профессиональной корпорации психиатров также начались в Николаевское время. Это было связано все с тем же утилитаризмом в использовании научного знания. Инкорпорация психиатров в управленческий аппарат была необходима для усовершенствования системы призрения душевнобольных и, в частности, их освидетельствования. Таким образом, во времена «Великих реформ» продолжались те же процессы, наметившиеся в прошлые десятилетия, но существенный разрыв с предшествующим царствованием произошел именно в вопросе контактов психиатров с их западноевропейскими коллегами. Все это существенным образом повлияло на изменения системы призрения душевнобольных и на строительстве Окружных больниц, поскольку апелляция к зарубежному опыту стала ключевым фактором в усилиях психиатров отстоять свою профессиональную независимость.

Профессионализация через трансфер: случай Больницы Всех Скорбящих Радости.

Из общего ряда лечебниц для душевнобольных выделялась Больница Всех Скорбящих Радости, которая подчинялась непосредственно вдовствующей императрице Марии Федоровне, а после ее смерти в 1828 г. – IV отделению Собственной Его Императорского Величества Канцелярии¹⁹. Больница управлялась не чиновниками, а созданным опекуном советом, который в коллегиальной форме решал важные вопросы²⁰. Отсутствие бюрократического контроля, наличие больших материальных средств позволили сделать из Больницы Всех Скорбящих образцовый пример лечебницы для душевнобольных²¹.

Вторая половина 1850-х годов дала новые возможности для изменений и нововведений в ней. В 1856 г. ординатор Константин Зейферт был отправлен в командировку на год с целью осмотра знаменитых психиатрических больниц в Европе. Его очень подробный отчет передавал впечатления российского врача, впервые попавшего за границу с целью заимствования чужого опыта. Именно это и было главной целью поездки²².

¹⁷ Гатина З.С., Вишленкова Е.А. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX века // Вестник СПбГИК. 2014. № 1 (18). С. 169.

¹⁸ Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М., 2012. С. 849–850.

¹⁹ Лебедев П. Больница Всех Скорбящих. Исторический очерк. СПб., 1858. С. 14–16.

²⁰ Рюль И.Ф. Проект устава для Санктпетербургского дома умалишенных (ныне Больницы всех скорбящих), составленный лейб-медиком Рюлем. СПб., 1832. С. 10–18.

²¹ Даныо М.Г. Страницы истории больницы Всех Скорбящих // История Петербурга. 2007. № 1 (35). С. 39.

²² РГИА. Ф. 758. Оп. 16. Д. 117. Л. 189 об.

Особое внимание он уделял не только строению новых больниц в Пруссии, Австрии, Франции и Великобритании, но и тому положению, в котором находились душевнобольные. Так, для английского общества было характерно недоверчивое отношение к психиатрическим больницам: «В публике находится некоторое отвращение к общественным заведениям...»²³. Как следует из отчета, Зейферт, предпринявший первую свою заграничную поездку, не был сконцентрирован на одной национальной системе призрения душевнобольных. Хотя он и разделял особые модели существования психиатрии (английская, прусская и французская), Зейферт старался найти все преимущества и недостатки распространенных в это время психиатрических идей в Европе. Не пересказывая подробно сам отчет, я перейду к анализу другого документа, появившегося в результате его написания, – к выпискам из Журнала заседания комиссии совета больницы.

После приезда Зейферт представил свой отчет руководству, на которое разница между российскими и европейскими больницами произвела настолько сильное впечатление, что им было принято решение ввести ряд нововведений. Далее я укажу лишь некоторые принятые и утвержденные изменения в Больнице Всех Скорбящих (всего их было 20), в скобках будут указаны страны и города, по примеру которых они были введены.

Итак, руководство больницы решило, что на основе представленных Зейфертом сведений «было бы полезно сделать во благоустройство Больницы Всех Скорбящих следующие применения»²⁴:

1. Помимо разделения больных по половой принадлежности создать отдельные помещения для «выздоровливающих и спокойных» (Зигбург, провинция Рейн).
2. Ввести кровати для «падучих, неопрятных и беспокойных» со специальными удерживающими ремнями (Франция, Вена, Прага).
3. Позволить пациентам пользоваться ножами и вилками (Королевство Вюртемберг).
4. Разрешить больным хранить растения, вешать на стенах картины, карты и т.п. (Великобритания, Пруссия, Бельгия).
5. Оборудовать специальную комнату для курения табака (Голландия)²⁵.

Наконец, самым последним и самым важным впоследствии нововведением стало изменение функции главного врача в больнице. Из журнала комиссии следовало: «На западе главный доктор – лицо, которое соединяет в себе управление административное и хозяйственное. Все его предложения должны беспрепятственно приводиться в исполнение»²⁶. Предполагалось, что и в Больнице Всех Скорбящих главный врач должен пользоваться той же властью, что и в европейских клиниках для душевнобольных.

Новый статус главного врача повлиял на процесс формирования отдельной категории врачей-психиатров, поскольку наделение большей властью предполагало более активную роль не только в функционировании больницы, но и в публичном пространстве, и во взаимодействии с чиновниками. Также это позволило заявить о соразмерности и сопоставимости отечественных и зарубежных психиатров: главные врачи могли на равных говорить со своими коллегами из Европы, перенимая не только управленческий, но и научный опыт. Наконец, принципы управления больницей строились не только на административных началах, но и на научных, что стимулировало психиатров позиционировать себя прежде всего как врачей, а не управленцев. Все это ставило их в один ряд с врачами других специальностей, выделяя из общего числа профессионалов.

Предпринятая попытка зарубежной командировки оказалась удачной, ее итоги удовлетворяли всех: как врачей, стремившихся расширить свою автономию в вопросе управления Больницей Всех Скорбящих, так и опекунский совет, пытавшийся модернизировать внутреннюю ее организацию. После поездки Зейферта трансферы идей только увеличились, поездки врачей в разные страны стали восприниматься и чиновниками, и самими учеными

²³ Там же. Л. 247.

²⁴ Там же. Л. 159.

²⁵ Там же. Л. 159–164.

²⁶ Там же. Л. 164.

как обыденность. Через полтора года после возвращения Зейферта в командировку был отправлен другой врач. Предполагалось, что его личное посещение «лучших в Германии и Франции лечебниц для страждущих умопомешательством и личные объяснения с известными там психиатрами поставят его в возможность обменяться с ними собственными его наблюдениями и опытом»²⁷.

Несмотря на то, «Запад» в представлении самого Зейферта был един, устройство психиатрии имела явную региональную и национальную специфику, что и нашло отражение в отчете. Подробно описывая английскую, французскую, немецкую системы призрения душевнобольных, врач старался подмечать преимущества и недостатки разных национальных особенностей строительства и устройства больниц. Бессистемность трансферов образовала своеобразную мозаику из всего «лучшего» и «полезного», по мнению Зейферта и опекунского совета, что существовало на Западе.

Последствия предпринятых преобразований особенно отчетливо видны при сравнении с другими лечебными заведениями. В московской Преображенской больнице, считавшейся передовой в 1830–1940-х годах благодаря деятельности В.Ф. Саблера, не было проведено таких же значительных реформ, а ее служащие не отправлялись в командировки за границу. Уже к середине века больница находилась в плачевном состоянии²⁸. В 1873 г. в «Московской медицинской газете» вышла статья С. Штейнберга, бывшего в это время главным врачом, в которой он описывал бедственное положение больницы. В течение 1872 г. из 411 пациентов в ней умерло 75. По мнению Штейнберга, причинами такого положения дел стало отсутствие свежего воздуха в палатах, грязные и закопченные стены в них, запущенная и неустроенная территория для прогулок душевнобольных: «легко понять, какое нравственное влияние должны производить эти мрачные, сырые и непривлекательные своей наружностью сады»²⁹. Наконец, важным фактором, повлиявшим на смертность пациентов, стала сама система управления больницей. Из-за низкого жалования служащие больницы оказались некомпетентными («люди самого плохого качества»). Все это позволило автору статьи констатировать бедственное положение одной из крупных московских больниц для душевнобольных, которая, по его словам, оправдывала свое название «безумного сумасшедшего дома»³⁰. Таким образом, предпринятые преобразования в Больнице Всех Скорбящих способствовали тому, что ее служащие смогли предотвратить стагнацию, характерную для других подобных ей медицинских заведений, переложив ответственность за управление на главного врача.

Строительство Окружных домов для душевнобольных: врачи, архитекторы и заграничные командировки. Как было показано на примере Больницы Всех Скорбящих, во второй половине XIX в. у российских врачей появилась возможность контактировать со своими коллегами из европейских стран. Благодаря этому активизировались трансферы идей и теорий. Они осуществлялись в одностороннем порядке, русские врачи оставались в положении «учеников» или «плагиаторов» (выражение М. Блока). При этом корыстных или политических мотивов у врачей Российской империи не было, ни они сами, ни европейские психиатры не ограничивали научное знание национальными рамками, всячески поддерживая эти контакты. Так, например, врач-психиатр Н.К. Скворцова-Михайловская в 1881 г. защитила диссертацию в Париже под руководством знаменитого Шарко, который, согласно ее воспоминаниям, «благодарил русских медиков, так почетно принявших его в Петербурге»³¹.

В 1860-х годах параллельно оформлялась институциональная и корпоративная независимость психиатрии: открывались отдельные кафедры «нервных болезней», начали издаваться специализированные журналы, печататься научные работы, психиатры выступали

²⁷ РГИА. Ф. 758. Оп. 16. Д. 117. Л. 150.

²⁸ Баженов Н.Н. История Московского Доллгауза, ныне Московской городской Преображенской больницы для душевнобольных. М., 1909. С. 84–85.

²⁹ Московская медицинская газета. 1873. № 5. 29 янв. С. 70–71.

³⁰ Там же.

³¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 699. Д. 8. Л. 9 об.

в качестве экспертов в судах и на заседаниях в различных ведомствах. Связь врачей с государством осуществлялась преимущественно через Министерство внутренних дел, структурным подразделением которого был Медицинский департамент. В 1860–1880-е годы он осуществил попытку строительства новых Окружных больниц для душевнобольных.

При Медицинском департаменте была создана специальная Комиссия для рассмотрения проектов по устройству Окружных домов для умалишенных, в состав которой вошли профессиональные психиатры И.М. Балинский, П.А. Дюков, В.Н. Чехов, В.И. Лоренц, А.И. Шульц, А.У. Фрезе и упомянутый выше К.Х. Зейферт. В работе комиссии также принимали участие ведомственные архитекторы. Возглавлял Комиссию директор департамента – Е.В. Пеликан. Целью собранных воедино экспертов стала разработка проектов и курирование строительства новых больниц.

Отличительной чертой деятельности Комиссии стало обращение к опыту их западноевропейских коллег. Начиная с самого первого проекта Казанского окружного дома для душевнобольных в 1862 г., врачи и архитекторы начали отправляться в заграничные командировки с целью осмотра больниц. Этот опыт признавался особенно полезным чиновниками ведомства³².

Особую значимость им придавал И.М. Балинский, служивший в МВД, за счет которого он совершал зарубежные поездки для ознакомления с устройством психиатрических больниц в Европе. Балинский, которого принято называть «отцом русской психиатрии»³³, наряду с другими немногочисленными врачами своего времени был включен в европейский контекст. К 1860-м годам его влияние на научный мир и на само МВД было чрезвычайно высоким, уже несколько лет он преподавал на созданной кафедре «учения о нервных болезнях и болезнях, сопряженных с расстройством умственных способностей» в Императорской медико-хирургической академии. Привлечение его в качестве эксперта стало осознанной мерой со стороны чиновников.

Первый проект Казанской больницы был разработан еще в 1845 г., однако он не был реализован: с течением времени проект устарел, принципы, положенные в его основу, через полтора десятилетия оказались несовместимы с новыми научными веяниями³⁴. Члены комиссии должны были полностью пересмотреть изначальный замысел, это стало началом масштабного проекта создания Окружных больниц в Российской империи.

Один из членов Комиссии – А.У. Фрезе, служивший до этого времени в Преображенской больнице, был назначен ответственным за разработку проекта. Казанский архитектор А.Т. Жуковский должен был воплотить его в жизнь. В ходе работы между Фрезе и Жуковским возникли разногласия, связанные с устройством новой больницы. Согласно плану архитектора, предполагалось, что новое здание должно иметь три этажа, которые предназначались для помещения душевнобольных. Фрезе же настаивал на строительстве отдельных одноэтажных зданий. Противоречия между ними не были чем-то уникальным, поскольку проекты и планы всех Окружных больниц так или иначе изменялись и дополнялись. В этой ситуации наибольшее внимание привлекают аргументация и риторика самого Фрезе в его переписке с директором Медицинского департамента Пеликаном.

В телеграмме из Казани от 1864 г. он критиковал проект Жуковского, называя его «безобразным», и просил срочно остановить его реализацию³⁵. В подробной объяснительной записке Фрезе признавал проект экономически выгодным, но с врачебной точки зрения он не мог быть реализован, поскольку «уничтожается самый характер заведения»³⁶. Фрезе опирался на свои знания в области психиатрии, в частности в вопросе строительства больниц. Совместно с подполковником К.И. Мравинским по поручению Комиссии он был откомандирован за границу для осмотра европейских психиатрических больниц. Этот опыт был

³² РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 76. Л. 65–66.

³³ Иван Михайлович Балинский, отец русской психиатрии (по воспоминаниям его учеников: И.П. Мержеевского, А.Е. Черемшанского, И.А. Сикорского) // Вопросы нервно-психической медицины. 1902. Т. VII. С. 1–58.

³⁴ РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 1. Л. 25–25 об.

³⁵ Там же. Л. 48.

³⁶ Там же. Л. 50.

использован Фрезе и членами Комиссии для усовершенствования плана Казанской больницы. В записке Пеликану он с сожалением констатировал, что эти командировки не принесли того результата, который от них ждали. «Грустно и больно подумать, что, употребляя те же средства, которые жертвовали за границую для этой цели, и имея людей, посылаемых за границу для изучения психиатрии, мы должны опасаться каждую минуту за то, что первые наши дома помешанных сильно могут пострадать от вмешательства людей, дела не понимающих и не желающих изучить его»³⁷. Личное знакомство с европейскими клиниками, по примеру которых врачи, архитекторы и чиновники должны были построить Окружные больницы, стало важным условием обособления Фрезе от Жуковского. Практическое и теоретическое знание психиатра, таким образом, стало важным символическим капиталом.

Решением сложившейся ситуации Фрезе виделось назначение его в качестве директора больницы и передача ему всей власти и ответственности в вопросах строительства. Архитектор и строительный комитет, созданный в Казани, должны были, по его мнению, заниматься только технической частью (проверкой производимых работ, заключением контрактов с подрядчиками, освидетельствованием материалов³⁸), сам Фрезе называл эти функции несколько презрительно – «счетоводством»³⁹. Назначение на должность директора должно было придать ему больший вес и авторитет в глазах Жуковского, местного комитета и казанского губернатора, которого он охарактеризовал как хорошего и благонамеренного человека, но не осознающего при этом важность значения проекта Окружной больницы⁴⁰. Альтернативой стал отзыв Фрезе из Казани и передача всех полномочий местному комитету и архитектору.

Профессиональная солидарность Пеликана, бывшего одновременно и чиновником, и врачом, способствовала тому, что 6 июня 1864 г. Фрезе все же был назначен директором больницы еще до ее открытия⁴¹. Новый статус врача позволил ему завершить конфликт с Жуковским, выйдя из него победителем. Несмотря на то, что проект был задержан, он соответствовал воззрениям самого Фрезе и его коллег-психиатров из Комиссии. Случай соперничества между архитектором и врачом свидетельствует не столько о столкновении мнений двух частных людей, сколько о процессе профессионализации психиатров. Фрезе, будучи специалистом в области «душевных болезней» и имевший опыт заграничных поездок, пытался отстоять свое право быть главным в строительстве больницы. Его экспертность была решающим аргументом в споре с Жуковским, в глазах столичных бюрократов он рассматривался как безусловный авторитет. И хотя критика со стороны других членов Комиссии доходила до Пеликана⁴², он отдавал предпочтение перед Жуковским Фрезе. Таким образом, главный врач, как и за несколько лет до этого в Больнице Всех Скорбящих, объединял научную и хозяйственную часть лечебного заведения, что лишь укрепило позиции самого Фрезе в научном мире, а в дальнейшем обособило психиатров в отдельную профессиональную категорию.

Обособление психиатров и расширение их экспертного поля и зоны ответственности происходили на протяжении всех 1860-х годов, в течение которых разрабатывались проекты Окружных больниц. Как и в случае с Фрезе, это происходило, в том числе, и в условиях соперничества разных групп. Так, например, планировалось, что одна из Окружных больниц будет открыта в Варшаве. После подавления Польского восстания 1863 г. созданный Александром II Учредительный комитет по делам царства Польского должен был произвести ряд реформ в этом регионе⁴³. Новая больница рассматривалась в качестве альтернативы

³⁷ РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 1. Л. 51 об.

³⁸ Там же. Л. 62.

³⁹ Там же. Л. 85 об.

⁴⁰ Там же. Л. 63.

⁴¹ Там же. Л. 89.

⁴² Балинский писал Пеликану, что «план Фрезе составлен наскоро и мало обдуман». РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 1. Л. 66 об.

⁴³ Кретов В.А. Конструируя лояльного крестьянина: политика Учредительного комитета в крестьянском вопросе в Царстве Польском (1864–1871 гг.) [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, вып. 4 (138). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840030894-2-1?ysclid=mpjv3l6clo198597073> (дата обращения: 24.05.2026).

существовавшим в Варшаве лечебницам, основанным польской аристократией, монахами бонифратами и еврейской общиной⁴⁴. Если в Австро-Венгрии строительство психиатрических больниц в разных ее частях было инициировано местной администрацией для того, чтобы показать степень своей эффективности в данной сфере⁴⁵, то в Российской империи появление новой больницы было связано прежде всего с центральными властями. Стремление создать собственную государственную больницу шло в русле общей политики Российской империи по «дискредитации и адаптации», как обозначил ее М. Долбилов, в Западном крае во времена Александра II⁴⁶.

В качестве образца для больницы Балинский предложил взять модель колонии-поселения для душевнобольных в селе Гиль недалеко от Антверпена⁴⁷. Рассматривая лечебницы «закрытого типа», где больных держали в палатах, не давая им возможности для трудовой, творческой или интеллектуальной деятельности, психиатр настаивал на недостатках французской и английской системы призрения душевнобольных, где пациенты находились взаперти и в стесненных условиях⁴⁸. Балинский предлагал положить в основу строившейся больницы один из популярных в это время способов лечения душевнобольных – моральное лечение. Трудотерапия, свежий воздух должны были создавать условия для быстрого выздоровления больных⁴⁹. Помимо этого, он недвусмысленно намекал на то, что строительство и содержание подобных колоний обойдутся государственному бюджету намного дешевле⁵⁰.

Примечательна в контексте анализируемых трансферов полемика Балинского с архитектором Ф.Ф. Турнелем, отправленным МВД во Францию для ознакомления с психиатрическими больницами. Турнель в качестве образца предложил больницу в Осере. Балинский же доказывал, что французские клиники, в частности знаменитая Сальпетриер, не могут рассматриваться в качестве образца⁵¹. Турнель не был врачом, в своем выборе он руководствовался собственными соображениями полезности и удобствами будущей постройки, как когда-то Жуковский. Балинский же вновь опирался на собственный опыт непосредственного посещения заграничных лечебниц и общения с европейскими коллегами. Один из важных вопросов, которому он уделял большое внимание, был связан со штатом будущей больницы. По его мнению, служащие, согласуясь с западноевропейским опытом, должны получать не только само жалованье, но и другие удобства и преференции, в том числе и квартиру. В противном случае эти места могут занять люди «совершенно неспособные к исполнению возложенных на них обязанностей»⁵².

Аргументы Балинского, его опыт и влияние на МВД повлияли на ход строительства Варшавской окружной больницы, проект Турнеля был пересмотрен и существенно изменен. В дальнейшем строительство и оборудование больницы были возложены на чиновников и архитекторов, далеких от понимания сути дела. Не включенные в европейский контекст, слабо разбиравшиеся в том, чего добивался Балинский, заимствовавший план постройки больницы в Гиль, ответственные люди не справились с возложенной задачей. Больше десяти лет потребовалось, чтобы изменить планы и чертежи, исправить сметы расходов для строительства и выбрать для него место⁵³. В итоге больница так и не была построена в том виде, в каком хотел видеть ее Балинский, колонии-поселения душевнобольных стали не столь популярны, как больницы закрытого типа.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1297. Оп. 219 Д. 1. Л. 58 об.

⁴⁵ Topp L. *Freedom and the Cage: Modern Architecture and Psychiatry in Central Europe, 1890–1914*. University Park, 2017. P. 40.

⁴⁶ Долбилов М.Д. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. М., 2010; см. также: Рольф М. *Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой*. М., 2020. С. 129.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1297. Оп. 219 Д. 1. Л. 4 об.

⁴⁸ Подробнее см.: Scull A. *Museums of Madness: the Social Organization of Insanity in Nineteenth-Century England*. London, 1979.

⁴⁹ Digby A. *Madness, morality and medicine. A study of the York Retreat, 1796–1914*. 1985.

⁵⁰ РГИА. Ф. 1297. Оп. 219 Д. 1. Л. 11–11 об.

⁵¹ Там же. Л. 46–49.

⁵² Там же. Л. 14. об.

⁵³ Там же. Оп. 239. Д. 716. Л. 173.

Отсутствие институционального воплощения проекта Балинского, основанного на европейских идеях, не означало провала трансфера идей. Дискуссии между чиновниками и психиатром и сам выбор различных моделей устройства больниц (по примеру Франции или Бельгии) демонстрируют расширение горизонта возможности российских психиатров в их экспертной деятельности. Заимствование устройства больницы в Гиль, как и в случае с Больницей Всех Скорбящих, подразумевало куда более широкий трансфер. Несмотря на нереализованность проекта Балинского, произошли важные изменения в самой российской психиатрии. В Европе и особенно во Франции модели колоний для душевнобольных были весьма популярны и даже успели подвергнуться серьезной критике⁵⁴. В Российской империи эти идеи появились только в конце 1860-х годов, когда Балинский, его коллеги и ученики начали совершать заграничные командировки. В условиях гуманистических идеалов, которые некоторые из российских врачей распространяли в это время⁵⁵, идеи морального лечения стали очень популярными и распространенными на практике, но уже следующим поколением врачей-психиатров. Последствия трансфера идей затронули даже императорскую семью: лечением великого князя Николая Константиновича, признанного душевнобольным в 1874 г., руководил Балинский, который организовал его повседневную жизнь на основе трудотерапии и морального лечения⁵⁶. В данном случае заимствование произошло не на техническом и материальном уровне, а на уровне идеалистических представлений о пользе и лечении больных.

Одним из главных последствий описываемых событий стало выделение фигуры главного врача из общего ряда чиновников, архитекторов и других экспертов. Во время заграничных командировок им, согласно одной из инструкций Комиссии от 1868 г., предстояло осматривать европейские психиатрические больницы и как медикам, и как управляющим. Их зона ответственности не ограничивалась теперь только научной сферой, напротив, от них требовалось ознакомиться с технической и строительной частью зданий, «администрацией и хозяйством мест», на основании которого они смогли бы выработать собственный проект управления будущей больницей⁵⁷. Помимо непосредственного знакомства с устройством домов для душевнобольных, командированные врачи собирали и привозили в столицу статистические данные, чертежи и профессиональную литературу⁵⁸. Поездки между тем стали более выборочны. Помимо Балинского⁵⁹, в европейские путешествия отправлялись только те врачи, которые, как предполагалось, возглавят Окружные дома для умалишенных⁶⁰.

Благодаря этому реальное или возможное соперничество психиатров с другими профессиональными группами, вовлеченными в процесс строительства больниц, стало невозможно в прежней форме. Согласно концепции американского социолога С. Луи, проведение границ – это демаркация, которая неизбежно приводит к конфликтам представителей разных профессий⁶¹. В случае с врачами эти конфликты могут служить маркером сформированности отдельной общности психиатров. Поддерживая границы между разными профессиональными сообществами⁶², государство тем самым укрепляло положение психиатров, на которых оно и опиралось при строительстве Окружных домов для душевнобольных. Модель управления больницы, позаимствованная из немецкой практики⁶³, при которой главный врач управлял одновременно хозяйственной и научной частями больницы, стала нормой для всех открытых психиатрических больниц, подотчетных МВД.

⁵⁴ Goldstein J. *Console and Classify: The French Psychiatric Profession in the Nineteenth Century*. Cambridge, 1987. P. 72; О трудотерапии и моральном лечении для душевнобольных см.: Фуко М. *Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году*. СПб., 2007. С. 22–24, 197.

⁵⁵ Калинин И. Севастополь в августе 1855. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 4. С. 32–75.

⁵⁶ РГИА. Ф. 435. Оп. 1. Д. 5. Л. 221–228; ГАРФ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Д. 72. Л. 137.

⁵⁸ Там же. Д. 73. Л. 66–68.

⁵⁹ Там же. Д. 341. Л. 34.

⁶⁰ Там же. Ф. 934. Оп. 2. Д. 578. Л. 1 об.

⁶¹ Liu S. *Boundaries and Professions...* P. 48.

⁶² Ibid. P. 49.

⁶³ РГИА. Ф. 1297. Оп. 239. Д. 7. Л. 43.

Заключение. «Это весьма хорошая мера, и было бы прекрасно, чтобы она была введена повсюду. Действительно, привод больных в Губернское правление соединен с крайними неудобствами»⁶⁴, – так гласило заключение, записанное карандашом на полях ходатайства оренбургского чиновника, упомянутого в начале статьи. Был ли это Л.А. Перовский, бывший в 1847 г. министром внутренних дел, или другой чиновник, не столь важно. Намного важнее, что уже в 1860-х годах в Российской империи были предприняты попытки создания системы призрения душевнобольных, принципы которой основывались на современных научных достижениях того времени.

Благодаря знакомству российских психиатров с устройством клиник в европейских странах появились не только амбициозные проекты строительства собственных больниц для душевнобольных. Распространение новых знаний, результатом которого и были эти клиники, повлияло на психиатрию, развивавшуюся до этого времени более обособленно. Опыт знакомства с особенностями устройств европейских больниц существенно изменил их положение. Во-первых, накопленный опыт разных национальных систем призрения позволил им модернизировать существовавшие проекты Окружных больниц и привести их в соответствии с современными достижениями психиатрической науки. Во-вторых, само обладание знанием стало важным административным ресурсом и привилегией: главными врачами больниц становились ученые, имевшие необходимый опыт, одновременно с этим в командировки отправлялись те, кто должен был возглавить Окружные дома для умалишенных.

Во всех этих процессах немаловажную роль играло государство со своим собственным утилитарным интересом, поддерживая психиатров в их стремлении начать международный диалог. Европейские научные трансферы изменили российскую психиатрию и систему призрения душевнобольных, но не сделали их идентичными себе. Во всем этом «плавильном котле» идей, почерпнутых из разных европейских стран, оставался собственно российский элемент, который во многом зависел от бюрократического аппарата империи, существовавшего по собственной логике и законам. В частности, так и не было усовершенствовано законодательство, касавшееся этой категории населения, несмотря на ожесточенную критику профессионального сообщества⁶⁵. Проводниками новых идей оставалась сравнительно немногочисленная группа психиатров-энтузиастов.

М. Эспань писал, что национальная идентичность порой представляет из себя взаимодействие разных культур⁶⁶. Аутентичность российской психиатрии имперского периода, в свою очередь, проистекала из смешения многих европейских культур и практик. Хотя поездки были не единственным каналом для трансферов, личные встречи психиатров с их европейскими коллегами способствовали более тесной и интенсивной коммуникации между ними. Процесс заимствования европейского опыта прошел за одно десятилетие путь от точечных нововведений до попытки системного строительства Окружных больниц для душевнобольных. Сложный путь прошли и сами психиатры: вместо исполнителей воли чиновников они стали экспертами, ревностно защищавшими свои профессиональные границы.

Литература

Андреев А.Ю., Цыганков Д.А. Командировки московских историков в европейские университеты XIX века // Петербургский исторический журнал. 2025. № 1. С. 48–61.

Ауст М., Вулпиус Р., Миллер А.И. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700–1917) // Imperium inter pares. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–11.

Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. 2001. № 13. С. 65–93.

⁶⁴ РГИА. Ф. 1287. Оп. 20. Д. 607. Л. 4.

⁶⁵ Ковалевский П.И. Положение наших душевнобольных // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. Харьков, 1885. Т. 5, № 1. С. 81–89; Чечотт О.А. Призрение помешанных в Санкт-Петербурге: историческая справка // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии, 1888–1889. Вып. VI. С. 235.

⁶⁶ Эспань М. История цивилизаций... С. 35, 74.

Велижнев М.Б. Чаадаевское дело: риторика, идеология и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 392 с.

Гатина З.С., Вишленкова Е.А. Система научной аттестации в медицине в России в первой половине XIX века // Вестник СПбГИК. 2014. № 1 (18). С. 168–178.

Гафаров А.А., Гафаров А.А. Практика европейских научных командировок в Российской империи во второй половине XIX века: проблема идеологической амбивалентности // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2021. Т. 41, № 2. С. 23–41.

Данько М.Г. Страницы истории больницы Всех Скорбящих // История Петербурга. 2007. № 1 (35). С. 37–42.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Калинин И. Севастополь в августе 1855. Война, фотография и хирургия: рождение поэтики модерна // Новое литературное обозрение. 2012. № 4. С. 32–75.

Каменский А.Б. Тайные безумцы XVIII в. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 304 с.

Кретов В.А. Конструируя лояльного крестьянина: политика Учредительного комитета в крестьянском вопросе в Царстве Польском (1864–1871 гг.) [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15, вып. 4 (138). URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840030894-2-1?ysclid=mpjv3l6clo198597073> (дата обращения: 24.05.2026).

Махотина К. Монастыри как multifunctional учреждения в России первой половины XVIII в. // Монастырь и тюрьма. Места заключения в Западной Европе и в России от Средневековья до модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 58–81.

Николози Р. Вырождение. Литература и психиатрия в русской культуре конца XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 512 с.

Остерхаммель Ю. Преображение мира. История XIX столетия. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. I: Общества в пространстве и времени. 656 с.

Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.

Свешников А.В. Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских ученых второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 849–887.

Уортман Р. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.

Фуко М. Психиатрическая власть: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году. СПб.: Наука, 2007. 450 с.

Шунк В.Э. Российское законодательство XVIII–XX веков о душевнобольных: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. 142 с.

Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.

Янгулова Л.В. Институционализация психиатрии в России. Генеалогия практик освидетельствования и испытания «безумия» (конец XVII – XIX вв.): дис. ... канд. социол. наук. М., 2004. 195 с.

Abbot A. The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1998. 452 p.

Digby A. Madness, morality and medicine. A study of the York Retreat, 1796–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 266 p.

Goldstein J. Console and Classify: The French Psychiatric Profession in the Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 414 p.

Liu S. Boundaries and Professions: Toward a Processual Theory of Action // Journal of Professions and Organization. 2018. № 5. P. 45–57.

Scull A. *Museums of Madness: the Social Organization of Insanity in Nineteenth-Century England*. London: Allen Lane, 1979. 275 p.

Topp L. *Freedom and the Cage: Modern Architecture and Psychiatry in Central Europe, 1890–1914*. University Park: Pennsylvania State University Press, 2017. 256 p.

References

Abbot, A. (1998). *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago, London, The University of Chicago Press. 452 p.

Andreev, A.Yu., Tsygankov, D.A. (2025). Komandirovki moskovskikh istorikov v evropeyskie universitety XIX veka [Trips of Moscow Historians to European Universities in the 19th Century]. In *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 1, pp. 48–61.

Aust, M., Vulpius, R., Miller, A.I. (2010). Rol' transferov v formirovanii obraza i funktsionirovanii Rossiyskoy imperii (1700–1917) [The Role of Transfers in Shaping the Image and Functioning of the Russian Empire (1700–1917)]. In *Imperium inter pares*. Moscow, pp. 5–11.

Blok, M. (2001). K sravnitel'noy istorii evropeyskikh obshchestv [Towards a Comparative History of European Societies]. In *Odissey. Chelovek v istorii*. No. 13, pp. 65–93.

Dan'ko M.G. (2007). Stranitsy istorii bol'nitsy Vsekh Skorbyashchikh [Pages of the History of the All Who Sorrow Hospital]. In *Istoriya Peterburga*. No. 1 (35), pp. 37–42.

Digby, A. (1985). *Madness, morality and medicine. A study of the York Retreat, 1796–1914*. Cambridge, Cambridge University Press. 266 p.

Dolbilov, M.D. (2010). *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian Borderland, Alien Faith: Ethno-Confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 1000 p.

Espagne, M. (2018). *Istoriya tsivilizatsii kak kul'turnyy transfer* [The History of Civilizations as Cultural Transfer]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 816 p.

Foucault, M. (2007). *Psikhiatricheskaya vlast': Kurs lektsii, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric Power: Lectures at the Collège de France, 1973–1974]. St. Petersburg, Nauka. 450 p.

Gafarov, A.A., Gafarov, A.A. (2021). Praktika evropeyskikh nauchnykh komandirovok v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XIX veka: problema ideologicheskoy ambivalentnosti [The Practice of European Scientific Trips in the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century: The Problem of Ideological Ambivalence]. In *Izvestiya obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. No. 2, pp. 23–41.

Gatina, Z.S., Vishlenkova, E.A. (2014). Sistema nauchnoy attestatsii v meditsine v Rossii v pervoy polovine XIX veka [The System of Scientific Certification in Medicine in Russia in the First Half of the 19th Century]. In *Vestnik SPbGIK*. No. 1 (18), pp. 166–172.

Goldstein, J. (1987). *Console and Classify: The French Psychiatric Profession in the Nineteenth Century*. Cambridge, Cambridge University Press. 414 p.

Kalinin, I. (2010). Sevastopol' v avguste 1855. Voyna, fotografiya i khirurgiya: rozhdenie poetiki moderna [Sevastopol in August 1855. War, Photography and Surgery: The Birth of the Poetics of Modernism]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 4, pp. 32–75.

Kamensky, A.B. (2024). *Tainye bezumtsy XVIII v.* [The Secret Madmen of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 304 p.

Kretov, V.A. (2024). Konstruiruya loyal'nogo krest'yanina: politika Uchreditel'nogo komiteta v krest'yanskom voprose v Tsarstve Pol'skom (1864–1871 gg.) [Constructing a Loyal Peasant: The Policy of the Founding Committee on the Peasant Question in the Kingdom of Poland (1864–1871)]. In *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*. Vol. 15, Iss. 4 (138). Available at: URL: <https://ras.jes.su/history/s207987840030894-2-1?ysclid=mpjv3l6clo198597073> (date of access 24.05.2026).

Liu, S. (2018). Boundaries and Professions: Toward a Processual Theory of Action. In *Journal of Professions and Organization*. No. 5, pp. 45–57.

Makhotina, K. (2023). *Monastyri kak mul'tifunktional'nye uchrezhdeniya v Rossii pervoy poloviny XVIII v. [Monasteries as Multifunctional Institutions in Russia in the First Half of the 18th Century]*. In *Monastyr' i tyur'ma. Mesta zaklyucheniya v Zapadnoy Evrope i v Rossii ot Srednevekov'ya do moderna*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 58–81.

Nicolosi, R. (2019). *Vyrozhdenie. Literatura i psikiatriya v russkoy kul'ture kontsa XIX veka [Degeneration. Literature and Psychiatry in Russian Culture of the Late 19th Century]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p.

Osterhammel, J. (2024). *Preobrazhenie mira. Istoriya XIX stoletiya. T. I: Obshchestva v prostranstve i vremeni [The Transformation of the World: A History of the 19th Century. Vol. 1: Societies in Space and Time]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 656 p.

Rolf, M. (2020). *Pol'skie zemli pod vlast'yu Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoy mirovoy [Polish Lands under the Rule of St. Petersburg: From the Congress of Vienna to the First World War]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 576 p.

Scul, A. (1979). *Museums of Madness: the Social Organization of Insanity in Nineteenth-Century England*. London, Allen Lane. 275 p.

Shunk, V.E. (2004). *Rossiyskoe zakonodatel'stvo XVIII–XX vekov o dushevnobol'nykh: istoriko-pravovoy aspekt [Russian Legislation of the 18th–20th Centuries on the Mentally Ill: Historical and Legal Aspect]*, Cand. law. sci. diss. Nizhny Novgorod. 142 p.

Sveshnikov, A.V. (2012). *Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Government Policy in the Sphere of Foreign Travel Grants for Russian Scientists in the Second Half of the 19th – Early 20th Century]*. In *Raspisanie peremen: Ocherki istorii obrazovatel'noy i nauchnoy politiki v Rossiyskoy imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 848–876.

Topp, L. (2017). *Freedom and the Cage: Modern Architecture and Psychiatry in Central Europe, 1890–1914*. University Park, Pennsylvania State University Press. 256 p.

Velizhev, M. B. (2022). *Chaadaevskoe delo: ritorika, ideologiya i gosudarstvennaya vlast' v nikolaevskoy Rossii [The Chaadaev Affair: Rhetoric, Ideology and State Power in Nicholas I's Russia]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 392 p.

Wortman, R. (2004). *Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii [The Development of a Russian Legal Consciousness]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 520 p.

Yangulova, L.V. (2004). *Institutsionalizatsiya psikiatrii v Rossii. Genealogiya praktik osvidetel'stvovaniya i ispytaniya "bezumiya" (konets XVII–XIX vv.) [Institutionalization of Psychiatry in Russia. Genealogy of Practices of Examination and Testing of "Madness" (late 17th–19th Centuries)]*, Cand. soc. sci. diss. Moscow. 195 p.

И.В. Орлова*

**«ВРАЧЕБНО-САНИТАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ»:
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОРОДСКОЙ МЕДИЦИНЫ
В ГУБЕРНСКИХ ЦЕНТРАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-13
УДК 94(571.5)*Выходные данные для цитирования:**Орлова И.В. «Врачебно-санитарная организация»: институционализация городской медицины в губернских центрах Восточной Сибири // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 179–192. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-13.pdf>*

I.V. Orlova*

**“MEDICAL AND SANITARY ORGANIZATION”:
INSTITUTIONALIZATION OF URBAN MEDICINE
IN THE PROVINCIAL CAPITALS OF EASTERN SIBERIA**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-13

*How to cite:**Orlova I.V. “Medical and Sanitary Organization”: Institutionalization of Urban Medicine in the Provincial Capitals of Eastern Siberia // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 179–192. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-13.pdf>]*

Abstract. Until 1870, East Siberian cities were integrated into the imperial system of governance. Urban medical care consisted of hospitals administered by the Yenisei and Irkutsk Prikaz of Public Welfare and outpatient clinics funded by various societies. On June 16, 1870, Alexander II approved the City Statute, which introduced elements such as a city дума and city council into the system of urban self-government. A decree extended the new regulations to Irkutsk and Krasnoyarsk. While other cities in the region were permitted to implement the statute “as soon as possible”, this legal circumstance, coupled with the weakness of the region’s district towns, prevented the reform from being fully implemented, including creating the preconditions for the transition to a new model of medical governance. The city reform directly influenced the development of the new model of urban medicine only in provincial capitals. At the beginning of the 20th century, Urban healthcare in Krasnoyarsk and Irkutsk acquired a renewed structure and was transformed into the concept of “urban medical and sanitary organizations”. The author focuses on the development of a model of a medical and sanitary organization as a social institution, the result of post-reform transformations and the activities of urban local governments, and a sustainable mechanism of social norms and rules. The article devotes particular attention to the emergence of institutional elements of urban healthcare: organizational and managerial structures, prerequisites, and conditions for social interaction between the city administration and the public. Using statistical data and factual material, the author analyzes the performance of urban medical and sanitary organizations. The material used allows the author to conclude that factors such as government decisions (City Regulations), the activities of Pirogov Congresses, the initiative of local medical societies, and the support of city administrations significantly influenced the formation of a new institutional model of urban healthcare.

Keywords: Eastern Siberia, urban reform, urban medicine, social institution.

*The article has been received by the editor on 24.02.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* **Ирина Вячеславовна Орлова**, кандидат исторических наук, Иркутский государственный медицинский университет, Иркутск, Россия, e-mail: irina_orlova7@mail.ru
Irina Vyacheslavovna Orlova, Candidate of Historical Science, Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russia, e-mail: irina_orlova7@mail.ru

Аннотация. До 1870 г. восточносибирские города были встроены в общеимперскую систему управления, городская медицинская часть была представлена больницами, находящимися под управлением Енисейского и Иркутского приказов общественного призрения, и лечебницами для приходящих больных, содержащихся за счет разных обществ. 16 июня 1870 г. Александром II было утверждено Городовое положение, согласно которому в систему городского самоуправления вводились такие элементы, как городская дума и городская управа. Именным указом новые правила распространялись на Иркутск и Красноярск. В остальных городах региона допускалось введение положения в «ближайший, по возможности, срок», это правовое обстоятельство и слабость уездных городов региона не позволили реализоваться реформе в полной мере, в том числе создать предпосылки для перехода на новую модель управления медицинской частью. Городская реформа оказала прямое влияние на формирование новой модели городской медицины только в губернских центрах. В начале XX в. городская медицина в Красноярске и Иркутске приобрела обновленную структуру и трансформировалась в понятие «городская врачебно-санитарная организация». В центре внимания автора – формирование модели врачебно-санитарной организации как социального института, результата пореформенных преобразований и деятельности городских самоуправлений, оформление устойчивого механизма общественных норм и правил. Особое внимание в статье уделяется появлению институциональных элементов городской медицины: организационно-управленческих структур, предпосылок и условий для социального взаимодействия между городской администрацией и общественностью. На основе статистических данных и фактологического материала автор анализирует результативность функционирования городских врачебно-санитарных организаций. Используемый автором материал позволяет сделать выводы в пользу существенного влияния на формирование новой институциональной модели городской медицины таких факторов, как правительственные решения (Городовое положение), деятельность Пироговских съездов, инициатива местных врачебных обществ и поддержка городских управлений.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, городская реформа, городская медицина, социальный институт.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026 г.

Либеральные реформы 1860–1870-х годов запустили процессы перестройки государственного аппарата и формирования моделей местного самоуправления. С позиции институционализма подобные преобразования выступили существенными факторами влияния на социально значимые отношения, в том числе по вопросам сохранения общественного здоровья. В Российской империи земское самоуправление, сформировавшееся раньше института городского самоуправления, обладало правительственным патронажем в организационно-правовых вопросах, став основой для городской реформы. Выросшее из этой практики городское самоуправление земских территорий страны эволюционно вступило в новый формат благодаря последовательной смене управленческих моделей городской медицины: ликвидации отжившей свой век приказной системы с передачей лечебных учреждений под административно-хозяйственное управление органам самоуправления, замене надзорных органов губернских врачебных управ на врачебные отделения при губернских управлениях. Новая модель городской медицины, как результат Городового положения 1870 г., к началу XX в. в прогрессивных кругах врачебной общественности трансформировалась в понятие «городской врачебно-санитарной организации». В докладах и отчетах общероссийских и региональных сообществ этот термин стал употребляться наравне с понятием «городская медицина», но по содержательному наполнению был шире и отождествлялся с комплексом элементов, находящихся в тесной функциональной связи, консолидированная деятельность которых призвана обеспечить медико-санитарное благополучие городского населения.

Немало работ посвящено анализу влияния городской реформы на здравоохранение, их результативности, при этом наиболее активный исследовательский интерес остается за публикациями, посвященными региональным особенностям в земских губерниях. В большинстве находятся исследования, освещающие проблематику неземских окраин империи, что объясняется трудностями, связанными с анализом нормативно-правовой базы, декларирующими переход от приказной медицины к медицине, основанной на принципах самоуправления, а также недостатком тех общественных структур, которые могли бы обеспечить прогрессивное развитие здравоохранения. Отсутствие в Восточной Сибири последовательных правительственных регламентов для трансформации прежней модели медицины в новый формат порождало необходимость обращений к опыту Центральной России, заимствованию относительно приемлемых мер. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что в неземских губерниях длительное время сохранялось смешанное управление здравоохранением, в Енисейской и Иркутской губерниях приказная система была ликвидирована только в 1895 г., в то время как регламенты Городового положения 1870 г. стали внедряться с 1872 г. Очевидным было не только длительное существование дореформенной медицины в условиях формирующейся новой прогрессивной модели, но и их столкновение. В попытках оптимального их сочетания рождалась уникальная для каждого отдельного вида самоуправления модель. Вышеизложенные особенности развития неземских регионов и необходимость закрыть исследовательские лакуны по организации городской врачебно-санитарной организации в восточносибирских центрах обусловили цель данной публикации.

Региональным исследователям принадлежит определенный пласт научных трудов. Исследовательские выводы Т.А. Каценой основываются на том, что приказная система оказания медицинской помощи обладала меньшим потенциалом для Сибири, чем преобразования, связанные с Городовой реформой 1870 и 1892 гг., а необходимость апробации нововведений в центре страны приводила к затяжному характеру их реализации в Сибири¹. В.Ю. Башкуев указывает на особую роль окружных комитетов общественного здоровья в развитии городского здравоохранения крупного города Верхнеудинска², что, с нашей точки зрения, отражает противоречивый характер городской медицины, однако для Восточно-Сибирского региона расхождения с центром имели статус «особых положений». Подобные факты и связанные с ними процессы заслуживают дополнительного анализа. С.Д. Батоев подчеркивает влияние социальных и конфессиональных стереотипов поведения населения и взаимодействия административных структур³. В.А. Шаламов приходит к выводу, что власти Восточной Сибири «искусственно сдерживали развитие здравоохранения, проводя мелочную опеку всех сторон деятельности медицинских служб <...>, что ограничивало модернизационный потенциал»⁴. Отдавая дань уважения исследовательской работе региональных коллег, актуальность приобретает изучение здравоохранения имперского периода (как в целом, так и отдельных структурных компонентов отрасли) в контексте институционального подхода. В рамках данной статьи подобный подход обеспечивает понимание формирования социального института городской медицины в конкретных социальных условиях, позволяет исключить оценочные суждения бинарного характера: «отстающее – прогрессивное» и т.п. Опираясь на высказывание о том, что усложнение общественного механизма напрямую отражается на расширении круга социальных регуляторов⁵, необходимо проанализировать потенциал восточносибирских городов по обеспечению социальных

¹ Катцина Т.А. Становление и развитие системы общественного призрения в Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 46 с.

² Башкуев В.Ю. Становление и развитие муниципального здравоохранения в городе Улан-Удэ (XVIII – начало XXI вв.) // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2016. С. 229.

³ Батоев С.Д. Особенности начала становления системы здравоохранения в дореволюционном Забайкалье // Забайкалье историческое: мат-лы I Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2021. С. 144.

⁴ Шаламов В.А. История развития здравоохранения в Восточной Сибири в конце XIX – первой трети XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2023. 36 с.

⁵ Курочкин А.В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 6. С. 66.

потребностей населения в городской медицине, определить наличие у городских самоуправлений необходимых ресурсов для формирования городской врачебно-санитарной организации. Для достижения исследовательских задач был привлечен обширный массив источников, опубликованных ранее и впервые вводимых в научный оборот: отчеты и обзоры деятельности городских медико-санитарных бюро, протоколы заседаний врачебных обществ. Методологическую основу исследуемой проблематики составили традиционные для исторической науки методы в сочетании с институциональным подходом к сфере охраны здоровья городского населения, позволяющим проследить трансформацию устойчивых практик оказания медицинской помощи в условиях изменчивости социальной среды в действующий социальный институт. И в связи с этим нельзя не согласиться с мнением исследователей, утверждающих, что отраслевой характер института здравоохранения имеет сложную изменчивую структуру, испытывает влияние меняющихся потребностей государства и общества⁶. Однако в конце XIX в. потребности общества (его большей части) «дремали» настолько, что государственным учреждениям и общественным силам приходилось насаждать их через принуждение и сопротивление. Так было в отношении профилактики заболеваний, поддержании гигиенических условий, обращаемости за профессиональной медицинской помощью и т.п. Для этого необходим был определенный ресурс: административный, финансовый, человеческий, мировоззренческий.

Первые шаги по формированию новой модели городской медицины были вызваны потребностью сохранить здоровье и жизнь городского населения в условиях постоянной угрозы заноса и распространения холеры, необходимостью борьбы с эпидемическими вспышками, улучшением санитарного состояния городов, контролем за торговлей съестными припасами. Все это определило роль городских управлений по созданию организаций, способных взять на себя подготовку мер как в организационном, так и в финансовом отношении, с последующим представлением в городскую управу проектов по «оздоровлению городов», а после – в городскую думу на утверждение. Так, в крупных городах стали формироваться санитарные комиссии, которые при благоприятных административных и финансовых возможностях городского управления обеспечили основу формирования городской врачебно-санитарной организации в долгосрочной перспективе. Первыми городами империи, где появились городские санитарные комиссии, были Москва (1866), Киев (1871), Одесса (1874), Таганрог (1876), Харьков (1878), Петербург, Воронеж и Ревель (1879), Житомир (1881), Иркутск (1882)⁷.

В представленном списке городов единственным представителем Азиатской России был Иркутск. Как столица Иркутского генерал-губернаторства город отличался стремлением администрации и общественности к прогрессивным тенденциям. Остальные восточносибирские города перманентно испытывали трудности даже с внедрением правительственных регламентов. Например, из 5 городов Иркутской губернии и 6 городов Енисейской губернии только Иркутск и Красноярск соответствовали новым избирательным принципам, декларированным Городовыми положениями 1870 и 1892 гг., что ставило под угрозу институт самоуправления, а вместе с этим и городскую общественную медицину. Не был однозначно решен вопрос с приказами общественного призрения и врачебными управами, *de jure* эти органы управления сохранялись до 1895 г., *de facto* черты приказного управления лечебными заведениями сохранялись в Восточной Сибири еще длительное время⁸. Это создавало напряжение между старой формой управления и внедряющейся новой, порождало непонимание в вопросах полномочий и ответственности. Тем не менее для Иркутска и Красноярска, имевших разные темпы формирования городских врачебно-санитарных организаций и степень результативности их деятельности, 1880–1890-е годы стали прорывным периодом,

⁶ Насибуллин Р.Т. Здравоохранение как социальный институт // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2019. № 4. С. 165.

⁷ Жбанков Д.Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915.

⁸ Асочаков А.С., Катцина Т.А. Управление и финансовые основы деятельности приказов общественного призрения Восточной Сибири (конец XVIII – начало XIX вв.) // Вестник КрасГАУ. 2004. № 6. С. 254.

позволившим институционально закрепить функциональные связи, направления работы и уровни финансового влияния.

Как было сказано выше, Иркутск стал формировать городскую врачебно-санитарную организацию раньше многих губернских центров. Точкой отсчета этого процесса стало 28 ноября 1882 г., когда в иркутской еженедельной газете «Сибирь» была размещена статья известного общественного деятеля, врача М.Я. Писарева «Об организации санитарного дела в Иркутске». Автор отмечал: «Наш город, по-видимому, намерен вступать на стезю своего оздоровления, как это видно хотя бы из того обстоятельства, что он обзавелся санитарным врачом [в 1882 г. М.Я. Писарев был приглашен городской думой на должность городского санитарного врача. – И. О.] и в настоящее время организована санитарная комиссия». М.Я. Писарев считал, что, помимо Санитарной комиссии, необходим контролирующий орган в виде Санитарного совета при городской думе. 9 декабря того же года членом Иркутского городской управы Н.В. Очерединым был вынесен в Общее присутствие управы доклад «О мерах, необходимых для приведения города Иркутска в возможно благоприятные условия в санитарном отношении». При рассмотрении вопроса об устройстве в Иркутске санитарной части был взят пример Воронежа, выделены аспекты, которые необходимо было организовать к существующим правилам и условиям в городе, создать городской Санитарный совет. Доклад Н.В. Очередины был заслушан на заседании Иркутской городской думы 1 июля 1883 г., где постановили: 1) учредить Санитарный совет под председательством городского головы и гласных городской думы; 2) поручить Совету разработать круг и порядок его действий и выработанный ими проект внести в думу; 3) городской думе поручить изыскать средства, необходимые для оздоровления города. Первые шаги по организации новой модели городской медицины в Иркутске свидетельствуют о «готовности» городской администрации и врачебного сообщества к консолидированным действиям, потребность в оздоровлении городского пространства была официально принята, предложенные меры по ее удовлетворению по времени совпали с оформившейся структурой городского управления. Очевидным выступает и такой социальный регулятор, как формирование социальной установки ценностного ориентира – общественное оздоровление.

В начале 1880-х годов прогрессивная часть иркутского общества «вызрела» для подобных решений. Этому способствовал и административный статус города, столицы генерал-губернаторства, и череда прогрессивно настроенных начальников края, и общественное сознание. С 1858 г. сферу народного здоровья, помимо губернских учреждений, курировало Общество врачей Восточной Сибири, взрастившее поколения врачей-подвижников. Иркутск вбирал опыт Центральной России, не всегда это было успешно и ограничено только губернским городом. На первом заседании городского санитарного совета Иркутска, состоявшемся 13 августа 1883 г. под председательством исполняющего должность городского головы Ф.И. Наквасина, присутствовали члены управы, архитектор, ветеринарный врач, гласный думы, полицмейстер, инспектор врачебной управы, санитарный врач и в качестве «приглашенного гостя» городской оспопрививатель. Было поднято три вопроса: 1) об общем характере санитарной деятельности; 2) об определении прав и обязанностей Санитарного совета на предмет доклада в думе; 3) об открытии в Иркутске оспопрививательного института.

По первому вопросу санитарный врач города М.Я. Писарев прочитал обстоятельную записку, в которой, как было принято, дал сравнение с европейскими странами, указав на то, что «за границей существуют общества, которые берутся уменьшать смертность в любом городе до нормальных пределов, т.е. не более 22 на 1 000. У нас в Иркутске умирает 50 на 1 000»⁹.

При рассмотрении этого вопроса в Совете возник инцидент, который свидетельствует об отсутствии общего конструкта административных функциональных связей и полномочий в условиях формирующейся модели городского управления. Инспектор Иркутской врачебной управы С.С. Муратовский заявил, что он не признает за городской управой права образовывать Санитарную комиссию и Санитарный совет. По мнению С.С. Муратовского, странно

⁹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 32. Оп. 1. Д. 5128. Л. 52.

было и то, что председателем Санитарного совета признан городской голова, человек совершенно некомпетентный в санитарных вопросах. Третий вопрос был заслушан спокойно.

27 января 1884 г. городская управа вошла в городскую думу с проектом инструкции по Санитарной комиссии и Санитарному совету. В свою очередь городская управа приняла мнение гласных и подчинила Санитарную комиссию как исполнительный орган Общественного управления городской управы, а деятельность Санитарного совета – непосредственно городской думе¹⁰. Так были сделаны первые шаги иркутских городских властей в развитии городской врачебно-санитарной организации.

Столь подробное описание начального периода позволяет проследить и формирующуюся систему взаимодействия новых элементов, и конфликт дореформенной административной модели (в виде сохраняющих свои полномочия врачебных управ) с зарождающейся моделью городского самоуправления. Это очевидным образом обнажает непродуманный подход в распространении положений реформы на неземские территории, создании условий для противоречий. Кроме того, поиск оптимального ориентира, а в случае с Иркутском это был опыт Воронежа, демонстрирует отсутствие государственного методологического подхода по внедрению базовых элементарных начал преобразовательного процесса. В начале XX в. роль центра по разработке организационного устройства врачебно-санитарной организации городов взяли на себя Пироговские съезды¹¹. В Иркутске элементы врачебно-санитарной организации по образцу европейских городов и тенденций, заданных Пироговскими съездами, были сформированы уже в 1911 г.¹²:

1. Во главе всего медико-санитарного дела в Иркутске стоял *Врачебно-санитарный совет*, коллегиальный орган. Ему принадлежала общая руководящая роль в постановке врачебно-санитарной организации в городе. В течение 1911 г. совет рассмотрел более 60 вопросов, связанных с постановкой медико-санитарного дела в городе.

2. Исполнительным органом Врачебно-санитарного совета и управы было *Медико-санитарное бюро* в составе врача (заведующего бюро), делопроизводителя и писца. Основу его деятельности составляла санитарно-статистическая работа. Бюро вело сбор и анализ карточных сведений по заболеваниям острозаразного характера. Получаемые сведения о движении инфекционных заболеваний в городе бюро публиковало во «Врачебно-санитарной хронике г. Иркутска» и рассылало издание по врачам, больницам, врачебно-санитарным учреждениям и гласным городской думы Иркутска, а также в санитарные бюро земств и городов Европейской России и городов Сибири, получая взамен соответствующие издания из земств и городов. На основании получаемого карточного материала Медико-санитарным бюро составлялись годовые отчеты о естественном движении и заболеваемости населения – как общей, так и специфической. Существенным недостатком работы было неполное поступление сведений в бюро от частнопрактикующих врачей города. В обязанности заведующего Медико-санитарным бюро входила разработка и подготовка материалов по составлению докладов Врачебно-санитарному совету и Совещению городских врачей, проектов обязательных постановлений по санитарной части, редактирование и ведение всей переписки по врачебно-санитарной части города как с различными учреждениями, так и с отдельными лицами, консультация городской управы по различным медико-санитарным вопросам, ведение протоколов заседания Врачебно-санитарного совета, Совещения городских врачей, различных комиссий и т.д. Другая сторона деятельности Медико-санитарного бюро заключалась в разработке мер по борьбе с эпидемиями, установление при содействии санитарных врачей очагов инфекции.

3. Подготовительным органом для Врачебно-санитарного совета было *Совещание городских врачей*. За 1911 г. оно собиралось 11 раз и рассмотрело 34 вопроса по различным направлениям медико-санитарного дела.

¹⁰ ГАИО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5150. Л. 12.

¹¹ Злодеева Е.Б. Пироговские съезды врачей и их роль в становлении системы государственного здравоохранения в России (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.

¹² Мальковский П.И. Обзор деятельности Иркутской городской врачебно-санитарной организации и санитарного состояния г. Иркутска за 1911 г. // Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. 1912. № 8–10. С. 30.

4. Общесанитарный надзор осуществлялся 2 санитарными врачами, в распоряжении которых были 5 санитарных надзирателей-дезинфекторов. В обязанности санитарных врачей, кроме общего надзора за торгово-промышленными заведениями, дворовыми усадьбами, базарами и пр., входил надзор за городскими начальными школами и борьба с эпидемиями. Противоэпидемическая деятельность санитарных врачей заключалась в следующем: городские больницы и амбулатории, а также и вольнопрактикующие врачи извещали Медико-санитарное бюро о каждом случае того или иного заразного заболевания с помощью «эпидемической карточки». Все карточки о заразных больных, поступившие в бюро, в тот же день доставлялись санитарным врачам. Получив эти сведения, санитарные врачи обходили указанные на карточках дома и квартиры с инфекционными больными и принимали необходимые меры изоляции и эвакуации больных, дезинфекции вещей и помещений.

Дезинфекция производилась фельдшерами-дезинфекторами, работающими под руководством санитарных врачей. Для дезинфекции квартир чаще всего применялись пары формальдегида; в тех случаях, когда формалиновую дезинфекцию провести было невозможно, производилось орошение помещения раствором сулемы. Для дезинфекции одежды и белья город пользовался услугами дезинфекционной камеры при Кузнецовской больнице бывшего Приказа общественного призрения, за что ежегодно город выплачивал больнице 1 500 руб. Ввиду отсутствия у города каких-либо изоляционных помещений изоляция жителей дезинфицируемой квартиры была невыполнимой задачей, перманентно активно обсуждаемой на уровне городских властей.

Санитарный надзор за пищевыми продуктами заключался в периодических осмотрах заведений, производящих и торгующих напитками, продуктами, в посещении базаров и т.п., а школьно-санитарный надзор – в контроле санитарного состояния школьных помещений и, главным образом, в реализации мер против распространения в школах эпидемических заболеваний. В 1911 г. санитарными врачами было произведено подробное обследование и описание городских школ и их обстановки, описание санитарного состояния заведений, обрабатывающих сырые животные продукты, предместий города.

5. Различного рода исследования, как бактериологические, так и химические, производились в городской Химико-бактериологической лаборатории, состоявшей в заведовании врача-специалиста. Лаборатория начала работу в декабре 1911 г., за месяц отчетного года ею были проведены исследования водопроводной воды и воды в реках Ангара и Ушакровка, анализы пищевых продуктов, медицинские исследования, в особенности на присутствие дифтерийной палочки.

6. Для стационарного лечения больных у города были больницы: Детская Ивано-Матренинская больница (36 штатных коек), Солдатовская соматическая больница (16 штатных коек), Медведниковская больница для хроников (60 штатных коек), родильный приют при Глазковской амбулатории (3 штатные койки), город располагал 50 штатными койками в Кузнецовской больнице за особую плату. Стационарное лечение в Иркутске к 1911 г. находилось в «неорганизованном состоянии». Больницы для соматических больных город не имел, и только в Кузнецовской больнице местные жители за плату пользовались стационарной помощью. Лишь небольшая часть горожан лечилась в Кузнецовской больнице бесплатно благодаря тому, что городское управление уплачивало 12 000 руб. за 50 коечных больных, размещаемых в больницу сверх 220 штатных. Бесплатная стационарная помощь в Иркутске оказывалась в лечебных учреждениях, устроенных на пожертвованные капиталы: Детская Ивано-Матренинская больница, Медведниковская больница для хроников, Солдатовская больница для соматических больных. В Иркутске функционировали городские заразные бараки, открытые по постановлению Врачебно-санитарного совета от 13 октября 1911 г. для принятия скарлатинных больных. С 15 октября по 31 декабря 1911 г. в них призревался 31 человек.

7. Амбулаторная помощь оказывалась жителям города в четырех городских амбулаторных лечебницах: Михеевской, Нагорной, Знаменской и Глазковской, пятью амбулаторными врачами. В Михеевской, располагавшейся в центре Иркутска, работало два врача.

Амбулаторный прием больных производился врачами ежедневно с 9:00 до 13:00, а в праздники – с 9:00 до 11:00 часов. Больные принимались врачами по очереди, прием «трудно-больных» проводился вне очереди. Первичные обращения в амбулатории фиксировались в амбулаторные карточки, которые по истечении года отсылались в Медико-санитарное бюро для анализа заболеваемости и обращаемости. В иркутских амбулаториях бедным больным выдавались простые лекарства из амбулаторных аптек, проводились перевязки и некоторые небольшие оперативные вмешательства (удаление зубов, вскрытие нарывов, массаж, спринцевание, впрыскивания антидифтерийной сыворотки и пр.). Кроме того, в амбулаториях осуществлялась вакцинация и ревакцинация. В обязанности амбулаторных врачей входило и бесплатное пользование бедных больных на их квартирах, входивших в амбулаторный участок. Каждый амбулаторный врач имел квартиру при амбулатории, содержащуюся за счет городской казны.

По данным за 1911 г. общее число больных, принятых врачами в городских амбулаториях, составило 52 871 чел., сделавших 52 695 повторных посещений. В Михеевской амбулатории – 43 197 посещений, Нагорной – 20 163, Знаменской – 26 505, Глазковской – 15 701. Кроме городских амбулаторий, прием больных шел в амбулатории Детской больницы, 21 475 посещений было сделано исключительно детьми, в амбулатории Кузнецовской больницы – 18 115, в амбулатории Иаково-Александровской общины Красного Креста – 16 119.

8. *Акушерская помощь* оказывалась городом в родильном приюте при Глазковской амбулаторной лечебнице, рассчитанной на 3 койки. Приют этот был открыт с 15 октября 1911 г. и к концу года в нем было проведено только 17 родов, из них 4 патологических.

Что касается расходов города на врачебно-санитарную часть, то в 1911 г. было ассигновано 210 000 руб. (13,8 % общего городского бюджета). Из этой суммы 52 000 руб. составили благотворительные капиталы. Расходы распределились так:

– городские больницы (в том числе заразные бараки) – 5 582 руб., т.е. 2,6 % от суммы на медицинскую часть, или 0,36 % общего городского бюджета. Больницы пожертвованные – 78 883 руб. (в том числе благотворительный капитал – 52 000 руб.);

– родовспомогательное учреждение – 3 000 руб.;

– амбулаторная помощь – 39 812 руб.;

– пособия медицинским учреждениям, не состоящим в ведении города, – 11 200 руб.;

– санитарная организация – 27 465 руб.;

– борьба с эпидемиями – 20 000 руб.;

– содержание ветеринарно-санитарной станции, мест свалок – 25 000 руб.;

– ночлежные дома – 2 600 руб.¹³

В дальнейшем в структуре Иркутской городской врачебно-санитарной организации происходили положительные изменения. В 1912 г. по нерентабельности была закрыта Солдатская больница с переводом больных в особую палату Кузнецовской больницы, учреждена должность городского зубного врача при Михеевской лечебнице, переведена на городской бюджет Михеевская аптека (ранее сдавалась в аренду), открыта Пастеровская станция. В заседании Врачебно-санитарного совета 16 марта 1913 г. было вынесено постановление, упразднившее постоянное совещание городских врачей при Медико-санитарном бюро. Анализ отчетов иркутских амбулаторий за 1913 г. показал, что за год было сделано 188 481 амбулаторное посещение (первичных, повторных, в лечебницах и на квартирах у врачей). Наибольшее количество посещений было в Михеевской амбулатории – 56 398 посещений, где прием вели два врача, амбулатория принимала больных в центральной части города (29,9 % всех посещений). Три другие городские амбулатории, расположенные в предместьях Иркутска, за 1913 г. дали следующие показатели посещаемости: Нагорная – 29 465 (15,6 %), Знаменская – 27 377 (14,5 %), Глазковская, отрезанная от города Ангарой, – 17 620 (9,3 %). На амбулатории при трех больницах, субсидированных городским бюджетом, выпадал меньший объем посещений: амбулатория Детской больницы – 24 593 (13,0 %), амбулатория

¹³ Протокол заседания городского Врачебно-санитарного совета от 10 октября 1912 г. // Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. 1912. № 8–10. С. 23.

Красного Креста – 19 404 (10,3 %), амбулатория Кузнецовской больницы – 13 624 (7,2 %), низкий процент Кузнецовской больницы объяснялся необходимостью постоянных ремонтов и связанных с этим сокращением площадей¹⁴.

Таким образом, в Иркутске накануне Первой мировой войны модель городской врачебно-санитарной организации приняла окончательно оформившуюся структуру, включавшую в себя элементы, рекомендованные европейским прогрессивным медицинским сообществом. Динамика обращаемости населения в городские амбулатории свидетельствовала о положительных изменениях. Безусловно, этому способствовали и постоянная просветительская работа, и расширение возможностей амбулаторного приема, но существенным фактором стало финансовое участие городских властей, ежегодно субсидировавших обращения малоимущих горожан к профессиональной медицине. Подобная мера обеспечивала своего рода «осознанную необходимость», формировала общественное сознание. Однако подобное положение дел существовало только в Иркутске.

В воспоминаниях красноярского врача В.М. Крутовского, опубликованных в 1911 г. к 25-летию юбилею Общества врачей Енисейской губернии, встречается следующая характеристика красноярских городских властей периода 1880-х годов: «Городское общественное управление <...> было вполне инертным. Оно не понимало своих задач и обязанностей перед населением. Земских учреждений тогда не существовало – как, к сожалению, и теперь. Традиций в этом отношении никаких не было. Нужно было пропагандировать среди жителей самую идею – приучить к правильно организованной медико-санитарной помощи и сделать ее для населения в будущем обязательной и необходимой. Эта задача увлекла Общество врачей и была им, в конце концов, блестяще выполнена»¹⁵. Инициатива, по словам В.М. Крутовского, увлекшая медицинское сообщество Красноярска, впоследствии обернулась для Общества врачей непосильной ношей в виде содержания и ведения городской лечебницы, поиска средств на постройку городского хирургического барака с дальнейшим его содержанием.

Согласно архивным документам, в 1883 г. при Красноярской городской управе существовала Санитарная комиссия при очень пассивной работе¹⁶. Председателем комиссии был член управы, заседателями – обыватели города, в том числе и некоторые врачи. В документах отмечается, что комиссия существовала без определенного плана, активность ее приходилась на весеннее время, когда «надо было понуждать жителей очистить свои дворы и усадьбы от грязи и навоза, накопленных за долгую зиму». С учреждением Общества врачей Красноярская городская управа охотно передала Обществу городскую амбулаторию. В свою очередь члены Общества на заседании 3 мая 1888 г. при обсуждении вопроса об управлении лечебницей избрали ее правление из трех человек (врачи П.Н. Коновалов, В.М. Крутовский и П.И. Рачковский). Городская дума определила ежегодное субсидирование лечебницы в размере 500 руб., долгие годы объем субсидирования оставался неизменным. Кроме того, городскими властями подобное положение с годами стало рассматриваться как обременение, что приводило к разногласиям между городом и Обществом¹⁷.

Финансовое напряжение по содержанию лечебницы сказывалось на ее работе: некоторые врачи стали вести прием больных на дому, что вызывало и нарекания, и неоднозначные характеристики в адрес деятельности врачей. На заседании Общества врачей 12 октября 1890 г. был поднят вопрос о найме сторожа в связи с неоднократными ночными кражами. Врачи Вангородский и Романовский предложили увеличить сбор с больных до 25 коп., но большинство членов Общества выступило за ходатайство перед городской думой о содержании караульного. Выдвигая это предложение, многие врачи комментировали: «Ничего из этого не выйдет», что отражает нелестную оценку 4-летнему сотрудничеству Общества с городскими органами управления, при котором надежда на поддержку сводилась к нулю.

¹⁴ ГАИО. Ф. 70. Оп. 3. Д. 35. Л. 11–15.

¹⁵ Крутовский В.М. Очерк истории Общества врачей Енисейской губернии за 25 лет. Красноярск, 1911. С. 11.

¹⁶ Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 161. Оп. 1. Д. 39. Л. 19 об.

¹⁷ Крутовский В.М. Краткий отчет за 25 лет по Красноярской 1-й городской лечебнице для приходящих. Красноярск, 1910. С. 17.

В 1892 г. между городской управой и Обществом врачей было заключено соглашение о передаче лечебницы в арендное пользование Обществу, этот шаг закреплял лечебницу за городской управой, Общество обязалось осуществлять медицинскую, научную и профилактическую деятельность. Подобное положение вещей шло в ногу со временем, отражало требования Городового положения 1892 г., «обеспечивая прочную постановку в городе медицинской помощи городскому населению». И здесь следует подчеркнуть всю казуистику вопроса: соглашение енисейским губернатором не было подписано, последовало особое представление документов в Иркутск на имя генерал-губернатора. В результате бюрократических проволочек и явных отписок в начале 1894 г. Обществом врачей было получено решение красноярского городского головы: «Прилагая при сем полученный мною, при предложении г-на Енисейского губернатора от 12 сего января, за № 261, проект устава для Красноярского приемного покоя, предложенный г-ном Иркутским генерал-губернатором, вместо представленного городской думой устава для городской лечебницы, имею честь просить Общество врачей, ввиду существующих отношений Общества врачей к лечебнице, не отказать высказать свое мнение по поводу предлагаемого проекта устава, для доклада такового Городской Думе»¹⁸. Таким образом, проект устава лечебницы, составивший основу соглашения с городской управой, пройдя до начальника края, был трансформирован в задачу Общества по подготовке устава приемного покоя. Сопоставляя проект приемного покоя, предложенный генерал-губернатором, с проектом устава, выработанным Обществом врачей для лечебницы, становится очевидным предлагаемый выбор – или Общество врачей перестает быть связано с лечебницей, организуя приемный покой, или принимает прежнее положение вещей. Общество выбрало второй вариант. Недостаток материальных средств, все увеличивающийся дефицит по лечебнице, отстранение от этой проблемы городской управы вынудили ввести особый сбор с больных за перевязки – 3 коп. за человека. К концу 1902 г. дефицит лечебницы составил 1 800 руб., на обращение Общества врачей в городскую управу о покрытии долга городская дума сначала не признала этот долг за городом. После особого доклада о роли Общества врачей в деле организации медицинской помощи бедному населению города и неоднократных обсуждений Красноярская городская дума согласилась выделить средства, предложив Обществу врачей Енисейской губернии взять в свое заведывание и 2-ю городскую лечебницу, ассигновав на все расходы по двум лечебницам 6 500 руб. в год¹⁹. На том и порешили, составив соглашение сроком на 5 лет.

Немало споров вызывали финансовые вопросы вокруг городского хирургического барака, не раз пересматривались соглашения по лечебницам, особенно в части процентов с капитала жертводателя. Но и к 1917 г. эти вопросы в отношении основных городских медицинских объектов в Красноярске не были решены. Тем не менее Красноярск расширял возможности «городской медицины». В 1914 г. в городе функционировали:

1. *Медико-санитарное бюро*. 27 января 1893 г. в адрес Общества врачей поступило предложение городского головы выработать инструкцию для учреждаемого бюро. Общество приняло это предложение и избрало особую комиссию, проект инструкции был рассмотрен и без поправок утвержден городской думой.

2. В отсутствии *медицинского совета* Общество врачей Енисейской губернии выполняло роль авторитетного органа для справок по медико-санитарным вопросам, его мнение признавалось компетентным. Городская управа обращалась в Общество врачей с просьбой разработать, рассмотреть и дать свое заключение; немало было постановлений, инициатива которых исходила от Общества врачей.

3. *Медицинская помощь* в Красноярске оказывалась городской больницей бывшего Приказа общественного призрения, двумя городскими амбулаториями, городским хирургическим баром.

¹⁸ Крутовский В.М. Очерк истории... С. 91–92.

¹⁹ Дамешек И.Л., Орлова И.В. Врачебные общества восточносибирских городов во второй половине XIX века: предпосылки создания и результаты начального этапа их деятельности. Часть 2 // Известия Иркутского государственного университета. 2024. Т. 50. С. 21.

4. *Специализированная медицинская помощь* была представлена психиатрическим отделением (на 20 коек), в 1914 г. душевнобольными в отделении было проведено 19 195 койко-дней, средняя стоимость содержания 1 больного была довольно высокой – 350 руб. Также в Красноярске действовал родильный дом на 10 коек.

4. *Пастеровская станция* была учреждена в 1913 г., хотя Енисейской губернской администрацией еще в 1906 г. было возбуждено ходатайство перед Главным управлением по делам местного хозяйства о выделении средств на устройство в Красноярске Бактериологического института, «главным образом для производства пастеровских прививок против водобоязни, для приготовления противодифтерийной сыворотки и оспенного детрита»²⁰. В ходатайстве указывалось на постоянную необходимость обращений в Томскую Пастеровскую станцию, куда направляли пострадавших от укусов. За 1914 г. Красноярская Пастеровская станция отработала 500 обращений, наибольший процент составили дети – 249, мужчины – 143, женщины – 108 чел. Каждый из 500 лечившихся сделал в среднем по 18 посещений, что составило до 9 000 посещений в год и по 24,6 посещения в день²¹.

Описание обстоятельств оформления Красноярской городской врачебно-санитарной организации наглядно демонстрирует меньшее количество структурных элементов в ее составе, чем это было в Иркутске. Справедливости ради стоит отметить существенную концентрацию функций у Общества врачей Енисейской губернии. Нельзя обойти вниманием и то напряжение, которое сложилось между городскими властями и пассионарной частью врачебного сообщества. По сути, результат развития и закрепление новых форм городской медицины строились за счет общественной инициативы Красноярска. Институциональное закрепление здоровьесберегающей ценности и правил по ее сохранению потребовали формализации отношений общества и городских властей. В отличие от Иркутска, в Красноярске социальный институт городской медицины формировался в условиях сопротивления, ломки прежних ролевых установок, стремлении городского управления обособиться от протекающих процессов.

Характеризуя темпы изменений, связанные с введением Городового положения в таких городах Восточной Сибири, как Иркутск и Красноярск, мы отмечаем, что многие структурные элементы врачебно-санитарной организации в губернских центрах были заимствованы у городов Европейской России. Отсутствие унифицированного подхода порождало разнообразие моделей, в адаптированной форме реализовывались многие компоненты: организация медико-санитарных советов, введение должностей думских врачей, переход приказных больниц в ведение городов и пр. Весомым фактором влияния на оформление социального института выступала поддержка городского управления и инициативные стремления врачей. Однако стабильное развитие практических мер перманентно находилось под угрозой срыва. Под влиянием Пироговского съезда, в 1903 г. поднявшего вопросы организации врачебно-санитарного надзора за здоровьем школьников, иркутским городским самоуправлением было поддержано предложение городских врачей о школьно-санитарном надзоре. Но только в 1911 г. было положено начало физическим обследованиям учащихся²², а в 1914 г. в Иркутске был организован школьный зубо врачебный кабинет, и несмотря на прогрессивный характер, его работа была нестабильной, а после и вовсе прервана войной²³. В 1916 г. в Красноярске была открыта станция ночных дежурств городских врачей, но финансовая поддержка ее работы была очень слабой²⁴.

²⁰ ГАКК. Ф. 803. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

²¹ Жукова-Флоренсова М. Отчет Красноярской Пастеровской станции за первый год ее существования // Врачебно-санитарная хроника Енисейской губернии. Красноярск, 1916. № 1. С. 11.

²² Орлова И.В. Организация врачебно-санитарного надзора в школах в начале XX века (на примере неземской Иркутской губернии) // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20, № 2. С. 69–80.

²³ Луцкий Н.П. К вопросу об организации зубо врачебной помощи школьникам // Восточно-Сибирская хроника г. Иркутска. № 1–3. 1914. С. 17.

²⁴ Дамешек И.Л., Орлова И.В. Организация общедоступной медицинской помощи населению в губернских центрах Восточной Сибири в XIX – начале XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2025. Т. 51. С. 32.

Влияние городской реформы на формирование модели городской врачебно-санитарной организации в Восточно-Сибирском регионе можно проследить только в крупных городах, многие уездные города сохраняли управление медицинской частью в пределах дореформенной структуры. В целом за период 1902–1914 гг. бюджеты Иркутска и Красноярска формировали свой потенциал разными темпами за счет разных, как по доходности, так и по стабильности, источников. Слабость бюджета Красноярска и отсутствие административной поддержки не позволяли долгое время обзавестись медико-санитарным бюро. Как и в целом по Российской империи, в Иркутске и Красноярске приоритетным направлением деятельности городских врачебно-санитарных организаций была борьба с инфекциями. Это были рутинные меры, не требующие серьезных структурных изменений или технологических преобразований. Городские власти выделяли существенные объемы на санитарные мероприятия, оздоровление городского пространства дворовых территорий и мест общего пользования от нечистот, профилактику инфекций путем вакцинации населения.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что Красноярск и Иркутск ощутили реализацию городской реформы наиболее ярко в начале XX в. Институционально структурные преобразования затронули не только городские врачебно-санитарные организации, произошли серьезные перемены в штатной комплектации городского медицинского персонала. Задачи по оздоровлению городов и сохранению общественного здоровья определили потребность в новых медико-санитарных компетенциях, на городскую службу стали приглашать санитарных врачей, врачей-лаборантов, фельдшеров-дезинфекторов. Попытки привлечения городских обывателей к медико-санитарным проблемам, вовлечение их в зону ответственности за укрепление нового социального порядка определили устойчивые формы взаимодействия: власть – общество. С одной стороны, это можно интерпретировать как социальное одобрение широких масс населения, с другой – подчеркивает статусно-ролевую идентификацию горожан как носителей ценностной установки на охрану индивидуального и общественного здоровья.

Литература

Асочаков А.С., Катцина Т.А. Управление и финансовые основы деятельности приказов общественного призрения Восточной Сибири (конец XVIII – начало XIX вв.) // Вестник КрасГАУ. 2004. № 6. С. 252–257.

Батоев С.Д. Особенности начала становления системы здравоохранения в дореволюционном Забайкалье // Забайкалье историческое: мат-лы I Всерос. науч.-практ. конф. Чита, 2021. С. 142–146.

Башкуев В.Ю. Становление и развитие муниципального здравоохранения в городе Улан-Удэ (XVIII – начало XXI вв.) // Улан-Удэ – 350 лет: история, пространство, общество: сб. науч. ст. Улан-Удэ, 2016. С. 227–232.

Дамешек И.Л., Орлова И.В. Врачебные общества восточносибирских городов во второй половине XIX века: предпосылки создания и результаты начального этапа их деятельности. Часть 2 // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2024. Т. 50. С. 17–24.

Дамешек И.Л., Орлова И.В. Организация общедоступной медицинской помощи населению в губернских центрах Восточной Сибири в XIX – начале XX в // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2025. Т. 51. С. 28–38.

Жбанков Д.Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915.

Жукова-Флоренсова М. Отчет Красноярской Пастеровской станции за первый год ее существования // Врачебно-санитарная хроника Енисейской губернии, Красноярск, 1916. № 1. С. 7–16.

Злодеева Е.Б. Пироговские съезды врачей и их роль в становлении системы государственного здравоохранения в России (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 24 с.

Катцина Т.А. Становление и развитие системы общественного призрения в Восточной Сибири (декабрь 1784 – январь 1920 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2022. 46 с.

Крутовский В.М. Краткий отчет за 25 лет по Красноярской 1-й городской лечебнице для приходящих, 1885–1910 гг. Красноярск: тип. М.И. Абалакова, 1910. 39 с.

Крутовский В.М. Очерк истории Общества врачей Енисейской губернии за 25 лет. 1886–1911. Красноярск: тип. б. М.И. Абалакова, 1911. 195 с.

Курочкин А.В. Институциональный подход к правовым явлениям // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, № 6. С. 65–71.

Луцкий Н.П. К вопросу об организации зубоврачебной помощи школьникам // Восточно-Сибирская хроника г. Иркутска. 1914. № 1–3. С. 13–21.

Мальковский П.И. Обзор деятельности Иркутской городской врачебно-санитарной организации и санитарного состояния г. Иркутска за 1911 г. // Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. 1912. № 8–10. С. 36–42.

Насибуллин Р.Т. Здравоохранение как социальный институт // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. 2019. № 4. С. 161–173.

Орлова И.В. Организация врачебно-санитарного надзора в школах в начале XX века (на примере неземской Иркутской губернии) // Гуманитарный вектор. 2025. Т. 20, № 2. С. 69–80.

Шаламов В.А. История развития здравоохранения в Восточной Сибири в конце XIX – первой трети XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2023. 36 с.

References

Asochakov, A.S., Katsina, T.A. (2004). Upravlenie i finansovye osnovy deyatelnosti prikazov obshchestvennogo prizreniya Vostochnoy Sibiri (konets XVIII – nachalo XIX vv.) [Management and Financial Foundations of the Activities of Public Charity Offices in Eastern Siberia (Late 18th – Early 19th Centuries)]. In *Vestnik KrasSAU*. No. 6. pp. 252–257.

Bashkuev, V.Yu. (2016). Stanovlenie i razvitie munitsipal'nogo zdravookhraneniya v gorode Ulan-Ude (XVIII – nachalo XXI vv.) [Formation and Development of Municipal Healthcare in the City of Ulan-Ude (18th – Early 21st Centuries)]. In *Ulan-Ude – 350 let: istoriya, prostranstvo, obshchestvo. Sbornik nauchnykh statey*. Ulan-Ude, pp. 227–232.

Batoev, S.D. (2021). Osobennosti nachala stanovleniya sistemy zdravookhraneniya v dorevolutsionnom Zabaykal'e [Features of the Early Development of the Healthcare System in Pre-Revolutionary Transbaikalia]. In *Zabaykal'e istoricheskoe: materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Chita, pp. 142–146.

Dameshek, I.L., Orlova, I.V. (2024). Vrachebnye obshchestva vostochnosibirskikh gorodov vo vtoroy polovine XIX veka: predposylki sozdaniya i rezul'taty nachal'nogo etapa ikh deyatelnosti [Medical Societies of East Siberian Cities in the Second Half of the 19th Century: Prerequisites for Their Creation and Results of the Initial Stage of Their Activities]. Part 2. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 50, pp. 17–24.

Dameshek, I.L., Orlova, I.V. (2025). Organizatsiya obshchedostupnoy meditsinskoy pomoshchi naseleniyu v gubernskikh tsentrakh Vostochnoy Sibiri v XIX – nachale XX v [Organization of Public Health Care in the Provincial Centers of Eastern Siberia in the 19th – Early 20th Centuries]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 51, pp. 28–38.

Katczina, T.A. (2022). Stanovlenie i razvitie sistemy obshchestvennogo prizreniya v Vostochnoy Sibiri (dekabr' 1784 – yanvar' 1920 g.) [Formation and Development of the Public Welfare System in Eastern Siberia (December 1784 – January 1920)], Dr. hist. sci. diss. abstract. Barnaul. 46 p.

Krutovsky, V.M. (1910). *Kratkiy otchet za 25 let po Krasnoyarskoy 1-y gorodskoy lechenitse dlya prikhodyashchikh, 1885–1910 gg.* [Brief Report on the 25-Year History of the Krasnoyarsk 1st City Outpatient Clinic, 1885–1910]. Krasnoyarsk, Tipografiya M.I. Abalakova. 39 p.

Krutovsky, V.M. (1911). *Ocherk istorii Obshchestva vrachey Eniseyskoy gubernii za 25 let. 1886–1911* [Essay on the History of the Yenisei Province Physicians' Society for 25 Years. 1886–1911]. Krasnoyarsk, Tipografiya M.I. Abalakova. 195 p.

Kurochkin, A.V. (2015). *Institutsional'nyy podkhod k pravovym yavleniyam* [Institutional Approach to Legal Phenomena]. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. Vol. 157, No. 6, pp. 65–71.

Lutsky, N.P. (1914). *K voprosu ob organizatsii zubovrachebnoy pomoshchi shkol'nikam* [On the Organization of Dental Care for Schoolchildren]. In *Vostochno-Sibirskaya khronika g. Irkutska*. No. 1–3, pp. 13–21.

Malkovsky, P.I. (1912). *Obzor deyatel'nosti Irkutskoy gorodskoy vrachebno-sanitarnoy organizatsii i sanitarnogo sostoyaniya g. Irkutska za 1911 g.* [Review of the Activities of the Irkutsk City Medical and Sanitary Organization and the Sanitary Condition of Irkutsk in 1911]. In *Vrachebno-sanitarnaya khronika g. Irkutska*. No. 8–10, pp. 36–42.

Nasibullin, R.T. (2019). *Zdravookhranenie kak sotsial'nyy institut* [Healthcare as a Social Institution]. In *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta*. No. 4, pp. 161–173.

Orlova, I.V. (2025). *Organizatsiya vrachebno-sanitarnogo nadzora v shkolakh v nachale XX veka (na primere nezemskoy Irkutskoy gubernii)* [Organization of Medical and Sanitary Supervision in Schools at the Beginning of the Twentieth Century (Based on the Nezemskaya Irkutsk Province)]. In *Gumanitarnyy vektor*. Vol. 20, No. 2, pp. 69–80.

Shalamov, V.A. (2023). *Istoriya razvitiya zdravookhraneniya v Vostochnoy Sibiri v kontse XIX – pervoy trety XX vekov* [History of the Development of Healthcare in Eastern Siberia in the Late 19th – First Third of the 20th Centuries], Dr. hist. sci. diss. abstract. Irkutsk. 36 p.

Zhbankov, D.N. (1915). *Sbornik po gorodskomu vrachebno-sanitarnomu delu v Rossii* [Collection on Urban Medical and Sanitary Affairs in Russia]. Moscow. 415 p.

Zhukova-Florensova, M. (1916). *Otchet Krasnoyarskoy Pasterovskoy stantsii za pervyy god ee sushchestvovaniya* [Report of the Krasnoyarsk Pasteur Station for the First Year of Its Existence]. In *Vrachebno-sanitarnaya khronika Eniseyskoy gubernii*. Krasnoyarsk. No. 1, pp. 7–16.

Zlodeeva, E.B. (2004). *Pirogovskie s'ezdy vrachey i ikh rol' v stanovlenii sistemy gosudarstvennogo zdravookhraneniya v Rossii (konets XIX–nachalo XX v.)* [Pirogov Congresses of Doctors and Their Role in the Development of the Public Healthcare System in Russia (Late 19th – Early 20th Centuries)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Moscow. 23 p.

А.Г. Осипов
Д.И. Муренко
Н.Н. Макаренко
Е.В. Сотникова
Н.С. Ступина*

ВУЗОВСКАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ СИБИРИ И ПОДГОТОВКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЛАНА ГОЭЛРО В НАЧАЛЕ 1920-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-14
УДК 94(571.1/5)"192":378.662:621.31

Выходные данные для цитирования:

Осипов А.Г., Муренко Д.И., Макаренко Н.Н., Сотникова Е.В., Ступина Н.С. Вузовская техническая интеллигенция Сибири и подготовка осуществления плана ГОЭЛРО в начале 1920-х годов // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 193–206. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-14.pdf>

A.G. Osipov
D.I. Murenko
N.N. Makarenko
E.V. Sotnikova
N.S. Stupina*

THE TECHNICAL INTELLIGENTSIA OF SIBERIA AND THE PREPARATION FOR THE IMPLEMENTATION OF THE GOELRO PLAN IN THE EARLY 1920S

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-14

How to cite:

Osipov A.G., Murenko D.I., Makarenko N.N., Sotnikova E.V., Stupina N.S. The Technical Intelligentsia of Siberia and the Preparation for the Implementation of the GOELRO Plan in the Early 1920s // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 193–206. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-14.pdf>]

Abstract. This article examines the role of engineering, technical, and teaching staff at Siberian universities in developing a national electrification plan. It examines the activities of the Siberian Bureau for the Research and Use of Water Power (Sibispolvod), the socio-institutional evolution of scientific communities, and their development trajectories: from field expeditions by enthusiastic scientists and students to their participation in the development of the GOELRO (State Electric Power Construction) program. Particular attention is paid to the contribution of Siberian engineer and scientist S.A. Balakshin, who played a key role in studying the energy potential of the region's rivers. The specific nature of expeditionary work is identified as a source of practical skills, cartographic materials, and methods, as well as a factor in personnel and organizational development. The article identifies the specifics of the process of forming research teams in the early 1920s and their focus on small-scale energy generation, taking into account the specifics of Siberia: small power plants made it possible to take into account landscape and environmental constraints and were economically viable. The nature of the interaction between scientific communities, university departments, provincial and district planning commissions, and central planning bodies was analyzed. This enabled the transfer of developments into practice,

* **Алексей Григорьевич Осипов**, доктор исторических наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, e-mail: a.g.osipov@snga.ru

Alexey Grigorievich Osipov, Doctor of Historical Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.g.osipov@snga.ru

Денис Игоревич Муренко, кандидат исторических наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, e-mail: denismurenko@yandex.ru

Denis Igorevich Murenko, Candidate of Historical Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia, e-mail: denismurenko@yandex.ru

Наталья Николаевна Макаренко, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, e-mail: n.n.makarenko@sgugit.ru

Natalia Nikolaevna Makarenko, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia, e-mail: n.n.makarenko@sgugit.ru

Елена Вячеславовна Сотникова, кандидат исторических наук, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, e-mail: sotnikovaev@mail.ru

Elena Vyacheslavovna Sotnikova, Candidate of Historical Sciences, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia, e-mail: sotnikovaev@mail.ru

Наталья Сергеевна Ступина, Сибирский государственный университет геосистем и технологий, Новосибирск, Россия, e-mail: n.s.stupina@sgugit.ru

Natalia Sergeevna Stupina, Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russia, e-mail: n.s.stupina@sgugit.ru

the development of the first water resource inventories, methodological approaches to the exploration and assessment of hydroelectric resources, and the institutional successors of the Sibispolvoda departments in the form of electrification sections. It was concluded that even relatively small and localized scientific communities were capable of laying the foundation for accelerated industrialization and the creation of hydroelectric complexes in Siberia.

Keywords: electrification, higher education, scientific and industrial communities, scientific expeditions, small hydropower, history of science.

The article has been received by the editor on 10.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Анализируется роль инженерно-технических и преподавательских кадров высшей школы Сибири в формировании национального плана электрификации. Изучена деятельность Бюро по исследованию и использованию водных сил Сибири (Сибисполвод), социально-институциональная эволюция научных сообществ и траектории их развития: от полевых экспедиций энтузиастов-ученых и студентов до участия в разработке плана ГОЭЛРО. Отдельное внимание уделено вкладу сибирского инженера и ученого С.А. Балакшина, сыгравшего ключевую роль в изучении энергетического потенциала рек региона. Выявлена специфика экспедиционной работы как источника практических навыков, картографических материалов и методик, а также как фактора кадрового и организационного становления. Определены особенности процесса формирования коллективов для научных изысканий начала 1920-х годов, их ориентация на приоритет малой энергетики с учетом сибирской специфики – небольшие электростанции позволяли учитывать ландшафтные и экологические ограничения и были экономически оправданы. Проанализирован характер взаимодействия научных сообществ, вузовских отделов, губернских и окружных плановых комиссий и центральных плановых органов, что обеспечило передачу разработок в практику, оформление первых кадастров водных сил, методологические подходы к отысканию и оценке гидроресурсов, а также институциональные преемники отделов Сибисполвода в виде секций электрификации. Сделан вывод о том, что даже относительно небольшие и локализованные научные сообщества оказались способны заложить фундамент для форсированной индустриализации и создания гидроэнергетических комплексов в Сибири.

Ключевые слова: электрификация, высшая школа, научно-производственные сообщества, научные экспедиции, малая гидроэнергетика, история науки.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026 г.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью переосмысления исторического опыта реализации масштабных государственных проектов в контексте современных задач по обеспечению технологического суверенитета и форсированного развития восточных регионов России. План ГОЭЛРО стал первым в отечественной истории примером успешного синтеза науки, высшего образования и практической экономики, где особую роль сыграла техническая интеллигенция. Для Сибири, обладавшей колоссальным энергетическим потенциалом, участие профессуры и выпускников вузов (прежде всего Томского технологического института) стало одним из основных факторов в трансформации аграрного в индустриальный край. Изучение этого опыта позволяет не только реконструировать механизмы сохранения научно-образовательного потенциала региона в условиях системного

кризиса 1920-х годов, но и извлечь ценные уроки по организации взаимодействия между властью, научно-образовательным сообществом и производством, что крайне востребовано при реализации современных стратегий пространственного и инновационного развития Сибири.

Исследования по этой теме можно сгруппировать по двум направлениям. К первому относятся труды советских и российских ученых, анализирующие план ГОЭЛРО и общие вопросы развития энергетики¹. Второе направление объединяет работы, посвященные специфике электрификации отдельных регионов². Стоит отметить, что сибирский аспект изучен недостаточно глубоко. В начале 2000-х годов этот вопрос рассматривался в коллективной работе новосибирских исследователей³, однако наиболее фундаментальным и детальным работе до сих пор остается монография В.В. Алексеева, опубликованная еще в 1970-х годах⁴. Основными акторами, движущими и направляющими силами электрификации, автор считал руководителей советского государства и партии, местные партийно-государственные, хозяйственные структуры, коллективы ученых и инженеров, иногда обозначая их как «советские люди». Вполне понятно, такая оптика носила идеологический характер и не затрагивала многие другие аспекты, например роль предпринимательской инициативы, а также предпринимательское прошлое целого ряда ведущих инженерно-технических работников высшей школы Сибири, принимавших самое активное участие в разработке планов ГОЭЛРО в начале 1920-х годов.

В основе работы лежат архивные документы из фондов Государственного архива Новосибирской области (ГАО), многие из которых публикуются впервые. Исследование опирается на отчетную документацию экспедиций Сибисполвода, а также на внутренние акты и переписку с Сибпромбюро, касающиеся процесса ликвидации Сибисполвода.

Октябрьская революция детерминировала радикальную трансформацию традиционных институтов общественной жизни и повлекла за собой фундаментальную смену социально-классовой иерархии в России. Данные процессы в существенной степени затронули научно-техническую интеллигенцию. Произошла девальвация социального статуса ученых и инженеров: из привилегированной страты, обладавшей высоким уровнем доходов и престижем, они были низведены до категории лиц с существенно ограниченными правами.

Статус резко изменился по нескольким направлениям. Прежде всего, ухудшение условий жизни было следствием общей ситуации в стране. Гражданская война и хозяйственный крах привели к закрытию многих предприятий, вузов и научных заведений и большинство специалистов остались без работы. Голод и эпидемии унесли жизни тысяч интеллигентных людей, значительная часть которых была вынуждена бежать за границу, спасаясь от ужасов войны. События в высшей школе Сибири развивались в условиях начавшейся эпидемии тифа, от которой только в городе Томске умирало до 150 человек в день. Осенью 1919 г. из-за дефицита каменного угля начались перебои в электро- и водоснабжении. С конца ноября электроэнергия со станции подавалась только с 8 до 12 часов вечера, после чего Томск погружался «в унылый мрак». Из продажи исчезли свечи и керосин⁵. Аналогичная ситуация сложилась и в других крупных сибирских городах. Так, в Омске осенью 1919 г. дрова шли по малодоступным для основной массы населения ценам: кубическая сажень

¹ Гладков И.А. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М., 1956; Гвоздецкий В.Л. Вопросы теории планирования народного хозяйства в плане ГОЭЛРО // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 4. С. 11–20; Бушуев В.В., Воронин Н.И. План ГОЭЛРО: итоги и уроки // Энергетическая политика. 2019. № 4. С. 30–39; Верхотуров Д.Н. Сталинская индустриализация. М., 2022.

² Маклюков А.В. «Дальневосточный ГОЭЛРО». Из истории планирования электрификации Дальнего Востока в середине 1920-х – начале 1930-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4 (35). С. 75–83; Рябов Ю.В. Изучение гидроэнергетического потенциала Сибири в период I и II пятилетнего планов (1924–1937 гг.) (по материалам журнала «Плановое хозяйство») // Гришаевские чтения: мат-лы III нац. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева. Красноярск, 2021. С. 200–212.

³ Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность). Новосибирск, 2002.

⁴ Алексеев В.В. Электрификация Сибири: историческое исследование. Новосибирск, 1973. Ч. 1: 1885–1950 гг.

⁵ Русский голос. 1919. 30 нояб.

сосновых или березовых дров стоила 1 000–1 100 руб. Продавали их в основном возами: за воз, вмещавший четверть сажени дров, просили 400–450 руб.⁶ Это было сопоставимо с месячной зарплатой низкооплачиваемых служащих. Сумма же в 1 000–1 100 руб. была зарплатой с надбавкой служащим с зарплатой выше средней. Поэтому многим жителям, в том числе сотрудникам вузов, покупка дров на рынке была просто «не по карману».

Вторая сторона изменения статуса вузовской инженерно-технической интеллигенции была связана с субъективным отношением к ней новой власти. Пренебрежение к этому слою объяснялось недооценкой роли интеллигенции в обществе. Марксисты не выработали полноценной теории управления социалистической экономикой: они считали, что при капитализме уже возникает слой управленцев и инженеров, которых пролетариат может привлечь на службу под рабочим контролем, освободив их от господства буржуазии⁷.

В этой связи представители естественных и технических наук, скептически относясь к идеологии новой власти и категорически отвергая ее методы, все же склонялись к тому, что противодействие бесперспективно и принесет вред России. Ученые и инженеры были особенно склонны к сотрудничеству. Была и другая причина лояльности: на протяжении долгих лет не имевшие возможности воплотить свои идеи в жизнь, теперь они могли получить такую возможность. Новая власть последовательно и твердо демонстрировала свою заинтересованность в этом и политическую волю. Кроме того, в условиях разрухи, отсутствия самых необходимых продуктов и бытовых условий, а также преследований, обысков и конфискаций, сотрудничавшие с советской властью технические специалисты, особенно энергетики, получали покровительство⁸.

В данных условиях была инициирована разработка плана ГОЭЛРО, представлявшего собой комплексную стратегию социально-экономического восстановления и модернизации государства. Приоритетным направлением программы являлось развитие тяжелой индустрии на базе форсированного роста производительности труда. Достижение поставленных целей планировалось посредством интенсификации производственных процессов, рационализации труда и масштабного замещения биогенных источников энергии механизированными системами. В стратегическом документе постулировалась детерминирующая роль электрификации в трансформации промышленного, строительного, транспортного и аграрного секторов. Кроме того, нормативно предписывалось ориентироваться на эксплуатацию региональных топливных ресурсов, включая торф, сланцы, низкокалорийные угли, природный газ и древесное сырье. Электрификация должна была стать основой модернизации страны.

В Сибири инженерно-техническая интеллигенция была наслышана о том, что большевистское руководство во главе с В.И. Лениным проявляет необычайный интерес к электрификации страны, и хотя многие представители этого сословия считали это очередной коммунистической утопией, у многих возникло желание присоединиться к декларируемым проектам новой власти.

Большинство представителей инженерно-технической интеллигенции считали самым актуальным не мечты об электрификации, а спасение от катастрофы с топливоснабжением. Революционный хаос и гражданская война погрузили города Сибири в топливный кризис. Он оказал деструктивное влияние на социально-экономическую инфраструктуру города, спровоцировав беспрецедентный спекулятивный скачок цен на топливо. Кризисная ситуация повлекла за собой масштабную деиндустриализацию, приостановку деятельности образовательных институтов, а также резкое ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки, что в совокупности привело к росту показателей смертности среди населения.

В этих, казалось бы, невыносимых условиях нашлись энтузиасты, смотревшие далеко в будущее, не ограничиваясь текущим моментом. Так, преподаватель Томского технологического института С.А. Балакшин создал инициативную группу, в состав которой вошли

⁶ Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Белого Омска // Гражданская война в Сибири: мат-лы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 57.

⁷ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. М., 1974.

⁸ Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.

профессор В.Н. Пинегин, инженеры М.А. Великанов, В.Н. Орлов, Г.Г. Поварнин. Группа подготовила и спустя две недели после освобождения Томска, 9 января 1920 г., подала в Совет народного хозяйства (СНХ) Томского губисполкома докладную записку, где предлагалось открыть специальный отдел по исследованию и использованию рек для нужд электрификации⁹.

20 января 1920 г. Томский губисполком утвердил инициативу экспертной группы, делегировав С.А. Балакшину полномочия по формированию и руководству подотделом гидравлических установок в структуре отдела государственных сооружений Томского СНХ. В процессе реализации поставленных задач С.А. Балакшин обосновал нецелесообразность локального подхода, доказав необходимость стратегического развития гидроэнергетического потенциала в общесибирском масштабе. Результатом данных изысканий стала аналитическая записка, в которой аргументировалась потребность в создании централизованного административного органа для комплексного мониторинга и эксплуатации гидроресурсов региона. Инженер С.А. Балакшин писал: «Сколько бы ни говорили скептики, что электрификация – неосуществимая фантазия, всестороннее изучение этого вопроса показывает, что в Сибири имеются все шансы на широкое развитие электрификации. Здесь, с одной стороны, имеются колоссальные неиспользованные и природные богатства, а с другой стороны – возможность широко их использовать. Малочисленность населения Сибири и громадные запасы энергии уже с первого взгляда подсказывают, что здесь необходима самая широкая механизация и электрификация»¹⁰.

Электрификация Сибири находилась в зачаточном состоянии. Правда, в Кургане с 1905 г. действовал частный машиностроительный завод, который производил гидротурбины для ГЭС на малых реках. Основателем и совладельцем его был С.А. Балакшин. Он проявлял большой интерес к возможностям более широкого применения дешевой водной энергии рек Сибири, внимательно изучал все работы, касающиеся исследований в этой области с точки зрения освоения энергии «белого угля» рек Сибири, считая ее основой электроснабжения и электрификации. В 1918 г. С.А. Балакшин передал завод коллективу рабочих, а сам стал преподавателем Томского технологического института.

С новой властью С.А. Балакшин быстро пришел к взаимопониманию по использованию «белого угля». В то время в условиях национализации всех предприятий главными органами государственного управления на местах были губернские советы народного хозяйства. С.А. Балакшину удалось оперативно решить вопросы создания в Томском губсовнархозе специального учреждения по изучению энергоресурсов Сибири на правах подведомственной структуры, которая затем стала общесибирской.

По поручению Сибревкома 15 июня 1920 г. Сибсовнархоз принял решение об организации специального учреждения для изучения и дальнейшего использования водных ресурсов Сибири – Бюро по исследованию и использованию водных сил Сибири (Сибисполвод). Параллельно бюро подчинялось Сибирскому комитету государственных сооружений (Сибкомгосоор). Заведующим этого учреждения, естественно, назначили С.А. Балакшина¹¹.

Для работы в Сибисполводе требовались высококлассные специалисты, а поскольку задача представлялась комплексной, то нужны были специалисты самого разного профиля. В Томском технологическом институте и университете такие специалисты были. К работе в бюро Сибисполвода С.А. Балакшин привлек гидролога Я.Т. Ненько, электротехников А.А. Потеню и Н.М. Обухова, экономиста Н.П. Огановского, гидравлика В.Н. Пинегина, электрохимика А.П. Поспелова. Научным консультантом взяли большого знатока Сибири – профессора В.В. Сапожникова.

Несомненно, ведущим специалистом в области гидравлики и гидромашиностроения являлся профессор В.Н. Пинегин. Его фундаментальная научная база сформировалась в процессе обучения на физико-математическом факультете Казанского университета

⁹ Бубнов В.А. Балакшины и начало машиностроения в Зауралье и Западной Сибири // Вестник Курганского государственного университета. Сер.: Технические науки. 2017. № 2 (45). С. 13.

¹⁰ Балакшин С.А. К вопросу об электрификации Сибири // Жизнь Сибири. 1922. 13 окт. С. 56.

¹¹ Балакшин А.С. Сергей Александрович Балакшин 1877–1933. М., 1990. С. 40.

и в Санкт-Петербургском технологическом институте. Профессиональные компетенции учебного были закреплены в ходе продолжительной зарубежной практики в передовых инженерных центрах и на промышленных предприятиях Германии, где он специализировался на проектировании и эксплуатации гидравлических двигателей¹².

Практически все вопросы по использованию водной энергии сибирских рек находились в компетенции этого крайне небольшого по численности бюро. Нужно было выявить действовавшие гидротурбинные установки, учредить над ними технический надзор, определить потребность регионов в электроэнергии на текущий момент и на перспективу, выяснить гидроэнергетический потенциал рек Сибири и места возможного строительства ГЭС, а для этого пройти длинные маршруты по бескрайним пространствам края.

Бюро Сибисполвода располагало лишь небольшим штатом сотрудников и весьма ограниченными средствами, но первая экспедиция отправилась «в поле» уже в 1920 г. Из-за недостаточности ассигнований в июле 1920 г. по предложению профессора ТТИ П.К. Соболевского было принято решение совместить Западно-Алтайскую экспедицию Института исследования Сибири с экспедицией, организуемой отделом Сибисполвода под руководством С.А. Балакшина¹³. Целью ее было определение энергии малых горных рек, которую можно было использовать для нужд местной промышленности без больших капиталовложений, чтобы как можно скорее восстановить народное хозяйство.

Подготовительные работы экспедиции на Алтай начались 9 июня 1920 г., сразу после получения из Омска телеграммы от С.А. Балакшина об утверждении положения о бюро Сибисполвода. Началось составление списков необходимых материалов, пособий, рабочих принадлежностей и производственной одежды. Отдел снабжения Томского совнархоза отказал в содействии по приобретению инструментов, выделив лишь две пары сапог, поэтому большую часть необходимого оборудования и снаряжения пришлось покупать частным образом либо изготавливать самостоятельно. Так, проф. Н.И. Порфирьевым, техником А.Ю. Нило был изготовлен ряд приборов для производства фотограмметрических и фотографических работ для ведения метеорологических наблюдений, для измерения количества осадков. Рейки, маршрутные линейки, компасы и другие приборы небольшой точности также были изготовлены самими участниками¹⁴.

Общее руководство экспедицией было поручено инженеру В.В. Петрову. Участников разбили на северную и южную партии. Всего из Томска выехало 19 человек. С учетом рабочего персонала общий состав экспедиции не превышал 30 человек. Экспедиция продлилась три месяца.

Северную партию возглавил гидрометеоролог С.М. Третьяков. В состав партии также вошли приват-доцент Томского университета химик Б.В. Тронов и его брат – студент университета М.В. Тронов, ставший впоследствии выдающимся климатологом, профессором ТГУ, доктором географических наук. Братья Троновы являлись пионерами альпинизма в Сибири, поскольку еще до революции совершали свои первые научные путешествия на Алтай и первыми покорили его высочайшие вершины. На роль техника северной партии был назначен сын заведующего Сибисполводом, тогда еще студент ТТИ Б.С. Балакшин, ставший впоследствии выдающимся ученым в области технологии машиностроения, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР, лауреатом Ленинской премии, доктором технических наук, профессором¹⁵.

Южную партию возглавил В.В. Петров. В ее состав вошли профессор Томского университета, математик Н.И. Порфирьев, инженер Н.Т. Чупраков, метеоролог А.Ю. Нило, гидролог К.Н. Пачкунов, студентка физико-математического факультета Томского университета М.А. Кудрявцева, впоследствии профессор кафедры оптики и спектроскопии ТГУ.

¹² Становление и развитие научных школ Томского политехнического университета: исторический очерк. Томск, 1996. С. 100.

¹³ Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.). Томск, 2008. С. 197–198.

¹⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Р. 1685. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.

¹⁵ Бубнов В.А. Балакшины. В сельскохозяйственной кооперации, машиностроении, науке и образовании // Вестник Курганского государственного университета. Сер.: Технические науки. 2016. № 3 (42). С. 18.

Работа экспедиции протекала в неблагоприятных условиях. Во-первых, экспедиция задержалась в Томске, поскольку многие материалы приходилось доставать с большими затруднениями, а некоторые из них удалось получить лишь на месте. Особенно неблагоприятно отражалось на ходе работ отсутствие спецодежды. Некоторые участники работали босиком, что делало труд в условиях горных рек особенно тяжелым. В Барнауле и Риддере экспедиция получила кожаный материал, что позволило участникам пошить обувь. Однако к концу работ большинство членов экспедиции опять остались без обуви. Питание было скудным и однообразным, поскольку руководство экспедиции не сумело получить запас консервов. Временами, когда работа шла вблизи заимок и пасек, питание улучшалось¹⁶.

Несмотря на все сложности, участники экспедиции обследовали около 13 тыс. км² площади бассейнов р. Громотухи, Ульбы, Убы с притоками Белой и Черной Убой. Выявленный запас водной энергии на Убе составил 40–200 тыс. кВт, на Ульбе – 15–80 тыс. кВт. Были намечены участки русла (створы) для строительства гидроэлектростанций, проведены необходимые топографические съемки, определены расходы воды. Был сделан вывод, что р. Ульба может дать энергию для устройства гидроэлектростанции для удовлетворения нужд Усть-Каменогорска, а р. Громотуха – для рудника Риддера¹⁷.

Первая экспедиция 1920 г. выявила необходимость создания филиалов Сибисполвода в других сибирских городах. В ходе алтайской экспедиции все совнархозы выразили полную готовность оказывать содействие и выполнять задания Сибисполвода. Был использован и ранее созданный задел по теме гидроэнергетики, обнаруженный Бийским отрядом Алтайского СНХ. Материалы, произведенные не только гидротехническими отделами при совнархозах, но и другими заинтересованными сторонами (кооперативами, частными лицами), нуждались в систематизации и координации планов и действий. Так возникла идея образования на местах самостоятельных исполводоов, подчиненных Томскому Сибисполводу¹⁸. Вскоре Сибисполвод создал свои отделения во многих сибирских городах: районные исполводоы – Иркутский, Алтайский, Семипалатинский, Бийский, Красноярский. Это позволило уже в 1921 г. приступить к изучению Ангары, Енисея, Оби, Томи и других рек, строительству на них крупных и мелких электростанций.

Руководство Сибисполвода в Томске во главе с С.А. Балакшиным не только координировало деятельность районных исполводоов, но и направляло экспедиции. На основе полученных данных производились экономические расчеты действующих, проектируемых и перспективных гидро- и тепловых электростанций, составлялся кадастр водных сил Сибири, изучался вопрос о возможности электрификации железных дорог в связи с развитием гидроэнергетики. Рассматривался вопрос о развитии электрохимической промышленности в Сибири. Все эти вопросы обсуждались на совещаниях, в которых принимали участие практические инженеры и томские ученые. В 1921 г. был даже начат выпуск ежегодного издания «Бюллетень Сибисполвода».

Летом 1921 г. в составе 16 человек под руководством Б.В. Тронова была организована Верхне-Катунская экспедиция по изучению бассейнов Верхней Катуни и ее крупных притоков: Коксу, Аргута, Чуи. В составе экспедиции в качестве рабочего отправилась одна из дочерей С.А. Балакшина – 18-летняя М.С. Балакшина, ставшая впоследствии врачом, кандидатом медицинских наук.

Условия работы в высокогорной местности были трудными. Передвигаться можно было только на лошадях, которых оказалось трудно заполучить. В результате значительная часть экспедиции просто не смогла попасть на Катунь и вынуждена была остаться на р. Убе. Часто приходилось ночевать под открытым небом, под дождем или при отрицательных температурах. При этом участники не имели ни теплой одежды, ни палаток. При ходьбе по горам быстро изнашивались сапоги. Также, стоя в ледяной воде, трудно было проводить гидрометрические измерения. В районе работ было неспокойно: в округе действовали банды,

¹⁶ ГАНО. Р. 1685. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–19.

¹⁷ Там же. Л. 64.

¹⁸ Там же. Л. 25.

поэтому в значительную часть намеченного района экспедиция вовсе не была допущена властями¹⁹.

Тем не менее экспедицией было обследовано около одной трети намеченного района. Уже в пройденной части удалось выявить большие запасы водной энергии. По мнению Б.В. Тронова, наиболее привлекательным местом для сооружения гидроэлектростанции являлось устье р. Аргута.

Также летом 1921 г. была организована Тургусанская экспедиция, целью которой стало обследование бассейнов р. Тургусуна-Становой и возможности использования их энергии для Тургусунской ГЭС, которая была построена в 1894–1896 гг. французскими концессионерами и предназначалась для обслуживания Зырянского рудника. Потерпев две неудачи с постройкой плотины, французы отказались от дальнейших работ. Специалистам Сибисполвода удалось прийти к заключению, что при восстановлении гидростанции она могла бы дать ток для запуска Зырянского рудника, а при ее переоборудовании и увеличении мощности – передавать энергию на Риддерский рудник²⁰.

Задачами Громотухинской экспедиции лета 1921 г. стало исследование рек Громотухи и Ульбы с целью отыскания подходящих мест для гидросиловых установок для обслуживания Риддерского рудника, который занимался разработкой полиметаллического рудного месторождения. Добываемая руда подвергалась обогащению и отправлялась на Экибастузские копи на расстояние более 700 км, где из нее термической обработкой извлекались металлы. Эти перевозки экономически весьма невыгодно отражались на стоимости конечной продукции. По мнению инженеров Сибисполвода, избежать этого можно было бы при условии применения электролитического способа извлечения цинка, имея под рукой в необходимом количестве электроэнергию. Английская компания, начавшая разработку рудника в 1914 г., впервые обратила серьезное внимание на этот вопрос и предприняла работы по исследованию р. Громотухи. Экспедиции Сибисполвода в 1920 г. удалось собрать часть материалов этих исследований, дополнив их. Ввиду этого экспедиция 1921 г., выяснив невозможность получения на Громотухе требуемого количества энергии, сосредоточила свои работы на исследовании р. Ульбы²¹.

Рекогносцировка местности в районах притоков Томи (Кондомы и Мрассу) для выяснения энергопотенциала этих рек и возможности использования их водной энергии для развития промышленности в бассейнах этих рек, а также с целью определения пригодности рек для сплава леса, произрастающего в этом районе, состоялась летом 1921 г. Сибисполвод на основании изысканий, произведенных Верхне-Томской экспедицией, сделал заключение: на р. Тельбессе могла бы быть получена энергия, достаточная для обслуживания нужд Тельбесского месторождения железных руд. Большой же порог на р. Мрассу оказался пригодным не только для сплава леса, но и для строительства ГЭС, мощностей которой было бы достаточно для лесопилок и деревообрабатывающих заводов, постройка которых здесь также считалась необходимой²².

Гидрологическое обследование бассейна р. Мана, состоявшееся в ходе летней экспедиции 1921 г., выявило водные богатства этой реки для электрификации Красноярска. Специалисты Сибисполвода пришли к заключению, что ГЭС целесообразно строить на Осиновской петле²³.

В Восточной Сибири работы по электрификации развернулись практически параллельно с работой томской комиссии С.А. Балакшина. Когда в январе 1920 г. при Томском губсовнархозе было создано Бюро по использованию водных сил Сибири, его иркутское отделение возглавил инженер В.Р. Шмидт. Деятельность данного подразделения базировалась на результатах гидрологических изысканий в Иркутской губернии, инициированных еще в ходе проектирования и прокладки Транссибирской магистрали. Работы осуществля-

¹⁹ ГАНО. Р. 1685. Оп. 1. Д. 19. Л. 28.

²⁰ Там же. Д. 18. Л. 2–3.

²¹ Там же. Л. 4.

²² Там же. Д. 18. Л. 7.

²³ Там же. Л. 11.

лись силами экспедиций Министерства путей сообщения под техническим руководством инженеров В.М. Малышева и А.А. Вельнера. В предреволюционный период на территории региона функционировал ряд профильных групп, включая экспедицию Томского округа путей сообщения, отряд по изучению Обь-Енисейского водного пути и партию по исследованию речных систем Ленского бассейна. Обобщение полученных данных позволило А.А. Вельнеру в 1920 г. в рамках выполнения задач комиссии ГОЭЛРО составить аналитическую записку «Водные силы Ангары и возможность их использования». В данном документе была научно обоснована концепция создания каскада ГЭС в Иркутской губернии, предполагавшая возведение 11 гидроузлов на р. Ангаре с диапазоном напора 6–20 м и совокупной проектной мощностью 2 тыс. МВт²⁴.

По инициативе иркутского отдела был выдвинут проект использования гидравлической энергии р. Иркут на ее петле около утеса Куличий Нос. Сибисполводоком было намечено производство исследования в вышеуказанном месте и в 1920 г. произведены съемки петли, ряд нивелировок, установлены необходимые водомерные посты. Экспедиция 1921 г. также пришла к окончательному заключению, что использование петли р. Иркут экономически выгодно²⁵.

Сибисполводоком на основании обработанных материалов были сделаны запросы в Германию и Америку крупным фирмам, производящим турбины и электрогенераторы. Предполагалось использовать опыт этих стран по сооружению гидроэлектростанций. Так, рассуждая о будущих планах, в 1923 г. С.А. Балакшин писал: «Иркутская гидроэлектростанция для использования петли реки Иркут около Куличьего Носа намечается хотя в значительно более скромных размерах, чем Калифорнийская станция, но по характеру своего устройства она будет иметь с ней больше сходства»²⁶.

Основной трудностью организации экспедиций была нехватка квалифицированных кадров. В декабре 1920 г. С.А. Балакшин доложил заведующему Сибирским отделом народного образования при Сибревкоме Д.К. Чудинову о потребности организовать курсы на базе Томского технологического института для подготовки исполвод-десятников и исполвод-техников, чтобы оперативно обеспечить гидрологические экспедиции квалифицированными работниками. Инициатива С.А. Балакшина была одобрена. В январе 1921 г., став заведующим курсами, он приступил к привлечению лекторов, профессоров и инженеров. Вскоре 18 марта 1921 г. прошло первое заседание, на котором был избран президиум курсов и утвержден состав преподавателей из 9 человек. Среди них был С.А. Балакшин, а также преподаватели ТТИ: профессор В.Н. Пинегин, профессор кафедры архитектуры А.Д. Крячков и профессор-геодезист И.Д. Андросов. Занятия начались 1 апреля 1921 г. с 35 слушателями²⁷.

Профессоров и видных специалистов удалось привлечь к чтению лекций и ведению лабораторных занятий оплатой за счет лекторских пайков по установленным ставкам, что в условиях послевоенной разрухи позволяло выживать. Так, 2 апреля 1921 г. томский Губпрофобр выдал президиуму курсов справку о праве на получение красноармейского тылового пайка лекторами и слушателями всех профессиональных технических заведений и краткосрочных курсов. Однако до конца осени 1921 г. лекторские пайки преподавателям так и не были выданы, потому что они, как отмечалось в официальном письме, выданном Губпрофобразом, «не вошли в число забронированных»²⁸. Это поставило Сибисполвод и лично С.А. Балакшина в неловкое положение перед коллегами, заставив выбивать пайки в вышестоящих инстанциях.

Подготовка техников на курсах не могла быстро решить проблему кадрового голода. Из-за острой нехватки квалифицированных кадров в процессе подготовки экспедиций Сибисполвод в мае 1921 г. попросил Сибнаробраз привлечь к экспедициям студентов Томского технологического института. Было принято решение: студенты, участвовавшие

²⁴ Восточно-Сибирская правда. 2015. 11 февр.

²⁵ ГАНО. Р. 1685. Оп. 1. Д. 18. Л. 12–13.

²⁶ Балакшин С.А. Большая гидроэлектрическая станция в Калифорнии // Вестник сибирских инженеров. 1923. Т. 5, № 2. С. 65.

²⁷ ГАНО. Р. 1053. Оп. 1. Д. 223. Л. 106–106 об.

²⁸ Там же. Л. 105–105 об.

в экспедициях Сибисполвода, считались выполнившими все учебно-производственные обязанности перед институтом и сохраняли право на квартиру и получение дров. Летом 1921 г. на этих условиях к участию в экспедициях удалось привлечь достаточное число студентов ТТИ. Однако после возвращения институт потребовал, чтобы студенты отбыли еще и трудовую повинность. За разъяснением этого очевидного недоразумения С.А. Балакшин обратился к прибывшему в Томск Д.К. Чудинову, который при личной встрече отказался от прежних договоренностей и потребовал, чтобы все студенты, участвовавшие в экспедициях, выполнили трудовую повинность²⁹.

Напечатанные в газетах сообщения о создании в феврале 1920 г. комиссии ГОЭЛРО не могли оставить равнодушным такого энтузиаста гидроэнергетики, как С.А. Балакшин. Но из-за отсутствия средств командировка его в Москву не состоялась. Эту миссию выполнил А.П. Пospelов – инженер-консультант Сибисполвода (на тот момент ректор ТГУ), выехав в Москву по делам университета. В столице 12 сентября 1920 г. он сделал доклад комиссии ГОЭЛРО о работе и планах сибирского бюро по использованию «белого угля». В числе слушателей был и Г.М. Кржижановский, председатель ГОЭЛРО. Работа сибиряков получила высокую оценку. Комиссия поручила Сибисполводу наметить места для строительства ГЭС³⁰.

Благодаря изысканиям Сибисполвода был реализован проект первой сельской ГЭС в Западной Сибири, разработанный преподавателем ТТИ В.А. Надежницким. Под его же руководством была изготовлена турбина в механических мастерских института. Эта ГЭС была построена на р. Ур в с. Горскино Томской губернии (ныне Кузбасс) в 1924 г. Для ее строительства был сформирован строительный отряд из числа студентов ТТИ³¹.

В план ГОЭЛРО было включено и строительство Алтайской (Ульбинской) ГЭС (сооружена в 1925–1934). Позже, в 1927 г., будет введена в строй Хариузовская ГЭС на р. Громотухе. Через десятилетия, уже после Великой Отечественной войны, Алтайскую энергосистему дополнили Тишинская, Усть-Каменогорская и Бухтарминская ГЭС.

Экономические возможности страны во время разрухи после Гражданской войны не позволили сколько-нибудь широко развернуться электрификации всех регионов. Поэтому в программе комиссии ГОЭЛРО значилось: «Вся Россия разбивается на 8 районов, причем... в Сибири пока принимается во внимание только западная ее часть...», а в выводах констатировалось: «Не подлежит сомнению, что в будущем Ангара и весь Приангарский район займут соответствующее место в Сибири... Однако более близкое изучение реки Ангара и возможности использования ее гидравлических сил заставляют отодвинуть осуществление этих работ по крайней мере на следующее за ближайшим десятилетие»³².

Тем не менее в 1921 г. по инициативе Госплана было создано Ангарское бюро, которому поручили изучение производительных сил и разработку программы электрификации южной части Иркутской губернии и прилегающей к ней Бурят-Монгольской АССР³³.

В результате перехода к нэпу проектирование крупных электростанций приостановилось, что привело к закрытию Сибисполвода. Официально он прекратил работу по постановлению Президиума Сибревкома от 16 января 1923 г. (Протокол № 1/52 п. 7)³⁴. Но закрытие проекта произошло гораздо раньше, поскольку уже 13 ноября 1922 г. по нему стала работать ликвидационная комиссия. Причем, как отмечал С.А. Балакшин, фактически вся тяжесть ликвидации легла на него и двух его сотрудников³⁵. Официальной причиной ликвидации называлось «отсутствие средств».

Финансовые затруднения организации подтверждает тот факт, что Сибисполвод имел задолженность по зарплате перед сотрудниками. В январе 1923 г. сотрудники красноярского

²⁹ ГАНО. Р. 1053. Оп. 1. Д. 223. Л. 111–111 об.

³⁰ Бубнов В.А. Балакшины и начало машиностроения в Зауралье и Западной Сибири... С. 14.

³¹ Становление и развитие научных школ Томского политехнического университета... С. 104.

³² Труды ГОЭЛРО: док-ты и мат-лы. М., 1960. С. 84.

³³ Наука в Сибири. 1998. 23 янв.

³⁴ ГАНО. Р. 918. Оп. 1. Д. 369. Л. 17.

³⁵ Там же. Л. 32.

отделения Сибисполвода обратились в губернскую конфликтную комиссию с требованием выплатить зарплату за январь–март 1922 г. В результате ликвидации имущества Сибисполвода в распоряжение Сибпромбюро поступили средства, которые Сибревком в октябре 1922 г. предписал направить на покрытие всех задолженностей предприятия³⁶.

После закрытия Сибисполвода обширные собранные им материалы оказались под угрозой. По словам С.А. Балакшина, они заняли целый шкаф и могли быть утрачены или остаться без использования специалистами. Инженер С.А. Балакшин приложил усилия, чтобы материалы Сибисполвода были изданы и стали достоянием широких кругов заинтересованной общественности. По его словам, такого рода издание «явилось бы весьма ценным для выяснения запасов и возможностей использования водной энергии в Сибири с указанием мест гидроустановок и первой попыткой в этом роде в России, поскольку данные о Сибири по этим вопросам, издаваемые до сих пор в Европейской России, очень неточны и неполны»³⁷.

На издание С.А. Балакшин просил у вышестоящих инстанций 2 630 рублей золотом. Согласно постановлению планово-бюджетной комиссии при Томском губернском экономическом совещании от 4 декабря 1922 г. было решено выделить С.А. Балакшину на этот проект 10 млрд рублей ассигнациями³⁸. Как свидетельствуют некоторые документы, труд бывших сотрудников Сибисполвода по обработке материалов оплачивался преимущественно «натурой». Расчетная ведомость выдачи авансов за обработку материалов Сибисполвода за январь 1923 г. сообщает, что из 10 млрд, полученных от реализации имущества предприятия, следующие суммы и продовольствие были выданы: С.А. Балакшину – 300 руб. и продукты: 12 пудов муки, 8 пудов мяса, 5 пудов крупы; А.П. Афанасьеву – 250 руб. и продукты: 12 пудов муки, 9 пудов мяса, 5 пудов крупы; С.М. Третьякову – продукты: 8 пудов муки, 5 пудов мяса, 5 пудов крупы; Н.Т. Чупракову – продукты: 8 пудов муки, 8 пудов мяса, 8 пудов крупы³⁹.

Материалы Сибисполвода легли в основу трудов С.А. Балакшина – «Запасы водных сил Сибири» и «Вопросы энергетики Сибири», изданных в СССР и за рубежом и представленных на мировых энергетических конференциях в Лондоне (1924) и Берлине (1930)⁴⁰. Сибисполвод выполнил масштабные исследования природных ресурсов Сибири: впервые сформулировал ключевые принципы развития региональной гидроэнергетики, составил первый кадастр водных ресурсов и обозначил участки для строительства ряда гидроэлектростанций. Материалы, собранные Сибисполводом, имели большое научное и практическое значение. В этой связи директивными органами было принято решение о целесообразности выпуска специального бюллетеня Сибисполвода.

Материалы, опубликованные в этом издании, в дальнейшем были положены в основу исследований проблем электрификации Сибири. Институциональными преемниками отделов Сибисполвода стали с середины 1920-х годов секции электрификации при губернских и окружных плановых комиссиях. В конце 1920-х годов, вопреки дефициту средств, Иркутский Губсовнархоз завершил изучение гидроэнергетики реки Иркут. Ключевую роль в этом сыграл инженер В.Р. Шмидт, ранее работавший в Сибисполводе⁴¹. Накопленные за десятилетие данные позволили инженеру И.Г. Александрову в 1930 г. представить властям масштабный проект освоения Ангары⁴². По сути, именно изыскания Сибисполвода заложили фундамент для формирования всей энергосистемы Восточной Сибири.

³⁶ ГАНО. Р. 918. Оп. 1. Д. 369. Л. 35–36.

³⁷ Там же. Л. 26.

³⁸ Там же. Л. 17.

³⁹ Там же. Л. 33.

⁴⁰ Балакшин С.А. Запас водных сил Сибири (Кадастр) // Бюллетень Сибисполвода. Томск. 1922. № 2. С. 22–39; Балакшин С.А. Вопросы энергетики Сибири // Доклады СССР на Второй мировой энергетической конференции в Берлине в 1930 г. М.; Л., 1930. С. 287–305.

⁴¹ Снопков С.В., Хобта А.В., Швалева Н.И. Геологические исследования А.В. Львова при изысканиях мест для строительства гидроэлектростанций в Приангарье // Геология и окружающая среда. 2024. Т. 4, № 4. С. 21–36.

⁴² Рябов Ю.В. Освоение гидроэнергетических ресурсов Восточной Сибири в советский период в рамках теории фронта // Гришаевские чтения: мат-лы IV Нац. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева. Красноярск, 2022. С. 170–180.

Деятельность и наследие Сибисполвода демонстрируют, что даже относительно небольшие и локализованные научные сообщества способны обеспечить долгосрочный фундамент для решения крупных технологических задач. Экспедиции и полевые исследования Сибисполвода – это феномен деятельности научных экспедиций, через который осуществлялось изучение энергоресурсов Сибири, накопление практических навыков и формирование профессиональных связей. Фактически они стали провозвестником будущих научных структур Сибири.

С точки зрения истории науки и техники деятельность Сибисполвода демонстрирует процесс изучения формирования, роста, развития научных структур, становления систем оформления традиций и возникновения инноваций. Полевые изыскания породили не только картографические и технические наработки, но и кадровый, институциональный фундамент для последующей индустриализации. Сотрудники экспедиций не только внесли весомый вклад в разработку местных планов ГОЭЛРО, но и привлекли внимание к гидроэнергоресурсам Сибири, заложив методологические и организационные предпосылки для создания отечественных гидроэнергетических комплексов.

Литература

- Алексеев В.В. Электрификация Сибири: историческое исследование. Новосибирск: Наука, 1973. Ч. 1: 1885–1950 гг. 312 с.
- Балакишин А.С. Сергей Александрович Балакишин 1877–1933. М.: Наука, 1990. 112 с.
- Балакишин С.А. Запас водных сил Сибири (Кадастр) // Бюллетень Сибисполвода. 1922. № 2. С. 22–39.
- Балакишин С.А. К вопросу об электрификации Сибири // Жизнь Сибири. 1922. 13 окт. С. 56–59.
- Балакишин С.А. Большая гидроэлектрическая станция в Калифорнии // Вестник сибирских инженеров. 1923. Т. 5, № 2. С. 63–65.
- Балакишин С.А. Вопросы энергетики Сибири // Доклады СССР на Второй мировой энергетической конференции в Берлине в июне 1930 г. М; Л.: Госиздат, 1930. С. 287–305.
- Бубнов В.А. Балакшины. В сельскохозяйственной кооперации, машиностроении, науке и образовании // Вестник Курганского государственного университета. Сер.: Технические науки. 2016. № 3 (42). С. 6–20.
- Бубнов В.А. Балакшины и начало машиностроения в Зауралье и Западной Сибири // Вестник Курганского государственного университета. Сер.: Технические науки. 2017. № 2 (45). С. 3–19.
- Бушуев В.В., Воронай Н.И. План ГОЭЛРО: итоги и уроки // Энергетическая политика. 2019. № 4. С. 30–39.
- Верхотуров Д.Н. Сталинская индустриализация. М.: Вече, 2022. 480 с.
- Гвоздецкий В.Л. Вопросы теории планирования народного хозяйства в плане ГОЭЛРО // Вопросы истории естествознания и техники. 1980. № 4. С. 11–20.
- Гвоздецкий В.Л. План ГОЭЛРО. Мифы и реальность // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102–109.
- Гладков И.А. От плана ГОЭЛРО к плану шестой пятилетки. М.: АН СССР, 1956. 351 с.
- Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С. 197–198.
- Кокоулин В.Г. Повседневная жизнь Белого Омска // Гражданская война в Сибири: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. Омск, 2013. С. 57–60.
- Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1974. Т. 36. С. 165–208.
- Маклюков А.В. «Дальневосточный ГОЭЛРО». Из истории планирования электрификации Дальнего Востока в середине 1920-х – начале 1930-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 4 (35). С. 75–83.

Рябов Ю.В. Изучение гидроэнергетического потенциала Сибири в период I и II пяти-летнего планов (1924–1937 гг.) (по материалам журнала «Плановое хозяйство») // Гришаевские чтения: мат-лы III нац. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева. Красноярск, 2021. С. 200–212.

Рябов Ю.В. Освоение гидроэнергетических ресурсов Восточной Сибири в советский период в рамках теории фронта // Гришаевские чтения: мат-лы IV нац. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, проф., заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева. Красноярск, 2022. С. 170–180.

Сибирь: проекты XX века (Начинания и реальность): моногр. / А.А. Долголюк, В.А. Ильиных, В.А. Ламин и др.; отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2002. 301 с.

Снопков С.В., Хобта А.В., Швалева Н.И. Геологические исследования А.В. Львова при изысканиях мест для строительства гидроэлектростанций в Приангарье // Геология и окружающая среда. 2024. Т. 4, № 4. С. 21–36.

Становление и развитие научных школ Томского политехнического университета: Исторический очерк / под ред. Ю.П. Похолкова, В.Я. Ушакова. Томск: ТПУ, 1996. 249 с.

Труды ГОЭЛРО. Документы и материалы. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 307 с.

References

Alekseev, V.V. (1973). *Elektrifikatsiya Sibiri: istoricheskoe issledovanie. Ch. 1: 1885–1950 gg.* [Electrification of Siberia: A Historical Study. Part 1: 1885–1950]. Novosibirsk, Nauka. 312 p.

Balakshin, A.S. (1990). *Sergey Aleksandrovich Balakshin 1877–1933* [Sergey Aleksandrovich Balakshin 1877–1933]. Moscow, Nauka. 112 p.

Balakshin, S.A. (1922). K voprosu ob elektrifikatsii Sibiri [On the Electrification of Siberia]. In *Zhizn' Sibiri*. October 13, pp. 56–59.

Balakshin, S.A. (1922). Zapas vodnykh sil Sibiri (Kadastr) [Water Reserves of Siberia (Cadastre)]. In *Byulleten' Sibispolvoda*. No. 2, pp. 22–39.

Balakshin, S.A. (1923). Bol'shaya gidroelektricheskaya stantsiya v Kalifornii [Large Hydroelectric Power Station in California]. In *Vestnik sibirskikh inzhenerov*. Vol. 5, No. 2, pp. 63–65.

Balakshin, S.A. (1930). Voprosy energetiki Sibiri [Power Engineering Issues in Siberia]. In *Doklady SSSR na Vtoroy mirovoy energeticheskoy konferentsii v Berline v 1930 g.* Moscow, Leningrad, Gosizdat, pp. 287–305.

Bubnov, V.A. (2016). Balakshiny. V sel'skokhozyaystvennoy kooperatsii, mashinostroenii, nauke i obrazovanii [The Balakshins. In Agricultural Cooperation, Mechanical Engineering, Science, and Education]. In *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnicheskie nauki*. No. 3 (42), pp. 6–20.

Bubnov, V.A. (2017). Balakshiny i nachalo mashinostroeniya v Zaural'e i Zapadnoy Sibiri [The Balakshins and the Beginning of Mechanical Engineering in the Trans-Urals and Western Siberia]. In *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Tekhnicheskie nauki*. No. 2 (45), pp. 3–19.

Bushuev, V.V., Voropay, N.I. (2019). Plan GOELRO: itogi i uroki [GOELRO Plan: Results and Lessons]. In *Energeticheskaya politika*. No. 4, pp. 30–39.

Dolgolyuk A., Ilinykh, V., Lamin, V. (Eds.). (2002). *Sibir: proekty XX veka (Nachinaniya i real'nost')* [Siberia: Projects of the 20th Century (Initiatives and Reality)]. Novosibirsk, II SO RAN. 301 p.

Fominykh, S. (Eds.). (2008). *Zhurnaly zasedaniy soveta Instituta issledovaniya Sibiri (13 noyabrya 1919 g. – 16 sentyabrya 1920 g.)* [Minutes of the Meetings of the Council of the Siberian Research Institute (November 13, 1919 – September 16, 1920)]. Tomsk, Izdatelstvo Tomskogo universiteta. 264 p.

Gladkov, I.A. (1956). *Ot plana GOELRO k planu shestoy pyatiletki* [From the GOELRO Plan to the Sixth Five-Year Plan]. Moscow, AN SSSR. 351 p.

Gvozdetsky, V.L. (2001). Plan GOELRO. Mify i real'nost' [The GOELRO Plan: Myths and Reality]. In *Nauka i zhizn'*. No. 5, pp. 102–109.

Gvozdetskiy, V.L. (1980). Voprosy teorii planirovaniya narodnogo khozyaystva v plane GOELRO [Theoretical Issues of National Economic Planning in the GOELRO Plan]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No 4, pp. 11–20.

Kokoulin, V.G. (2013). Povsednevnyaya zhizn' Belogo Omska [Everyday Life in White Omsk]. In *Grazhdanskaya vojna v Sibiri: materialy Vserossiyskoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, pp. 57–60.

Lenin, V.I. (1974). Ocherednye zadachi Sovetskoj vlasti [Immediate Tasks of Soviet Power]. In *Polnoe sobranie sochineniy*. Vol. 36. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, pp. 165–208.

Maklyukov, A.V. (2015). "Dal'nevostochnyy GOELRO": Iz istorii planirovaniya elektrifikatsii Dal'nego Vostoka v seredine 1920-kh – nachale 1930-kh gg. ["Far Eastern GOELRO": On the History of Electrification Planning in the Far East in the Mid-1920s – Early 1930s]. In *Oykena. Regionovedcheskie issledovaniya*. No. 4 (35), pp. 75–83.

Pokholkov Yu., Ushakov, V. (Eds.). (1996). *Stanovlenie i razvitie nauchnykh shkol Tomskogo politekhnicheskogo universiteta: Istoricheskiy ocherk* [The Formation and Development of Scientific Schools at Tomsk Polytechnic University: Historical Essay]. Tomsk, TPU. 249 p.

Ryabov, Yu.V. (2021). Izuchenie gidroenergeticheskogo potentsiala Sibiri v period I i II pyatiletnego planov (1924–1937 gg.) (po materialam zhurnala "Plankhoy" [Study of the Hydroelectric Potential of Siberia during the First and Second Five-Year Plans (1924–1937): Based on Materials from the Journal "Plankhoz"]. In *Grishaevskie chteniya: materialy III natsional'noy nauchnoy konferentsii*. Krasnoyarsk, pp. 200–212.

Ryabov, Yu.V. (2022). Osvoenie gidroenergeticheskikh resursov Vostochnoy Sibiri v sovet-skiy period v ramkakh teorii frontira [Development of Hydroelectric Resources of Eastern Siberia in the Soviet Period within the Framework of the Frontier Theory]. In *Grishaevskie chteniya: materialy IV natsional'noy nauchnoy konferentsii*. Krasnoyarsk, pp. 170–180.

Snochkov S.V., Khobta, A.V., Shvaleva, N.I. (2024). Geologicheskie issledovaniya A.V. L'vova pri izyskaniyakh mest dlya stroitel'stva gidroelektrostantsiy v Priangare [Geological Studies by A.V. Lvov during Site Surveys for Hydroelectric Power Stations in the Angara Region]. In *Geologiya i okruzhayushchaya sreda*. Vol. 4, No. 4, pp. 21–36.

(1960). *Trudy GOELRO: dokumenty i materialy* [GOELRO Transactions. Documents and Materials]. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury. 307 p.

Verkhoturov, D.N. (2022). *Stalinskaya industrializatsiya* [Stalin's Industrialization]. Moscow, Veche. 480 p.

Л.С. Шмульская
О.Б. Лобанова*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИИ
ЕНИСЕЙСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА
НА СТРАНИЦАХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ 1940-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-15
УДК 378

Выходные данные для цитирования:
Шмульская Л.С., Лобанова О.Б. Репрезентация истории Енисейского
учительского института на страницах региональной прессы 1940-х годов //
Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 207–219.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-15.pdf>

L.S. Shmul'skaya
O.B. Lobanova*

REPRESENTATION OF HISTORY
THE YENISEI TEACHERS' INSTITUTE ON THE PAGES
OF THE REGIONAL PRESS OF THE 1940S

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-15

How to cite:
Shmul'skaya L.S., Lobanova O.B. Representation of History the Yenisei Teachers'
Institute on the Pages of the Regional Press of the 1940s // Historical Courier, 2026,
No. 3 (47), pp. 207–219. [Available online: [http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-](http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-15.pdf)
2026-2-15.pdf]

Abstract. This article is devoted to the history of the Siberian Provincial Institute and reflects the general trends in the development of regional pedagogical universities in the 1940s. The article reconstructs the history of the higher education institution based on regional periodicals from this period. It is well known that regional periodicals are a representative source of information about little-known facts about the lives of individuals, organizations, and institutions, as well as large and small cities and rural settlements. The newspaper's wealth of information allows for significant additions to archival data and official documents with facts about everyday life. Newspaper materials provide an opportunity to trace the formation of the teaching staff from the moment of the educational institution's foundation. Most of the publications about the institute in the newspaper "Yeniseyskaya Pravda" were devoted to educational activities as the main type of work of the university: the results of examination sessions, the features of the organization of the educational process, and the extracurricular life of students. Since the 1940s, "Yeniseyskaya Pravda" has become a powerful and effective means of career guidance. The factual material, which has not been previously introduced into scientific circulation, provides an opportunity to trace the formation of all types of activities of the university in the first decade of its operation. The authors conclude that the active coverage of various aspects of the Yenisei Teachers' Institute's activities in the district newspaper contributed to the establishment of the institute's authority and created conditions for its openness, which facilitated its engagement with the general public.

Keywords: teachers' Institute, 1940s, the city of Yeniseisk, regional periodicals, the history of the institute.

*The article has been received by the editor on 07.07.2025.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* **Лариса Степановна Шмульская**, кандидат филологических наук, доцент, Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Лесосибирск, Россия, e-mail: larisast1997@yandex.ru

Larisa Stepanovna Shmul'skaya, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Lesosibirskij Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University, Lesosibirsk, Russia, e-mail: larisast1997@yandex.ru

Ольга Борисовна Лобанова, кандидат педагогических наук, доцент, Лесосибирский педагогический институт – филиал ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет». Лесосибирск, Россия, e-mail: olga197109@yandex.ru

Olga Borisovna Lobanova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Lesosibirskij Pedagogical Institute – Branch of Siberian Federal University, Lesosibirsk, Russia, e-mail: olga197109@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена истории сибирского провинциального института и отражает общие тенденции развития региональных педагогических вузов в 1940-е годы. Статья реконструирует историю высшего учебного заведения на основе региональной ретропериодики обозначенного периода. Общеизвестно, что региональная периодика является репрезентативным источником освещения малоизвестных фактов из жизни конкретных людей, организаций и учреждений, больших и малых городов, сельских поселений. Информационная неисчерпаемость газеты позволяет существенно дополнить архивные данные и официальные документы фактами истории повседневности. Газетные материалы дают возможность проследить становление преподавательского корпуса с момента основания учебного заведения. Большинство публикаций об институте в газете «Енисейская правда» было посвящено учебной деятельности как основному виду работы вуза: результатам экзаменационных сессий, особенностям организации учебного процесса, внеучебной жизни студентов. Начиная с 1940-х годов. «Енисейская правда» стала мощным и эффективным средством профориентационной работы. Фактологический материал, ранее не вводившийся в научный оборот, дает возможность проследить становление всех видов деятельности вуза в первое десятилетие его работы. Авторы приходят к выводу о том, что активное освещение разных сторон деятельности Енисейского учительского института в районной газете формировало авторитет вуза, создавало условия для открытости института, что способствовало его сближению с широкой общественностью.

Ключевые слова: учительской институт, 1940-е годы, город Енисейск, региональная периодика, история института.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025 г.

Общеизвестно, что региональная периодика является репрезентативным источником отражения малоизвестных фактов из жизни конкретных людей, организаций и учреждений, больших и малых городов, сельских поселений. Информационная неисчерпаемость газеты позволяет существенно дополнить архивные данные и официальные документы фактами истории повседневности. По мнению Р.В. Митиной, периодическая печать является одним из основных типов исторических источников. Автор определяет такую особенность периодики, как синтетичность, которая «дает возможность изучать разнообразную историческую информацию – опубликованные на страницах изданий нормативные акты, публицистические, справочные, статистические, делопроизводственные и другие материалы»¹. Региональные средства массовой информации имеют свою специфику: доступность, периодичность, многожанровость, многоплановость содержания, информирование населения и формирование общественного мнения. Основным историческим источником для реконструкции истории института выбрана газета «Енисейская правда» – официальный орган Енисейского райкома партии и районного Совета депутатов. Представим некоторые особенности этого издания в 1940-е годы. Анализ материалов позволяет утверждать, что авторский коллектив газеты формировался в основном за счет представителей местной интеллигенции: педагогов учебных заведений, партийных работников, работников предприятий, колхозов и т.д. Этот факт отражали подписи под материалами следующего характера: «заврайоно», «секретарь райкома», «председатель спортклуба», «тов. Прохорик, директор института» и пр. Первая полоса представляла собой, как правило, трансляцию всесоюзной повестки: сессии Верховного Совета, съезды партии и т.д. Преобладающими жанрами были статьи и заметки, выполнявшие функцию оперативного информирования. Тематика газеты носила локальный характер и представляла собой материалы о жизни Енисейского района. Акцент в газете был сделан на хронике деятельности колхозов, совхозов, сплавной конторы. Систематически

¹ Митина Р.В. Газета «Пермские губернские новости» (1838–1917 гг.) как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. С. 5.

освещалась работа школ, педагогического училища, института, енисейского детского дома. На страницах газеты обсуждались вопросы качества образования и всеобуча, особенно в отдаленных поселениях. Внимание заслуживали события, которые в настоящее время не отражаются в районных СМИ: работа секции в школе, подготовка школ к новому учебному году, переводные испытания в школах, новый выпуск учителей, сессия в институте, работа районных и кустовых совещаний учителей и пр. Таким образом, газета представляла собой классический пример низовой прессы. Непрофессионализм авторов способствовал развитию документально-отчетных жанров и усилению локальной идентичности.

Город Енисейск и прилегающий район в 1940-е годы являлись типичным примером северной территории Красноярского края с характерными чертами: транспортная изолированность (отсутствие железнодорожного сообщения и сезонность навигации по Енисею создавали эффект «островного» положения, что напрямую влияло на кадровую политику института и его автономность); сельскохозяйственная специфика (район относился к зоне рискованного земледелия, что объясняет включенность студентов в обязательные сельскохозяйственные работы (помощь колхозам, работа на подсобном хозяйстве института) как условие выживания в военный и послевоенный период); недостаточность учительского кадрового ресурса (институт был призван решить проблему обеспечения сельских школ северных территорий края квалифицированными специалистами). Таким образом, выбор территориальных рамок, ограниченных этим локусом, позволяет сконцентрироваться на том, как региональный центр аккумулировал и перераспределял интеллектуальные ресурсы.

При подготовке работы авторы опирались на общенаучные принципы историзма, объективности и системности. Выбор методов был продиктован необходимостью реконструирования истории функционирования вуза в конкретно-исторических условиях: сравнительно-исторический и ретроспективные методы позволили выделить ключевые факты и условия, определившие развитие института в избранное десятилетие; системный метод позволил рассмотреть региональные особенности развития вуза как части системы образования Красноярского края и страны в целом; метод контент-анализа дал возможность осуществить количественную и качественную обработку газетных материалов по тематическим рубрикам (учебная жизнь, хозяйственная деятельность, просветительство, спорт и др.).

В современной историографии существует ряд публикаций, рассматривающих проблемы становления и развития педагогических вузов в нашей стране в разные исторические периоды. Предметом историко-педагогического анализа стали Костромской государственный педагогический институт², Магаданский государственный педагогический институт³, Самарский педагогический институт⁴, Ишимский педагогический институт⁵, Башкирский государственный педагогический институт им. К.А. Тимирязева⁶, Кустанайский педагогический институт⁷, Карельский государственный педагогический институт⁸, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева⁹, Российский государственный

² Волков Д.А. История Костромского государственного педагогического института // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12, № 7. С. 71–75.

³ Скридлевская К.В. История развития Магаданского государственного педагогического института в 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 31. С. 30–50.

⁴ Сумбунова Е.И. История первого педагогического института в Самаре // Платоновские чтения: сб. ст. Самара, 2004. С. 173–175.

⁵ Кельберер Г.Р. 60-летняя история Ишимского педагогического института: в ногу со временем // Проблемы и перспективы физико-математического и технического образования: сб. мат.-лов. Ишим, 2014. С. 5–12.

⁶ Ерёмкина А.И. История становления Башкирского государственного педагогического института им. К.А. Тимирязева // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–10. С. 2003–2307.

⁷ Дайкер А.Ф., Жилова Ю.П. История военных лет Кустанайского педагогического института // Профилактика зависимостей. 2020. № 1 (21). С. 153–158.

⁸ Кармазина Н.В., Фёдоров А.М., Фёдорова Е.Н. ВУЗ – труженик и созидатель. К 90-летию высшего образования в Республике Карелия и Карельского государственного педагогического института // Образование и качество жизни. 2021. № 4 (26). С. 41–50.

⁹ Яблоков Ю.Н. Красноярский учительский институт в контексте развития высшего педагогического образования края: к 100-летию основания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 3 (33). С. 220–225.

педагогический университет им. А.И. Герцена¹⁰, Московский городской педагогический институт¹¹. Обобщая публикации по истории педагогических вузов в разных регионах страны, стоит отметить, что институты и университеты решали проблему подготовки квалифицированных кадров для регионов Советского Союза.

В истории педагогических институтов авторы выделяют определенные этапы развития. Представим их общую характеристику. Первый этап (1930-е – начало 1950-х годов) для большинства педагогических вузов был связан с подготовкой учителей для неполных средних школ, поэтому курс обучения составлял 2 года, вузы в этот период именовались учительскими институтами. Второй этап (вторая половина 1950-х – конец 1980-х годов.) – преобразование учительских институтов в педагогические, мощное развитие педагогической науки, увеличение кадрового состава (значительное повышение острепенности преподавательского состава), активный рост материально-технического оснащения институтов, формирование студенческих научных и творческих объединений. Третий этап (1990-е – начало XXI в.) в педагогических вузах связан со сменой парадигмы образования и перестройкой учебно-воспитательного процесса в сложившихся новых социально-экономических условиях. Обзор большинства исследований позволяет утверждать, что они посвящены в основном анализу советского периода развития высшего педагогического образования, поскольку именно в это время формировались традиции, развивались научные школы, педагогические вузы заняли достойное место в системе высшего образования и решили проблему подготовки кадров для сферы образования.

В настоящее время имеется ряд публикаций, отражающих становление и развитие института в разные периоды. Наиболее полно история института представлена в книге «Труд и вдохновение», написанной В.Ф. Бехтеревым (ректор в период 1987–1994 гг.)¹². Авторами настоящей статьи в предшествующих исследованиях были освещены вопросы кадрового становления института¹³, отражены аспекты спортивной деятельности вуза¹⁴, осуществлена оценка просветительских практик преподавателей¹⁵. В научном пространстве имеются публикации, посвященные отдельным личностям, внесшим вклад в развитие Лесосибирского (Енисейского) педагогического института: ректору З.В. Стефанской¹⁶, профессору А.И. Малютиной¹⁷, преподавателям-филологам Р.Т. Гриб, П.Я. Гриб¹⁸, педагогическим династиям института¹⁹. В ряде статей институт позиционируется как отправная точка изучения культурно-

¹⁰ Соломин В.П. РГПУ им. А.И. Герцена – страницы истории. 1956–1966 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 8–18.

¹¹ Чернова М.Н. История Московского городского педагогического института им. В.П. Потёмкина (1933–1960). М., 2011.

¹² Бехтерев В.Ф. Труд и вдохновение. 60 лет Лесосибирскому (Енисейскому) педагогическому институту. Красноярск, 2000.

¹³ Лобанова О.Б., Шмультская Л.С. Развитие кадрового потенциала регионального педагогического вуза в 1940–1980 годы // Экономика образования. 2025. № 2 (147). С. 12–20.

¹⁴ Лобанова О.Б., Шмультская Л.С., Мамаева С.В., Казанцев Е.М. Спортивная работа со студенческой молодежью в педагогическом вузе в 1940–1950-е годы // Глобальный научный потенциал. 2025. № 1. С. 118–120.

¹⁵ Лобанова О.Б., Шмультская Л.С., Плеханова Е.М., Цыганкова В.А. Просветительские практики преподавателей советской высшей школы и их вклад в развитие регионального образовательного пространства // Преподаватель XXI век. 2025. № 2. С. 227–239.

¹⁶ Харитонова Н.Г. «И она антихрист, но добрый и справедливый!»: атеистическая деятельность З.В. Стефанской // XV Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925–1995): сб. науч. ст. Всерос. науч. конф. Новокузнецк, 2020. С. 47–55.

¹⁷ Семенов В.И., Семенова Е.В. История филологического факультета Лесосибирского (Енисейского) педагогического института: контексты, факты, личности // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2015. Т. 6, № 6. С. 25–32.

¹⁸ Лузгина Т. Гриб Р.Т. // Сибирячки. Красноярск, 2001. С. 32–34.

¹⁹ Семенова Е.В., Казанцева Я.Н. Сохранение семейных ценностей в истории педагогических династий (Енисейского) Лесосибирского педагогического института с современных позиций аксеологического подхода // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2023. № 14 (23). С. 123–127.

исторического наследия города²⁰, как северный кластер в территориальной образовательной среде Сибирского федерального университета²¹.

В настоящей публикации авторы реконструируют историю Енисейского учительского института в первое десятилетие его существования, отраженную на страницах общественно-политической газеты «Енисейская правда» за 1940-е годы. Научная новизна настоящего исследования определяется привлечением и анализом комплекса ранее не публиковавшихся материалов районной газеты «Енисейская правда» за 1940-е годы. Данные источники позволяют восполнить лакуны в официальных архивных данных и представить историю вуза через призму повседневной жизни и общественного восприятия. В отличие от предыдущих изданий, носивших обобщающий характер, данное исследование детализирует такие аспекты, как кадровая политика военного времени, организация учебного процесса в экстремальных условиях, повседневный быт студентов и преподавателей, а также формы помощи фронту. Новым является сам ракурс рассмотрения региональной периодики как многофункционального исторического источника. Исследование позволяет конкретизировать общие закономерности развития педагогического образования в СССР (выделенные авторами три этапа) на примере конкретного сибирского вуза, выявляя его уникальные черты, обусловленные географическим положением и социально-экономическими условиями.

Видится необходимым обозначить причины открытия института в 1940 г. в отдаленном провинциальном сибирском городе. К концу 1930-х годов в Сибири около 90 % школ было расположено в сельской местности; учебных заведений, готовящих учительские кадры в регионе, было недостаточно; в силу территориальной удаленности от центра к концу второй – началу третьей пятилетки сибирские школы были укомплектованы учителями лишь на 55 %. Данные обстоятельства потребовали от государства принятия комплекса мер, направленных на развитие образования, а именно: организацию учительских курсов, расширение сети заочного образования, открытие учительских и педагогических вузов. Реализация данной политики привела к открытию в 1940 г. в городе Енисейске учительского института, призванного обеспечить подготовку педагогических кадров для северных территорий Красноярского края.

История Енисейского учительского института на страницах районной газеты «Енисейская правда» начинается с 1940 г. в виде объявления о первом наборе студентов²². Опубликованные впоследствии статьи и заметки составили фактологическую основу для реконструирования истории Енисейского учительского института. Газетные материалы дают возможность проследить становление преподавательского корпуса с момента основания учебного заведения. Трудности в комплектовании кадрового состава вуза были объективными, что, прежде всего, связано с отдаленностью института от центральной части страны: привлечь специалистов высокой квалификации к моменту открытия было проблематично. Руководство института было вынуждено использовать потенциал образовательных организаций города Енисейска: педагоги Енисейского педагогического училища и учителя-стажисты школ города. В 1941 г. в институт должны были приехать квалифицированные специалисты из Красноярска и других регионов, однако выстраивание кадровой политики было прервано событиями июня 1941 г.²³ С начала Великой Отечественной войны трудности с кадрами высшей квалификации возросли. Ряд преподавателей были призваны в ряды Красной армии на фронт. К 1944 г. проблема обеспеченности кадрами в институте стала

²⁰ Румянцев М.В., Семенова Е.В., Семенов В.И. История Енисейского педагогического института как фактологическая основа изучения культурно-исторического наследия Енисейска [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25498> (дата обращения: 19.06.2025).

²¹ Храмова Л.Н., Семенова Е.В., Гавриленко Л.С. Имидж-менеджмент как динамическая характеристика инновационного развития вуза в условиях малого сибирского города [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2013. № 4–5. С. 1240–1244. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31398> (дата обращения: 19.06.2025).

²² Дирекция. Енисейский учительский институт объявляет набор студентов // Енисейская правда. 1940. № 96. С. 4.

²³ Лобанова О.Б., Шмутьская Л.С. Развитие кадрового потенциала регионального педагогического вуза в 1940–1980 годы // Экономика образования. 2025. № 2 (147). С. 12–20.

несколько меняться в связи с возвращением на работу педагогов-фронтовиков. Это дало импульс для восстановления работы института. Согласно штатному расписанию в 1944/1945 учебном году учительский институт должен был иметь 11 преподавателей и 3 сотрудника учебно-воспитательного персонала. Всего же в институте работало 9 преподавателей (2 из них являлись совместителями), большинство из которых имели стаж работы не более 5 лет²⁴.

В послевоенные годы с целью развития вуза создавались условия для научной деятельности преподавателей: улучшалось материальное положение, преподаватели направлялись в ведущие вузы страны на стажировки и повышение квалификации, готовились к сдаче кандидатских экзаменов²⁵.

Большинство публикаций об институте в газете «Енисейская правда» было посвящено учебной деятельности как основному виду работы вуза: результаты экзаменационных сессий, особенности организации учебного процесса, внеучебная жизнь студентов. Полный разворот газеты в начале июня 1941 г. вышел под заголовком «Перед весенней экзаменационной сессией в учительском институте», который объединил ряд статей: «Горячие дни», «Сдать экзамен только на “отлично” и “хорошо”» и др. Проведение первых экзаменационных сессий – «событие большого культурного значения. Оно воодушевляет студентов института на упорный и напряженный труд, вызывает новый прилив сил и энергии в борьбе за овладение высотами наук и культуры»²⁶. В газете подчеркивалось, что особое внимание уделялось проведению дополнительных занятий со студентами, большинство из которых не имели достаточной подготовки. Значительную помощь в этом оказывали профсоюзная и комсомольская студенческие организации, которые взяли на себя роль курирования инициативных групп активистов, проводивших дополнительные занятия по профильным предметам.

В преддверии сессии на общих собраниях преподавательский состав и администрация вуза обсуждали степень подготовленности каждого студента к экзаменам. В газетах отмечалось, что в институте на постоянной основе проходили собрания «с целью широкого разъяснения всех вопросов, относящихся к предстоящей экзаменационной сессии»²⁷. Кроме того, выпускалась стенная газета, посвященная периоду промежуточной аттестации. В газете были представлены «примеры напряженной работы и подготовки студентов», рассказывалось о важности предстоящей сессии. Серьезное отношение со стороны студентов к подготовке сессии объяснялось Постановлением правительства о платности обучения и новом порядке назначения стипендий в высшей школе. Постановление способствовало «усилению самостоятельной работы студентов над учебным материалом, являющимся залогом академической успеваемости»²⁸.

Газета «Енисейская правда» сохранила сведения о том, что большое внимание уделялось методическому обеспечению студентов для подготовки к экзамену: «сосредоточена литература, учебники и другие пособия в кабинетах, где каждый студент имеет возможность использовать их в любое время. Вывешены списки обязательной и дополнительной литературы по всем дисциплинам»²⁹. Вся процедура организации сессии и порядок ее проведения в вузе проходили в соответствии с указаниями Комитета высшей школы при Совнаркоме СССР: расписание экзаменов должно было быть опубликовано не позднее чем за 20 дней до начала сессии; для каждой академической группы устанавливались твердые сроки сдачи экзаменов по отдельным дисциплинам.

Институт продолжал работу и в непростое военное время. Одним из важнейших средств подготовки специалистов в условиях Великой Отечественной войны было обучение без отрыва от производства. В связи с этим Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР приказом от 5 сентября 1941 г. предоставил директорам вузов право

²⁴ Малютина А. Возвращались в институт солдаты // Енисейская правда. 1975. № 74. С. 3.

²⁵ Корытковская А. Новые кадры ученых // Енисейская правда. 1951. № 59. С. 3.

²⁶ Высокая успеваемость // Енисейская правда. 1941. № 79. С. 2.

²⁷ В.П. Горячие дни // Енисейская правда. 1941. № 70. С. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

принимать студентов на обучение без отрыва от производства. В районной газете размещались объявления о том, что «в учительские институты принимаются лица, имеющие образование не ниже 9 классов средней школы. Без экзаменов зачисляются окончившие 9 и 10 классов средней школы в 1941 и 1942 гг., остальные лица подвергаются испытаниям»³⁰. В рассматриваемый период для работающих студентов был предусмотрен особый порядок аттестации. Они обязаны были сдавать зачеты и экзамены по освоенным дисциплинам, однако освобождались от посещения аудиторных занятий. При этом прохождение педагогической практики на базе школы, закрепленной за институтом, оставалось обязательным. В ходе практики студенты проводили уроки, выступали на родительских собраниях, организовывали классные собрания, «громкие читки, беседы», готовили наглядные пособия. По итогам практики проходили совещания с участием студентов, преподавателей-методистов института, которые руководили практикой, преподавателей педагогики и заместителя директора института по учебно-научной работе. На совещании заслушивались отчеты о проведении практики на каждом из отделений: литературном, историческом, физико-математическом. Практиканты делились впечатлениями о первом учительском опыте, обсуждали трудности, с которыми столкнулись в период практики:

- студенты литературного отделения «рассказали о том, что они получили навыки проведения и анализа уроков, изучения учащихся, составления конспектов, характеристики, приготовления наглядных пособий»;

- студенты исторического отделения «научились подбирать материалы, отвечающие научным и воспитательным целям, в доступной форме излагать его, применять знания, полученные по методике, педагогике и психологии»;

- студенты физико-математического отделения «научились интересно строить урок, применять дополнительный материал, разнообразить методы, поддерживая внимание и активность учащихся до конца урока»³¹.

Отдельным видом работы была хозяйственная деятельность института, что продиктовано сложными экономическими условиями военного и послевоенного времени. Енисейский учительский институт переживал в годы войны большие трудности. «Учащимся приходилось работать на заимке, чтобы обеспечить овощами свою столовую, заготавливать дрова, записывать лекции на старых книгах поперек строчек, заниматься при тусклом свете керосиновых ламп»³². На основании распоряжения Наркомпроса все студенты были обязаны отработать в течение года 15 дней в подсобном хозяйстве. Внештатный корреспондент газеты «Енисейская правда», преподаватель института А.И. Малютина, говоря о жизни института военного времени, вспоминала следующее: «Юношей в учебных аудиториях почти не было. Среди студентов Енисейского учительского института в годы войны были эвакуированные из Ленинграда. Вскоре ряды студентов начали пополнять фронтовики, многие из них пришли инвалидами»³³.

Региональная периодика военного времени сохранила сведения о том, что коллектив института оказывал большую помощь фронту. Так, рабочие, служащие и педагоги «на совещании 1 августа 1941 г. единодушно постановили отчислить однодневный заработок в фонд обороны страны». Кроме того, директор института А.П. Прохорик «перечислил свои облигации в сумме 6 560 рублей. Его примеру последовали зав. учебной частью, заведующий хозяйством и другие работники»³⁴. Осенью 1941 г. студенты и преподаватели в подарок бойцам Красной армии отправили на фронт посылку. В это же время шел сбор средств на постройку самолета имени Героя Советского Союза В. Талалихина³⁵.

Подобные акции преподаватели и студенты института организовывали и в послевоенное время. В 1948 г. «местком учительского института провел сбор средств на Первомайские

³⁰ Малютина А.И. Учиться без отрыва от производства // Енисейская правда. 1942. № 98. С. 2.

³¹ Минина А. Итоги педпрактики // Енисейская правда. 1948. № 23. С. 2.

³² Малютина А. Возвращались в институт солдаты // Енисейская правда. 1975. № 74. С. 3.

³³ Там же.

³⁴ Городец Н. В фонд обороны страны // Енисейская правда. 1941. № 96. С. 2.

³⁵ Чулымский В. Студенты изучают военное дело // Енисейская правда. 1941. № 144. С. 2.

подарки воспитанникам детдома № 2. На собранную сумму 918 рублей куплено 26 пар обуви. Кроме того, 100 рублей собрано на подарки для семьи погибшего воина Габидулина»³⁶. В этом же году коллектив Енисейского учительского института «с большим единодушием провел к Новому году сбор денежных средств для семьи погибшего воина т. Баженова, собрано 470 рублей»³⁷.

В годы Великой Отечественной войны на страницах газеты нашли отражение факты помощи фронту не только со стороны преподавателей и сотрудников института, но и со стороны студентов, которые отправляли новогодние подарки в действующую армию, участвовали в спортивных мероприятиях (лыжные кроссы, посвященные годовщинам Красной армии).

Военное время обозначило необходимость сместить акцент в спортивно-массовой работе на оборонную составляющую. В этой связи видится целесообразным упомянуть постановление Государственного Комитета Обороны от 17 сентября 1941 г. № ГКО-690, согласно которому вводилось обязательное военное обучение для всех граждан СССР, способных носить оружие. Поэтому неотъемлемой частью подготовки будущих педагогов стало военно-патриотическое воспитание, которое предполагало подготовку специалистов, защитников Родины: проводилась разъяснительная работа по вопросам укрепления оборонной мощи страны, обеспечения боевой готовности Советской армии. Так, газета «Енисейская правда» сохранила факты работы военного кружка в институте, где студенты занимались изучением устройства и работы оружия (станкового пулемета, винтовки)³⁸. «Изучая военное дело, студенты готовятся встать на защиту родной земли»³⁹.

С момента основания института студенты оказывали помощь колхозам. Первое упоминание об этом на странице газеты «Енисейская правда» находим в июле 1941 г.: «50 студентов Енисейского учительского института выехали на полевые работы в Мало-Бельский, Черкасский, Верхне-Пашинский колхозы. Студенты в сельхозартелях будут заниматься силосованием, а также работать на сенокосе»⁴⁰.

Газета, начиная с 1940-х годов, была мощным и эффективным средством профориентационной работы. Публикуя статьи из жизни студентов, их размышления о значимости профессии, авторы статей тем самым привлекали потенциальных абитуриентов к профессии учителя и обучению в педагогическом институте. Так, студентка литературного факультета 1941 г. делилась своими впечатлениями о студенческой жизни. «Я решила выбрать специальность учителя, считая, что это самая почетная и ответственная профессия. <...> Призываю всех студенток нашего института быть отличниками и после окончания стать квалифицированными преподавателями»⁴¹.

Со страниц газет преподавателями института подчеркивались важность и статус педагогической профессии в советском обществе. В статье «Особенности педагогической профессии» преподаватель кафедры литературы А.И. Малютина писала, что «педагогический труд один из наиболее привлекательных видов человеческой деятельности, он приносит глубочайшее удовлетворение и радость от сознания постепенного развития личности ребенка, вырастающего в полноценного и полезного члена социалистического общества. Именно учитель прививает этому новому человеку лучшие человеческие качества – любовь к своему народу, к трудящимся массам, честность, храбрость, товарищескую спайку, трудолюбие»⁴².

Анализ фактологического материала свидетельствует, что в военное время жизнь института освещалась редкими эпизодическими публикациями. Так, за 1943, 1944 гг. не было найдено ни одной статьи, касающейся деятельности института. Возможно,

³⁶ А.М. Подарки // Енисейская правда. 1948. № 21. С. 2.

³⁷ Минина А. Щедрый подарок // Енисейская правда. 1948. № 1. С. 2.

³⁸ Лопатина Н. Изучаю пулемет // Енисейская правда. 1942. № 29. С. 2.

³⁹ Чулымский В. Студенты изучают военное дело // Енисейская правда. 1941. № 144. С. 2.

⁴⁰ Студенты института выехали в колхозы // Енисейская правда. 1941. № 83. С. 3.

⁴¹ Лопатина Н. Ответственная, но почетная специальность // Енисейская правда. 1941. № 70. С. 3.

⁴² Малютина А.И., Курган Ю. Особенности педагогической профессии // Енисейская правда. 1946. № 31. С. 2.

это объясняется тем фактом, что в сложное для страны время изменилась периодичность издания газеты «Енисейская правда», количество выпусков значительно сократилось. В 1945 г. вышли три публикации, отражающие воспитательную и учебную жизнь вуза. В газете за 8 февраля 1945 г. освещалось участие студентов в смотре художественной самодеятельности, который проходил в районном Доме культуры. «Хорошее впечатление оставил у зрителей спектакль “Маскарад”, поставленный студентами учительского института»⁴³. В заметке «Отличницы», приуроченной к Международному женскому дню 8 Марта, рассказывалось о лучших студентках Енисейского учительского института, которые «умело сочетают учебу с общественной нагрузкой: работают агитаторами, участвуют в олимпиаде художественной самодеятельности, руководят культмассовым и производственным сектором»⁴⁴.

С 1945 г. преподаватели института начинают свою просветительскую деятельность в газете «Енисейская правда». Первая публикация такого характера («Писатель – патриот») была посвящена творчеству А.С. Грибоедова⁴⁵. Материалы районной газеты позволяют оценить разноплановость этого вида деятельности, которая не ограничивалась публикациями. Так, в Енисейском учительском институте преподаватели каждую субботу читали лекции для студенчества на научно-популярные темы: «800-летие Москвы», «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Достижения науки и техники за 30 лет», «Культура и вежливость»⁴⁶.

Наибольшее количество публикаций в 1940-х годах пришлось на 1948 г. Статьи и заметки освещали работу литературного кружка, проведение литературно-художественных вечеров, вечеров вопросов и ответов, коллективных просмотров художественных фильмов с последующим обсуждением.

Для города Енисейска и Енисейского района вручение дипломов выпускникам учительского института было значимым событием, которое освещалось в средствах массовой информации. Так, 12 июля 1949 г. на страницах газеты «Енисейская правда» была опубликована заметка «Новые кадры учителей». В ней отмечалось, что «состоялось вручение дипломов студентам-выпускникам. Звание учителя неполной средней школы присвоено 51 человеку, 9 выпускников получили дипломы с отличием»⁴⁷. Всю торжественность и значимость события передает и стилистика заметки, соответствующая духу времени. При освещении деятельности института зачастую использовались клишированные фразы: «В нашей стране открыта широкая дорога к знаниям. Каждый гражданин СССР имеет право на образование – одно из великих завоеваний Октябрьской социалистической революции нашего народа, золотыми буквами записанное в Сталинской Конституции». Заметка завершается фразой, отличающейся возвышенностью и некоторым пафосом: «Молодые учителя отдадут все свои знания на воспитание молодого поколения в духе преданности партии Ленина – Сталина, делу коммунизма»⁴⁸.

Со дня основания Енисейского учительского института занятия по физическому воспитанию в разных организационных формах всегда присутствовали в учебном плане, педагогический коллектив и студенты принимали активное участие во всех спортивно-массовых мероприятиях, проводимых в вузе, городе, крае. Газета «Енисейская правда» выступает важным источником сведений о персоналиях вузовского спорта. Материалы статей и заметок дают возможность показать роль вуза в развитии физической культуры и спорта в городе Енисейске и Енисейском районе, познакомиться с фактами, свидетельствующими о том, как студенты и преподаватели помогали в организации физкультурно-спортивной работы в отдельных школах, училищах, на предприятиях и в колхозах.

Студенты и преподаватели института принимали активное участие в разного рода спортивных мероприятиях. Особое внимание в организации физкультурно-массовой работы

⁴³ Ануриев А. Смотри художественной самодеятельности // Енисейская правда. 1945. № 5. С. 3.

⁴⁴ Минина А. Отличницы // Енисейская правда. 1945. № 9–10. С. 2.

⁴⁵ Малютина А. Писатель – патриот // Енисейская правда. 1945. № 3. С. 2.

⁴⁶ А.Р. В учительском институте // Енисейская правда. 1946. № 51–52. С. 2.

⁴⁷ Новые кадры учителей // Енисейская правда. 1949. № 28–29. С. 1.

⁴⁸ Там же.

уделялось лыжному спорту, который был одним из самых популярных видов как на селе, так и в городе в силу климатических особенностей региона: «Настойчивое и упорное овладение лыжным спортом воспитывает в человеке много ценных качеств: смелость, решительность, выносливость. В наше время каждый гражданин должен быть мастером лыжного дела. Это достигается путем упорной тренировки и соревнования»⁴⁹. На страницах газеты «Енисейская правда» того периода сохранены факты участия студентов и преподавателей Енисейского учительского института в лыжных переходах на различные дистанции, агитпереходе лыжников по маршруту Енисейск – Маковское – Енисейск, лыжных пробегах, лыжных вылазках, районных соревнованиях по лыжам, лыжном кроссе имени профсоюзов, лыжном кроссе имени очередной годовщины РККА и пр.

В послевоенное время одним из популярных видов спортивной работы становится организация и проведение спортивных праздников, участниками которых были и студенты, и преподаватели Енисейского учительского института. Так, в 1946 г. в г. Енисейске в День физкультурника состоялся ряд массовых спортивных мероприятий: волейбольный матч, беговая эстафета, соревнования по гранатометанию, соревнование по прыжкам в высоту⁵⁰.

Таким образом, материалы районной газеты «Енисейская правда» (Красноярский край) позволяют дополнить официальные и архивные документы по истории Енисейского учительского института малоизвестными и забытыми фактами повседневной жизни вуза. В условиях отсутствия Интернета, радиофикации, ограниченной и редкой центральной периодики газета «Енисейская правда» была не просто СМИ, а практически единственным каналом коммуникации, связующим звеном между вузом и разбросанным на сотни километров населением. Ее публикации выполняли не только информационную, но и интегрирующую функцию, формируя образ института как культурного центра для всей округи. Ее распространение и зона информационного охвата были ограничены административными границами Енисейского района. Институт, расположенный в районном центре, функционировал именно в этом административно-территориальном пространстве, и все события его повседневной жизни, учебной и общественной деятельности, попадавшие на страницы газеты, были адресованы местному сообществу. Фактологический материал, ранее не вводившийся в научный оборот, дает возможность проследить становление всех видов деятельности вуза в первое десятилетие его работы. В этот период формировался кадровый состав Енисейского учительского института, который заложил традиции вуза, определил векторы его развития. Активное освещение разных сторон деятельности Енисейского учительского института в районной газете формировало авторитет вуза, создавало условия для открытости института, что способствовало его сближению с широкой общественностью.

Литература

Бехтерев В.Ф. Труд и вдохновение. 60 лет Лесосибирскому (Енисейскому) педагогическому институту. Красноярск, 2000. 136 с.

Волков Д.А. История Костромского государственного педагогического института // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2006. Т. 12, № 7. С. 71–75.

Дайкер А.Ф., Жилова Ю.П. История военных лет Кустанайского педагогического института // Профилактика зависимостей. 2020. № 1 (21). С. 153–158.

Еремина А.И. История становления Башкирского государственного педагогического института им. К.А. Тимирязева // Фундаментальные исследования. 2014. № 9–10. С. 2303–2307.

История Сибири. Сибирь в период завершения строительства социализма и переход к коммунизму / гл. ред. А.П. Окладников, В.И. Шумков. Л.: Наука, 1969. Т. 5. 472 с.

⁴⁹ Бородихин И. Лыжный пробег // По сталинскому пути. 1941. № 8. С. 2.

⁵⁰ Калачиков Л. День физкультурника в Енисейске // Енисейская правда. 1946. № 35. С. 2.

Кармазина Н.В., Федоров А.М., Федорова Е.Н. ВУЗ – труженик и созидатель. К 90-летию высшего образования в Республике Карелия и Карельского государственного педагогического института // Образование и качество жизни. 2021. № 4 (26). С. 41–50.

Кельберер Г.Р. 60-летняя история Ишимского педагогического института: в ногу со временем // Проблемы и перспективы физико-математического и технического образования: сб. мат-лов. Ишим, 2014. С. 5–12.

Лобанова О.Б., Шмульская Л.С. Развитие кадрового потенциала регионального педагогического вуза в 1940–1980 годы // Экономика образования. 2025. № 2 (147). С. 12–20.

Лобанова О.Б., Шмульская Л.С., Мамаева С.В., Казанцев Е.М. Спортивная работа со студенческой молодежью в педагогическом вузе в 1940–1950-е годы // Глобальный научный потенциал. 2025. № 1. С. 118–120.

Лобанова О.Б., Шмульская Л.С., Плеханова Е.М., Цыганкова В.А. Просветительские практики преподавателей советской высшей школы и их вклад в развитие регионального образовательного пространства // Преподаватель XXI век. 2025. № 2. С. 227–239.

Лузгина Т. Гриб Р.Т. // Сибирячки. Красноярск: Горница, 2001. С. 32–34.

Митина Р.В. Газета «Пермские губернские новости» (1838–1917 гг.) как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 23 с.

Румянцев М.В., Семенова Е.В., Семенов В.И. История Енисейского педагогического института как фактологическая основа изучения культурно-исторического наследия Енисейска [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25498> (дата обращения: 19.06.2025).

Семенов В.И., Семенова Е.В. История филологического факультета Лесосибирского (Енисейского) педагогического института: контексты, факты, личности // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2015. Т. 6, № 6. С. 25–32.

Семенова Е.В., Казанцева Я.Н. Сохранение семейных ценностей в истории педагогических династий (Енисейского) Лесосибирского педагогического института с современных позиций аксеологического подхода // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. 2023. № 14 (23). С. 123–127.

Скридлевская К.В. История развития Магаданского государственного педагогического института в 1960-х – первой половине 1980-х гг. // Актуальные вопросы современной науки. 2014. № 31. С. 30–50.

Соломин В.П. РГПУ им. А.И. Герцена – страницы истории. 1956–1966 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 133. С. 8–18.

Сумбурова Е.И. История первого педагогического института в Самаре // Платоновские чтения: сб. ст. Самара, 2004. С. 173–175.

Харитонова Н.Г. «И она антихрист, но добрый и справедливый!»: атеистическая деятельность З.В. Стефанской // XV Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925–1995): сб. науч. ст. Всерос. науч. конф. Новокузнецк, 2020. С. 47–55.

Храмова Л.Н., Семенова Е.В., Гавриленко Л.С. Имидж-менеджмент как динамическая характеристика инновационного развития вуза в условиях малого сибирского города [Электронный ресурс] // Фундаментальные исследования. 2013. № 4–5. С. 1240–1244. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31398> (дата обращения: 19.06.2025).

Чернова М.Н. История Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина (1933–1960). М., 2011. 276 с.

Яблоков Ю.Н. Красноярский учительский институт в контексте развития высшего педагогического образования края: к 100-летию основания // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2015. № 3 (33). С. 220–225.

References

- Bekhterev, V.F. (2000). *Trud i vdokhnovenie. 60 let Lesosibirskomu (Eniseyskomu) pedagogicheskomu institutu* [Labor and Inspiration. 60 Years of the Lesosibirsk (Yenisei) Pedagogical Institute]. Krasnoyarsk. 136 p.
- Chernova, M.N. (2011). *Istoriya Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Potemkina (1933–1960)* [The History of the Moscow City Pedagogical Institute named after V.P. Potemkin (1933–1960)]. Moscow. 276 p.
- Dayker, A.F., Zhilova, Yu.P. (2020). Istoriya voennykh let Kustanayskogo pedagogicheskogo instituta [The History of the War Years of the Kostanay Pedagogical Institute]. In *Profilaktika zavisimostey*. No. 1 (21), pp. 153–158.
- Eremina, A.I. (2014). Istoriya stanovleniya Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. K.A. Timiryazeva [The History of the Bashkir State Pedagogical Institute named after K.A. Timiryazev]. In *Fundamental'nye issledovaniya*. No. 9–10, pp. 2303–2307.
- Karmazina, N.V., Fedorov, A.M., Fedorova, E.N. (2021). VUZ – truzhenik i sozidatel'. K 90-letiyu vysshego obrazovaniya v Respublike Kareliya i Karel'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [The University is a Hard Worker and a Creator. On the 90th Anniversary of Higher Education in the Republic of Karelia and the Karelian State Pedagogical Institute]. In *Obrazovanie i kachestvo zhizni*. No. 4 (26), pp. 41–50.
- Kel'berer, G.R. (2014). 60-letnyaya istoriya Ishimskogo pedagogicheskogo instituta: v nogu so vremenem [The 60-year History of the Ishim Pedagogical Institute: Keeping up with the Times]. In *Sbornik materialov Problemy i perspektivy fiziko-matematicheskogo i tekhnicheskogo obrazovaniya*. Ishim, pp. 5–12.
- Kharitonova, N.G. (2020). “I ona antikhrisť, no dobryy i spravedlivyy!”: ateisticheskaya deyatel'nost' Z.V. Stefanskoy [“And she is the Antichrist, but a Kind and Just One!”: The Atheistic Activities of Z.V. Stefanskaya]. In *XV Chteniya, posvyashchennye pamyati R.L. Yavorskogo (1925–1995): sbornik nauchnykh statey Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Novokuznetsk, pp. 47–55.
- Khramova, L.N., Semenova, E.V., Gavrilenko, L.S. (2013). Imidzh-menedzhment kak dinamicheskaya kharakteristika innovatsionnogo razvitiya vuza v usloviyakh malogo sibirskogo goroda [Image Management as a Dynamic Characteristic of Innovative Development of a University in a Small Siberian Town]. In *Fundamental'nye issledovaniya*. No. 4–5, pp. 1240–1244. Available at: URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=31398> (date of access 19.06.2025).
- Kirillov, A.K., Karavaeva, A.G., Samultseva, N.N. (2017). Pereselenchesko-starozhilcheskie konflikty na zare velikogo sibirskogo pereseleniya (1870–1880-e gg.): shtrikhi k portretu rossiyskogo obshchestva [Migration and Old-Age Conflicts at the Dawn of the Great Siberian Migration (1870–1880s): Touches to the Portrait of Russian Society]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. No. 4, pp. 44–53.
- Lobanova O.B., Shmul'skaya L.S. (2025). Razvitie kadrovogo potentsiala regional'nogo pedagogicheskogo vuza v 1940–1980 gody [Development of Human Resources of a Regional Pedagogical University in the 1940s–1980s]. In *Ekonomika obrazovaniya*. No. 2 (147), pp. 12–20.
- Lobanova, O.B., Shmul'skaya, L.S., Mamaeva, S.V., Kazantsev, E.M. (2025). Sportivnaya rabota so studencheskoy molodezh'yu v pedagogicheskom vuze v 1940–1950-e gody [Sports Work with Student Youth at a Pedagogical University in the 1940s–1950s]. In *Global'nyy nauchnyy potentsial*. No. 1, pp. 118–120.
- Lobanova, O.B., Shmul'skaya, L.S., Plekhanova, E.M., Cygankova, V.A. (2025). Prosve-titel'skie praktiki prepodavateley sovetskoy vysshey shkoly i ikh vklad v razvitie regional'nogo obrazovatel'nogo prostranstva [Educational Practices of Teachers of Soviet Higher Education and Their Contribution to the Development of the Regional Educational Space]. In *Prepodavatel' XXI veka*. No. 2, pp. 227–239.
- Luzgina, T. (2001). Grib R.T. [Grib R.T.]. In *Sibiryachki*. Krasnoyarsk, Gornitsa, pp. 32–34.

Mitina, R.V. (2013). *Gazeta "Permskie gubernskie novosti" (1838–1917 gg.) kak istoricheskiy istochnik* [The Newspaper Perm Provincial News (1838–1917) as a Historical Source], Cand. hist. sci. diss. abstract. Barnaul. 23 p.

Okladnikov, A.P., Shumkov, V.I. (Eds.). (1969). *Istoriya Sibiri. Sibir'v period zaversheniya stroitel'stva socializma i perekhod k kommunizmu* [History of Siberia. Vol. 5: Siberia during the Completion of the Construction of Socialism and the Transition to Communism]. Leningrad, Nauka. 472 p.

Rumyantsev, M.V., Semenova, E.V., Semenov, V.I. (2016). *Istoriya Eniseyskogo pedagogicheskogo instituta kak faktologicheskaya osnova izucheniya kul'turno-istoricheskogo naslediya Eniseyska* [The History of the Yenisei Pedagogical Institute as a Factual Basis for Studying the Cultural and Historical Heritage of Yeniseisk]. In *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 6. Available at: URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25498> (date of access 19.06.2025).

Semenov, V.I., Semenova, E.V. (2015). *Istoriya filologicheskogo fakul'teta Lesosibirskogo (Eniseyskogo) pedagogicheskogo instituta: konteksty, fakty, lichnosti* [History of the Philological Faculty of the Lesosibirsk (Yenisei) Pedagogical Institute: Contexts, Facts, Personalities]. In *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey*. No. 6, pp. 25–32.

Semenova, E.V., Kazantseva, Ya.N. (2023). *Sokhranenie semeynykh tsennostey v istorii pedagogicheskikh dinastiy (Eniseyskogo) Lesosibirskogo pedagogicheskogo instituta s sovremennykh pozitsiy akseologicheskogo podkhoda* [Preservation of Family Values in the History of Pedagogical Dynasties of the (Yenisei) Lesosibirsk Pedagogical Institute from the Modern Standpoint of the Axiological Approach]. In *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey*. No. 14 (23), pp. 123–127.

Skridlevskaia, K.V. (2014). *Istoriya razvitiya Magadanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta v 1960-kh – pervoy polovine 1980-kh gg.* [The History of the Magadan State Pedagogical Institute in the 1960s – The First Half of the 1980s]. In *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki*. No. 31, pp. 30–50.

Solomin, V.P. (2012). *RGPU im. A.I. Gertsena – stranitsy istorii. 1956–1966 gody* [A.I. Herzen Russian State Pedagogical University – Pages of History. 1956–1966 Years]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. No. 133, pp. 8–18.

Sumburova, E.I. (2004). *Istoriya pervogo pedagogicheskogo instituta v Samare* [The History of the First Pedagogical Institute in Samara]. In *Sbornik materialov Platonovskie chteniya*. Samara, pp. 173–175.

Volkov, D.A. (2006). *Istoriya Kostromskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [The History of Kostroma State Pedagogical Institute]. In *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. Vol. 12, No. 7, pp. 71–75.

Yablokov, Yu.N. (2015). *Krasnoyarskiy uchitel'skiy institut v kontekste razvitiya vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya kraia: k 100-letiyu osnovaniya* [Krasnoyarsk Teachers' Institute in the Context of the Development of Higher Pedagogical Education in the Region: On the 100th Anniversary of Its Foundation]. In *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva (Vestnik KGPU)*. No. 3 (33), pp. 220–225.

А.С. Скрипник*

«ЛАБОРАТОРИЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ»: РОЛЬ КРЫМА
В СТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ КУРОРТОЛОГИИdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-16
УДК 94:615.834(470-924.71)

Выходные данные для цитирования:

Скрипник А.С. «Лаборатория под открытым небом»: роль Крыма в становлении советской курортологии // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 220–231.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-16.pdf>

A.S. Skripnik*

“AN OPEN-AIR LABORATORY”: CRIMEA’S ROLE
IN THE DEVELOPMENT OF SOVIET SPA MEDICINE

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-16

How to cite:

Skripnik A.S. “An Open-Air Laboratory”: Crimea’s Role in the Development of Soviet Spa Medicine // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 220–231.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-16.pdf>]

Abstract. The article examines the process of institutionalization of scientific research in the field of sanatorium-resort business in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1920s–1930s, which at that time served as an “all-Union health resort”. Based on the analysis of normative legal acts, collections of scientific papers, materials of congresses and conferences, as well as specialized periodicals, the initial stage of the formation of Soviet balneology is characterized, taking into account the influence of new socio-political and socio-economic trends. The main attention is paid to the state policy in the field of healthcare and its impact on the development of research activities in the resort and recreational sphere of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic. As a result of the analysis, it is shown that the creation of a wide network of sanatorium-resort institutions in Crimea not only required a systematic study of therapeutic factors, but also created favorable conditions for conducting clinical trials with their subsequent scientific and theoretical understanding and implementation in the practice of treatment. The article reveals the specifics of the organization of scientific work in the largest resort centers of the Crimea – Sevastopol, Yalta and Yevpatoria. In particular, the article analyzes the activities of leading research institutions, such as the I.M. Sechenov Institute of Physical Therapies and the Institute of Medical Climatology and Climatotherapy, which played an important role in developing the theoretical and practical foundations of Soviet balneology. The author concludes that during the period under review, it was Crimea that played a particularly significant role in the formation of the scientific foundations of the system of balneological research, which ensured the further development of sanatorium-resort activities in the USSR.

Keywords: sanatorium treatment, medical science, balneology, physiotherapy, climatotherapy, Crimea, USSR.

*The article has been received by the editor on 28.02.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье рассматривается процесс институционализации научных исследований в сфере санаторно-курортного дела в Крымской АССР 1920–1930-х годов, которая на тот момент выполняла роль «всесоюзной здравницы». На основе анализа нормативно-правовых актов, сборников научных трудов, материалов съез-

* Анна Станиславовна Скрипник, аспирант, Институт «Таврическая академия», Симферополь, Россия; Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, e-mail: skripnik_as@mail.ru
Научный руководитель – А.Д. Попов, кандидат исторических наук, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского.

Anna Stanislavovna Skripnik, Postgraduate Student, Taurida Academy Institute, Simferopol, Russia; V.I. Vernadsk Crimean Federal University, Simferopol, Russia, e-mail: skripnik_as@mail.ru
Scientific supervisor – A.D. Popov, Candidate of Historical Sciences, V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

дов и конференций, а также специализированной периодики, характеризуется начальный этап формирования советской курортологии с учетом влияния новых общественно-политических и социально-экономических тенденций. Основное внимание уделяется государственной политике в области здравоохранения и ее влиянию на развитие научно-исследовательской деятельности в курортно-рекреационной сфере Крымской АССР. В результате проведенного анализа показано, что создание широкой сети санаторно-курортных учреждений в Крыму не только требовало системного изучения лечебных факторов, но и создавало благоприятные условия для проведения клинических исследований с их последующим научно-теоретическим осмыслением и внедрением в практику лечения. В статье раскрываются особенности организации научной работы в крупнейших курортных центрах Крыма – Севастополе, Ялте и Евпатории. В частности, анализируется деятельность ведущих научно-исследовательских учреждений, таких как Институт физических методов лечения им. И.М. Сеченова и Институт медицинской климатологии и климатотерапии, сыгравших важную роль в разработке теоретических и практических основ советской курортологии. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период именно Крым играл особенно значимую роль в становлении научных основ системы курортологических исследований, обеспечивших дальнейшее развитие санаторно-курортной деятельности в СССР.

Ключевые слова: санаторно-курортное лечение, медицинская наука, курортология, физиотерапия, климатотерапия, Крым, СССР.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026 г.

Период 1920–1930-х годов характеризовался радикальными трансформациями в отечественном санаторно-курортном деле, что в максимальной степени затронуло Крым – на тот момент наиболее популярный туристско-рекреационный регион страны. Если в период существования Российской империи санаторное лечение и курортная рекреация были доступны преимущественно высшим слоям общества, то с установлением советской власти начинается масштабный революционный эксперимент по «пролетаризации» курортов, связанный с тотальной национализацией соответствующей инфраструктуры, централизацией управления санаторно-курортным делом, доминированием классового подхода в отборе претендентов на лечение и оздоровление¹. Этот масштабный социальный проект требовал не только соответствующей инфраструктуры, материально-технического и кадрового обеспечения, но и создания прочного научного фундамента. Актуализировался запрос на более активное, по сравнению с дореволюционным периодом, исследование лечебных свойств Крымского полуострова и их скорейшее использование в практической деятельности. В результате регион превращается в своеобразный «полигон» курортологических исследований преимущественно в области климатотерапии (Южный берег Крыма), физиотерапии (Севастополь) и грязелечения (Западный Крым), в то время как лечебные возможности минеральных вод в большей степени использовались на Кавказе², являвшемся еще одним претендентом на статус главной всесоюзной здравницы. Цель данной статьи – на основе широкого круга исторических источников, включающего нормативно-правовые акты, сборники научных трудов и специализированную периодику, материалы профильных съездов и конференций, охарактеризовать процесс становления курортологии как направления советской медицинской науки в Крыму межвоенного периода.

Несмотря на устойчивый интерес к истории крымских курортов, изучение процесса институализации именно научных исследований в 1920–1930-е годы требует дополнительных исследований. Зачастую работы по рекреационно-санаторному делу на территории полуострова лишь вскользь упоминают проводившиеся исследования на полуострове или рассмат-

¹ Подробнее см.: Попов А.Д., Скрипник А.С. Курортная революция: планы и реалии создания «пролетарской здравницы» в Крыму (1920–1925) // Российская история. 2025. № 5. С. 79–95.

² Семашко Н.А. Перспективы строительства государственных курортов Крыма // Крым. 1927. № 2. С. 5–6.

ривают отдельные элементы этой системы. Так, например, существует ряд современных статей сотрудников Академического научно-исследовательского института физических методов лечения, медицинской климатологии и реабилитации (АНИИ) им. И.М. Сеченова, посвященных становлению и развитию фтизиатрического института в Ялте³. Отдельного внимания заслуживает монография А.В. Колесника «Очерки по истории фтизиатрии Крыма», комплексно рассматривающая ретроспективу лечения туберкулеза легких в Крыму⁴. Также существуют работы, посвященные врачам, внесшим значительный вклад в становление отдельных направлений лечения на курортах. В 2013 г. вышла коллективная монография о жизни и профессиональной деятельности профессора А.Е. Щербака, работавшего в качестве директора с 1914 г. сначала Романовского института физических методов лечения, а в дальнейшем – Государственного научно-исследовательского института физических методов лечения им. И.М. Сеченова⁵. Следует упомянуть также исследование о ялтинском периоде работы профессора М.С. Доброхотова, заложившего медицинские основания лечения неврозов на Южном берегу Крыма⁶, и статью «Исторические аспекты моделирования эффектов физических и природных лечебных факторов при профильной для курортов патологии в крымской курортологической школе» коллектива авторов, содержащую ретроспективный анализ методов лечения крымской курортологической школы в конце XIX – XX вв.⁷ Таким образом, наблюдается фрагментарность исследований, посвященных становлению научных исследований курортологии на территории Крыма: отсутствуют работы, рассматривающие значение и влияние Всекрымских научно-врачебных курортных конференций, специализированных периодических и монографических изданий 1920–1930-х годов.

По идеологическим соображениям своеобразным «мифом основания» курортного дела на территории Крымского полуострова в советский период принято было считать подписанный лично В.И. Лениным декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1920 г. «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». Однако в нем содержались лишь политические декларации о создании «пролетарской здравницы» и краткий перечень необходимых мероприятий организационно-хозяйственного характера без какой-либо конкретики по содержанию курортного лечения и его кадрового обеспечения⁸. В то же время основные принципы функционирования и использования «лечебных местностей»⁹ к моменту установления советской власти в Крыму (ноябрь 1920 г.) уже были первично закреплены в советском нормативно-правовом поле благодаря декрету СНК РСФСР от 20 марта 1919 г. «О лечебных местностях общегосударственного значения». В этом документе говорилось о безусловной национализации и передаче в сферу ответственности Народного комиссариата здравоохранения (Наркомздрава) РСФСР всего, что составило базу последующего развития курортного дела: источ-

³ Губин Ю.Л., Ежов В.В., Мизин В.И., Дудченко Л.Ш., Пьянков А.Ф. Организация научной фтизиатрической школы Южного берега Крыма (к 100-летию основания Ялтинского клинического туберкулезного института) // Вестник физиотерапии и курортологии. 2022. Т. 26, № 3. С. 94–100; Губин Ю.Л., Мизин В.И., Пьянков А.Ф., Ярош А.М., Ежов В.В., Евстафьева Е.В., Дудченко Л.Ш., Царев А.Ю., Северин Н.А. История «Академического научно-исследовательского института физических методов лечения, медицинской климатологии и реабилитации имени И.М. Сеченова» и его роль в развитии медицинской науки // Вестник физиотерапии и курортологии. 2024. Т. 30, № 3. С. 22–33.

⁴ Колесник А.В. Очерки по истории фтизиатрии Крыма (История возникновения и становления фтизиатрии в Крыму). Симферополь, 2005. 269 с.

⁵ Профессор Александр Щербак (1863–1934) – основоположник отечественной научной физиотерапии (к 150-летию со дня рождения). Ялта, 2013.

⁶ Ежов В.В., Ежов А.В., Манышев С.Б., Манышева К.Б. Профессор Михаил Доброхотов – инициатор лечения неврозов на Южном берегу Крыма // Вестник физиотерапии и курортологии. 2020. Т. 26, № 4. С. 103–110.

⁷ Мизин В.И., Янковский Т.С., Моик А.В., Козлов К.А., Александров С.В., Сыроватка И.А. Исторические аспекты моделирования эффектов физических и природных лечебных факторов при профильной для курортов патологии в крымской курортологической школе [Электронный ресурс] // Современные вопросы биомедицины. 2019. Т. 3, № 3. С. 74–83. URL: <https://svbskfmba.ru/arkhiv-nomerov/2019-3/mizin-v-i-yanovskij-t-s> (дата обращения: 18.02.2026).

⁸ Декрет СНК «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» (21 декабря 1920 г.) // Декреты Советской власти. М., 1986. С. 59–61.

⁹ После начала Первой мировой войны использование заимствованного из немецкого языка термина «курорт» (Kurort) резко сократилось и до начала 1920-х годов чаще употреблялось понятие «лечебная местность».

ников минеральных вод и лечебных грязей, солено-озерных, лиманных и морских купаний, климатических и горных станций, а также объектов кумысолечения¹⁰.

На протяжении межвоенного периода в Крыму эта сфера деятельности, опирающаяся преимущественно на природно-климатические ресурсы, за счет постоянного притока нуждающихся в курортном лечении и рекреационном оздоровлении постепенно приобретает черты научно обоснованной системы. Формируются перечни показаний и противопоказаний, алгоритмы и режимы лечебно-оздоровительных процедур, критерии эффективности и методы контроля результатов, а сами санаторно-курортные практики становятся более дифференцированными в зависимости от сезонности и контингента здравниц. Институционализация курортологических исследований в 1920–1930-е годы шла одновременно по нескольким направлениям, важнейшими среди которых являлись: создание специализированных институтов, сочетающих в своей деятельности теорию и практику курортологии; проведение курортных съездов и конференций; издание научной и научно-справочной литературы, а также специализированной периодики.

Ключевыми исторически сложившимися центрами становления курортологии на Крымском полуострове в рассматриваемый период являлись прежде всего Севастополь и Ялта. Романовский институт физических методов лечения (ИФМЛ) в Севастополе был открыт 12 мая 1914 г. и уже спустя несколько месяцев стал активно заниматься физической реабилитацией российских военнослужащих, получивших ранения в ходе боевых действий Первой мировой войны. С 1921 г. это учреждение стало государственным институтом и было названо в честь выдающегося российского физиолога И.М. Сеченова. В первой половине 1920-х годов в ИФМЛ действовали клиническое отделение нервных и внутренних болезней, бальнеологическое, гидротерапевтическое, фототерапевтическое, ингаляторное, массажное, грязелечебное, климатотерапевтическое отделения и ряд научных лабораторий¹¹. Об активности исследований в данном учреждении может свидетельствовать тот факт, что его представители составили треть от общего числа докладчиков на состоявшемся 23–27 мая 1925 г. в Ленинграде 1-м Всесоюзном съезде физиотерапевтов¹². Деятельность Института физических методов лечения им. И.М. Сеченова находилась на стыке клиники, экспериментальной базы и курортной инфраструктуры, что делало его удобным для развития физиотерапии, поскольку физические методы лечения требуют аппаратуры, методик, протоколов и обучения врачей, выработка которых формировала определенную исследовательскую культуру. Таким образом, в межвоенный период именно Севастополь¹³ дает Крыму «техническую» ветвь курортной науки – физиотерапию и физические методы лечения как направления, требующего клинической проверяемости и научной дисциплины. Это подкрепляло механистические нарративы, согласно которым в рассматриваемый период курорты назывались «ремонтными мастерскими» здоровья трудящихся¹⁴. Помимо чисто научных изысканий, институт выполнял важнейшую функцию учебно-методического центра для всей курортной сети Крыма. Уже с 1925 г. под руководством профессора А.Е. Щербака здесь были возобновлены систематические курсы по усовершенствованию врачей и среднего медперсонала в области физиотерапии и курортологии. К 1941 г. подготовку в стенах института прошли свыше 1 200 врачей и 1 500 медицинских сестер. Научные кадры, подготовленные Щербаком (профессора А.Я. Фирзон, Б.В. Лихтерман, И.Я. Брук и др.), обеспечивали преемственность знаний и активно внедряли новые методы в практику здравниц Южного берега Крыма, Сак

¹⁰ Попов А.Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. Симферополь, 2019. С. 11–12.

¹¹ Губин Ю.Л., Мизин В.И., Пьянков А.Ф., Ярош А.М., Ежов В.В., Евстафьева Е.В., Дудченко Л.Ш., Царев А.Ю., Северин Н.А. История «Академического научно-исследовательского института физических методов лечения, медицинской климатологии и реабилитации имени И.М. Сеченова»... С. 23–24.

¹² См.: Труды 1-ого Всесоюзного съезда физиотерапевтов. Ленинград 23–27 мая 1925 г. / под ред. проф. С.А. Бруштейна. Ленинград, 1925. 412 с.

¹³ После окончания Великой Отечественной войны ИФМЛ был переведен из Севастополя в Ялту, где продолжает функционировать до настоящего времени.

¹⁴ Семашко Н.А. Что такое курорты СССР // Красная нива. 1925. № 15–16. С. 353.

и Евпатории. Таким образом, ИФМЛ стал научно-методологическим центром, который обеспечивал технологическую и доказательную базу для развития всего курортного комплекса Крыма, превращая его из места отдыха в территорию научно обоснованного лечения¹⁵.

Параллельно в Ялте формируется второй центр научных исследований – Клинический туберкулезный институт, а с 1924 г. – Государственный туберкулезный институт при Главном курортном управлении Наркомздрава РСФСР. Профилизация данного института объяснялась тем, что именно лечение туберкулеза легких (чахотки) у взрослых и детей являлось основной специализацией курортов Южного берега Крыма в дореволюционный период¹⁶. В 1931 г. путем объединения Института с Ялтинским климато-физиатрическим лечебным институтом им. Н.А. Семашко образуется Государственный институт медицинской климатологии и климатотерапии (ГИМКиК)¹⁷. Если Севастополь стал центром фтизиатрии и физических методов лечения, то Ялта – климатологии. Это следует из задач изучения, стоявших перед сотрудниками ГИМКиК: особенности лечения туберкулеза в условиях Южного берега Крыма, разработка климато-двигательных режимов и методов климатолечения, изучение воздействия природных факторов на организм человека и др. Кроме того, с целью исследования и лечения туберкулеза на базе Института на постоянной основе проводились хирургические операции, а также разрабатывались новые неоперационные методы лечения легких¹⁸. В то же время изучение санаторно-курортного использования минеральных вод было сконцентрировано на Кавказе – главным научным институтом данного профиля являлся функционировавший в Пятигорске Центральный бальнеологический институт¹⁹.

Говоря о научных исследованиях в целом, нельзя забывать о важном элементе этой деятельности, которая проявляется через профессиональную коммуникацию путем проведения съездов и конференций, выполнявших несколько важнейших функций: координацию научных исследований, унификацию методик лечения, обобщение накопленного опыта и определение стратегических направлений развития курортной отрасли. На всероссийском (а в дальнейшем и всесоюзном уровне) поднимались как общие вопросы, так и представлялись результаты региональных исследований. Уже в феврале 1921 г. Наркомздравом РСФСР проводится первый Съезд по курортному делу, в том числе направленный на поиск эффективных форм реализации положений декретов советских органов власти от 4 апреля 1919 г. и 21 декабря 1920 г. Основной темой повестки дня стали организационные вопросы курортно-рекреационного строительства, а также первые результаты медицинских исследований, проведенных на курортах в советский период. Например, в рамках съезда были представлены доклады доктора С.П. Розанова «Организация санитарной охраны курортов общегосударственного значения» и заведующего гидротехническим подотделом технического отдела Наркомздрава Н.А. Самойлова «По вопросу курортного строительства». Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет доклад И.А. Богашева «Организация научных институтов для изучения курортного дела», в котором автор делает акцент на необходимости систематизации исследований, которые проводились на курортах. Для этого докладчик предложил создать систему институтов, объединенных общим центром при Наркомздраве. В рамках рассмотрения институализации научных исследований в Крыму необходимо отметить, что Богашев в своем докладе одним из мест для развития сети институтов рассматривал Севастополь, в котором предлагал создать новый Физиатрический институт²⁰, но в итоге была возобновлена деятельность ИФМЛ.

¹⁵ Профессор Александр Щербак (1863–1934) – основоположник отечественной научной физиотерапии... С. 74.

¹⁶ Колесник А.В. Очерки по истории фтизиатрии Крыма...

¹⁷ Яновский Т.С., Ежов В.В., Мизин В.И., Дудченко Л.Ш., Пьянков А.Ф. Исторические этапы развития Ялтинской научной фтизиатрической школы: к 100-летию основания Ялтинского клинического туберкулезного института [Электронный ресурс] // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2022. № 2. С. 20. URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/233/209> (дата обращения: 18.02.2026).

¹⁸ Губин Ю.Л., Ежов В.В., Мизин В.И., Дудченко Л.Ш., Пьянков А.Ф. Организация научной фтизиатрической школы Южного берега Крыма... С. 96.

¹⁹ Кузнецова Л.А. Курортное строительство в 1920–1950-е годы: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории. 2014. Вып. 12. С. 255.

²⁰ Съезд по курортному делу 10–16 февраля 1921 г.: положения к докладам. М., 1921. С. 39–41.

За период с 1921 по 1929 г. состоялось шесть курортных съездов, посвященных научно-организационным вопросам развития курортного дела, а в период между ними функционировало Центральное научное совещание по курортному делу при Отделе лечебных местностей Наркомздрава²¹. Это оказывало существенное влияние на положение дел в Крыму, поскольку крымские научные институты курортологического профиля и действующая в регионе сеть здравниц развивались в рамках общероссийских (позже – общесоюзных) тенденций и на основе централизованно утвержденных стандартов.

Важной вехой в развитии курортного дела на территории Крымской АССР становится 1924 год, когда начали проводиться Всекрымские научно-врачебные курортные конференции. Эти регулярные мероприятия объединяли врачей и курортологов, работавших в разных регионах Крыма, заложив прочную основу научного подхода к санаторно-курортному лечению. На конференциях обсуждались вопросы медицинской эффективности природных ресурсов полуострова и климата, разрабатывались показания и противопоказания для отправки на курорт больных. Эти конференции обычно проводились в конце лета (за исключением восьмой конференции, которая состоялась 2–5 октября 1930 г.) и во многом представляли подведение итогов курортного сезона с научной точки зрения. Организатором этих конференций выступал Научный курортный совет при Управлении курортами «Евпатория – Саки», но активное участие в нем принимали также представители других курортов страны²². Таким образом, на территории Крыма начинает функционировать площадка для обмена опытом и формирования регионального научно-экспертного сообщества.

Отдельно необходимо отметить взаимосвязь исследований и государственного управления в сфере курортного строительства. В этом вопросе ярким примером является развитие Евпатории как детского курорта. В рамках V курортного съезда 1925 г. впервые поднимается вопрос о выведении на новый уровень организации курортной помощи детям, причем приоритетным местом для этого на основе целого комплекса факторов определяется Евпатория. Уже в 1926 г. на страницах журнала «Крым» выходит статья доктора С.И. Черкеса «К вопросу о значении Евпатории как курорта в государственном масштабе», где автор анализирует положение города и совокупность лечебных факторов для развития курорта, в том числе для лечения детей. Один из итогов его исследований был в понимании необходимости проведения исследования лечения детей в Евпатории²³.

Вопросы детской курортологии становятся профильными для значительного количества здравниц этого курортного города, но количество детских койко-мест в евпаторийских здравницах росло достаточно медленными темпами, особенно в первые годы советской власти, когда основной акцент делался на курортном лечении за государственный счет рабочих и крестьян, непосредственно задействованных в производстве. Если в период с 1921 по 1929 г. на Евпаторийском курорте количество детских коек варьировалось от 5 до 26 %, то с 1930 по 1935 г. этот показатель уже находился в диапазоне от 26 до 48 %, что обуславливало и тематику научных исследований. Так, в трудах научного совета курортного треста «Евпатория как курорт» (1931) публикуются статьи профессора П.С. Медовикова «Конституциональные особенности ребенка и характеристика их изменений под влиянием климата Евпатории (по данным санатория “X-летия Октября”» и доктора Н.М. Дмитриева «Лечение детей в Евпатории, его рационализация и перспективы»²⁴. Это был результат как совокупности природных факторов Евпатории для лечения детей, так и научных исследований, проводившихся врачами санаториев и исследовательских организаций. На состоявшемся 15–23 января 1935 г. XVI Всероссийском съезде Советов было принято решение об откры-

²¹ Кузнецова Л.А. Курортное строительство в 1920–1950-е годы... С. 253.

²² Евпатория, как курорт [1920–1930] = Евпатория курорт: Пути развития курорта, изуч. курортно-лечебных факторов и применение их в санаторно-курортном деле. [Симферополь], 1931. С. 21.

²³ Черкес С.И. К вопросу о значении Евпатории, как курорта, в государственном масштабе // Крым. 1926. № 2. С. 152–154.

²⁴ Евпатория, как курорт [1920–1930] = Евпатория курорт... С. 249–274.

тии к 1936 г. образцового детского курорта²⁵. С целью систематизации работы по развертыванию детского курорта на территории Евпатории в августе 1935 г. проводится Председательская конференция по вопросам курортотерапии детских заболеваний. В открывающей конференции докладе профессора А.К. Шенка «О постановке санаторно-курортной помощи детям в СССР» была отмечена ненормальность ситуации, когда детские санатории возникали стихийно в не приспособленных специально для этого помещениях, что оказывало негативное влияние на практические результаты их деятельности. Среди других выступлений выделяется тематика организации педагогической работы на курорте, обеспечивающей возможность круглогодичной работы без привязки к школьным каникулам (доклады А.М. Икрянской «К вопросу о постановке педагогической работы в детских санаториях евпаторийского курорта» и Л.Г. Цвангера «Принципы постановки учебно-воспитательной работы в лечебных учреждениях для костно-туберкулезных больных»)²⁶. Таким образом, к концу 1930-х годов Евпатория превращается в ведущий научно-практический центр детской курортологии, где лечение строилось на фундаменте клинических исследований и педагогических методик, хотя полноценная реализация многих амбициозных планов в этом направлении была прервана летом 1941 г. в связи с началом Великой Отечественной войны.

С 1923 г. под эгидой Главного курортного управления Наркомздрава РСФСР издавался журнал «Курортное дело», который в последующие десятилетия носил также названия «Курортно-санаторное дело», «Курорты, физиотерапия и рабочий отдых», «Курортология и физиотерапия», «Вопросы курортологии», а с 1955 г. – «Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры». Журнал выходил ежемесячно и включал статьи по следующим разделам: научный (вопросы бальнеологии, физиотерапии, геологии, гидро-техники, кумысолечения и т.д.); социально-организационный (управление курортами, отбор и размещение больных, культурно-просветительская деятельность и др.); лечебный (лечебное дело на курортах); благоустройство курортов (санитарно-техническое строительство, внешнее благоустройство, вопросы законодательства); описание курортов, информационные сведения и хроника²⁷. Уже в первом номере был опубликован список из наиболее авторитетных ученых и практиков, приглашенных редакцией к сотрудничеству, среди которых были работавшие в Крыму П.А. Двойченко, А.А. Дзевановский, С.С. Салазкин, Л.С. Туркельтауб, М.Е. Уваров, А.Н. Шенк (Симферополь), А.Г. Щербак (Севастополь), А.Е. Вартминский, Н.Н. Васильевский, Н.А. Зевакин (Ялта), П.В. Изергин (Симеиз). В этом же номере была опубликована статья А.П. Павлова «Значение Восточного Крыма в развитии курортного дела и экскурсий, как средства усиливающего благотворное влияние курортов», где проанализированы географические, природные и климатические условия Восточного Крыма для развития здесь курортной отрасли. В дальнейшем на страницах журнала регулярно находила отражение крымская тематика. Например, в одном из номеров 1927 г. была помещена статья В. Сапожникова «Водоснабжение Алушкинского курортного района», где автор анализирует поступление воды к курортным учреждениям, качество этой воды и меры, предпринимаемые по улучшению водоснабжения²⁸.

Кроме того, определенным аспектам санаторно-рекреационной деятельности были посвящены статьи в журналах более широкой тематики. В частности, особый интерес представляют публикации в журнале «Крым», издаваемом в период с 1925 по 1929 г. Российским обществом по изучению Крыма (РОПИК). Всего вышло 10 выпусков журнала, в результате просмотра номеров которого было выявлено 8 статей, посвященных курортам Крыма²⁹. В работе Д.М. Российского «Лечебное значение Мисхора» проводится анализ влияния

²⁵ По докладу Народного комиссариата здравоохранения РСФСР о работе и задачах в области народного здравоохранения РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1935 г. № 1-23. М., 1935. С. 101.

²⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-8042. Оп. 1. Д. 24. Л. 1, 7.

²⁷ Редакция. «Курортное дело» // Курортное дело. 1923. № 1. С. 3–4.

²⁸ Сапожков В. Водоснабжение Алушкинского курортного района // Курортное дело. 1927. № 4. С. 70–73.

²⁹ Подробнее см.: Скрипник А.С. Туризм и курортное дело на страницах журнала «Крым» // Ad fontes – 'Επί τὰς πηγὰς: исторические источники и их исследователи. Симферополь, 2024. С. 149.

совокупности лечебных факторов курорта на больных с различными заболеваниями³⁰. Статья Г.И. Когана «Влияние гелиотерапии на физико-химический морфологический состав крови и некоторые функции организма на Южном берегу Крыма» подводит итоги исследований, проводившихся на базе санатория «Дельфин» в Симеизе, где анализируется влияние солнечного света на кровь пациентов. При этом автор говорит о необходимости проведения дополнительных исследований для формирования более полной картины³¹.

Активно публиковались научные и научно-популярные исследования, связанные с деятельностью курортов Западного Крыма. С начала 1930-х годов научным советом курортного треста общегосударственного знания «Евпатория–Саки» издавались сборники научных трудов «Евпатория – курорт: Acta Eupatorica», где значительная часть статей была посвящена организационным вопросам деятельности курортов, исследованию лечебных свойств местности и их влиянию на лечение больных³². Отдельно был издан научно-популярный очерк А.С. Соркина «Евпатория как курорт», содержащий сведения о ресурсах курорта, где особое внимание уделяется грязелечению, его видам и технике, а также показания и противопоказания для лечения в Евпатории³³. В 1939 г. был издан научно-популярный очерк В.Д. Поплавского «Лечение в Мойнаках», где автор предоставляет сведения о лечении разных заболеваний в грязелечебнице, раскрывает суть этого вида лечения, а также отдельный блок посвящает комбинированию лечения грязями с другими курортными факторами и физиотерапевтическими методами³⁴. По деятельности курорта Саки в 1930-е годы печатался сборник материалов изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района «Саки – курорт». Всего вышло три выпуска – в 1935, 1938 и 1941 гг., причем каждый из них содержал статьи по медицинским вопросам. Например, в первом выпуске были опубликованы такие статьи, как «Показания и противопоказания к грязелечению на Государственном курорте Саки» (Г.Ф. Мейер), «К вопросу о лечении в Саках болезней обмена веществ» (А.В. Каминская)³⁵; во втором – «Показания и противопоказания к грязелечению хирургических и артрологических больных в Саках» (Г.А. Рейнберга)³⁶; в третьем – «Общее и местное грязелечение» (С.С. Налбандов)³⁷.

Лечебно-рекреационному потенциалу Крыма и его использованию в 1920–1930-е годы были посвящены многочисленные работы советского ученого, бальнеолога и курортолога Л.Г. Гольдфайля. Он был автором не только ряда практических пособий для медицинских работников курортов («Санитарный минимум на курортах, в санаториях и домах отдыха»³⁸, «Лечение водой дома, на курорте и в лечебном учреждении»³⁹ и др.), но и очень подробных справочников по отдельным курортным местностям. Например, подготовленное под редакцией Л.Г. Гольдфайля в 1927 г. издание «Евпатория – Саки: курортный справочник» включало подробное описание научной работы на курорте, проведенной местными кадрами, включая сравнительный анализ климата, химический анализ рапы Мойнакского озера, сведения о влиянии различных природно-климатических факторов на организм человека, перечни показаний и противопоказаний для направления на курорт⁴⁰. Среди важных публи-

³⁰ Российский Д.М. Лечебное значение Мисхора // Крым. 1925. № 1. С. 16–18.

³¹ Коган Г.И. Влияние гелиотерапии на физико-химический морфологический состав крови и некоторые функции организма на Южном берегу Крыма // Крым. 1927. № 1 (3). С. 145–156.

³² Иориш Д.С., Волович Г.О. К десятилетию Евпатории как советского курорта // Евпатория, как курорт [1920–1930] = Евпатория курорт... С. 2–3.

³³ Соркин А.З. Евпатория как курорт: научно-популярный очерк. [Симферополь], [1935]. 43 с.

³⁴ Поплавский В.Д. Лечение в Мойнаках. Грязелечебница в Евпатории: научно-популярный очерк. Симферополь, 1939. 37 с.

³⁵ Саки – курорт: материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района. Симферополь, 1935. С. 323–328, 363–369.

³⁶ Саки – курорт: материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района. Симферополь, 1938. С. 89–99.

³⁷ Саки – курорт: материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района. Симферополь, 1941. С. 10–15.

³⁸ Гольдфайль Л.Г. Санитарный минимум на курортах, в санаториях и домах отдыха. М.; Л., 1931. 29 с.

³⁹ Гольдфайль Л.Г. Лечение водой дома, на курорте и в лечебном учреждении. М.; Л., 1930. 12 с.

⁴⁰ Евпатория – Саки: Курортный справочник / Л.Г. Гольдфайль, Я. Л. Гроссман; с вступит. статьями проф. А.К. Шенка и проф. С.С. Налбандова. М., 1927. С. 22, 24, 29–30, 33–38.

каций рассматриваемого периода следует также выделить обобщающую работу авторства А.К. Шенка, посвященную разным лечебным ресурсам полуострова, «Природные целебные силы Крыма». Автор не только дает подробные сведения о климате, гелеотерапии, лечении солнцем и грязями, но и рассматривает вопросы виноградолечения, лечения фруктами и кумысолечения. Отдельное внимание Шенк уделяет полезным ископаемым и лекарственным растениям, которые возможно применять в санаторно-курортном лечении⁴¹.

В 1932 г. вышел очерк В.П. Антонова «Климат и курорты Южного берега Крыма», представляющий собой комплексную работу на стыке климатологии, курортологии и краеведения, которая обосновывала ценность крымского побережья как лечебной местности⁴². Параллельно с этой работой был издан сборник научных трудов государственных курортов Южного берега Крыма «Климатотерапия на курортах Южного берега Крыма», посвященный юбилею развития советских государственных курортов ЮБК. В сборник вошли статьи ведущих врачей курорта, среди которых можно выделить статью профессора П.Г. Мезерницкого «Микроклиматические варианты южного берега Крыма и Французско-Итальянской Ривьеры и их терапевтическая ценность», в которой проводится сравнение лечения больных на двух схожих по климату курортах мира на основе исследований, проводившихся в Крыму, и зарубежных трудов⁴³. Работа автора интересна стремлением показать преимущества Ялты по отношению к едва ли не самым известным в тот период европейским приморским курортам. Необходимо отметить и вошедшую в сборник статью метеоролога К.И. Рябоконова «Синоптическое положение и климатические варианты в нормально-теплые и аномально-холодные зимы за 50 лет на южном берегу Крыма», что еще раз подтверждает междисциплинарный характер курортологических исследований. Целью представленного материала является анализ типов зим южного побережья Крымского полуострова, их изменчивость в период с 1869 по 1930 г. для дальнейших исследований в области климатотерапии⁴⁴.

Внимание к вопросам климата не было случайным. В 1920–1930-е годы особенно актуализировался вопрос круглогодичного функционирования основных крымских курортов. В частности, в 1932 г. издается очерк Я.А. Керцмана «Южный берег Крыма как зимний курорт», автор которого утверждал, что местный климат является наиболее благоприятным для лечения туберкулеза легких именно в зимнее время года⁴⁵. О климате южного побережья необходимо выделить еще один сборник – «Климатотерапия на Ю.Б.К.» издания ГИМКиК. Это коллективная комплексная работа сотрудников ялтинского института, которая посвящена и анализу климата, и исследованию методов лечения, включая не только климатические факторы. Среди работ, представляющих наибольший интерес, выделяется исследование И.Н. Герасимова, посвященное хронаксии при воздушных и солнечных ваннах и морских купаниях, где анализируется новая для климатотерапии методика лечения с применением тока. Ряд статей в сборнике посвящен вопросам лечения заболеваний желудка, кишечника и почек виноградным соком. Уникальная статья представлена в финале сборника – «Сравнительное изучение смертности от туберкулеза легких по сезонам» С.М. Шебашевича, в которой приводится сравнительный анализ смертности от заболевания в Костроме и Ялте на основе собранных за разные периоды данных⁴⁶.

⁴¹ Шенк А.К. Природные целебные силы Крыма. [Симферополь], [1933]. 212 с.

⁴² Антонов В.П. Климат и курорты Южного берега Крыма. Очерк. Ялта, 1932. 88 с.

⁴³ Мезерницкий П.Г. Микроклиматические варианты южного берега Крыма и Французско-Итальянской Ривьеры и их терапевтическая ценность // Климатотерапия на курортах Южного берега Крыма: К десятилетию развития советских Государственных курортов Южного берега Крыма / отв. ред. Е.В. Прохорович; предисл. редком. А.Е. Лейбензон. [Симферополь], [1932]. С. 13–103.

⁴⁴ Рябоконов К.И. Синоптическое положение и климатические варианты в нормально-теплые и аномально-холодные зимы за 50 лет на южном берегу Крыма // Климатотерапия на курортах Южного берега Крыма: К десятилетию развития советских Государственных курортов Южного берега Крыма / отв. ред. Е.В. Прохорович; предисл. редком. А.Е. Лейбензон. [Симферополь], [1932]. С. 171.

⁴⁵ Керцман Я.А. Южный берег Крыма как зимний курорт. Симферополь, 1932. 27 с.

⁴⁶ Климатотерапия на Ю.Б.К.: сборник посвящается 35-летию науч. и пед. деят. и 10-летию науч. рук. на Ю.Б.К. проф. П.Г. Мезерницкого. Ялта, 1936. С. 171–186, 291–293.

В целом направления курортологических исследований в первые десятилетия советской власти были преемственны исследованиям, начатым еще в дореволюционный период⁴⁷. Однако иногда появлялись действительно инновационные, зачастую междисциплинарные исследования. Так, летом – осенью 1927 г. на Южном берегу Крыма произошла серия сильных землетрясений, ставших неожиданным природным вызовом непреодолимой силы для стремительно развивающейся «Красной Ниццы»⁴⁸. В результате появились оригинальные научные публикации, находящиеся на стыке курортологии, сейсмологии, геологии, архитектуры и инженерии (вопросы сейсмостойкого строительства), а также социальной психологии⁴⁹.

Таким образом, советское курортное дело 1920–1930-х годов выстраивалось в логике социальной пользы: восстановление трудоспособности, профилактика, снижение заболеваемости, рациональное использование природных ресурсов. В связи с этим санаторно-курортная сфера неизбежно требовала конкретности, доказательности, верифицируемости лечебно-рекреационного эффекта, что актуализировало и активизировало научные исследования. Институционализация курортологии для Крыма как «всесоюзной здравницы» была необходимостью, поскольку без устойчиво функционирующих институтов невозможно было воспроизводить методики и готовить новые медицинские кадры для здравниц, без курортных съездов, научных конференций, журналов и сборников – обмениваться опытом, унифицировать терминологию, определять перспективы дальнейшей деятельности на рубеже различных междисциплинарных направлений. Именно поэтому развитие курортологии в Крыму межвоенного периода приобрело целенаправленный характер, обеспечив значительный вклад региона в становление этого направления советской науки.

Литература

Губин Ю.Л., Ежов В.В., Мизин В.И., Дудченко Л.Ш., Пьянков А.Ф. Организация научной фтизиатрической школы Южного берега Крыма (к 100-летию основания Ялтинского клинического туберкулезного института) // Вестник физиотерапии и курортологии. 2022. Т. 28, № 3. С. 94–100.

Губин Ю.Л., Мизин В.И., Пьянков А.Ф., Ярош А.М., Ежов В.В., Евстафьева Е.В., Дудченко Л.Ш., Царев А.Ю., Северин Н.А. История «Академического научно-исследовательского института физических методов лечения, медицинской климатологии и реабилитации имени И.М. Сеченова» и его роль в развитии медицинской науки // Вестник физиотерапии и курортологии. 2024. Т. 30, № 3. С. 22–33.

Ежов В.В., Ежов А.В., Манышев С.Б., Манышева К.Б. Профессор Михаил Доброхотов – инициатор лечения неврозов на Южном берегу Крыма // Вестник физиотерапии и курортологии. 2020. Т. 26, № 4. С. 103–110.

Колесник А.В. Очерки по истории фтизиатрии Крыма (История возникновения и становления фтизиатрии в Крыму). Симферополь, 2005. 269 с.

Кузнецова Л.А. Курортное строительство в 1920–1950-е годы: вопросы организации и управления // Труды Института российской истории. 2014. Вып. 12. С. 244–262.

Мизин В.И., Янковский Т.С., Моик А.В., Козлов К.А., Александров С.В., Сыроватка И.А. Исторические аспекты моделирования эффектов физических и природных лечебных факторов при профильной для курортов патологии в крымской курортологической школе [Электронный ресурс] // Современные вопросы биомедицины. 2019. Т. 3, № 3. С. 74–83. URL: <https://svbskfmba.ru/arkhiv-nomerov/2019-3/mizin-v-i-yanovskij-t-s> (дата обращения: 18.02.2026).

Попов А.Д. Всесоюзная здравница: история туризма и курортного дела Крыма в 1920–1980-е годы. Симферополь: Антиква, 2019. 272 с.

⁴⁷ Попов А.Д., Скрипник А.С. Курортная революция... С. 80–82.

⁴⁸ Попов А.Д. Всесоюзная здравница... С. 35–44.

⁴⁹ Черноморские землетрясения 1927 года и судьбы Крыма / П.И. Голландский, П.А. Двойченко, А.И. Маркевич и др. [Симферополь], 1928. С. 74–76; 99–112.

Попов А.Д., Скрипник А.С. Курортная революция: планы и реалии создания «пролетарской здравницы» в Крыму (1920–1925) // Российская история. 2025. № 5. С. 79–95.

Профессор Александр Щербак (1863–1934) – основоположник отечественной научной физиотерапии (к 150-летию со дня рождения): научно-биографический очерк / под ред. В.В. Ежова, Г.Н. Пономаренко. Ялта, 2013. 135 с.

Скрипник А.С. Туризм и курортное дело на страницах журнала «Крым» // Ad fontes – 'Ελὶ τὰς πηγὰς: Исторические источники и их исследователи. Симферополь: Антиква, 2024. С. 148–155.

Яновский Т.С., Ежов В.В., Мизин В.И., Дудченко Л.Ш., Пьянков А.Ф. Исторические этапы развития Ялтинской научной фтизиатрической школы: к 100-летию основания Ялтинского клинического туберкулезного института // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2022. № 2. С. 18–30. URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/233/209> (дата обращения: 18.02.2026).

References

Ezhov, V.V., Ezhov, A.V., Manyshev, S.B., Manysheva, K.B. (2020). Professor Mikhail Dobrokhотов – initiator of treatment of neuroses on the Southern Coast of Crimea [Professor Mikhail Dobrokhотов – initiator of treatment of neuroses on the Southern Coast of Crimea]. In *Vestnik fizioterapii i kurortologii*. Vol. 26, No. 4, pp. 103–110.

Ezhova, V.V., Ponomarenko, G.N. (Eds.). (2013). *Professor Aleksandr Shcherbak (1863–1934) – osnovopolozhnik otechestvennoy nauchnoy fizioterapii (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya): nauchno-biograficheskiy ocherk* [Professor Alexander Shcherbak (1863–1934) – The Founder of Russian Scientific Physiotherapy (On the 150th Anniversary of His Birth): A Scientific and Biographical Essay]. Yalta. 135 p.

Gubin, Yu.L., Ezhov, V.V., Mizin, V.I., Dudchenko, L.Sh., P'yankov, A.F. (2022). Organizatsiya nauchnoy ftiziatricheskoy shkoly Yuzhnogo berega Kryma (k 100-letiyu osnovaniya Yaltinskogo klinicheskogo tuberkuleznogo instituta) [Organization of the Scientific Phthisiatric School of the Southern Coast of Crimea (On the 100th Anniversary of the Yalta Clinical Tuberculosis Institute)]. In *Vestnik fizioterapii i kurortologii*. Vol. 28, No. 3, pp. 94–100.

Gubin, Yu.L., Mizin, V.I., P'yankov, A.F., Yarosh, A.M., Ezhov, V.V., Evstaf'eva, E.V., Dudchenko, L.Sh., Carev, A.Yu., Severin, N.A. (2024). Istoriya “Akademicheskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta fizicheskikh metodov lecheniya, meditsinskoy klimatologii i reabilitatsii imeni I.M. Sechenova” i ego rol' v razvitii meditsinskoy nauki [The History of the I.M. Sechenov Academic Research Institute of Physical Methods of Treatment, Medical Climatology, and Rehabilitation and Its Role in the Development of Medical Science]. In *Vestnik fizioterapii i kurortologii*. Vol. 30, No. 3, pp. 22–33.

Kolesnik, A.V. (2005). *Ocherki po istorii ftiziatrii Kryma (Istoriya vozniknoveniya i stanovleniya ftiziatrii v Krymu)* [Essays on the History of Phthisiology in Crimea (The History of the Emergence and Development of Phthisiology in Crimea)]. Simferopol. 269 p.

Kuznetsova, L.A. (2014). Kurortnoe stroitel'stvo v 1920–1950-e gody: voprosy organizatsii i upravleniya [Resort Construction in the 1920s and 1950s: Issues of Organization and Management]. In *Trudy Instituta rossiyskoy istorii*. Iss. 12, pp. 244–262.

Mizin, V.I., Yankovskiy, T.S., Moik, A.V., Kozlov, K.A., Aleksandrov, S.V., Syrovatka, I.A. (2019). Istoricheskie aspekty modelirovaniya effektiv fizicheskikh i prirodnykh lechebnykh faktorov pri profil'noy dlya kurortov patologii v krymskoy kurortologicheskoy shkole [Historical Aspects of Modeling the Effects of Physical and Natural Therapeutic Factors in the Crimean School of Balneology]. In *Sovremennye voprosy biomeditsiny*. Vol. 3, No. 3, pp. 1–13. Available at: URL: <https://svbskfmba.ru/arkhiv-nomerov/2019-3/mizin-v-i-yanovskiy-t-s> (date of access 18.02.2026).

Popov, A.D. (2019). *Vsesoyuznaya zdravnitsa: istoriya turizma i kurortnogo dela Kryma v 1920–1980-e gody* [All-Union Health Resort: The History of Tourism and Resort Business in Crimea in the 1920s–1980s]. Simferopol, Antikva. 272 p.

Popov, A.D., Skripnik, A.S. (2025). Kurortnaya revolyutsiya: plany i realii sozdaniya “proletarskoy zdravitsy” v Krymu (1920–1925) [The Resort Revolution: Plans and Realities of Creating a “Proletarian Health Resort” in Crimea (1920–1925)]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 5, pp. 79–95.

Skripnik, A.S. (2024). Turizm i kurortnoe delo na stranitsah zhurnala “Krym” [Tourism and Resort Business in the “Krym” (“Crimea”) Magazine]. In *Ad fontes – Ἐπὶ τὰς πηγάς: Istoricheskie istochniki i ikh issledovateli*. Simferopol, Antikva, pp. 148–155.

Yanovskiy, T.S., Ezhov, V.V., Mizin, V.I., Dudchenko, L.Sh., P'yankov, A.F. (2022). Istoricheskie etapy razvitiya yaltinskoy nauchnoy ftiziatricheskoy shkoly: k 100-letiyu osnovaniya Yaltinskogo klinicheskogo tuberkuleznogo instituta [Historical Stages of the Development of the Yalta Scientific Phthisiatric School: On the 100th Anniversary of the Founding of the Yalta Clinical Tuberculosis Institute]. In *Kollektsiya gumanitarnykh issledovaniy. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. № 2, pp. 18–30. Available at: URL: <https://www.j-chr.com/jour/article/view/233/209> (date of access 18.02.2026).

Н.С. Воронцов*

«ВОЗДЕРЖАТЬСЯ ОТ ОТКРЫТИЯ...»: НЕОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ИНСТИТУТОВ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ОТДЕЛЕНИЯ АН СССР В КОНЦЕ 1980-Х – НАЧАЛЕ 1990-Х ГОДОВdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-17
УДК 94(571.6).084.9*Выходные данные для цитирования:**Воронцов Н.С. «Воздержаться от открытия...»: неосуществленные планы создания новых институтов Дальневосточного отделения АН СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 232–242. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-17.pdf>*

N.S. Vorontsov*

“REFRAIN FROM OPENING...”: UNFULFILLED PLANS FOR THE CREATION OF NEW INSTITUTES OF THE FAR EASTERN BRANCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE LATE 1980S – EARLY 1990S

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-17

*How to cite:**Vorontsov N.S. “Refrain from Opening...”: Unfulfilled Plans for the Creation of New Institutes of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences in the Late 1980s – Early 1990s // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 232–242. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-17.pdf>]*

Abstract. Based on archival materials, the article examines unrealized projects of new institutes of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences in 1987–1991. The background of the formation of the scientific network in the Far East is considered, revealing a persistent gap between strategic plans and their resource provision. It is shown that the transformation of the Far Eastern Scientific Center into the Branch of the USSR Academy of Sciences in 1987 was accompanied by large-scale plans to create new institutes in various cities of the region. The most elaborated but unrealized projects are analyzed in detail: the Institute of Experimental Plant Physiology and Biochemistry, the Institute of Forest and Forest Chemistry in Vladivostok, the Institute of Stratigraphy and the Institute of Natural Resource and Economic Problems of the North in Magadan. Scientists’ initiative proposals (including the project of a cooperative institute for wastewater treatment) are also considered, as well as the history of the permanent reorganization of the Institute of Ocean Economy, which ended with its liquidation in 1992. The scientific background, personnel potential, and material base of the departments intended to serve as the foundation for new institutes are identified. Particular attention is paid to the reasons for abandoning the projects: the systemic crisis of capital construction, the lack of housing for scientists, and the failure of local authorities to fulfill their obligations. The motives that prompted the Presidium of the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences to suspend the organization of new institutes by its directive of May 17, 1990, are revealed. It is concluded that the policy of extensive growth had exhausted itself, giving way to a survival strategy in the context of the growing crisis and the collapse of the USSR. A significant body of previously unpublished archival documents is introduced into scientific circulation.

Keywords: Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences, academic science, history of science, perestroika, Far East, unrealized projects.

* **Николай Степанович Воронцов**, кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: nsv91@yandex.ru

Nikolai Stepanovich Vorontsov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: nsv91@yandex.ru

The article has been received by the editor on 24.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На основе архивных материалов исследуются неосуществленные проекты новых институтов Дальневосточного отделения АН СССР в 1987–1991 гг. Рассмотрена предыстория формирования научной сети на Дальнем Востоке, выявившая устойчивый разрыв между стратегическими замыслами и их ресурсным обеспечением. Показано, что преобразование Дальневосточного научного центра в отделение АН СССР в 1987 г. сопровождалось масштабными планами создания новых институтов. Подробно проанализированы наиболее проработанные, но нереализованные проекты Института экспериментальной физиологии и биохимии растений, Института леса и лесохимии во Владивостоке, Института стратиграфии и Института природно-хозяйственных проблем Севера в Магадане. Рассмотрены инициативные предложения ученых (включая проект «кооперативного» института по очистке стоков), а также история перманентной реорганизации Института экономики океана, завершившаяся его ликвидацией в 1992 г. Выявлены научный задел, кадровый потенциал и материальная база подразделений, на основе которых предполагалось создать новые институты. Особое внимание уделено причинам отказа от реализации: системному кризису капитального строительства, отсутствию жилья для ученых, невыполнению обязательств местными властями. Раскрыты мотивы, побудившие Президиум ДВО АН СССР распоряжением от 17 мая 1990 г. приостановить организацию новых институтов. Сделан вывод об исчерпании политики экстенсивного роста и переходе к стратегии выживания в условиях нарастающего кризиса и распада СССР. Введен в оборот массив ранее не публиковавшихся архивных документов.

Ключевые слова: Дальневосточное отделение АН СССР, академическая наука, история науки, перестройка, Дальний Восток, нереализованные проекты.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026 г.

Введение. Планы развития научных учреждений на восточных рубежах России неоднократно сталкивались с проблемой соответствия стратегических замыслов реальным возможностям их воплощения. Особый интерес в этом контексте приобретают неосуществленные проекты конца 1980-х – начала 1990-х годов. Проблема развития сети академических научных учреждений в регионе неоднократно попадала в объектив исследователей¹. Отдельные неосуществленные проекты (прежде всего биологического профиля) уже рассматривались в работах члена-корреспондента РАН В.В. Богатова². Однако комплексного исследования, охватывавшего все многообразие планов создания новых научных учреждений, до настоящего времени не предпринималось. Источниковую базу составили материалы Архива Дальневосточного отделения РАН и Государственного архива Хабаровского края: постановления и распоряжения Президиума Дальневосточного отделения, справки-обоснования, стенограммы заседаний, переписка с партийными организациями, а также материалы печатного органа ДВО АН СССР – газеты «Дальневосточный ученый».

¹ Дударёнок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 203–216; Деревянко А.П. Академическая наука на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 1999. № 2. С. 8–18.

² Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток, 2024. С. 435; Богатов В.В. Организатор биологической науки: к 100-летию со дня рождения П.А. Лера // Биота и среда природных территорий. 2024. Т. 12, № 3. С. 59–63.

Формирование сети научных учреждений на Дальнем Востоке: от первых проектов к Дальневосточному отделению АН СССР. Первая масштабная попытка институционализации науки в регионе относится к периоду Гражданской войны, когда учеными на территории «белой» Сибири обсуждался проект создания Института исследования Сибири (ИИС) с сетью местных отделений, в значительной степени предвосхитивший идею региональных филиалов и отделений Академии наук СССР. В 1919 г. планировали создать Среднесибирское и Дальневосточное отделения ИИС. Место размещения последнего оставалось предметом споров – ряд ученых высказались в поддержку Хабаровска и Благовещенска³, но в итоге в декабре 1919 г. работа бюро съезда по организации отделения развернулась во Владивостоке. Впрочем, деятельность Института исследования Сибири и его отделений не могла быть налажена в условиях стремительно менявшейся военно-политической обстановки и смены власти. Как справедливо отмечает А.М. Кузнецов, это стало первым «нереализованным шансом» дальневосточной науки⁴.

Новый более масштабный этап проектирования научных учреждений на Востоке страны пришелся на начало 1930-х годов. и был связан с созданием Дальневосточного филиала (ДВФ) АН СССР. Академик В.Л. Комаров, вдохновитель и организатор филиала, отмечал, что Академия наук СССР далеко не единодушно приняла идею выхода за пределы Москвы и Ленинграда. Доклад В.Л. Комарова о необходимости формирования региональных подразделений первоначально был встречен весьма настороженно: «если бы пустил это дело на голосование, – вспоминал В.Л. Комаров, – я бы остался при очень маленьком числе сторонников; такова сила привычек»⁵. Вопреки сомнениям ДВФ был открыт в 1932 г. Уже в первые месяцы развертывания филиала началась организация Биологического, Химического и Технического институтов. В производственных планах ДВФ обсуждалось создание Энергетического, Геологического институтов и сети станций, однако из этих замыслов до реализации дошли лишь единицы⁶. Последовавшая в 1939 г. ликвидация самого Дальневосточного филиала перечеркнула большинство начинаний предшествующих лет. Причины неудач носили комплексный характер: недофинансирование, отсутствие жилья и инфраструктуры⁷, кадровый голод, репрессии 1930-х годов, затронувшие дальневосточных ученых, и бюрократическая инерция⁸.

Спустя десятилетие, в 1949 г., на основе существовавшей с 1943 г. базы АН СССР был вновь образован Дальневосточный филиал. Президиум ДФВ разместился во Владивостоке. После создания в 1957 г. Сибирского отделения АН СССР Дальневосточный филиал вошел в его состав. В конце 1950-х годов развернулось проектирование Академгородка во Владивостоке, обозначившее намерение советского руководства закрепить за этим городом роль главного научного центра Дальнего Востока⁹. Некоторое время приоритет Владивостока пытался оспорить Хабаровск. Так, в 1962 г. региональное совещание по развитию производительных сил Дальнего Востока просило организовать в Хабаровске комплексный научно-исследовательский институт (ХабКНИИ) с дальнейшим развертыванием на его базе новых научных учреждений¹⁰. В 1966–1968 гг. Хабаровский крайком КПСС предлагал создать в городе девять академических институтов (включая институты физико-математического,

³ Расколец В.В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 114–123.

⁴ Кузнецов А.М. Нереализованный шанс дальневосточной науки // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2019. № 1. С. 131.

⁵ Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке... С. 169.

⁶ Там же. С. 177.

⁷ Там же. С. 173.

⁸ Малявина Л.С. Научные учреждения советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 59–60.

⁹ Богатов В.В. Из истории становления Дальневосточного научного центра АН СССР // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2020. № 5. С. 5, 7.

¹⁰ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-35. Оп. 80. Д. 116. Л. 130–131.

геологического и экономического профилей)¹¹. Однако далеко не все пожелания были воплощены в жизнь¹².

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 августа 1969 г. «О развитии научных учреждений в отдельных экономических районах РСФСР» вывело академические учреждения Дальнего Востока из состава Сибирского отделения АН СССР, придав им статус самостоятельного Дальневосточного научного центра (ДВНЦ) АН СССР. В 1970 г. в его составе было восемь институтов: Дальневосточный геологический институт, Биолого-почвенный институт, Институт биологически активных веществ (впоследствии Тихоокеанский институт биоорганической химии), Институт биологии моря во Владивостоке, Институт вулканологии в Петропавловске-Камчатском, Северо-Восточный комплексный НИИ (СВКНИИ) в Магадане, Сахалинский комплексный НИИ в Южно-Сахалинске, Хабаровский комплексный НИИ¹³.

В 1971–1976 гг. число научных учреждений ДВНЦ удвоилось: во Владивостоке открылись Институт химии, Институт автоматики и процессов управления, Тихоокеанский океанологический институт, Тихоокеанский институт географии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока; в Хабаровске – Институт тектоники и геофизики и Институт экономических исследований; в Магадане – Институт биологических проблем Севера. В 1980–1987 гг. последовало создание Амурского комплексного НИИ в Благовещенске, Вычислительного центра и Института горного дела в Хабаровске, Института экономики океана во Владивостоке¹⁴, Института космофизических исследований и распространения радиоволн на Камчатке¹⁵.

Проблемы роста и размещения новых институтов. К 1987 г. в ДВНЦ насчитывалось более двух десятков институтов, в которых работало 2 760 научных сотрудников, в том числе 2 академика, 14 членов-корреспондентов АН СССР, 129 докторов и 1 184 кандидата наук¹⁶. Однако развитие материальной базы безнадежно отставало от организационных решений. За три пятилетки (1971–1985) планы капитального строительства систематически не выполнялись, опустившись с 84 % в первой половине 1970-х годов до 63 % в начале 1980-х годов.¹⁷ Не были построены в установленные сроки здания Института биологии моря и Тихоокеанского океанологического института во Владивостоке, Вычислительного центра в Хабаровске, Института биологических проблем Севера в Магадане. Аналогичные тенденции наблюдались в строительстве жилья для сотрудников ДВНЦ¹⁸.

Вместе с тем нарастание кризисных явлений и проблемы капитального строительства не должны были стать препятствием для дальнейшего расширения сети научно-исследовательских учреждений. После преобразования ДВНЦ в Дальневосточное отделение (ДВО) АН СССР, закрепленного постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 сентября 1987 г. № 1088, академическое руководство приняло целый ряд решений, инициировавших создание новых институтов.

Перечень вновь образуемых научных учреждений стал предметом обсуждения еще на этапе подготовки создания ДВО АН СССР. В ноябре 1986 г. на выездном заседании Президиума АН СССР рассматривалась возможность организации *Института социальных и экономических проблем зарубежных стран* (ИСЭПЗС). За право его размещения боролись Владивосток и Хабаровск. Первоначально предполагалось поместить институт в открытом для иностранцев Хабаровске, выделив из Института экономических исследований¹⁹. Возглавлявший ДВНЦ, а затем и ДВО АН СССР академик В.И. Ильичёв считал создание ИСЭПЗС

¹¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 130. Л. 4–6; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 96. Д. 404. Л. 7–10.

¹² Бузник В.М. Хабаровский научный центр ДВО РАН: история, состояние, проблемы и перспективы // Вестник ДВО РАН. 2001. № 6. С. 11.

¹³ Научный архив ДВО РАН (НА ДВО РАН). Ф. 17. Оп. 1. Д. 776. Л. 79.

¹⁴ Там же. Д. 717. Л. 38.

¹⁵ Деревянко А.П. Академическая наука на Дальнем Востоке России... С. 17.

¹⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 776. Л. 79.

¹⁷ Там же. Л. 80.

¹⁸ Там же. Л. 80–82.

¹⁹ Там же. Д. 715. Л. 164–165.

в Хабаровске невозможным ввиду отсутствия готовых помещений и предложил переместить его во Владивосток, открыв отделения в Находке и Хабаровске²⁰. Однако в итоговом перечне институтов ИСЭПЗС уже не фигурировал²¹. Приоритет получили иные проекты: Институт прикладной математики и Институт проблем морских технологий во Владивостоке, Институт машиноведения и металлургии в Комсомольске-на-Амуре (открытие которого воспринималось как «завоевание нового города»²²) с отделением в Хабаровске. Все три института были созданы в течение 1988 г., однако столкнулись с теми же проблемами – отсутствием зданий и жилья²³.

Северо-восточный вектор: проекты Института стратиграфии и Института природно-хозяйственных проблем Севера. В конце 1980-х годов активно прорабатывались проекты создания академических учреждений на Северо-Востоке СССР, призванные усилить научное обеспечение крупнейшего горнопромышленного региона страны. Наиболее значимыми среди них должны были стать Институт стратиграфии и Институт природно-хозяйственных проблем Севера в Магадане.

Инициатива создания *Института стратиграфии* была оформлена постановлением Президиума Дальневосточного отделения АН СССР от 30 ноября 1988 г. Базой для организации нового института должна была стать лаборатория стратиграфии и палеонтологии, а также лаборатория палеомагнетизма СВКНИИ²⁴. Основанием для принятия решения послужило заключение Объединенного ученого совета по геологии, геофизике, геохимии и горным наукам. Необходимость создания института диктовалась не только потребностями развития фундаментальной геологической науки, но и нехваткой кадров в стратиграфии. Наиболее ярко эта проблема была сформулирована в выступлениях и публикациях предполагаемого руководителя института, доктора геолого-минералогических наук К.В. Симакова, члена Межведомственного стратиграфического комитета СССР. Он предупреждал, что стратиграфия в СССР «близится к полному физическому исчезновению»: молодые специалисты составляют менее 1 %, исчезают научные школы. «Если мы и далее будем относиться с пренебрежением к стратиграфии, – заявлял он, – то в ближайшее десятилетие будем вынуждены приглашать для повседневных палеонтологических определений иностранных специалистов»²⁵.

Параллельно в Магадане планировалось открытие *Института природно-хозяйственных проблем Севера*, ориентированного на комплексные эколого-социально-экономические исследования. Инициатива исходила от Отделения экономики АН СССР и была оформлена решением Бюро Отделения от 8 февраля 1989 г., подписанным академиком-секретарем А.Г. Аганбегяном. Необходимость создания института обосновывалась потребностью в изучении закономерностей формирования природно-хозяйственных систем на примере Северо-Востока СССР. Научными направлениями института утверждались теоретические и методические вопросы эколого-экономических оценок освоения природных ресурсов, разработка механизмов регионального природопользования и создание геоинформационных систем²⁶. Базой для создания Института природно-хозяйственных проблем Севера должен был стать одноименный отдел СВКНИИ. Функции директора-организатора предполагалось возложить на заведующего отделом, доктора экономических наук Б.Х. Краснопольского. В структуре института предусматривалось создание лаборатории по изучению зарубежного опыта стран северного региона. Особенностью проекта стало развитие международных связей: Б.Х. Краснопольскому поручалось подписать договор о сотрудничестве с Институтом социальных и экономических исследований Аляскинского университета²⁷.

²⁰ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 717. Л. 30.

²¹ Там же. Д. 812. Л. 13.

²² Там же. Д. 999. Л. 32.

²³ Там же. Л. 33.

²⁴ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 823. Л. 161.

²⁵ Алексеев А. Кирилл Симаков: нельзя стратиграфию отправить на «пенсию» // Дальневосточный ученый. 1991. 30 янв. – 5 фев. С. 5.

²⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 937. Л. 1–2.

²⁷ Там же. Л. 2.

Проекты институтов биологического профиля во Владивостоке. Не менее детальной проработкой характеризовались планы организации двух институтов биологического направления во Владивостоке: Института экспериментальной физиологии и биохимии растений и Института леса и лесохимии²⁸. Оба проекта были одобрены Президиумом ДВО АН СССР 22 февраля 1989 г. в постановлении № 19, принятом на основании доклада члена-корреспондента АН СССР П.А. Лера, директора Биолого-почвенного института²⁹. К каждому проекту прилагались развернутые справки-обоснования, раскрывавшие целесообразность создания институтов, имевшийся научный задел, кадровый потенциал и материальную базу подразделений, на основе которых предполагалось сформировать НИИ.

Необходимость формирования *Института экспериментальной физиологии и биохимии растений* была обусловлена стремлением ликвидировать пробел в изучении физиологии растений в местных специфических условиях. Контрастность климата, высокий инфекционный фон и низкий уровень окультуренности почв существенно осложняли растениеводство, что требовало создания научно обоснованной программы формирования урожая, селекционного улучшения растений и разработки стратегии интегрированной защиты³⁰.

Базой для создания нового института должен был стать отдел физиологии и вирусологии растений Биолого-почвенного института ДВО АН СССР. В состав отдела входили пять лабораторий и две специализированные группы, занимавшиеся физиологией растений, вирусологией, биотехнологией. Общая численность сотрудников составляла 91 чел., из них 48 научных сотрудников, в том числе 1 доктор и 24 кандидата наук. Отдел располагал 700 м² лабораторных помещений, оборудованием на сумму свыше 1,5 млн руб., теплицей и климатическими камерами³¹. В структуре института планировалось создать более десяти лабораторий, охватывающих направления от генетики и вирусологии до биотехнологии и клеточной селекции. Руководителем-организатором Института экспериментальной физиологии и биохимии растений должен был стать доктор биологических наук Ю.Н. Журавлев³².

Проект *Института леса и лесохимии* обосновывался как фундаментальными, так и прикладными задачами. В справке-обосновании подчеркивалось, что леса в южной части региона оказались истощены промышленными заготовками, остро встала проблема сохранения уникальных широколиственно-кедровых лесов, при этом кардинально не решались вопросы использования лиственной древесины и отходов лесозаготовок. Требовалась разработка программы комплексного использования всех видов лесного сырья, включая химическую и механическую переработку, а также методов повышения продуктивности лесов, их охраны и восстановления. Базой для института должен был стать отдел леса БПИ, насчитывавший 105 чел. (включая 35 научных сотрудников, из них 3 доктора и 12 кандидатов наук), располагавший двумя стационарами и оборудованием на 355 тыс. руб.³³ В структуре института предполагались отделы лесной биогеоценологии, генетики и селекции, химии и переработки древесины, экономики лесных ресурсов и др. Основные направления включали изучение леса как элемента биосферы, разработку методов комплексного использования лесных ресурсов и их экономическое обоснование. Руководителем должен был стать доктор биологических наук Ю.И. Манько³⁴.

В сентябре 1989 г. газета «Дальневосточный ученый» сообщила читателям, что согласно постановлению бюро Отделения общей биологии в Приморском крае будет организован Институт леса и лесохимии³⁵. Однако, вопреки сообщению газеты, институт создан не был. Существующие лаборатории и отделы продолжили работу в структуре Биолого-почвенного института.

²⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 885. Л. 38–39.

²⁹ Богатов В.В. Организатор биологической науки... С. 59.

³⁰ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 885. Л. 93–95.

³¹ Там же. Л. 93.

³² Там же. Л. 95.

³³ Там же. Л. 90–92.

³⁴ Там же. Л. 91.

³⁵ Быть институту леса // Дальневосточный ученый. 1989. 13–19 сент. С. 1.

Пределы роста: решение о приостановке создания новых институтов. Масштабное планирование организации новых институтов, развернувшееся в 1988–1989 гг., вступило в противоречие с реальным положением дел в материально-техническом обеспечении академической науки на Дальнем Востоке. Пока в Президиуме ДВО АН СССР разрабатывалась структура будущих институтов и согласовывались их научные направления, ситуация со строительством помещений для размещения научных учреждений в регионе оказалась катастрофической.

Организации Министерства строительства в восточных районах СССР не справлялись с планами сооружения важнейших объектов уже созданных НИИ. В этих условиях продолжение политики экстенсивного роста, выражавшейся в утверждении все новых институтов, становилось не просто затруднительным, но и опасным, поскольку грозило дискредитацией Академии в глазах региональных властей и общественности. Строительство жилья также велось с хроническим невыполнением планов, а местные советы народных депутатов удерживали до 50 % вводимой площади³⁶. Перенос запланированных к созданию институтов из Владивостока в Хабаровск, еще недавно претендовавший на роль альтернативного центра науки, также оказался невозможен. Так, еще в феврале 1988 г. первый секретарь Хабаровского крайкома Г.А. Черный, подводя итоги многолетней борьбы за развитие хабаровской группы институтов, с горечью констатировал: край так и не добился своевременного строительства лабораторных корпусов и жилья для ученых, а созданные учреждения существуют в статусе «полуинститутов» на временных и арендованных площадях³⁷.

Результатом накопившихся противоречий между масштабными планами и суровой реальностью стал пересмотр ранее принятых решений об открытии институтов. Распоряжением и.о. председателя ДВО АН СССР академика Ю.А. Косыгина от 17 мая 1990 г. предписывалось приостановить организацию Института стратиграфии, Института экспериментальной физиологии растений и Института леса и лесохимии. Второй пункт распоряжения гласил: «Воздержаться от открытия этих, а также создания других институтов ДВО АН СССР до завершения строительства зданий и комплектования существующих институтов»³⁸.

Наиболее проработанные проекты институтов во Владивостоке и Магадане оказались заморожены на неопределенный срок. В последующие годы возврат к этим планам оказался невозможным. Замыслы быстрого расширения сети институтов, порожденные оптимизмом перестройки и созданием Дальневосточного отделения АН СССР, столкнулись с нерешенными инфраструктурными проблемами и надвигавшимся экономическим коллапсом³⁹.

Вместе с тем после фактического моратория на создание новых НИИ организационная активность не угасла, но приобрела иные формы. В условиях растущей неопределенности, дискуссий о судьбе АН СССР и создании республиканской академии (первоначально – Академии наук РСФСР)⁴⁰ Президиум Дальневосточного отделения АН СССР использовал возможности для поддержки ряда новых институтов, если считал условия для их создания более-менее благоприятными. Так, еще в конце 1980-х годов возник и получил развитие проект формирования академического института в Еврейской автономной области. В марте 1990 г. Президиум АН СССР утвердил создание Института региональных системных исследований в Биробиджане⁴¹. В отличие от многих других проектов того времени, Биробиджанскому институту суждено было состояться: в 1990 г. он был открыт под наименованием Институт комплексного анализа региональных проблем (ИКАРП) ДВО АН СССР⁴².

³⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 776. Л. 80.

³⁷ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 117. Д. 56. Л. 18, 26.

³⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 940. Л. 18.

³⁹ Дударёнок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х гг. ... С. 205.

⁴⁰ Воронцов Н.С. Движение за создание Российской академии наук (по материалам Дальневосточного отделения АН СССР) // Россия и АТР. 2025. № 4. С. 55–56.

⁴¹ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 937. Л. 7–8.

⁴² Фетисов Д.М., Гуревич В.С. Среднее Приамурье: из истории научных исследований. Хабаровск, 2025. С. 199.

Кроме того, обсуждалась возможность создания институтов на новых «кооперативных» началах. Еще в марте 1989 г. ведущий научный сотрудник Института горного дела ДВО АН СССР Р.А. Стрёмовский выступил на страницах газеты «Дальневосточный ученый» с программной статьей под заголовком «Могу организовать *Институт по очистке промышленных стоков*». Автор сообщал, что созданный им кооператив «Кристалл» разработал и внедрил на предприятиях Хабаровска установки по очистке стоков от нефтепродуктов, поверхностно-активных веществ и ионов тяжелых металлов. Принципиальная новизна предлагаемого подхода заключалась в отказе от дорогостоящих общезаводских очистных сооружений в пользу локальных установок, размещаемых непосредственно в цехах. Инициатива предполагала «открытие в системе АН СССР института на кооперативных началах»⁴³, однако этот проект, несмотря на высокую практическую значимость и внимание со стороны Сибирского отделения АН СССР⁴⁴, не получил развития в системе Академии наук.

Ряд новых институтов был создан посредством разделения существующих с использованием их штатных единиц, лабораторных площадей и бюджетного финансирования. Так, в 1991 г. на базе Хабаровского отделения Института машиноведения и металлургии был организован самостоятельный Институт материаловедения. На Камчатке из состава Института вулканологии был выделен Институт вулканической геологии и геохимии⁴⁵, а на основе Камчатского отдела природопользования Тихоокеанского института географии (ТИГ) создан Камчатский институт экологии и природопользования⁴⁶. Практика показала неустойчивость новообразованных институтов: уже в 1992 г. Объединенный ученый совет по геологии, геофизике и горным наукам признал разделение Института вулканологии «изначально ошибкой», а в 2003 г. институты были вновь объединены⁴⁷. Годом ранее Камчатский институт экологии и природопользования был вновь реорганизован в отдел в состав ТИГ.

Проекты реорганизации Института экономики океана: между переименованием, разделением и ликвидацией. Широкая дискуссия развернулась в конце 1980-х – начале 1990-х годов вокруг Института экономики океана. Созданный в 1983 г. на базе Владивостокского отделения Института экономических исследований, а в 1987 г. переименованный в Институт экономических и международных проблем освоения океана (ИЭМПОО), он находился в состоянии непрерывных организационных преобразований. Уже в 1986 г. президент АН СССР академик Г.И. Марчук, комментируя предложения по развитию института, заметил: «Что такое экономика освоения океана? Продумайте название института, потому что “экономика океана” не звучит»⁴⁸. Вопрос о названии и, следовательно, о научной идентичности института стал предметом острых споров на несколько лет.

Исполняющий обязанности директора Р.Ш.-А. Алиев в 1990 г. предложил три сценария реорганизации ИЭМПОО: ликвидацию и создание нового *Института АТР*, разделение, переименование с усилением международной проблематики⁴⁹. Отделение экономики АН СССР поддержало третий вариант, одобрив переименование в Институт экономических и международных проблем АТР⁵⁰. Полученная в Москве поддержка не разрешила противоречий. Дискуссии о новом названии (Институт АТР, Институт Восточной Азии, Дальневосточный институт экономики и международных отношений) затянулись на год и не привели к консенсусу⁵¹. Алиев отстаивал идею института, способного исследовать проблемы сотрудничества в Восточной Азии, включая «проблему объединения двух Корей» и внешнеэкономическую политику стран региона⁵². Институт мыслился как небольшое, но сильное учреждение с международными связями, укомплектованное сотрудниками со знанием

⁴³ Стрёмовский Р. Могу организовать институт по очистке промышленных стоков // Дальневосточный ученый. 1989. 29 марта – 4 апр. С. 6.

⁴⁴ О чем пишут коллеги // Наука в Сибири. 1989. 2 июня. С. 7.

⁴⁵ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1002. Л. 110–111.

⁴⁶ Там же. Д. 890. Л. 56.

⁴⁷ Там же. Д. 1429. Л. 211.

⁴⁸ Там же. Д. 716. Л. 79.

⁴⁹ Там же. Д. 16. Л. 164.

⁵⁰ Там же. Д. 17. Л. 81.

⁵¹ Там же. Л. 117.

⁵² Там же. Л. 168.

иностранных языков. Многие члены ученого совета ИЭМПОО встретили эту инициативу скептически, а новый председатель ДВО АН СССР академик Г.Б. Еляков вынес суровый вердикт: «Специалистов, как я вижу, здесь по международному направлению нет... Есть мальчики и девочки, которые знают иностранный язык, но это хорошо для преподавателей, но не для фундаментальной работы»⁵³.

В ходе затянувшейся дискуссии о судьбе ИЭМПОО был предложен еще один проект реорганизации. В июне 1991 г. на страницах газеты «Дальневосточный ученый» научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭ) Н.П. Рябченко предложил создать на базе ИЭМПОО и ИИАЭ единый *Центр общественных наук* по образцу академий общественных наук КНР⁵⁴. Данный проект, предполагавший радикальное переустройство структуры гуманитарной науки в Дальневосточном отделении, также остался нереализованным. В поисках выхода из кризиса осенью 1991 г. обсуждался очередной план реорганизации. Сотрудник ИЭМПОО М.В. Терский предложил перейти к «холдинговой структуре», основанной на проектно-целевом финансировании. По его замыслу, институт следовало сократить до 35–40 чел., создав малые предприятия для трудоустройства остальных сотрудников⁵⁵. Однако и это предложение не получило поддержки.

Дискуссии о реорганизации, переименовании, разделении или создании нового института оказались бесплодными. 28 января 1992 г. Президиум Российской академии наук по представлению руководства Дальневосточного отделения своим постановлением ликвидировал ИЭМПОО⁵⁶. Его научный потенциал, собиравшийся по крупницам в течение многих лет, был частично рассеян, частично поглощен другими институтами⁵⁷.

Проект «Института катастроф». В январе 1991 г. на заседании Президиума ДВО АН СССР рассматривалась возможность организации НИИ с рабочим названием «*Институт катастроф*». Инициатива исходила от Государственной комиссии СССР по чрезвычайным ситуациям, желавшей организовать на Дальнем Востоке учреждение для изучения и прогноза землетрясений, цунами, извержений вулканов. Обсуждение сразу выявило глубокие разногласия. Резкой критике подвергся проект названия. Ю.А. Косыгин сравнил «Институт катастроф» с «Министерством болезней» или заголовком сатирической заметки для журнала «Крокодил»⁵⁸. В ходе прений были предложены альтернативные наименования: Институт экстремальных природных явлений, Институт защиты от природных бедствий, Институт цунами и т.д.⁵⁹

Содержательные возражения оказались еще более серьезными. К.Ф. Сергеев, директор Института морской геологии и геофизики (Южно-Сахалинск), на базе которого предполагалось развернуть новую структуру, сообщил, что в его коллективе есть специалисты только по цунами и сейсмичности, но нет вулканологов и других необходимых кадров. Академик В.И. Ильичёв указал на опасность подмены сущностей: Государственной комиссии СССР по чрезвычайным ситуациям требовалась оперативная служба предупреждения, а не академический институт, и смешение этих функций грозило превращением научного учреждения в «ответственную службу». Критиковался и способ инициирования проекта: «без обсуждения, без проработки, больше похоже на приказание»⁶⁰. В итоге Г.Б. Еляков констатировал, что «вопрос до принятия решения не дорос», и снял его с дальнейшего обсуждения⁶¹. Проект «Института катастроф» остался нереализованным, однако сама дискуссия обнажила системные противоречия академического строительства позднесоветского периода: кадровую и инфраструктурную недостаточность, сопротивление административному давлению и трудность институционального оформления междисциплинарных программ.

⁵³ НА ДВО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 208.

⁵⁴ Рябченко Н. Пусть расцветают все цветы? // Дальневосточный ученый. 1991. 5–11 июня. С. 2.

⁵⁵ НА ДВО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 17. Л. 217.

⁵⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1028. Л. 17.

⁵⁷ Калинин А. Институт закрыт. Все ушли. Куда? // Дальневосточный ученый. 1993. 14 янв. С. 1, 4.

⁵⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 999. Л. 38–39.

⁵⁹ Там же. Л. 39, 41, 44, 49.

⁶⁰ Там же. Л. 46–48.

⁶¹ Там же. Л. 50.

Заключение. История неосуществленных проектов создания новых институтов ДВО АН СССР представляет собой наглядный пример исчерпания возможностей прежней модели развития академической сети. Главный урок этого периода состоит в том, что стратегия пространственного расширения и дробления научных коллективов при отсутствии адекватного ресурсного обеспечения неизбежно ведет к распылению ограниченных средств и снижению управляемости. Решение воздержаться от открытия новых институтов до завершения комплектования и строительства зданий существующих стало вынужденным признанием невозможности дальнейшего роста числа научных учреждений без предварительного укрепления материально-технической базы. Попытка обойти это ограничение путем разделения уже существующих институтов привела к утрате целостности исследовательских направлений, впоследствии потребовав обратного объединения. С наступлением 1990-х годов политика роста окончательно уступила место политике выживания, когда главной задачей стало не создание новых структур, а сохранение кадрового ядра и исследовательской инфраструктуры в условиях системного кризиса. Опыт этого периода убедительно доказывает, что устойчивое развитие академической науки требует синхронизации организационных решений с реальными возможностями. Только это способно гарантировать преемственность научных школ и сохранение исследовательского потенциала в долгосрочной перспективе.

Литература

- Богатов В.В. Из истории становления Дальневосточного научного центра АН СССР // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2020. № 5. С. 5–17.
- Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток: Дальнаука, 2024. 576 с.
- Богатов В.В. Организатор биологической науки: к 100-летию со дня рождения П.А. Лера // Биота и среда природных территорий. 2024. Т. 12, № 3. С. 54–79.
- Бузник В.М. Хабаровский научный центр ДВО РАН: история, состояние, проблемы и перспективы // Вестник ДВО РАН. 2001. № 6. С. 9–27.
- Воронцов Н.С. Движение за создание Российской академии наук (по материалам Дальневосточного отделения АН СССР) // Россия и АТР. 2025. № 4. С. 48–67.
- Деревянко А.П. Академическая наука на Дальнем Востоке России // Россия и АТР. 1999. № 2. С. 8–18.
- Дударёнок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х гг. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 203–216.
- Кузнецов А.М. Нереализованный шанс дальневосточной науки // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2019. № 1. С. 126–137.
- Малявина Л.С. Научные учреждения советского Дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2. С. 55–60.
- Расколец В.В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 114–123.
- Фетисов Д.М., Гуревич В.С. Среднее Приамурье: из истории научных исследований. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2025. 244 с.

References

- Bogatov, V.V. (2020). Iz istorii stanovleniya Dal'nevostochnogo nauchnogo tsentra AN SSSR [From the History of the Formation of the Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences]. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 5, pp. 5–17.
- Bogatov, V.V. (2024). *Akademicheskaya nauka na rossiyskom Vostoke (k 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk)* [Academic Science in the Russian East (To the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences)]. Vladivostok, Dal'nauka. 576 p.

Bogatov, V.V. (2024). Organizator biologicheskoy nauki: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya P.A. Lera [Organizer of Biological Science: To the 100th Anniversary of the Birth of P.A. Ler]. In *Biota i sreda prirodnnykh territoriy*. Vol. 12, No. 3, pp. 54–79.

Buznik, V.M. (2001). Khabarovskiy nauchnyy tsentr DVO RAN: istoriya, sostoyanie, problemy i perspektivy [Khabarovsk Scientific Center of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences: History, State, Problems and Prospects]. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 6, pp. 9–27.

Derevyanko, A.P. (1999). Akademicheskaya nauka na Dal'nem Vostoke Rossii [Academic Science in the Russian Far East]. In *Rossiya i ATR*. No. 2, pp. 8–18.

Dudarenok, S.M. (2024). Dal'nevostochnoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk v nachale 1990-kh gg. [The Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the Early 1990s]. In *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. Vol. 45, pp. 203–216.

Fetisov, D.M., Gurevich, V.S. (2025). *Srednee Priamur'e: iz istorii nauchnykh issledovaniy* [The Middle Amur Region: From the History of Scientific Research]. Khabarovsk, Khabarovskaya kraevaya tipografiya. 244 p.

Kuznetsov, A.M. (2019). Nerealizovanny shans dal'nevostochnoy nauki [An Unrealized Chance of the Far Eastern Science]. In *Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. No. 1, pp. 126–137.

Malyavina, L.S. (2011). Nauchnye uchrezhdeniya sovetskogo Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody [Scientific Institutions of the Soviet Far East in the 1920s–1930s]. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. No. 2, pp. 55–60.

Raskolets, V.V. (2017). Polozhenie ob Institute issledovaniya Sibiri: ot pervykh proektov do utverzhdeniya (noyabr' 1917 – oktyabr' 1919 g.) [The Regulation on the Institute for the Study of Siberia: From the First Projects to Approval (November 1917 – October 1919)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 418, pp. 114–123.

Vorontsov, N.S. (2025). Dvizhenie za sozдание Rossiyskoy akademii nauk (po materialam Dal'nevostochnogo otdeleniya AN SSSR) [The Movement for the Creation of the Russian Academy of Sciences (Based on Materials from the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4, pp. 48–67.

С.М. Дударенок*

**ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА
В 1990-Е ГОДЫ: ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ
И ПОИСК ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА****doi:10.31518/2618-9100-2026-3-18
УДК 947.088:001(571.6)"199"*Выходные данные для цитирования:**Дударенок С.М. Дальневосточная академическая наука в 1990-е годы: опыт выживания и поиски выхода из кризиса // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 243–257. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-18.pdf>*

S.M. Dudarenok*

**FAR EASTERN ACADEMIC SCIENCE IN THE 1990S:
SURVIVAL EXPERIENCES
AND THE SEARCH FOR A WAY OUT OF THE CRISIS****

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-18

*How to cite:**Dudarenok S.M. Far Eastern Academic Science in the 1990s: Survival Experiences and the Search for a Way Out of the Crisis // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 243–257. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-18.pdf>]*

Abstract. Based on the materials of the Scientific Archive of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences and publications in the newspaper “Far Eastern Scientist”, the article reconstructs the history of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the 1990s: the causes of the crisis in the Far Eastern academic science and the reasons for the outflow of scientists from the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences are revealed; the dynamics and structure of financing of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in this period are analyzed; it is noted that as a result of underfunding, scientific institutions of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences did not have the opportunity to conduct expeditions. purchase equipment, inventory, chemical reagents, stationery, materials for current economic purposes; the activities of the new Chairman of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences G.B. Elyakov to improve the structure of the Department are characterized; the complex relations of Far Eastern scientists with the executive authorities of the Far Eastern regions are characterized; the qualitative characteristics of the scientists of the Far Eastern Department of the Russian Academy of Sciences are given; the main areas of activity of the Presidium of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences and the directorates of the Department’s institutes for the preservation of human resources, scientific schools and areas of scientific research are considered; the process of origin and development of international relations of the institutes of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the 1990s is considered; the main achievements of Far Eastern scientists in the crisis of the 1990s are characterized; the proposals of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences to the Government and the President of the Russian Federation on the main directions of the state scientific and technical policy that ensure the competitiveness of Russian high-tech products in the world market are characterized.

Keywords: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, crisis of science, Far Eastern academic science, international relations, high-tech products, personnel training, executive authorities.

* **Светлана Михайловна Дударенок**, доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, Владивосток, Россия, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

Svetlana Mikhailovna Dudarenok, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: dudarenoksv@gmail.com

** Работа подготовлена в рамках выполнения госзадания НИОКР № 126021217301-6 по теме «Трансформационные и стабилизационные процессы на Дальнем Востоке в эпоху глобализации: из XX в XXI век».

The work was prepared as part of the implementation of the state R&D task No. 126021217301-6 on the topic “Transformation and Stabilization Processes in the Far East in the Era of Globalization: From the 20th to the 21st Century”.

The article has been received by the editor on 15.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе материалов Научного архива Дальневосточного отделения РАН (ДВО РАН) и публикаций в газете «Дальневосточный ученый» реконструируется история Дальневосточного отделения РАН в 1990-е годы: выявляются причины кризиса в дальневосточной академической науке и причины оттока ученых из институтов ДВО РАН; проанализирована динамика и структура финансирования ДВО РАН в данный период; отмечено, что в результате недофинансирования научные учреждения ДВО РАН не имели возможности проводить экспедиции, приобретать оборудование, инвентарь, химические реактивы, канцелярские принадлежности, материалы для текущих хозяйственных целей; охарактеризована деятельность нового председателя ДВО РАН Г.Б. Елякова по совершенствованию структуры Отделения; охарактеризованы сложные отношения дальневосточных ученых с органами исполнительной власти дальневосточных регионов; дана качественная характеристика научных работников Дальневосточного отделения РАН; рассмотрены основные направления деятельности Президиума ДВО РАН и дирекций институтов Отделения по сохранению кадрового потенциала, научных школ и направлений научных исследований; рассмотрен процесс зарождения и развития международных связей институтов ДВО РАН в 1990-е годы; охарактеризованы основные достижения дальневосточных ученых в кризисные 1990-е годы; охарактеризованы предложения ДВО РАН Правительству и Президенту Российской Федерации об основных направлениях государственной научно-технической политики, обеспечивающих конкурентоспособность российской наукоемкой продукции на мировом рынке.

Ключевые слова: Дальневосточное отделение Российской академии наук, кризис науки, дальневосточная академическая наука, международные связи, наукоемкая продукция, подготовка кадров, органы исполнительной власти.

Статья поступила в редакцию 15.02.2026 г.

Введение. Историография проблемы. Некоторые аспекты истории академической науки на российском Дальнем Востоке в 1990-е годы уже нашли отражение в ряде научных исследований. Так, например, Е.В. Васильева рассматривает общее положение научного сообщества Дальневосточного региона в контексте социально-политических трансформаций 1990-х годов¹, публичную и политическую активность ученых в данный период исследует Г.Б. Дудченко², трансформацию ДВО АН СССР в ДВО РАН и участие дальневосточных ученых в научной экспертизе ряда научных проектов анализирует в своих работах Н.С. Воронцов³.

Непосредственно кризисные явления в дальневосточной академической науке, возникшие в результате недофинансирования ДВО РАН в 1990-е годы, нашли отражение в ряде докладов председателя Президиума ДВО РАН академика Г.Б. Елякова⁴. Более широкий исторический контекст развития академической науки в регионе в 1990-е годы дают монография

¹ Васильева Е.В. Ученые Дальнего Востока СССР в условиях перестройки // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток, 2015. С. 135–142.

² Дудченко Г.Б. Из истории ученого сообщества СССР: движение во власть на примере Дальневосточного региона в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. Владивосток, 2020. С. 209–217.

³ Воронцов Н.С. Движение за создание Российской академии наук (по материалам Дальневосточного отделения АН СССР) // Россия и АТР. 2025. № 4 (130). С. 48–67; Воронцов Н.С. Участие дальневосточных ученых в дискуссии о строительстве АЭС в Хабаровском крае (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. № 3 (45). С. 181–202.

и статьи В.В. Богатова⁵. Конкретные проблемы адаптации ДВО РАН и попыток выхода из кризиса в начале 1990-х годов рассматриваются в статьях С.М. Дударенок⁶. Однако целостной картины трансформации научного потенциала в Дальневосточном отделении РАН в 1990-е годы пока не существует, что и обусловило интерес к теме исследования. Основная цель данной статьи – общая характеристика кризисных явлений в академической науке российского Дальнего Востока и деятельности руководства ДВО РАН по поиску выхода из кризиса. Методология, избранная автором для настоящего исследования, включает в себя компаративный анализ кризисных процессов, происходящих в учреждениях ДВО РАН в ходе системных реформ и поиска выхода из кризиса. Работа основывается на комплексном системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на метод научного описания.

Деятельность нового председателя ДВО РАН Г.Б. Елякова в начале 1990-х годов по совершенствованию структуры Отделения. В начале 1990 г. в 34 научных учреждениях ДВО РАН работало 12 тыс. человек, из них 3 003 научных сотрудника (164 доктора наук, 1 383 кандидата наук и 1 456 научных сотрудников без степени)⁷, велась подготовка аспирантов по естественным и гуманитарным специальностям, что позволяло ДВО АН СССР готовить кадры не только для собственных научных учреждений, но и для образовательных организаций Дальнего Востока России, действовало 19 диссертационных советов (11 докторских и 8 кандидатских)⁸.

В кризисные 1990-е годы Дальневосточное отделение возглавлял *Георгий Борисович Еляков*⁹, который был избран председателем ДВО АН СССР 15 декабря 1990 г.

С первых дней работы на посту председателя ДВО АН СССР Г.Б. Еляков санкционировал принятие Президиумом ДВО АН СССР ряда решений по совершенствованию структуры Отделения. Во-первых, было принято решение об организации в составе ДВО АН СССР региональных научных центров: Амурского (председатель – член-корреспондент АН СССР В.Г. Моисеенко), Хабаровского (председатель – член-корреспондент АН СССР И.П. Дружинин), Северо-Восточного (председатель – член-корреспондент АН СССР А.А. Сидоров), Камчатского (председатель – член-корреспондент АН СССР С.А. Федоров)¹⁰.

Во-вторых, в феврале 1991 г. постановлением Президиума было образовано Научно-техническое издательство ДВО АН СССР¹¹, которое сыграло определяющую роль в издании научной литературы и научных журналов ДВО РАН.

В-третьих, в 1991 г. в составе Отделения были созданы шесть новых научных учреждений: Институт материаловедения (Хабаровск), Институт вулканической геологии и геохимии и Камчатский институт экологии и природопользования (Петропавловск-Камчатский), Институт комплексного анализа региональных проблем (Биробиджан), Международный научно-исследовательский центр «Чукотка» (Анадырь)¹². Отдел астрофизических исследований Института космофизических исследований и распространения радиоволн ДВО АН СССР

⁴ Еляков Г.Б. О деятельности Дальневосточного отделения Российской академии наук. Доклад на заседании президиума РАН. Владивосток, 1994; Еляков Г.Б. О Дальневосточном отделении Российской академии наук: Доклад на торжественном собрании Дальневосточного отделения РАН, посвященный 275-летию Российской академии наук. Владивосток, 1999; О деятельности Дальневосточного отделения Российской академии наук в 1991–1996 гг. Владивосток, 1996; и др.

⁵ Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток, 2024; Богатов В.В. Точка отсчета (к 50-летию ДВНЦ АН СССР) // Вестник ДВО РАН. 2021. № 2. С. 123–135; и др.

⁶ Дударенок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х годов // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 203–216; Дударенок С.М. Академическая историческая наука на российском Дальнем Востоке в 1990-е годы: опыт выживания и поиски выхода // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. № 33. С. 102–124.

⁷ Научный архив Дальневосточного отделения Российской академии наук (НА ДВО РАН). Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. 169 л.

⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1098. Л. 1.

⁹ Г.Б. Еляков возглавлял ДВО РАН с 1991 по 2001 г.

¹⁰ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1001. Л. 17, 120.

¹¹ Там же. Л. 122–123. Впоследствии «Дальнаука».

¹² Там же. Д. 1034. Л. 15–16, 121, 139.

был преобразован в самостоятельное научное подразделение – Уссурийскую астрофизическую обсерваторию, директором которой был назначен канд. физ.-мат. наук В.Г. Занданов¹³.

В-четвертых, для изучения местной флоры, интродукции и акклиматизации новых для региона растений, а также для создания коллекций живых растений как открытого, так и закрытого грунта были образованы два новых Ботанических сада: в Южно-Сахалинске (1990, руководитель канд. биол. наук А.М. Черняева)¹⁴ и в Благовещенске (1994, руководитель канд. биол. наук В.В. Файзулин)¹⁵.

В-пятых, был открыт ряд новых диссертационных советов: в 1991 г. открыты диссертационные советы по химическим (специальности – физическая химия, органическая химия, биоорганическая химия, химия природных и физиологически активных веществ), биологическим (специальности – биохимия, ботаника) и техническим наукам (специальности – управление в технических системах, математика и программное обеспечение вычислительных машин, комплексов, систем и сетей, применение вычислительной техники, математического моделирования и математических методов в научных исследованиях)¹⁶, в 1992 г. – по биологическим наукам (специальности – ихтиология, гидробиология)¹⁷, в 1993 г. – по биологическим наукам (специальности – биохимия, вирусология, физиология растений)¹⁸ и др. В 1996 г. в ДВО РАН работало 28 диссертационных советов в области естественных и гуманитарных наук, в их числе 17 докторских и 11 кандидатских¹⁹.

Сокращение финансирования и его последствия для академической науки Дальнего Востока России. 14 декабря 1991 г. Дальневосточное отделение в составе АН СССР завершило свое существование. Постановлением Президиума ДВО № 105 констатировалось, что в соответствии с п. 5 Временного устава РАН все учреждения, предприятия и организации ДВО АН СССР становятся структурными подразделениями ДВО РАН²⁰.

С момента своего образования ДВО РАН, как и вся российская академическая наука, столкнулось с объективными трудностями, вызванными резким сокращением финансирования, которого не хватало не только на организацию научных исследований, но даже на то, чтобы просто содержать здания и сооружения в работоспособном состоянии.

12 мая 1992 г. критическая ситуация с финансированием ДВО РАН была рассмотрена на заседании Президиума Отделения. В постановлении Президиума было отмечено, что в Отделении сложилась критическая ситуация, связанная с ухудшением бюджетного финансирования деятельности научно-исследовательских институтов, научно-исследовательского флота, опытных производств и других организаций; что резко возросли затраты на электроэнергию, отопление, водоснабжение и прочие хозяйственные услуги; что их оплата производится по высоким тарифам, не учитывающим финансовые возможности Дальневосточного Отделения; что заработная плата сотрудников ДВО РАН существенно ниже по сравнению с заработной платой других отраслей народного хозяйства краев и областей Дальнего Востока – это привело к тому, что из учреждений ДВО РАН уволилось более 1,5 тыс. чел., в том числе 1,1 тыс. научных сотрудников и высококвалифицированных инженеров²¹.

В 1991–1998 гг. лимит бюджетных средств не выполнялся. Средства на капитальный ремонт и приобретение оборудования не выделялись. Находясь в постоянном финансовом кризисе, Президиум ДВО РАН был вынужден планировать расходы только на выплату заработной платы, приобретение топлива, расходы по коммунальным услугам. На выполнение научных исследований и командировки средств оставалось катастрофически мало.

¹³ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1002. Л. 108–109.

¹⁴ Там же. Д. 1431. Л. 2–3.

¹⁵ Там же. Л. 54–55.

¹⁶ Там же. Д. 1098. Л. 17, 19, 31, 35.

¹⁷ Там же. Д. 1100. Л. 16.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Д. 1146. Л. 90.

²⁰ Там же. Д. 30. Л. 82; Богатов В.В. Академическая наука на российском Дальнем Востоке... С. 435.

²¹ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1035. Л. 27.

Таблица 1

Динамика и структура финансирования ДВО РАН
за 1991–1998 гг. (млн руб./%, с 1997 деноминированных)*

Вид финансирования	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Бюджетное финансирование (базовое)	129,2 81	1 240,8 81,4	11 052,1 87,7	51 162,9 93,7	86 672,0 76	71 857,4 92,3	264,6 89,9	161,9 83,9
Целевое финансирование из Миннауки и РФФИ	8,1 5	193,3 12,7	709,7 5,6	1 220,0 2,3 %	7 973,2 6,9	4 475,5 5,7	7,4 2,5	16,6 8,6
Хоздоговорные работы	22,3 14	90,4 5,9	845,0 6,7	2 197,5 4	19 371,5 17,1	1 551,1 2	22,3 7,57	14,4 7,47
<i>Итого</i>	159,6 100	1 524,5 100	12 606,8 100	54 589,4 100	114 016,7 100	77 884,0 100	294,3 100	192,9 100

* Составлено по: НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. 169 л.; Д. 1043. 176 л.; Д. 1044. 211 л.; Д. 1045. 169 л.; Д. 1046. 141 л.; Д. 1065. 55 л.; Д. 1068. 208 л.; Д. 2002. 40 л.; Д. 1146. 54 л.; Д. 1171. 42 л.

Наиболее критичными для судьбы российской науки, в том числе дальневосточной, были 1993 и 1998 гг.

Таблица 2

Структура статей расходов ДВО РАН
в объеме бюджетного финансирования за 1992–1998 гг. (%)*

Статья расходов	1992	1993	1996	1997	1998
Заработная плата	45	46,2	58,2	57,8	60
Начисление на заработную плату	17,5	18	22,7	22	22,7
<i>Итого по двум статьям:</i>	62,5	64,2	80,9	79,8	82,7
Хозяйственные расходы (в т.ч. коммунальные)	11,7	12,5	13,9	15,9	12,7
Расходы на научно-исследовательскую деятельность	17	13,8	3,6	2,9	2,5
Приобретение оборудования и инвентаря	1,8	5,7	0,9	1,1	–
Капитальный ремонт зданий (судов)	6,2	2,7	0,1	–	1,5
Прочие расходы	0,8	1,1	0,6	0,3	–
<i>Итого</i>	100	100	100	100	100

* Составлено по: НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. 169 л.; Д. 1043. 176 л.; Д. 1044. 211 л.; Д. 1045. 169 л.; Д. 1046. 141 л.; Д. 1065. 55 л.; Д. 1068. 208 л.; Д. 2002. 40 л.; Д. 1146. 54 л.; Д. 1171. 42 л.

Выступая на общем собрании ДВО РАН 12 октября 1993 г., председатель ДВО РАН академик Г.Б. Еляков отмечал, что «ситуация, которая складывается сегодня, свидетельствует о том, что будущее Российской академии наук уже не в тумане, уже не в определенности, а в том, что если ситуация в ближайшее время не будет изменена..., то Академия наук фактически может прекратить свое существование. Не думайте..., что я сгущаю краски. Дальневосточное отделение нашей академии, Сибирское, Уральское отделения находятся в худшем положении, чем московские и санкт-петербургские учреждения Российской академии наук...»²². Е.Г. Еляков обратил внимание и на непростые отношения ДВО РАН с Академией наук и лично с президентом РАН Ю.С. Осиповым, на рост тарифов на содержание зданий и сооружений, другие хозяйственные нужды, электроэнергию. «Не исключено, – отмечал Е.Г. Еляков, – что придется принимать решение о консервации зданий и сооружений, так как мы не сможем рассчитаться из бюджета даже за электричество...»²³.

²² НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1060. Л. 166–168.

²³ Там же. Л. 174.

26 ноября 1993 г. во Владивостоке в Академгородке состоялся митинг работников ДВО РАН против государственной политики, направленной на уничтожение российской науки и ущемление прав ученых. Участники митинга приняли резолюцию, в которой излагались требования к Правительству РФ, Верховному Совету, местной власти – «сделать все возможное для прекращения удушения отечественной науки, принять срочные меры по спасению научного потенциала, который еще не уничтожен»²⁴.

В декабре 1993 г. дальневосточные ученые присоединились к общероссийской протестной акции. Выступая на митинге в поддержку российской науки, председатель ДВО РАН академик Г.Б. Еляков отметил, что неоднократные обращения ученых, резолюции их митингов не привели к положительному результату: правительство не откликается на эти обращения и резолюции²⁵. В принятой на митинге резолюции содержалось настоятельное требование к Президенту России, главе правительства, президенту РАН «обсудить с профсоюзами сложившуюся в науке и образовании ситуацию для принятия безотлагательных мер по сохранению научного потенциала страны...»²⁶.

Основные средства, получаемые структурными подразделениями ДВО РАН (табл. 2) в 1990-е годы, шли на мизерную заработную плату, на которую уходило от 64,2 до 82,7 % всех получаемых финансов. Доля средств на приобретение материалов и оборудования, на проведение научных исследований неуклонно снижалась. Научные учреждения ДВО РАН не имели возможности проводить экспедиции, приобретать оборудование, инвентарь, химические реактивы, канцелярские принадлежности, материалы для текущих хозяйственных целей²⁷.

Особо заметно сократилось финансирование научно-исследовательской деятельности. В 1992 г. на НИР было израсходовано 17 % полученных ДВО РАН средств, в 1993 г. – 13,8 %, в 1996 г. – 3,6 %, а начиная с 1997 г. доля расходов на научно-исследовательскую деятельность не дотягивала даже до 3 %, в 1997 г. – 2,9 %, в 1998 г. – 2,5 %.

В 1998 г. на митингах, проходивших по всей стране, звучали уже политические требования: ученые требовали отставки президента и правительства. В рамках общероссийской акции приморские ученые в знак протеста против удушения российской науки 19 мая 1998 г. на два часа перекрыли в районе Академгородка федеральную трассу Владивосток – Хабаровск. Выступавшие на акции ученые говорили о преднамеренном разрушении науки, из-за которого страну покидают лучшие умы, а оставшиеся не могут обеспечить себе хоть сколько-нибудь достойное существование. Участники протеста обвиняли правительственные структуры в сознательно спланированной акции по превращению России во второстепенную державу и призывали к всероссийской забастовке²⁸.

Президиум ДВО РАН в своем обращении к Правительству Российской Федерации по поводу планируемого секвестирования бюджета ДВО РАН в 1998 г. на 20 % ниже утвержденных плановых показателей 1997 г. отмечал: «Несмотря на принятые меры, финансовое положение Отделения продолжает ухудшаться. Дальнейшая реорганизация научных учреждений Отделения и сокращение кадрового потенциала, что предполагает намечаемое секвестирование бюджета ДВО РАН, неизбежно будут сопровождаться невосполнимыми потерями целых научных направлений и школ. В таких регионах, как Камчатская, Магаданская, Амурская и Сахалинская области, вообще могут исчезнуть структурные подразделения РАН. В Приморском и Хабаровском краях концентрация высококвалифицированных научных кадров близка к критической и дальнейшее ее снижение приведет к краху академической науки в регионе. В нынешней кризисной ситуации дальневосточные ученые требуют от Правительства РФ учитывать региональные и общенаучные приоритеты при принятии решений по государственной поддержке науки»²⁹.

²⁴ Дальневосточный ученый. 1992. № 31. 9 дек. С. 2.

²⁵ Дальневосточный ученый. 1993. № 42 (1995). 15 дек. С. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2002. Л. 53.

²⁸ Дальневосточный ученый. 1998. № 14 (1120). 22 июля. С. 3.

²⁹ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1171. Л. 33.

Несмотря на данное обращение, при утвержденных лимитах бюджетных обязательств в сумме 213,3 млн руб. Министерством финансов РФ в 1998 г. ДВО РАН было выделено всего 157,2 млн руб. (73,6 % от утвержденных лимитов). По-прежнему полученные средства руководство ДВО РАН вынуждено было использовать на выплату зарплаты и обязательные платежи³⁰.

Научно-исследовательский флот Отделения в 1990-е годы. Для ДВО РАН было важным сохранить и содержать на достойном уровне научно-исследовательский флот, от функционирования которого во многом зависели научные результаты 12 институтов Отделения (ИПМТ, ИХ, ТИБОХ, ИБМ, ИВ, ИВГиГ, ИМГиГ, ДВГИ, ИТиГ, ТОИ, ИВЭП, ТИГ).

Эта проблема была поднята уже в 1992 г.: «Еще совсем недавно научно-исследовательский флот Дальневосточного отделения Академии наук считался гордостью страны, подобного не было нигде в мире. А сегодня это неразрешимая проблема для руководства Отделения. 20 судов различного тоннажа стоят на приколе у причала. Выделяемых средств едва хватает на поддержание “пароходов”, что называется на плаву, да на скудную зарплату экипажам. Суда, как правило, иностранной постройки, но нет валюты на их ремонт за границей...»³¹.

Возраст существующих в ДВО судов составлял в 1995 г. от 6 до 20 лет. Большинство судов было построено на верфях Финляндии и Польши, поставки по импорту запасных частей в 1990–1995 гг. отсутствовали. Для проведения заводского ремонта и поддержания нормального технического состояния судов в 1996 г. в масштабах существующих цен ДВО РАН требовалось 8 млрд 450 млн 100 тыс. долларов США (табл. 3), которых у Отделения не было.

Таблица 3

Необходимое количество средств, требуемых для ремонта научно-исследовательских судов ДВО РАН в 1996 г., млн деноминированных руб.*

Название НИС	Год постройки	Стоимость ремонта, млн руб.
«Академик Александр Несмеянов»	1982	4 000 млн + 100 тыс. \$
«Академик М.А. Лаврентьев»	1984	500 млн
«Академик Опарин»	1985	500 млн
«Профессор Богоров»	1976	400 млн
«Морской геофизик»	1975	1 300 млн
«Вулканолог»	1976	700 млн
«Профессор Гагаринский»	1987	300 млн
«Бриг»	1977	150 млн
«Берилл»	1978	150 млн
«Аметист»	1979	150 млн
«Базальт»	1984	300 млн
«Луговое»	1986	Стоимость ремонта не определена
«Ларга»	1990	Стоимость ремонта не определена
«Катран»	1990	Стоимость ремонта не определена
«Наука»	1988	В 1996 г. на воду не спускалось
«Фауна»	1988	В 1996 г. на воду не спускалось
Итого		8 450 млн +100 тыс. \$

* Составлено по: НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1146. Л. 96.

³⁰ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2002. Л. 53.

³¹ Дальневосточный ученый. 1992. № 32. 16 дек. С. 2.

Во второй половине 1990-х годов научно-исследовательский флот ДВО РАН имел в своем составе 12 научно-исследовательских судов и 4 катера, из которых 6 судов и 1 катер содержались в эксплуатационном состоянии. В отстой находилось четыре судна (НИС «Аметист», «Базальт», «Бермилл» и «Бриг»), которые были выведены в отстой в 1993–1995 гг. из-за отсутствия средств на их содержание и эксплуатацию. И еще два судна («Академик Александр Несмеянов» и «профессор Богоров») были выведены в отстой в 1997 г. из-за санкций, наложенных федеральными таможенными органами за неуплату таможенных сборов после рейсов судов в Японию для ремонта.

Объем фактического годового бюджетного финансирования научно-исследовательского флота ДВО РАН составил в 1997–1999 гг. не более 25 % от необходимого. В 1998 г., например, он составил 11 382 056 руб., а требовалось 45 528 224 руб. В связи с недостатком средств вместо пяти судов, подлежащих ремонту в установленные морским Регистром сроки, в 1998 г. было отремонтировано только четыре.

Из-за отсутствия необходимого целевого государственного финансирования морских научных исследований экспедиционные рейсы в 1998 г. смогли организовать только четыре института ДВО РАН (ТОИ, ИБМ, БПИ и ТИБОХ) совместно с российскими и иностранными научными учреждениями, которые финансировали рейсовые расходы.

Всего было выполнено 13 экспедиционных рейсов для проведения 8 экспедиций (ТОИ – 5, ИБМ, БПИ и ТИБОХ – по 1) на четырех судах в режиме заграничного и внутреннего плавания на акваториях Японского, Охотского и Восточно-Китайского морей с общей продолжительностью плавания 224 дня и участием 135 научных сотрудников, в том числе 40 иностранных³².

Для охраны и обеспечения научной деятельности Дальневосточного государственного морского заповедника в заливе Петра Великого использовалось НИС «Луговое», совершившее 5 охранно-обеспечивающих рейсов³³.

В целях поддержания плавающих судов в постоянной эксплуатационной готовности управление флота в периоды отсутствия экспедиционных рейсов сдавало судна в аренду коммерческим фирмам для выполнения кратковременных коммерческих рейсов в порты Японии и Республики Корея. Доходы от аренды судов были минимальными и составляли от 1,3 до 15,2 % от фактического объема бюджетного финансирования, выделенного на содержание флота (табл. 4).

Таблица 4

Средства от сдачи судов ДВО РАН в аренду*

Год	Бюджетное финансирование, тыс. руб.	Доход от аренды судов, тыс. руб.	В % к бюджетному финансированию
1993	1 285 400	17 062	1,3
1994	4 156 611	425 805	10,2
1995	7 510 240	979 493	13,0
1996	3 938 939	598 661	15,2

* Составлено по: НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1146. Л. 97.

Средства, полученные от аренды судов, использовались для финансирования отдельных работ и закупок по поддержанию технической эксплуатации флота.

Если в 1997 г. шестью плавающими судами было выполнено 105 рейсов, в 1998 г. их количество сократилось до 71 рейса, в том числе 13 экспедиционных, 53 коммерческих и 5 охранных³⁴. Состав, состояние и использование научно-исследовательского флота ДВО РАН в конце 1990-х годов можно представить в виде следующей таблицы (табл. 5).

³² НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2002. Л. 75.

³³ Там же. Л. 75.

³⁴ Там же. Л. 76–77.

Таблица 5

Состав, состояние и использование научно-исследовательского флота ДВО РАН в 1998 г.

	Название судна	Состояние на 31.12.1998	Плавание в рейсах (кол-во рейсов/продолж. в сутках)		Стоянка в порту приписки	
			экспедици- онных	коммерческих	всего	в т.ч. в ремонте
	Суда с неограниченной дальностью плавания					
1	«Акад. М.А. Лаврентьев»	в строю	1/43	4/40	281	24
2	«Акад. Опарин»	в строю	2/55	8/61	248	0
3	«Проф. Гагаринский»	в строю	5/99	20/236	265	108
4	«Морской геофизик»	в строю	5/99	21/212	128	0
5	«Вулканолог»	в строю	5/99	0	152	0
6	«Акад. А. Несмеянов»	в отстое	0	0	364	0
7	Проф. Богоров	в отстое	0	0	364	0
	Суда с ограниченной дальностью плавания					
8	«Луговое»	в строю	5/27 (+5/12)	0	325	14
9	«Аметист»	в отстое	0	0	364	0
10	«Базальт»	в отстое	0	0	364	0
11	«Берилл»	в отстое	0	0	364	0
12	«Бриг»	в отстое	0	0	364	0
	Катера					
1	«Ларга»	в строю	0	0	364	0
2	«Катран»	в консервации	0	0	364	0
3	«Наука-2»	в консервации	0	0	364	0
4	«Фауна-2»	в консервации	0	0	364	0

* Составлено по: НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1202. Л. 76.

Не только мизерные зарплаты, но и невозможность заниматься любимым делом из-за отсутствия финансирования и организации экспедиционных исследований стали основными причинами оттока научных сотрудников из структурных подразделений ДВО РАН.

Выполнение хоздоговорных работ несколько улучшало финансовое положение институтов, но заработанных средств на организацию «нормальной» исследовательской деятельности хронически не хватало. Кроме того, некоторые институты в силу особенностей предмета своих исследований просто не могли найти заказчика на выполнение хоздоговорных работ.

Кроме того, резкий спад в промышленности в 1996–1998 гг. практически лишил институты ДВО РАН возможности заработать средства, работая по хоздоговорам. В 1996 г. доходы от выполнения хоздоговорных тем составляли всего 2 % от общего финансирования научных учреждений ДВО РАН, в 1997 г. доходы от выполнения хозяйственных договоров возросли до 7,57 %, а в следующем 1998 г. они опять стали снижаться и составили 7,47 % (см. табл. 1).

Динамика количественного и качественного состава сотрудников ДВО РАН в 1990-е гг. Массовый отток научных сотрудников из подразделений ДВО РАН начался в 1991 г. и продолжался с большей или меньшей интенсивностью вплоть до дефолта 1998 г.³⁵ (табл. 6).

³⁵ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1203. 217 л.; Д. 1204. 217 л.; Д. 1205. 217 л.

Таблица 6

Количественный и качественный состав научных сотрудников в ДВО РАН с 1990 по 1999 г.*

Показатель	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Общее число работающих	12 000	11 157	9 413	9 538	7 899	7 470	7 392	7 359	7 435	7 437
Научные сотрудники	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Члены РАН	–	32	30	24	26	26	25	33	33	33
Доктора наук	164	217	193	209	213	217	226	239	271	330
Кандидаты наук	1 383	1 353	1 235	1 191	1 172	1 139	1 126	1 100	1 157	1 150
Без ученой степени	1 456	1 433	1 185	1 090	994	913	872	899	920	838
Всего	3 003	2 720	2 643	2 514	2 405	2 295	2 249	2 271	2 381	2 351

* Составлено по: НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1042. 169 л.; Д. 1043. 176 л.; Д. 1044. 211 л.; Д. 1045. 169 л.; Д. 1046. 141 л.; Д. 1065. 55 л.; Д. 1068. 208 л.; Д. 2002. 40 л.; Д. 1146. 54 л.; Д. 1202. 40 л.; Д. 1171. 42 л.

С 1990 по 1999 г. общее количество сотрудников ДВО РАН сократилось на 38,0 %, т.е. с 12 000 до 7 437 чел.; соответственно научных сотрудников на 21,8 % – с 3 003 до 2 351 чел. Наиболее заметным было сокращение научных сотрудников в институтах ДВО РАН в 1992 и 1993 гг. Наибольшее сокращение численности сотрудников произошло в институтах геолого-геофизического профиля (Институте тектоники и геофизики – на 45 %, Институте морской геологии и геофизики – на 48 %, Северо-Восточном комплексном институте – на 54 %, Институте географии – на 49 %)³⁶.

Отток научных сотрудников из институтов ДВО РАН принимал формы внешней (отъезд за рубеж на постоянное место жительства) и внутренней миграции (уход в бизнес, в учреждения образования, переезд в центральные регионы страны и пр.)³⁷. Всего за период с 1990 по 1999 г. в ДВО РАН количество кандидатов наук сократилось на 233 чел., но в то же время количество докторов наук увеличилось на 166 чел. На фоне оттока специалистов из научных учреждений ДВО обострилась проблема сохранения научных школ и научных направлений, а также подготовки молодых исследователей (табл. 7).

Таблица 7

Динамика подготовки аспирантов в ДВО РАН

Год	Всего аспирантов	С отрывом от производства	% к общ. числу науч. сотр.
1991	174	–	6,39
1992	126	–	4,76
1993	119	–	–
1994	133	38	5,50
1995	139	67	6,05
1996	187	97	8,20
1997	221	132	9,50
1998	316	211	13,27

* Составлено по: НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1041. Л. 42; Д. 1068. Л. 60; Д. 2002. Л. 52.

³⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1171. Л. 28–29.

³⁷ Там же. Д. 1043. Л. 4–5, 152; Д. 1044. Л. 112.

Возникла реальная угроза сокращения научной смены по специальностям, приоритетным для академической науки Дальнего Востока, по которым ученые-дальневосточники на начало 1990-х годов удерживали мировое лидерство. Это выражалось в ежегодном сокращении приема аспирантов и молодых специалистов. В 1991 г. в аспирантуру ДВО РАН было принято 53 аспиранта, а на работу – 87 молодых специалистов; в 1992 г. – соответственно 41 и 41; в 1993 г. – 32 и 26; в 1994 г. – 46 и 32; в 1995 г. – 45 и 40, а в 1996 г. всего 19 аспирантов и 22 молодых специалиста³⁸.

ДВО РАН и органы исполнительной власти. В условиях нарастания социально-экономических кризисных явлений и тенденций свертывания перспективных научных направлений Президиум ДВО РАН предпринял ряд конкретных мер по активизации привлечения дополнительных источников финансирования.

В ряде регионов Дальнего Востока в результате обращения к губернаторам руководства ДВО РАН появились программы адресной помощи ученым. В рамках созданной администрацией Приморского края в 1995 г. программы адресной поддержки приморских ученых победителями конкурса грантов губернатора края стали 38 ученых Отделения³⁹.

За материальной помощью к главам своих администраций обращались директора институтов, расположенных в Приморском и Хабаровском краях, Амурской, Сахалинской и Магаданской областях. Иногда местные власти шли навстречу директорам институтов и по мере возможности стремились материально поддержать институты ДВО РАН, расположенные на их территории. Например, из местного бюджета Магаданской области двум институтам ДВО РАН (СВКНИИ и ИБПМ) было безвозмездно выделено 20 млн руб. для погашения задолженности по коммунальным услугам⁴⁰. Но в большинстве регионов Дальнего Востока просьбы о материальной помощи институтам ДВО РАН местными администрациями игнорировались, а иногда даже возникали конфликты как с руководителем расположенного на их территории института, так и со всем коллективом учреждения.

Примером является ситуация, сложившаяся в отношениях между директором созданного постановлением Президиума ДВО РАН 11 марта 1992 г. Научно-исследовательского центра (НИЦ) «Чукотка»⁴¹ и администрацией Чукотского автономного округа (ЧАО) и лично главой администрации ЧАО А.В. Назаровым. Просьба директора НИЦ «Чукотка» д-ра биол. наук А.Н. Галанина выделить 10 млн рублей (в долг) для оплаты задолженности по отоплению, водоснабжению и электричеству, а также осуществления почтово-телеграфных расходов не только не была услышана администрацией ЧАО и лично главой администрации ЧАО А.В. Назаровым, но и привела к вмешательству главы администрации ЧАО во внутренние дела НИЦ «Чукотка»⁴².

Глава администрации ЧАО А.В. Назаров своим постановлением от 5 мая 1996 г. № 225 снял с должности директора НИЦ «Чукотка» А.В. Галанина «за действия, дискредитирующие его как руководителя научного центра, и отсутствие необходимых деловых качеств»⁴³, превысив тем самым свои полномочия. Наибольшее неудовольствие главы администрации ЧАО вызывала политическая активность А.В. Галанина как депутата Думы ЧАО, члена комитета по бюджету, финансовой и налоговой политике⁴⁴.

В Анадырь была послана комиссия ДВО РАН, которая не обнаружила в деятельности директора НИЦ «Чукотка» «каких-либо действий и прегрешений, имеющих основание для вынесения ему недоверия и освобождения от занимаемой должности»⁴⁵, рекомендовала СВНИЦ ДВО РАН, в состав которого входил НИЦ «Чукотка», «обратиться с ходатайством к прокурору Чукотского автономного округа о внесении протеста на принятое постанов-

³⁸ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1046. Л. 90.

³⁹ Еляков Г.Б. О дальневосточном отделении Российской академии наук... С. 13.

⁴⁰ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1428. Л. 173.

⁴¹ Там же. Л. 77.

⁴² Там же. Л. 168–169, 173.

⁴³ Там же. Л. 158.

⁴⁴ Там же. Л. 147.

⁴⁵ Там же. Л. 160.

ление главы администрации ЧАО», а директору НИЦ «Чукотка» А.В. Галанину «обратиться с иском в соответствующий судебный орган за защитой своей чести и достоинства, а также возмещения морального ущерба»⁴⁶.

Деятельность Президиума ДВО РАН по сохранению научных школ и научных направлений. В годы системных реформ 1990-х годов Президиум ДВО РАН проводил политику сохранения сложившихся научных школ и обеспечения приоритетного развития актуальных для региона направлений научных исследований. Так была проведена работа по совершенствованию и оптимизации структуры Дальневосточного отделения. Часть подразделений была ликвидирована: расформирован Институт экономических и международных проблем освоения океана⁴⁷, расформировано 33 лаборатории, реорганизовано и перепрофилировано более 40 лабораторий и секторов⁴⁸. Реструктуризация Отделения поспособствовала сохранению научных учреждений и ядра кадрового потенциала.

В Отделении проводилась интенсивная работа по привлечению финансовых ресурсов из всех доступных источников, включая гранты международных организаций, контракты с зарубежными фирмами, а также путем организации собственной научно-производственной деятельности.

За период с 1992 по 1996 г. учеными Отделения было получено 225 грантов различных международных фондов, таких как Национальный научный фонд США, фонд МакАртуров, IREX, INTAS, ИСАР, Гумбольта, Американского астрономического общества, Фонд мира Сасакавы⁴⁹, а более 500 ученых имели персональную финансовую поддержку зарубежных фондов и организаций⁵⁰.

Учитывая, что финансовое положение ДВО РАН, несмотря на сокращение численности и проведенные реорганизации, продолжало ухудшаться, Президиум ДВО РАН в 1997 г. планировал проведение еще нескольких мероприятий по реформированию Камчатского, Северо-Восточного и Хабаровского научных центров ДВО РАН. В Камчатском научном центре планировалось ликвидировать Институт вулканической геологии и геохимии и снизить на 40 % долю госбюджетного финансирования для научно-исследовательского геотехнологического центра, занятого решением прикладных технологических задач: в Северо-Восточном – ликвидировать НИЦ «Чукотка»; в Хабаровском – объединить Институт материаловедения (Хабаровск) и Институт машиностроения и металлургии (Комсомольск-на-Амуре) и ликвидировать Институт комплексного анализа региональных проблем (Биробиджан)⁵¹.

Часть этих планов впоследствии была реализована (ликвидация Института вулканической геологии и геохимии), другая часть либо отменена (объединение ИМ и ИМиМ, ликвидация ИКАРП), либо произошла реорганизация (НИЦ «Чукотка» был реорганизован в 1998 г. в Чукотский филиал СВКНИИ ДВО РАН). Определенную роль, связанную с планами существенного снижения научного потенциала указанных субъектов путем ликвидации расположенных на их территории подразделений ДВО РАН, сыграла отрицательная реакция администраций Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области, а также Хабаровского края и Камчатской области.

На базе уникальных приборных комплексов, в том числе поступающих по товарному кредиту из Германии, было намечено создание центров коллективного пользования и межинститутских лабораторий. Впоследствии эти планы были реализованы.

Руководство ДВО РАН понимало, что для того, чтобы превратить Дальневосточный регион в высокоразвитый высокоэффективный производственный комплекс, необходимо было приложить все усилия для сохранения и развития уже имеющихся и плодотворно работающих научных коллективов и научных школ, обеспечить конкурентоспособность наукоемкой продукции на мировом рынке.

⁴⁶ НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1428. Л. 169.

⁴⁷ Там же. Л. 64.

⁴⁸ Там же. Д. 1171. Л. 28.

⁴⁹ Там же. Д. 1146. Л. 1.

⁵⁰ Там же. Д. 1428. Л. 160–161.

⁵¹ Там же. Д. 1171. Л. 28–29.

Конкурентоспособные и перспективные наукоемкие технологии, разработанные в институтах ДВО РАН в 1990-е годы. В конце 1990-х годов ДВО РАН обозначил для Правительства РФ и Президента ряд конкурентоспособных и перспективных наукоемких технологий, разработанных в институтах ДВО РАН: комплекс систем многоцелевых необитаемых аппаратов повышенной автономности и дальности хода (ИМПТ); сверхвысоковаккумная полупроводниковая технология на основе кремниевой матрицы со встроенными активными элементами (ИАПУ); биопрепараты для медицины, сельского хозяйства, пищевой промышленности и пр., сырьем для которых являются морские биоресурсы, часто отходы переработки промысловых объектов (ТИБОХ); технологическая схема нового безотходного способа получения двуокиси титана (ИХ); комплекс акустико-эмиссионной аппаратуры «Амур-4ИМ», обеспечивающий непрерывный контроль прочностных характеристик материалов (ИМ); масло шикотиновое – новый лекарственный препарат для лечения тяжелых заболеваний кожи (БПИ); новая технология гравиметрической оценки нефтегазоносности геологических структур, не имеющая аналогов в мировой геофизике (СВКНИИ); конкурентоспособные технологии широкомасштабного освоения техногенных россыпей золота (ИГД); система комплексного мониторинга и прогнозирования состояния морских экосистем с учетом естественных изменений и различных антропогенных нагрузок (ТОИ)⁵² и пр.

Для продвижения достижений дальневосточных ученых на мировой рынок предлагалось: выделять средства для патентования наукоемких технологий за рубежом и участия ученых в международных выставках и ярмарках; установить льготные тарифы на энергоносители и льготное налогообложение для объектов научной деятельности, занимающихся разработкой наукоемких технологий, а также таможенные пошлины; решить проблему социальной защищенности и эквивалентности оплаты труда научных работников⁵³.

Выводы. Итак, под руководством академика Г.Б. Елякова, возглавлявшего ДВО РАН с 1991 по 2001 г., к началу 2000-х годов наиболее острые проявления кризиса были преодолены. Возросли масштабы научной деятельности, активизировалось участие ДВО РАН в общеакадемических интеграционных программах, в том числе в программах координации и интеграции исследований с дальневосточными вузами и институтами СО РАН; сложилась система интеграции с вузами: создан региональный совет федеральной целевой программы «Интеграция»; появились новые технологии сотрудничества науки и образования; свыше 10 % сотрудников ДВО РАН преподавали в вузах; треть академических институтов имели базовые кафедры в высших учебных заведениях, совместные учебно-научные центры; проводились морские и полевые экспедиции с участием студентов и аспирантов; появились конкурсные проекты по обеспечению непрерывного фундаментального образования⁵⁴: школа – бакалавриат – магистратура – аспирантура; велась работа по выявлению и подготовке к творческой деятельности одаренных подростков.

Литература

Богатов В.В. Точка отсчета (к 50-летию ДВНЦ АН СССР) // Вестник ДВО РАН. 2021. № 2. С. 123–135.

Богатов В.В. Академическая наука на российском Востоке (к 300-летию Российской академии наук). Владивосток: Дальнаука, 2024. 576 с.

Васильева Е.В. Ученые Дальнего Востока СССР в условиях перестройки // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 135–142.

Воронцов Н.С. Участие дальневосточных ученых в дискуссии о строительстве АЭС в Хабаровском крае (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. № 3 (45). С. 181–202.

⁵² НА ДВО РАН. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1171. Л. 36–41.

⁵³ Там же. Л. 42.

⁵⁴ Там же. Д. 1146. Л. 6.

Воронцов Н.С. Движение за создание Российской академии наук (по материалам Дальневосточного отделения АН СССР) // Россия и АТР. 2025. № 4 (130). С. 48–67.

Дударенок С.М. Академическая историческая наука на российском Дальнем Востоке в 1990-е годы: опыт выживания и поиски выхода // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. № 33. С. 102–124.

Дударенок С.М. Дальневосточное отделение Российской академии наук в начале 1990-х годов // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 203–216.

Дудченко Г.Б. Из истории ученого сообщества СССР: движение во власть на примере Дальневосточного региона в конце 1980-х – начале 1990-х гг. // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект: сб. науч. ст. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2020. С. 209–217.

Еляков Г.Б. О деятельности Дальневосточного отделения Российской академии наук. Доклад на заседании президиума РАН. Владивосток: Дальнаука, 1994. 78 с.

Еляков Г.Б. О Дальневосточном отделении Российской академии наук: Доклад на торжественном собрании Дальневосточного отделения РАН, посвященный 275-летию Российской академии наук. Владивосток: Дальнаука, 1999. 45 с.

О деятельности Дальневосточного отделения Российской академии наук в 1991–1996 гг. Владивосток: Дальнаука, 1996. 102 с.

References

Bogatov, V.V. (2021). Tochka otscheta (k 50-letiyu DVNTS AN SSSR) [Starting Point (On the 50th Anniversary of the Far Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences)]. In *Vestnik DVO RAN*. No. 2, pp. 123–135.

Bogatov, V.V. (2024). *Akademicheskaya nauka na rossiyskom Vostoke (k 300-letiyu Rossiyskoy akademii nauk)* [Academic Science in the Russian East (On the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences)]. Vladivostok, Dal'nauka. 576 p.

Dudarenok, S.M. (2021). Akademicheskaya istoricheskaya nauka na rossiyskom Dal'nem Vostoke v 1990-e gody: opyt vyzhivaniya i poiski vykhoda [Academic Historical Science in the Russian Far East in the 1990s: Survival Experience and the Search for a Way Out]. In *Trudy IIAE DVO RAN*. No. 33, pp. 102–124.

Dudarenok, S.M. (2024). Dal'nevostochnoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk v nachale 1990-kh godov [Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in the Early 1990s]. In *Trudy IIAE DVO RAN*. Vol. 45, pp. 203–216.

Dudchenko, G.B. (2020). Iz istorii uchenogo soobshchestva SSSR: dvizhenie vo vlast' na primere Dal'nevostochnogo regiona v kontse 1980-kh – nachale 1990-kh gg. [From the History of the Scientific Community of the USSR: Movement to Power on the Example of the Far Eastern Region in the Late 1980s – Early 1990s]. In *Reformy kontsa XX – nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regional'nyy aspekt. Sbornik nauchnykh statey*. Vladivostok, pp. 209–217.

Elyakov, G.B. (1994). *O deyatelnosti Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. Doklad na zasedanii prezidiuma RAN* [On the Activities of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Report at the Meeting of the Presidium of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences]. Vladivostok, Dalnauka. 78 p.

Elyakov, G.B. (1999). *O Dal'nevostochnom otdelenii Rossiyskoy akademii nauk: Doklad na torzhestvennom sobranii Dal'nevostochnogo otdeleniya RAN, posvyashchenny 275-letiyu Rossiyskoy akademii nauk* [On the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences: Report at the Ceremonial Meeting of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Dedicated to the 275th Anniversary of the Russian Academy of Sciences]. Vladivostok, Dalnauka. 45 p.

(1996). *O deyatelnosti Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk v 1991–1996 gg.* [On the Activities of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in 1991–1996]. Vladivostok, Dalnauka. 102 p.

Vasileva, E.V. (2015). Uchenye Dal'nego Vostoka SSSR v usloviyakh perestroyki [Scientists of the Soviet Far East in the Context of Perestroika]. In *V zerkale Perestroyki: k osmysleniyu rossiyskoy transformatsii. Sbornik nauchnykh statey*. Vladivostok, pp. 135–142.

Vorontsov, N.S. (2025). Dvizhenie za sozдание Rossiyskoy akademii nauk (po materialam Dal'nevostochnogo otdeleniya AN SSSR) [Movement for the Creation of the Russian Academy of Sciences (based on materials from the Far Eastern Branch of the USSR Academy of Sciences)]. In *Rossiya i ATR*. No. 4 (130), pp. 48–67.

Vorontsov, N.S. (2025). Uchastie dal'nevostochnykh uchenykh v diskussii o stroitel'stve AES v Khabarovskom krae (konets 1980-kh – nachalo 1990-kh gg.) [Participation of Far Eastern Scholars in the Discussion on the Construction of a Nuclear Power Plant in Khabarovsk Krai (Late 1980s – Early 1990s)]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN*. No. 3 (45), pp. 181–202.

В.А. Василенко*

**«ДАЛЕКИЙ КРАЙ»: ИЗУЧЕНИЕ ТУВЫ
РУССКИМИ УЧЕНЫМИ, ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ,
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА – 1914 ГОД)**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-19
УДК 94(47+571.52)*Выходные данные для цитирования:**Василенко В.А. «Далекий край»: изучение Тувы русскими учеными, путешественниками, общественно-политическими деятелями (вторая половина XIX века – 1914 год) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 258–270. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-19.pdf>*

V.A. Vasilenko*

**“THE FARAWAY LAND”: THE STUDY OF TUVA
BY RUSSIAN SCIENTISTS, TRAVELERS,
AND PUBLIC AND POLITICAL FIGURES
(SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY – 1914)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-19

*How to cite:**Vasilenko V.A. “The Faraway Land”: The Study of Tuva by Russian Scientists, Travelers, and Public and Political Figures (Second Half of the 19th Century – 1914) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 258–270. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-19.pdf>]*

Abstract. The purpose of this article is to provide a comprehensive analysis of the scientific research conducted by Russian scientists, political and military figures in Tuva from the mid-19th century to 1914. The object of this research is Tuva, or the Uryankhay region, and the subject is the scientific research conducted by Russian scientists, public figures, and political leaders in Tuva from the mid-19th century to 1914. In the process of writing the article, general scientific methods of analysis, comparison, and generalization of factual material were used, as well as special historical methods: descriptive, historical-comparative, historical-typological, and historical-systemic. The scientific novelty of this work lies in the fact that for the first time, the organization of scientific expeditions to Tuva and the analysis of aspects of its political history in the reports of scientists, military personnel, and officials are presented as a special subject of research. The author has introduced materials from the State Archive of the Krasnoyarsk Region and the St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The article updates information that was not previously emphasized in Soviet and modern historiography, such as the results of research conducted in Tuva by members of the Great Siberian Expedition, including L.E. Schwartz, I.S. Kryzhin, the revolutionary populist D.A. Klements, and others. The article provides an in-depth analysis of the main scientific research conducted in Tuva during the period under review, highlighting both scientific and applied research. The role of the latter is increasing against the backdrop of geopolitical changes in Central Asia and increased interest in the “Uryankhay issue” in public and political circles. The article assesses the role of representatives of the central and regional authorities in organizing and conducting scientific research in Tuva. The author also draws attention to the need to study the activities of politicians, diplomats, and civil servants in the scientific field in the future, as well as the need for additional research on the relationship between scientific research in Tuva and the colonial period. The materials of this article can be used in conducting historical research on Tuva (the second half of the 19th and early 20th centuries), writing educational and methodological manuals on the history of the region, and preparing for lectures, seminars, and practical classes on the basics of regional studies, local history, and Russian history.

* **Виктория Александровна Василенко**, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru

Victoria Aleksandrovna Vasilenko, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, St. Petersburg Branch of the Federal Government-financed Institution of Science of the Archive of Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, e-mail: vasil-vic79@yandex.ru

Keywords: history of science, history of regions, “Urianhai question”, Russia, Tuva.

The article has been received by the editor on 28.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Цель настоящей статьи – комплексный анализ научных исследований по Туве, проводимых русскими учеными, политическими и военными деятелями с середины XIX в. по 1914 г., чей вклад способствовал формированию гуманитарного тувиноведения. Объектом исследования является Тува, или Урянхайский край, предметом – научные изыскания, проводимые русскими учеными, общественными и военно-политическими деятелями в Туве с середины XIX в. по 1914 г. Научная новизна настоящей работы заключается в том, что впервые организация научных экспедиций в Туву и анализ аспектов ее политической истории в отчетах ученых, военных, должностных лиц выступают в качестве специального предмета исследования. Автором введены в научный оборот материалы фондов Государственного архива Красноярского края, Санкт-Петербургского филиала архива РАН. Актуализированы сведения, на которых ранее не был сделан акцент в советской и современной историографии: результаты исследований в Туве участников Большой Сибирской экспедиции Л.Э. Шварца, И.С. Крыжина, революционера-народника Д.А. Клеменца и пр. В статье представлена развернутая характеристика основных научных изысканий, проводимых в Туве в рассматриваемый период времени, выделены группы исследований как научной направленности, так и прикладных. Дана оценка роли представителей центральной и региональной власти в организации и проведении научных исследований в Туве. Автор также обращает внимание на необходимость изучения в будущем деятельности политиков, дипломатов, государственных служащих в научной сфере, а также на потребность в дополнительном изучении вопроса о взаимосвязи научных исследований в Туве с колониационной политикой в указанный период времени. Материалы статьи могут применяться в проведении исторических исследований по Туве (вторая половина XIX – начало XX в.), в написании учебно-методических пособий по истории региона, в процессе подготовки к лекционным, семинарским и практическим занятиям по основам регионоведения, краеведению, отечественной истории.

Ключевые слова: история науки, история регионов, «урянхайский вопрос», Россия, Тува.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026 г.

На сегодняшний день внешнеполитический курс Российской Федерации характеризуется высокой степенью самостоятельности. Он выстраивается с учетом национальных стратегических приоритетов. Значимость координации отношений между федеральным центром и субъектами сохраняется на протяжении всего периода после установления современных границ России и формулирования основных направлений ее восточной внешней политики. Тува – уникальный регион со своей самобытной историей, добровольно вошедший в состав РСФСР на правах автономии в 1944 г. Упрочению и развитию русско-тувинских контактов в немалой степени способствовало проведение научных исследований русскими учеными, путешественниками. В этой связи тема статьи имеет несомненную актуальность. Следует добавить, что в 2026 г. исполняется 105 лет с даты учреждения Тувинской Народной Республики, Танну-Тува улус. Со времени провозглашения государственного образования происходит интенсивное развитие всех значимых сфер общественной жизни: социально-экономической, культурно-образовательной, политической. Во многом это стало

возможным благодаря существенному научному вкладу, который внесли русские ученые в исследование региона.

Цель настоящей статьи – комплексный анализ научных исследований в Туве, проводимых русскими учеными, политическими и военными деятелями с середины XIX в. по 1914 г. Объектом исследования является Тува (Урянхайский край)¹, предметом – организация и проведение научных исследований края русскими учеными, политическими и военными деятелями с середины XIX в. по 1914 г.

В процессе написания статьи использовались общенаучные методы анализа, сравнения, обобщения, сопоставления фактологического материала, позволившие выделить ряд особенностей проведения научных исследований на территории Тувы. Применение данных методов позволяет автору прийти к выводу о смене содержательной составляющей экспедиций: в 1860–1880-е гг. они носили преимущественно научно-исследовательский характер, в 1880–1914 гг. – практически прикладной.

Специально-исторические методы, в том числе описательный, историко-сравнительный, историко-типологический и историко-системный, позволили выделить направления научных исследований, составивших в будущем основу научных знаний о регионе. На основании применения проблемно-хронологического метода были выделены основные этапы изучения Тувы – от начала проведения научных изысканий в середине XIX в. до организации специальных экспедиций, цели которых формировались на основе растущего внимания к «урянхайскому вопросу» в общественно-политических кругах России в 1880-х годах.

Нижняя граница исследования – вторая половина XIX в. На этот период приходится формирование четкого контура геополитических интересов России в Центрально-Азиатском регионе, а также активный период хозяйственно-экономического освоения Тувы русскими крестьянами, торговцами и промышленниками. Верхней границей исследования является 1914 г., время объявления над Тувой российского протектората.

Историография исследования делится на три периода: дореволюционный (вторая половина XIX в.), послереволюционный (1917–1991 гг.) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время).

Первые обобщающие работы были представлены в «Истории полувековой деятельности Императорского Русского географического общества (1845–1895 гг.)» П.П. Тянь-Шанского, «Географическо-статистическом словаре Российской империи» и др.

После революции 1917 г. обзор научных исследований, проводимых русскими путешественниками в Туве, делался в контексте общей критики политики царской России. Ряд историков говорили о том, что большая часть исследований преследовала одну цель – сбор материала о ресурсах региона с целью их последующей эксплуатации².

С вхождением Тувы в состав РСФСР в 1944 г. происходит дальнейшее накопление и обобщение научного опыта, полученного в ходе научных изысканий, проводимых в Туве ранее. Кроме того, меняется общий подход в оценках вклада, сделанного русскими исследователями до 1917 г.

С учреждением Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ)³ происходит дальнейшее институциональное оформление национального тувиноведения. Большая заслуга в развитии тувинской грамматики, литературы принадлежит заведующему сектором языка и письменности А.А. Пальмбаху⁴, который в качестве основы использовал работы Н.Ф. Катанова.

В подавляющем большинстве работ советского периода дана положительная оценка вклада русских ученых, исследователей в решение хозяйственных задач Тувы, ее экономическое развитие. П.А. Шахуновой, Б.А. Лихановым подчеркивается различие в целях русских

¹ Название Урянхайский край, Танну-Урянхай сохранялось за регионом с середины XVIII в. по 1921 г.

² Шожейлов С.А. (Нацов). Тувинская народная республика. М, 1930; Маслов П.П. Конец Урянхая. Путевые очерки // Тыва Дептер. М., 2007. Т. 5. С. 680–682.

³ Тувинский институт гуманитарных исследований при Правительстве Республики Тыва с 2008 г.

⁴ Национальный архив Республики Тыва (НА РТ). Ф. 223. Пальмбах Александр Адольфович (1897–1965), тюрколог, один из основателей тувинской национальной письменности. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2 об.

путешественников и иностранцев, поскольку первые стремились к познанию «малоизвестной страны и ее населения», а иностранцы, напротив, изучали главным образом ресурсный потенциал⁵.

Актуализация материала о научных экспедициях рассматриваемого периода представлена в работах по этнографии Тувы С.И. Вайнштейна, трудах Ю.Л. Аранчына, Н.Н. Толстой⁶. В работах В.И. Дулова, коллективной монографии «История Тувы» подчеркивается особая роль русских исследователей в становлении тувинской науки. Так, по мнению В.И. Дулова, среди всех исследователей только русские ученые интересовались историей Тувы, пусть и в контексте российско-китайских отношений⁷.

В постсоветской историографии в связи с открытием доступа к архивным документам и отказом от марксистско-ленинской идеологии происходит научное осмысление и актуализация тем, не рассматриваемых специальным образом в советской историографии: истории дипломатии в Туве, отношений России, Китая, Монголии в Центральной Азии.

Отдельный аспект – «урянхайский вопрос»⁸ как часть политической истории Тувы в работах военных исследователей детальным образом анализируют Е.А. Белов, Ю.В. Кузьмин, Н.М. Моллеров, В.Г. Дацышен, А.А. Самдан, З.Ю. Доржу. В работах Н.М. Моллерова, Ю.В. Кузьмина приводится классификация научных экспедиций по характеру и цели исследований.

Комплексная характеристика научных экспедиций, организованных российскими научными обществами, главным образом Русским географическим обществом, представлена в трудах К.А. Бичелдея, С.А. Дары-Сурун, Т.В. Лундуп.

Ч.К. Иргит была выделена совокупность факторов, предваряющих проведение этнографических исследований в Туве: институциональное оформление этнологии как самостоятельной науки, повышение интереса к приграничным территориям со стороны государства в связи с началом экономического освоения русскими переселенцами⁹.

В целом в подавляющем большинстве работ, посвященных отдельным аспектам тувинской исторической науки, опора на характеристики научных исследований, проводимых во второй половине XIX – начале XX в., является общепринятой нормой и применяется повсеместно. Однако большинство из характеристик экспедиций носит обзорный характер и, как правило, не рассматривается специальным образом. Кроме того, в связи с наличием архивных документов, ранее не введенных в научный оборот, в настоящее время сохраняется потребность в комплексном изучении результатов научной деятельности исследователей, в которых так или иначе представлены отдельные точки зрения, мнения, позиции на различные вопросы тувинской политической истории, в том числе на аспекты взаимоотношений России с сопредельными странами – Китаем и Монголией по «урянхайскому вопросу».

Интерес к народам, населяющим верховья Енисея и территорию Саян, возник у большинства исследователей Центрально-Азиатского региона и был отражен в трудах Плано Карпини, Г. Рубрука и других ученых. Изучение территории Тувы непосредственно русскими исследователями начинается с момента освоения монгольского приграничья примерно с конца XVI – начала XVII в.

⁵ Шахунова П.А., Лиханов Б.А. К вопросу изучения Тувы русскими исследователями // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1954. Вып. II. С. 63–80.

⁶ Вайнштейн С.И. Краткая история этнографического изучения тувинцев // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 240–255.

⁷ Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. Кызыл; Иркутск, 2013. С. 60.

⁸ Содержание «урянхайского вопроса» сводилось к дискуссии о правовом положении Тувы, которая оказалась в зоне пересечения интересов России, Китая и Монголии. Вопрос о спорности территории был обусловлен отчасти разночтениями в переводах текстов Кяхтинского и Буринского договоров 1727 г. Провозглашение протектората в 1914 г. привело лишь к формальному закрытию вопроса в его первоначальной постановке. Вхождение Тувы на правах автономной республики в состав РСФСР в 1944 г. привело к нивелированию означенной проблемы.

⁹ Иргит Ч.К. Первые экспедиции по этнографическому изучению Тувы в конце XIX – начале XX вв. // Азиатские исследования: история и современность. 2023. № 2–3 (6–7). С. 118.

В дорожном дневнике Н. Спафария, изданном в 1887 г., сообщается об экспедиции вверх по Енисею «для разных географических разведок» и выборе мест для постройки крепостей и острогов, а по возвращении в Красноярск они передали в канцелярию географическую карту пути и письменное донесение, однако их записи не сохранились¹⁰.

По результатам заключенных в 1727 г. Буринского и Кяхтинского договоров С.Л. Рагузинским была составлена ландкарта, перерисованная геодезистами М. Кушелевым и М. Зиновьевым по поручению составителя «Атласа Российской империи» И.К. Кириллова. В последующих исследованиях русско-китайской границы и в ходе обсуждения «урянской проблемы» ландкарта станет основой для выделения пограничной линии с Китаем и выяснения вопроса о спорности тувинской территории¹¹.

С демаркацией границы началось освоение края казаками через меновую торговлю¹². После вхождения региона в состав Цинской империи в 1776 г. некий Е. Пестерев по заданию Тобольского губернатора посетил долину Енисея. Результаты его путешествия были отражены в письменных работах, в большей степени утраченных¹³.

В конце 1840-х годов, по словам Л.Э. Шварца, Управление генерального штаба в Иркутске стало проявлять ревностную деятельность, пробужденную в особенности назначением на должность генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьевым¹⁴.

Одним из первых ученых, кто посетил Туву, стал П.А. Чихачев, знаменитый географ и геолог. Его интересы как ученого выходили далеко за пределы естественных наук – он много внимания уделял рассмотрению историко-политических и социальных проблем¹⁵, поэтому работы носили комплексный характер. В 1842 г. по заданию штаба корпуса горных инженеров ученый совершил путешествие по Восточному Алтаю и Западным Саянам. Результаты экспедиции получили высокую оценку в отечественных изданиях, а в 1845 г. в Париже был опубликован фундаментальный труд о ней – «Путешествие в Восточный Алтай». Примечательно, что один из хребтов, расположенных на крайнем юго-западе Республики Тыва, назван в честь Петра Александровича.

В 1847 г. финский ученый М.А. Кастерн по заданию Санкт-Петербургской академии наук посетил Минусинскую котловину, однако по причине недружелюбного приема вынужден был покинуть регион¹⁶.

В 1857 г. золотопромышленник, геолог, состоящий при дворе Министерства императорского двора, Г.М. Пермикин совершил поездку к дархатам и сойотам. По его словам, местное население, урянхи, высказали стремление стать подданными «русского царя»¹⁷. Маршрут экспедиции повторил начальник управления генерального штаба в Иркутске К.Ф. Будогосский, осуществлявший экспедицию по поручению Н.Н. Муравьева-Амурского. Помимо подтвержденных сведений, представленных Г.М. Пермикиным, К.Ф. Будогосский опроверг утверждения последнего о том, что жители Танну-Урянхай хотят перейти в подданство России, отметив, что это желание «не довольно еще определительно ими высказано».

¹⁰ Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году: Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Записки Императорского географического общества (РГО) по отделению этнографии. М., 1882. Т. 10, вып. 1. С. 188–189.

¹¹ Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее населенниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.): в 7 т. М., 2007. Т. 1. С. 8–9.

¹² Кон Ф.Я. Усинский край // Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества (ВСО ИРГО) по географии. Иркутск, 1914. Т. 2, вып. 1. С. 27.

¹³ Там же. С. 27–28.

¹⁴ Подробный отчет о результатах исследований Математического отдела Сибирской экспедиции Имп. Русского Географического общества: сост. глав. астрономом Экспедиции Лудвигом Шварцем // Труды Сибирской экспедиции Имп. Географического общества. СПб., 1864. С. 15.

¹⁵ Чихачев П.А. Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974. С. 18–60.

¹⁶ Кон Ф.Я. Усинский край... С. 27.

¹⁷ Название, которое давали тувинским племенам русские и монголы по аналогии с народами, населявшими Саянскую котловину.

В 1857 г. в управлении Генерального штаба Восточной Сибири была составлена карта Маньчжурии и восточной части Монголии¹⁸.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. до середины XIX в. поездки в Туву, совершаемые русскими исследователями, путешественниками, должностными лицами, носили ознакомительный характер: во время экспедиций проводились топографические работы, по итогам составлялись первые карты. В этот период отсутствовала единая методология исследований, позволяющая говорить о формировании научного тувиноведения.

Значительный вклад в научное изучение Тувы сделали участники Большой Сибирской экспедиции. Цель экспедиции была практической и заключалась в составлении наиболее точной карты Юго-Восточной Сибири. Кроме того, необходимо было изучить и дать оценку ресурсному потенциалу обследуемых территорий, включая минеральные богатства.

Большая заслуга в организации экспедиции в Туву принадлежит руководителю математического отдела Экспедиции, уроженцу Данцига, астроному, географу Л.Э. Шварцу, а также прапорщику И.С. Крыжину, в будущем – профессору Петербургского лесного института. Целью экспедиции было обследование русско-китайской границы на западе и определение пограничных знаков. Учеными была проведена первая топографическая съемка центральной и восточной частей Восточного Саяна, в 1863 г. составлена карта Южной Сибири с нанесенными границами Тувы, произведены геологические наблюдения, осуществлен отбор образцов горных пород. Маршрут И.С. Крыжина являлся, по словам Л.Э. Шварца, одним «из важнейших пособий по картографии», поскольку проходил по неизведанным территориям. Описывая пограничные линии Китая и России, участники экспедиции отмечали, что Китай использует приграничные вассальные территории в качестве буфера, ограждающего «внутреннюю» территорию от России, о чем свидетельствуют перенос границы в 1727 г. на север вдоль линии водораздела между Иркутском и Косоголом и уничтожение поста на самом Косоголе. Все это «доказывает только, как ревниво китайское правительство смотрело на усиление влияния русских между пограничными с Китаем народами»¹⁹.

В ходе сбора материалов и проведения топографических работ И.С. Крыжин сообщал сведения о дархатах и урянхайских племенах, кочующих в районе оз. Косогол (Хубсугул), приводил данные о торговле русских с тувинцами²⁰.

На вторую половину XIX в. приходится системное формирование тувиноведения в области гуманитарных, естественно-научных дисциплин, при этом большая часть исследований проводится членами Российского географического общества (РГО).

Первичный материал, собранный в период Большой Сибирской экспедиции, стал основой для последующих путешествий и написания исследовательских работ Г.И. Радде, З.Л. Матусовского, А.В. Адрианова, горного инженера Н.С. Боголюбского, этнографа Я.П. Дуброво, археолога В.А. Ошуркова²¹. Отдельное место в плеяде ученых исследователей Тувы занимают результаты исследований В.В. Радлова. Несмотря на краткосрочность поездки в Туву²², по ее результатам ученым была проведена грандиозная работа по расшифровке древних рунических надписей, обнаруженных в Туве и Монголии. Его вклад стал серьезным в формировании фундаментальных направлений тувиноведения – филологии, фольклористики.

С целью сбора материала по тувинскому фольклору, языку, обычаям тувинцев совершали поездки в Туву в 1880-х годах Н.Ф. Катанов, П.Н. Крылов в 1888–1889 гг. Н.Ф. Катановым о жителях Урянхайского края были собраны ценные сведения²³, его работа стала в будущем основой для создания тувинской письменности и тувинской грамматики.

¹⁸ Подробный отчет о результатах исследований Математического отдела Сибирской экспедиции... С. 79.

¹⁹ Там же. С. 79.

²⁰ Там же. С. 92.

²¹ История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. Отделы I, II и III. СПб., 1896. С. 267–420.

²² Поездка продолжалась четыре дня, с 3 по 7 июля 1861 г.

²³ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 775 (Васильев Василий Павлович (1818–1900)). Оп. 1. Д. 17/123. Л. 1–5.

Г.Н. Потанин посещал Туву дважды, в период экспедиций 1876–1877 гг., а также 1879–1880 гг. Несмотря на объективные сложности (отсутствие грамотного переводчика и незнание языка), им был собран ценный этнографический материал, включая легенды, сказки, заговоры, а также названия некоторых растений и животных. В период второй экспедиции были составлены подробные карты местностей, собраны во многом уникальные коллекции горных пород, животных. Путешествующая с ученым его супруга, А.В. Потанина²⁴, в очерке «Из путешествий по Урянхайской земле» представила ценный материал о костюмах тувинских шаманов²⁵.

Во второй половине XIX в. на фоне геополитических изменений в Центрально-Азиатском регионе, усиления кризисных явлений в Цинской империи, в общественно-политических кругах России происходит активное обсуждение «урянхайского вопроса». В это же время идет интенсивное освоение Тувы русскими торговцами, промышленниками, крестьянская колонизация приобретает организованный характер. В период с 1860 по 1881 г. между Россией и Китаем была заключена серия важных договоров, фактически легализовавших порядок беспошлинной торговли на границах с Урянхаем и Халхой²⁶. В 1885 г. с целью регулирования вопросов приграничной торговли на территории, граничащей с Урянхайским краем, был учрежден Усинский пограничный округ²⁷.

Что касается вопроса о влиянии проводимых научных исследований Урянхайского края на общий характер колонизации, то он не изучался детально до сегодняшнего времени и может являться предметом специальных исследований. По мнению Ф.Я. Кона, научные изыскания не оказывали влияния на колонизаторское движение²⁸.

В части работ академических ученых присутствуют темы, посвященные различным аспектам политической истории Тувы. Так, в работах китаевода, академика Петербургской академии наук В.П. Васильева, уделяется внимание вопросу правового статуса тувинцев в составе Цинской империи: «Есть еще два северных народа, приписанные (фу-юнь) к Халхе... Они называются Улян-хай или у-ланха (Урянхай)...». В работе он также приводит сведения цзянь-цзюня Чэнь-гун чжаба об общем характере «политики ненапрянутой узды», проводимой династией Цин в отношении тувинских племен²⁹.

Таким образом, в последней четверти XIX в. научные исследования по Туве приобретают системный характер, формируется прочная основа для последующего развития тувиноведения по отдельным отраслям знаний. Учеными, исследователями был собран значительный объем научных материалов по археологии, геологии Тувы, этнографии, лингвистике, религиозным верованиям и культам.

Помимо научных экспедиций, во второй половине XIX – начале XX в. были организованы военно-пограничные, разведывательные, торгово-экономические и другие экспедиции³⁰. Совершается ряд поездок чиновников особых поручений, представителей различных ведомств в Туву, в том числе князя Апакидзе, П.П. Осташкина, А.М. Баранова, Н.С. Боголюбского и пр.

Одним из первых, кто в публицистике представил свою точку зрения на решение «урянхайского вопроса», был революционер-народник Д.А. Клеменц, будущий директор этнографического отдела Русского музея. Он же стал создателем сибирского отдела

²⁴ А.В. Потанина стала первой женщиной, принятой в члены РГО в 1887 г.

²⁵ Бичелдей К.А. «Золотой век» тувиноведения и перспективы развития гуманитарных исследований в Туве // Проблемы востоковедения. 2009. № 2 (44). С. 50.

²⁶ Историческое название Северной Монголии до 1924 г.

²⁷ Василенко В.А. Роль Усинского пограничного управления в решении «урянхайского вопроса» во второй половине XIX – начале XX века (к 135-летию со дня создания) // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (28 сент. 2020 г.). Чита, 2020. С. 107–108.

²⁸ Кон Ф.Я. Усинский край... С. 28.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 775 (Васильев Василий Павлович (1818–1900), филолог-китаевед, академик). Оп. 1. Д. 94. Л. 19.

³⁰ Кузьмин Ю.В. Монголия и «Монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). Иркутск, 1997. С. 16–20.

этнографии Музея антропологии и этнографии (МАЭ) в Санкт-Петербурге. Туву исследователь посещал четыре раза, в период с 1885 по 1892 г., поездки он, как и Г.Н. Потанин, совершал также со своей супругой, Е.Н. Клеменц. Результатом научной деятельности Д.А. Клеменца в Туве стал сбор этнографического материала, который, наряду с материалами В.Н. Васильева, представляет одну из крупнейших коллекций по истории и этнографии Тувы.

В сравнении с публикациями Ф.Я. Кона, И.Г. Сафьянова, В.А. Ватина и других политических деятелей, революционеров, точка зрения Д.А. Клеменца на различные аспекты политической истории Тувы в современной историографии фактически не освещается. Считаем целесообразным остановиться на ее характеристике. Позиция Д.А. Клеменца на решение «уряньхайского вопроса» описана в контексте общей оценки значимости Верхнего Енисея как важного стратегического водного пути для России³¹. Исследователь отмечал враждебное отношение окраинного населения к китайским чиновникам, выражал сомнение в том, что тувинцы вряд ли останутся на стороне Китая в случае, если им представится выбор³². Последняя точка зрения отчасти подтвердилась в 1911–1912 гг.: после Синьхайской революции и распада Цинской империи китайские торговцы были изгнаны с территории Тувы.

В организации и проведении научных исследований в Туве определенная роль принадлежит государственным деятелям, политикам, представителям частного капитала. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский принимал непосредственное участие в разработке заданий для К.Ф. Будогосского, Л.Э. Шварца, И.С. Крыжина³³. Научная экспедиция Н.П. Бобыря, в ходе которой был собран содержательный материал по геологии, топографии, флоре края, была инициирована также генерал-губернатором Восточной Сибири А.П. Игнатьевым.

А.М. Африканов, первый Усинский пограничный начальник, проводил исследования Урянхайского края. Его работы «Очерки русско-тувинской торговли», «Урянхайская земля и ее обитатели» были опубликованы в Известиях ВСОРО в 1890 г. Они содержат развернутые сведения о географии, населении Тувы, а также подробную характеристику состояния русской торговли как в пограничных районах, так и в пределах региона. В трудах А.М. Африканова представлена полная география торговых факторий и русских заимок в Танну-Урянхае, дано описание динамики ввоза и вывоза товаров³⁴. Кроме того, им был сделан серьезный вклад в изучение усинских тувинцев³⁵.

Немалый вклад в проведение научных исследований в Туве сделан крупным торговцем, промышленником Г.П. Сафьяновым, который принимал участие в пополнении «тувинских» коллекций краеведческого музея им. Мартянова, оказывал организационное и финансовое содействие участникам экспедиций – членам ВСОРО³⁶. Золотопромышленники И.Н. Бяков, М.Н. Третьяков, состоятельный торговец Н.Ф. Веселков в конце XIX – начале XX в. передали в дар значительную часть предметов, пополнивших «тувинскую коллекцию» краеведческого музея, созданного Н.М. Мартяновым³⁷. Литератор Л.Н. Тычино, внучка купца Г.М. Пермикина, владельца добывающих и промышленных предприятий, в том числе на территории Урянхайского края, оставила теплые воспоминания о дружбе ее семьи с Д.А. Клеменцем³⁸.

³¹ Дары-Сурун С.А. Обследование Урянхайского края Русским географическим обществом во второй половине XIX – первой половине XX в. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 3. С. 48–50.

³² Клеменц Д.А. К вопросу о пограничных делах. «Сибирская газета» 1883 г. // Известия Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. 1916. Т. XVI. С. 278.

³³ Подробный отчет о результатах исследований Математического отдела Сибирской экспедиции... С. 87.

³⁴ Африканов А.И. Русская торговля в Урянхайской земле // Известия ВСОРО. 1890. Т. XXI. № 5. С. 30–31.

³⁵ Дацышен В.Г. Особенности истории усинских тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 22–43. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694> (дата обращения: 10.02.2026).

³⁶ Моллеров Н.М. Иннокентий Георгиевич Сафьянов. М., 2014. С. 44.

³⁷ Иллюстрированная этнография Тувы. Из собрания Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартянова. Абакан, 2009. С. 2.

³⁸ СПбФ АРАН. Ф. 208. «Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, академик, неперменный секретарь АН (1904–1929)». Оп. 4. Д. 86. Л. 3.

К началу XX в. на фоне усиления геополитических интересов со стороны Российской империи, роста стихийной колонизации и усиления политико-экономического, социального кризиса в Китае большая часть организуемых экспедиций стала носить выраженный практически-прикладной характер. Оценка торгово-экономического потенциала края была проведена профессором Томского университета М.Н. Соболевым, участником торговой экспедиции, организованной в Туву и Монголию Томским обществом изучения Сибири. В 1910 г. состоялась еще одна торгово-разведывательная экспедиция В.Л. Попова и М.И. Боголепова. Изучение особенностей организации торговли с жителями Урянхая проходило параллельно наряду с обследованием приграничных знаков, и последнее обстоятельство по очевидным причинам держалось в строгой секретности³⁹.

Оценка горных богатств края проводилась в период 1906–1914 гг. А.А. Аргентовым, Л.А. Ячевским, Б.М. Порватовым. Выраженный прикладной характер носила экспедиция инженера путей сообщения В.М. Родевича, целью которой было исследование бассейна Верхнего Енисея и определение возможности организации судоходства. Шло изучение геологии Тувы, тектонического строения Тувинской котловины И.П. Рачковским.

Значимый вклад в изучение географии, этнографии, фольклора, истории Тувы внес революционер Ф.Я. Кон. Будучи ссыльным поселенцем г. Минусинска, он в 1902–1903 гг. по поручению ВСО ИРГО совершил этнографическую экспедицию⁴⁰.

В статье Г.Д. Негановой и Н.С. Ганцовской представлена подробная хронология экспедиции Ф.Я. Кона⁴¹. Анализ материалов Государственного архива Красноярского края позволяет выделить комплекс проблем, повлиявших на задержку отправки экспедиции. К ним относятся затянутость по времени согласовательных процедур, несвоевременное оформление командировочных документов, наконец, несогласие Енисейского губернатора на допуск исследователя к документам архива Усинского пограничного начальника⁴². Тем не менее поездка состоялась. По существу, это была одна из первых крупных экспедиций в Туву, научные результаты которой позволили составить целостное представление о социальной организации тувинцев, системе их управления в период существования поздней Цинской империи. Часть материалов экспедиции была опубликована в «Записках Красноярского подотдела РГО», в очерке «Усинский край» в 34-м томе, а также в «Русском антропологическом журнале»⁴³. Труды Ф.Я. Кона получили высокую оценку в научной среде как у современников, так и у исследователей в будущем. В октябре 1903 г. ему была присуждена золотая медаль им. А.П. Разцветова и премия⁴⁴.

Необходимо отметить, что именно в работах Ф.Я. Кона наиболее подробнее, в сравнении с учеными РГО, дается описание пограничной проблемы и уделено много внимания «пограничному вопросу». Недаром его работа «Усинский пограничный округ» была издана Красноярским подотделом именно в 1914 г., ко времени принятия протектората России над Тувой. Кроме того, Ф.Я. Кон одним из первых исследователей дал описание вопросов, связанных со спецификой организации работы русских властей на территориях, граничащих с Урянхайским краем, а также «проблемных» моментов в работе Усинского пограничного управления. Уже после революции, в период активной фазы общественно-политической, издательской, просветительской деятельности, будучи главным редактором журнала «Каторга и ссылка», он издает свои воспоминания под общим названием «За 50 лет», третий том которых был посвящен экспедиции в Урянхайский край (Сойотию).

³⁹ Василенко В.А. На пути к протекторату (отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве во второй половине XIX в. – 1914 г.). Иркутск, 2014. С. 130.

⁴⁰ Моллеров Н.М. Иннокентий Георгиевич Сафьянов... С. 65

⁴¹ Неганова Г.Д., Ганцовская Н.С. Феликс Яковлевич Кон: хронология Засаянской экспедиции [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. С. 28. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/ru/article/view/894> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴² Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217 (Красноярский подотдел Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества). Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

⁴³ ГАКК. Ф. П-42 (Кон Феликс Яковлевич). Оп. 6. Д. 401. Л. 2.

⁴⁴ О награде Ф.Я. Кон узнал в 1904 г., за два месяца до того, как получил известия об освобождении из ссылки.

Научный вклад в изучение географического, геополитического и экономического потенциала Тувы внесли дипломаты, военные деятели. За разные периоды времени ими были совершены поездки в Туву и составлены соответствующие отчеты, ставшие общепринятой классикой в историческом тувиноведении. Речь идет прежде всего о работах Я.П. Шишмарева, И.Я. Коростовца, В.Л. Попова, А.М. Баранова, С.П. Михеева и др.

В 1912 г. исследователь Русского Востока, участник русско-японской войны граф А.П. Беннигсен посетил по пути в Монголию Урянхай. Поездка имела выраженный разведывательный характер, одной из книг стал его доклад «Русское дело в Урянхайском крае»⁴⁵ в Императорском Обществе востоковедения в Петербурге, опубликованный в 1913 г.

Принятие Тувы под российское покровительство в 1914 г. предопределило дальнейшую разработку планов устройства туземного и русского населения в крае. Чиновник особых поручений при Главном управлении землеустройств и земледелия С.Р. Минцлов совершил поездку в край вместе с супругой К.Д. Минцловой. Основные впечатления о поездке были изложены в работах исследователей, которые в настоящее время приняли общеизвестный характер⁴⁶. В этом же году чиновник особых поручений, состоящий при том же ведомстве, Н.В. Терентьев также совершил поездку в Туву. Его отчет малоизвестен в современной историографии, отдельные сведения о сообщениях Н.В. Терентьева на имя пограничного комиссара Ю.В. Григорьева приводит в научной статье А.А. Самдан⁴⁷.

Текст отчета включен в состав фонда Переселенческого управления Российского государственного исторического архива и до этого времени не был введен в научный оборот. Отчет содержит сведения по состоянию на 1914 г. о количестве, сословном составе русских поселенцев, состоянии русско-тувинской торговли, развития золотопромышленности. Особое внимание в отчете уделено вопросам взаимодействия российских чиновников с монгольскими и местными властями⁴⁸. Материалы, предоставленные Н.В. Терентьевым, представляют научно-практическую ценность с точки зрения оценки политической ситуации в крае в 1914 г. после принятия его под русское покровительство. Это время совпадает с массовым наплывом русских поселенцев в край, развитием конфликтных ситуаций между местным населением и русскими торговцами, а также ростом конкуренции за Урянхай со стороны монгольского правительства. На основании данных, полученных от представителей русской власти на местах, в том числе от командированных лиц, вышестоящее руководство было вынуждено оперативно реагировать на сложившуюся ситуацию и принимать соответствующие решения. В этой связи возникает потребность в опубликовании этого документа в обозримом будущем.

Выводы. Исследовательская деятельность российских ученых, путешественников и представителей власти, проводимая на территории Тувы в период со второй половины XIX в. до 1914 г., сыграла ключевую роль в формировании гуманитарного тувиноведения как научного направления.

С первой четверти XVIII до середины XIX в. поездки российских ученых, путешественников, должностных лиц были в основном ориентированы на первичное ознакомление с регионом. Главным результатом данных экспедиций стало проведение топографических исследований и создание первых карт Тувы. Содержание научных результатов указанного периода не позволяет говорить об оформлении единой методологии исследований.

Во второй половине XIX в. экспедиции русских исследователей в Туву приобретают системный характер. Большая Сибирская экспедиция и последующие за ней сформировали

⁴⁵ Беннигсен А.П. Русское дело в Урянхайском крае (чит. в О-ве востоковедения) // Известия императорского общества востоковедения. СПб., 1913. С. 21–59.

⁴⁶ Минцлов С.Р. Секретное поручение: Путешествие в Урянхай. Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 году. Кызыл, 2014; Минцлова К.Д. Далекий край: путешествие по Урянхайской земле. Петроград, 1915.

⁴⁷ Самдан А.А. Усиление российского политического влияния и административная реформа в Туве // *Oriental Studies*. 2018. Т. 39, вып. 5. С. 2–13.

⁴⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391 («Переселенческое управление Министерства земледелия»). Оп. 5. Д. 1393. Л. 2–72.

прочную основу для последующего развития тувиноведения по отдельным отраслям знаний: этнографии, языковедению, археологии, гидрографии, экономике и т.д.

С конца 1880-х гг. на фоне роста геополитических сдвигов в Центрально-Азиатском регионе и начала активной фазы освоения края русскими торговцами и промышленниками Урянхайский край постепенно входит в сферу национальных интересов Российской империи.

Благодаря проведению комплексных научных исследований, предпринятых во второй половине XIX в. российскими учеными, военными, торговцами, промышленниками и общественно-политическими деятелями, было положено начало систематическому изучению Тувы и созданию тувиноведения как самостоятельной отрасли науки. Данные, полученные в ходе первых научно-исследовательских, военно-политических и торгово-экономических экспедиций, а также публикации, отражающие позиции различных социально-общественных групп, во многом послужили основой для принятия решения российским правительством об установлении протектората в 1914 г.

Завершая статью, отметим, что, несмотря на рост интереса к вопросам гуманитарного и исторического тувиноведения, отдельные направления по-прежнему характеризуются недостаточной степенью изученности. Прежде всего это касается анализа роли государственных деятелей, политиков и дипломатов в формировании и развитии научных знаний о Туве. Также требует углубленного исследования вопрос взаимосвязи траектории научных исследований и вектора колониационной политики. Не менее важной представляется задача актуализации и введения в научный оборот архивных материалов исследователей-сибиряков, тувиноведов, которые хранятся в фондах личного происхождения федеральных, региональных и академических архивов.

Таким образом, совокупность обозначенных проблем подчеркивает актуальность изучения как истории научных знаний в Туве в целом, так и отдельных аспектов исторического тувиноведения в частности.

Литература

Бичелдей К.А. «Золотой век» тувиноведения и перспективы развития гуманитарных исследований в Туве // Проблемы востоковедения. 2009. № 2 (44). С. 48–55.

Вайнштейн С.И. Краткая история этнографического изучения тувинцев // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М.: Наука, 1968. С. 240–255.

Василенко В.А. На пути к протекторату (отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве во второй половине XIX в. – 1914 г.). Иркутск, 2014. 223 с.

Василенко В.А. Роль Усинского пограничного управления в решении «урянхайского вопроса» во второй половине XIX – начале XX века (к 135-летию со дня создания) // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (28 сентября 2020 г.). Чита, 2020. С. 107–109.

Дары-Сурун С.А. Обследование Урянхайского края Русским географическим обществом во второй половине XIX – первой половине XX в. // Genesis: исторические исследования. 2019. № 3. С. 47–50.

Дацышен В.Г. Особенности истории усинских тувинцев [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 22–43. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/694> (дата обращения: 10.02.2026).

Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. Кызыл; Иркутск: Изд-во ТувГУ; Восточно-Сибирская гос. акад. образования, 2013. 499 с.

Иллюстрированная этнография Тувы. Из собрания Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартыанова / гл. ред. и сост. В.Г. Чернышева. Абакан: Кооператив «Журналист», 2009. 96 с.

Irgit, Ch.K. (2023). Pervye ekspeditsii po etnograficheskomu izucheniyu Tuvy v kontse XIX – nachale XX vv. [The First Expeditions for the Ethnographic Study of Tuva in the Late 19th – Early 20th Centuries]. In *Aziatskie issledovaniya: istoriya i sovremennost'*. No. 2–3 (6–7), pp. 115–133.

Kuzhuget, A.K. (Comp.). (2014). *Mintslov, S.R. Sekretnoe poruchenie: Puteshestvie v Uryankhay. Fotoal'bom. Dnevnik poezdki v Tuvu v 1914 godu* [Secret Assignment: A Trip to Uriankhai. A Photo Album. Diary of a Trip to Tuva in 1914]. Kyzyl. 256 p.

Kuzmin, Yu.V. (1997). “Mongol'skiy vopros” v obshchestvenno-politicheskoy mysli Rossii: (konets XIX – 30-e gg. XX v.) [Mongolia and the “Mongolian Question” in Russian Social and Political Thought (Late 19th – 1930s)]. Irkutsk, Izdatel'stvo Irkutskogo universiteta. 233 p.

Maslov, P.P. (2007). Konets Uryankhaya. Putevye ocherki [The End of Uriankhai. Travel Essays]. In *Tuva Depter*. Moscow, Slovo. Vol. 5, pp. 680–682.

Mollerov, N.M. (2014). *Innokentiy Georgievich Saf'yanov* [Innokenty Georgievich Safyanov]. Moscow, Slovo. 320 p.

Neganova, G.D., Gantsovskaya, N.S. (2019). Feliks Yakovlevich Kon: khronologiya Zasayanskoy ehkspeditsii [Felix Yakovlevich Kon: Chronology of the Zasyan Expedition]. In *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 4, pp. 216–226.

Samdan, A.A. (2018). Usilenie rossiyskogo politicheskogo vliyaniya i administrativnaya reforma v Tuve [Strengthening of Russian Political Influence and Administrative Reform in Tuva]. In *Oriental Studies*. Vol. 39, Iss.5, pp. 2–13.

Shakhunova, P.A., Likhanov, B.A. (1954). K voprosu izucheniya Tuvy russkimi issledovatelyami [On the Issue of Studying Tuva by Russian Researchers]. In *Uchenye zapiski TNIYALI*. Iss. 2, pp. 63–80.

Shozheylov, S.A. (Natsov) (1930). *Tuvinskaya Narodnaya Respublika* [The Tuvan People's Republic]. Moscow, Nauchno-issledovatel'skaya assotsiatsiya po izucheniyu natsional'nykh i kolonial'nykh problem. 100 p.

Vasilenko, V.A. (2014). *Na puti k protektoratu (otnosheniya pravitel'stva imperskoy Rossii s Kitaem i Mongoliey po voprosam ustanovleniya politicheskogo vliyaniya v Tuve vo vtoroy polovine XIX v. – 1914 g.)*. [On the Way to Protectorate (Relations of the Government of Imperial Russia with China and Mongolia on the Establishment of Political Influence in Tuva in the Second Half of the 19th Century – 1914)]. Irkutsk. 223 p.

Vasilenko, V.A. (2020). Rol' Usinskogo pogranichnogo upravleniya v reshenii “uryankhayskogo voprosa” vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka (k 135-letiyu so dnya sozdaniya) [The Role of the Usinsk Border Administration in Solving the Uryankhay Question in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (On the 135th Anniversary of Its Establishment)]. In *Prigranichnyy region v istoricheskom razvitii: partnerstvo i sotrudnichestvo. Materialy mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (28 sentyabrya 2020 goda)*. Chita, pp. 107–109.

Vaynshteyn, S.I. (1968). Kratkaya istoriya enograficheskogo izucheniya tuvintsev [A Brief History of Ethnographic Study of Tuvans]. In *Problemy antropologii i istoricheskoy etnografii Azii*. Moscow, Nauka, pp. 240–255.

Д.В. Семушев*

ИННОВАЦИИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ
И ОБРАЗОВАНИИ В 1920-Е ГОДЫ В СИБИРИdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-20
УДК 93/94(571.1)[1920-1930]

Выходные данные для цитирования:
Семусhev Д.В. Инновации в юридической науке и образовании в 1920-е годы в Сибири // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 271–284.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-20.pdf>

D.V. Semushev*

INNOVATIONS IN LEGAL SCIENCE
AND EDUCATION IN THE 1920S IN SIBERIA

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-20

How to cite:
Semushev D.V. Innovations in Legal Science and Education in the 1920s in Siberia // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 271–284.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-20.pdf>]

Abstract. The article is devoted to an analysis of innovations in legal education in Siberia during the 1920s–1930s through the lens of the search for a new understanding of law and its role in the practice of building the socialist state. Instead of a wholesale negation of law in the early years of Soviet power, by 1920 law had been transformed into an instrument of class struggle and a tool for implementing state policy. A legal doctrine was formed post factum on that basis; decisions in the field of legal regulation and the very conception of law were developed in the course of political struggle and political discourse, which led to the dogmatization of politically conditioned scientific doctrines, postulates, ideas, and approaches. Initially innovative scholarly inquiry tended to stop at the viewpoint of the victors in the state-political sphere. Particular attention is paid to the emergence of a social demand for the training of legal personnel and to the development of new forms of education for justice officials. Based on documents of the Siberian Legal Courses from the collections of the State Archive of the Novosibirsk Region, the author analyzes the specific features of the formation of a new paradigm of Soviet legal education. The outcome of these innovations in legal education was the construction of a new system for training justice officials—already admitted to Soviet organs but lacking formal legal education—entirely abandoning the pre-revolutionary university system and seeking new forms of legal training that combined Marxist-Leninist doctrine with the practical needs of law enforcement. The relevance of the study is determined by the need to comprehend the historical experience of reorganizing legal education amid the socio-political transformations of the 1920s–1930s.

Keywords: Siberian legal courses, social demand for training lawyers in Siberia, formation of a new paradigm of legal education in Siberia in the 1920s–1930s.

The article has been received by the editor on 28.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена анализу инноваций в юридическом образовании Сибири в 1920–1930-е годы сквозь призму поиска нового понимания права и его роли в практике строительства социалистического государства. Вместо отрицания права в первые годы советской власти к 1920 г. право превратилось в инструмент классовой борьбы и реализации государственной политики. На ее основе постфактум форми-

* Денис Владимирович Семусhev, Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Новосибирск, Россия, e-mail: semushev-dv@ranepa.ru

Denis Vladimirovich Semushev, Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russia, e-mail: semushev-dv@ranepa.ru

ровалась юридическая доктрина, решения в сфере правового регулирования и само понимание права вырабатывались в процессе политической борьбы и политического дискурса, это приводило к догматизации политически обусловленных научных доктрин, постулатов, идей, подходов. Изначально инновационный научный поиск останавливался на точке зрения победителей в государственно-политической сфере. Особое внимание уделяется формированию социального заказа на подготовку юридических кадров и разработке новых форм образования для работников юстиции. На основе документов Сибирских юридических курсов из фондов Государственного архива Новосибирской области автор анализирует особенности формирования новой парадигмы советского юридического образования. Результатом инноваций в юридическом образовании стало построение новой системы подготовки уже принятых в органы советской власти работников юстиции без юридического образования с полным отказом от дореволюционной системы университетского образования и поиском новых форм подготовки юридических кадров и сочетания марксистско-ленинской доктрины с практическими потребностями правоприменения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта реорганизации юридического образования в условиях социально-политических трансформаций 1920–1930-х годов.

Ключевые слова: Сибирские юридические курсы, социальный заказ на подготовку юристов в Сибири, формирование новой парадигмы юридического образования в Сибири в 1930-е годы.

Статья поступила в редакцию 28.02.2026 г.

После закрытия в 1922 г. факультета общественных наук в Томском государственном университете, в составе которого функционировало правовое отделение, подготовка кадров высшей квалификации для всей Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока до 1931 г. велась в составе правового отделения факультета советского строительства Иркутского государственного университета, в среднем выпускавшего около 60 специалистов с высшим юридическим образованием¹.

Это не могло удовлетворить потребность в юридических кадрах советской власти для такой большой географической территории в необходимом количестве по множеству причин: длительный срок обучения, недостаток финансирования, неграмотность выдвиженцев в судебно-следственные органы из среды рабочих и крестьян, непривлекательность высшего юридического образования и судебно-следственной работы среди квалифицированных рабочих, высокая текучка кадрового состава в органах государственной власти Сибири.

С 1923 г. подготовка и переподготовка кадров для местных органов юстиции РСФСР велись на юридических курсах, окончание которых приравнивалось к среднему образованию. За первое полугодие 1923 г. было организовано только 9 областных юридических школ с годичным сроком обучения и 8 губернских со сроком обучения 46 месяцев².

Научные исследования, посвященные такой форме профессиональной подготовки и переподготовке юристов в 1920–1930-е годы, как юридические курсы, проводились в составе исследовательских работ, посвященных системе высшего юридического образования или системе подготовки юридических кадров в целом.

Уже в 1920-х годах появляются первые работы, авторы которых обозначали первые итоги и текущее состояние юридической деятельности и юридического образования в СССР.

Евгений Исаакович Кельман в работе «О системе юридического образования», впервые опубликованной в 1925 г. и повторно вышедшей в свет в журнале Курского государствен-

¹ Казарин В.Н. Особенности становления судебной системы в Иркутской области. 1918–1920-е гг. // ГлаголЪ правосудия. 2013. № 2 (6). С. 60–68.

² Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за первое полугодие 1923 г. // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 51–52. С. 11–80.

ного университета «Историко-правовые проблемы: новый ракурс»³, подробно анализирует современные ему кризисные явления в подготовке юристов раннесоветского периода, актуальные и для Западной Сибири в 1920-е годы. Автор резко критиковал краткосрочные курсы, доминировавшие в 1920-е годы, как недостаточные для ликвидации правовой безграмотности и формирования квалифицированных кадров. Вместо них он предлагал трехуровневую систему специализации: хозяйственно-юрисконсультское, административное и судебное направления, что отражало потребности региона в кадрах для судов, органов власти и хозяйственных структур. Особое внимание Кельман уделял междисциплинарности, утверждая, что «плох тот юрист, кто только юрист». Он призывал интегрировать в учебные планы экономику, социологию и историю, что соответствовало новой парадигме советского юридического образования, где право изучалось в контексте марксистско-ленинской теории.

М.М. Исаев (1880–1950 гг.) в статьях «О Высших юридических курсах» (1923)⁴ и «О высшем юридическом образовании РСФСР» (1927)⁵ поднимает проблему соотношения теоретического и практического компонента в процессе обучения юриста. В его статье, опубликованной в журнале «Еженедельник советской юстиции» в 1923 г., освещается работа московских Высших юридических курсов для судей, следователей и прокуроров, имевших стаж практической деятельности. При обучении акцент был сделан на практико-ориентированное обучение, индивидуализацию программ и развитие самостоятельного юридического мышления. Исаев подчеркивал революционный характер реформ: старые институты полностью упразднялись, а новая система выстраивалась «на расчищенном месте» с ориентацией на марксистскую теорию и практические задачи советского государства. Наряду с успехами реформ – развитием специализированных кафедр, ростом практико-ориентированного обучения, он указал и на проблемы – нехватку преподавателей, учебников, трудности организации семинаров.

В 1950–1960-е годы стали появляться работы советских ученых, посвященные высшему юридическому образованию и истории советской юридической науки.

Основной и наиболее известной работой, посвященной изучению и анализу юридического образования в СССР, является выполненное в 1950–1960-х годах А.Ф. Шебановым исследование «Юридические высшие учебные заведения»⁶, в ходе которого уже применялся междисциплинарный подход. Однако применение такого подхода было ограничено рамками идеологизированного сознания автора и политическим режимом советского периода, в котором не допускалось инакомыслие в сфере философии и методологии общественных наук.

Современный этап историографии характеризуется переосмыслением ранее изученных проблем, связанных с исследованием вопросов становления советской науки и системы образования.

Анализом статистических данных выделяется историческое исследование «Становление системы подготовки юридических кадров в советской России»⁷, в ходе которого И.И. Олейник, О.Ю. Олейник выяснили следующую динамику: сколько выпускников-юристов в те годы направлялось в органы юстиции; как менялся удельный вес судей, прокуроров, следователей, защитников, имевших юридическое образование; каковы были проблемы организации и функционирования на местах заочной формы обучения работников юстиции. Акцент делался на подготовку выдвиженцев трудовых и партийных коллективов из среды рабочих и крестьян, к которым не предъявлялось специальных образовательных требований (кроме грамотности), в том числе к кандидатам в судьи. Ключевую роль играло

³ Кельман Е.И. О системе юридического образования [Электронный ресурс] // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. 2015. № 12. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2785 (дата обращения: 29.05.2025).

⁴ Исаев М.М. О Высших Юридических Курсах // Еженедельник Советской Юстиции. М., 1923. 19 апр. № 15. С. 339–342.

⁵ Исаев М. О высшем юридическом образовании в РСФСР // Советское право. 1927. № 6. С. 112–114.

⁶ Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. М., 1963.

⁷ Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в советской России [Электронный ресурс] // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2005. Вып 2. URL: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/38> (дата обращения: 29.05.2025).

классовое происхождение, так как в ситуации отмены норм права «свергнутых правительств» система советского позитивного права была не сформирована, и в качестве источника права, в том числе, рассматривалась так называемая «революционная целесообразность». С учетом этих условий для выдвиженцев выдавался допуск к профессиональной деятельности после прохождения практики и обучения в том учреждении, в которое выдвигался представитель класса трудящихся.

В 2012 г. опубликовано комплексное исследование В.Н. Казарина и Ю.П. Лякутиной, посвященное зарождению и развитию юридического образования в Восточной Сибири с 1918 по 1991 г.⁸ В работе использован широкий архивный материал, включая государственные и региональные документы, а также личные воспоминания, что позволило восстановить хронологию событий и проанализировать влияние социально-экономических условий на развитие юридического образования в Восточной Сибири. Внимание авторов уделяется созданию Иркутского государственного университета и юридического факультета в его составе. При этом авторы не рассматривают возникновение и развитие советского юридического образования с позиции парадигмального подхода к образованию, включающего ценностные установки. Данная монография получила высокие оценки рецензентов в лице И.В. Олейникова⁹ и Ю.В. Арбатской¹⁰.

Отдельного внимания заслуживают работы Н.Н. Зипунниковой, которая опубликовала несколько десятков статей по истории Уральской государственной юридической академии, преобразованной из Свердловского юридического института, который был образован в результате перевода в 1931 г. из Иркутска в Свердловск Сибирского института советского права, созданного на базе юридического факультета Иркутского государственного университета.

В результате десятков публикаций Н.Н. Зипунниковой в первые десятилетия 2000-х годов были введены в научный оборот уникальные материалы государственных архивов об истории становления юридического образования на территории Сибири и Урала в 1920–1930-е годы. В статьях прослеживается процесс радикальной реорганизации системы подготовки юристов. Отказ от «буржуазной» юриспруденции в пользу советского правового мышления, основанного на классовом подходе (идеи П.И. Стучки), порождал дискуссии: нужно ли сохранять теоретическую юриспруденцию или ограничиться практическими навыками, как сочетать марксистско-ленинскую доктрину с реальными потребностями правоприменения. Переход от классической университетской модели (юридический факультет Иркутского университета с 1918 г.) к специализированным институтам советского права (1931 г.) сопровождался особенностями региональной реализации, такими как сохранение элементов дореволюционной традиции в Иркутске, проблемами кадрового обеспечения (использование преподавателей старой школы), а также материальными трудностями (нехватка помещений, литературы).

Работа Владимира Гзовски (юриста, участника белого движения) «Советская концепция права»¹¹ (The Soviet Concept of Law), опубликованная в 1938 г. в Нью-Йорке (США), посвящена анализу теоретических основ и практического применения права в Советском Союзе конца 1930-х годов. Автор с позиции буржуазного права рассматривает, чем советская правовая теория принципиально отличается от западных правовых традиций, акцентируя внимание на марксистско-ленинской основе советского права. В работе подчеркивается отказ от представления о праве как о нейтральной системе норм и формулируется понимание права как инструмента классовой политики, направленного на защиту интересов пролетариата и социалистического государства. В заключение автор утверждает, что советская

⁸ Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск, 2012.

⁹ Олейников И.В. Новое исследование о государственной политике по отношению к юридическому образованию в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 1 (10). С. 182–187.

¹⁰ Арбатская Ю.В. Историографическое исследование юридического образования в Восточной Сибири // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 2 (88). С. 160–161.

¹¹ Gsovski V. The Soviet Concept of Law // Fordham Law Review. 1938. Vol. 7, No. 1. P. 144.

концепция права характеризуется инструментальным подходом, тесной интеграцией с государственной политикой и ориентацией на достижение социалистических целей, что существенно отличает ее от западного понимания права как автономной и беспристрастной системы.

В целом, обобщая анализ историографии, касающейся вопросов юридического образования, можно прийти к выводу об отсутствии в научной литературе исследований, посвященных зарождению и формированию социалистической парадигмы юридического образования в 1920–1930-е годы в Западной Сибири.

Цель настоящей работы – показать связь инноваций в юридической науке 1920-х годов с юридическим образованием на материале Сибирских юридических курсов.

Задачи исследования: раскрыть инновации в советской юридической науке в 1920-е годы, оказавшие влияние на формирование социального заказа на подготовку юридических кадров в Сибири, и сопоставить выводы с материалами фондов Государственного архива Новосибирской области, относящимися к Сибирским юридическим курсам, документы о деятельности которых за 1927–1929 гг. по ведомственной подчиненности оказались в отделе профессионального образования Сибирского краевого отдела народного образования (до разделения в 1930 г. Сибирского края на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский).

Работа выполнена в рамках предметного поля истории образования, к которому применена теория социального заказа, сформулированная Марком Ферро¹². В рамках этой теории построение и функционирование системы юридического образования исследуются как реализация социального заказа на подготовку и переподготовку кадров для строительства первого в мире социалистического общества, государства и права.

Методология исследования основана на парадигмальном подходе, который ранее использовался для характеристики системы подготовки кадров Е.Г. Водичевым, С.А. Красильниковым, Н.А. Куперштох¹³.

В 1918–1920-е годы в юридической науке СССР и РСФСР развернулась масштабная дискуссия о сущности и определении права, значение которой для юридического образования не исследовалось историками. Данный период характеризуется многогранностью подходов к пониманию права и попытками соединить марксистские идеи с реальностью функционирования права в советском государстве. Это протекало в виде публичной дискуссии на страницах советских периодических изданий и в органах советского управления. В них участвовали деятели советской юстиции и политические лидеры партии, партийные теоретики, некоторые из которых имели дореволюционный опыт практической или научно-преподавательской деятельности в области юриспруденции.

Множество теорий правопонимания, раскрывающих сущность права, предопределяет не только содержание юридической деятельности, но и содержание юридического образования. Исторический период 1920-х годов уникален тем, что в нем формировалось несколько уникальных теорий правопонимания, в том числе получило развитие марксистское понимание права, возобладавшее в его нормативистском варианте во второй половине 1930-х годов и монопольно просуществовавшее без существенных изменений до распада СССР.

Октябрьская революция 1917 г. закрепила отрицание права как инструмента социального управления государства трудящихся, снижение его значения как одного из элементов надстройки над экономическими отношениями, которые признавались базисом, определяющим общественное сознание. В то же время происходило осмысление и поиск новых подходов, основанных на марксистско-ленинском учении, которое в своих изначальных

¹² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

¹³ Водичев Е.Г. Наука на Востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск, 2012; Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 3, ч. 1. С. 58–78; Наука и ученые в восточных регионах России в условиях мобилизационной парадигмы (1930-е – начало 1950-х годов): сб. док-тов. Новосибирск, 2021; Куперштох Н.А. Научно-образовательный комплекс Сибири в 1945–1965 гг.: проблемы и решения в рамках советской парадигмы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 5–13.

установках отрицало многие достижения дореволюционного правоведения. Большевики рассматривали будущее коммунистическое общество как свободное от государства и права, однако уже в период нэпа и позже возникла необходимость теоретического обоснования функционирования права в новых условиях.

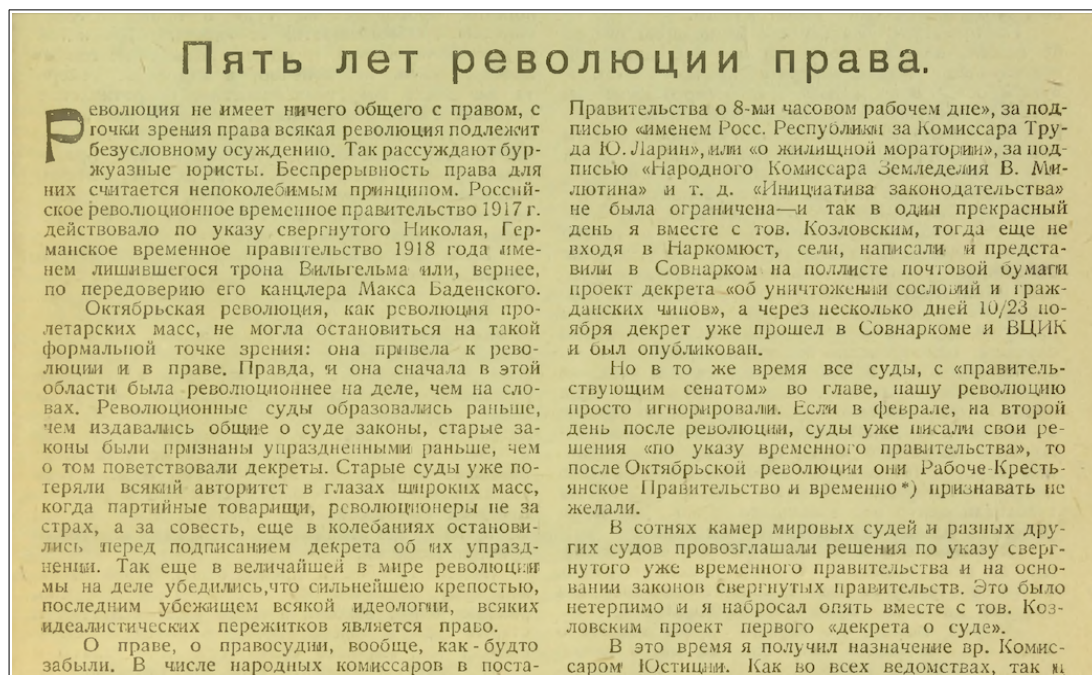

Рис. 1. Стучка П.И. Пять лет революции права // Еженедельник Советской Юстиции. М., 1922. № 44–45 (7 дек.). С. 1–3

В 1920-е годы в советской юриспруденции сосуществовали и активно развивались следующие инновационные направления правопонимания.

Социологический подход, развиваемый П.И. Стучкой, который несколько месяцев возглавлял народный комиссариат юстиции РСФСР в 1918 г., а в последующем первый председатель Верховного суда РСФСР в период с 1923 по 1932 г., директор (с 1931) Института советского права, совместно с другими учеными рассматривал право как систему общественных отношений, соответствующих интересам господствующего класса. В работе «Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве»¹⁴ (1921), как и в последующем своем труде «Революционная роль советского права»¹⁵ (1931), ставшем учебным пособием к курсу «Введение в советское право», П.И. Стучка рассматривал право как систему объективных, не зависящих от индивида общественных отношений с признаком классового характера, что стало господствующим подходом до конца 1930-х годов, когда было закреплено определение права как «системы (или порядка) общественных отношений, соответствующей интересам господствующего класса и охраняемой организованной силой его (т.е. этого класса)».

Психологическая школа права (М.А. Рейснер, Я.М. Магазинер, И.Д. Ильинский, Е.А. Энгель и др.) развивала идеи, восходящие к концепции права Л.И. Петражицкого как внешнему проявлению сознания и психики людей, возникающему как реакция людей на действия государства. При таком подходе право как форма отражения психики не имело самостоятельного статуса, а являлось разновидностью общественной идеологии и формой общественного сознания, а не системой общественных отношений. Сторонники психологической школы поддерживали идею интуитивного права, которое возникает помимо государства: примером такого подхода служила практика решения юридических дел на основе революционного правосознания. Вслед за классиками марксизма-ленинизма М.А. Рейснер

¹⁴ Стучка П.И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве. М., 1921.

¹⁵ Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М., 1931.

воспринимал послереволюционное советское право в качестве буржуазного, но при этом считал, что правовая система не имеет единства и представляет собой компромисс, включающий пролетарское, крестьянское и буржуазное право. М.А. Рейснер считал, что общественная идеология, внедряемая пролетарским государством посредством пропаганды, будет способствовать возникновению пролетарской идеологии классовой борьбы с буржуазией, а право, по его мнению, превратится в инструмент этой борьбы. Таким образом, психологическая школа связывала понимание права с классовыми интересами и идеологическими установками государства, акцентируя внимание на психологических аспектах формирования права и правовых отношений.

Позитивистское направление также имело своих представителей среди советских правоведов. Сторонники такого подхода воспользовались теоретико-методологической неразработанностью вопросов правового регулирования в послереволюционный период: советская теория государства и права формировалась постфактум на базе уже существующей государственно-правовой практики, решения в сфере права вырабатывались не в ходе научных дискуссий, а в процессе политической борьбы и политического дискурса, что приводило к закреплению и сакрализации политически обусловленных решений.

Формирование нового правового порядка в условиях «тьмы беззакония» и правового хаоса после революции происходило быстро, так как правовой хаос революционных лет оказался опаснее, чем предполагалось, поэтому возникла срочная потребность в создании нового советского права. Этим обусловлено принятие первых советских кодексов (гражданского, трудового, уголовного) и законодательства о судостроительстве для наведения порядка и охраны завоеваний пролетариата.

К 1930-м годам сформировалась более сбалансированная концепция правопонимания, учитывающая как базисные (способ производства), так и надстроечные явления в развитии права как социально-классового института. Значимую роль в этом процессе сыграла концепция А.Я. Вышинского. Эта концепция сыграла наиболее значимую роль в формировании унифицированной марксистской теории права.

Выступление Л.М. Кагановича в Институте советского строительства и права в декабре 1929 г.: «Мы отвергаем понятие правового государства. Если человек, претендующий на звание марксиста, говорит всерьез о правовом государстве и тем более применяет понятие “правового государства” к советскому государству, то это значит, что он идет на поводу буржуазных юристов, это значит, что он отходит от марксистско-ленинского учения о государстве»¹⁶. Озвучивая партийную точку зрения, докладчик заявил, что государственно-правовые явления следует изучать в тесной связи с экономикой, производственными отношениями и развитием классовой борьбы, он также указал на необходимость борьбы с «буржуазными юристами», которые, по его мнению, отрицали социалистическую государственность. Таким образом, партийное руководство определяло направления развития юридической науки и правопонимания.

Дискуссия о понимании права способствовала эволюции взглядов советских юристов от первоначального отрицания права к признанию его необходимости для построения социалистического государства. Право стало рассматриваться не только как инструмент классовой борьбы, но и как система регулирования общественных отношений, складывающихся в советском обществе. Формирование унифицированной марксистской концепции права в 1930-х годах привело к идеологизации и догматизации юридической науки.

Советские юристы должны были ориентироваться на марксистско-ленинскую теорию, что накладывало определенные ограничения на свободу научных исследований и разработок. Инновационный социальный заказ на подготовку юридических кадров заключался в том, что юрист в советском обществе воспринимался как строитель социалистического государства, чья задача заключалась в применении и развитии марксистско-ленинских правовых идей. При этом в 1920-е годы еще сохранялась определенная свобода научного поиска и

¹⁶ Каганович Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. М., 1930. № 1 (янв.). С. 7–43.

разнообразие правовых концепций, что отражало «борьбу за право» и «гражданскую войну» на правовом фронте (по выражению П.И. Стучки).

На территории Сибири юридические курсы были организованы в конце 1923 г. и открыты в начале 1924 г. как Сибирские областные юридические курсы по переподготовке судебно-следственных работников и работников прокуратуры¹⁷. С 1926 г. переименованы в Сибирские краевые с резиденцией в г. Иркутске.

С 1926 по 1930 г. Иркутск входил в Сибирский край, объединявший территории Западной и Восточной Сибири. На территории края был создан Сибирский краевой суд, под управлением которого были организованы постоянные юридические курсы. Несмотря на то, что местом территориального расположения Сибирского краевого суда являлся Ново-Николаевск, в округах края действовали отделения и судебно-кассационные сессии Сибирского краевого суда в составе судей, проживающих в окружных центрах. Процесс преобразований административно-территориальной системы РСФСР середины 1920-х годов в 1926 г. привел к расформированию Иркутской губернии с последующим вхождением трех ее округов в состав Сибирского края, соответственно был расформирован Иркутский губернский суд, один из судей которого стал организатором курсов массовой подготовки и переподготовки кадров органов юстиции для всей Сибири.

До 1927 г. руководство курсами по совместительству осуществляли два работника судебной системы – завкурсами и завучебной частью, а с 1 марта 1927 г. для управления курсами был назначен новый заведующий, совмещающий обе должности. Им стал Смирнов Алексей Автономович, родился в 1876 г. в семье крестьянина в д. Галицино Ярославской губернии, 11 лет работал в типографии наладчиком, 4 года счетоводом, в 1905–1907 гг. был членом правления Ленинградского союза печатников (такое наименование союза указано им лично в анкете), с 1914 по 1920 г. – народный учитель, участвовал в партизанском движении против белых банд, по 1922 г. преподавал математику в школе второй ступени, руководил кружками, с 1923 г. в должности народного судьи, нотариуса, члена губернского суда, на момент назначения заведующим курсами был народным судьей по жилищным делам в Иркутском губернском суде, член ВКП(б) с 1920 г.¹⁸

В материалах дела содержится отношение от 24 октября 1926 г. № 3П-34 со сведениями о проведенных в 1926 г. и планируемых к проведению в 1926/1927 г. двух краевых юридических курсов¹⁹. Первые – на 60 человек в г. Омске при постоянной Омской сессии краевого суда продолжительностью 6 месяцев в 1926 г., которыми руководили ответственные работники судебной системы по совместительству, и вторые курсы – на 100 человек в г. Иркутске продолжительностью 1 год, которыми руководил А.А. Смирнов.

Из доклада заведующего курсами (А. Смирнова) на Коллегии АПО Округкома ВКП(б), проводимой 29 июня 1927 г.²⁰, указывается ежегодный прием и выпуск курсантов с учетом каникулярного времени, учебные занятия продолжаются в течение 9–10 месяцев в год. В 1926 г. учебный план краткосрочных курсов, перечень рекомендованной литературы разрабатывались и утверждались президиумом Сибкрайсуда. При курсах имелось общежитие, но штаты по общежитию не предусматривались, из местного бюджета на курсы и общежитие ничего не было отпущено. Курсы не имели самостоятельного помещения и в г. Иркутске помещались в здании, закрепленном за Совпартшколой, без взимания арендной платы. В докладе указаны правила зачисления на курсы с приоритетом разверстки от Сибкрайсуда. В докладе содержатся сведения об управлении курсами, организованном на основании положения, утвержденного в 1923 г. (самого положения этого года в материалах дела не содержится). При курсах существует Курсовой совет, состоящий из завкурсами,

¹⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 459. Л. 5. Документы (протоколы, доклады и резолюции, анкеты) по организации краевых юридических курсов. 1926 г.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 780. Л. 1–5. Резолюции по докладу, учебный план и смета на 1927–1928 гг., переписка с крайсудом о работе Сибирских краевых юридических курсов (г. Иркутск). 1927–1928 г.

¹⁹ Там же. Д. 459. Документы (протоколы, доклады и резолюции, анкеты) по организации краевых юридических курсов. 1926 г. 23 л.

²⁰ Там же. Л. 5.

преподавателей и представителей от Профобра, Окрисполкома, Профсовета и 4–5 курсантов. Кроме того, Курсантский совет, старостат при общежитии и бюро партийной и комсомольской ячеек и профсоюзных организаций.

Кроме общей неуспеваемости студентов, в 1926/1927 учебном году отмечается слабая успеваемость по обществоведческим дисциплинам: историческому материализму, политэкономии и ленинизму. Среди причин, кроме позднего начала учебного года, отмечаются непостоянный состав и перегруженность преподавателей.

На следующий учебный год было реализовано предложение завкурсами по созданию двух групп учащихся – одной по переподготовке и второй по подготовке судебных работников. В первую было предложено набирать только из судебно-следственных работников и прокуратуры, во вторую – выдвиженцев и всех остальных, вводя для последней группы в обязательном порядке общеобразовательные предметы, арифметику и русский язык.

28 ноября 1927 г. состоялось заседание Пленума Сибирского краевого суда, в выписке из протокола которого содержится²¹ одобрение выводов председателя Сибирского краевого суда М.В. Кожевникова содержащихся в акте обследования Сибирских Краевых Юридических Курсов, произведенного 9–10 ноября 1927 г. За отсутствием помещения в г. Новосибирске курсы оставлены в г. Иркутске и размещены в Совпартшколе, открыты с 10 октября 1927 г. На курсы направлены две группы учащихся – для подготовки и переподготовки, всего зачислено 95 человек, из которых: членов партии и кандидатов – 82, членов ВЛКСМ – 4, беспартийных – 9, женщин – 15, нацменьшинств – 10 (не считая белорусов и латышей), из них бурят – 4, киргизов – 1, украинцев – 2, хакасов – 1, мордвов – 1, алтайцев – 1. По социальному происхождению рабочих – 46, крестьян – 15, служащих – 34 (в число рабочих и крестьян включены и судебные работники, ранее занимавшиеся крестьянством или работающие у станка), в группе выдвиженцев (31 человек) имеется рабочих – 17, крестьян – 10 и служащих – 4 человека. Имеют среднее образование – 3, низшее – 88, малограмотных – 4. В числе принятых курсантов народных судей – 26, народных следователей – 10, помощников прокуроров – 14, технических работников суда и прокуратуры – 15, милицеских – 1, рабочих из производства – 17, крестьян – 3. Далее в акте обследования отмечается, что директива о направлении 32 выдвиженцев непосредственно от станка и от сохи на подготовку осталась полностью не выполнена. По поводу материального обеспечения курсантов им сохраняется содержание по ранее занимаемой должности и дополнительно выплачивается стипендия 15 рублей, выдвиженцам – дополнительно по 10 рублей от Крайсуда, однако тем, кто не получает материальное содержание, дополнительно предложено выдавать оставшиеся свободные денежные средства, так как только общежитие на курсах стоит 15 рублей. Преподавательский состав 18 человек, из которых: профессоров – 3, преподавателей университета – 4, судебных работников – 4, прокурорских – 3, финорганов – 1, окружного комитета партии (Совпартшкола) – 3. Из числа преподавателей все, кроме одного, имеют опыт преподавания на курсах, членов партии – 11, беспартийных – 7.

Об организации выполнения социального заказа при подборе курсантов на указанные курсы 1927 г. свидетельствует обращение заведующего агитационно-пропагандистским отделом Сибирского краевого комитета ВКП(б), адресованное всем окружкам ВКП(б) Сибирского края со следующими предложениями. Уделить особое внимание подбору курсантов на юридические курсы как из числа нарсудей, нарследователей и работников прокуратуры, так и из рабочих с предприятий и крестьян в порядке выдвижения. Отбор посылаемых на юридические курсы провести на месте в особых испытательных комиссиях (в составе представителей АПО Окружкома, Суда и ОНО, в качестве минимума необходимых знаний следует требовать умение читать и писать, знание арифметики в пределах четырех действий над целыми числами, наличие политической подготовки в объеме

²¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1796. Л. 28. Справка о реализации директив окружкома, о работе производственных ячеек ВКП(б), о работе Маратовского РК ВКП(б), материал по обследованию ячейки «Красное Знамя». Акт обследования юридических курсов, докладная записка и другие информационные материалы от окружкомов ВКП(б) и государственных организаций. Декабрь 1927 – ноябрь 1928 г.

программы нормальной партшколы. Принять меры, чтобы судебные работники, командируемые на курсы, сохранили за собой полностью получаемую зарплату. Как следует из вводной части указанного документа, закончившийся (истекший) учебный год на краевых юридических курсах в г. Иркутске показал «весьма малую успеваемость курсантов»: из 86 учащихся удовлетворительно закончили занятия на курсах только 65 человек. Причинами неуспешности отмечены: непригодность учебного плана к разнообразному составу слушателей, плохое материальное положение учащихся, «невнимательное и несерьезное отношение мест к подбору курсантов». Отмечается, что были случаи, когда на курсы посылались лица почти совершенно технически неграмотные, незнакомые с четырьмя действиями арифметики, непригодность которых для курсов была очевидна.

7

СОСТАВ курсантов Сибирских Краевых Юридических курсов на 1926/7 г.

I. Землепашество	I	Кочегар	I.
Секрет. прокурора	I	Пом. зав. кухней	I
Пом. секрет. прокурора	4	Секрет. г. совета	I
Зав. край. полит. совет.	I	Сторож зав. д.а.	I
Нар. судья	14	Зав. кварт. делами	I
Секр. след. вателя	I	Пред. Юза. С. в. тр. г.	I
Инструктор. — к. с. пер.	I	Пом. машиниста	3
Зав. инж. работами при изол. тр.е.	I	Дом. х.з.	I
Секрет. м. о. т. к. м. а.	6	Пом. крупчат. на мельнице.	I
Дел. производ. о. с. о. и. и.	3	Политрук авиа. о. с. а. з. а. м.	I
Зав. изд. читальн.	1	Кав. о. н. а. р. м. е. н. с. и.	I
Служ. пом. х. лечебн.	I	Агент из	I
Зав. разб. клубом	I	Суд. исполн. тель	I
Больнич. о. н. д. е. л. к. а.	I	Нар. след. ватель	3
Рай. организатор	I	К. н. т. р. о. н. и. к.	1
Член о. / с. в. е. т. а.	I	Нач. милиции	1
Ликид. неграмотн.	I	Пред. / с. в. е. т. а.	1
Приказчик	I	Дел. производ.	I
Член р. к. а.	3	Зав. т. т. н. и. к. к. ж. з. а. в.	I
Зав. док. работ.	I	Переплетчица	I
Инотрук. по работ. среди молодежи	I	Счет. в. д.	I
Зав. кон. уголкам	I	Зав. складом	I
Мл. надзиратель изол. тр.е.	I	Зав. кон. т. д. а. л. о. м.	I
Зав. п. м. с. к. е. т. н. м. а. с. т. е. р.	I	Статист.-информатор	I
Секрет. райкома	I	Ст. милиционер	2
Агит. проп. ячейки	I	Инспект. угрозыска	I

Итого 90 человек.

К 19/IV—1927 г. на лиц 88 человек. на 19/IV 27г. = 86 чел.

Заведующий курсами *А. Смирнов* /А. Смирнов/.

Рис. 2. Состав курсантов Сибирских Краевых юридических курсов на 1926/7 г.
ГАОН, Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 459. Л. 5. Документы (протоколы, доклады и резолюции, анкеты)
по организации краевых юридических курсов. 1926 г.

В докладе заведующего курсами «О работе Сибирских Краевых Юридических курсов в г. Иркутске за 1927/8 учебный год»²² отмечается, что со времени существования курсов к переподготовке судебно-следственных работников добавилась целевая установка на подготовку новых работников из выдвиженцев от производства, в связи с чем изменились учебный план и программы, создана вторая группа учащихся из выдвиженцев. Согласно учебному плану учебная нагрузка второй группы (выдвиженцев) больше первой на 92 часа за весь курс обучения, русским языком и арифметикой занимались весь учебный период по дням отдыха по 2 часа. В последующем дополнительная учебная нагрузка по русскому языку и арифметике была нормативно закреплена для слушателей курсов после передачи их в ведение народного комиссариата юстиции.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Произошла идеологизация учебного процесса, юридическое образование стало строиться исключительно на основе марксистско-ленинской теории, что ограничило спектр изучаемых подходов и концепций.

В программу обучения включались общественные дисциплины, такие как исторический материализм, пролетарская революция, политический строй РСФСР и др., что меняло баланс между правовыми и идеологическими знаниями. Изучение трудов классиков марксизма-ленинизма и партийных документов стало неотъемлемой частью образовательного процесса.

В то же время ценность юридического образования в обществе в сравнении с дореволюционным положением была снижена. Правовой нигилизм, укоренившийся в массовом сознании, негативно влиял на восприятие юридического образования как социально значимого, юриспруденция воспринималась как инструмент свергнутого режима, что снижало престиж профессии юриста и интерес к юридическому образованию. Подготовка юристов не считалась приоритетной задачей государства, что отражалось на финансировании и ресурсах, выделяемых на юридическое образование.

Образование было направлено на подготовку специалистов, соответствующих потребностям социалистического государства и партийно-государственного механизма, юристы должны были воспринимать право как инструмент классовой борьбы и реализации государственной политики, а не как автономную систему регулирования общественных отношений. Это приводило к формированию нового типа идеологически подготовленных юридических кадров.

Первый фактор, повлиявший на формирование феномена советского юридического образования – это организация управления страной с позиции классовой теории Маркса и Энгельса, развивая которую, В.И. Ленин подчеркивал, что государство является инструментом классового господства, поэтому после революции и свержения буржуазного государства должна быть установлена диктатура пролетариата для подавления сопротивления буржуазии и построения нового общества. Это не диктатура в обычном, общепринятом смысле этого слова в тот исторический период, а новая форма государства, в котором власть принадлежит рабочему классу (пролетариату), а не капиталистам (буржуазии). Государство как социальный институт служит инструментом подавления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов. Такая форма государства, согласно марксистской теории, соответствует переходной фазе от капитализма к коммунизму, в ходе которой государство должно «отмереть» (исчезнуть за ненадобностью), уступив место бесклассовому коммунистическому обществу. Ключевыми принципами управления в государстве такой формы, согласно марксистско-ленинской теории, по образцу Парижской коммуны должны были стать: прямое народное самоуправление (выборные, сменяемые в любой момент депутаты и должностные лица), слияние законодательной и исполнительной власти в одном органе публичной власти, постепенная передача функций управления самим трудящимся. На практике в 1920-е годы диктатура пролетариата реализовалась через систему Советов с исполнительными комитетами.

²² ГАНО. Ф. Р-61. Оп. 1. Д. 1032. Л. 24. Протоколы заседаний курсантов, отчет о работе за 1927–1928 уч. год, штаты, смета, сведения о составе учащихся, о подготовке к новому учебному году, переписка с главпрофобром, окроно, краевым судом по организации работы краевых юридических курсов. 1927–1929 гг.

В 1920-е годы советское право формировалось как средство подавления сопротивления буржуазии и защиты завоеваний революции, регулирования новых экономических отношений в переходный период, воспитания «нового» человека и закрепления социалистических норм поведения. В практической деятельности органов юстиции в первые годы советской власти превалировал принцип революционной законности, который по мере принятия новых советских кодексов и других законов был замещен принципом политической целесообразности, определяемым центральными органами Коммунистической партии. Таким образом, с развитием системы законодательства право «начинало служить» укреплению бюрократического аппарата.

Обобщая влияние первого фактора, можно отметить, что противоречия между теоретическими установками на «отмирание» государства и практической необходимостью его укрепления в интересах класса трудящихся предопределили дальнейшую эволюцию советской системы государства и права в сторону этатизма и бюрократизации.

Второй фактор, повлиявший на феномен советского юридического образования и формирование его особой парадигмы – это классовый подход к подбору кадров в органы юстиции и государственный аппарат в целом. Учитывая неграмотность представителей рабочего класса и эксплуатируемых слоев крестьянства, образовательный ценз для занятия должностей в органах юстиции не применялся, а наличие юридического образования при подборе кадров приравнивалось к стажу практической деятельности в соответствующей сфере деятельности. По мере укрепления советской власти проводились периодические чистки сотрудников органов государственного аппарата от лиц, которые не соответствовали образу «строителя коммунизма».

Другим значимым фактором стал партийный контроль за общественными науками и сферами социального управления, усиливавшийся на протяжении всего довоенного периода развития СССР. К концу 1920-х годов были окончательно сформированы институциональные механизмы реализации социального заказа: прежде всего это система партийного контроля, включавшая в себя партийные ячейки во всех учебных заведениях, в том числе на краткосрочных юридических курсах, велся регулярный идеологический контроль содержания образования, а партийные постановления и решения партийных органов подлежали применению как директивные документы, обязательные к исполнению.

Закключение. Таким образом, инновационное понимание права как инструмента господствующего класса, обеспеченного силой государственного принуждения, привело в 1920-х годах к формированию Сибирских юридических курсов, решавших для Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока задачу подготовки работников органов юстиции из представителей трудящегося класса, разделявших коммунистическую идеологию и способных участвовать в строительстве первого в мире социалистического общества, государства и права в соответствии с политическим курсом советской власти.

Литература

Арбатская Ю.В. Историографическое исследование юридического образования в Восточной Сибири // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2013. № 2 (88). С. 160–161.

Водичев Е.Г. Наука на Востоке СССР в условиях индустриальной парадигмы. Новосибирск: Гео, 2012. 348 с.

Водичев Е.Г. Наука и высшая школа: дихотомия мобилизационной парадигмы // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11, № 3, ч. 1. С. 5878.

Исаев М.М. О Высших юридических курсах // Еженедельник Советской Юстиции. М., 1923. № 15 (19 апр.). С. 339–342.

Исаев М.М. О высшем юридическом образовании в РСФСР // Советское право. 1927. № 6. С. 112–114.

Каганович Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и революция права. М., 1930. № 1 (январь). С. 743.

Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. 483 с.

Казарин В.Н. Особенности становления судебной системы в Иркутской области. 1918–1920-е гг. // Глаголь правосудия. 2013. № 2 (6). С. 60–68.

Кельман Е.И. О системе юридического образования [Электронный ресурс] // Историко-правовые проблемы. Новый ракурс. 2015. № 12. URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2785 (дата обращения: 29.05.2025).

Куперштох Н.А. Научно-образовательный комплекс Сибири в 1945–1965 гг.: проблемы и решения в рамках советской парадигмы // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т. 30, № 2. С. 5–13.

Наука и ученые в восточных регионах России в условиях мобилизационной парадигмы (1930-е – начало 1950-х годов): сб. док-тов / отв. ред. С.А. Красильников, Д.Г. Симонов. Новосибирск, 2021. 517 с.

Олейник И.И., Олейник О.Ю. Становление системы подготовки юридических кадров в советской России [Электронный ресурс] // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2005. Вып 2. URL: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/38> (дата обращения: 25.05.2025).

Олейников И.В. Новое исследование о государственной политике по отношению к юридическому образованию в Восточной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. 2013. № 1 (10). С. 182–187.

Стучка П.И. Революционная роль права и государства: общее учение о праве и государстве. М.: Гос. изд-во, 1921.

Стучка П.И. Революционная роль советского права: хрестоматия-пособие для курса «Введение в советское право». М.: Советское законодательство, 1931. 213 с.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М.: Высшая школа, 1992. 351 с.

Шебанов А.Ф. Юридические высшие учебные заведения. М.: Высшая школа, 1963. 222 с.

Gsovski V. The Soviet Concept of Law // Fordham Law Review. 1938. Vol. 7, No. 1. P. 144.

References

Arbatskaya, Yu.V. (2013). Istoriograficheskoe issledovanie yuridicheskogo obrazovaniya v Vostochnoy Sibiri [A Historiographical Study of Legal Education in Eastern Siberia]. In *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. No. 2, pp. 160–161.

Ferro, M. (1992). *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How History is Told to Children in Different Countries of the World]. Moscow, Vysshaya skola. 351 p.

Gsovski, V. (1938). The Soviet Concept of Law. In *Fordham Law Review*. Vol. 7, No. 1, p. 144.

Isaev, M.M. (1923). O vysshikh yuridicheskikh kursakh [On Higher Legal Courses]. In *Ezhenedl'nik Sovetskoy Yustitsii*. No. 15 (April 19), pp. 339–342.

Isaev, M.M. (1927). O vysshem yuridicheskom obrazovanii v RSFSR [On Higher Legal Education in the RSFSR]. In *Sovetskoe pravo*. No. 6, pp. 112–114.

Kaganovich, L.M. (1930). Dvenadtsat' let stroitel'stva Sovetskogo gosudarstva i bor'ba s opportunistom [Twelve Years of Building the Soviet State and the Struggle against Opportunism]. In *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava*. No. 1 (January), p. 743.

Kazarin, V.N. (2013). Osobennosti stanovleniya sudebnoy sistemy v Irkutskoy oblasti. 1918–1920-е гг. [Features of the Formation of the Judicial System in the Irkutsk Region. 1918–1920s]. In *Glagol pravosudiya*. No. 2 (6), pp. 60–68.

Kazarin, V.N., Lyakutina, Yu.P. (2012). *Yuridicheskoe obrazovanie v Vostochnoy Sibiri (1918–1991 gg.)* [Legal Education in Eastern Siberia (1918–1991)]. Irkutsk, Izdatel'stvo IRGU. 483 p.

Kel'man, E.I. (2015). O sisteme yuridicheskogo obrazovaniya [On the System of Legal Education]. In *Istoriko-pravovye problemy. Novyy rakurs*. Available at: URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/2785 (date of access 29.05.2025).

Krasil'nikov, S.A., Simonov, D.G. (Eds.). (2021). *Nauka i uchenye v vostochnykh regionakh Rossii v usloviyakh mobilizatsionnoy paradigmy (1930-e – nachalo 1950-kh godov): sbornik dokumentov* [Science and Scientists in the Eastern Regions of Russia under the Conditions of the Mobilization Paradigm (1930s – Early 1950s): A Collection of Documents]. Novosibirsk. 517 p.

Kupershtokh, N.A. (2023). Nauchno-obrazovatel'nyy kompleks Sibiri v 1945–1965 gg.: problemy i resheniya v ramkakh sovetskoy paradigmy [The Scientific and Educational Complex of Siberia in 1945–1965: Problems and Solutions within the Framework of the Soviet Paradigm]. In *Gumanitanye nauki v Sibiri*. Vol. 30, No. 2, pp. 5–13.

Oleynik, I.I., Oleynik, O.Yu. (2005). Stanovlenie sistemy podgotovki yuridicheskikh kadrov v sovetskoy Rossii [The Formation of the System of Training Legal Personnel in Soviet Russia]. In *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava)*. No. 2. Available at: URL: <http://vestnik.ispu.ru/taxonomy/term/38> (date of access 25.05.2025).

Oleynikov, I.V. (2013). Novoe issledovanie o gosudarstvennoy politike po otnosheniyu k yuridicheskomu obrazovaniyu v Vostochnoy Sibiri [A New Study on the State Policy Towards Legal Education in Eastern Siberia]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (10), pp. 182–187.

Shebanov, A.F. (1963). *Yuridicheskie vysshie uchebnye zavedeniya* [Legal Higher Educational Institutions]. Moscow, Vysshaya shkola. 222 p.

Stuchka, P. (1921). *Revolutsionnaya rol' prava i gosudarstva: obshchee uchenie o prave i gosudarstve* [The Revolutionary Role of Law and the State: A General Doctrine of Law and the State]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Stuchka, P. (1921). *Revolutsionnaya rol' sovetskogo prava: khrestomatiya-posobie dlya kursa "Vvedenie v sovetskoe pravo"* [The Revolutionary Role of Soviet Law: A Reader-Manual for the Course "Introduction to Soviet Law"]. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo. 213 p.

Vodichev, E.G. (2012). *Nauka na Vostoke SSSR v usloviyakh industrial'noy paradigmy* [Science in the East of the USSR under the Conditions of the Industrial Paradigm]. Novosibirsk, Geo. 348 p.

Vodichev, E.G. (2019). Nauka i vysshaya shkola: dikhotomiya mobilizatsionnoy paradigmy. [Science and Higher Education: The Dichotomy of the Mobilization Paradigm]. In *Idei i idealy*. Vol. 11, No. 3, part 1, pp. 58–78.

Л.В. Климова*

ПИСЬМО ПРОФЕССОРА И.А. КАССИРСКОГО
НАРКОМУ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РСФСР Г.Н. КАМИНСКОМУ
НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
1934 ГОДАdoi:10.31518/2618-9100-2026-3-21
УДК 93/94*Выходные данные для цитирования:**Климова Л.В. Письмо профессора И.А. Кассирского наркому здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминскому накануне реформы медицинского образования 1934 года // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 285–297.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-21.pdf>*

L.V. Klimova*

LETTER FROM PROFESSOR I.A. KASSIRSKY
TO THE PEOPLE'S COMMISSAR OF HEALTH
OF THE RSFSR, G.N. KAMINSKY, ON THE EVE
OF THE 1934 MEDICAL EDUCATION REFORM

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-21

*How to cite:**Klimova L.V. Letter from Professor I.A. Kassirsky to the People's Commissar of Health of the RSFSR, G.N. Kaminsky, on the Eve of the 1934 Medical Education Reform // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 285–297.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-21.pdf>]*

Abstract. The article presents a previously unpublished archival document – a letter from Professor I.A. Kassirsky, the scientific head of the therapeutic department at the N.A. Semashko Hospital, to G.N. Kaminsky, the People's Commissar of Health of the RSFSR. In this letter, Kassirsky, who had extensive teaching experience, sharply criticized the medical education system that had developed in the early 1930s and expressed his concerns about taking measures to improve the situation. In 1930, a healthcare reform was launched to turn healthcare “towards production”, i.e., to integrate it into the country's economic processes related to forced industrialization and collectivization. This reform included changes in the training of doctors, aiming to significantly increase the number of medical students (it was not supported by adequate infrastructure or teaching staff) and improve their social composition. These measures had a negative impact on the quality of medical education, leading to another reform of the medical education system in the mid-1930s. Kassirsky used examples from his teaching experience to demonstrate the impact of the existing education system on the degradation of the student body. His note made a significant impression on the People's Commissar for Health, who used quotes from the document in his presentation at an upcoming medical conference. Kassirsky's letter is an important source for the history of medical education, as it shows the consequences of the early 1930s reform through the eyes of the most immersed part of society – university professors.

Keywords: medical education, healthcare reform, People's Commissariat of Health of the RSFSR, I.A. Kassirsky, G.N. Kaminsky.

*The article has been received by the editor on 10.03.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

Аннотация. В статье представлен не публиковавшийся ранее архивный документ – письмо научного руководителя терапевтического отделения больницы им. Н.А. Семашко профессора И.А. Кассирского наркому здравоохранения РСФСР

* **Любовь Владимировна Климова**, Российский государственный архив новейшей истории, Москва, Россия, e-mail: klimovalubov@mail.ru

Lyubov Vladimirovna Klimova, Russian State Archive of Modern History, Moscow, Russia, e-mail: klimovalubov@mail.ru

Г.Н. Каминскому. В этом письме Кассирский, имевший большой преподавательский опыт, резко критиковал сложившуюся в начале 1930-х годов систему медицинского образования и высказывал свои соображения по поводу принятия мер, необходимых для исправления ситуации. В 1930 г. началась реформа здравоохранения, призванная повернуть его «лицом к производству», т.е. включить в происходившие в стране экономические процессы, связанные с форсированной индустриализацией и коллективизацией. Частью этой реформы стали изменения в подготовке врачей, направленные на резкое увеличение количества студентов-медиков (которое не было обеспечено соответствующей материальной базой и преподавательскими кадрами), а также «улучшение» их социального состава. Эти меры в целом оказали негативное влияние на качество обучения медиков, что привело к середине 1930-х годов к очередному реформированию системы медобразования. Кассирский на примерах из своей преподавательской практики показал, какое влияние существующая система набора студентов и их подготовки оказала на деградацию контингента учащихся. Его записка произвела большое впечатление на наркома здравоохранения, который использовал цитаты из этого документа при подготовке доклада для своего выступления на предстоящей медицинской конференции. Письмо Кассирского является важным источником истории медицинского образования, показывая последствия реформы начала 1930-х годов глазами наиболее погруженной в эти процессы части общества – вузовских преподавателей.

Ключевые слова: медицинское образование, реформа здравоохранения, Наркомздрав РСФСР, И.А. Кассирский, Г.Н. Каминский.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026 г.

Медицинская реформа 1934 г. занимает особое место в истории здравоохранения СССР. Она стала поворотным событием в деле подготовки медицинских кадров, сглаживая острые углы реформы 1930 г. и закладывая основу для дальнейшего функционирования советского медобразования. В историографии реформирование системы подготовки медицинских кадров в 1930-х годов обычно рассматривается или в контексте развития системы здравоохранения в целом, или как часть истории высшей медицинской школы¹. Основной акцент в исследованиях этой темы, как правило, делается на официальной документации: законодательных источниках и делопроизводственных материалах. Однако значимую роль в изучении социальных процессов играют источники личного происхождения, позволяющие подсветить «изнутри» многие аспекты жизни людей, часто остающиеся вне поля зрения официальных документов. Важное место в изучении развития советской медицины занимают мемуары, письма и дневники врачей той эпохи², фиксирующие их непосредственные впечатления и уникальный личный опыт. Каждый такой документ является важным свидетельством времени, позволяющим увидеть происходившие исторические процессы глазами их непосредственных участников. Письмо И.А. Кассирского является ценным источником изучения системы медицинского образования начала 1930-х годов, показывая изнутри последствия реформы и отношение к ней наиболее заинтересованных лиц – преподавателей высшей медицинской школы.

¹ Ерегина Н.Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль, 2010; Беседин А.Л., Петрушина М.В. Управленческие реформы и трансформации системы российского здравоохранения от Петровской эпохи до наших дней: кардинальные преобразования и действующие лица // Клиническая медицина и фармакология. 2017. Т. 3, № 3. С. 23–42; Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666; История медицины в России. Этика и политика. М., 2025.

² См., напр.: Маценко П.А. Записки хирурга. Иркутск, 1984; Крестникова С.В. Воспоминания врача. Йошкар-Ола, 2013; Углов Ф.Г. Воспоминания русского хирурга. Революция и две войны. М., 2015.

На рубеже 1920–1930-х годов в связи с принятием первого пятилетнего плана и курсом на ускоренное социалистическое строительство в СССР стала расти потребность в специалистах всех отраслей народного хозяйства, в том числе и в медиках³. Постановление ЦК ВКП(б) «О медицинском обслуживании рабочих и крестьян» от 18 декабря 1929 г. констатировало, что «темп развития дела здравоохранения значительно отстает от роста всего народного хозяйства страны»⁴.

С этого постановления началась «коренная перестройка» советского здравоохранения, направленная, в том числе, на усиление «классовой пролетарской линии» и привлечение в медицинские кадры «рабочего и крестьянского актива».

В январе 1930 г. место наркома здравоохранения РСФСР занял старый партиец и председатель Центральной ревизионной комиссии ВКП(б) М.Ф. Владимирский⁵. Вступив в должность, новый нарком начал осуществлять реформу здравоохранения, основные направления которой были озвучены в марте 1930 г. на VII Всероссийском съезде здравотделов⁶, где Владимирский призвал медиков «вклиниться в хозяйственную работу страны»⁷. Теперь главными ориентирами в работе врачей должны были стать трудоспособность пациентов и производительность труда, влияющие на себестоимость производимой продукции⁸.

Активное привлечение лечебно-профилактических учреждений к участию в росте производства привело к перестройке системы медицинского образования. Реформа предполагала подготовку «новых пролетарских медицинских кадров <...> с широким общественно-политическим кругозором, организаторов активности широких масс трудящихся»⁹. Потребности системы здравоохранения диктовали необходимость резкого увеличения количества выпускников медицинских факультетов. Для этого сроки обучения были сокращены до 3,5–4 лет, учебный процесс проходил в две смены, а набор студентов проводился два раза в году. Через рабочие факультеты (рабфаки) в медицину направились промышленные рабочие с целью «улучшения социального состава выпускаемых врачей»¹⁰. Значительно сокращался объем общетеоретической и клинической подготовки студентов.

В 1931 г. руководство страны констатировало некоторые успехи в области медицинского образования, в частности увеличение количества вузов и рабфаков, «улучшение» социального и партийного состава учащихся. Одновременно с этим отмечалось, что «положение с подготовкой медицинских кадров остается совершенно неудовлетворительным»¹¹. Количество учащихся медиков по-прежнему не соответствовало потребности в них. Решение этой проблемы Наркомздрав видел в наращивании приема в вузы, в том числе на медицинские рабфаки, а также в увеличении количества вечерних рабочих факультетов и подготовительных курсов для «националов»¹² в национальных республиках, краях и областях. Доля рабочих среди обучающихся должна была достигать 75 %. Для расширения заочной подготовки медицинского персонала создавались институты по заочному обучению. Сроки на производственное обучение увеличивались до 50 % в ущерб теоретической подготовке.

³ Ерегина Н.Т. Высшая медицинская школа России... С. 107.

⁴ Постановления КПСС и Советского правительства по охране здоровья народа. М., 1958. С. 167.

⁵ Владимирский Михаил Федорович (1874–1951) – государственный и партийный деятель, народный комиссар здравоохранения РСФСР (1930–1934).

⁶ Здравоотдел – отдел исполнительного комитета Совета народных депутатов, руководящий работой по здравоохранению.

⁷ Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренной перелом»... С. 656.

⁸ Владимирский М.Ф. Борьба с заболеваемостью даст промышленности новые ресурсы // Правда. 1930. № 228. С. 2.

⁹ Резолюции VII Всероссийского съезда здравотделов // Уральский медицинский журнал. 1930. № 2/3. С. 117.

¹⁰ О реорганизации системы подготовки врачебных кадров (Постановление СНК РСФСР от 19 июня 1930 г.) // Постановления КПСС и Советского правительства... С. 177.

¹¹ О медицинских кадрах (Постановление ЦК ВКП(б) от 1 июня 1931 г.) // Постановления КПСС и Советского правительства... С. 193–194.

¹² Начиная с 1920-х гг. в Советском Союзе проводилась политика «коренезации», заключавшаяся в «национализации» аппарата управления в союзных республиках и других национальных регионах, ускоренном образовании «националов» (национальных меньшинств), формировании местной национальной интеллигенции. С этой целью в вузах вводились квоты на набор студентов-«националов».

Эти меры, направленные прежде всего на количество выпускаемых медиков и их социальный состав, закономерно отразились на качестве обучения, что привело к значительному росту ошибок в диагностике и лечении, зачастую заканчивающихся смертью пациентов. «Современники боялись врачей с плохими знаниями и широким политическим кругозором»¹³, – отмечают исследователи реформы.

Катастрофическое положение с подготовкой медицинских кадров привлекло внимание высшего руководства страны. В своем отчетном докладе на XVII съезде ВКП(б), проходившем с 26 января по 10 февраля 1934 г., И.В. Сталин заявил: «...Медицинские факультеты все еще находятся у нас в загоне. Это большой недостаток, граничащий с нарушением интересов государства. С этим недостатком надо обязательно покончить. И чем скорее будет сделано это, тем лучше»¹⁴. Это замечание было воспринято правительством как руководство к действию. К тому времени уже стало ясно, что одним только «кавалерийским наскоком», директивно повышая требования к количественным показателям без обеспечения соответствующей материальной базы, решить проблему кадров не получится.

В феврале 1934 г. в Наркомздраве РСФСР сменилось начальство. Новым наркомом стал Г.Н. Каминский¹⁵, который провел ряд мероприятий, направленных на устранение недостатков реформы. Обследование медучреждений, инициированное Каминским при вступлении в должность, показало, что врачей часто принимали на работу без проверки их дипломов. Это, очевидно, было связано с критическим дефицитом кадров и серьезно отражалось на качестве предоставляемых населению медицинских услуг. Бывали случаи, когда должность хирурга занимал человек вообще без какого-либо образования, что выяснялось только после нескольких послеоперационных смертей¹⁶. Такая ситуация в системе здравоохранения была связана с крайне низкими зарплатами в этой сфере и непопулярностью «интеллигентских» профессий по сравнению с рабочими специальностями. По инициативе наркома здравоохранения руководство страны приняло меры по улучшению материального положения медиков¹⁷. Кроме того, стала очевидна неэффективность существующей системы образования в сфере здравоохранения. Началась подготовка новой реформы.

В Государственном архиве Российской Федерации в фонде Наркомата здравоохранения РСФСР хранится письмо профессора И.А. Кассирского. В нем молодой, но уже авторитетный врач, преподаватель и ученый высказал ряд соображений по поводу неудовлетворительного положения медицинского образования в стране. Это письмо произвело такое впечатление на Каминского, что он включил цитаты из него в свой доклад, который готовил в это время к предстоящей научной конференции¹⁸. Данный источник является ценным свидетельством, иллюстрирующим реальное положение высшего медицинского образования в стране, которое не всегда в достаточной степени было отражено в официальных документах.

Автор письма не проставил дату его написания, поэтому определить датировку можно только приблизительно. На деле, в котором содержится документ, указано, что оно начато 23 июля, а окончено 17 сентября 1934 г., однако большинство документов в архивном деле не имеет датировки и расположено не в хронологическом порядке. Учитывая, что Кассирский упоминает «намечающийся поворот в деле перестройки медобразования», можно предположить, что письмо написано в период между обсуждением данного вопроса на Всероссийском совещании руководителей краевыми и областными отделами здравоохранения, проходившем 20–26 августа 1934 г., и обнародованием 4 сентября 1934 г. Постановления ЦИК СССР «О подготовке врачей», когда этот поворот стал уже свершившимся фактом.

¹³ Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. «Клубы» и «гетто» советского здравоохранения. М., 2022. С. 152.

¹⁴ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 25.

¹⁵ Каминский Григорий Наумович (1895–1938) – государственный и партийный деятель, народный комиссар здравоохранения РСФСР (1934–1937), первый нарком здравоохранения СССР (1936–1937).

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А 482. Оп. 1. Д. 696. Л. 169.

¹⁷ Протокол заседания комиссии Политбюро по вопросу о правовом и материально-бытовом положении медицинского персонала // Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. док-тов. М., 1995. С. 48.

¹⁸ ГА РФ. Ф. А 482. Оп. 24. Д. 290. Л. 12.

Подводя итоги совещания руководителей здраводелов, нарком Каминский среди недостатков советского здравоохранения назвал «запущенность медобразования, слабую подготовку поступающих в медвузы, недостаточные сроки обучения, недостаточное внимание к основным врачебным дисциплинам, узкую специализацию без достаточной общеврачебной подготовки, скверную материально-техническую оснащенность медвузов, отрыв педагогической работы от научной»¹⁹. Эти выводы во многом перекликались с тем, о чем писал Кассирский, свидетельствуя о единодушии нового руководства здравоохранения и вузовских преподавателей в их оценках медицинского образования. Уже 3 сентября 1934 г. было принято постановление ЦИК СССР²⁰, в котором положение дел с медицинским образованием в стране характеризовалось как «нетерпимое». Постановление возвратило пятилетний срок обучения на медицинских и санитарно-гигиенических факультетах, запретило заочное обучение в медицинских учебных заведениях, восстановило обязательные выпускные экзамены, обязало союзные наркоматы обеспечить своевременный выпуск учеников и ввело ряд других мер, направленных на повышение качества образования.

Неординарная и яркая личность автора письма заслуживает того, чтобы осветить основные вехи его биографии. Иосиф Абрамович Кассирский родился в 1898 г. в городе Новый Маргелан Туркестанского генерал-губернаторства (с 1924 г. Фергана). В 1919 г. студента медицинского факультета Томского университета Кассирского, как и многих других медиков, насильно мобилизовали в армию Колчака²¹, откуда он сбежал в Красную армию. В 1921 г. демобилизованный красноармеец окончил обучение и поступил в качестве ординатора в терапевтическую клинику недавно созданного Туркестанского университета в г. Ташкенте, где к тому времени проживали его родители. За годы работы в Средней Азии молодой врач проявил себя как талантливый диагност, гематолог, инфекционист и терапевт. Он изобрел специальную иглу для пункции костного мозга (игла Кассирского) и написал ряд научных работ. В 1930 г. И.А. Кассирский был избран доцентом клиники тропических болезней Ташкентского медицинского института, а в 1931 г. – профессором и заведующим кафедрой. В 1934 г. его пригласили в Москву в качестве научного руководителя терапевтического отделения больницы им. Н.А. Семашко, где Кассирский вскоре организовал курсы усовершенствования врачей-терапевтов. Именно в этот период он написал публикуемое здесь письмо. В годы Великой Отечественной войны Кассирский занимал посты главного терапевта Главного врачебно-санитарного управления Наркомата путей сообщения СССР и постоянного консультанта Военной академии им. М.В. Фрунзе, выезжал для оказания помощи раненым в действующую армию, организовывал противоэпидемические мероприятия в освобожденном Сталинграде. В 1958 г. его избрали членом-корреспондентом, а в 1963 г. – академиком Академии медицинских наук СССР. И.А. Кассирский умер в 1971 г. от онкологического заболевания²².

При публикации документа сохранены стилистические особенности текста. Пропущенные слова и сокращения переданы в квадратных скобках. Текст машинописный с рукописными вставками синими чернилами. Все рукописные вставки выделены в тексте *курсивом*. Вопросительные и восклицательные знаки проставлены от руки синими чернилами. Все подчеркивания также сделаны синими чернилами и при публикации переданы графически. Рукописные исправления опечаток в письме переданы без оговорок.

¹⁹ Ерегина Н.Т. Высшая медицинская школа России... С. 130.

²⁰ О подготовке врачей (Постановление ЦИК СССР от 3 сентября 1934 г.) // Постановления КПСС и Советского правительства... С. 234–238.

²¹ Колчак Александр Васильевич (1874–1920) – государственный, политический и военный деятель, во время Гражданской войны один из лидеров Белого движения.

²² Воробьев А.И. Роль советской профессуры в развитии гематологии // Онкогематология. 2007. Т. 2, № 4. С. 5–11; Кассирский Г.И. Академик И.А. Кассирский: жизнь, научное творчество, врачевание. М., 2011; Левин В.И. И.А. Кассирский – выдающийся советский ученый-медик // Педагогика и просвещение. 2013. № 2. С. 159–167.

* * *

**Письмо профессора И.А. Кассирского наркому здравоохранения РСФСР
Г.Н. Каминскому**

[июль – сентябрь] 1934 г.

*(л. 15) Народному комиссару здравоохранения РСФСР, д-ру Каминскому
Копия тов[арищу] Бухарину¹, ред[актору] «Известий»*

В практической деятельности НКЗ² намечается, видимо, поворот в деле перестройки медобразования. Считаю своим долгом откровенно сказать, что это давно пора, ибо медобразование в том виде, в каком оно пребывает в настоящее время, грозит полной катастрофой в деле подготовки мед[ицинских] кадров.

Как профессор одного из провинциальных вузов, в котором я работаю почти 15 лет, со дня его основания, пройдя здесь все стадии развития, я бы хотел обратить Ваше внимание на те болезни, которыми очевидно, болеют не только провинциальные вузы, но и центральные. Думаю, что знание этих болезней позволит Вам, тов[арищу] нарком, выбрать правильный путь для лечения медвузов, их директоров, студентов и т.д.

Первая болезнь – это потрясающая безграмотность известной части студентов и нередко оставляемых при кафедрах^а научных сотрудников.

Безграмотность, отсутствие общего развития, неумение толком связать два слова производят иногда потрясающее впечатление. Очевидно, с приемом дело стояло у нас и всюду возмутительно плохо, если принимали нередко ротных фельдшеров³, зубных техников, просто неучей и т.п., и эти люди дошли до последнего курса, а сейчас их надо выпускать врачами, но поверьте, рука не подымается писать им зачет, так как это абсолютные неучи в смысле общеобразовательном, безграмотные биологически, медицински и т.п.

Благодаря такому контингенту студентов история нашего института за последние годы – это комическая история разных невероятных по глупости и пошлости ответов на зачетах.

Приведу несколько из тех, которые я запомнил и которые указывают на деградацию тех кадров, кои подбираются в медвузы.

// (л. 16) В истории болезни студент пишет: глотка больного проходима для воздуха.

Вопрос экзаменатора: что такое систола⁴ и диастола⁵?

Ответ: систола – сокращение *левого*^б желудочка, диастола – сокращение правого желудочка.

В истории болезни студент пишет: бросим теперь ректоспективный (*sic*⁶ – т.е. через ректум!⁷) *взгляд*...

Вместо привратник врач пишет плевратник...

Аспирант, заканчивая письмо пишет: за раннее благодарный асперант⁸...

На государственном экзамене по тропическим болезням студент лекпом⁸ начинает излагать^г спорогонию (цикл полового развития плазмодия⁹ в желудке комара) и дойдя до стадии зиготы¹⁰, продуцирует из нее комара (имаго)¹¹. Студенты, вызываемые к карте, не могут показать сопредельных со Ср[едней] Азией стран – Персии, Афганистана и назвать их столицы. О Японии, Китае, Греции, Югославии, Средиземном море и т. п. никакого представления. Ни один студент не смог сказать, какое историческое событие произошло в г. Сараеве¹².

Страдают у многих не только подготовка, но и способности. Так, некоторые без всякого стеснения заявляют, что пока они выучивают одну страницу, забывают предыдущую. Студенты некоторые не представляют себе реально, что такое метр, сантиметр, и т.п.,

^а Здесь и далее подчеркнуто И.А. Кассирским синими чернилами.

^б Вписано от руки над зачеркнутым «правого».

^в Так в тексте.

^г Вписано от руки над зачеркнутым «показывать».

не умеют делить и умножать десятичных дробей, составлять пропорций, а врачу надо уметь обращаться с математикой в пределах этих требований.

Мое мнение такое, что на медфаки идет наиболее слабая молодежь, а это чревато большими последствиями, так как ни один факультет как раз не требует столь широкого кругозора и ярких способностей, как медицинский, где изучаются различные отрасли естественных и медицинских наук.

Вторая болезнь наших вузов – это многофакультетность. Так, у нас на <...>^д маленького вуза и небольшого количества квалифицированных преподавателей имеются следующие факультеты и отделения:

Лечпроф¹³ – терапевтическое отделение, хирургическое отделение, акушерско-гинекологическое.

ОММ¹⁴ – педиатры.

Отделение врачей пром[ышленных] предприятий.

Отделение общесанитарных врачей.

Разница в часах по некоторым предметам ничтожна. Неужели прибавление или убавление нескольких десятков часов может решить вопрос в смысле // (л. 17) окончательной специализации студента. А между тем такое обилие факультетов и отделений, в сущности, является абсолютным препятствием для ведения правильного планового преподавания и лекционной системы всему курсу с тщательным подбором материала в духе знаменитых постановлений ЦИКа о высшей школе. *De facto*¹⁵ курса в целом мы не видим никогда, а имеем дело с маленькими группочками студентов, представляющими тот или иной факультет. Отсюда огромный ущерб для клинического преподавания. Напр[имер], в моей клинике получается так: осенью я могу показать студентам весь букет тропических болезней (которым учатся только на больных, а не в книгах), но я, к сожалению, имею в это время в клинике одну-две группы, а зимой и весной, когда нет больных для демонстрации, начинают *сытаться*^е как из рога изобилия группы. И ничего нельзя сделать, так как технически нельзя при многофакультетности составить расписание, чтоб удовлетворить все клиники. Будь лекции всему курсу, это не представляет никаких трудностей. Чехарда с группами продолжается, всюду роль профессора по-прежнему нередко сводится к граммофону – он повторяет скучно одно и то же нескольким группам изо дня в день, из года в год.

Все это не значит, что я возражаю против групп – нет, конечно, но с группами должны работать по преимуществу ассистенты. Точно также я бы не хотел быть неправильно понятым в моих указаниях насчет многофакультетности. Я не против специализации советских врачей, но несколько факультетов можно позволить крупному вузу, выделив их в отдельные ячейки со своими клиниками, лабораториями и т.п., иначе получается неразбериха, а во-вторых, необходимо иначе поставить специализацию наших врачей, необходимо дать врачу сначала общую солидную подготовку, независимо от того, кем он будет, а по прошествии 4 лет специализировать его. Специализировать же с 1-го курса врача на хирурга, гинеколога или ОММ – это бессмыслица и сизифов труд в смысле бесконечной дифференциации часов, отпускаемых на тот или иной предмет.

Что касается таких специальностей, как врач-коммунальник, физкультурник¹⁶ и т.п. То для подготовки врачей этих важнейших отраслей советской медицины необходимо создать несколько центральных вузов, а с халтурными учреждениями, где нет ни одного квалифицированного преподавателя по таким важным предметам, как коммунальная гигиена, технология питательных продуктов, пищевая гигиена, медстроительство, физкультура и т.п. – надо покончить.

// (л. 18) Третья наша болезнь – это отсутствие письменных работ. Пора этому положить предел, иначе получают такие конфузы, когда врач в препроводительной записке пишет: направляется больной с диагнозом, похожим на рожу¹⁷.

^д Слово неразборчиво.

^е Вписано от руки над зачеркнутым «идти».

Упразднение истории болезни, которые подавались в письменном виде и обнаруживали способность студента ориентироваться в дисциплине, разбираться в литературе и т.п., было непредусмотрительным шагом. Это окончательно снизило небольшие требования, которые еще предъявлялись к врачу в смысле его общего развития. Если в наших технических вузах к студенту предъявляются требования в виде чертежей с объяснительными записками к ним, то это является стимулом для отбора людей, для воспитания квалифицированных кадров. У нас же в мединститутах нет никаких критериев, чтоб оценить человека наиболее полно. Выучить медицину в 5 лет невозможно, и нередко зачеты не могут вполне охарактеризовать подготовку и развитие будущего врача, зато истории болезни и рефераты вполне продемонстрируют, как студент справляется с дисциплиной, насколько он в состоянии обнять предмет, пользоваться источниками, дифференциально мыслить и вообще, насколько он грамотен. Заславский¹⁸ пишет в фельетоне, что он не мыслит, чтобы окончивший [вуз] инженер спроектировал трактор без колес, но какие проекты гнездятся в головах у наших абитуриентов, если они не в состоянии толком составить маленькой бумажки, не говоря об историях болезни, толковом судебно-медицинском мнении, протоколе и т.п.

Четвертая болезнь. Отсутствие серьезного отношения к делу среди студентов врачей. Это, по-моему, порождается отсутствием серьезного отношения к ним самим, ибо им по их развитию уместно быть лекгомами, сестрами, а они обучаются на врачей. Снижение требований к ним создает снижение взгляда на отрасль знания, которую они выбрали (м[ожет] б[ыть], потому и выбрали, что низки требования!). Я, конечно, говорю не о всех. Есть и у нас, и всюду блестящие студенты даже из лекгомов, но это тем более налагает на нас ответственность в деле подбора людей. Не блестяще обстоит у нас среди молодежи с этикой. По-моему, необходимо воспитать для нашего нового общества врачей с новой этикой. Старые факультетские обещания совершенно справедливо уничтожены, как уничтожена присяга в войсках, но в Красной Армии создана новая присяга, а что создано для врача взамен старых факультетских обещаний? // (л. 19) Между тем что-то сделать надо. Мне могут возразить, сказав, что тогда встанет вопрос о каких-то обязательствах советского юриста, инженера и т. п., но это не так. Ибо нет второй такой области, как медицина, которая бы не подвергалась никакому, в сущности, общественному контролю. Здесь для врача широкое поле для халатности, бездействия, преступной небрежности и т.п., т.е. всего того, что может быть прикрыто различными формулами вроде – диагностическая ошибка, техническая погрешность, боязнь повредить больному (*nil nocere!*)¹⁹. Подобная ситуация полной свободы и безответственности врача, особенно работающего без наблюдения со стороны более квалифицированных коллег, парализует нередко его тенденции к повышению квалификации и создает из него тип чеховского уездного лекаря²⁰.

Я полагаю необходимым вместо факультетских обещаний старого типа создать особые курсы врачебной этики при кафедрах истории медицины – курсы, построенные на базе марксистско-ленинской идеологии.

Без воспитания подобной этики у нас получают весьма «корявые» молодые врачи, которые не могут должным образом подойти к больному как к психофизическому целому, не нанести ему психической травмы, быть чутким к нему, ориентироваться правильно в мероприятиях по отношению к нему и т.п. Этическая размагничность врачей в наше время не подлежит никакому сомнению и ничем иным как ею я объясняю тот факт, что даже у вас в Кремлевской больнице оперируют больного, не предупредив родных, а больной случайно погибает. Этическая размагничность приводит к тому, что врачи с легкостью разбалтывают некоторые интимные стороны жизни пациентов, что не диктуется постулатами общественной профилактики²¹.

Пятая наша болезнь – подбор научных и практических работников в вузах и больницах. Борьба за классовые позиции в вузах окончена, в вузы идет свой человек. Поэтому можно смотреть несколько либеральнее на подбор кадров. Совершенно прав т[оварищ] Заславский, который считает, что научные работники особенно по теоретическим предметам должны подбираться преподавателями со студенческой скамьи: преподаватель привлекает к себе

интересующегося студента, длительно изучает его и по окончании оставляет его. У нас же получается наоборот: механистически проведена аналогия между научно-медицинскими работниками и инженерно-техническими работниками, и потому подбирают для оставления при кафедрах врачей с периферическим стажем.

// (л. 20) Если проводят научного работника из инженера, проделавшего свой стаж на периферии, где-нибудь на стройке или крупном заводе, где у него были сотни опытейших учителей и где под их руководством он обучался большому делу, это понятно, но не понятно, почему оканчивающий [обучение в вузе] способный врач должен поехать куда-то в глушь, там работать как кустарь одиночка, деквалифицироваться без руководства в течение трех лет, а потом его приглашают в клинику или на теоретическую кафедру в качестве научного сотрудника. Опыт показал, что такой путь продукции научных кадров наименее эффективен.

Шестая наша болезнь. Это система отправки врачей на периферию. Ее надо изжить. Недаром врачи так боятся этой периферии. Пора покончить с этой боязнью. Не периферия для врача, а врач для периферии – поэтому прежде, чем отправлять врача на периферию, его нужно обязательно квалифицировать в какой-нибудь солидной больнице, и окрыленный знаниями врач поедет на периферию с радостью – не фантазировать! не портить, а творить, лечить, помогать...

Создалось мнение, что советские врачи бегут от периферии из-за неудобств жизни, оторванности и т.п. Это неверно. Они избегают периферии – деревни, кишлака, аула прежде всего потому, что они в большинстве теряют там обличье врача и даже повивальной бабки, так как не вооружены никакими практическими знаниями, делающими их труд радостным, ощутимым по своим результатам. Они превращаются в ротных фельдшеров, да еще с той разницей, что у последних всегда существует благодаря ограниченности теоретических сведений своеобразная самоуверенность, а врач лишен и ее. Шутка ли столкнуться лицом к лицу с многоликой патологией человеческого организма и поплыть в ней без руля и ветрил... Вот почему врачи так боятся периферии... Надо во что бы то ни стало превратить труд врача на периферии в радостный социалистический труд, а это будет тогда, когда он будет знать свое дело и работать во всеоружии этого знания.

Седьмая болезнь. Очковитительство и безответственность директоров вузов. Скажите, почему отвечают строго директора заводов за плохую продукцию тракторов, автомобилей, частей к ним, а директора вузов молчат (я уверен – ни один честно вам не написал!) о браке, да каком еще браке!? Надо как следует проверить многие и многие вузы насчет этого брака. *ж-Надо послать также комиссии для проверки квалификаций преподавателей в пров[инциальных] и республик[анских] вузах, ибо бывшие республиканские и провинциальные комиссии квалифицировали профессоров и доцентов нередко по-семейному^ж.*

// (л. 21) Восьмая болезнь – это наша местная болезнь. Это вопрос о подготовке национальных кадров. К националам всячески снижаются требования. Ну, предположим, это в известных пределах нужно, принимая во внимание затруднения с языком. Но до каких же пределов? Почему национал – узбек, казак²², киргиз должен быть обязательно плохим врачом, незнайкой, а европеец лучшим (вот где великодержавный шовинизм!)? А было так: во имя процентов и громких реляций нагоняли людей из кишлаков, свозили их на арбах (даже под музыку!), вербовали кого угодно и повышали проценты нацкадров. Самообман! Эти «свезенные» люди не знали толком ни родного языка, ни русского, безусловно не в состоянии одолеть высшую школу, а их тянут... Для чего? Для того, чтобы они потом подрывали в кишлаке авторитет научной медицины и проигрывали в глазах населения по сравнению с табибами²³...

Девятая болезнь – отношение к лечебной медицине. Мы чересчур, левацки гипертрофировали наши профилактические учреждения, работа коих нередко сводится к бумажной переписке. За этот счет наш рабочий и колхозник мог бы на случай болезни получить большие удобства, культурное обслуживание, лучшее питание и поскорее выйти на работу.

^{ж-ж} Вписано от руки синими чернилами на нижнем поле листа.

Десятая болезнь – бытовые условия врачей. О них не буду писать, они общеизвестны. Мы вступили в такую фазу жизни нашей великой страны, когда надо окончательно изжить существующий еще среди многих провинциальных помпадуров²⁴ взгляд на врачей, некогда выраженный Петром I²⁵: «Обозники, врачи и прочая сволочь – на левом фланге...». И еще более гнусное мнение о медицине, высказанное великим князем Николаем Николаевичем²⁶, когда был поднят вопрос о приравнивании во время войны врачей к офицерам.

Вот общеизвестная резолюция великого князя: «Ночной горшок вещь хоша²⁷ и удобная и нужная, но отсюда не следует, что его можно ставить на стол...».

Врач в социалистическом обществе – не удобная вещь и т.п., а активный строитель новой жизни, так как от него зависит во многом психофизическое состояние многих миллионов трудящихся людей, а социализм строят как раз эти люди, не машины, а прежде всего люди...

³В заключение я бы хотел поднять вопрос о своевременности создания НКЗ СССР²⁸, т.к. это, конечно, внесет систему в медобразование и вообще в дело здравоохранения в республиках СССР.

Проф[ессор] Кассирский.

Мой наст[оящий] адрес: Москва. Варварка. Кривой пер[еулок]. № 4, кв[артира] 11⁻³.

[Ответы студентов-медиков на вопросы преподавателя]

// (л. 22) Как лечить тяжелую инфекционную желтуху?

Ответ: Удалением печени.

Что необходимо вдыхать человеку для поддержания жизненных процессов?

Ответ: Углекислоту.

Каким условиям должна отвечать кормилица?

Ответ: Она должна быть в климактерическом периоде²⁹.

Что такое endocarditis lenta³⁰?

Ответ: Это лентообразные изменения на сердечных клапанах.

Что такое эозинофилы³¹?

Ответ: Это клетки крови, из которых добывается краска эозин.

Откуда идет сперма у человека?

Ответ: Из спинного мозга.

Что такое актиномикоз³²?

Ответ: Активная кость – это такая кость...

Кто является переносчиком малярии?

Ответ: Малярию переносят такие маленькие зверьки... флeботомусы³³! (ответ национала).

Что такое злокачественная гипертония³⁴?

Ответ: Это злокачественная опухоль.

Что такое эметин³⁵?

Ответ: Вытяжка из семенных желез.

Какова вместимость мочевого пузыря?

Ответ: 15–30 литров.

ГА РФ. Ф. 482. Оп. 24. Д. 290. Л. 15–22.

Машинопись. Подлинник. Подпись – автограф И.А. Кассирского.

³⁻³ Вписано от руки синими чернилами на нижнем поле листа.

Комментарии

- ¹ Бухарин Николай Иванович (1888–1938) – политический и государственный деятель, публицист, экономист, академик АН СССР (1929).
- ² Народный комиссариат здравоохранения.
- ³ Ротные фельдшеры в начале XX в. и в годы Первой мировой войны из-за нехватки среднего медицинского персонала в армии проходили обучение не в военно-фельдшерских школах, а непосредственно в войсках у войскового врача, что негативно отражалось на качестве их подготовки.
- ⁴ Систола – сокращение левого и правого желудочков сердца при сердцебиении.
- ⁵ Диастола – расслабление сердечной мышцы в интервале между сокращениями.
- ⁶ Sic (лат.) – именно так. Полностью: «sic erat scriptum» – «так было написано».
- ⁷ Ректум – прямая кишка.
- ⁸ Лекпом (устар.) – лекарский помощник, фельдшер.
- ⁹ Плазмодии (лат. Plasmodium) – род паразитических одноклеточных организмов, некоторые виды которого вызывают малярию. Являются паразитами позвоночных и насекомых (чаще всего комаров).
- ¹⁰ Зигота – оплодотворенная яйцеклетка, которая образуется в результате слияния гамет (репродуктивных клеток) противоположного пола.
- ¹¹ Имаго – взрослая стадия индивидуального развития насекомых.
- ¹² Речь идет об убийстве 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его жены в столице Боснии и Герцеговины г. Сараево боснийским сербом Гаврилой Принципом. Это убийство стало одним из ключевых событий, приведших к Первой мировой войне.
- ¹³ Лечебно-профилактический факультет.
- ¹⁴ Факультет охраны материнства и младенчества.
- ¹⁵ De facto (лат.) – фактически.
- ¹⁶ Специалисты по жилищно-коммунальной и физкультурной гигиене.
- ¹⁷ Рожа (рожистое воспаление) – острая бактериальная инфекция кожных покровов, вызываемая бета-гемолитическим стрептококком группы А.
- ¹⁸ Заславский Давид Иосифович (1880–1965) – журналист, публицист, литературовед, литературный критик и фельетонист.
- ¹⁹ Nil посере (лат.) – не навреди.
- ²⁰ А.П. Чехов в ряде своих произведений создал образы провинциальных врачей, которых объединяет постепенная нравственная и профессиональная деградация.
- ²¹ Общественная профилактика – разносторонняя деятельность общественных и государственных организаций, направленная на изучение и оздоровление условий труда и быта граждан.
- ²² Казак (устар.) – казах.
- ²³ Табиб – лекарь, целитель в арабском и некоторых тюркских языках.
- ²⁴ Помпадур (иносказ.) – администратор-самодур. В этом значении использовалось М.Е. Салтыковым-Щедриным в цикле сатирических рассказов «Помпадуры и помпадурши». Происходит от имени маркизы де Помпадур, фаворитки французского короля Людовика XV.
- ²⁵ Петр I (1672–1725) – русский царь с 1682 г., первый император Всероссийский с 1721 г.
- ²⁶ Великий князь Николай Николаевич (1856–1929) – внук императора Николая I, Верховный Главнокомандующий сухопутными и морскими силами Российской империи в начале Первой мировой войны (1914–1915).
- ²⁷ Хоша (устар., разг.) – хоть, хотя.
- ²⁸ Наркомздрав СССР – образован постановлением ЦИК и СНК СССР от 20 июля 1936 г. В ведение Наркомздрава СССР были переданы организации и учреждения из наркомздравов союзных республик, в том числе из Наркомздрава РСФСР.
- ²⁹ Климактерический период (климакс) – физиологический период в жизни женщины, характеризующийся угасанием репродуктивной функции вследствие гормональных изменений в организме.
- ³⁰ Endocarditis lenta (лат.) – тяжелый эндокардит (воспаление внутренней оболочки сердца).
- ³¹ Эозинофилы – разновидность лейкоцитов (белых кровяных клеток).
- ³² Актиномикоз – хроническое инфекционное заболевание, вызываемое лучистыми грибами (актиномицетами).
- ³³ Флеботомусы (лат. Phlebotomus) – род двукрылых насекомых из подсемейства москитов. Переносчики лейшманиозов, лихорадки паппатачи.
- ³⁴ Гипертония – синдром повышения артериального давления.
- ³⁵ Эметин – алкалоид, который содержится в корне ипекакуаны (рвотного корня) семейства мареновых.

Литература

- Беседин А.Л., Петрушина М.В. Управленческие реформы и трансформации системы российского здравоохранения от Петровской эпохи до наших дней: кардинальные преобразования и действующие лица // Клиническая медицина и фармакология. 2017. Т. 3, № 3. С. 23–42.
- Воробьев А.И. Роль советской профессуры в развитии гематологии // Онкогематология. 2007. Т. 2, № 4. С. 5–11.
- Ерегина Н.Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль: Индиго, 2010. 640 с.
- Затравкин С., Вишленкова Е., Шерстнева Е. «Коренной перелом»: довоенная реформа советского здравоохранения // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8, № 2. С. 652–666.
- Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. «Клубы» и «гетто» советского здравоохранения. М.: ШИКО, 2022. 352 с.
- История медицины в России. Этика и политика / О.С. Нагорных, Н.Ю. Пивоваров, В.В. Тихонов и др. М.: Практическая медицина, 2025. 418 с.
- Кассирский Г.И. Академик И.А. Кассирский: жизнь, научное творчество, врачевание. М.: Русский путь, 2011. 228 с.
- Крестникова С.В. Воспоминания врача. Йошкар-Ола: Татъянин день, 2013. 243 с.
- Левин В.И. И.А. Кассирский – выдающийся советский ученый-медик // Педагогика и просвещение. 2013. № 2. С. 159–167.
- Маценко П.А. Записки хирурга. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 157 с.
- Углов Ф.Г. Воспоминания русского хирурга. Революция и две войны. М.: АСТ, 2015. 320 с.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы: сб. док-тов / сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. 339 с.

References

- Besedin, A.L., Petrushina, M.V. (2017). Upravlencheskie reformy i transformatsii sistemy rossiyskogo zdravookhraneniya ot Petrovskoy epokhi do nashikh dney: kardinal'nye preobrazovaniya i deystvuyushchie litsa [Management Reforms and Transformations of the Russian Healthcare System from the Petrine Era to the Present Day: Radical Changes and Key Players]. In *Klinicheskaya meditsina i farmakologiya*. Vol. 3, No. 3, pp. 23–42.
- Eregina, N.T. (2010). *Vysshaya meditsinskaya shkola Rossii, 1917–1953* [Russian Higher Medical School, 1917–1953]. Yaroslavl', Indigo. 640 p.
- Kassirskiy, G.I. (2011). *Akademik I.A. Kassirskiy: zhizn', nauchnoe tvorchestvo, vrachevanie* [Academician I.A. Kassirsky: Life, Scientific Work, and Medicine]. Moscow, Russkiy put'. 228 p.
- Khlevnyuk, O.V. et al. (Comp.). (1995). *Stalinskoe Politbyuro v 30-e gody: sbornik dokumentov* [Stalin's Politburo in the 1930s: A Collection of Documents]. Moscow, AIRO-XX. 339 p.
- Krestnikova, S.V. (2013). *Vospominaniya vracha* [Memories of a Doctor]. Yoshkar-Ola, Tat'yanin den'. 243 p.
- Levin, V.I. (2013). I.A. Kassirskiy – vydayushchiysya sovetskiy uchenyy-medik [I.A. Kassirsky was a Prominent Soviet Medical Scientist]. In *Pedagogika i prosveshchenie*. No. 2, pp. 159–167.
- Matsenko, P.A. (1984). *Zapiski khirurga* [Surgeon's Notes]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 157 p.
- Nagornyyh, O.S., Pivovarov, N.Yu., Tihonov, V.V. (2025). *Istoriya meditsiny v Rossii. Etika i politika* [History of Medicine in Russia. Ethics and Politics]. Moscow, Prakticheskaya meditsina. 418 p.
- Uglov, F.G. (2015). *Vospominaniya russkogo khirurga. Revolyutsiya i dve voyny* [Memoirs of a Russian Surgeon. Revolution and Two Wars.]. Moscow, AST. 320 p.

Vorob'ev, A.I. (2007). Rol' sovetskoy professury v razvitii gematologii [The Role of Soviet Professors in the Development of Hematology]. In *Onkogematologiya*. Vol. 2, No. 4, pp. 5–11.

Zatravkin, S., Vishlenkova, E., Sherstneva, E. (2020). “Korennoy perelom”: dovoennaya reforma sovetskogo zdravookhraneniya [“A Turning Point”: The Pre-War Reform of Soviet Healthcare]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, No. 2, pp. 652–666.

Zatravkin, S.N., Vishlenkova, E.A. (2022). “Kluby” i “getto” sovetskogo zdravookhraneniya [“Clubs” and “Ghettos” of Soviet Healthcare]. Moscow, SHIKO. 352 p.

С.И. Зенкевич*

Г.А. КНЯЗЕВ, А.И. АНДРЕЕВ
И СБОРНИК «ПЕТР ВЕЛИКИЙ» (1947)doi:10.31518/2618-9100-2026-3-22
УДК 001(09):082*Выходные данные для цитирования:*
Зенкевич С.И. Г.А. Князев, А.И. Андреев и сборник «Петр Великий» (1947) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 298–316.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-22.pdf>

S.I. Zenkevich*

G.A. KNYAZEY, A.I. ANDREEV
AND A COLLECTION OF PAPERS
“PETER THE GREAT” (1947)

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-22

How to cite:
Zenkevich S.I. G.A. Knyazev, A.I. Andreev and a Collection of Papers
“Peter The Great” (1947) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 298–316.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-22.pdf>]

Abstract. The article introduces into scientific circulation a copy of collected papers “Peter the Great” owned by a director of the Archive of the Academy of Sciences of the USSR G.A. Knyazev (1887–1969). The editor and the most productive author of this collection published in 1947 is an archaeographer A.I. Andreev (1887–1959). This copy contains a great number of ownership marks, such as marginalia, notabene and two expanded authorized records. These are previously unknown manuscripts of G.A. Knyazev. They have historical and scholarly value. The director of the Archive seems to have prepared this copy for his own Archive fund. However, for some reason the book did not stay in the Archive and was accepted into the Library of the Academy of Sciences department at the Leningrad branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology where it is now kept. They do not have any date but according to indirect signs, G.A. Knyazev made them no earlier than 1964 after the death of A.I. Andreev. The first record in its content reflects the difficult fate of “Peter the Great” and the editor himself: in an era of increased administrative control over historical science in the USSR, the collection was recognized as an ideological error and A.I. Andreev fell into disgrace as well. The second record applies to the date of the foundation of the Academy. G.A. Knyazev who specially dealt with this question could not agree with A.I. Andreev’s variant. Reader’s notes by G.A. Knyazev illustrate his dialogue with A.I. Andreev, highlight the points of intersection of the two scholars’ interests and underline episodes of assistance provided by the director of Archive to his colleague. As a comment on the published records, the paper considers the stages of long-term cooperation of G.A. Knyazev and A.I. Andreev. Their work in the Commission on the History of the Academy of Sciences ranks first among this cooperation. In the broadest terms, the reader’s notes discovered in this copy of “Peter the Great” are to be a statement of one of the leading Soviet archivists about the important role of auxiliary historical disciplines and about the complexity of the relationships in academic institutions.

Keywords: G.A. Knyazev, A.I. Andreev, a collection of papers “Peter the Great”, the Archive of the Academy of Sciences of the USSR, Commission on the History of the Academy of Sciences, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology (Leningrad Department), The Library of the Academy of Sciences of the USSR, owners’ marks.

* **Светлана Игоревна Зенкевич**, кандидат филологических наук, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: s.zenkevich@gmail.com
Svetlana Igorevna Zenkevich, Candidate of Philological Sciences, Library of the Russian Academy of Sciences St. Petersburg, Russia, e-mail: s.zenkevich@gmail.com

The article has been received by the editor on 01.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье вводится в научный оборот принадлежавший директору Архива АН СССР Г.А. Князеву (1887–1969) экземпляр сборника статей «Петр Великий», вышедшего в свет в 1947 г. под редакцией археографа А.И. Андреева (1887–1959), который также выступил автором трех включенных в сборник статей. Этот экземпляр содержит многочисленные владельческие знаки – маргиналии, нотабене и две развернутые авторизованные надписи, т.е. неизвестные ранее рукописные материалы Г.А. Князева, представляющие историко-научную ценность. Г.А. Князев, по всей вероятности, готовил этот экземпляр для своего архивного фонда, однако книга по какой-то причине в архиве не осталась и была принята в сектор Библиотеки Академии наук СССР при Ленинградском отделении Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, где ныне и хранится. Надписи Г.А. Князева, по косвенным признакам, сделаны не ранее 1964 г., уже после кончины А.И. Андреева. По содержанию одна из надписей посвящена непростой судьбе сборника «Петр Великий», который в эпоху усилившегося административного контроля над исторической наукой в СССР признали идеологически ошибочным, и самого редактора, попавшего в результате неодобрения его труда в опалу. Другая надпись касается включенной в сборник статьи А.И. Андреева и приводимой в ней даты основания Академии наук в Петербурге, с которой Г.А. Князев, специально занимавшийся этим вопросом, не мог согласиться. Читательские пометы Г.А. Князева иллюстрируют его диалог с А.И. Андреевым и точки пересечения творческих интересов ученых, фиксируют эпизоды помощи, оказанной директором архива коллеге. В качестве комментария к публикуемым надписям и маргиналиям в статье рассмотрены этапы многолетнего сотрудничества Г.А. Князева и А.И. Андреева, в том числе в Комиссии по истории Академии наук. В широком смысле слова пометы и надписи, обнаруженные в рассматриваемом экземпляре сборника, являются высказыванием одного из ведущих советских архивистов о важной роли архивов в научных исследованиях, о значении вспомогательных исторических дисциплин, а также о сложности взаимоотношений внутри академических учреждений.

Ключевые слова: Г.А. Князев, А.И. Андреев, сборник «Петр Великий», Архив АН СССР, Комиссия по истории Академии наук, Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова, Библиотека Академии наук СССР, владельческие знаки.

Статья поступила в редакцию 01.03.2026 г.

Однажды директор Архива АН СССР Георгий Алексеевич Князев (1887–1969) взял в руки карандаш и сборник статей «Петр Великий», вышедший в 1947 г. под редакцией археографа Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959), и с ним пристрастно поработал. Главным образом он вмешался в одну из трех включенных в сборник статей самого А.И. Андреева, его давнего коллеги, посвященную подготовке Петром I основания Академии наук в Петербурге¹. Читатель-архивист, небезосновательно считавший себя знатоком в этом вопросе и хранителем необходимой источниковой базы, сопроводил статью многочисленными подчеркиваниями, нотабене и маргиналиями, сделав развернутую авторизованную надпись на последней ее странице (с. 333) – она содержит ряд замечаний и возражений в области историографии Академии наук. Вторая большая надпись Г.А. Князева, помещенная на форзаце экземпляра, касается обстоятельств подготовки и выхода «Петра Вели-

¹ Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: сб. ст. М.; Л., 1947. С. 284–333.

кого» в свет, конспективно очерчивает дальнейшую непростую судьбу всего сборника, который в официальных кругах сразу был признан идеологически ошибочным, и его редактора, как следствие попавшего в опалу.

Г.А. Князев поставил на сборнике одну-единственную дату – 1947, в углу на форзаце, крупно, синим, а не простым карандашом, как все остальные пометы. Она, по всей вероятности, касается не самой надписи, а года издания книги или появления сборника в личной библиотеке ученого. Надпись на с. 333 сделана не ранее 1964 г.: речь в ней идет обо всех трех изданиях «Краткого очерка истории Академии наук СССР»², написанного Г.А. Князевым. Будучи заместителем председателя Комиссии по истории Академии наук СССР (КИАН) с момента ее основания в 1938 г.³, Г.А. Князев составил этот очерк сначала в одиночку, а затем – после того как историография Академии наук перешла в ведение созданного в 1953 г. Ленинградского отделения (ныне Санкт-Петербургский филиал) Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (ЛО /СПбФ ИИЕТ)⁴ – в соавторстве с сотрудником этого учреждения А.В. Кольцовым (1927–2000). Другие пометы, скорее всего, сделаны в то же время, но даже если это не так, нынешний вид интересующий нас экземпляр обрел более чем полутора десятилетиями позже выхода «Петра Великого» в свет и через несколько лет после кончины А.И. Андреева.

Внутри книги находится бланк Архива АН СССР, на котором рукой директора написано: «Фонд 929 (Князев Г.А.)». Это вложение, вряд ли позднейшее, означает, что ставший уникальным экземпляр «Петра Великого» Г.А. Князев мог предназначить для своего личного архивного фонда, который в 1955 г. сам и сформировал, подготовив первую опись⁵. Об архивном назначении книги или о ее месте в личной библиотеке свидетельствуют и технические пометы вверху на форзаце.

Однако экземпляр с маргиналиями и надписями Г.А. Князева по какой-то причине не остался в архиве. Он попал в фонд сектора Библиотеки Академии наук при ЛО ИИЕТ, где по сей день и хранится. (Забегая вперед, отметим, что одним из отцов-основателей ЛО ИИЕТ стал А.И. Андреев⁶, вынужденный, в том числе из-за обрушившейся на «Петра Великого» критики, покинуть Институт истории и Историко-архивный институт и переехать из Москвы в Ленинград⁷.) Путь интересного экземпляра в сектор не был прямым. С учетом косвенной датировки помет Г.А. Князева можно с уверенностью говорить, что изначально поступивший сюда экземпляр «Петра Великого», запись о котором сделана в инвентарной книге сектора 13 мая 1959 г., после 1964 г. был обменян на «архивный». О замене исходного экземпляра свидетельствует также отсутствие инвентарного номера на титульном листе, где проставлен только штамп и шифр, и на 17-й странице – очевидная поспешность оформления.

Цель предлагаемой статьи – ввести в научный оборот экземпляр сборника 1947 г. «Петр Великий», обнаруженный в библиотеке СПбФ ИИЕТ, опубликовать и прокомментировать содержащиеся в нем надписи и пометы Г.А. Князева. Даже с учетом того факта, что эти надписи и пометы во многом дублируют материал других источников, этот экземпляр проливает дополнительный свет в рамках таких сюжетов, как датировка осно-

² Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд., доп. М.; Л., 1957; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л., 1964.

³ Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953 гг.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки. СПб., 2013. С. 514.

⁴ Кольцов А.В. Как писалась «История Академии наук СССР» // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 150.

⁵ Застрожная Е.Г., Малинина А.В. Князев Георгий Алексеевич // Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий биографический справочник. А–К. 2-е изд. СПб., 2024. С. 461.

⁶ Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде – Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы: люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН). СПб., 2013. С. 20, 184–185 и др.

⁷ Прохоренко Н.С. Андреев Александр Игнатьевич // Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук... С. 28.

вания Академии наук, история написания «Истории Академии наук», диалог Г.А. Князева и А.И. Андреева.

Сам сборник «Петр Великий» хорошо известен историкам и не раз попадал в фокус исследовательского интереса. Он рассматривался не только в работах об А.И. Андрееве, но и в «петровском» контексте⁸, а также в статьях об идеологических кампаниях позднего сталинизма как характерный пример жесткого административного контроля над исторической наукой в СССР в конце 1940-х годов⁹. Оригинальный рукописный материал, содержащийся в обнаруженном экземпляре, весьма интересен с историко-научной точки зрения и в конвое других эго-документов и ряда опубликованных источников, в том числе знаменитого блокадного дневника Г.А. Князева, проливает дополнительный свет на расстановку сил в АН СССР во второй трети XX в., на границы сфер влияния академических сотрудников и на профиль их творческого соприкосновения, добавляя яркие штрихи к портрету директора Академического архива. Если воспользоваться выражением самого Г.А. Князева, а именно названием его опубликованного доклада¹⁰, сделанного в Ленинграде на Общем собрании сессии АН СССР 6 января 1949 г.¹¹, – в его надписях и маргиналиях и даже в самой неравномерности их распределения по сборнику можно видеть субъективный взгляд на «работу Академии наук над своей историей» и на долгое и непростое сотрудничество с А.И. Андреевым.

* * *

Надпись Г.А. Князева на форзаце сборника «Петр Великий»:

*Г.А. Князев / собрал / Ак № 12 дик / XVIII век / Петр I
К истории возникновения Академии / наук в С-Петербурге*

~

Эта книга создана коллективом ученых под редакцией А.И. Андреева.

Он вложил в эту книгу не только свои знания, но и способности организатора.

К сожалению, книга была встречена ultra-националистами недоброжелательно.

А.И. обвинили в «преклонении перед Западом», книгу причислили к псевдонаучным, особенно поставив на вид автору, что он назвал ее «П е т р В е л и к и й».

Г. Князев¹²

Надпись на с. 333:

Прекрасная статья А.И. Андреева как-то скомкана в конце. Также обойден вопрос о действительной дате, юридически (не только исторически) обоснованной: 22 января или 28 января. Я придерживаюсь последней даты, на которой настаивал профессор И.И. Яковкин. Он как правовед доказывал юридически обоснованную дату 28 января. Об этом подробно говорится в Кратком очерке Ист[ории] АН (во всех трех изданиях) и по моему настоянию, как ответств[енных] редакторов трехтомной истории АН СССР (в томе I-м) после многих колебаний и дискуссий принята дата основания Академии наук 28 января 1724 г. Г. Князев¹³

⁸ Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 7.

⁹ См., напр.: Смирнова В.К. Административный контроль над советской исторической наукой в 1945–1953 гг. // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 2. С. 290–295; Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьба историка С.А. Фейгиной // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 199–207.

¹⁰ Князев Г.А. Работа Академии наук над своей историей // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки (5–11 января 1949 г.). М.; Л., 1949. С. 799–815.

¹¹ См.: Пригласительный билет на сессию Академии наук СССР, посвященную истории отечественной науки // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 934. Оп. 3. Д. 50. Л. 80–83.

¹² Петр Великий: сб. ст. М.; Л., 1947. Место хранения экземпляра: Сектор БАН при СПбФ ИИЕТ. Инв. № 3293. Расстановочный шифр Н 252/1.

¹³ Там же.

* * *

Комментария требует прежде всего сам факт обращения Г.А. Князева к книге, связанной с именем А.И. Андреева, вряд ли случайный. При всех сложностях характеров и различиях жизненных траекторий обоих ученых можно говорить об их «совместной» биографии с многочисленными точками пересечения – от общей альма-матер до многолетнего сотрудничества в КИАН. Вопрос об этих отношениях, которые «не были дружескими», на основе архивных источников уже был поставлен в работе Н.П. Копаневой¹⁴. До выхода в свет «Петра Великого» Г.А. Князев не раз, для себя самого и для будущего читателя, делал заметки об А.И. Андрееве в своем знаменитом блокадном дневнике – субъективной летописи не только исторических событий, но и специфического блокадного братства внутри «малого радиуса», необходимости работать в суровых условиях и непростых эмоций¹⁵. 9 июля 1942 г., например, он сравнил коллегу и его «хитрые глаза» с фигуркой чертика, «поселившейся» у него на столе за чернильницей¹⁶. Сквозь неизбывный драматизм блокадных будней – а в других местах мы читаем и о том, что комнату А.И. Андреева дважды разносило взрывной волной¹⁷, и о том, как ему на дежурстве не раз приходилось топить печку «делами», которые к тому же еще и нещадно чадили¹⁸, – бросается в глаза некая персональная, не выводимая только из условий военного времени сложность отношения Г.А. Князева к коллеге, с которым напрямую пересекались его научные интересы и творческий путь.

Дополнительным стимулом для особого интереса одного ученого к другому могло служить исходное биографическое «совпадение»: Г.А. Князев и А.И. Андреев – полные ровесники, они родились в марте 1887 г., а значит, подсознательно вполне могли равняться друг на друга, проходя те или иные жизненные вехи. С этой точки зрения маргиналии Г.А. Князева, сделанные уже после кончины коллеги, обретают некий особый смысл. Оба ученых получили блестящее дореволюционное гуманитарное образование, окончив историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, по словам И.Ю. Крачковского, «в его славную пору»¹⁹, только с разницей в три года, поскольку А.И. Андреев не сразу смог поступить в университет, а в процессе учебы вынужден был работать²⁰. Оба с университетских времен хорошо себя зарекомендовали. Еще будучи студентом, в 1907 г. Г.А. Князев был привлечен к изданию Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова (А.И. Андреев также приступил к этой работе спустя два десятилетия²¹). Познакомились они, согласно позднейшему «юбилейному» воспоминанию Г.А. Князева²², в Союзе российских архивных деятелей, организованном в марте 1917 г. под руководством академика А.С. Лаппо-Данилевского – главного координатора архивной политики в России²³. Союз РАД заложил идейно-теоретическую базу будущей реорганизации и централизации архивного дела²⁴, к которому вскоре подключились оба ученых²⁵. В поздравительном

¹⁴ Копанева Н.П. К биографии А.И. Андреева // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 318.

¹⁵ О сложном жанре блокадного дневника Г.А. Князева см.: Козлов В.П. Три «радиуса» архивиста Г.А. Князева в его «Дневнике», или «Покуда есть настоящее» // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 141–142.

¹⁶ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 776.

¹⁷ Там же. С. 300, 304, 333, 406.

¹⁸ Там же. С. 660–661.

¹⁹ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 171. Л. 26.

²⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1554. Л. 10. См. также: Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 113–114.

²¹ Андреева Г.А. Издания собраний сочинений М.В. Ломоносова в XVIII–XX вв. // Книга: Исследования и материалы. Сборник III. М., 1960. С. 220–222; Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: сб. док-тов. СПб., 2003. С. 184, 197.

²² СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 127–129 об.

²³ Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История: сб. науч. раб. СПб., 2001. Вып. 1. С. 229.

²⁴ Хорхордина Т.И. Революция 1917 г. и российские архивы: как это было // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 38.

²⁵ См.: Афиани В.Ю. Георгий Алексеевич Князев // Академический архив в прошлом и настоящем: сб. науч. ст. к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб., 2008. С. 14; СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1554. Л. 11. См. также: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учеб. пособие. М., 1990. С. 47.

послании от 31 марта 1947 г. к А.И. Андрееву по случаю 60-летия²⁶ Г.А. Князев, который в тот момент также переживал изнутри этот «пенсионный» рубеж²⁷, отметил: «Знаю я Вас давно, более 30 лет, но впервые запомнились мне Вы Вашим почерком в письме, которое держал в своих руках на Совете Союза РАД наш общий учитель Александр Сергеевич [Лаппо-Данилевский]. Он дал Вам лестную оценку как молодому ученому с большими способностями. Он не ошибся»²⁸. (К этому дважды юбилейному году относится и выход в свет сборника «Петр Великий».)

А.С. Лаппо-Данилевский сыграл значимую роль в судьбе обоих ученых. А.И. Андреев благодаря учителю еще в студенческие годы стал сотрудником (1911), чуть позже ученым секретарем Постоянной исторической комиссии АН (1921), а затем Постоянной историко-археографической комиссии (1926)²⁹, прочно и навсегда связав свою судьбу с академическими учреждениями³⁰. Организация А.С. Лаппо-Данилевским в 1916 г. комиссии по изданию сборника «Русская наука»³¹ стала важнейшей вехой в истории дисциплинарного становления истории науки в Российской академии наук. Ей наследовала созданная в 1921 г. В.И. Вернадским Комиссия по истории знаний (КИЗ)³². И Г.А. Князев, и А.И. Андреев, участвуя в работе КИЗ³³, с молодости погрузились в историко-научную проблематику, и в дальнейшем оба были в той или иной степени связаны с институциями – преемниками КИЗ. В память об учителе А.И. Андреев 19 января 1929 г. предложил подготовить в рамках КИЗ сборник «Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского»³⁴ и выступил его редактором³⁵.

В прямом смысле слова переломным для обоих ученых оказался 1929 год. 1 октября 1929 г., после увольнения по «академическому делу» заведующего Архивом АН СССР А.С. Путилова (1876–1931)³⁶, спустя два года расстрелянного, Архив возглавил Г.А. Князев³⁷. Менее чем через месяц, 24 октября, по «академическому делу» был арестован и А.И. Андреев³⁸. Он провел два года в заключении³⁹, а затем вплоть до 1935 г. отбывал ссылку в Красноярском крае⁴⁰, что повлекло за собой его исследовательский интерес к Сибири⁴¹. Сам факт ссылки и статус осужденного, снятый лишь посмертно 8 августа 1960 г.⁴², видимо, наложили

²⁶ Юбилею А.И. Андреева посвящен и доклад профессора Историко-архивного института И.Л. Маяковского, опубликованный А.В. Мельниковым (Доклад И.Л. Маяковского 1947 года «А.И. Андреев как архивист» // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М., 2013. С. 324–325).

²⁷ Заседание ученого совета Архива, посвященное 60-летию Г.А. Князева, состоялось 15 марта 1947 г., и А.И. Андреев получил на него официальное приглашение. См.: СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 125.

²⁸ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 127–127 об.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1554. Л. 10. См. также: Прохоренко Н.С. Андреев Александр Игнатьевич... С. 27.

³⁰ Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева... С. 115.

³¹ Тункина И.В. История сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. ... С. 637; Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): ст. и док-ты. СПб.; М., 2016. С. 11.

³² Тункина И.В. История сборника «Русская наука»... С. 637.

³³ Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. ... С. 38, 290, 402–407.

³⁴ Там же. С. 247.

³⁵ Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929.

³⁶ Афиани В.Ю. Георгий Алексеевич Князев... С. 17.

³⁷ Застрожнова Е.Г., Малинина А.В. Князев Георгий Алексеевич... С. 460.

³⁸ Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. ... С. 53; СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1554. Л. 12.

³⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1554. Л. 12.

⁴⁰ Там же. Также см.: Прохоренко Н.С. Андреев Александр Игнатьевич... С. 28; Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева... С. 116. В работе А.А. Преображенского симптоматично для конца 1970-х годов ни слова не говорится о ссылке – только о том, что А.И. Андреев, без объяснения причины, пять лет работал в Красноярском крае.

⁴¹ См.: Яцунский В.К. Александр Игнатьевич Андреев: Краткий очерк жизни и научной деятельности // Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. М.; Л., 1960. С. 3–14; Вовина В.Г. К биографии Александра Игнатьевича Андреева // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 195–196.

⁴² Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин... С. 15.

отпечаток на характер А.И. Андреева и выстраивание им личных и рабочих отношений. Близким ему по духу человеком стала его ученица, а впоследствии автор воспоминаний о нем источниковед и археограф К.Н. Сербина (1903–1990)⁴³, также пострадавшая от политических репрессий – в 1938 г., после ареста и расстрела в 1937 г. ее мужа, историка В.Н. Кашина, она была осуждена как член семьи изменника родины и провела четыре месяца в лагере⁴⁴.

Пока А.И. Андреев находился в ссылке, Г.А. Князев на новом посту начал активные преобразования⁴⁵, превратившие Архив в крупное научно-исследовательское учреждение⁴⁶. Помимо практики архивного дела, он в 1935 г. выступил и как теоретик⁴⁷. В области истории науки Г.А. Князев активно сотрудничал с учрежденным в 1932 г. преемником КИЗ – Институтом истории науки и техники (ИИИТ)⁴⁸: он являлся «действительным членом секции по истории Академии наук при ИИИТ»⁴⁹, занимавшейся «разработкой и выявлением тех фондов Архива АН, которые дают материал для истории научной деятельности Академии», а также готовившей исследовательские работы на выявленном материале⁵⁰. В продолжающемся издании ИИИТ «Архив истории науки и техники» Г.А. Князев опубликовал материалы о научных связях с Академией наук Д.И. Менделеева⁵¹ и И.М. Сеченова⁵². В качестве «сверхурочной» деятельности с целью погружения академических сотрудников всех возрастов в тонкости архивного дела он инициировал организацию и регулярную работу специального архивного кружка. Этот кружок очень сплотил представителей разных академических учреждений, и прежде всего, что важно для нашей темы, Архива и ИИИТ. Так, сотрудница ИИИТ, а затем и КИАИ, историк, архивист И.И. Любименко (1878–1959), в свое время учившаяся в Национальной школе хартий (École des Chartes) во Франции и проходившая стажировку в Англии, т.е. искушенная работой в европейских архивах, активно посещала кружок и в 1935 г. с энтузиазмом отзывалась об этих занятиях⁵³.

В 1936 г. ИИИТ переехал в Москву, в 1938 г. был закрыт, а два его директора – Н.И. Бухарин (1888–1938) и В.В. Осинский (Оболенский) (1887–1938) – расстреляны⁵⁴. С целью сохранить преемственность историко-научных исследований постановлением Президиума АН СССР от 17 марта 1938 г. при Архиве АН СССР была создана КИАИ под председательством академика С.И. Вавилова (1891–1951); его заместителем, как уже говорилось, стал Г.А. Князев⁵⁵. К работе в КИАИ был вскоре привлечен незадолго до того вернувшийся из ссылки А.И. Андреев – в тот момент старший научный сотрудник Института

⁴³ Сербина К.Н. А.И. Андреев – ученый и педагог (из воспоминаний об учителе) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVII. С. 357–363.

⁴⁴ Ананьев Е.Г. Письма К.Н. Сербиной А.И. Андрееву военного времени как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2010. Т. XXXI. С. 456–457.

⁴⁵ Тункина И.В. Г.А. Князев как директор Архива АН СССР (1929–1963) // Академический архив в прошлом и настоящем... С. 22–29.

⁴⁶ Это неоднократно отмечали коллеги. См.: СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 171. Л. 29; Ф. 7. Оп. 1. Д. 729. Л. 18, 202, 231.

⁴⁷ Князев Г.А. Теория и техника архивного дела. Л., 1935. 122 с.

⁴⁸ Илизаров С.С. История «ИИИТ» сквозь призму деятельности его руководителей // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвящ. 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М., 2022. С. 29.

⁴⁹ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 729. Л. 13.

⁵⁰ Гуковский М.А. Институт истории науки и техники Академии наук СССР в 1934 г. // Архив истории науки и техники. Вып. 5. М.; Л., 1935. С. 616.

⁵¹ Князев Г.А. Д.И. Менделеев и царская Академия наук (1858–1907 гг.) // Архив истории науки и техники. Вып. 6. М.; Л., 1935. С. 299–331.

⁵² Князев Г.А., Князева М.Ф. Научные связи И.М. Сеченова с Академией наук // Архив истории науки и техники. Вып. 7. М.; Л., 1935. С. 399–427.

⁵³ СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 729. Л. 43–43 об.

⁵⁴ Илизаров С.С. История «ИИИТ» сквозь призму деятельности его руководителей... С. 30.

⁵⁵ Кольцов А.В. Как писалась «История Академии наук СССР»... С. 147; Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953 гг.)... С. 514.

народов Севера, Института этнографии и Ленинградского отделения Института истории АН СССР⁵⁶.

Многолетняя работа над написанием «Истории Академии наук» в рамках деятельности КИАН, в том числе во время блокады, о чем директор Архива не раз писал в дневнике, – одно из главных совместных дел Г.А. Князева и А.И. Андреева, требующее отдельного рассмотрения с привлечением большого корпуса переписки всех участников КИАН. Пути ученых разошлись в пространстве после эвакуации, когда А.И. Андреев стал сотрудником Института истории и Московского государственного историко-архивного института⁵⁷. Находясь в разных городах, Г.А. Князев и А.И. Андреев продолжали работать над академической историей. Как уже отмечалось, в 1945 г. Г.А. Князев опубликовал впоследствии дважды переизданный «Краткий очерк истории Академии наук СССР»⁵⁸. В свою очередь А.И. Андреев 11 июня 1945 г. на заседании ученого совета Института истории по случаю 220-летия Академии наук сделал доклад об основании Академии наук в Петербурге⁵⁹, и этот материал, подготовленный сверх плана⁶⁰, был включен в уже сданный в 1944 г. в издательство, но задержавшийся выходом сборник «Петр Великий». Эта статья А.И. Андреева⁶¹ и стала главной причиной интереса Г.А. Князева к сборнику 1947 г.

* * *

Заголовок надписи на форзаце интересующего нас экземпляра «Петра Великого» наряду с пометами в тексте и подчеркиванием в оглавлении свидетельствует о том, что Г.А. Князева прицельно интересовала именно статья, посвященная истории Академии наук. Тем не менее он упоминает работавший над сборником коллектив ученых. Соавторами, объединенными, по словам Г.А. Князева, «*талантом организатора*», в сборнике выступили московские историки двух поколений, представлявшие Институт истории, где в 1942–1949 гг. работал сам А.И. Андреев⁶² по совместительству с Историко-архивным институтом⁶³, ряд других академических институтов и Московский государственный университет. В Институте истории А.И. Андреев создал и возглавил группу по изучению Петровской эпохи⁶⁴, в задачу которой входила, в том числе, подготовка многотомного академического издания «Письма и бумаги Петра Великого». Часть докладов, прозвучавших на заседаниях этой группы в 1944–1947 гг., вошла в сборник «Петр Великий»⁶⁵. Статьи сборника написали: Н.А. Бакланова (1891–1977) – заведующая Отделом рукописей Института мировой литературы АН СССР, ученица историка М.М. Богословского (1867–1929), подготовившая к изданию его фундаментальный пятитомный труд «Петр Первый. Материалы для биографии» (1940–1948)⁶⁶; Т.К. Крылова – специалист по внешней политике и дипломатии Петра Первого; П.П. Елифанов (1909–1992) – доцент, затем профессор исторического факультета МГУ; Е.И. Заозерская (1897–1974) – научный сотрудник Института истории АН СССР,

⁵⁶ Прохоренко Н.С. Андреев Александр Игнатьевич... С. 28.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд., доп. М.; Л., 1957; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л., 1964.

⁵⁹ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 4. Л. 23, 167.

⁶⁰ В отчете о работе в 1944 г. группы по изучению эпохи Петра Великого применительно к составу сборника «Петр Великий» эта статья не значится. См.: СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 2. Л. 150.

⁶¹ В сборнике их три: Андреев А.И. Петр Великий в Англии в 1698 г. // Петр Великий... С. 63–103; Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 284–333; Андреев А.И. Памяти Ивана Афанасьевича Бычкова // Основание Академии наук в Петербурге... С. 424–432.

⁶² Копанева Н.П. К биографии А.И. Андреева... С. 319.

⁶³ Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин... С. 14–35.

⁶⁴ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 4. Л. 23.

⁶⁵ Там же. Л. 31, 149.

⁶⁶ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М.; Л.: Соцэргиз, 1940. Т. 1. «Подготовка текста настоящего издания к печати, подбор иллюстраций, составление примечаний к ним, указателей имен личных и географических и объяснительного словаря произведены Н.А. Баклановой» (с. 4).

коллега А.И. Андреева; В.Г. Гейман (1887–1965) – сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР, кстати, хороший знакомый Г.А. Князева⁶⁷; Б.Б. Кафенгауз (1894–1969) – доцент, затем профессор исторического факультета МГУ, как и Н.А. Бакланова, ученик М.М. Богословского; С.А. Фейгина (1897–1983) – сотрудница Института истории АН СССР, ученица и коллега А.И. Андреева⁶⁸. Таким образом, А.И. Андреев при подготовке сборника действительно творчески объединил разные силы и разные учреждения. С.А. Фейгина и Е.И. Заозерская – его непосредственные коллеги, остальные участники представляли широкие научные связи редактора.

Говоря о том, что «Петр Великий» был встречен *недоброжелательно*, Г.А. Князев имеет в виду сложную судьбу и сборника, и самого А.И. Андреева. В результате нескольких отрицательных рецензий на сборник⁶⁹ последовали неоднократные проработки А.И. Андреева и его коллег на заседаниях в Институте истории⁷⁰. Ситуацию накалил и факт передачи в 1947 г. в партийные органы профессором Е.Н. Даниловой записанных неуставленным лицом лекций А.И. Андреева, в которых было выявлено отсутствие марксистско-ленинской идеологии, преклонение перед Западом и «протаскивание» враждебных марксизму идей и враждебных имен⁷¹. Резкое осуждение сборника было связано с директивным направлением исторических исследований послевоенного времени, нацеленным на разрыв с Западом в условиях начавшейся «холодной войны». Негативно повлиял и факт «судимости» у А.И. Андреева в 1929 г.⁷² Основные инвективы рецензентов касались статьи А.И. Андреева о посещении Петром I Англии в составе Великого посольства, а также подготовленного С.А. Фейгиной обзора «Иностранная литература о Петре Великом за последнюю четверть века». В качестве серьезного недостатка всего сборника прозвучала «открытая попытка воскресить давно осужденную “теорию”, сводившую всю созидательную деятельность Петра I к перенесению на русскую почву иностранных образцов»⁷³. Тех, кто высказывался в подобном ключе, Г.А. Князев в своей надписи емко называет «*ultra-националистами*».

Вскоре после громкого осуждения сборника «Петр Великий» от «*ultra-националистов*» пострадал и сам Г.А. Князев. В 1949 г. в серии «Научное наследство» вышла задуманная им еще в 1946 г., к столетию изобретения фотографии, переписка Ж.Н. Ниепса и Ж.М. Дагерра⁷⁴. По инициативе партийного идеолога М.А. Суслова тираж книги изъяли из продажи, а Г.А. Князев не был отстранен от работы только благодаря заступничеству С.И. Вавилова⁷⁵.

Однако вернемся к «петровскому сборнику». Узнав о «неприятностях» в связи с ним, И.И. Любименко, давняя коллега А.И. Андреева по КИАИ и специалист по русско-английским научным связям, 13 января 1948 г. в письме к нему сразу заметила, что статья «Петр в Англии», несомненно, «была написана при другой политической конъюнктуре, и это дает себя чувствовать»⁷⁶. «Петр Великий» вышел фатально позже, чем планировалось. Его подготовка, согласно отчетам А.И. Андреева, была начата и окончена в 1944 г.⁷⁷ В план

⁶⁷ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945... С. 356, 611.

⁶⁸ Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»...

⁶⁹ Строков А. О сборнике статей «Петр Великий» // Военная мысль. 1947. № 10. С. 84–87; Антилогов Г. [Рецензия]: «Петр Великий». Сборник статей под редакцией д-ра исторических наук А.И. Андреева. Изд-во АН СССР. М.-Л. 1947 // Вопросы истории. 1948. № 4. С. 120–122; Кротов А. Примиренчество и самоуспокоенность // Литературная газета. 1948. 8 сент. № 72 (2455). С. 2. Подробнее об этом см.: Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин... С. 26–35.

⁷⁰ См. об этом: Шунков В. Институт истории АН СССР в 1947 году // Вопросы истории. 1948. № 5. С. 135–139; Мосина З. О работе Института истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 11. С. 144–149; В Институте истории Академии наук СССР // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 172–178.

⁷¹ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 24. Л. 3, 12.

⁷² Смирнова В.К. Административный контроль над советской исторической наукой в 1945–1953 гг. ...

⁷³ Строков А. О сборнике статей «Петр Великий»... С. 84.

⁷⁴ Документы по истории изобретения фотографии. Переписка Ж.Н. Ниепса, Ж.М. Дагерра и других лиц. М.; Л., 1949.

⁷⁵ См. об этом: Афиани В.Ю. Георгий Алексеевич Князев... С. 17.

⁷⁶ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 213.

⁷⁷ Там же. Д. 4. Л. 12 об., 144.

на 1945 г. был поставлен и второй том сборника⁷⁸, планировался также и третий⁷⁹, но до них в результате дело так и не дошло. Сам А.И. Андреев был вынужден публично оправдываться, утверждая, что работал над статьей в 1942 г., когда повестка дня была иной⁸⁰ – укрепление диалога с Великобританией и подготовка к юбилею И. Ньютона, с широким размахом отмечавшемуся в СССР, были первостепенно важны в преддверии открытия второго фронта. В архивном фонде А.И. Андреева сохранилось множество документов, свидетельствующих о работе ученого над этим материалом в эвакуации (во второй половине 1942–1943 гг. он находился в Ташкенте и в Казани⁸¹). Прежде всего это его многочисленные черновики статьи «Петр в Англии»: один из них датирован 1942 г.⁸², а другой написан на конверте с той же датой на штампе⁸³. В 1942 г. юбилейная комиссия по подготовке к празднованию 300-летия И. Ньютона предложила выступить на торжественном заседании, запланированном на начало 1943 г., в том числе А.И. Андрееву⁸⁴, и он взялся подготовить историко-научный доклад «Петр I и Исаак Ньютон», который в итоге не состоялся⁸⁵, а подготовленный материал был отправлен в «Учительскую газету»⁸⁶. (Юбилей И. Ньютона был самым громким, но не единственным событием, направленным на укрепление диалога с союзниками: планировалось также празднование 450-летия открытия Америки; в апреле 1942 г. А.И. Андреев совместно с этнографом Е.Э. Бломквист (1890–1956) вошел в оргкомитет комиссии по подготовке к этому политически важному мероприятию⁸⁷.) В отчетах по Институту истории за 1943 г. А.И. Андреев отметил, что был вынужден написать большие очерки «Петр в Англии в 1698 г.» и «Ньютон и русская наука XVIII в.» для «ньютоновского сборника» вопреки годовому плану⁸⁸. Тем не менее эти весомые факты не спасли А.И. Андреева от репрессий. В итоге не спасли его и публичные выступления и письма, в том числе директору Института истории Б.Д. Грекову⁸⁹ и министру высшего образования СССР С.В. Кафтанову⁹⁰, в которых речь шла об абсурдности и даже о «ненаучности» обвинений, которые в случае переданных в партийные органы конспектов строились на источнике неподлинного происхождения⁹¹. В 1949 г. А.И. Андреев, как уже говорилось, покинул Институт истории и Историко-архивный институт и вернулся из Москвы в Ленинград⁹².

Попутно отметим также, что в 1948 г. КИАН не утвердила подготовленную А.И. Андреевым и до сих пор не опубликованную рукопись «Ф.П. Литке – вице-председатель Русского географического общества 1845–1874: сборник писем и материалов»⁹³ (в настоящее время она хранится в СПбФ ИИЕТ), что, в том числе, было связано со сложностью диалога А.И. Андреева с председателем РГО Л.С. Бергом⁹⁴.

⁷⁸ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 4. Л. 12 об., 150, 251–251 об.

⁷⁹ Там же. Л. 250–250 об.

⁸⁰ См. об этом: Мосина З. О работе Института истории Академии наук СССР... С. 144.

⁸¹ Прохоренко Н.С. Андреев Александр Игнатьевич... С. 28; Копанева Н.П. К биографии А.И. Андреева... С. 318.

⁸² СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–27.

⁸³ Там же. Л. 156.

⁸⁴ Там же. Оп. 3. Д. 12. Л. 6.

⁸⁵ Басаргина Е.Ю. Как попал в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН автограф Исаака Ньютона // Социология науки и технологий. 2026. Т. 17, № 1. С. 13.

⁸⁶ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–7.

⁸⁷ «...Твои письма – документ незабываемого времени...»: Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945. СПб., 2013. С. 66.

⁸⁸ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 4. Л. 3, 4 об.

⁸⁹ Там же. Л. 233–233 об.

⁹⁰ Черновик письма А.И. Андреева С.В. Кафтанову от 20 сентября 1947 г. см.: СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 2. Д. 24. Л. 1–5. Здесь описаны и заслуги А.И. Андреева, и полученные им обвинения.

⁹¹ Там же. Л. 13.

⁹² Прохоренко Н.С. Андреев Александр Игнатьевич... С. 28.

⁹³ См. об этом: Пивоваров Е.Г. «Публикация его малосодержательных верноподданнических записочек...»: об одном не изданном Комиссией по истории Академии наук сборнике документов // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13, № 2. С. 7–27.

⁹⁴ См. об этом, например: СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 114, 271 об.

В упоминании Г.А. Князева о том, что А.И. Андрееву «особенно» поставили на вид название книги – «Петр Великий», прослеживается несколько аспектов. С одной стороны, такое название сборника в сочетании с опубликованной в нем статьей об основании Академии наук отсылало к работе А.С. Лаппо-Данилевского⁹⁵, представителя дореволюционной исторической школы, которого А.И. Андреев открыто называл своим учителем⁹⁶. С другой стороны, Петр I в послевоенную эпоху стал очень популярной фигурой для историков⁹⁷ в силу прозрачной параллели с И.В. Сталиным как полководцем победы⁹⁸, но в возвышении императора требовалось соблюдать осторожность (неслучайно первая рецензия на «Петра Великого» появилась в военном журнале и написана полковником А.А. Строковым – военным историком⁹⁹). Исследование, касающееся Петра I, должно было быть идеологически выверенным, а в случае сборника, подготовленного А.И. Андреевым, такого не произошло.

Г.А. Князев, делая позднейшую надпись на сборнике «Петр Великий», по прошествии времени мог также допустить контаминацию имен. В середине 1940-х годов пересеклись научные пути А.И. Андреева и историка Н.А. Воскресенского, также специалиста по Петру I¹⁰⁰. Капитальный труд Н.А. Воскресенского «Законодательные акты Петра I» (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945) проходил редподготовку с большими сложностями, о чем ученый 30 мая 1945 г. рассказал при встрече Г.А. Князеву, а тот зафиксировал в дневнике: «Несколько раз переделывали: то Великого, то Первого (I). Вчера Волгин¹⁰¹ разрешил “Великого”, сегодня он же дал указание “Первого” (I)»¹⁰².

Наиболее существенным для Г.А. Князева в статье А.И. Андреева был вопрос о *юридически обоснованной дате* образования Академии наук: 22 или 28 января 1724 г.¹⁰³, что он и отразил в своей надписи. Во всех трех изданиях «Краткого очерка истории Академии наук СССР»¹⁰⁴, первый из которых вышел двумя годами раньше «Петра Великого», директор Архива приводит дату 28 января, когда утвержденный Петром проект объявлен именным указом из Сената. В течение 1947 г., уже после появления «Петра Великого», Г.А. Князев не раз писал коллеге об обнаруженных им документах, связанных с основанием Академии наук¹⁰⁵. В архивном фонде А.И. Андреева отложился датированный им самим 22 октября 1947 г. документ, содержащий ссылку по этому вопросу на директора БАН историка права И.И. Яковкина (1881–1949), а именно машинописный текст без подписи, составленный от лица Г.А. Князева, – некая справка по поводу спорной даты. Вот текст Г.А. Князева: «Вопрос о дате основания Академии наук возбуждался не раз. В свое время я делал большие изыскания по этому вопросу. В своей статье “Академия наук СССР” в Малой Советской энциклопедии (второе издание) я выставил дату 22 января 1924 г. Но это была ошибка. Мои дальнейшие изучения вопроса и авторитетные заключения юристов и между ними И.И. Яковкина убедили меня в том, что датой основания Академии наук нужно считать

⁹⁵ Лаппо-Данилевский А.С. Петр Великий, основатель Императорской Академии наук в С.-Петербурге. СПб.: Тип. ИАН, 1914. 62 с.

⁹⁶ См. автобиографию А.И. Андреева: СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1554. Л. 10.

⁹⁷ Тихонов В.В. «Худший образец преклонения перед иностранщиной»... С. 201–202.

⁹⁸ Смирнова В.К. Административный контроль над советской исторической наукой в 1945–1953 гг. ...

⁹⁹ Строков А. О сборнике статей «Петр Великий»...

¹⁰⁰ См. об этом: Серов Д.О. Н.А. Воскресенский (1889–1948): опыт начертания судьбы в отблесках эпохи // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов: в 3 т. Т. II: Акты об общественных классах; Т. III: Акты о промышленности и торговле. М., 2020. С. LXX–LXXV.

¹⁰¹ Историк, вице-президент АН СССР В.П. Волгин (1879–1962).

¹⁰² Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945... С. 1074.

¹⁰³ См. специально посвященную этой проблеме работу: Аваков П.А. Еще раз о дате основания Академии наук в Санкт-Петербурге // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2024. Т. 2. Вып. 3. С. 116–131.

¹⁰⁴ Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1945; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд., доп. М.; Л., 1957; Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л., 1964.

¹⁰⁵ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 177–177 об., 184–184 об.

не 22 января, когда Петр I сделал на докладе с проектом о создании Академии наук в Петербурге, поданном ему Л.Л. Блюментростом, поправки и резолюции, а 28 января 1724 г., когда появился именной указ, опубликованный Сенатом»¹⁰⁶. Ссылаясь на этот указ, на текст Положения об учреждении Академии наук в Полном собрании законов Российской империи и на ряд других источников, Г.А. Князев делает вывод, что дата 28 января 1724 г. «имеет все основания считаться и традиционной и исторической и точной в юридическом смысле, если говорить о точной обоснованной документально дате дня основания Академии наук»¹⁰⁷. Между тем А.И. Андреев считал документ 28 января 1724 г. лишь сенатским распоряжением о финансировании Академии наук, а не постановлением Петра I, не уделив этой дате большого внимания¹⁰⁸. В том, что в настоящее время официально принятой датой основания Академии наук, в том числе при утверждении 8 февраля Днем российской науки, считается 28 января¹⁰⁹, сыграли, таким образом, свою роль и Г.А. Князев, и И.И. Яковкин.

Говоря в своей надписи о *трехтомной истории АН СССР*, Г.А. Князев имеет в виду масштабный план академического издания, который в полной мере реализовать не удалось. Подготовленный третий том в виде сборника под названием «Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947)» был издан в 1950 г., т.е. раньше, чем первый том «Истории»¹¹⁰. Первый том, сделанный уже другим авторским коллективом, пусть и с указанием тех, кто трудился над академической историей ранее, вышел только в 1958 г.¹¹¹ Академик К.В. Островитянов, его главный редактор, выразил Г.А. Князеву благодарность за большую работу, которую тот провел при подготовке издания к печати¹¹².

* * *

Дополнение к двум развернутым надписям представляют собой маргиналии Г.А. Князева в тексте статьи А.И. Андреева «Основание Академии наук в Петербурге», который весь испещрен разного рода карандашными подчеркиваниями, значками, а также значимыми исправлениями. Помечены косой чертой на полях или подчеркнуты прямо в тексте важные даты (по дням), ссылки на исследования, этапы биографий разных персон. Некоторые исправления принципиальны и явно рассчитаны на восприятие со стороны. Так, например, у несколько раз упомянутого в начале статьи «будущего первого русского доктора П.В. Постникова» (с. 284–285) последовательно зачеркнута буква Т в фамилии. Написание с Т вполне принято в историографии, а в опубликованных документах фамилия приводилась без Т даже в пределах одной книги – например, в очерке ординарного профессора Варшавского университета Д.В. Цветаева: в тексте исследования – Постников, в документах приложения – Посников¹¹³. Г.А. Князев своим вычеркиванием Т как будто высвечивает для других читателей, для которых эта «редакторская» работа и проведена, первостепенную значимость архивных документов и важность квалифицированной архивной помощи для любого историка.

Есть несколько маргиналий, сильно пострадавших при обрезке полей в ходе переплетных работ. Они практически нечитаемы – только иногда можно разобрать, что упоминается А.И. Андреев, а также даны уточняющие ссылки на фонды Архива АН. После ссылки на Полное собрание законов в приложении к Сенатскому указу 28 января 1724 г. карандашом приписано: «Этот документ по просьбе Г.А. Князева был отыскан сотрудником ЛОЦИА т. Судаковым и в 1945 г. сообщен А.И. Андрееву» (с. 304). Перед нами очередное указание на правильность датировки, предлагаемой Г.А. Князевым, а также на вовремя оказанную

¹⁰⁶ СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 193.

¹⁰⁷ Там же. Л. 193–194.

¹⁰⁸ Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге... С. 318–320.

¹⁰⁹ Аваков П.А. Еще раз о дате основания Академии наук в Санкт-Петербурге... С. 130–131.

¹¹⁰ Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953 гг.)... С. 515–516.

¹¹¹ История Академии наук СССР. Т. 1: 1724–1803. М.; Л., 1958.

¹¹² СПбФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 208. Л. 178.

¹¹³ Цветаев Д.В. Медики в Московской России и первый русский доктор. Историко-биографический очерк. Варшава, 1896. С. 43.

А.И. Андрееву архивную помощь, хотя тот, судя по его пометкам на полученных от Г.А. Князева письмах, о содействии мог и не просить, а к замечаниям и уточнениям нередко относился скептически¹¹⁴.

Между тем в библиотеке СПбФ ИИЕТ обнаружен и другой образец таких принадлежащих перу Г.А. Князева и касающихся А.И. Андреева маргиналий. В 1939 г. увидел свет сборник статей к 225-летию естествоиспытателя и путешественника, исследователя Сибири и Камчатки С.П. Крашенинникова¹¹⁵. Ответственный редактор – Н.М. Ковязин, директор Института народов Севера, в котором после возвращения из ссылки работал А.И. Андреев. Редакторами сборника выступили А.И. Андреев и историк Н.Н. Степанов (1905–1981) – доцент кафедры северных языков Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена¹¹⁶, старший научный сотрудник Института народов Севера¹¹⁷. Экземпляр сборника, ретроспективно принятый в фонд библиотеки СПбФ ИИЕТ 2 апреля 1998 г., также содержит краткие пометы директора Архива. Титульный лист рядом с автографом Г.А. Князева содержит следующую запись: «При составлении статей, помещенных в сборнике, принимал участие в выявлении и подборе материала в Архиве АН СССР Георгий Князев». Мысль продолжается и на обороте титула: после указания редакторов сборника чернилами записано: «При содействии директора Архива АН СССР Г.А. Князева». Никаких помет в тексте книги нет, но маргиналии являются очень показательными и бросающимися, т.е. заведомо рассчитанными на третьих лиц. Этот экземпляр Г.А. Князев, судя по всему, использовал для «архивного» восстановления собственного имени в деле подготовки серьезного научного труда и как орудие борьбы с тем, что он считал исторической несправедливостью. Директор Архива, судя по обнаруженным записям, крайне болезненно относился к замалчиванию в выходных данных книг своего участия в их подготовке и стремился по возможности сохранить в Архиве в том числе и книги с необходимыми пометами.

Однако вернемся к «Петру Великому». На с. 333 в последнем абзаце статьи А.И. Андреева «Основание Академии наук в Петербурге» сделана уточняющая вставка «торжественное» над словосочетанием «первое публичное собрание». Надписей в других местах книги нет. Только в концовке статьи В.Г. Геймана «Мануфактурная промышленность Петербурга петровского времени» отчеркнута вертикальной чертой на полях информация о том, что на берегу Невы на Васильевском острове стояло десять ветряных пильных мельниц, а в 1718 г., «когда понадобилось очистить это место для постройки здания Академии, мельницы эти были перенесены в разные места...» (с. 282). Эта информация напрямую касается исторического местоположения Архива АН СССР в Петербурге на Стрелке Васильевского острова, и Г.А. Князеву она была интересна и важна. В непосредственной близости от исторического здания Архива с 1953 г. и по сей день находится СПбФ ИИЕТ, расположенный во втором этаже бывшего Музейного флигеля Академии наук.

Таким образом, надписи и маргиналии Г.А. Князева в сборнике «Петр Великий» представляют собой весьма насыщенные эго-документы. В этих рукописных пометах ощутима сознательная ориентация на читателей, причем как знакомых с отразившимися в маргиналиях сюжетами, так и взявших в руки «Петра Великого» впервые. Нельзя исключать, что директор Архива сам хотел, чтобы экземпляр с его заметками и важными для него акцентами попал в библиотеку историко-научного учреждения, с которым и он, и тем более А.И. Андреев были долго и тесно связаны, а может, собственноручно его и передал, но не будем домысливать.

¹¹⁴ См., напр.: СПбФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 12. Л. 177 об.

¹¹⁵ Сборник статей, посвященных памяти С.П. Крашенинникова к 225-летию со дня рождения. Л., 1939.

¹¹⁶ Биографика [Электронный ресурс]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1331-stepanov-nikolay-nikolayevich.html?ysclid=mk40t3149153861900> (дата обращения: 28.01.2026).

¹¹⁷ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945... С. 1190.

* * *

Подведем итоги. Экземпляр сборника «Петр Великий» с многочисленными рукописными пометами Г.А. Князева, обнаруженный в фонде сектора БАН при СПбФ ИИЕТ, как и любое издание с провененциями, представляет историко-научную ценность. Это записи более позднего времени, чем конец 1940-х годов, когда сборник увидел свет и вскоре был официально подвергнут осуждению. Здесь нет сиюминутных эмоций, как в дневнике, который Г.А. Князев вел много лет, зато есть воспоминания и раздумья, носящие взвешенный ретроспективный характер. Директор Архива предпринял успешную попытку сделать из своего экземпляра книги архивный документ: страсти вокруг сборника улеглись, но осталась запись о его непростой судьбе, о сотрудничестве и разногласиях видных ученых.

В судьбе сборника «Петр Великий» роковую роль сыграла статья А.И. Андреева «Петр в Англии», подготовленная в 1942 г. в условиях союзничества с Великобританией, включенная в уже готовый задержавшийся выходом сборник и увидевшая свет уже в период «холодной войны» и международной изоляции СССР. Однако Г.А. Князева, в двух словах запечатлевшего на своем экземпляре книги суть нападок на сборник, именно эта статья практически не волнует. Его взгляд устремлен на историю Академии наук, основанию которой посвящена отдельная статья А.И. Андреева, т.е. на предмет, который много лет объединял ученых в преемственных историко-научных академических учреждениях: начиная с Комиссии по истории знаний. С 1939 г., в том числе в первый блокадный год, Г.А. Князев и А.И. Андреев сотрудничали в Комиссии по истории Академии наук, проделав непростой путь вместе. Поэтому интерес представляют не только сами пометы на экземпляре сборника, но и их отсутствие, т.е. выраженная асимметрия читательского внимания при прочтении книги.

Маргиналии Г.А. Князева имплицитно затрагивают вопрос первенства и сфер влияния: каково назначение Архива – это научно-вспомогательное или научно-исследовательское учреждение? Кому писать историю Академии наук? Г.А. Князев-читатель решал практическую задачу – всячески подчеркивал деятельность Архива как в историографии Академии, так и в обеспечении ученых необходимой документальной базой для проводимых ими исследований. В надписях Г.А. Князева чувствуется одновременно и солидарность с коллегой, и творческая ревность в его адрес, что подтверждают и другие документы, в том числе его знаменитый блокадный дневник. Надписи на рассматриваемой книге сделаны им и для себя, и вовне. Другими словами, пометы на экземпляре «Петра Великого» являются высказыванием ведущего советского архивиста о том, как создавалась история Академии наук, о важной роли вспомогательных исторических дисциплин и о выражах взаимоотношений внутри академических учреждений.

Литература

Аваков П.А. Еще раз о дате основания Академии наук в Санкт-Петербурге // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2024. Т. 2, вып. 3. С. 116–131.

Ананьев Е.Г. Письма К.Н. Сербиной А.И. Андрееву военного времени как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXI. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 456–476.

Андреев А.И. Основание Академии наук в Петербурге // Петр Великий: сб. ст. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 284–333.

Андреева Г.А. Издания собраний сочинений М.В. Ломоносова в XVIII–XX вв. // Книга: Исследования и материалы. Сборник III. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. С. 203–229.

Афиани В.Ю. Георгий Алексеевич Князев // Академический архив в прошлом и настоящем: сб. науч. ст. к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 14–18.

Басаргина Е.Ю. Как попал в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН автограф Исаака Ньютона // Социология науки и технологий. 2026. Т. 17, № 1. С. 7–26.

Вовина В.Г. К биографии Александра Игнатьевича Андреева // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск: Сиб. отд-ние РАН, 2022. С. 195–211. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 41).

Гуковский М.А. Институт истории науки и техники Академии наук СССР в 1934 г. // Архив истории науки и техники. Вып. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 611–617.

Доклад И.Л. Маяковского 1947 года «А.И. Андреев как архивист» (подгот. А.В. Мельников) // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М.: Наука, 2013. С. 324–325.

Застрожнова Е.Г., Малинина А.В. Князев Георгий Алексеевич // Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий биографический справочник. А–К. 2-е изд. СПб.: Реноме, 2024. С. 460–462.

Илизаров С.С. История «ИИЕТ» сквозь призму деятельности его руководителей // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвящ. 90-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: ИИЕТ РАН, 2022. С. 29–34.

История Академии наук СССР. Т. 1: 1724–1803 / гл. ред. К.В. Островитянов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 484 с.

Князев Г.А. Теория и техника архивного дела. Л.: ЛОЦИА, 1935. 122 с.

Князев Г.А. Д.И. Менделеев и царская Академия наук (1858–1907 гг.) // Архив истории науки и техники. Вып. 6. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 299–331.

Князев Г.А. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 96 с.

Князев Г.А. Работа Академии наук над своей историей // Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки (5–11 января 1949 г.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 799–815.

Князев Г.А., Князева М.Ф. Научные связи И.М. Сеченова с Академией наук // Архив истории науки и техники. Вып. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 399–427.

Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 2-е изд., доп.. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 160 с.

Князев Г.А., Кольцов А.В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. 3-е изд., доп. М.; Л.: Наука, 1964. 228 с.

Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. 1220 с.

Козлов В.П. Три «радиуса» архивиста Г.А. Князева в его «Дневнике», или «Покуда есть настоящее» // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 141–162.

Колчинский Э.И. Историко-научное сообщество в Ленинграде – Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы: люди, традиции, свершения (К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН). СПб.: Нестор-История, 2013. 448 с.

Кольцов А.В. Как писалась «История Академии наук СССР» // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 146–157.

Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов / сост. В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.: Наука, 2003. 765 с.

Копанева Н.П. К биографии А.И. Андреева // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М.: Наука, 2013. С. 314–324.

Копелевич Ю.Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука, 1977. 212 с.

Петр Великий: сб. ст. / под. ред. А.И. Андреева. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 433 с.

Пивоваров Е.Г. «Публикация его малосодержательных верноподданнических записочек...»: об одном не изданном Комиссией по истории Академии наук сборнике документов // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13, № 2. С. 7–27.

Преображенский А.А. Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 113–121.

Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учеб. пособие. М.: МГИАИ, 1990. 71 с.

Прохоренко Н.С. Андреев Александр Игнатьевич // Ученые – фондообразователи Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Краткий биографический справочник. А–К. 2-е изд. СПб.: Реноме, 2024. С. 27–29.

Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источник. Историк. История. Сборник научных работ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2001. Вып. 1. С. 135–246.

Сербина К.Н. А.И. Андреев – ученый и педагог (из воспоминаний об учителе) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л.: Наука, 1985. С. 357–363.

Серов Д.О. Н.А. Воскресенский (1889–1948): опыт начертания судьбы в отблесках эпохи // Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: сб. док-тов: в 3 т. Т. II: Акты об общественных классах; Т. III: Акты о промышленности и торговле. М.: Древлехранилище, 2020. С. XXXVIII–LXXXI.

Смирнова В.К. Административный контроль над советской исторической наукой в 1945–1953 гг. // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2011. № 2. С. 290–295.

Тихонов В.В. «Худший образчик преклонения перед иностранщиной»: идеологические кампании «позднего сталинизма» и судьба историка С.А. Фейгиной // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 199–207.

Тункина И.В. История сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов. СПб.: Наука, 2003. С. 637–659.

Тункина И.В. Г.А. Князев как директор Архива АН СССР (1929–1963) // Академический архив в прошлом и настоящем: сб. науч. ст. к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 19–32.

Хорхордина Т.И. Революция 1917 г. и российские архивы: как это было // Вестник архивиста. 2017. № 2. С. 38–56.

Чумакова Т.В. Комиссия по истории Академии наук (1938–1953 гг.) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 512–529.

Шмидт С.О. Вступительное слово // Археографический ежегодник за 2009–2010 годы. М.: Наука, 2013. С. 310–314.

Яцунский В.К. Александр Игнатьевич Андреев: Краткий очерк жизни и научной деятельности // Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1: XVII век. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 3–14.

References

Afiani, V.Yu. (2008). Georgiy Alekseevich Knyazev [Georgiy Alexeevich Knyazev]. In *Akademicheskii arkhiv v proshlom i nastoyashchem: Sbornik nauchnykh statey k 280-letiu Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 14–18.

Anan'ev, E.G. (2010). Pis'ma K.N. Serbinoy A.I. Andreevu kak istoricheskiy istochnik [Letters of K.N. Serbina to A.I. Andreev as a Historical Source]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie dissipliny*. Vol. XXXI. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, pp. 456–476.

Andreev, A.I. (1947). Osnovanie Akademii nauk v Peterburge [Foundation of the Academy of Sciences in St. Petersburg]. In *Petr Velikiy: sbornik statey*. Moscow, Leningrad, pp. 284–333.

Andreev, A.I. (Ed.). (1947). *Petr Velikiy: sbornik statey* [Peter the Great: Collection of Articles]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 433 p.

Andreeva, G.A. (1960). Izdaniya sobraniy sochineniy M.V. Lomonosova s XVIII–XX vv. [Editions of M.V. Lomonosov's Complete Works in 18th–20th Centuries]. In *Kniga: Issledovaniya i materialy. Sbornik III*. Moscow, Izdatel'stvo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty, pp. 203–229.

Avakov, P.A. (2024). Eshche raz o date osnovaniya Akademii nauk v Sankt-Peterburge [Once More about the Date of the Academy of Sciences Foundation in St. Petersburg]. In *Zhurnal Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki*. Vol. 2, No. 3, pp. 116–131.

Basargina, E.Yu. (2026). Kak popal v Sankt-Peterburgskiy filial Arkhiva RAN avtofrag Isaaka N'yutona? [How Did Isaac Newton's Autograph Get Into the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch?]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 17, No. 1, pp. 7–26.

Chumakova, T.V. (2013). Komissiya po istorii Akademii nauk (1938–1953) [Commission on the History of the Academy of Sciences (1938–1953)]. In *Komissii Akademii nauk v XVIII–XX vekakh: Istoricheskie ocherki*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 512–529.

Gukovsky, G.A. (1935). Institut istorii nauki i tekhniki Akademii nauk SSSR v 1934 g. [Institute for the History of Science and Technology of the Academy of Sciences of the USSR in 1934]. In *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. Iss. 5. Moscow, Leningrad, pp. 611–617.

Ilizarov, S.S. (2022). Istoriya “IIET” skvoz' prizmu deyatelnosti ego rukovoditeley [A History of “IHST” Throw the Prism of Its Leader's Activities]. In *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki RAN, posvyashchennoy 90-letiyu Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN*. Moscow, IIET, pp. 29–34.

Khorkhordina, T.I. (2017). Revolyutsiya 1917 g. i rossiyskie arkhivy: kak eto bylo [The 1917 Revolution and Russian Archives: How It All Happened]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 38–56.

Knyazev, G.A. (1935). D.I. Mendeleev i tsarskaya Akademiya nauk (1858–1907 gg.) [D.I. Mendeleev and the Tsar Academy of Sciences (1858–1907)]. In *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. Iss. 6. Moscow, Leningrad, pp. 299–331.

Knyazev, G.A. (1935). *Teoriya i tekhnika arkhivnogo dela* [Theory and Technic of Archival Work]. Leningrad, LOTsIA. 112 p.

Knyazev, G.A. (1945). *Kratkiy ocherk istorii Akademii nauk SSSR* [Short Essay of the History of the Academy of Sciences of USSR]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 96 p.

Knyazev, G.A. (1949). Rabota Akademii nauk nad svoey istoriey [The Academy of Sciences' Work on Its History]. In *Voprosy istorii otechestvennoy nauki. Obshchee sobranie Akademii nauk SSSR, posvyashchennoe istorii otechestvennoy nauki (5–11 yanvarya 1949 g.)*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 799–815.

Knyazev, G.A. (2009). *Dni velikikh ispytaniy. Dnevniky 1941–1945* [Days of Great Trials. The Diaries, 1941–1945]. St. Petersburg, Nauka. 1220 p.

Knyazev, G.A., Knyazeva, M.F. (1935). Nauchnye svyazi I.M. Sechenova s Akademiei nauk [Scientific Relations of I.M. Sechenov with the Academy of Sciences]. In *Arkhiv istorii nauki i tekhniki*. Iss. 7. Moscow, Leningrad, pp. 399–427.

Knyazev, G.A., Kol'tsov, A.V. (1957). *Kratkiy ocherk istorii Akademii nauk SSSR. 2-e izd.* [Short Essay of the History of the Academy of Sciences of USSR, 2 ed.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 160 p.

Knyazev, G.A., Kol'tsov, A.V. (1964). *Kratkiy ocherk istorii Akademii nauk SSSR. 3-e izd.* [Short Essay of the History of the Academy of Sciences of USSR, 3 ed.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR. 228 p.

Kol'tsov, A.V. (1999). Kak pisalas' “Istoriya Akademii nauk SSSR” [How the History of the Academy of Sciences of the USSR Was Created]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No. 3, pp. 146–157.

Kolchinsky, E.I. (2013). *Istoriko-nauchnoe soobshchestvo v Leningrade – Sankt-Peterburge v 1950–2010 gody: lyudi, traditsii, sversheniya (K 60-letiyu Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova RAN)* [A Community of the History of Science

in Leningrad – St. Petersburg in 1950–2010: People, Traditions, Achievements (To the 60th Anniversary of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 448 p.

Kopaneva, N.P. (2013). K biografii A.I. Andreeva [On the Biography of A.I. Andreev]. In *Arkheologicheskii ezhegodnik za 2009–2010 gody*. Moscow, Nauka, pp. 314–324.

Kopelevich, Yu.Kh. (1977). *Osnovanie Peterburgskoy akademii nauk* [Foundation of St. Petersburg Academy of Sciences]. Leningrad, Nauka. 212 p.

Kozlov, V.P. (2010). Tri “radiusa” arkhivista G.A. Knyazeva v ego “Dnevnik”, ili “Pokuda est’ nastoyashchee” [Three “Ranges” of the Archival G.A. Knyazev in His “Diaries”, or “As Long as the Present Exists”]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. No. 2, pp. 141–162.

Mel’nikov, A.V. (2013). Doklad I.L. Mayakovskogo 1947 goda “A.I. Andreev kak archivist” [A Report of I.L. Mayakovsky “A.I. Andreev as an Archivist”, 1947]. In *Arkheologicheskii ezhegodnik za 2009–2010 gody*. Moscow, Nauka, pp. 324–331.

Orel, V.M., Smagina, G.I. (Comp.). (2003). *Komissiya po istorii znaniy. 1921–1932. Iz istorii organizatsii istoriko-nauchnykh issledovaniy v Akademii nauk. Sbornik dokumentov* [Commission on the History of Knowledge. 1921–1932. From the History of the Organization of Historic and Scientific Research in the Academy of Sciences. A Collection of Documents]. St. Petersburg, Nauka. 765 p.

Ostrovityanov, K.V. (Ed.). (1958). *Istoriya Akademii nauk SSSR. T. 1: 1724–1803* [The History of the Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1: 1724–1803]. Moscow, Leningrad, Izdatel’sтво AN SSSR. 484 p.

Pivovarov, E.G. (2022). “Publikatsiya ego malosoderzhatel’nykh vernopoddannicheskikh zapisochek...”: ob odnom ne izdannom Komissii po istorii Akademii nauk sbornike dokumentov [“The Publication of His Insignificant Loyal Notes...”: About an Unpublished Documents Compilation]. In *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. Vol. 13, No. 2, pp. 7–27.

Preobrazhensky, A.A. (1979). Tvorcheskii put’ Aleksandra Ignat’evicha Andreeva [A Creative Way of A.I. Andreev]. In *Arkheograficheskuy ezhegodnik za 1978 god*. Moscow, Nauka, pp. 113–121.

Prokhorenko, N.S. (2024). Andreev Aleksandr Ignat’evich [A.I. Andreev]. In *Uchenye – fondooobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk. Kratkiy biograficheskii spravochik. A–K. 2 izdanie*. St. Petersburg, Renome, pp. 27–29.

Prostovolosova, L.N., Stanislavsky, A.L. (1990). *Istoriya kafedry vspomogatel’nykh istoricheskikh distsiplin* [A History of the Department of Auxiliary Historical Disciplines: Training Manual]. Moscow, MGIAI. 71 p.

Rosovtsev, E.A. (2001). Deyatel’nost’ A.S. Lappo-Danilevskogo v Rossiyskoy akademii nauk [A.S. Lappo-Danilevsky’s Activities in the Russian Academy of Sciences]. In *Istochnik. Istorik. Istoriya. Sbornik nauchnykh rabot*. Iss. 1. St. Petersburg, Izdatel’sтво Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 135–246.

Serbina, K.N. (1985). A.I. Andreev – uchenyy i pedagog (iz vospominaniy ob uchitele) [A.I. Andreev as a Scholar and a Teacher (From the Reminiscences about the Teacher)]. In *Vspomogatel’nye istoricheskie distsipliny*. Vol. XVII. Leningrad, Nauka, pp. 357–363.

Serov, D.O. (2020). N.A. Voskresensky (1889–1948): opyt nachertaniya sud’by v otbleskakh epokhi [N.A. Voskresensky (1889–1948): An Experience of a Biography in the Shining of the Epoch]. In *Zakonodatel’nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit’ya i inostrannye istochniki*. Moscow, Drevlekhranilishche, pp. XXXVIII–LXXXI.

Shmidt, S.O. (2013). Vstupitel’noe slovo [Preface]. In *Arkheologicheskii ezhegodnik za 2009–2010 gody*. Moscow, Nauka, pp. 310–314.

Smirnova V.K. (2011). Administrativnyy kontrol’ nad sovetskoy istoricheskoy naukoy v 1945–1953 gg. [Administrative Control over Soviet Historical Studies in 1945–1953]. In *Vestnik Taganrogskego gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. No. 2, pp. 290–295.

Tikhonov, V.V. (2013). “Khudshiy obrazchik prekloneniya pered inostranshchinoy”: ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sud’ba istorika S.A. Feyginoy [“The Worst Example of Foreignisms Admiration”: “Late Stalinism” Ideological Campaigns and the Fate of the Historian S.A. Feigina]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. No. 1, pp. 199–207.

Tunkina, I.V. (2003). Istoriya sbornika “Russkaya nauka” [A History of a Collection of Papers “The Russian Science”]. In *Komissiya po istorii znaniy. 1921–1932. Iz istorii organizatsii istoriko-nauchnykh issledovaniy v Akademii nauk. Sbornik dokumentov*. St. Petersburg, Nauka, pp. 637–659.

Tunkina, I.V. (2008). G.A. Knyazev kak direktor Arkhiva AN SSSR (1929–1963) [G.A. Knyazev as a Director of the Archive of the USSR Academy of Sciences (1929–1963)]. In *Akademicheskii arkhiv v proshlom i nastoyashchem: Sbornik nauchnykh statey k 280-letiu Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk*. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 19–32.

Vovina, V.G. (2022). K biografii Aleksandra Ignat’evicha Andreeva [To the biography of Alexander I. Andreev]. In *Literatura i istoriya v kontekste arkheografii*. Novosibirsk, Sibirskoe otdelenie RAN, p. 195–211. (Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri, No. 41).

Yatsunskiy, V.K. (1960). Aleksandr Ignat’evich Andreev: Kratkiy ocherk zhizni i nauchnoy deyatel’nosti [Alexander I. Andreev: A Short Review of His Life and Scholar Activity]. In *Andreev A.I. Ocherki po istochnikovedeniu Sibiri*. No. 1. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 3–14.

Zastrozhnova, E.G., Malinina, A.V. (2024). Knyazev Georgiy Alekseevich [Knyazev Georgy Alexeevich]. In *Uchenye – fondoobrazovateli Sankt-Peterburgskogo filiala Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk. Kratkiy biograficheskiy spravochik. A–K. 2 izdanie*. St. Petersburg, Renome, pp. 460–462.

Р.Е. Романов*

ТРУДОВЫЕ СТИМУЛЫ И САНКЦИИ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СССР
В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК:
СОВЕТСКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ «КЕЙС»
(1930-Е – СЕРЕДИНА 1980-Х ГОДОВ)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-23
УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:

Романов Р.Е. Трудовые стимулы и санкции на предприятиях СССР в годы довоенных пятилеток: советский историографический «кейс» (1930-е – середина 1980-х годов) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 317–334. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-23.pdf>

R.E. Romanov*

LABOR INCENTIVES AND SANCTIONS
AT SOVIET ENTERPRISES
DURING THE PRE-WAR FIVE-YEAR PLANS:
A SOVIET HISTORIOGRAPHICAL CASE STUDY
(1930S – MID-1980S)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-23

How to cite:

Romanov R.E. Labor Incentives and Sanctions at Soviet Enterprises during the Pre-War Five-Year Plans: A Soviet Historiographical Case Study (1930s – Mid-1980s) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 317–334. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-2-23.pdf>]

Abstract. The article is devoted to proving the scientific hypothesis that in the 1930s – the mid-1980s, historiographical ideas about the ways of creating labor motivation at the enterprises of the USSR during the pre-war five-year plans functioned as both constant and changing elements of the Soviet humanitarian knowledge. This task is solved on the basis of the synchronic and diachronic approaches of structural linguistics in order to identify the static and dynamic levels of the official language of pre-perestroika historiography within a specific research area. Based on the stated methodology, the article analyzes the formation and development of economists', lawyers' and historians' views on the essence and factors of the effectiveness/ineffectiveness of labor incentives and sanctions in the domestic industry from 1928 to 1941. It has been revealed that in the 1930s and the mid-1950s, the elite of economic science, influenced by Stalinist ideology and propaganda, formed initial ideas about the dualistic nature of the methods of disciplining (persuasion and coercion) and stimulating (moral and material incentives) the working class during the era of socialist industrialization. From the prevailing perspective, the reasons for the decline in the functionality of the mechanisms for motivating industrial labor were rooted in the actions of opponents of socialism, while the reasons for its increase were attributed to the victory of the leader and the party over class enemies and opportunists. It has been established that in the mid-1950s and mid-1980s, leading experts in Russian history, economics and rights continued to reproduce the previously established stereotypes about the dualistic nature of labor discipline and the promotion of productive employment during the first five-year plans. At the same time, under the influence of criticism of the personality cult of I.V. Stalin, a cautious and objective study of the socio-economic and sociocultural factors of the effectiveness/ineffectiveness of measures to incentives industrial workers in the late 1920s and early 1940s began. It was concluded that the views of Soviet researchers on the nature of labor incentives and sanctions

* Роман Евгенийевич Романов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: rromanov1981@mail.ru

Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: romanov1981@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The article was made on the topic of the state assignment “Socioeconomic Potential of Russia’s Eastern Regions in the 20th and Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, and Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

during the pre-war five-year plans were static for more than half a century, while their views on the causes of the successes or failures of state motivational policies were dynamic, limited by conservative and protective ideologies. Taking into account the above facts and arguments, the stated scientific hypothesis can be considered objectively proven.

Keywords: Pre-war five-year plans, socialist industrialization, enterprises in the USSR, labor incentives and sanctions, the working class, Soviet historiography, historiographical views, historians, economists, lawyers.

The article has been received by the editor on 20.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена доказательству научной гипотезы о том, что в 1930-е – середине 1980-х гг. историографические представления о способах создания трудовой мотивации на предприятиях СССР периода довоенных пятилеток функционировали в качестве как постоянных, так и изменяющихся элементов советского гуманитарного знания. Решение этой задачи осуществляется на основе синхронического и диахронического подходов структурной лингвистики с целью выявления в рамках конкретного исследовательского направления статического и динамического уровней официального языка доперестроечной историографии. В русле заявленной методологии проанализированы процессы становления и развития взглядов экономистов, юристов и историков на сущность и факторы эффективности/неэффективности трудовых стимулов и санкций в отечественной индустрии 1928–1941 гг. Выявлено, что в 1930-е – середине 1950-х гг. элита экономической науки под влиянием сталинской идеологии и пропаганды сформировала первоначальные представления о дуалистической природе методов дисциплинирования (убеждение и принуждение) и стимулирования (моральные и материальные поощрения) рабочего класса эпохи социалистической индустриализации. Причины снижения функциональности механизмов мотивирования индустриального труда с господствующей тогда точки зрения коренились в действиях противников социализма, повышения – в победе вождя и партии над классовыми врагами и оппортунистами. Установлено, что в середине 1950-х – середине 1980-х гг. ведущие специалисты в области отечественной истории, экономики и права продолжили воспроизводство ранее сложившихся стереотипов о дуалистической сущности форм воспитания трудовой дисциплины и побуждения производительной занятости в годы первых пятилеток. Одновременно под воздействием критики культа личности И.В. Сталина началось осторожное объективное изучение социально-экономических и социокультурных факторов эффективности/неэффективности мер стимулирования индустриальных работников в конце 1920-х – начале 1940-х гг. Сделан вывод о том, что взгляды советских исследователей на природу трудовых стимулов и санкций периода довоенных пятилеток на протяжении более чем полувека отличались статикой, на причины успехов или неудач государственной мотивационной политики – динамикой, ограниченной консервативно-охранительными идеологиями. С учетом вышеизложенных фактов и аргументов заявленную научную гипотезу можно считать объективно доказанной.

Ключевые слова: довоенные пятилетки, социалистическая индустриализация, предприятия СССР, трудовые стимулы и санкции, рабочий класс, советская историография, историографические представления, историки, экономисты, юристы.

Статья поступила в редакцию 20.02.2026 г.

Вводные положения. Вопрос о том, почему граждане СССР в конце 1920-х – 1930-е гг. массово участвовали в строительстве нового социалистического общества, на протяжении уже почти века остается в нашей стране одним из актуальных «кейсов» социальной и исторической памяти. До конца 1980-х гг. ответ на этот вопрос лежал исключительно в русле идеологии марксизма-ленинизма, культивировавшей оптимистическое воображение о воспитанной большевиками идейной сознательности советского народа. В годы перестройки на фоне размыwania идеологических фетишей в обществе сформировался устойчивый сегмент оппонентов большевистского эксперимента, воспринимаемого ими как феномен левого тоталитаризма. Либеральный «дрейф» 1990-х гг. способствовал широкому распространению пессимистических представлений о радикальном преобразовании страны за счет сталинской насильственной мобилизации. В 2000-е – начале 2020-х гг. в связи с набирающим обороты консервативным «поворотом» маятник вновь качнулся в сторону укрепления позиций сторонников советского социализма, репрезентирующих его в тонах государственного патриотизма. Военно-патриотическая атмосфера 2022–2026 гг. создает еще более благоприятную почву для возрождения оптимистического мнения о том, что большинство граждан СССР строили новый мир не столько по приказу партийных вождей, сколько по зову сердца, подпитываемого конструктивной воспитательной пропагандой. В этом контексте труд эпохи социалистической индустриализации может рассматриваться прежде всего как следствие морального побуждения работников со стороны властей и работодателей. Злободневная попытка возвращения к историческому оптимизму актуализирует новые исследования в области советской историографии, объяснявшей способы создания мотивации труда¹ в заводских коллективах в рамках преимущественно позитивного нарратива о прошлом. Цель исследования состоит в выявлении процессов становления и развития историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на предприятиях СССР периода довоенных пятилеток в 1930-е – середине 1980-х гг. В частности, предметом анализа выступают взгляды экономистов, юристов и историков на сущность и факторы эффективности/неэффективности мероприятий по дисциплинированию и стимулированию персонала отечественной индустрии в 1928–1941 гг.

Методологическая база исследования включает синхронический и диахронический подходы² к изучению советского историографического «кейса», касавшегося ключевых аспектов мотивации индустриального труда в СССР в рассматриваемый период. Синхронический подход позволяет выявить постоянные переменные исследуемого феномена, диахронический подход – его динамику. В данном контексте исследовательская гипотеза заключается в том, что в 1930-е – середине 1980-х гг. историографические представления о сущности трудовых стимулов и санкций периода довоенных пятилеток функционировали на синхроническом (как постоянные переменные), об их эффективности/неэффективности – диахроническом (как изменявшиеся переменные) уровне.

В доперестроечной истории советской историографии периода довоенных пятилеток следует выделить два этапа: становление (1930-е – середина 1950-х гг.), воспроизводство и развитие (середина 1950-х – середина 1980-х гг.). Их выделение позволяет на примере конкретного исследовательского направления показать статику и динамику историографических представлений о мерах дисциплинирования и стимулирования работников индустрии СССР в 1928–1941 гг. Источниковой базой исследования служат книги и статьи профессиональных экономистов, юристов и историков СССР, а также участников проекта «История заводов и фабрик» о хозяйственных, социальных, трудовых и бытовых вопросах социалисти-

¹ В данном случае рассматриваются два компонента мотивации труда – дисциплина (способы контроля над работниками на производстве) и стимулирование трудовой инициативы (способы поощрения работников за производительный труд).

² По мнению основателя структурной лингвистики Ф. де Соссюра, синхрония представляет статический аспект языка, исключая всякое вмешательство времени, диахрония – собственно эволюцию языка во времени. См.: Казаева М.А. Проблема синхронного и диахронического подходов в языкознании // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 199. С учетом того, что советская историография представляла совокупность элементов научного и идеологического языка, данные подходы применимы к описанию соответственно ее статического и динамического состояний.

ческой индустриализации. Они содержат массив информации, необходимый для полноценной реконструкции, осмысления и понимания изучаемых аспектов советской историографии, характеризовавшейся высокой зависимостью от влияния официальной идеологии и пропаганды.

Становление советской историографии периода довоенных пятилеток (1930-е – середина 1950-х гг.)

Предпосылки формирования историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток (1929–1938 гг.). Зарождение историографии истории индустриального труда первых трех пятилеток происходило в условиях разрыва советских экономистов, юристов и историков с дореволюционной научной традицией и становлением в СССР 1930-х гг. феномена идеологизированной науки. Сложившаяся историографическая ситуация обуславливалась господством политико-идеологических факторов, унификацией научно-гуманитарной и научно-исторической сфер, укоренением в них марксистской методологии, складыванием единой формы политизированного знания о развитии общества, рабочего движения, пролетарской революции и строительстве коммунизма³. Издание «Краткого курса истории ВКП(б)» (1938 г.) завершило процесс оформления вертикально-иерархической системы «идеология – наука». В рамках этой иерархии ученые-гуманитарии оказались подчинены оптимистическому историцизму партийно-государственной элиты.

Данный контекст сталинской эпохи оказал ключевое влияние на формирование первоначальных историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на советских предприятиях конца 1920-х – начала 1940-х гг. Начальной точкой отсчета в указанном процессе являлась брошюра Е. Микулиной «Соревнование масс» (1929 г.), предисловие к которой написал И.В. Сталин. В нем отмечалось, что соревнование выступало самым важным фактом социалистического строительства, проявлением максимальной активности трудящихся для достижения всеобщего подъема на основе товарищеской взаимопомощи. Главной угрозой для соревновательных кампаний становились бюрократические препоны на пути творческой инициативы масс. Для их преодоления следовало широко популяризировать практический опыт соревнующихся рабочих⁴. На XVI съезде ВКП(б) (июнь 1930 г.) И.В. Сталин дополнил эту картину ударничеством, превратившим труд из зазорного и тяжелого бремени в дело чести, славы, доблести и геройства. По утверждению генсека лейтмотив ударников состоял в возможности быть героем труда, окруженным ореолом почета⁵. На Первом всесоюзном совещании стахановцев (17 ноября 1935 г.) глава партии «развил концепцию» о внутренних стимулах передовиков производства, в которых органично сливались личные и общественные интересы. По существу они представляли собой совокупность возросших материальных благ и публичного признания в условиях стахановского движения. Его привлекательность объяснялась ростом жизненного уровня рабочих семей и превращением ранее безымянных пролетариев в известных деятелей, овеванных славой⁶. В свою очередь дальнейший взлет движения стахановцев вел к новому повышению благосостояния трудящихся. На фоне нарастания репрессий (1937–1938 гг.) врагами зажиточной и культурной жизни народа провозглашались «троцкистско-бухаринские изверги», безуспешно пытавшиеся уничтожить завоевания социализма⁷. Поэтому «вредительство» рассматривалось в качестве основного фактора снижения эффективности материального и морального стимулирования рабочего класса.

³ Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.). Орск, 2010. С. 33, 38, 39.

⁴ Соревнование и трудовой подъем масс: Предисловие к книжке Е. Микулиной «Соревнование масс» // Сталин И.В. Сочинения. М., 1949. Т. 12: Апрель 1929 – Июнь 1930 г. С. 108–111.

⁵ Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 12... С. 313–314.

⁶ Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14: 1934–1940 гг. М., 1946. С. 188–190.

⁷ Краткий курс истории ВКП(б). М., 1938. С. 174, 204, 209.

Внедрение сталинских идеологических установок в формирующуюся советскую историографию стартовало с реализации инициативы А.М. Горького о подготовке большой серии очерков об истории заводов и фабрик СССР. В инструкции «Как писать “Историю фабрик и заводов”» (28 ноября 1931 г.) говорилось о том, что повествование о прошлом предприятий после 1917 г. должно строиться на «новых, социалистических началах». Эти начала подразумевали, в том числе, обязательное описание роста коммунистических форм труда, ударничества, соцсоревнования, героев труда⁸. Логичным продолжением данной тенденции являлся доклад Анны Максимовны Панкратовой «Задачи и методы исторического исследования в деле создания истории заводов СССР» на международном конгрессе историков в Варшаве (26 августа 1933 г.). Ученица академика Михаила Николаевича Покровского акцентировала внимание зарубежной аудитории не только на научную, но и политическую актуальность исторических исследований в Советском Союзе. Изучение прошлого предприятий служило инструментом просвещения и мобилизации масс для «лучшего понимания настоящего». В этих рамках завершившаяся в 1932 г. первая пятилетка воспринималась новейшей страницей послеоктябрьской истории. По мнению докладчика, в ходе нее «в противоположность капиталистической организации труда рабочий класс в СССР создал *новые формы и стимулы труда, новые способы привлечения к труду, новые формы труддисциплины* [курсив мой. – Р. Р.]»⁹. По сути А.М. Панкратова представила своего рода манифест советской исторической науки, содержащий в качестве отдельных элементов идеологические постулаты о социалистических методах создания трудовой мотивации. Данный факт красноречиво свидетельствовал о трансформации пропагандистского официоза в соответствующие линии партии гуманитарные академические знания, обретавшие в устах и текстах ученых-марксистов статус официальной историографии эпохи строительства социализма. Эпохи, которую А.М. Горький метафорически назвал «новой поэтической действительностью», рожденной на основе свободной, счастливой и научной практики миллионов людей¹⁰, освобожденных от капиталистической эксплуатации.

Историографические представления о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток: этап становления. В 1930-е – середине 1950-х гг. вопросы о способах дисциплинирования и стимулирования персонала советских предприятий в период довоенных пятилеток рассматривались в книгах, брошюрах и статьях о развитии экономики СССР¹¹, социалистическом труде¹², трудовых правоотношениях и спорах¹³, промышленности¹⁴, истории заводов и фабрик¹⁵, производственной дисциплины¹⁶, соцсоревновании¹⁷,

⁸ Инструкция главной редакции «Как писать “Историю фабрик и заводов”» (28 ноября 1931 г.) // М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док-тов и мат-лов в помощь работающим над историей фабрик и заводов. М., 1959. С. 41.

⁹ Доклад А.М. Панкратовой на международном конгрессе историков в Варшаве «Задачи и методы исторического исследования в деле создания истории заводов СССР» // М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов... С. 164.

¹⁰ Горький М. О книге // Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни. 3-е изд. Свердловск, 1960. С. 30.

¹¹ Развитие советской экономики. М., 1940.

¹² Маркус Б.Л. Труд в социалистическом обществе. М., 1939.

¹³ Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М., 1948; Швейцер Д.В. Разрешение трудовых споров в СССР: Стенограмма публичной лекции, прочит. в Центр. лектории о-ва в Москве. М., 1949.

¹⁴ Локшин Э.Ю. Промышленность СССР. М., 1947.

¹⁵ Люди Сталинградского тракторного. М., 1933; Завод и его люди. Из истории Станкостроительного завода (к 75-летию его основания. 1872–1947 гг.). М., 1947; Харьковский тракторный завод им. Орджоникидзе. 1931–1951 гг. Харьков, 1951.

¹⁶ Леонтьев Л.А. Социалистическая дисциплина труда. М., 1939; Паршестник А.Е. Дисциплина труда в СССР. М., 1950; Горнов О.Ф. Воспитание социалистической дисциплины труда: Из опыта парт. работы на Моск.-Курской дороге. М., 1952; Бакакин А.С. О трудовой дисциплине в социалистическом обществе. М., 1955; Киселев Я.Л. О социалистической дисциплине труда. М., 1955.

¹⁷ Евстафьев Г.Н. Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М., 1952; Финаров А.П. Социалистическое соревнование на предприятиях в начале первой пятилетки // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 35–51.

ударничестве¹⁸, стахановском движении¹⁹, материальном и культурном уровне трудящихся²⁰. В довоенный период авторами этих публикаций являлись преимущественно ведущие специалисты в области политэкономии социализма, работавшие в Институте экономики АН СССР, Московском государственном университете, или участники проекта «История заводов и фабрик» (историки, журналисты, рабочие, инженеры). В послевоенные годы к ним присоединились также профессиональные юристы и историки, приступившие к изучению соответственно аспектов истории дисциплины труда, социалистического соревнования и уровня жизни рабочего класса в 1930-е гг. Тем не менее ключевую роль в формировании первоначальных историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях в отечественной индустрии 1928–1941 гг. сыграла элита советской экономической науки, рожденная сталинской эпохой. Ее представляли Амазасп Авакимович Арутюнян, Осип Аркадьевич Ерманский, Георгий Николаевич Евстафьев, Иван Иванович Кузьмин, Лев Абрамович Леонтьев, Эфраим Юдович Локшин, Борис Львович Маркус и другие столичные экономисты. Среди представителей юридической науки следует отметить Николая Григорьевича Александрова, Олега Феодосеевича Горнова, Давида Владимировича Швейцера, Якова Львовича Киселева, исторической науки – Ростислава Петровича Дадыкина, Василия Петровича Норицына, Владислава Иосифовича Селицкого, Александра Павловича Финарова, Григория Андреевича Чигринова.

В рассматриваемый период предметом анализа выступали мероприятия Коммунистической партии и советского государства по воспитанию дисциплинарных норм и поощрению трудовой инициативы индустриальных работников. При изучении сферы фабрично-заводской дисциплины справедливо указывался факт сочетания большевиками убеждения и принуждения как противоположных методов управления рабочим классом. В то же время общественный труд в условиях социализма рождал в основной массе производителей чувство морального долга и, как следствие, сознательную служебную ответственность. Административное единоначалие в СССР превращалось из деспотизма эксплуататоров в единство воли всего работающего коллектива («*новые формы труддисциплины*»). В связи с этим абсолютное большинство добросовестных тружеников получали публичное признание, в том числе в виде вручения государственных наград. К недисциплинированному меньшинству, представленному прогульщиками и летунами, по постановлению от 28 декабря 1938 г.²¹ применялись увольнение, выселение из заводских квартир, невыдача страхового пособия, по указу от 26 июня 1940 г.²² – судебное преследование. Признавая дуалистический характер социалистической дисциплины, советская историография на этапе своего становления стремилась всячески затушевать поворот к принуждению за счет игнорирования сущности и масштабов данного процесса. С этой целью в ней подчеркивался приоритет морального убеждения в качестве главного фактора трудового воспитания масс. Например, в первых научно-исторических публикациях, посвященных упомянутой теме, акцент делался на изучение вклада ударников и стахановцев в формирование и укрепление товарищеской дисциплины на производстве.

¹⁸ Дадыкин Р.П. Из истории движения ударных бригад в советской промышленности (1928–1929 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 18–42.

¹⁹ Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы. М., 1940; Кузьминов И.И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М., 1940; Селицкий В.И. Начало стахановского движения в Ленинграде (сентябрь – ноябрь 1935 г.) // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 28–56; Чигринов Г.А. Социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности Москвы и Московской области в 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 3–29.

²⁰ Саутин Н. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 5. С. 9–17; Норицын В.П. Борьба Коммунистической партии за повышение благосостояния рабочего класса в годы второй пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955.

²¹ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле».

²² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

При изучении сферы повышения производительности труда обращалось внимание на то, что производственная инициатива в СССР поощрялась путем сочетания соцсоревнования и улучшения материального положения работников. В силу приобретения трудовой деятельностью не только личного, но и общественного значения ключевое место в социалистической экономике заняли моральные или коллективистские стимулы к продуктивной занятости («*новые стимулы труда*»). Ударничество и стахановское движение сопровождались ростом заработной платы и потребления рабочих семей, развитием социального страхования, жилищно-коммунального и медицинского обслуживания, общественного питания. Неуклонный подъем народного благосостояния от пятилетки к пятилетке повышал роль движений ударников и стахановцев в производстве, а ударная и стахановская работа вела к дальнейшему расцвету зажиточной и культурной жизни трудящихся. Следует отметить, что точка зрения формирующейся советской историографии о дуалистическом (общественно-личном) подходе к стимулированию производительного социалистического труда являлась объективной и убедительной. Но в ее рамках абсолютно не учитывались факты периодического снижения уровня жизни рабочего класса на протяжении 1930-х гг., негативно влиявшие на формирование нового отношения к производственной деятельности.

При изучении вопроса об эффективности/неэффективности стимулов и санкций выявлялись положительные и отрицательные факторы, воздействовавшие на функциональность способов создания трудовой мотивации на советских предприятиях. Среди причин ухудшения функционирования стимулирующих практик в социалистической индустрии выделялись вредительская деятельность «замаскировавшихся врагов народа», сопротивление консерваторов, бюрократов и «рутинеров» в среде хозяйственных руководителей, специалистов и профсоюзных работников, волюнтаристская подмена соревнования администрированием и принуждением, сохранение мелкособственнических привычек в рабочей среде. Под вредительством понималась уравнительная оплата труда, вызывавшая текучесть кадров, враждебное отношение к стахановскому движению, под консервативным сопротивлением – противодействие ударничеству и новаторству стахановцев на производстве, под мелкособственническими привычками – уравнительные настроения, рвачество, дисциплинарные проступки. В этих условиях улучшению функциональности мер по мотивированию заводского персонала способствовали кампании по разоблачению и разгрому «вредителей», выдвижению новых руководящих кадров, усилению дифференциации тарифной сетки и введению поощрительных систем оплаты труда, расширению сферы культурно-бытового обслуживания, внедрению передовой техники и повышению квалификации кадров, рост материального благополучия и политической сознательности рабочих. В целом до середины 1950-х гг. находившаяся в стадии формирования советская историография объясняла снижение эффективности трудовых стимулов и санкций действиями враждебных политических и социальных сил, повышение – победой вождя и партии над классовыми врагами и их пособниками. В результате объективные проблемы стимулирования рабочего класса подменялись субъективным волюнтаризмом сознательных или несознательных противников социализма. Таким образом, этап становления историографических представлений о методах создания мотивации индустриальных работников к труду в период довоенных пятилеток нес отпечаток сталинской идеологии и пропаганды, задававших универсальную интерпретацию недавнего прошлого.

Воспроизводство и развитие советской историографии периода довоенных пятилеток (середина 1950-х – середина 1980-х гг.)

Предпосылки воспроизводства и развития историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток (1956–1967 гг.). Воспроизводство и эволюция историографии истории индустриального труда первых трех пятилеток происходили в условиях сначала развертывания, а затем сворачивания хрущевской десталинизации в СССР середины 1950-х – конца 1960-х гг. Эти политико-идеологические факторы обусловили динамику историографической ситуации в рассматриваемый период. Начальной точкой ее трансформации стал доклад первого секретаря ЦК КПСС

Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», прозвучавший 25 февраля 1956 г. на XX съезде партии. Ключевым моментом хрущевского выступления являлся тезис о неправомерном введении И.В. Сталиным понятия «враг народа», позволявшего репрессировать несогласных с ним большевиков²³. Дезавуирование данного морально-политического клише влекло за собой неизбежный пересмотр тех идеологических оценок, которые с точки зрения нового партийного руководства подпадали под определение сталинского культа личности. Такая тенденция создавала благоприятные условия для борьбы с догматизмом, возрождения творческих дискуссий в научно-гуманитарном сообществе, расширения доступа исследователей к архивам²⁴. Так, попытка десталинизации исторической науки была предпринята главным редактором журнала «Вопросы истории» в лице А.М. Панкратовой и ее заместителя Э.Н. Бурджалова, взявших за активное исполнение директивных указаний XX съезда.

Однако высшее партийное руководство страны посчитало данные инициативы опасными с точки зрения сохранения идеологического «статус-кво». 11 марта 1957 г. вышло постановление Секретариата ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”». Эта директива обязала редакцию журнала соблюдать принцип партийности в исторической науке, бороться с ревизионистским переосмыслением марксизма-ленинизма²⁵. В свою очередь А.М. Панкратова и Э.Н. Бурджалов были подвергнуты критике за «серьезные ошибки» в редакторской работе и отстранены от своих должностей. Драматическая судьба научных реформаторов свидетельствовала о незыблемости вертикально-иерархической системы «идеология – наука», сложившейся еще в сталинский период. Несмотря на атмосферу «оттепели», ученые-гуманитарии оставались подчиненными оптимистическому историцизму партийно-государственной элиты в виде утопических формул «о всемирно-исторической победе социализма»²⁶. Невозможность методологического развития отечественного гуманитарного знания ограничивала профессиональную деятельность исследователей введением в оборот новых массивов идеологически выверенных источников. В то же время на фоне расширения допуска к архивам КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов, отраслевых ведомств многие документы по-прежнему оставались закрытыми, так как содержали государственную тайну или критическую информацию о внутренних реалиях СССР.

Фундаментальные противоречия в развитии исторической науки оказали решающее влияние на дальнейшее воспроизводство и развитие историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на советских предприятиях периода довоенных пятилеток. Во второй половине 1950-х гг. произошла активизация давнего горьковского начинания, связанного с продолжением подготовки большой серии очерков об истории заводов и фабрик СССР. В 1959 г. для оказания методической помощи участникам данного проекта был издан сборник документов и материалов «А.М. Горький и создание истории фабрик и заводов». В предисловии к изданию подчеркивалась необходимость основательного освещения исторического прошлого производственных объектов, построенных в 1930-е гг., с учетом задач коммунистического строительства. Это освещение предполагалось нацелить на раскрытие роли партии в формировании и воспитании рабочего класса, опыта развития ударничества, соцсоревнования, движения бригад коммунистического труда²⁷. Предложенные тематические приоритеты совпадали с более ранними исследовательскими ориентирами (включая новые формы труддисциплины и стимулирования рабочих), сформулированными еще до войны на пике форсированного хозяйственного строительства. С той лишь разницей, что теперь можно было не следовать духу «Краткого курса истории ВКП(б)» с его подменой объективных проблем субъективизмом врагов советского государства. Приход к власти Л.И. Брежнева и постепенное сворачивание критики культа личности во второй половине

²³ Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и Постановление съезда о «Культе личности и его последствиях», 25 февраля 1956 г.

²⁴ Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории... С. 73.

²⁵ Постановление Секретариата ЦК КПСС «О журнале “Вопросы истории”» от 11 марта 1957 г. // Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1991. 1952–1958 гг. М., 2010. С. 692.

²⁶ Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории... С. 76, 77.

²⁷ М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов... С. 15.

1960-х гг. способствовали еще большему нарастанию догматического консерватизма в научно-гуманитарной сфере. Постановление ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. директивно закрепляло тезис о возрастании значения марксистско-ленинской теории по мере повышения роли общественных наук в строительстве коммунизма. При этом в качестве одного из актуальных направлений научно-исторических исследований декларировался показ героизма советского народа в борьбе за социалистическую индустриализацию страны²⁸. Несмотря на призывы верховной власти «поощрять смелый научный поиск», ученые-марксисты продолжали использовать привычные идеологические догмы для воспроизводства гуманитарных академических знаний в рамках официальной историографии истории строительства социализма.

Историографические представления о трудовых стимулах и санкциях периода довоенных пятилеток: этап воспроизводства и развития. В середине 1950-х – середине 1980-х гг. вопросы о способах дисциплинирования и стимулирования персонала советских предприятий в период довоенных пятилеток рассматривались в монографиях и статьях о формировании нового советского человека²⁹, истории социалистической экономики³⁰, индустриализации³¹, промышленности³², фабрик и заводов³³, рабочего класса³⁴, производственной дисциплины³⁵, соцсоревнования³⁶, быта трудящихся³⁷. В годы «оттепели» и «застоя» авторами этих публикаций являлись профессиональные исследователи, работавшие в Институте истории АН СССР, Московском государственном университете, Академии общественных наук при ЦК КПСС, Институте экономики АН СССР, участники продолжавшегося проекта «История заводов и фабрик» (историки, журналисты, рабочие, инженеры). Ключевую роль в воспроизводстве и развитии историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях в отечественной индустрии 1928–1941 гг. играла элита позднесоветской исторической науки, оказавшаяся под влиянием XX съезда. Ее представляли Иван Егорович Ворожейкин, Юрий Владимирович Воскресенский, Кирилл Владимирович Гусев, Владимир Зиновьевич Дробижев, Василий Игнатьевич Касьяненко, Валентин Иванович Кузьмин, Виталий Семенович Лельчук, Людмила Соломоновна Рогачевская,

²⁸ Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» от 14 августа 1967 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 11: 1966–1970. М., 1986. С. 237, 245.

²⁹ Косолапов С.М. Соотношение убеждения и принуждения в формировании нового человека. М., 1964.

³⁰ Советская социалистическая экономика. 1917–1957 гг. М., 1957; История социалистической экономики. М., 1977. Т. 3: 1926–1932 гг.; М., 1978. Т. 4: 1933–1937 гг.; Т. 5: 1938–1945 гг.

³¹ Касьяненко В.И. Борьба трудящихся СССР за техническую независимость промышленности (1926–1932 гг.). М., 1960; Хавин А.Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М., 1962; Кузьмин В.И. Исторический опыт советской индустриализации. М., 1969; Хромов С.С. Социалистическая индустриализация – великий подвиг советского народа (К 50-летию XIV съезда партии). М., 1975; Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М., 1984.

³² Локишин Э.Ю. Очерк истории промышленности СССР. (1917–1940 гг.). М., 1956.

³³ Платонов Г.И., Юдин К.Ю. Завод высококой техники (К 25-летию 1-го Гос. подшипникового завода). М., 1957; Славные традиции. К 100-летию завода «Красный пролетарий» им. А.И. Ефремова. 1857–1957 гг. М., 1957.

³⁴ Дробижев В.З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М., 1961; Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961). М., 1964; Рабочий класс в управлении государства (1926–1937 гг.). М., 1968; Воскресенский Ю.В. Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М., 1973; История советского рабочего класса. М., 1984. Т. 2 (1921–1937 гг.); Т. 3 (1938–1945 гг.).

³⁵ Гуляев Г.И. Правовое регулирование социалистической дисциплины труда рабочих и служащих. Кишинев, 1962; Генкин Л.Б. Становление новой дисциплины труда. М., 1967; Бородина Н.Н. Социалистическая дисциплина труда. М., 1969; Гавриленко Д.А. Дисциплина труда и средства ее обеспечения. Минск, 1985.

³⁶ Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л., 1966; Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917–1970 гг. М., 1977; Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР 1917–1977. М., 1979.

³⁷ Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960; Шкаратан О.И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда) // История СССР. 1964. № 3. С. 17–44; Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977.

Абрам Фишелевич Хавин, Семен Спиридонович Хромов, Овсей Ирмович Шкаратан и другие столичные историки. Среди экономистов научный вклад в освещение изучаемой проблематики внесли Лев Маркович Гатовский, Иван Андреевич Гладков, Эфраим Юдович Локшин, юристов – Анатолий Сергеевич Бакакин, Наталья Николаевна Бородина, Демьян Александрович Гавриленко, Геннадий Иванович Гуляев.

В рассматриваемый период в центре научного анализа находилась деятельность партийно-государственных органов, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций по воспитанию служебной ответственности и побуждению творческой активности работников на производстве. При изучении сферы фабрично-заводской дисциплины по-прежнему традиционно отмечался факт сочетания советским государством убеждения и принуждения как двух противоположных подходов к управлению рабочим классом. В теоретических трудах утверждалось, что по мере перехода от капитализма к социализму необходимость в принуждении снижалась, так как в новом обществе неуклонно возрастала сила идейных убеждений. По мнению правоведов, данная тенденция обуславливалась тем, что социалистический производственный распорядок был построен на принципах сознательности и добровольности «объединения» самих трудящихся. С учетом этого методологического подхода в научно-практических исследованиях отдавался приоритет установлению роли морально-побудительных практик, в том числе соревнования, самозакрепления персонала на предприятиях, разъяснительной работы, вручения наград, в дисциплинировании масс новых рабочих. Констатировалось также применение дисциплинарных санкций, включая товарищеские суды, материальную и уголовную ответственность за брак, увольнение за прогулы или невыполнение норм выработки, судебное преследование прогульщиков и летунов. Благодаря введению в научный оборот новых эмпирических данных позднесоветской историографии удалось в общих чертах показать эволюцию форм трудовой дисциплины в отечественной индустрии в 1930-е гг. (от общественных и административных к судебным). Однако господствовавшие идеологические догмы не позволяли подойти к объективной оценке данного процесса в категориях «поворота к принуждению», пониманию его фундаментальных причин, сущности, масштабов и последствий. Вместо аналитического осмысления реального исторического феномена декларировался прежний тезис о решающем значении убеждения в построении социалистического общества.

При изучении сферы повышения производительности труда проводилось четкое оценочное различие между методами его стимулирования в условиях капитализма и социализма. В публикациях по истории советской экономики подчеркивалось, что в дореволюционной России трудовые стимулы характеризовались сочетанием низкой заработной платы и прикрепления рабочих к фабричным лавкам с дорогостоящими товарами. В СССР эти стимулы были представлены новыми способами поощрения производственной инициативы – соцсоревнованием, систематическим ростом реальных доходов трудящихся и общественных фондов потребления. В научно-исторических исследованиях отмечался переворот в сознании людей, вызвавший в 1930-е гг. переход от преобладания материальных к примату моральных форм мотивирования высокопродуктивной занятости. Среди инструментов идейного побуждения производственников выделялись движения ударников и стахановцев, которым вручались награды (ордена, медали, почетные грамоты, переходящие красные знамена) как символы публичного признания. Общественные факторы стимулирования трудовой активности оценивались в качестве основных средств добровольной мобилизации и социалистического воспитания масс. Влияние этих мобилизационных механизмов на сознание работников усиливалось за счет неуклонного повышения зарплаты, организации нормированного снабжения, жилищного строительства, культурно-бытового обслуживания, социального страхования. Вместе с тем благодаря научной критике открытых данных официальной статистики 1930-х гг. (при всей их скудности!) исследователям удалось установить, что личные факторы мотивации труда в период довоенных пятилеток не всегда успешно дополняли новые коллективистские стимулы. Но канонические рамки позднесоветской историографии ограничивали возможности аналитического понимания причин, условий и последствий

снижения благосостояния рабочего класса в 1928–1941 гг.³⁸ Масштабные кризисные тенденции упоминались лишь в хронологически узком контексте «трудных лет» первой пятилетки (1931–1932 гг.). В свою очередь, феномен стимулирования производительного труда в годы второй и третьей пятилеток по-прежнему оценивался в привычных категориях организационной реализации дуалистического (общественно-личного) подхода к созданию его мотивационного фундамента.

При изучении вопроса об эффективности/неэффективности стимулов и санкций продолжался анализ позитивных и негативных факторов, обуславливавших функциональность способов формирования трудовой мотивации на советских предприятиях. Экономисты относили к числу причин ухудшения функционирования стимулирующих практик в социалистической индустрии исходно низкие заработки дореволюционных рабочих, уравниловку в оплате труда, приводившую к текучести фабрично-заводских кадров, высокую долю повременной оплаты и бригадной «сдельщины», слабое применение прогрессивной «сдельщины», перерасход фондов заработной платы. Историки выделяли более широкий спектр условий, влиявших на понижение результативности стимулирования индустриальной занятости. Действенность моральных поощрений ограничивалась недостатками в организации производства, торможением новаторских починов со стороны консервативных хозяйственников и специалистов, завышением удельного веса участников соцсоревнования, лжеударничеством, недисциплинированностью и погоней работников из деревни за приработком, их боязнью потерять часть зарплаты из-за повышения норм выработки. Эффект от материальных вознаграждений отчасти нивелировался дефицитом потребительских товаров и жилья, рыночной инфляцией, снижением реальной заработной платы, уравнильным распределением трудовых доходов в производственных коммунах и артелях, недостаточным внедрением хозрасчета, введением карточной системы, недовольством несознательных тружеников временными материально-бытовыми тяготами, влиянием мелкобуржуазного анархизма крестьян-отходников на настроения внутри заводских коллективов. Эти отрицательные явления провоцировали массовые нарушения правил внутреннего распорядка и огромную текучесть кадров на заводах и фабриках в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В середине – второй половине 1930-х гг. функциональность механизмов мотивирования производственников улучшилась в связи с внедрением прямой и прогрессивной «сдельщины», ростом дифференциации тарифных сеток, размера реальной зарплаты в условиях снижения цен, реорганизацией коммун в хозрасчетные бригады, созданием отделов рабочего снабжения и подсобных хозяйств, приоритетным жизнеобеспечением передовиков, увеличением поступлений из общественных фондов потребления, отчислением части прибыли предприятий на культурно-бытовые нужды работников, повышением качества жилищного строительства, самозакреплением персонала по месту работы. В целом позднесоветская историография объясняла снижение эффективности трудовых стимулов и санкций закономерными трудностями начального периода социалистического строительства, повышение – их успешным преодолением в завершающей фазе становления основ нового общества. Среди ведущих историков и экономистов СССР окончательно утвердилось мнение о коренном разрешении объективных проблем стимулирования рабочего класса в последние годы второй пятилетки (1935–1937 гг.), прошедших под знаком рождения и взлета стахановского движения. Таким образом, этап воспроизводства и развития советских историографических представлений о методах создания мотивации труда у индустриальных работников в период

³⁸ В данном контексте показательна статья О.И. Шкаратана о материальном благосостоянии ленинградских рабочих в 1930-е гг., опубликованная в журнале «История СССР» в 1964 г. В ней автор высказывал недоумение по поводу неуклонного роста в бюджетах рабочих семей доли расходов на питание на фоне повышения уровня жизни горожан в годы второй пятилетки. Овсей Ирмович объяснил «непостижимую» тенденцию приоритетной заботой Коммунистической партии об улучшении продовольственного снабжения рабочего класса после отмены карточек в 1935 г. В действительности же удельное повышение расходов на питание являлось главным признаком ухудшения материального положения населения, который был известен отечественным экономистам и историкам середины 1960-х гг. Однако публичная демонстрация этого научного знания была чревата повторением печального прецедента, произошедшего с А.М. Панкратовой и Э.Н. Бурджаловым в марте 1957 г.

довоенных пятилеток нес отпечаток сначала крайне непоследовательной хрущевской десталинизации, а затем инертной брежневской стабилизации. Эти политические трансформации оказывали влияние на изменение универсальной интерпретации все более удаляющегося во времени «поэтического» прошлого социалистической индустриализации.

Заключительные положения. При подведении итогов проведенного исследования необходимо вернуться к изначальной гипотезе о синхроническом и диахроническом уровнях советского историографического «кейса», касающегося ключевых аспектов мотивации индустриального труда в СССР 1928–1941 гг. Его статичным и динамичным компонентом предположительно являлись взгляды столичных ученых-гуманитариев соответственно на сущность и факторы эффективности/неэффективности трудовых стимулов и санкций в годы первых трех пятилеток. Насколько эти гипотетические предположения оказались близкими к истине?

Отвечая на поставленный вопрос, следует отметить, что в 1930-е – середине 1980-х гг. вопросы дисциплинирования и стимулирования персонала довоенной индустрии традиционно рассматривались как отдельные сюжеты более крупных тематических направлений социально-экономической истории СССР. Вместе с тем явная фрагментарность изучения этих вопросов в доперестроечные десятилетия не препятствовала выявлению статичности и динамики данного интеллектуального процесса в рассматриваемый период. Синхронический анализ советского историографического языка, представлявшего смесь элементов официальной идеологии и гуманитарной науки, показал абсолютное сохранение статичной преемственности в сфере представлений экономистов, юристов и историков о типологической природе способов создания трудовой мотивации на отечественных предприятиях в конце 1920-х – начале 1940-х гг. Можно без преувеличения сказать, что в основе упомянутых представлений фактически лежало классическое научное знание о трех универсальных мотивационных компонентах – моральном побуждении, материальном вознаграждении и принуждении. Однако их объективное познание изначально пропускалось через идеологические и пропагандистские «фильтры», подменявшие собой теоретико-методологическое моделирование изучаемых феноменов. Возникавшее на выходе историческое воображение рисовало картину той самой «новой поэтической действительности», в которой рабочий класс впервые освобождался от вековых оков капитала за счет прогрессивного сочетания общественных (моральных) и личных (материальных) стимулов труда. Растущее на этом перспективном фундаменте социалистическое отношение к производственной деятельности предельно сужало сферу применения административно-дисциплинарных методов перевоспитания нарушителей трудового распорядка, становившихся исторически исчезающим явлением. Инерционное воспроизводство «схоластического догмата» о необратимом возрастании роли позитивных форм стимулирования индустриальных работников в ходе строительства социализма (при скором исчезновении негативных) в конечном итоге блокировало даже самые малейшие и робкие сомнения в его реалистичности, появившиеся в эпоху хрущевской десталинизации.

В то же время диахронический анализ советского историографического языка позволил обнаружить заметные изменения в области представлений экономистов и историков о факторах эффективности/неэффективности мероприятий по мотивированию рабочего класса на решение задач форсированной индустриализации. До середины 1950-х гг. взгляды научного сообщества на эти актуальнейшие проблемы социалистических преобразований определялись жесткими идеологическими тисками культа личности И.В. Сталина, намеренно преувеличивавшего социально-гуманитарные успехи государственной мобилизационной политики. XX съезд КПСС создал необходимые внешние условия для преодоления сталинского интеллектуального «анабиоза», имевшего самые негативные практические последствия. Начиная со второй половины 1950-х гг. симфоническое воспевание счастливой жизни творцов «новой поэтической действительности» под эффективным руководством вождя и партии сменилось первыми попытками более правдоподобного описания широкого диапазона экономических, социальных и социокультурных затруднений в процессе стимулирования индустриального труда периода довоенных пятилеток. На фоне возрождения

квалифицированного экспертного мнения практически полностью прекратился ангажированный поиск субъективно-политических предпосылок данных трудностей, вызванных действиями внутрипартийных «оппортунистов». Благодаря этому отечественная историография второй половины 1950-х – середины 1980-х гг. сделала значительный шаг к объективному пониманию совокупности кризисных факторов, ослаблявших побудительные установки строителей светлого будущего к активной занятости. Тем не менее актуальный научный поиск остался незавершенным, поскольку позднесоветские исследователи не могли полностью выйти за границы исторического воображения, освященные довлеющим над ними идейным авторитетом партийно-государственной элиты. В результате непререкаемое господство оптимистического историцизма в сфере гуманитарного знания вынуждало представителей научного сообщества воспроизводить устоявшуюся точку зрения об успешном преодолении Коммунистической партией основных препятствий на пути к воспитанию у масс социалистического отношения к индустриальному труду. Данная ситуация исключала возможности изучения такого феномена, как кризисы трудовой мотивации начала и конца 1930-х гг., обусловленные пертурбационными условиями построения реального социализма.

Таким образом, проведенное исследование сферы советских историографических представлений о трудовых стимулах и санкциях на отечественных предприятиях в 1928–1941 гг. в целом подтверждает ранее выдвинутые предположения о соотношении синхронического и диахронического уровней ее функционирования. С одной стороны, на протяжении более чем полувека в официальной историографии сформировались и затвердели незыблемые установки о дуалистической сущности дисциплинирования (убеждение и принуждение) и стимулирования (общественные и личные стимулы) рабочего класса в эпоху социалистической индустриализации. С другой стороны, за три послесталинских десятилетия в исторической и экономической науке произошел эволюционный переход от политизированных мифов о борьбе вождя и партии с противниками нового общественного строя к более научно обоснованным объяснениям причин снижения эффективности стимулирования рабочего класса в годы довоенных пятилеток. Пределы этой эволюции обуславливались консервативно-охранительными идеологемами, которые закрепляли устоявшиеся границы универсальной интерпретации исторического прошлого вплоть до конца 1980-х гг.

Литература

- Александров Н.Г. Трудовое правоотношение. М.: Юрид. изд-во, 1948. 336 с.
- Бакакин А.С. О трудовой дисциплине в социалистическом обществе. М.: Кн. изд-во, 1955. 32 с.
- Бородина Н.Н. Социалистическая дисциплина труда. М., 1969. 45 с.
- Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под ред. А.М. Горького. 3-е изд. Свердловск: Кн. изд-во, 1960. 455 с.
- Ворожейкин И.Е. Летопись трудового героизма. Краткая история социалистического соревнования в СССР 1917–1977. М.: Политиздат, 1979. 326 с.
- Воскресенский Ю.В. Ведущая роль рабочего класса в реконструкции промышленности СССР. М.: Мысль, 1973. 276 с.
- Гавриленко Д.А. Дисциплина труда и средства ее обеспечения. Минск: Наука и техника, 1985. 120 с.
- Генкин Л.Б. Становление новой дисциплины труда. М.: Профиздат, 1967. 198 с.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание, 1977. 158 с.
- Горнов О.Ф. Воспитание социалистической дисциплины труда: Из опыта парт. работы на Моск.-Курской дороге. М.: Трансжелдориздат, 1952. 40 с.
- Гуляев Г.И. Правовое регулирование социалистической дисциплины труда рабочих и служащих. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1962. 81 с.
- Дадыкин Р.П. Из истории движения ударных бригад в советской промышленности (1928–1929 гг.) // Вопросы истории. 1951. № 9. С. 18–42.

Дробижев В.З. Советский рабочий класс в период социалистической реконструкции народного хозяйства. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1961. 63 с.

Евстафьев Г.Н. Социалистическое соревнование – закономерность и движущая сила экономического развития советского общества. М.: Госполитиздат, 1952. 344 с.

Ерманский О.А. Стахановское движение и стахановские методы. М.: Соцэкгиз, 1940. 372 с.

Завод и его люди. Из истории Станкостроительного завода (к 75-летию его основания. 1872–1947 гг.) / под ред. К.В. Чуйко. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 68 с.

История советского рабочего класса / гл. редкол. С.С. Хромов (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1984. Т. 2 (1921–1937 гг.). 511 с.; Т. 3 (1938–1945 гг.). 591 с.

История социалистической экономики / отв. ред. И.А. Гладков. М.: Наука, 1977–1978. Т. 3: 1926–1932 гг. 532 с.; Т. 4: 1933–1937 гг. 519 с.; Т. 5: 1938–1945 гг. 562 с.

Казазаева М.А. Проблема синхронного и диахронического подходов в языкознании // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2014. № 1 (26). С. 198–204.

Касьяненко В.И. Борьба трудящихся СССР за техническую независимость промышленности (1926–1932 гг.). М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. 67 с.

Киселев Я.Л. О социалистической дисциплине труда. М., 1955.

Косолапов С.М. Соотношение убеждения и принуждения в формировании нового человека. М., 1964. 18 с.

Кузьмин В.И. Исторический опыт советской индустриализации. М.: Мысль, 1969. 180 с.

Кузьминов И.И. Стахановское движение – высший этап социалистического соревнования. М.: Соцэкгиз, 1940. 220 с.

Лебедева Н.Б., Шкаратан О.И. Очерки истории социалистического соревнования. Л.: Лениздат, 1966. 276 с.

Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.

Леонтьев Л. А. Социалистическая дисциплина труда. М.: Гос. изд. полит. лит., 1939. 31 с.

Локишин Э.Ю. Промышленность СССР. М.: Госпланиздат, 1947. 96 с.

Локишин Э.Ю. Очерк истории промышленности СССР (1917–1940 гг.). М.: Гос. изд. полит. лит., 1956. 319 с.

Люди Сталинградского тракторного / отв. ред. Л. Мехлис. М.: История заводов, 1933. 491 с.

М.А. Горький и создание истории фабрик и заводов: сб. док-тов и мат-лов в помощь работающим над историей фабрик и заводов / ред. И. Бачило. М.: Соцэкгиз, 1959. 365 с.

Маркус Б.Л. Труд в социалистическом обществе. М.: Госполитиздат, 1939. 307 с.

Норицин В.П. Борьба Коммунистической партии за повышение благосостояния рабочего класса в годы второй пятилетки: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1955. 16 с.

Паршестник А.Е. Дисциплина труда в СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1950. 80 с.

Платонов Г.И., Юдин К.Ю. Завод высокой техники (К 25-летию 1-го Гос. подшипникового завода). М.: Профиздат, 1957. 80 с.

Рабочий класс в управлении государства (1926–1937 гг.) / редкол. К.В. Гусев, В.З. Дробижев. М.: Мысль, 1968. 239 с.

Развитие советской экономики / под ред. А.А. Арутиняна, Б.Л. Маркуса. М.: Соцэкгиз, 1940. 664 с.

Рогачевская Л.С. Социалистическое соревнование в СССР. Исторические очерки. 1917–1970 гг. М.: Наука, 1977. 352 с.

Саутин Н. Подъем материального и культурного уровня трудящихся СССР // Плановое хозяйство. 1939. № 5. С. 9–17.

Селицкий В. Начало стахановского движения в Ленинграде (сентябрь – ноябрь 1935 г.) // Вопросы истории. 1951. № 11. С. 28–56.

Славные традиции. К 100-летию завода «Красный пролетарий» им. А.И. Ефремова. 1857–1957 гг. / ред.-сост. Н. Мармерштейн М.: Моск. рабочий, 1957. 424 с.

Советская социалистическая экономика. 1917–1957 гг. / редкол. Л.М. Гатовский и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1957. 663 с.

Фигурнов С.П. Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М.: Соцэкгиз, 1960. 199 с.

Финаров А.П. Социалистическое соревнование на предприятиях в начале первой пятилетки // Вопросы истории. 1953. № 6. С. 35–51.

Формирование и развитие советского рабочего класса (1917–1961) / отв. ред. Р.П. Дадыкин. М.: Наука, 1964. 402 с.

Хавин А.Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР. М.: Госполитиздат, 1962. 440 с.

Харьковский тракторный завод имени Орджоникидзе. 1931–1951 гг. / под ред. Ю. Шовкопляса. Харьков: Харьк. кн.-газ. изд-во, 1951. 176 с.

Хромов С.С. Социалистическая индустриализация – великий подвиг советского народа (К 50-летию XIV съезда партии). М.: Знание, 1975. 64 с.

Чигринов Г.А. Социалистическое соревнование и стахановское движение в промышленности Москвы и Московской области в 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1952. № 6. С. 3–29.

Швейцер Д.В. Разрешение трудовых споров в СССР: Стенограмма публичной лекции, прочит. в Центр. лектории о-ва в Москве. М., 1949.

Шкаратан О.И. Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму (по материалам Ленинграда) // История СССР. 1964. № 3. С. 17–44.

Шебалин И.А. Советская историография отечественной истории (1917 – начало 1990-х гг.). Орск: ОГТИ, 2010. 203 с.

References

Aleksandrov, N.G. (1948). *Trudovoe pravootnoshenie* [Labor Law Relationship]. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo. 336 с.

Arutinyan, A.A., Markus, B.L. (1940). *Razvitie sovetskoy ehkonomiki* [Development of the Soviet Economy]. Moscow, Sotsekgiz. 664 p.

Bachilo, I. (Ed.). (1959). *M.A. Gor'kiy i sozдание istorii fabrik i zavodov: sbornik dokumentov i materialov v pomoshch' rabotayushchim nad istoriey fabrik i zavodov* [M.A. Gorky and the Creation of the History of Factories and Plants: Collection of Documents and Materials to Help Those Working on the History of Factories and Plants]. Moscow, Sotsekgiz. 365 p.

Bakakin, A.S. (1955). *O trudovoy distsipline v sotsialisticheskom obshchestve* [On Labor Discipline in a Socialist Society]. Moscow, Knizhnoe izdatel'stvo. 32 p.

Belokopytov, M.D. (1953). Pod'em material'nogo i kul'turnogo urovnya zhizni trudyashchikhsya SSSR v gody poslevoennoy pyatiletki [The Rise of the Material and Cultural Standard of Living for the Working People of the USSR during the Post-War Five-Year Plan]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 6–28.

Borodina, N.N. (1969). *Sotsialisticheskaya distsiplina truda* [Socialist Labor Discipline]. Moscow. 45 p.

Chigrinov, G.A. (1952). Sotsialisticheskoe sorevnovanie i stakhanovskoe dvizhenie v promyshlennosti Moskvyy i Moskovskoy oblasti v 1939–1941 gg. [Socialist Competition and the Stakhanov Movement in the Industry of Moscow and the Moscow Region in 1939–1941]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 3–29.

Chuyko, K.V. (1947). *Zavod i ego lyudi. Iz istorii Stankostroitel'nogo zavoda (k 75-letiyu ego osnovaniya. 1872–1947 gg.)* [The Factory and Its People. From the History of the Machine-Building Factory (On the 75th Anniversary of its Foundation. 1872–1947)]. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo. 68 p.

Dadykin, R.P. (1951). *Iz istorii dvizheniya udarnykh brigad v sovetskoy promyshlennosti (1928–1929 gg.)* [From the History of the Shock Brigades Movement in Soviet Industry (1928–1929)]. In *Voprosy istorii*. No. 9, pp. 18–42.

Dadykin, R.P. (1964). *Formirovanie i razvitie sovetskogo rabocheho klassa (1917–1961)* [Formation and Development of the Soviet Working Class (1917–1961)]. Moscow, Nauka. 402 p.

Drobizhev, V.Z. (1961). *Sovetskiy rabochiy klass v period sotsialisticheskoy rekonstruktsii narodnogo khozyaystva* [The Soviet Working Class during the Period of Socialist Reconstruction of the National Economy]. Moscow, Izdatel'stvo VPSH i AON. 63 p.

Ermanskiy, O.A. (1940). *Stakhanovskoe dvizhenie i stakhanovskie metody* [The Stakhanov Movement and Stakhanov Methods]. Moscow, Sotsekgiz. 372 p.

Evstaf'ev, G.N. (1952). *Sotsialisticheskoe sorevnovanie – zakonornost' i dvizhushchaya sila ehkonomicheskogo razvitiya sovetskogo obshchestva* [Socialist Competition is a Regularity and a Driving Force of the Economic Development of Soviet Society]. Moscow, Gospolitizdat. 344 p.

Figurnov, S.P. (1960). *Real'naya zarabotnaya plata i pod'em material'nogo blagosostoyaniya trudyashchikhsya v SSSR* [Real Wages and the Improvement of Workers' Material Well-Being in the USSR]. Moscow, Sotsekgiz. 199 p.

Finarov, A.P. (1953). *Sotsialisticheskoe sorevnovanie na predpriyatiyakh v nachale pervoy pyatiletki* [Socialist Competition at Enterprises at the beginning of the First Five-Year Plan]. In *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 35–51.

Gatovskiy, L.M. (1957). *Sovetskaya sotsialisticheskaya ekonomika. 1917–1957 gg.* [The Soviet Socialist Economy. 1917–1957]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 663 p.

Gavrilenko, D.A. (1985). *Distsiplina truda i sredstva ee obespecheniya* [Labor Discipline and the Means to Ensure It]. Minsk, Nauka i tekhnika. 120 p.

Genkin, L.B. (1967). *Stanovlenie novoy distsipliny truda* [The Formation of a New Labor Discipline]. Moscow, Profizdat. 198 p.

Gladkov, I.A. (1977–1978). *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki* [The History of the Socialist Economy]. Moscow, Nauka. Vol. 3: 1926–1932 gg. 532 p.; Vol. 4: 1933–1937 gg. 519 p.; Vol. 5: 1938–1945 gg. 562 p.

Gor'kiy, A.M. (Ed.). (1960). *Byli gory Vysokoy. Rasskazy rabochih Vysokogorskogo zheleznogo rudnika o staroy i novoy zhizni* [The Mountains Were High. The Stories of the Workers of the Vysokogorsky Iron Mine about the Old and New Life]. Sverdlovsk, Knizhnoe izdatel'stvo. 455 p.

Gordon, L.A., Klopov, E.V., Onikov, L.A. (1977). *Cherty sotsialisticheskogo obraza zhizni: byt gorodskikh rabochikh vchera, segodnya, zavtra* [Features of the Socialist Way of Life: The Life of Urban Workers Yesterday, Today, and Tomorrow]. Moscow, Znanie. 158 p.

Gornov, O.F. (1952). *Vospitanie sotsialisticheskoy distsipliny truda: Iz opyta partiynoy raboty na Moskovsko-Kurskoy doroge* [Fostering Socialist Labor Discipline: From the Experience of Part-Time Work in Moscow – Kursk Road]. Moscow, Transzheldorizdat. 40 p.

Gulyaev, G.I. (1962). *Pravovoe regulirovanie sotsialisticheskoy distsipliny truda rabochikh i sluzhashchikh* [Legal Regulation of the Socialist Labor Discipline of Workers and Employees]. Kishenev, Kartya moldovenyashkeh. 81 p.

Gusev, K.V., Drobizhev, V.Z. (1968). *Rabochiy klass v upravlenii gosudarstva (1926–1937 gg.)* [The Working Class in State Administration (1926–1937)]. Moscow, Mysl'. 239 p.

Kas'yanenko, V.I. (1960). *Stakhanovskoe dvizhenie – vysshiy etap sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [The Struggle of Soviet Workers for Technical Independence of Industry (1926–1932)]. Moscow, Izdatel'stvo VPSH i AON. 67 p.

Kazazaeva, M.A. (2014). *Problema sinkhronnogo i diakhronicheskogo podkhodov v yazykoznanii* [The Problem of Synchronous and Diachronic Approaches in Linguistics]. In *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 1 (26), pp. 198–204.

Khavin, A.F. (1962). *Kratkiy ocherk istorii industrializatsii SSSR* [A Brief Outline of the History of Industrialization in the USSR]. Moscow, Gospolitizdat. 440 p.

Khromov, S.S. (1975). *Sotsialisticheskaya industrializatsiya – velikiy podvig sovetskogo naroda (K 50-letiyu XIV s'ezda partii)* [Socialist Industrialization: A Great Feat of the Soviet People (On the 50th Anniversary of the 14th Party Congress)]. Moscow, Znanie. 64 p.

Khromov, S.S. (1984). *Istoriya sovetskogo rabocheho klassa* [The History of the Soviet Working Class]. Moscow, Nauka. Vol. 2 (1921–1937). 511 p.; Vol. 3 (1938–1945). 591 p.

Kosolapov, S.M. (1964). *Sootnoshenie ubezhdeniya i prinuzhdeniya v formirovani novogo cheloveka* [The Relationship between Persuasion and Coercion in the Formation of a New Person]. Moscow. 18 p.

Kuz'min, V.I. (1969). *Istoricheskiy opyt sovetskoy industrializatsii* [The Historical Experience of Soviet Industrialization]. Moscow, Mysl'. 180 p.

Kuz'minov, I.I. (1940). *Stakhanovskoe dvizhenie – vysshiy etap sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [The Stakhanov Movement is the Highest Stage of Socialist Competition]. Moscow, Sotsekgiz. 220 p.

Lebedeva, N.B., Shkaratan, O.I. (1966). *Ocherki istorii sotsialisticheskogo sorevnovaniya* [Essays on the History of Socialist Competition]. Leningrad, Lenizdat. 276 p.

Lel'chuk, V.S. (1984). *Industrializatsiya SSSR: istoriya, opyt, problemy* [Industrialization in the USSR: History, Experience, and Challenges]. Moscow, Politizdat. 304 p.

Leont'ev, L.A. (1939). *Sotsialisticheskaya distsiplina truda* [Socialist Labor Discipline]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 31 p.

Lokshin, E.Yu. (1947). *Promyshlennost' SSSR* [Industry of the USSR]. Moscow, Gosplanizdat. 96 p.

Lokshin, E.Yu. (1956). *Ocherk istorii promyshlennosti SSSR (1917–1940 gg.)* [Essay on the History of the USSR Industry (1917–1940)]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 319 p.

Markus, B.L. (1939). *Trud v sotsialisticheskoy obshchestve* [Labor in a Socialist Society]. Moscow, Gospolitizdat. 307 p.

Marmershtein, N. (1957). *Slavnye traditsii. K 100-letiyu zavoda "Krasnyy proletariy" im. A.I. Efremova. 1857–1957 gg.* [Glorious Traditions. On the 100th Anniversary of the Krasny Proletariy Plant Named after A.I. Efremov. 1857–1957]. Moscow, Moskovskiy rabochiy. 424 p.

Mekhlis, L. (1933). *Lyudi Stalingradskogo traktornogo* [People of the Stalingrad Tractor Plant]. Moscow, Istoriya zavodov. 491 p.

Noritsin, V.P. (1955). *Bor'ba Kommunisticheskoy partii za povyshenie blagosostoyaniya rabocheho klassa v gody vtoroy pyatiletki* [The Communist Party's Struggle to Improve the Welfare of the Working Class during the Second Five-Year Plan], Cand. hist. sci. diss. abstract. Leningrad. 16 p.

Parsheshtnik, A.E. (1950). *Distsiplina truda v SSSR* [Labor Discipline in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoy literatury. 80 p.

Platonov, G.I., Yudin, K.Yu. (1957). *Zavod vysokoy tekhniki (K 25-letiyu 1-go Gos. podshipnikovogo zavoda)* [High-Tech Factory (On the 25th Anniversary of the 1st State Bearing Factory)]. Moscow, Profizdat. 80 p.

Rogachevskaya, L.S. (1977). *Sotsialisticheskoe sorevnovanie v SSSR. Istoricheskie ocherki. 1917–1970 gg.* [Socialist Competition in the USSR. Historical Essays. 1917–1970]. Moscow, Nauka. 352 p.

Sautin, N. (1939). *Pod'em material'nogo i kul'turnogo urovnya trudyashchikhsya SSSR* [The Rise of the Material and Cultural Level of Workers of the USSR]. In *Planovoe khozyaystvo*. No. 5, pp. 9–17.

Selitskiy, V. (1951). *Nachalo stakhanovskogo dvizheniya v Leningrade (sentyabr' – noyabr' 1935 g.)* [The Beginning of the Stakhanov Movement in Leningrad (September – November 1935)]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 28–56.

Shebalin, I.A. (2010). *Sovetskaya istoriografiya otechestvennoy istorii (1917 – nachalo 1990-kh gg.)* [Soviet Historiography of Russian History (1917 – Early 1990s)]. Orsk, OGTI. 203 p.

Shkaratan, O.I. (1964). Material'noe blagosostoyanie rabochego klassa SSSR v perekhodnyy period ot kapitalizma k sotsializmu (po materialam Leningrada) [The Material Welfare of the Soviet Working Class in the Transition from Capitalism to Socialism (Based on Materials from Leningrad)]. In *Istoriya SSSR*. No. 3, pp. 17–44.

Shovkoplyas, Yu. (1951). *Khar'kovskiy traktornyy zavod imeni Ordzhonikidze. 1931–1951 gg.* [Kharkiv Tractor Factory Named after Ordzhonikidze. 1931–1951]. Khar'kov, Khar'kovskoe knizhno-gazetnoe izdatel'stvo. 176 p.

Vorozheykin, I.E. (1979). *Letopis' trudovogo geroizma. Kratkaya istoriya sotsialisticheskogo sorevnovaniya v SSSR 1917–1977* [Chronicle of Labor Heroism. A Brief History of Socialist Competition in the USSR, 1917–1977]. Moscow, Politizdat. 326 p.

Voskresenskiy, Yu.V. (1973). *Vedushchaya rol' rabochego klassa v rekonstruktsii promyshlennosti SSSR* [The Leading Role of the Working Class in the Reconstruction of the USSR's Industry]. Moscow, Mysl'. 276 p.

В.В. Тихонов*

«...СТРЕМЯСЬ К РАСШИРЕНИЮ КУЛЬТУРНОГО
И НАУЧНОГО ОБМЕНА МЕЖДУ ЯПОНИЕЙ И СССР»:
ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ ВЫСТАВКИ
«НАУКА В СССР» В ЯПОНИИ (1964–1966 ГОДЫ)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-24
УДК 93/94

Выходные данные для цитирования:

Тихонов В.В. «...Стремясь к расширению культурного и научного обмена между Японией и СССР»: подготовка и проведение выставки «Наука в СССР» в Японии (1964–1966 годы) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 335–345.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-24.pdf>

V.V. Tikhonov*

“...STRIVING TO EXPAND CULTURAL AND SCIENTIFIC
EXCHANGE BETWEEN JAPAN AND THE USSR”:
PREPARATION AND HOLDING OF THE EXHIBITION
“SCIENCE IN THE USSR” IN JAPAN (1964–1966)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-24

How to cite:

Tikhonov V.V. “...Striving to Expand Cultural And Scientific Exchange Between Japan and the USSR”: Preparation And Holding of the Exhibition “Science in the USSR” in Japan (1964–1966) // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 335–345.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-24.pdf>]

Abstract. The article reveals the history of the preparation and holding of the exhibition “Science in the USSR”, held in Japan in 1965–1966. The event is considered as a vivid example of Soviet scientific diplomacy. It is noted that scientific exhibitions are an almost unexplored form of promoting the image of Soviet science as an instrument of soft power. The article was prepared based on the documents of the foundation of the Scientific Council for Exhibitions of works of the USSR Academy of Sciences and the Academies of Sciences of the Union Republics of the Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN), revealing all stages of the development of contacts with the Japanese side and the creation of the exposition. The content of the exhibition was ideologically neutral. This is explained both by the general pragmatic vector of Soviet foreign policy in the mid-1960s and by the general concept of the exhibition, which assumes that the best advertisement for the USSR and its achievements will be high technology and scientific achievements, which are clearly represented in the exhibition. Formally, the exhibition was outside politics, but de facto it appeared in the context of the Soviet-American symbolic rivalry. One of the lines of the reconstructed plot is the unspoken competition with American space exhibitions in Japan. The exhibition was a great success and was shown in several cities, including Tokyo, Sapporo, Kyoto, etc. When studying the internal cuisine of the preparation and holding of the exhibition “Science in the USSR”, it can be noted that the Soviet side was faced with a shortage of exhibits. In addition, the secrecy regime intervened, which did not allow the latest innovations to be demonstrated even in a simplified mock-up form. This made it difficult to quickly update the exposition and reduced the possibility of competition with the Americans. Because of this, the show at the International Scientific and Industrial Exhibition in Fukuoka was almost disrupted.

* **Виталий Витальевич Тихонов**, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; Архив Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: tihonovvitaliy@list.ru
Vitaliy Vitalievich Tikhonov, Doctor of Historical Sciences, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, e-mail: tihonovvitaliy@list.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Советская научная дипломатия: формы, направления, инструменты (1950–1980-е гг.)» (№ 25-78-10110).

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the project “Soviet Scientific Diplomacy: Forms, Directions, Tools (1950–1980s)” (No. 25-78-10110).

Keywords: scientific diplomacy, Soviet-Japanese scientific and cultural relations, exhibition “Science in the USSR”, Academy of Sciences of the USSR, Soviet space program.

The article has been received by the editor on 15.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье раскрывается история подготовки и проведения выставки «Наука в СССР», проходившей в Японии в 1965–1966 гг. Событие рассматривается как яркий пример советской научной дипломатии. Отмечается, что научные выставки являются почти неизученной формой продвижения образа советской науки как инструмента мягкой силы. Статья подготовлена по документам фонда Научного совета по выставкам работ Академии наук СССР и академий наук союзных республик Архива Российской академии наук (РАН), раскрывающим все этапы развития контактов с японской стороной и создания экспозиции. Содержание выставки было идеологически нейтральным. Это объясняется и общим прагматическим вектором советской внешней политики в середине 1960-х годов, и общей концепцией выставки, предполагающей, что лучшей рекламой СССР и его достижений станут высокие технологии и успехи в науке, наглядно представленные в экспозиции. Формально выставка была вне политики, но де-факто оказывалась в контексте советско-американского символического соперничества. Одной из линий реконструируемого сюжета является негласная конкуренция с американскими космическими выставками в Японии. Выставка прошла с большим успехом и была показана в нескольких городах, среди которых Токио, Саппоро, Киото и др. При изучении внутренней кухни подготовки и проведения выставки «Наука в СССР» можно заметить, что советская сторона столкнулась с дефицитом экспонатов. Кроме того, вмешивался режим секретности, не позволявший демонстрировать последние новинки даже в упрощенной макетной форме. Это мешало оперативно обновлять экспозицию и снижало возможность конкуренции с американцами. Из-за этого чуть не сорвался показ на международной научно-промышленной выставке в г. Фукуока.

Ключевые слова: научная дипломатия, советско-японские научные и культурные связи, выставка «Наука в СССР», АН СССР, советская космическая программа.

Статья поступила в редакцию 15.03.2026 г.

Введение. В письме в Государственный комитет Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами от 24 октября 1964 г. посол СССР в Японии В. Виноградов сообщал, что японская компания «Синдзюку стэйшн биру», являвшаяся владельцем крупнейшего в Японии транспортного и торгово-выставочного хаба «Shinjuku station», обратилась с предложением провести в начале 1965 г. на ее площадках выставку «Освоение космоса Советским Союзом». От такого предложения отказываться было нельзя. Тем более что все расходы компания брала на себя. Для реализации проекта была подключена Академия наук СССР и ее научно-исследовательские институты. В итоге было решено расширить концепцию выставки и продемонстрировать достижения всей советской науки, а не только ее космической программы. За работу взялась значительная команда специалистов.

В этой истории переплелось множество реалий эпохи. Во-первых, пестрая палитра международных отношений, не ограничивающихся противостоянием двух блоков – капиталистического и социалистического. Во-вторых, в условиях «холодной войны» всегда находилось место сотрудничеству, особенно научному, которое, впрочем, при внимательном рассмотрении оказывалось частью глобального соперничества. Это подводит нас к ключевой теме статьи – научной дипломатии как инструменту мягкой силы Советского Союза,

стремившегося при помощи науки продвигать образ передовой державы мира. В-третьих, это история научного сотрудничества СССР и Японии, еще недавно находившихся в состоянии войны и так и не заключивших полноценный мирный договор¹. Источниковой основой исследования стали материалы фонда Научного совета по выставкам АН СССР, хранящиеся в Архиве РАН (Ф. 1509). Именно через АН СССР шла реализация проекта выставки и ее научного обеспечения.

В качестве концептуальной рамки я предлагаю подходы, выработанные в предметном поле так называемой «новой истории “холодной войны”», когда особое внимание уделяется не столько противостоянию и конфликтам, сколько механизмам взаимодействия, формированию и преодолению стереотипов, инструментам «мягкой силы» и взаимообмену². В этом контексте выставка является ярким примером научной дипломатии³, причем на несколько экзотическом поле, поскольку Советский Союз только-только «открывал» Японию как стремительно растущую экономическую и научно-технологическую державу⁴.

Проблеме научного сотрудничества СССР и Японии посвящен ряд обзорных работ⁵. В фокусе внимания авторов находится преимущественно научный обмен. В данной статье предлагается реконструкция подготовки и реализации выставки «Наука в СССР», проведенной в Японии, как примера советской научной дипломатии. В историографии научные выставки преподносятся в первую очередь в качестве формы популяризации знаний⁶. Их потенциал и функционал в качестве инструмента научной дипломатии явно недооцениваются и внимание к ним все еще остается незначительным⁷. Между тем именно научные выставки были призваны донести образ СССР как научной и технологической сверхдержавы, продемонстрировав в конечном счете преимущества социалистического строя. Более того, выставляясь в капиталистических странах или на всемирных выставках, экспозиции становились визуальными и материальными агентами социалистического строя, наглядно демонстрируя его успехи. В эпоху техноутопизма не столько пропагандистские тексты и лозунги, сколько высокотехнологичные материальные объекты становились наглядной пропагандой, символами прогресса и мерилом достижений социально-экономических систем⁸.

В 1950–1960-е годы Япония и Советский Союз налаживали все больше контактов, особенно в экономической и научной сферах. Японская наука все чаще котирировалась наравне с ведущими научными державами Запада⁹, поэтому сотрудничество являлось взаимовы-

¹ A History of Russo-Japanese Relations: Over Two Centuries of Cooperation and Competition. Brill, 2019. P. 355–375, 403–440.

² Gaddis J. The Cold War: A New History. New York, 2005; Across the Blocs. Cold War Cultural and Social History. London, 2004; Егорова Н.И. «Новая история “холодной войны”» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116–117.

³ Обзор подходов к определению научной дипломатии см.: Хаткевич А.А. Научная дипломатия: концептуализация понятия в научной литературе // Русская политология. 2024. № 3 (32). С. 41–50.

⁴ Об эволюции образа Японии в СССР см.: Мещеряков А.Н. Страна для внутренней эмиграции. Образ Японии в позднесоветской картине мира // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 45–55.

⁵ Дробница А.В., Корчевский А.В. Становление и развитие советско-японского научного сотрудничества в 1950-х – 1960-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1 (54). С. 105–111; Киба Д.В. Развитие советско-японских научных связей в советский период // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 189–201.

⁶ Напр.: Володарская Е.А., Фандо Р.А. Достижения советских биологов в экспозиции Дворца науки на Всемирной выставке в Брюсселе. 1958 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 99–117.

⁷ Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3 (42). С. 22–30; Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989. М., 2018. С. 96–120.

⁸ См.: Golubev A. The Things of Life. Materiality in Late Soviet Russia. Cornell university press. 2020 (рус. пер.: Голубев А. Вещная жизнь: материальность позднего социализма. М., 2022); Rajagopalan S. Journeys of Soviet Things: Cold War as Lived Experience in Cuba and India New York, New York, 2023 (рус. пер.: Раджагопалан С. Путешествия советских вещей: холодная война как жизненный опыт на Кубе и в Индии. Бостон; СПб., 2024).

⁹ См., напр.: Записка комиссии под председательством министра высшего и среднего образования СССР В.П. Елютина «О состоянии и мерах усиления исследований в ряде областей биологических наук в СССР». 27 мая 1962 г. // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. 2-е изд., испр. и доп. М., 2015. Т. 3: Постановления 1959–1964. С. 292–301.

годным, хотя и реализовывалось не так интенсивно, как могло бы. В этом контексте обращение частной компании, не аффилированной напрямую с правительством Японии, выглядело очень перспективным предложением, поскольку демонстрировало неподдельный интерес к советской науке со стороны бизнеса и позволяло дистанцироваться от высокой международной политики, переводя проект в область научной дипломатии. В свою очередь научно-технические выставки должны были пропагандировать советскую науку как среди японских ученых, так и среди широких масс, становясь инструментом публичной дипломатии Советского Союза. Формально – никакой политики, только наука и технологии. Однако было очевидно, что открытие выставки – это символическое соперничество с США, причем, учитывая огромное влияние Америки на Японию, соперничество практически на территории соперника.

Подготовка выставки. Как уже отмечалось выше, инициатива в проведении выставки исходила от японской стороны¹⁰. Представителей Страны восходящего солнца в первую очередь интересовали гремевшие на весь мир достижения СССР в космосе. В письме-приглашении писалось: «...Хорошо представляя высокий уровень развития космических исследований в Советском Союзе и стремясь к расширению культурного и научного обмена между Японией и СССР и укреплению дружбы между обеими странами, мы планируем провести следующую выставку об освоении космоса Советским Союзом»¹¹.

Японцев интересовали практически любые артефакты, связанные с советской космической программой: от материалов по истории ракетного дела, макетов ракет и обмундирования космонавтов до советских марок и папирос с космической символикой. Особым пожеланием являлось участие в выставке кого-нибудь из советских космических звезд, например Валентины Терешковой. Компания «Синдзюку стэйшн биру» брала на себя все расходы (за исключением изготовления и транспортировки экспонатов), обеспечивала сохранность, размещение и порядок на выставке.

Посол СССР в Японии В.М. Виноградов (занимал должность посла в Японии в 1962–1967 гг.) оценил потенциал предложения. В письме от 24 октября 1964 г. председателю Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами С.К. Романовскому он расхваливал возможности «Синдзюку стэйшн биру», владевшей крупнейшим в Японии вокзалом, выставочными и торговыми центрами. В.М. Виноградов рассматривал проведение выставки как возможность вступить в символическую борьбу с американцами, которые, как он отметил, за 1963–1964 гг. провели на территории Японии две крупнейшие выставки, посвященные американским космическим исследованиям. «...Советской же выставки на эту тему в Японии ни разу не проводилось»¹², – писал посол, дергая за тонкие, но звонкие струны советско-американского соперничества. В.М. Виноградов понимал, что проведение выставки поможет в продвижении позитивного образа Советского Союза, и рассматривал ее как инструмент пропаганды: «Учитывая большой пропагандистский эффект, который был бы получен нами от показа широкой японской общественности выдающихся достижений советской науки и техники в исследованиях космического пространства, считали бы целесообразным использовать создавшуюся возможность для проведения в первой половине 1965 года в Японии выставки на указанную тему»¹³.

Запрос был согласован с аппаратом ЦК и направлен в АН СССР, которая предложила расширить концепцию выставки и представить на ней самые передовые достижения советской науки, а не только космическую программу. Было решено подготовить экспозицию по четырем блокам: физика элементарных частиц, освоение космоса, теория строения вещества, реакционной способности и кинетики, молекулярная биология. Научный совет по выставкам АН СССР брался подготовить экспонаты к апрелю 1965 г. Тем более что опыт по реализации таких проектов имелся: в 1965 г. подобные выставки планировалось провести в Дании, Югославии и ряде других стран. Выставка позиционировалась как проект исключительно

¹⁰ АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 165. Л. 2.

¹¹ Там же. Л. 3.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Там же.

Академии наук. Такой подход позволял формально дистанцироваться от межправительственных взаимодействий и перевести все в поле научной дипломатии, находившейся вне политики.

Отойдя от концентрации на космической тематике, создатели выставки сначала хотели подготовить два раздела: первый – освещавший достижения современной советской науки в целом, и второй – собственно космический. Затем выставку расширили до трех разделов, добавив экспонаты по химии и биологии. В одном из проектов экспозиции планировалось коснуться и общественных наук, точнее создатели хотели продемонстрировать технологическую сторону плановой экономики, в частности внедрение ЭВМ и экономико-математических моделей для оптимального планирования¹⁴. Сначала от этой затеи, видимо, отказались, но в итоге раздел по общественным наукам все-таки появился. Согласно информации на стендах советские общественные науки разрабатывали такие направления, как «научные основы управления развитием общества; мирное сосуществование и экономическое сотрудничество государств с различным общественным строем; экономические основы совершенствования народно-хозяйственного планирования; повышение экономической эффективности результатов научных открытий и технических достижений»¹⁵. То есть подчеркивались деидеологизированность, объективность и технократизм обществоведческих исследований.

В целом количество разделов постоянно будет меняться в диапазоне 2–3, но всем будет ясно, что космический раздел находится в центре экспозиции, поэтому выставка «Наука в СССР» легко трансформировалась в «Освоение космоса Советским Союзом». С нарративной точки зрения космическая часть выставки строилась по историческому принципу: от проектов К.Э. Циолковского до современных скафандров, макетов спутников и портретов космонавтов. Хитом показа должен был стать макет корабля «Восток», выполненный в масштабе 1:2.

Председатель Научного совета по выставкам академик В.А. Котельников подключил для подготовки экспозиции секции физико-математических и биологических наук Президиума АН СССР¹⁶. Помимо плакатов и наглядных экспонатов, предполагалось снять документальный фильм «В скафандре над планетой». Везти выставку планировалось поездом до Находки, а оттуда кораблем в Японию. Ее директором назначили доктора технических наук А.И. Горбанева.

Итак, главной темой выставки оставался космос, как и просили организаторы с японской стороны. Но, помимо этого, создатели выставки стремились представить успехи СССР в ядерной физике, продемонстрировав всемирное значение советских исследований. Для подготовки этого раздела экспозиции привлекался международный Объединенный институт ядерных исследований¹⁷. Специальные разделы посвящались химии и биологии. Экспозиция сочетала плакаты и панно, многочисленные фотографии и макеты в натуральную величину. Для выставки было использовано 9 документальных фильмов об освоении космоса, в том числе и предназначенный для демонстрации на семиэкранной установке «Утро космической эры» (1964). Остальные экспонаты сопровождались текстами. Лейтмотивом выставки являлось послание о Советском Союзе не только как ведущей научной державе, но и обществе, которое строится на передовом научно-техническом фундаменте. При этом ни слова не было прямо сказано о социализме, коммунизме или классовой борьбе. Перед японским зрителем СССР демонстрировал не идеологическую утопию, а реальные достижения и научно-технологическую мощь¹⁸.

При этом сопроводительные тексты отличались минимализмом и даже стилистическим пуризмом. В них нельзя было заметить попытки сыграть на эмоциях, блеснуть яркими стилистическими эффектами или даже потрясти сенсационными фактами. Информация подавалась

¹⁴ АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 165. Л. 63.

¹⁵ Там же. Д. 193. Л. 5.

¹⁶ Там же. Д. 165. Л. 6–7.

¹⁷ Там же. Л. 54.

¹⁸ Описание выставки и фотографии стендов см.: АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 193; Выставка «Освоение космоса в СССР» (Токио, 1966; на японском языке).

сухо и сдержанно. Трудно сказать, в чем заключалась причина такого подхода. Возможно, советская сторона еще не приобрела необходимого опыта для работы на публику, в том числе и избалованную зрелищами. Возможно, задача поразить публику отводилась документальным фильмам с ярким визуальным рядом. Но скорее всего расчет был на то, что новейшие технологии и гремевшие по всему миру успехи СССР в космосе будут лучшей приманкой, чем какие бы то ни было спецэффекты.

Еще один интересный нюанс. На выставке Советский Союз не позиционировался в качестве локомотива прогресса всего человечества. Акцент делался на значение науки и технологий для внутреннего развития страны. Это можно сказать даже о космической программе. То есть создатели отказались от «экспансионистского» дискурса, часто ассоциирующегося с советской идеологией. Откуда эта неожиданная скромность? Четкого ответа на этот вопрос в документах не обнаруживается. Можно предположить, что он лежит в самой концепции выставки – никакой явной идеологии, достижения в науке и технике должны говорить сами за себя. В целом такой подход хорошо вписывался в намечающийся при Л.И. Брежневе прагматический вектор внешней политики, стержнем которого являлись разрядка и сохранение мирового status quo. Тем более был заметен отказ от напористой риторики эпохи Н.С. Хрущева¹⁹.

Сначала открытие выставки наметили на 27 августа 1965 г. Но на каком-то этапе компания «Синдзюку стэйшн биру» почему-то отсеклась и инициативу в проведении выставки перехватили газета «Майнити симбун» («Ежедневная газета») и «Общество по развитию науки и техники Японии». Такой поворот только способствовал повышению статуса мероприятия, для проведения которого предоставили престижные выставочные площадки японской столицы – Токио. Открытие было немного сдвинуто, хотя советская сторона, видимо, соблюдала все установленные сроки и уже 4 августа экспозиция выехала на корабле из порта Находки. На борту судна находилась делегация из семи человек, в которую входили не только ученые и технический персонал, но и известный журналист, освещавший космическую тематику, – Юрий Иванович Зайцев²⁰.

Корабль прибыл в японский порт Иокогама. На монтаж выставки оставалось не так уж много – две недели, и в этой связи Юрий Зайцев отметил организованность японцев и их готовность неукоснительно следовать указаниям создателей экспозиции: «Поражала необычайная деловитость японцев: они четкие организаторы, расчетливые и экономные. Японцы изысканно вежливы. Все указания советского обслуживающего персонала выставки выполнялись неукоснительно. Когда возникла угроза повреждения макета корабля “Восток” из-за приближающегося тайфуна, он был вечером демонтирован, а уже утром, к открытию выставки, установлен на свое место»²¹.

Успех выставки. Изначально директор выставки А.И. Горбанев подготовил несколько вариантов выступлений на пресс-конференции по случаю ее открытия. Поскольку во время создания экспозиции объем и масштаб выставки менялись, они отличались друг от друга подробностями, но концептуально совпадали. В своей речи он подчеркивал советские достижения в науке и рассказывал о ее перспективах.

По сообщению журналиста Юрия Зайцева, еще до официального открытия «выставка оказалась в центре внимания японской общественности. Задолго до нашего приезда газеты писали о готовящейся выставке. Фотографии почти всех экспонатов были помещены в газетах с подробными описаниями и самыми благожелательными комментариями»²².

Наконец, 14 сентября 1965 г. выставку открыли в здании Политехнического музея Токио. Открытие прошло с помпой. Как отмечал журналист Ю.И. Зайцев: «На торжественной церемонии открытия выставки присутствовали японские официальные представители, представители Советского посольства, печати, радио и телевидения. Выставку открыл

¹⁹ Савин А.И., Деннигхаус В. Леонид Брежнев: Опыт политической биографии. М., 2024. С. 477–478, 511–515.

²⁰ См. его очерк: Зайцев Ю.И. На советской космической выставке в Токио // Земля и вселенная. 1966. № 3. С. 71–76.

²¹ Там же. С. 73.

²² Там же. С. 74.

государственный Министр, глава ведомства науки и техники господин Уэхара. С речами выступили поверенный в делах ОССР в Японии А.А. Розанов, господин Уэхара, директор выставки профессор А.И. Горбанёв. Успех выставки был значителен»²³.

Гвоздем мероприятий стало появление на выставке звездной супружеской пары космонавтов – Валентины Терешковой и Андрияна Николаева²⁴. Официально они приехали в Японию по приглашению Социалистической партии Японии в связи с ее 20-летием. Выставку они посетили 27 октября в сопровождении посла В.М. Виноградова. На пресс-конференции они отвечали на вопросы прессы и зрителей, которые в основном касались их полетов в космос²⁵. Встреча транслировалась по местному телевидению.

Посол СССР в Японии В.М. Виноградов подчеркивал большой успех выставки, которую за два месяца посетило около 100 тыс. чел., т.е. около 1 700 в день. Основным контингентом являлись научно-технические специалисты и японская молодежь. Последняя категория аудитории была особенно активна. В.М. Виноградов отмечал, что молодые люди «проявляют большой интерес к экспонатам и задают много вопросов». И далее: «Из разговоров с молодежью становится очевидным, что она постоянно следит за научными достижениями в области исследований и освоения космоса, развития науки, культуры и искусства Советского Союза»²⁶. Посол подчеркивал большое пропагандистское значение выставки и призывал подогревать к ней интерес при помощи расширения экспозиции предметами, непосредственно побывавшими в космосе. Во время выставки раздавались книги и журналы о Советском Союзе. Всего было роздано более 60 тыс. экземпляров печатной продукции.

Выставка не была односторонней демонстрацией технических новинок только с советской стороны. Обязательным элементом советской научной дипломатии являлось требование взаимовыгодного обмена научно-технической информацией. Советские амбассадоры от науки должны были не только продемонстрировать успехи своей страны, но и получить полезную информацию от контрагентов. Советская делегация посетила заводы компаний Sony, Canon, электротехнической компании, Токийской астрономической обсерватории и Института космических исследований Токийского университета²⁷. Об увиденном и услышанном члены советской делегации должны были подготовить отчет для контролирующих органов, в том числе и с описанием технологических и организационных процессов на японских заводах и научных центрах. Но, разумеется, это уже была непубличная часть поездки.

Уже 4 октября руководитель выставки А.И. Горбанев писал главному ученому секретарю Президиума АН СССР Н.М. Сисакяну, что к нему многократно обращались с предложением о проведении выставки в разных городах Японии. Представители газеты «Майнити симбун» хотели устроить показ в городах Китаюсю, Осака, Нагоя, Ниигата и Саппоро. Турне планировалось начать с 14 ноября, т.е. после закрытия выставки в Токио, и завершить в конце февраля 1966 г. Как указал А.И. Горбанев, президент АН СССР М.В. Келдыш и посольство СССР дали свое согласие на продление выставки²⁸.

Более того, поступило предложение от газеты «Ниси-Нихон симбун» представить экспозицию на Международной научно-промышленной выставке в г. Фукуока (о. Кюсю), которая должна была пройти с 19 марта по 29 мая 1966 г. Устроители обещали построить специальный советский павильон с громким названием «Выдающиеся достижения Советского Союза в освоении космоса и развитии атомной энергии». Японская сторона брала на себя все расходы. Осознав имиджевый потенциал мероприятия, советское посольство настоятельно рекомендовало принять предложение. Однако была одна загвоздка. В г. Фукуока планировалась и американская экспозиция по космосу, что автоматически включало режим соперничества. Поэтому посол просил обновить экспозицию, чтобы показать последние достижения

²³ Зайцев Ю.И. На советской космической выставке в Токио... С. 73.

²⁴ О культе космонавтов см.: Батченко В.С. Советская космическая история: контексты, источники, жанры. М.; СПб., 2024. С. 58–59; Герович В. Мифология советского космоса. М., 2024. С. 248–293.

²⁵ Зайцев Ю.И. На советской космической выставке в Токио... С. 76.

²⁶ АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 165. Л. 68.

²⁷ Зайцев Ю.И. На советской космической выставке в Токио... С. 76.

²⁸ АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 165. Л. 56–57.

советской науки и техники и усилить привлекательность советской экспозиции. В частности, предлагалось расширить раздел по ядерной физике.

Сначала предложение нашло поддержку у куратора выставок В.Н. Кострова (по факту – представителя КГБ и начальника так называемого Первого отдела). Было озвучено пожелание сделать макет «Востока» в натуральную величину. «Предполагается, что такая замена одного из макетов повысит интерес посетителей к нашей выставке и позволит показать ее в г. Фукуока наряду с одноименной выставкой США», – писал В.Н. Костров в справке от 16 декабря 1965 г.²⁹ Однако выделение дополнительных экспонатов сочли нецелесообразным. Во-первых, у АН СССР элементарно не оказалось новых комплектов экспонатов, а их оперативное изготовление наталкивалось на неповоротливость производственного цикла плановой экономики и бюрократических реалий. Во-вторых, никто не отменял секретность многих технических новинок советской космической программы. Контролирующие органы посчитали, что выставлять напоказ точные копии техники нельзя.

Именно из-за этих препятствий намечающееся соперничество советского и американского космического павильонов так могло и не состояться. Было решено провести уже согласованные выставки в городах Японии, но от участия в Международной научно-промышленной выставке уклониться. «...Нецелесообразно продолжать показ неполного состава экспонатов выставки в условиях близкого сопоставления с вновь организуемой в гор. Фукуоки выставки США по одинаковой тематике»³⁰, – выносил вердикт вице-президент АН СССР М.Д. Миллионщиков. Разумеется, это решение могло быть вынесено только после консультаций с аппаратом ЦК КПСС.

Тем не менее выставку показали в городах Китаюсю, Осака и Саппоро. В качестве директора А.И. Горбанева по неизвестным причинам сменил В.М. Федоров. Отчитываясь перед Президентом АН СССР М.В. Келдышем, тот расписал успех выставки, которую посещало в среднем 1 800 человек в будние дни и 4–5 тыс. в выходные. Местные СМИ намного превосходили токийские во внимании к экспозиции и подробно освещали ее ход. В общей сложности вышло 32 статьи. Общество «Наука и техника Японии» и мэрия города обратились к АН СССР с просьбой оставить экспонаты для постоянной демонстрации³¹. АН СССР отказала, сославшись на то, что экспонаты еще потребуются для проведения выставок в других странах³². Удачно прошли показы и в Саппоро, где на открытие пришло более ста профессоров университетов и колледжей³³.

Казалось, выставку можно сворачивать. Перспективный проект по экспозиции на Международной научно-промышленной выставке в Фукуока признали ненужным, опасаясь, по сути, проиграть в чем-то американским конкурентам. Но тут в дело вмешались очередные успехи советской космонавтики. 3 февраля 1966 г. автоматическая межпланетная станция «Луна-9» впервые в истории совершила мягкую посадку на поверхность Луны. Советский Союз вырвался вперед в лунной гонке. Это еще больше подогрело интерес к советской выставке. Японцы подготовили павильон для советской экспозиции, даже не зная, состоится ли выставка. На волне успеха было решено все-таки провести выставку в г. Фукуока. Американское соперничество теперь не казалось таким уж опасным. Выставка работала в течение двух месяцев³⁴.

Заключение. Пример с выставкой «Наука в СССР», с успехом прошедшей в Японии, раскрывает целый ряд характерных черт советской научной дипломатии 1960-х годов. В первую очередь речь идет об осознании огромного потенциала науки как инструмента пропаганды. В этой связи АН СССР заметно активизировала свои усилия по демонстрации достижений советской науки в других странах, в том числе и на относительно «новых территориях», к которым и относилась Япония. Очевидно, что главным «драйвером» научной пропаганды являлись успехи в космосе, за которыми следил весь мир.

²⁹ АРАН. Ф. 1509. Оп. 1. Д. 165. Л. 67.

³⁰ Там же. Л. 72.

³¹ Там же. Л. 75–78.

³² Там же. Л. 74.

³³ Там же. Л. 80.

³⁴ Там же. Л. 86–88. Подробности о проведении этой части выставки обнаружить пока не удалось.

Следует особо отметить идеологическую сдержанность, проявленную при подготовке экспозиции. Это вписывалось в общую атмосферу политики разрядки и отражало относительный прагматизм и технократизм советской публичной дипломатии на данном этапе. В этой ситуации как раз успехи в науке оказались ключевым аргументом в соперничестве сверхдержав, все более переходящим в имиджевую сферу, конкуренцию экономик и технологий. Формально выставка в Японии находилась вне политики, но неизменно попадала в контекст соперничества СССР и США.

Наконец, бросается в глаза ограниченность ресурсов советской стороны в этой борьбе. Несмотря на огромный пропагандистский эффект от выставки и прекрасные условия, предоставляемые японской стороной, ее создатели столкнулись с дефицитом экспонатов, из-за чего чуть не сорвался показ в г. Фукуока. Серьезное влияние оказывал и режим секретности, ограничивающий возможности для демонстрации технических новинок.

Пример «Науки в СССР» наглядно демонстрирует, что научные выставки являлись эффективным инструментом научной и культурной дипломатии в эпоху «холодной войны». Безусловно, на данном этапе выставка достигла своей главной цели – представила японцам образ Советского Союза как передовой научно-технологической державы, признанного лидера в освоении космического пространства.

Литература

Батченко В.С. Советская космическая история: контексты, источники, жанры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 286 с.

Володарская Е.А., Фандо Р.А. Достижения советских биологов в экспозиции Дворца науки на Всемирной выставке в Брюсселе. 1958 г. // Вестник архивиста. 2025. № 1. С. 99–117. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117.

Герович В. Мифология советского космоса. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 328 с.

Голубев А. Вещная жизнь: Материальность позднего социализма. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 328 с.

Дробница А.В., Корчевский А.В. Становление и развитие советско-японского научного сотрудничества в 1950-х – 1960-х гг. // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1 (54). С. 105–111.

Егорова Н.И. «Новая история “холодной войны”» в современных зарубежных исследованиях // Новая и новейшая история. 2009. № 4. С. 116–117.

Зайцев Ю.И. На советской космической выставке в Токио // Земля и вселенная. 1966. № 3. С. 71–76.

Киба Д.В. Развитие советско-японских научных связей в советский период // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2022. Т. 12, № 6. С. 189–201. DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-6-189-201.

Мещеряков А.Н. Страна для внутренней эмиграции. Образ Японии в позднесоветской картине мира // Отечественные записки. 2014. № 4 (61). С. 45–55.

Нагорная О.С. Научное сотрудничество и образовательные контакты в системе советской культурной дипломатии эпохи «холодной войны» (1945–1990 гг.) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3 (42). С. 22–30. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-22-30.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2015. Т. 3: Постановления 1959–1964 / гл. ред. А.А. Фурсенко. 1119 с.

Раджагопалан С. Путешествия советских вещей: Холодная война как жизненный опыт на Кубе и в Индии. Бостон; СПб.: Библиороссика, 2024. 363 с.

Савин А.И., Деннигхаус В. Леонид Брежнев: Опыт политической биографии. М.: АФК «Система», 2024. 719 с.

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989 / науч. ред., рук. авт. коллектива О.С. Нагорная. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.

Хаткевич А.А. Научная дипломатия: концептуализация понятия в научной литературе // Русская политология. 2024. № 3 (32). С. 41–50.

A History of Russo-Japanese Relations: Over Two Centuries of Cooperation and Competition / eds. by Dm. Streltsov, N. Shimotomai. Brill, 2019. 660 p.

Across the Blocs. Cold War Cultural and Social History / eds. by P. Major, R. Mitter. London, 2004. 178 p.

Gaddis J. The Cold War: A New History. New York, 2005. 352 p.

Golubev A. The Things of Life. Materiality in Late Soviet Russia. Cornell University Press, 2020. 240 p.

Rajagopalan S. Journeys of Soviet Things: Cold War as Lived Experience in Cuba and India New York. New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2023. 363 p.

References

Batchenko, V.S. (2024). *Sovetskaya kosmicheskaya istoriya: konteksty, istochniki, zhanry* [Soviet Space History: Contexts, Sources, Genres]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh iniciativ. 286 p.

Drobnitsa, A.V., Korchevskiy, A.V. (2011). Stanovlenie i razvitie sovetско-японского nauchnogo sotrudnichestva v 1950-kh – 1960-kh gg. [Formation and Development of Soviet-Japanese Scientific Cooperation in the 1950s and 1960s.]. In *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*. No. 1 (54), pp. 105–111.

Egorova, N.I. (2009). “Novaya istoriya “kholodnoy voyny” v sovremennykh zarubezhnykh issledovaniyakh [“New History of the Cold War” in Contemporary Foreign Studies]. In *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 4, pp. 116–117.

Fursenko, A.A. (Ed.). (2015). *Prezidium CK KPSS. 1954–1964. T. 3: Postanovleniya 1959–1964* [Presidium of the Central Committee of the CPSU. 1954–1964. Vol. 3: Resolutions 1959–1964]. Moscow, ROSSPEN. 1119 p.

Gaddis, J. (2005). *The Cold War: A New History*. New York. 352 p.

Gerovich, V. (2024). *Mifologiya sovetskogo kosmosa* [Mythology of Soviet Space]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Golubev, A. (2020). *The Things of Life. Materiality in Late Soviet Russia*. Cornell University Press. 240 p.

Golubev, A. (2020). *Veshchnaya zhizn': Material'nost' pozdnego sotsializma* [The Things of Life Materiality in Late Soviet Russia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 328 p.

Khatkevich, A.A. (2024). Nauchnaya diplomatiya: kontseptualizatsiya ponyatiya v nauchnoy literature [Science Diplomacy: Conceptualization of the Concept in Scientific Literature]. In *Russkaya politologiya*. No. 3 (32), pp. 41–50.

Kiba, D.V. (2022). Razvitie sovetско-японских nauchnykh svyazey v sovetskiy period [The Development of Soviet-Japanese Scientific Relations during the Soviet Period]. In *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo*. Vol. 12, No. 6, pp. 189–201. DOI: 10.21869/2223-1501-2022-12-6-189-201.

Major, P., Mitter, R. (Ed). (2004). *Across the Blocs. Cold War Cultural and Social History*. London. 178 p.

Meshcheryakov, A.N. (2014). Strana dlya vnutrenney emigratsii. Obraz Yaponii v pozdne-sovetskoy kartine mira [A Country for Internal Emigration: The Image of Japan in the Late Soviet Worldview]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 4 (61), pp. 45–55.

Nagornaya, O.S. (2018). Nauchnoe sotrudnichestvo i obrazovatel'nye kontakty v sisteme sovetskoy kul'turnoy diplomatii epokhi “holodnoy voyny” (1945–1990 gg.) [Scientific Cooperation and Educational Contacts in the System of Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War (1945–1990)]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*. No. 3 (42), pp. 22–30. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-3-22-30.

Nagornaya, O.S. (Ed.). (2018). *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyakh Kholodnoy voyny. 1945–1989* [Soviet Cultural Diplomacy during the Cold War. 1945–1989]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya. 446 p.

Radzhagopalan, S. (2024). *Puteshestviya sovetskikh veshchey: Kholodnaya voyna kak zhiznennyi opyt na Kube i v Indii* [Travels of Soviet Things: The Cold War as a Life Experience in Cuba and India]. Boston, St. Petersburg, Bibliorossika. 363 p.

Rajagopalan, S. (2023). *Journeys of Soviet Things: Cold War as Lived Experience in Cuba and India*. New York, Routledge, Taylor & Francis Group. 363 p.

Savin, A.I., Dyonnighaus, V. (2024). *Leonid Brezhnev: Opyt politicheskoy biografii* [Leonid Brezhnev: A Political Biography]. Moscow, AFK "Sistema". 719 p.

Streltsov, Dm., Shimotomai, N. (Eds.). (2019). *A History of Russo-Japanese Relations: Over Two Centuries of Cooperation and Competition*. Brill. 660 p.

Volodarskaya, E.A., Fando, R.A. (2025). Dostizheniya sovetskikh biologov v ekspozitsiy Dvortsa nauki na Vsemirnoy vystavke v Bryussele. 1958 g. [Achievements of Soviet Biologists on Display at the Palace of Science at the World Exhibition in Brussels, 1958]. In *Vestnik arkhivista*. No. 1, pp. 99–117. DOI: 10.28995/2073-0101-2025-1-99-117.

Zaytsev, Yu.I. (1966). Na sovetskoy kosmicheskoy vystavke v Tokio [At the Soviet Space Exhibition in Tokyo]. In *Zemlya i vseennaya*. No. 3, pp. 71–76.

Н.А. Старухин*

**ЭПИСТОЛЯРНЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ПОЛЕВЫМ И ЭДИЦИОННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
В ИИФИФ СО АН СССР (1968–1973 ГОДЫ)****doi:10.31518/2618-9100-2026-3-25
УДК 930.272:930.2(571.14)"1968/1973"*Выходные данные для цитирования:**Старухин Н.А. Эпистолярные источники по полевым и эдиционным исследованиям в ИИФиФ СО АН СССР (1968–1973 годы) // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 346–359. URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-25.pdf>*

N.A. Starukhin*

**EPISTOLARY SOURCES ON FIELD
AND EDITORIAL RESEARCH
AT THE INSTITUTE OF HISTORY, PHILOLOGY
AND PHILOSOPHY OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES 1968–1973****

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-25

*How to cite:**Starukhin N.A. Epistolary Sources on Field and Editorial Research at the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences 1968–1973 // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 346–359. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-25.pdf>]*

Abstract. The article introduces into scientific circulation a complex of the earliest epistolary sources from the Center for Manuscripts, Old Printed Books, and Rare Editions of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The letters were mainly addressed to the participants of the first expeditions, and above all to N.N. Pokrovsky, one of the main organizers of field archaeographic research in Siberia and a prominent representative of Russian historical science. In recent years, given the growing interest in his life and scientific work, it is understandable that researchers have turned to personal sources related to the scientist and the Novosibirsk scientific school he founded. The epistolary heritage available to researchers today provides a comprehensive understanding of N.N. Pokrovsky's activities and the Novosibirsk scientific center, but not all of these sources have been fully explored. The sources reveal two main areas of the "third archaeographic center of the country" in Novosibirsk: fieldwork and editorial work. Letters dated from 1968 to 1973 shed light on the mechanisms of fieldwork by Novosibirsk archaeographers (expeditions to Altai and Tuva) and the specifics of editorial work related to the preparation of an academic edition of the early version of the Siberian Chronicle, the Book of Notes. The analysis of the documents allows us to reconstruct many aspects of the scientific activity of the Novosibirsk school of archaeography and source studies. Of particular interest are the letters of Old Believer peasants, which reflect both the phenomenon of popular consciousness and the organization of field research by scientists from the Siberian Scientific Center.

Keywords: source studies, epistolary sources, archaeography, IHPP SB AS USSR, N.N. Pokrovsky, Old Believery, Chapel, St. Palladius, Z.Ya. Boyarshinova, Kniga zapisnaya.

* **Николай Алексеевич Старухин**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nikolaystaruhin2015@gmail.com

Nikolay Alekseevich Starukhin, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Novosibirsk, Russia, e-mail: nikolaystaruhin2015@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).

The article was made on the topic of the state assignment "The Past in the Manuscript Sources of the 16th – 20th Centuries: Preservation and Development of Traditions" (FWZM-2024-0006).

The article has been received by the editor on 02.03.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье вводится в научный оборот комплекс наиболее ранних эпистолярных источников из Центра хранения рукописей, старопечатных и редких изданий Института истории СО РАН. Письма адресовались участникам первых экспедиционных выездов, и прежде всего Н.Н. Покровскому, одному из основных организаторов полевых археографических исследований в Сибири, виднейшему представителю отечественной исторической науки. В последние годы на фоне растущего интереса к его жизни и научному творчеству вполне объяснимо и обращение к источникам личного происхождения, связанным с именем ученого, созданной им новосибирской научной школой. Доступное для исследователей на сегодняшний день эпистолярное наследие дает достаточно полное представление о направлениях деятельности Н.Н. Покровского, Новосибирского научного центра, но далеко не все из указанных источников еще введены в научный оборот. По источникам прослеживаются два основных направления «третьего археографического центра страны» в Новосибирске – полевое и эдиционное. Письма, датированные 1968–1973 гг., раскрывают механизмы полевой работы новосибирских археографов (экспедиции на Алтай и в Туву) и особенности работы эдиционной, связанной с подготовкой к печати академического издания ранней редакции Сибирского летописного свода – Книги записной. Анализ документов позволяет реконструировать многие аспекты научной деятельности новосибирской школы археографии и источниковедения. Особый интерес представляют письма крестьян-старообрядцев, отражающие как феномен народного сознания, так и организацию процесса полевых исследований учеными сибирского научного центра.

Ключевые слова: источниковедение, эпистолярные источники, археография, ИИФиФ СО АН СССР, Н.Н. Покровский, старообрядчество, часовенные, о. Палладий, З.Я. Бояршинова, Книга записная.

Статья поступила в редакцию 17.06.2026 г.

Поиск, изучение и ввод в научный оборот разного вида источников остаются одной из ключевых задач новосибирского археографического центра. Вполне перспективным направлением на нынешнем этапе, на наш взгляд, является изучение документов, отражающих историю организации такого важнейшего направления археографической работы, как полевые и эдиционные исследования. Указанный подход представляется вполне продуктивным в связи с разработкой общих проблем, связанных с историей науки, конкретных научных подразделений и их представителей, археографической эвристики в целом.

Несмотря на наличие ряда фундаментальных трудов, в которых подводились итоги археографических исследований на разных этапах и в разные годы, все еще остаются неизученными многие аспекты того в самом деле «героического периода» второй половины 1960-х – конца 1980-х годов, оказавшегося крайне плодотворным и для сибирской науки, и для науки в стране в целом. Подъем гуманитарной науки Новосибирского научного центра проявился во многих областях, включая археографию.

Важность работы в указанном выше направлении представляется как в связи с изучением полевой, так и имеющей к ней прямое отношение документации. Особую ценность представляют источники личного происхождения Архива Центра хранения рукописей, старопечатных книг и редких изданий (ЦХРСКиРИ) ИИ СО РАН: письма староверов сотрудникам сектора. Как известно, переписка, контакты со староверами являются неотъемлемой частью полевых исследований. Выделяется группа посланий, адресованных академику Н.Н. Покровскому, причем не только староверами, но и его коллегами (в нашем случае пред-

ставлено не публиковавшееся ранее письмо З.Я. Бояршиновой). Обращение исследователей к эпистолярному наследию Покровского в последние годы вполне объяснимо: ученый не оставил своих мемуаров. Именно эпистолярный Николай Николаевича, пока недоступный для исследователей в полном объеме, во многом является незаменимым источником в изучении не только жизненного пути историка, но и одного из центральных направлений деятельности Покровского и его учеников – археографического.

Рис. 1. Н.Н. Покровский. Просушка книг скита о. Палладия. Тува, 1967 г.

Рис. 2. Приезд в скит о. Палладия. На переднем плане: З.В. Бородина. Стоят слева направо: А.Д. Марголис, о. Палладий, Г.П. Енин. Тува, 1967 г.

Рис. 3. Слева направо: Т.А. Опарина, Е.И. Дергачева-Скоп, В.Н. Алексеев, Н.Д. Зольникова, Н.Н. Покровский.
Новосибирск, Академгородок, 1990-е годы

Представленный к публикации комплекс состоит из восьми писем 1968–1973 гг. Это наиболее ранние по времени эпистолярные источники, отражающие начальный период экспедиционной и публикаторской деятельности новосибирских археографов. Они как нельзя лучше дополняют немногую сохранившуюся официальную отчетную документацию, фиксирующую направления маршрутов и количество найденных рукописей. При всем деловом характере переписки ее существенной составляющей является приватная личная информация, живо передающая характер и динамику складывающихся взаимоотношений между учеными и староверами, трудности поиска, многие нюансы непростого как полевого, так и «историографического быта». Их можно разделить на следующие типологические группы. Письма староверов Н.С. Хомяковой (№ 1, 2), черноризца Палладия (№ 3) и Е. Черепановой (№ 5) к Е.З. Журавлевой, З.В. Бородиной и Н.Н. Покровскому. Записка, составленная Е.И. Скоп (№ 4), – жанр, рожденный не только темпераментом Елены Ивановны, но и самим ходом полевых работ, нередко требующих принятия оперативных решений. Корреспонденция научно-организационного плана (№ 5–8): письмо профессора Томского университета З.Я. Бояршиновой об издании Книги записной учеными и сотрудниками ТГУ, возможностей издания этого ценного источника в академической серии ПСРЛ по предложению академика Б.А. Рыбакова (№ 6) и незамысловатое послание сельского учителя истории, ищущего пути в науку (№ 8).

Формуляр писем староверов архаичен. Н.С. Хомякова (№ 1) при обращении к студентке НГУ Е.З. Журавлевой использует традиционную композицию: этикетный зачин («Добрый день, дорогая Лена... Примите привет мой от меня, Натальи Сергеевны»), основная часть (ответы на вопросы, духовные наставления) и заключительная клаузула («Жива буду, не умру... не брось меня к низу лицом» – просьба о христианском погребении). Письмо Н.С. Хомяковой насыщено диалектизмами и паремиями: «годы уклонные» (преклонные), «чай не пьем, и не пьянствуем» (своего рода кредо вероисповедной идентичности), «не брось меня к низу лицом». Наталия Сергеевна явно не остается равнодушной по поводу сообщения Елены (Фаи) Журавлевой о ее занятиях знаменному пению: «петь по солям (крюкам)». Самой Хомяковой, насколько позволяют судить дневниковые записи (всего известно о четырех встречах с ней археографов), это искусство не пришлось

Рис. 4. З.Я. Бояршинова

освоить. Несколько неожиданно выглядит отсылка в этой части послания к библейским книгам (Исайя, Ездра, Откровение Иоанна Богослова), носящим явно эсхатологический характер. Но буквально через несколько строк Наталия Сергеевна возвращается к этой теме: она требует расспроса у Журавлевой «какой веры» и «какого прихода» ее наставник. И вынося свой вердикт увлечениям студентки, рекомендует ей не вникать «в глубокие предметы. Это только для нас оно годится, а вам оно не во что».

Письмо Е. Черепановой (№ 5) исключительно бытового плана: только в самом начале своего послания староверка Евдокия интересуется работой археографов по сбору книг. Но надо отдать должное простой селянке – просьбы ее о присылке «пионерских галстуков, цветных карандашей и носков» для детей вполне деликатны и ненавязчивы. Как и сообщение об отправке «посылочки» с орехами и копченым хариусом для ученых – это скорее знак расположения, определенной близости, полученных в результате многочасовых бесед с Н.Н. Покровским и неизменной его спутницей в ряде экспедиционных выездов первых лет З.В. Бородиной.

Своего внимания заслуживает письмо М.В. Мезениной (№ 7, 27 мая 1973 г.). Учительница из уральского села Чусовое сообщает о месте захоронения легендарного старца Ефрема Сибиряка, фигурирующего в научно-популярной статье Покровского в журнале «Знание – сила». Это письмо – свидетельство прямой реакции населения на публикацию ученого, пример реального авторитета серьезного научного знания. Мезенина констатирует и факт уже сложившегося культа почитания инок Ефрема: «В течение многих лет в сознании людей он преломился в святого». В своем «Путешествии за редкими книгами» Николай Николаевич ссылается на факт, приведенный в указанном письме, подвергая, впрочем, его некоторому сомнению только в последнем, третьем издании книги (см. сн. 37).

Послание игумена теперь уже не существующего верхнеенисейского скита о. Палладия следует выделить особо (№ 3). Как известно, именно в скит о. Палладия был осуществлен первый экспедиционный выезд возглавляемой Н.Н. Покровским группы. (Кроме Николая Николаевича, в состав группы входили Зоя Васильевна Бородина, Виктор Андреевич Карамшук, Владимир Александрович Моисеев.) Во все последующие годы Покровского связывали особые отношения с сибирским черноризцем: они будут детально описаны не только в трудах академика Покровского, но и станут частью фольклора новосибирского Академгородка. Как можно заметить, письмо черноризца Палладия тяготеет к жанру древнерусских посланий: краткое «благодарение», деловая просьба («испытать» чин службы Софии Премудрости), подпись с подчеркнутым указанием иноческого чина. За краткостью содержания хорошо просматривается не только сложность поднимаемых сибирским игуменом вопросов, но и ответственность за принимаемые им решения, стремление сохранить свой авторитет.

Письмо Е.И. Скоп и В.Н. Алексеева (№ 4) лишено этикетных норм, оно весьма динамично, изобилует профессионализмами («книга XVII века, серединка», «разделимся на 2 крупные группы») и разговорной лексикой («дай Бог»). Но краткое послание новосибирских ученых раскрывает специфическую методику полевой работы сибирских археографов. С одной стороны, документ демонстрирует оперативное развертывание сети, с другой – установление долгосрочных контактов: «Зимой обещали пособировать для нас книги, а на следующее лето... поприсылают». Обращает на себя внимание архаичное написание Е.И. Дергачевой такого населенного пункта, как Уч-Пристань, характерное для дореволюционной орфографии. Елене Ивановне явно удалось изрядно проштудировать дореволюционную литературу по истории района их археографического поиска и вполне закономерно полюбить эти замечательные места ранней старообрядческой миграции.

Письмо профессора З.Я. Бояршиновой (№ 6) от 6 апреля 1973 г. проливает дополнительный свет на всю сложность эдиционной работы. Речь идет о Книге записной – важнейшем памятнике сибирского летописания. Бояршинова сообщает Покровскому, что томский ректор и директор библиотеки отказались предоставить микрофильм для академического издания в серии ПСРЛ (Полное собрание русских летописей), несмотря на просьбу академика Б.А. Рыбакова. Этот эпизод важен для истории науки: он демонстрирует определенную конкуренцию научных центров (Томск – Новосибирск – Москва) и ведомственные барьеры. Как можно заметить, на этом этапе локальный приоритет оказывается важнее академического издания текста памятника для администрации Томского университета. Вскоре, впрочем, этот барьер будет успешно преодолен.

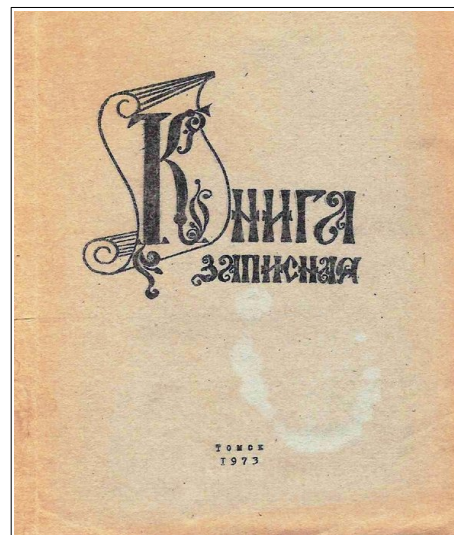

Рис. 5. Книга записная.
Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973

Таким образом, публикуемый комплекс эпистолярных источников 1968–1973 гг. расширяет наши знания о работе новосибирской археографической школы в первые годы ее становления. Переписка фиксирует два ключевых аспекта деятельности археографов Новосибирского научного центра: полевой и эдиционный. Показывает эволюцию во многом случайных экспедиционных контактов со староверческим населением, в контакты долговременные, основанные на взаимном доверии и авторитете. Все письма представляют собой автографы. Публикация личных местоимений с прописных или строчных букв, орфография и пунктуация в основном приведены в соответствие с современными требованиями. В письмах староверов сохранены просторечные диалектные слова и слова, отражающие стилистические и индивидуальные особенности их авторов. Кроме того, сохраняется авторское подчеркивание, устойчивое написание отдельных слов и имени и отчества в письмах Н.С. Хомяковой. В послании о. Палладия титла раскрывается, выносные буквы вынесены в строку и выделены курсивом. В соответствии с современными нормами публикуется слово *Бог* в письме Е.И. Дергачевой-Скоп и В.Н. Алексеева Н.Н. Покровскому. Мелкие правки специально не оговаривались.

* * *

№ 1

Н.С. Хомякова – Е.З. Журавлевой с благодарностью за полученные от нее и З.В. Бородиной письма

Л. 277

5 ноября 1968 г.

Добрый день, дорогая Лена!

Примите привет мой от меня, Натальи Сергеевны¹. Получила от Зои Васильевны² письмо, и от тебя, Лена. Одно получила 30/X-68 г., а второе 3/XI-68 г. Большая благодарность вам за беспокойство, очень и очень благодарю вас.

Лена, большое спасибо Вам, что позаботились обо мне, об моей старости. Годы уклонные пришли, восьмой десяток пошел. Лена, Вы писали про валенки. Здесь работают круглый год, катают, и я не остаюсь без них³. Есть добрые люди, тоже обувают меня. А платок тоже не надо, у меня есть, последнее хоть отдай. Затем Лена Вы спрашиваете, что учитесь петь по солям, т.е. крюкам. Посмотрите книгу Иисая Пророка⁴ и Ездры Пророка⁵, и Откровение Иоанна Богослова⁶, там все узнаете.

Лена, Вы писали про женщину, которая вам должна помочь, так вы спросите // л. 277 об. у ней, какого она рода и какой веры. Поговори и попытай ее, и какого прихода⁷. Сокращаю

я это все, только надо из речи в речь поговорить. Если есть желание, то приезжай летом. Жива буду, не умру, а то слабая стала.

Еще Лена прошу, не заботься обо мне. Я обута и одета, только не брось меня к низу лицом.

Лена, Вы спрашиваете, нужны ли нам книги, Миней⁸ или Актай⁹. У нас оне есть, а вот «Шестоднев»¹⁰ будет возможность, то пошлите. Еще спрашиваете, что с Агрипиной Ивановной одной веры или нет¹¹. Одинаковые, крепкие, чай не пьем и не пьянствуем. Наш обычай как Верховье¹².

Затем, Лена, не углубляй сама себя в глубокие предметы. Это только для нас оно годится, а вам оно не во что. Если надо все узнать, приезжай, все словесно расскажу. Но пока досвиданье. Жду ответ.

5/XI-68 г.

Архив ЦХРСКУРИ ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 277–277 об.
Рукописный подлинник, автограф. На листах ученической тетради в широкую линейку, чернильной ручкой, фиолетовыми чернилами.

№ 2

Н.С. Хомякова – З.В. Бородиной и Н.Н. Покровскому ответ на полученное от них письмо

Л. 278

[5 ноября 1968 г.]

Добрый день, Зоя Васильевна¹³ и Николай Николаевич!

Примите поклон от Натальи Сергеевны. Сообщаю вам, что получила от вас письмо, за которое большая благодарность вам за заботу, и за беспокойствие ваше. Из вашего письма я узнала, что много заботитесь обо мне, о моем здравьи и моей старости. Здоровье мое не важное, часто болею, годы старости подходят. Писать вам много пока нечего, я кое-что описала в Ленином письме, там почитайте вместе. Извините меня, Зоя Васильевна и Николай Николаевич, что вам мало написала. Некогда, время такое, осень.

Зоя Васильевна и Николай Николаевич, вам понравилось наше место, так приезжайте летом, походите по горам, по долам, по ягодам, и вы увидите наше богатство. Но пока досвиданье. Пишите ответ.

Архив ЦХРСКУРИ ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 278.
На том же, что и предыдущее письмо, листе ученической тетради в широкую линейку, чернильной ручкой, фиолетовыми чернилами. Датировано по письму Е.З. Журавлевой.

№ 3

Послание черноризца Палладия¹⁴ Н.Н. Покровскому о получении канонника

Л. 28

[Не позднее июня 1969 г.]

Николаю Николаевичу посылаю большую благодарность. Канонник получил Софии, и посланное Вами. За все благодарю. Посылаю Вам нашу родословню¹⁵ на время, попользуетесь, пошлите обратно. Еще прошу Вас испытать, когда в храмах Софии Премудрости было богослужение. Какия стихеры и тропари и кондаки пелися Премудросте. И канон Софии, которой был у Вас, был или нет в сущности службы. Прошу исполнить мое прошение. Желаю Вам доброва здоровья и всякаго благополучия.

Ч[ерноризец] Палладии.

Архив ЦХРСКУРИ ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 28.
Рукописный подлинник, автограф. Стальным пером на неразлинованной части чистого листа писчей бумаги. Поздний полуустав.
Датировано по дате экспедиционного выезда
Г.П. Енина и А.Н. Кручининой в Туву в июне-июле 1969 г.

№ 4

Записка, адресованная Н.Н. Покровскому Е.И Дергачевой-Скоп¹⁶ и В.Н. Алексеевым¹⁷ во время экспедиционного выезда на Алтай

Л. 94

[Не ранее июля 1969 г.]

Николай Николаевич!

Мы поосмотрелись, выяснили, где будем работать. Я разослала ребят от Уч-Пристани¹⁸ до Белокурихи¹⁹ – Алтайского²⁰. После этого решили идти в два района: Чарышский²¹, вверх по Чарышу, и Солонешное²², часть Алтайского района. Разделимся на 2 крупные группы и двинем.

В Белокуриху не заходите, мы побывали там. Книгу взяли одну²³ (XVII век, серединка). Книги есть, связи установили. Зимой обещали посо // л. 94 об. бирать для нас книги, а на след[ующее] лето или той же зимой поприсылают (дай Бог). Приедем, расскажем. Предгорья очень интересны. Как пойдет дело, не знаем. Привет Новосибирску. Целуем Вас и Зою.

Лена, Володя

P.S. В Белокурихе старообрядцев семь домов.

*Архив ЦХРСКУРИ ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 94–94 об.
Рукописный подлинник, автограф. На развороте ученической тетради
в крупную клетку почерком Е.И. Дергачевой-Скоп, шариковой ручкой,
синими чернилами. В нижней части листа л. 94 имеется карандашная помета,
сделанная позднее неустановленным лицом о старообрядцах,
проживающих в районе Турочака. Датировано по дате экспедиционного выезда
в Алтайский край групп под руководством Н.Н. Покровского и Е.И. Скоп в июле 1969 г.*

№ 5

Е. Черепанова²⁴ – Н.Н. Покровскому и З.В. Бородиной с разными просьбами

Л. 275

7 сентября 1969 г.

Добрый день, дорогие, уважаемые Николай Ник[олаевич], Зоя Васильевна и ваш сын, кажется, Николай²⁵!

С приветом к вам вся наша семья. Решила написать письмо небольшое. Как вы доехали? Хорошо съездили, нет? Что нового достали для вашей библиотеки?

У нас дела все по-старому идут, только с сеном плохие дела. Сильно дожди большие прошли, и сено прееет. Зоя Васильевна, пряжа готовая, только красить не чем. Вы обещали краски послать, так пошлите побыстрее. Собираем небольшую посылочку для вас. Орех, немного хариуса копченого. Нам сильно нравится, так не знаем, как для вас. И еще попрошу вас, пожалуйста, пошлите, если есть, три галстука пионерских, и носки детские. Раз[меры] 16, 18, 20 и 23, карандаши цветные. Мы думали, ждали, что подвезут купить, // л. 275 об. так и не могли купить, нет в магазинах. Скоко будет стоить пешите, деньги отошлем. Или сейчас послать руб[лей] 10–15? Конечно, неудобно просить, да приходится к вам обращаться. Свои негде в городе не живут.

До свидание. Самого наилутышего в работе и учебе. Дуся.

7.9.69 г.

Зоя Васильевна, Вы видели пряжу? Скоко ее? И хватит, нет Вам на свитер?

*Архив ЦХРСКУРИ ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 275–275 об.
Рукописный подлинник, автограф. На листах школьной тетради в клетку,
чернильной ручкой, фиолетовыми чернилами.*

№ 6

**Профессор Томского государственного университета
З.Я. Бояршинова²⁶ – Н.Н. Покровскому о возможности издания
«Книги записной» в академической серии «Полное собрание русских летописей»**

Л. 18

6 апреля 1973 г.

Уважаемый Николай Николаевич!

Я получила письмо от Б.А Рыбакова²⁷ о «Книге Записной»²⁸, которую предполагают включить в двухтомное издание сибирских летописей. Всячески приветствую включение этой рукописи в академическое издание. Вам известно, что Научная библиотека уже давно подготовила рукопись к печати и сдала в издательство Томского университета²⁹. Над рукописью работали сотрудник университета Л.А. Панова³⁰, кандидат филологических наук, зав[едующая] кафедрой русского языка доц[ент] В.В. Палагина³¹ и я (в качестве редактора).

Я, как редактор, считаю, что академическое издание сибирских летописей будет более качественным. Получив письмо Б.А. Рыбакова, я обратилась к директору библиотеки М.Р. Филимонову³² с предложением направить Вам микрофильм памятника и получила отказ. Я настояла на встрече с ректором // л. 18 об. университета доктором проф[ессором] А.П. Бычковым³³ и здесь (поскольку рукопись находится в издательстве Томского университета) тоже не встретила поддержки.

Видимо руководителю группы по изданию Полного собрания русских летописей академику Б.А Рыбакову следует официально обратиться к ректору университета по поводу микрофильма памятника.

С глубоким уважением к Вам З. Бояршинова

P.S. Задержка с ответом на письмо произошла в связи с тем, что в феврале и марте я была тяжело больна.

З. Бояршинова

*Архив ЦХРСКuPI ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 18–18 об.
Рукописный подлинник, автограф. На листе канцелярской писчей бумаги
в широкую линейку с фабричными отверстиями для дырокола,
шариковой ручкой, синими чернилами.*

№ 7

**М.В. Мезенина³⁴ – Н.Н. Покровскому о местонахождении могилы
Ефрема Сибиряка**

Л. 132

27 мая 1973 г.

Уважаемый т[оварищ] Покровский!

По Вашей статье «Книга глаголемая» («Знание–сила» № 3 1973 г.³⁵) я написала Вам через редакцию журнала большое письмо³⁶. По всем данным Ефрем Сибиряк³⁷ похоронен в нашем селе. В конце июня ежегодно к нему бывает паломничество верующих. В течение многих лет в сознании людей он преломился в святого. Жил он в скитах в лесу, между Невьянском и нашим селом. Приезжайте числа 22 июля и все увидите сами. Между 22 и 25 июля собираются из многих мест, из др[угих] областей даже.

С уваж[ением] [подпись]

Свердл[овская] обл[ась], Шалинский р-н, с. Чусовое, Мезенина Мария Виктор[овна].

*Архив ЦХРСКuPI ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 132.
Рукописный подлинник, автограф. На листе стандартной писчей бумаги
в широкую линейку, шариковой ручкой, синими чернилами.*

№ 8

**Письмо учителя истории В.В. Шилов³⁸ Н.Н. Покровскому
с просьбой оказать содействие в научной работе**

Л. 30

11 октября 1973 г.

Уважаемый тов[арищ] Покровский!

У меня к Вам просьба. Посоветуйте, пожалуйста, как поступить работать в историческую науку, работать с историками для науки истории?

Имею законченное высшее образование по специальности история. Учился во Львовском университете. Сейчас временно работаю учителем истории в школе, но педагогика никогда мне не подходила, всегда стремился к научной работе.

Однако обстоятельства жизни сложились так, что я не мог работать для науки.

Любая работа мне привычна, приходилось трудиться везде, походная жизнь в экспедициях знакома, работал по туризму. // л. 30 об. Знаю, что оклады рядовых работников науки не большие, согласен на малый оклад, лишь бы заниматься любимым делом и быть среди заинтересованных людей.

Мне 33 года, семьи, детей нет. Родители живут во Львовской области. Вуз закончил в 1970 г.

Виктор Шилов.

11 октября 1973 г.

Свердловская обл[ась], Ирбитский р-н, с. Горки, школа, Шилов Виктору Вас[ильевичу].
Почтовый индекс 623825.

*Архив ЦХРСКУРИ ИИ СО РАН. Папка 12. Л. 30–30 об.
Рукописный подлинник, автограф. На двойном листе блокнотной бумаги
в широкую линейку, шариковой ручкой, синими чернилами.*

Комментарии

¹ Письмо жительницы с. Мульта Горно-Алтайской АО Наталии Сергеевны Хомяковой, судя по сохранившемуся конверту, адресовалось выпускнице 1969 г. ГФ НГУ, работавшей в составе разных экспедиционных групп с 1968 по 1971 г. Елене Зиновьевне Журавлевой, проживавшей в студенческом общежитии № 7 НГУ по ул. Пирогова. Именно через Елену Журавлеву Хомяковой была передана в июле 1968 г. одна из наиболее значимых экспедиционных находок новосибирских археографов – рукописный сборник XVI в. с материалами церковных соборов по делу о Максиме Греке. – *Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами*. М., 1988. С. 87; Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / изд. подгот. Н.Н. Покровским; под ред. С.О. Шмидта. М., 1971. По данным, полученным во время полевых исследований, Н.С. Хомякова родилась в семье переселенцев с Вятки в г. Бийске около 1891 г. Отец Хомяковой славился как «студеный кузнец» – жестянщик. Время переезда семьи в Мульти неизвестно. С ее слов, первоначально туда переехал дед по настоянию их родственника, знаменитого старца Филарета (Федора Железнова). После войны, в 1947 г., Наталия Сергеевна предприняла попытку перебраться в Туву, в район скитов, находившихся под руководством о. Палладия. Но прожив в Верховье (см. сн. 11) около 9 месяцев, решила по разным причинам вернуться на Алтай. – Архив ЦХРСКУРИ ИИ СО РАН. Полевой дневник Алтайской группы за 1968 г. № 7. Л. 27.

² Зоя Васильевна Бородин (28.07.1929–26.08.1988), однокурсница и первая жена Николая Николаевича Покровского. Начиная с 1966 г. участница ряда археографических экспедиций в Туву, на Алтай, в Казахстан, Тюменскую и Курганскую области. С 19 октября 1967 г. возглавляла библиотеку ИИФиФ. – *Покровский Н.Н. Письма и воспоминания*. СПб., 2022. С. 591, сн. 25; с. 635, сн. 614; с. 703.

³ *Здесь работают круглый год, катают...* – имеется в виду хорошо известное предприятие в с. Мульта по производству валяной обуви.

⁴ Пророк Исаия – один из самых почитаемых ветхозаветных пророков VIII в. до Р.Х. Выходец из знатной еврейской священнической семьи, известен своими пророчествами о Спасителе. Авторству пророка приписывается одна из книг Ветхого Завета. В богослужебной традиции православной церкви некоторые части книги входят в состав паремий, отдельных фрагментов песнопений, исполняемых, в частности, на Великой вечерне.

⁵ Ездра – ветхозаветный священник из рода Аарона (V в. до Р.Х.), один из видных книжников своего времени, организатор еврейской общины в Иерусалиме после вавилонского пленения. Три книги, приписываемые Ездры, вошли в разное время в состав Ветхого Завета. Начиная с XVI в. в русской общественной мысли распространение получает третья книга Ездры, позднее ставшая популярной в старообрядческой среде.

- ⁶ Откровение Иоанна Богослова, Апокалипсис – последняя книга Нового Завета и вторая апокалипсическая, наряду с ветхозаветной Книгой пророка Даниила. Традиционно считается, что книга написана Иоанном Богословом в конце I в.
- ⁷ Возможно, речь идет о студентке консерватории А.Н. Кручининой, работавшей в составе археографических отрядов в 1969, 1970 и 1971 гг. (Тува, Алтайский край, Горно-Алтайская АО).
- ⁸ Книга, предназначенная для богослужений в православной церкви и содержащая службу так называемых «неподвижных» (приходящихся на определенные даты) праздников. Разделяется на количество месяцев в году. Поскольку точное название служебной минеи в письме не указывается, то археографами могла быть предложена и Праздничная (со службами наиболее важным праздникам) либо Общая (с типовыми службами святым) минеи.
- ⁹ Октаи («осьмогласник») – богослужебная книга, используемая в старообрядческих общинах, как правило, для общественных богослужений. Содержит в себе чинопоследования вечерни (малой вечерни), павечерницы, утрени, полунощницы и литургии для будничных и воскресных дней. Все песнопения различаются по определенной манере пения – «гласов», употребляемых в продолжение одной недели («седмицы»). Кроме того, в современной практике старообрядческих общин используются учебные и певческие Октаи. В последний входят фрагменты отдельных песнопений знаменного распева суточного круга: стихеры на малой вечерне, антифоны, так называемые «воззвахи» и некоторые другие. В нашем случае, вероятнее всего, имеется в виду обычный, не певческий Октаи.
- ¹⁰ Богослужебная книга, в состав которой входят воскресные службы на восемь гласов с присоединением к ним службы определенного гласа из Октаи.
- ¹¹ *Еще спрашиваете, что с Агрипиной Ивановной одной веры или нет...* – жительница соседнего села Огневка Агриппина Ивановна Марачева, дочь наставника часовенных из Верхнего Уймона. – Архив ЦХРСКИРИ ИИ СО РАН. Полевой дневник Алтайской группы за 1968 г. № 7. Л. 2.
- ¹² *Наш обычай как Верховье...* – имеются в виду уже упоминавшиеся выше скиты в Туве, на р. Малый Енисей, основанные в феврале 1917 г. в результате переезда части основного скита урало-сибирских часовенных о. Нифонта. Указанную часть скита возглавлял о. Игнатий, преемником которого и являлся о. Палладий (Чунарев). Немалую часть поселенцев в верховьях Енисея составляли выходцы с Алтая. Именно в эти скиты, как известно, состоялся первый экспедиционный выезд под руководством Н.Н. Покровского в июне-июле 1966 г. – *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 29, 465–466. В беседах с новосибирскими археографами Н.С. Хомякова подчеркивала связь между скитами Верховья и скитом о. Филарета. По ее словам, о. Игнатий, совершивший чин «накрытия» Палладия, был в свою очередь «поставлен» Филаретом. – Архив ЦХРСКИРИ ИИ СО РАН. Полевой дневник Алтайской группы за 1968 г. № 7. Л. 32.
- ¹³ Письмо Н.С. Хомяковой Н.Н. Покровскому и З.В. Бородиной, как уже говорилось выше, адресовалось Е.З. Журавлевой (см. сн. 1). Характерно, что в письме Наталья Сергеевна ничего не пишет о телеграмме, отправленной ей от имени А.П. Окладникова примерно в это же время. – *Покровский Н.Н.* Письма и воспоминания. СПб., 2022. С. 354. В телеграмме дирекция ИИФиФ выражала благодарность Хомяковой за подаренную рукопись XVI в. Об экспедиции и самой находке Николай Николаевич подробно написал С.О. Шмидту 1 сентября 1968 г. – *Покровский Н.Н.* Письма и воспоминания... С. 351–354. О ходе бесед с Н.С. Хомяковой во время экспедиции 1968 г. см.: *Покровский Н.Н.* Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005. С. 32–36. О З.В. Бородиной см. сн. 2.
- ¹⁴ Послание главы скитов часовенных в верховьях Енисея о. Палладия (Чунарева; 1881–1971) Н.Н. Покровскому, составленное не позднее весны-лета 1969 г., датируется нами по дате экспедиционного выезда в Туву археографической группы, в состав которой вошли студенты ГФ НГУ Г.П. Енинин и А.Н. Кручинина. Ответ Н.Н. Покровского был целенаправленно надиктован на магнитофон и отправлен с названными студентами. Подготовка ответа Покровским заняла определенное время, для этого потребовалась командировка в Ленинград. Поэтому послание о. Палладия следует датировать, конечно, более ранним сроком, но для этого нужно привлекать дополнительный материал. В послании затрагивается одна из сложнейших проблем в православной догматике, связанная с почитанием образа Софии. Сложность заключалась не только в догматических вопросах, разрешить которые в разное время пытались и Зиновий Отенский, и братья Лихуды, и о. Павел Флоренский, и другие исследователи. Дело в том, что в русской церкви исторически сложились разные традиции почитания Софии, уходящие своими корнями в историю константинопольской церкви, Киева и Новгорода. Кроме того, нет указаний Устава на само празднование служб Софии, а полная служба Новгородского Софийского собора, авторство которой рядом исследователей приписывается такой яркой фигуре русской истории первой половины XVII в., как Семен Шаховской, содержится только в одном списке. Наибольшее распространение получил канон Софии, причем в старообрядческих общинах до сих пор используются разные варианты этого издания. Какой именно канон был выслан в скит о. Палладия новосибирскими археографами, пока выяснить не удалось. – *Зольникова Н.Д.* Тема софийности в нравоучительном сборнике конца XIX – начала XX в. из собрания музея Невьянской иконы (Екатеринбург) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 187–197. Об о. Палладии см.: *Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. ... С. 29, 44, 46, 98, 128–129, 321, 338; Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в трех томах. Книга 1 (Т. 1–2). М., 2014. С. 143–148; *Зольникова Н.Д.*

Дневник тувинской археографической группы 1967 г. как источник по истории староверия // Урало-сибирский патерик: тексты и комментарии: в трех томах. Книга 2 (Т. 3). М., 2016. С. 270–277.

- ¹⁵ *Посылаю Вам нашу родословню...* – вероятно, речь идет об одном из списков основного исторического сочинения часовенных «Родословие часовенного согласия». – Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. ... С. 183–203.
- ¹⁶ Дергачева-Скоп Елена Ивановна (1937–2022) – доктор филологических наук, профессор, специалист в области древнерусской и старообрядческой литературы, археографии. – Покровский Н.Н. Письма и воспоминания... С. 637, сн. 651.
- ¹⁷ Алексеев Владимир Николаевич (род. 1943) – кандидат филологических наук, главный библиотекарь отдела обслуживания НГОНБ, с 1965 г. участник и руководитель сибирских археографических экспедиций, организуемых ГПНТБ СО АН и НГУ. – Покровский Н.Н. Письма и воспоминания... С. 640, сн. 696.
- ¹⁸ Усть-Чарышская Пристань – село, основанное в 1773 г. Административный районный центр, расположен на месте впадения реки Чарыш в Обь.
- ¹⁹ Белокуриха – город-курорт федерального значения.
- ²⁰ Алтайское – село, административный центр. Одной из сложностей полевой работы в селе является его протяженность, которая составляет около 18 км.
- ²¹ Район, расположенный в верхнем течении р. Чарыш. Как и другие указанные в письме районы, изначально являлся местом старообрядческих миграций. В частности, на одном из притоков в верховьях Чарыша до 1930-х годов находился известный поморский Белорецкий монастырь, являвшийся духовным центром для местных поморских сел.
- ²² Село, административный центр.
- ²³ *Книгу взяли одну...* – возможно, речь идет об одном из московских изданий Апостола 1648 г. – ГПНТБ СО РАН ОРКиР. ФК IV. 14. Автор выражает искреннюю признательность научному сотруднику отдела редких книг и рукописей ГПНТБ А.А. Юдину в поиске указанной информации.
- ²⁴ Черепанова Евдокия – староверка, жительница с. Верхний Уймон Усть-Коксинского района.
- ²⁵ Покровский Николай Николаевич (род. 18.06.1953) – кандидат исторических наук, организатор и директор Музея науки и техники СО РАН. До 2023 г. являлся научным сотрудником, заведующим сектором Института истории СО РАН.
- ²⁶ Бояршинова Зоя Яковлевна (1909–1986) – историк, доктор исторических наук (1967), профессор (1968). До 1985 г. возглавляла кафедру дооктябрьского периода ТГУ. – Покровский Н.Н. Письма и воспоминания... С. 643, сн. 729.
- ²⁷ Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) – историк, археолог, академик (1958). Сын первого директора Старообрядческого института на Рогожском кладбище в Москве А.С. Рыбакова. Руководитель группы по изданию Полного собрания русских летописей, созданной по инициативе академика М.Н. Тихомирова. Группа создавалась при Институте истории АН СССР, заместителем ответственного редактора ряда томов ПСРЛ являлся д-р ист. наук В.И. Буганов. Официальное отношение с конкретными предложениями по работе над томом с сибирскими летописями в Новосибирске было получено 30 ноября 1965 г. – Покровский Н.Н. Письма и воспоминания... С. 626, сн. 507; С. 630, сн. 559. В архиве ЦХРСКИРИ сохранился черновой вариант недатированной поздравительной телеграммы, составленный для Б.А. Рыбакова Н.Н. Покровским: «Коллектив Института Истории, Филологии и Философии Сибирского отделения АН СССР горячо поздравляет Вас, видного русского археографа в день Вашего юбилея. Сибирские историки и филологи с неизменной благодарностью и признательностью вспоминают о Вашей помощи, к которой они не раз прибегали. Желаем Вам долгих лет успешной работы во славу славянской науки». – Архив ЦХРСКИРИ. Папка № 12. Л. 93.
- ²⁸ Книга записная, или Сибирский летописный свод, служивший официальной летописью Тобольска. Охватывает события от начала присоединения Сибири до рубежа XVII–XVIII вв. Выделяется пять редакций и один вид свода. Представляет собой наиболее раннюю редакцию свода. План по изданию Сибирских летописей разрабатывался академиком М.Н. Тихомировым и последовательно начал воплощаться в жизнь во второй половине 1960-х годов. – Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 19–20.
- ²⁹ *Вам известно, что Научная библиотека уже давно подготовила рукопись к печати...* – Книга была подписана к печати в октябре 1973 г. и издана в этом же году на ротапринте. Тираж издания составил 300 экземпляров. – Книга записная. Томск, 1973.
- ³⁰ Панова Любовь Александровна (1895–1979) – сотрудница НБ ТГУ. С 1945 по 1974 г. работала в отделе редких книг и рукописей НБ ТГУ.
- ³¹ Палагина Вера Владимировна (1922–1994) – известный филолог-русист, профессор, с 1954 по 1989 г. возглавляла кафедру русского языка историко-филологического факультета ТГУ.
- ³² Филимонов Михаил Родионович (1911–1990) – библиотечный деятель, с 1955 по 1974 г. возглавлял научную библиотеку ТГУ. Участник ВОВ.
- ³³ Бычков Александр Петрович (1921–2009) – ученый-экономист, доктор экономических наук (1966), заслуженный деятель науки РСФСР (1976). С февраля 1967 по август 1983 г. ректор ТГУ.
- ³⁴ Мезенина Мария Викторовна – жительница с. Чусовое (Старой Шайтанки) Шалинского района Свердловской области. Учитель немецкого языка, по другим данным – рисования. В 1950–1960-е годы смогла организовать в селе картинную галерею и музей. На сведения, сообщенные Марией Викторовной, Николай Николаевич

ссылался в своей книге «Путешествие за редкими книгами». Хотя в последнем, третьем издании он сделал оговорку, что за точность приведенных в письме сведений нельзя поручиться. – Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988. С. 77, сн. 1; Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005. С. 77, сн. 1.

³⁵ Покровский Н.Н. Книга глаголемая: Записки из археографических экспедиций // Знание – сила. 1973. № 3. С. 42–45.

³⁶ На сегодняшний день судьба указанного письма неизвестна.

³⁷ Ефрем Сибиряк – инок, в миру Елисей Яковлевич Поляков. Из дворцовых крестьян Костромского уезда. Влиятельный деятель урало-сибирского старообрядчества XVIII в. – Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. М., 1988. С. 69–77; Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. Новосибирск, 2005. С. 68–77.

³⁸ Шилов Виктор Васильевич (род. 1940) – учитель истории, проживал в с. Горки Ирбитского района Свердловской области.

Литература

Зольникова Н.Д. Тема софийности в нравоучительном сборнике конца XIX – начала XX в. из собрания музея Невьянской иконы (Екатеринбург) // Вестник церковной истории. 2006. № 2. С. 187–197.

Книга записная / подгот. к печати Л.А. Пановой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1973. 114 с.

Матханова Н.П., Старухин Н.А. З.Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 143–150.

Покровский Н.Н. Книга глаголемая: Записки из археографических экспедиций // Знание – сила. 1973. № 3. С. 42–45.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1988. 285 с.

Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск: Сова, 2005. 344 с.

Покровский Н.Н. Письма и воспоминания / отв. ред. Н.П. Матханова, Л.В. Титова. СПб.: Нестор-история, 2022. 720 с.

Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 466 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи, ч. 1: Группа Есиповской летописи / изд. подгот. В.Н. Алексеев, Н.А. Дворецкая, Е.И. Дергачева-Скоп, Н.Д. Зольникова и др.; предисл. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская; отв. ред. А.П. Окладников, Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1987. 381 с.

Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / изд. подгот. Н.Н. Покровским; под ред. С.О. Шмидта. М., 1971. 186 с.

Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в трех томах. Кн. 1 (Т. 1–2) / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2014. 464 с.

Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: в трех томах. Кн. 2 (Т. 3) / отв. ред. Н.Н. Покровский. М., 2016. 296 с.

References

Alekseev, V.N., Dvoretzskaya, N.A., Dergacheva-Skop, E.I., Zolnikova, N.D. (Eds.). (1987). *Polnoe sobranie russkikh letopisey. T. 36: Sibirskie letopisi, chast 1: Gruppy Esipovskoy letopisi* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 36: Siberian Chronicles, Part 1: The Esipov Chronicle Group]. Moscow, Nauka. 381 p.

Matkhanova, N.P., Starukhin, N.A. (2024). Z.Ya. Boyarshinova v pis'makh novosibirskikh istorikov [Z.Ya. Boyarshinova in the Letters of Novosibirsk Historians]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 91, pp. 143–150.

Matkhanova, N.P., Titova, L.V. (Eds.). (2022). *Pokrovskiy N.N. Pis'ma i vospominaniya* [Letters and Memoirs]. St. Petersburg, Nestor-istoriya. 720 p.

Pokrovskiy, N.N. (1973). *Kniga glagolemaya: Zapiski iz arkheograficheskikh ekspeditsiy* [The Book of Verse: Notes from Archaeographic Expeditions]. In *Znanie – sila*. No. 3, pp. 42–45.

Pokrovskiy, N.N. (1988). *Puteshestvie za redkimi knigami* [Journey to Find Rare Books]. Moscow, Kniga. 285 p.

Pokrovskiy, N.N. (Ed.). (2014). *Uralo-Sibirskiy paterik: teksty i kommentarii: v trekh tomakh* [The Ural-Siberian Patericon: Texts and Commentaries: in Three Volumes]. Moscow. Book 1 (Vol. 1–2). 464 p.

Pokrovskiy, N.N. (Ed.). (2016). *Uralo-Sibirskiy paterik: teksty i kommentarii: v trekh tomakh* [The Ural-Siberian Patericon: Texts and Commentaries: in Three Volumes]. Moscow. Book 2 (Vol. 3). 296 p.

Pokrovskiy, N.N., Schmidt, S.O. (Publ.). (1971). *Sudnye spiski Maksima Greka i Isaaka Sobaki* [The Judicial Lists of Maximus the Greek and Isaac the Dog]. Moscow. 186 p.

Pokrovskiy, N.N., Zol'nikova, N.D. (2002). *Starovery-chasovennye na vostokey Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya* [Old Believers in Eastern Russia in the 18th–20th Centuries: Problems of Creativity and Social Consciousness]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli. 466 p.

Pokrovskiy, N.N. (2005). *Puteshestvie za redkimi knigami* [Journey to Find Rare Books]. Novosibirsk, Sova. 285 p.

Zolnikova, N.D. (2006). Tema sofynosti v nrovouchitel'nom sbornike kontsa XIX – nachala XX v. iz sobraniya muzeya Nev'yanskoy ikony (Ekaterinburg) [The Theme of Sophia in the Moralistic Collection of the Late 19th and Early 20th Centuries from the Collection of the Nevyansk Icon Museum (Yekaterinburg)]. In *Vestnik tserkovnoy istorii*. No. 2, pp. 187–197.

Г.А. Галданов*

**ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
1970–1980-Х ГОДОВ МНР И СССР
В ТРУДАХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АН СССР**doi:10.31518/2618-9100-2026-3-26
УДК 339.9(470+517.3)(09)*Выходные данные для цитирования:**Галданов Г.А. История экономического сотрудничества 1970–1980-х годов МНР и СССР в трудах исследователей Института востоковедения АН СССР // Исторический курьер. 2026. № 3 (47). С. 360–369.
URL: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-26.pdf>*

G.A. Galdanov*

**PETER I AND THE OLD BELIEVERS:
POLICY AND LEGISLATION****

doi:10.31518/2618-9100-2026-3-26

*How to cite:**Galdanov G.A. The History of Economic Cooperation between the Mongolian People's Republic (MPR) and the USSR in the 1970s–1980s in the Works of Scholars of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences // Historical Courier, 2026, No. 3 (47), pp. 360–369.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-3-26.pdf>]*

Abstract. The article presents a comprehensive historiographical analysis of Russian scholarship on Soviet-Mongolian economic cooperation in the 1970s–1980s. It highlights the role of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences as a leading research center in shaping the theoretical and methodological foundations for the study of socialist economic integration and the international division of labor. The significance of collective research projects is emphasized, as well as the contribution of such scholars as M.I. Goldman, V.V. Graivoronsky, L.I. Gataullina, G.S. Matveeva (Yaskina), E.P. Bavrín, B.A. Asonov, B.M. Petrov, A.A. Gerbova, and A.V. Shurubovich to the analysis of economic interaction between the USSR and the MPR. The study examines key research directions, including the coordination of national economic plans, investment and credit support, sectoral specialization, the dynamics of foreign trade, and Mongolia's participation in the mechanisms of socialist economic integration. It demonstrates that the scholarly literature interpreted cooperation as an institutionalized and stable process that played a significant role in the industrialization and modernization of the MPR's economy. At the same time, the article shows that interpretations of economic relations retained a normative character and reflected the ideological frameworks of the period: emphasis was placed on the mutually beneficial and equitable nature of cooperation, while issues of investment efficiency and structural interdependence received comparatively limited analysis. The study concludes that the body of scholarship formed during this period remains an important foundation for further reassessment of Soviet-Mongolian economic cooperation.

Keywords: USSR, Mongolian People's Republic (MPR), Soviet-Mongolian relations, economic cooperation, historiography, Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences.

*The article has been received by the editor on 02.03.2026.
Full text of the article in Russian and references in English
are available below.*

* Галдан Александрович Галданов, Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение «Республиканская Мариинская школа-интернат», Улан-Удэ, Россия, e-mail: ggaldan@inbox.ru
Galdan Aleksandrovich Galdanov, State Budgetary General Education Institution "Republican Mariinsky Boarding School", Ulan-Ude, Russia, e-mail: ggaldan@inbox.ru

Аннотация. В статье проведен комплексный историографический анализ отечественных исследований советско-монгольского экономического сотрудничества 1970–1980-х гг. Раскрыта роль Института востоковедения АН СССР как ведущего научного центра в формировании теоретико-методологических основ изучения социалистической интеграции и международного разделения труда. Показано значение коллективных исследований и вклад таких авторов, как М.И. Гольман, В.В. Грайворонский, Л.И. Гатаулина, Г.С. Матвеева (Яскина), Е.П. Баврин, Б.А. Асонов, Б.М. Петров, А.А. Гербова и А.В. Шурубович в разработку проблем хозяйственного взаимодействия СССР и МНР. Проанализированы направления исследований, включавшие изучение координации народно-хозяйственных планов, инвестиционной и кредитной поддержки, отраслевой специализации, динамики внешней торговли и участия Монголии в механизмах социалистической экономической интеграции. Выявлено, что в научной литературе сотрудничество трактовалось как институционально оформленный и устойчивый процесс, сыгравший важную роль в индустриализации и модернизации экономики МНР. Одновременно показано, что интерпретация экономических связей сохраняла нормативный характер и отражала идеологические установки эпохи: акцент делался на взаимовыгодности и равноправии сотрудничества, тогда как вопросы эффективности вложений и структурной взаимозависимости исследовались ограниченно. Сделан вывод о значимости сформированного научного корпуса для дальнейшего осмысления советско-монгольского экономического сотрудничества.

Ключевые слова: СССР, МНР, советско-монгольские отношения, экономическое сотрудничество, историография, Институт востоковедения АН СССР.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026 г.

Введение. Советско-монгольское экономическое сотрудничество 1970–1980-х годов занимает важное место в истории двусторонних отношений СССР и МНР, поскольку именно в этот период хозяйственное взаимодействие достигло наибольшего уровня развития и стало одним из ключевых факторов индустриальной модернизации монгольской экономики. Координация народно-хозяйственных планов, инвестиционная и кредитная поддержка, развитие промышленности, энергетики, транспорта и горнодобывающего комплекса определили высокий уровень экономической взаимосвязанности двух государств. В связи с этим изучение отечественной историографии данной проблематики представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет не только проследить эволюцию исследовательских подходов, но и выявить особенности научного осмысления социалистической интеграции в советский и постсоветский периоды.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью современного историографического переосмысления работ, посвященных советско-монгольскому экономическому сотрудничеству 1970–1980-х годов. Значительная часть исследований советского времени создавалась в рамках официальной концепции социалистического интернационализма и международного социалистического разделения труда, что предопределяло нормативный характер интерпретации хозяйственных связей СССР и МНР. В этих условиях экономическое взаимодействие, как правило, рассматривалось преимущественно как равноправное и взаимовыгодное, тогда как вопросы эффективности вложений, финансовой нагрузки и структурной зависимости монгольской экономики от советского рынка не получали достаточного критического освещения. Вместе с тем данный корпус работ сохраняет высокую научную ценность благодаря богатому фактическому материалу, широкому использованию статистических данных межгосударственных соглашений, плановых показателей и материалов академических исследований.

Особое место в разработке данной проблематики принадлежало Институту востоковедения АН СССР, который выступал ведущим научным центром по изучению Монголии и советско-монгольских отношений. Именно в рамках этого института были сформированы теоретико-методологические основы исследования социально-экономического развития МНР, социалистической интеграции и международного разделения труда. Коллективные труды и исследования сотрудников института сыграли ключевую роль в систематизации фактического материала, выработке концептуальных подходов к анализу хозяйственного взаимодействия СССР и МНР и формировании устойчивой исследовательской традиции. Важное значение в развитии историографии имели также работы М.И. Гольмана¹, В.В. Грайворонского², Л.И. Гатауллиной³, Г.С. Матвеевой (Яскиной)⁴, а также исследования экономистов Е.П. Баврина⁵ и С.С. Алабяна, Б.А. Асонова⁶, Б.М. Петрова, А.А. Гербовой и А.В. Шурубовича⁷, в которых более детально рассматривались институциональные, отраслевые и социально-экономические аспекты сотрудничества.

Несмотря на значительный корпус исследований советского периода, постсоветская и современная историография советско-монгольского экономического сотрудничества 1970–1980-х годов, представлена сравнительно ограниченно⁸. В постсоветское время внимание исследователей в большей степени сместилось к общим вопросам политической трансформации и внешнеполитического переосмысления российско-монгольских отношений, тогда как хозяйственное взаимодействие позднесоветского периода сравнительно редко становилось предметом специального историографического анализа. Это делает необходимым дополнительное обращение к данной теме, ее уточнение и расширение с использованием современных исследовательских подходов.

Источниковую базу исследования составляют опубликованные труды советских и российских историков, востоковедов и экономистов, посвященные истории советско-монгольских отношений, социально-экономическому развитию Монголии и проблемам социалистической интеграции.

Результаты исследования и их обсуждение. Ведущая роль в разработке проблем экономического сотрудничества СССР и МНР принадлежала центральным академическим учреждениям Москвы, прежде всего Институту востоковедения АН СССР. В рамках данного института формировались теоретические и методологические основы изучения социально-экономического развития Монголии, а также обобщались материалы о двустороннем хозяйственном взаимодействии. Институт выступал также координационным центром советско-монгольских научных контактов: совместные публикации, участие монгольских исследователей в редколлегиях и подготовке обобщающих трудов способствовали формированию единого научного пространства. В то же время интерпретация экономического сотрудничества в публикациях института отражала идеологические установки эпохи, акцентируя внимание на его взаимовыгодности и закономерности в рамках социалистического сотрудничества.

Значительное место в научной деятельности Института востоковедения АН СССР занимали коллективные труды, в которых отражалась официальная концепция социалистической интеграции и международного разделения труда. К числу наиболее значимых

¹ История советско-монгольских отношений. М., 1981; История Монголии. XX век. М., 2007.

² Грайворонский В.В. Кооперированное аратство МНР: изменения в уровне жизни, 1960–1980. М., 1982; Грайворонский В.В., Надиров Ш.Г. Гл. V. МНР в период строительства социализма (1953–1984 гг.) // История Монголии. XX век. М., 2007. С. 202–312.

³ Гатауллина Л.М. Монгольская Народная Республика в социалистическом содружестве. М., 1964; Гатауллина Л.М. Проблемы некапиталистического развития. М., 1978.

⁴ Матвеева Г.С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции. М., 1987; Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. М., 1978.

⁵ Баврин Е.П., Алабян С.С. От экономического сотрудничества к социалистической интеграции. М., 1982.

⁶ Асонов Б.А., Петров Б.М. Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР. М., 1971.

⁷ Гербова А.А., Шурубович А.В. Развитие промышленности МНР на современном этапе. М., 1978.

⁸ Дугаров В.Д., Нанзатова Ч.Д. Развитие советско-монгольских экономических отношений в 1950–1970-е гг. (вопросы историографии) // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6 (45). С. 200–205.

изданий относились обобщающие работы «История Монгольской Народной Республики»⁹, «История советско-монгольских отношений»¹⁰, а также страноведческие публикации серии «Монгольская Народная Республика»¹¹.

В данных исследованиях экономическое сотрудничество СССР и МНР трактовалось как закономерный и объективно обусловленный этап развития союзнических отношений социалистических государств. Авторы подробно освещали масштабы капитальных вложений Советского Союза в промышленность Монголии, строительство крупных предприятий, развитие энергетики, транспорта и горнодобывающей отрасли, подчеркивали устойчивую динамику промышленного роста и расширение инфраструктурной базы. Существенное внимание уделялось координации народно-хозяйственных планов и участию МНР в механизмах Совета экономической взаимопомощи.

Коллективный характер публикаций обеспечивал комплексность анализа и широкую источниковую базу, включавшую статистические данные, межправительственные соглашения и материалы плановых органов. Вместе с тем интерпретация хозяйственного взаимодействия оставалась в рамках нормативной марксистско-ленинской парадигмы: сотрудничество рассматривалось преимущественно как взаимовыгодное и равноправное, тогда как проблемы экономической эффективности, финансовой нагрузки и структурной зависимости монгольской экономики не становились предметом критического осмысления.

Показательным в этом отношении является коллективный труд «История социалистической экономики МНР»¹², подготовленный советскими и монгольскими исследователями. Данная работа занимает важное место в историографии экономического сотрудничества СССР и МНР и представляет собой обобщающее исследование развития хозяйственной системы Монголии в условиях социалистического строительства с особым акцентом на процессы 1970–1980-х годов.

В работе экономическая эволюция МНР рассматривается в контексте концепции некапиталистического пути и международного социалистического разделения труда. Авторы аргументированно подчеркивают определяющую роль СССР в формировании промышленной базы страны, развитии энергетики, транспорта и горнодобывающего комплекса, акцентируя системный характер инвестиционной, технической и организационной поддержки. Существенное место занимает статистический материал – показатели промышленного роста, объемы капитальных вложений, структура внешней торговли, участие Монголии в деятельности Совета экономической взаимопомощи, что придает труду высокую источниковую значимость и позволяет реконструировать масштабы и механизмы двустороннего хозяйственного взаимодействия.

Одновременно анализ экономического сотрудничества сохраняет характерные черты позднесоветской научной традиции. Взаимодействие СССР и МНР трактуется как равноправное и взаимовыгодное, приоритет отдается демонстрации достижений индустриализации и укрепления производственного потенциала. Вопросы эффективности вложений, долговых обязательств и структурной зависимости монгольской экономики от советского рынка практически не становятся предметом критического осмысления. Тем самым труд сочетает значительный фактический материал с нормативной интерпретацией, что определяет его двойственную роль: как ценного источника данных и одновременно как отражения идеологических рамок советской историографии экономического сотрудничества.

В числе фундаментальных коллективных трудов Института востоковедения АН СССР особое место занимает издание «История советско-монгольских отношений»¹³, подготовленное под редакцией Б.Г. Гафурова и Б. Ширендыба. Эта работа по праву относится к ключевым исследованиям по данной проблематике, поскольку представляет собой одно

⁹ История Монгольской Народной Республики. М., 1983.

¹⁰ История советско-монгольских отношений...

¹¹ Монгольская Народная Республика: справочник. М., 1986.

¹² История социалистической экономики МНР. М., 1987.

¹³ История советско-монгольских отношений...

из наиболее целостных и систематизированных обобщений истории двустороннего взаимодействия, включая его экономическую составляющую.

Экономическое сотрудничество в книге трактуется как объективный и закономерный результат политического союза и социалистической интеграции СССР и МНР. Авторы рассматривают развитие торгово-экономических связей, механизмы координации народно-хозяйственных планов, формирование индустриальной базы Монголии при активной поддержке Советского Союза. Подробно анализируются масштабы капитальных вложений, строительство крупных промышленных предприятий, развитие энергетической системы, транспортной инфраструктуры и горнодобывающего комплекса.

С историографической точки зрения данная работа представляет ценность благодаря своей системности и опоре на широкий круг официальных документов и статистических материалов, что позволяет проследить институциональные механизмы и основные направления советско-монгольского экономического взаимодействия. В то же время оценка сотрудничества дается в рамках официальной концепции социалистического интернационализма: основное внимание уделяется успехам интеграции и развитию хозяйственных связей, тогда как вопросы эффективности экономической модели и возможной неравномерности взаимозависимости практически не подвергаются критическому рассмотрению.

Среди фундаментальных коллективных трудов Института востоковедения РАН особое значение имеет издание «История Монголии. XX век»¹⁴. Эта работа представляет собой комплексное исследование политического, социального и экономического развития Монголии в течение всего XX столетия. Существенный раздел посвящен 1970–1980-м годам – периоду, когда советско-монгольское сотрудничество достигло наивысшей степени институциональной оформленности и хозяйственной взаимосвязанности.

Анализируя позднесоциалистический этап, авторы подробно рассматривают экономические механизмы взаимодействия СССР и МНР: координацию народно-хозяйственных планов, участие Монголии в деятельности Совета экономической взаимопомощи, формирование отраслевой специализации, развитие совместных предприятий и динамику внешне-торговых связей. Отдельное внимание уделяется масштабным инвестиционным проектам – созданию промышленных предприятий, развитию энергетической системы и транспортной инфраструктуры, а также их роли в структурной модернизации монгольской экономики.

В отличие от публикаций позднесоветского периода, данное исследование отличается более аналитическим и взвешенным подходом. Наряду с признанием значительных достижений индустриализации и роста производственного потенциала авторы обращают внимание на особенности сложившейся модели экономической взаимозависимости, включая высокую степень ориентации Монголии на советский рынок и ограниченные возможности диверсификации внешнеэкономических связей. Тем самым труд не только обобщает фактический материал, но и предлагает более критическое осмысление результатов советско-монгольского экономического сотрудничества 1970–1980-х годов.

Особое место в развитии изучения советско-монгольского экономического сотрудничества 1970–1980-х годов занимают работы М.И. Гольмана¹⁵ и В.В. Грайворонского¹⁶, которые целесообразно рассматривать отдельно в силу специфики их научного вклада.

М.И. Гольман занимал важное место в формировании концептуальной базы изучения двусторонних отношений. Участвуя в подготовке фундаментальных коллективных изданий по истории советско-монгольских связей и социально-экономического развития МНР, он способствовал систематизации фактического материала и выработке целостного подхода к оценке экономического взаимодействия. В его работах хозяйственное сотрудничество рассматривалось как органическая часть социалистической интеграции и международного разделения труда. Гольман уделял внимание институциональным механизмам координации

¹⁴ История Монголии. XX век...

¹⁵ История советско-монгольских отношений...; История Монголии. XX век...

¹⁶ Грайворонский В.В. Кооперированное аратство МНР...; Грайворонский В.В., Надиров Ш.Г. Гл. V. МНР в период строительства социализма (1953–1984 гг.)...

планов, роли межправительственных соглашений, структуре торгово-экономических связей и масштабам инвестиционной поддержки со стороны СССР. Его вклад заключается прежде всего в концептуализации советско-монгольских экономических отношений как устойчивой модели интеграции, обеспечившей индустриализацию и структурную модернизацию МНР. Вместе с тем интерпретация сотрудничества сохраняла нормативный характер и была ориентирована на демонстрацию его стратегической целесообразности и исторической закономерности.

В.В. Грайворонский, в свою очередь, расширил исследовательскую перспективу за счет анализа социально-экономических последствий интеграции. В работе, посвященной кооперированному аратству и изменениям уровня жизни, экономическое сотрудничество с СССР рассматривается не только как макроэкономический процесс, но и как фактор трансформации социальной структуры монгольского общества¹⁷. Используя статистические данные, материалы плановых органов и официальные отчеты, он показал влияние инвестиционной и технической помощи на модернизацию сельского хозяйства, повышение производительности труда и изменение структуры потребления. Тем самым Грайворонский внес вклад в изучение «социального измерения» экономической интеграции, продемонстрировав связь между межгосударственными экономическими механизмами и внутренними преобразованиями в МНР.

Значительный вклад в разработку проблем советско-монгольского экономического сотрудничества 1970–1980-х годов внесли исследования Л.И. Гатауллиной¹⁸ и Г.С. Матвеевой (Яскиной)¹⁹, отличавшиеся более конкретным и детализированным подходом по сравнению с обобщающими коллективными трудами. В их работах хозяйственные связи двух государств рассматривались не только на уровне общих концепций социалистической интеграции, но и через анализ практических механизмов реализации межгосударственных соглашений.

Л.И. Гатаулина трактовала экономическое взаимодействие СССР и МНР как сложную многоуровневую систему, включающую инвестиционное сотрудничество, производственную кооперацию и научно-техническое взаимодействие. Особое внимание она уделяла формам советской помощи – кредитной, материально-технической, безвозмездной и кадровой, рассматривая их как ключевой фактор формирования индустриальной базы Монголии. В ее исследованиях подробно анализировались крупные промышленные проекты, развитие горнодобывающей промышленности, энергетики, строительства и транспортной инфраструктуры. Автор стремилась показать экономическое сотрудничество как планомерный и согласованный процесс, основанный на координации пятилетних планов и отраслевой специализации в рамках международного социалистического разделения труда.

Г.С. Матвеева (Яскина) рассматривала экономическое сотрудничество СССР и МНР в русле системного анализа социалистической интеграции, понимая двусторонние связи как составную часть более широкой структуры международного социалистического хозяйства. В ее трудах взаимодействие Москвы и Улан-Батора интерпретируется не изолированно, а в контексте функционирования общего механизма координации плановых экономик.

Ключевое значение имеет монография «Монгольская Народная Республика в системе социалистической интеграции»²⁰, в которой подробно исследован процесс включения Монголии в многосторонние экономические связи в рамках Совета экономической взаимопомощи. Автор показывает, что именно сотрудничество с СССР стало основой для вовлечения МНР в международное социалистическое разделение труда, формирование отраслевой специализации и структурной перестройки национальной экономики. Особое внимание

¹⁷ Кооперированное аратство МНР...

¹⁸ Гатаулина Л.М. Монгольская Народная Республика в социалистическом содружестве...; Гатаулина Л.М. Проблемы некапиталистического развития...

¹⁹ Матвеева Г.С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции...; Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР...

²⁰ Матвеева Г.С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции...

уделяется механизмам координации планов, распределению инвестиционных ресурсов и роли совместных проектов в индустриализации страны.

При этом Матвеева (Яскина) анализировала не только экономические показатели, но и социально-политические последствия интеграции. В ее работах рассматриваются процессы модернизации сельского хозяйства, подготовки национальных кадров, укрепления управленческих структур, а также влияние экономического сотрудничества на внутреннюю политику МНР и ее положение в системе международных отношений. Использование официальных документов СЭВ, статистических данных и плановых материалов позволило автору представить развернутую картину функционирования механизмов социалистической координации.

Вместе с тем как у Л.И. Гатауллиной, так и у Г.С. Матвеевой (Яскиной) интерпретация советско-монгольских экономических связей во многом отражала особенности советской научной традиции. Хозяйственное сотрудничество преимущественно характеризовалось как равноправное и взаимовыгодное, соответствующее принципам социалистического интернационализма. Вопросы финансовой зависимости, долговых обязательств и возможной структурной односторонности экономики Монголии, как правило, не становились предметом самостоятельного критического анализа.

Однако, несмотря на данные методологические ограничения, исследования этих авторов существенно продвинули изучение проблематики. Они позволили конкретизировать механизмы инвестиционного, производственного и научно-технического взаимодействия, раскрыть институциональные формы координации планов и проанализировать отраслевую специализацию в рамках социалистической интеграции. Тем самым их работы дополнили обобщающие коллективные издания более детальным и предметным рассмотрением хозяйственных процессов, что повысило уровень разработанности темы советско-монгольского экономического сотрудничества в 1970–1980-е годы.

Дополнить картину изучения экономического сотрудничества СССР и МНР в 1970–1980-е годы позволяет обращение к работам экономистов – Баврина²¹, Асонова и Петрова²², чьи исследования отличались более прикладным и специализированным характером. Если в трудах историков и востоковедов хозяйственные связи рассматривались преимущественно как часть общей концепции социалистической интеграции, то экономисты сосредотачивались на анализе конкретных механизмов функционирования двустороннего взаимодействия.

В их исследованиях внимание акцентировалось на структуре внешней торговли, динамике капиталовложений, системе кредитования, координации народно-хозяйственных планов и отраслевой специализации Монголии. Экономическое сотрудничество изучалось через призму плановых показателей, статистических данных и производственных результатов, что позволяло раскрывать внутреннюю логику хозяйственных процессов и количественные параметры интеграции. Особое место занимали анализ участия МНР в механизмах Совета экономической взаимопомощи и оценка роли СССР в формировании промышленной и инфраструктурной базы страны.

К числу исследований, углублявших анализ отраслевых аспектов сотрудничества, относится работа А.А. Гербовой и А.В. Шурубовича «Развитие промышленности МНР на современном этапе».²³ В ней рассматривались структурные изменения в промышленности Монголии, особенности становления горнодобывающего комплекса, энергетики и перерабатывающих отраслей, а также влияние советской технической и инвестиционной помощи на модернизацию производственной сферы. Авторы анализировали количественные показатели роста промышленного производства, распределение капиталовложений по отраслям и роль совместных проектов в укреплении материально-технической базы МНР. Работа позволила конкретизировать отраслевое измерение экономического сотрудничества и показать его практическое значение для формирования индустриальной структуры страны.

²¹ Баврин Е.П., Алабян С.С. От экономического сотрудничества к социалистической интеграции...

²² Асонов Б.А., Петров Б.М. Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР...

²³ Гербова А.А., Шурубович А.В. Развитие промышленности МНР на современном этапе...

Закключение. Проведенный историографический анализ показывает, что изучение советско-монгольского экономического сотрудничества 1970–1980-х годах заняло заметное место в отечественной науке, прежде всего в рамках исследований, посвященных истории Монголии, социалистической интеграции и двусторонним отношениям СССР и МНР. Наиболее значительный вклад в разработку данной проблематики внесли коллективы Института востоковедения АН СССР, который в рассматриваемый период выступал ключевым научным центром по изучению Монголии и советско-монгольских связей. Именно в его рамках были сформированы основные теоретико-методологические подходы к осмыслению хозяйственного взаимодействия двух государств, накоплен и систематизирован значительный фактический материал, а также подготовлены фундаментальные обобщающие труды, определившие развитие данного направления на многие годы.

Работы сотрудников Института востоковедения АН СССР, а также исследования М.И. Гольмана, В.В. Грайворонского, Л.И. Гатауллиной, Г.С. Матвеевой (Яскиной), Е.П. Баврина, Б.А. Асонова, Б.М. Петрова, А.А. Гербовой и А.В. Шурубовича позволили раскрыть как общие закономерности советско-монгольского экономического взаимодействия, так и его конкретные институциональные, отраслевые и социально-экономические механизмы. Их труды убедительно показали, что в 1970–1980-е годы сотрудничество СССР и МНР достигло наивысшей степени развития: оно охватывало координацию народно-хозяйственных планов, кредитно-инвестиционную поддержку, промышленную кооперацию, развитие энергетики, транспорта, горнодобывающего комплекса и подготовку национальных кадров.

Вместе с тем анализ историографии свидетельствует, что значительная часть исследований советского периода создавалась в рамках официальной концепции социалистического интернационализма и международного социалистического разделения труда. Это предопределяло преимущественно нормативную трактовку сотрудничества как исключительно равноправный и взаимовыгодный процесс. Вопросы экономической эффективности, долговой нагрузки, степени зависимости монгольской экономики от советского рынка и ограниченности внешнеэкономической диверсификации, как правило, не становились предметом самостоятельного критического анализа. Однако данное обстоятельство не снижает научной значимости этих работ, поскольку они сохраняют высокую ценность как источник фактического материала и как отражение особенностей советской исследовательской традиции.

Таким образом, советско-монгольское экономическое сотрудничество 1970–1980-х годов представляло собой сложную и многоплановую модель межгосударственного взаимодействия, сыгравшую важную роль в индустриальной модернизации МНР и формировании ее хозяйственной структуры. Одновременно оно создало устойчивую систему экономической взаимосвязанности, в которой ведущая роль принадлежала Советскому Союзу. В этом контексте отечественная историография, сформированная в значительной степени трудами Института востоковедения АН СССР, не только зафиксировала масштабы и результаты данного сотрудничества, но и заложила основу для его дальнейшего научного переосмысления. С учетом слабой разработанности темы в постсоветской и современной историографии представляется необходимым дальнейшее исследование данной проблематики с использованием более критических и междисциплинарных подходов, позволяющих глубже оценить как достижения, так и противоречия советско-монгольской экономической интеграции.

Литература

Асонов Б.А., Петров Б.М. Экономическое сотрудничество Советского Союза с МНР. М.: Экономика, 1971. 167 с.

Баврин Е.П., Алабян С.С. От экономического сотрудничества к социалистической интеграции. М.: Экономика, 1982. 143 с.

Гатаулина Л.М. Монгольская Народная Республика в социалистическом содружестве. М.: Наука, 1964. 234 с.

Грайворонский В.В. Кооперированное аратство МНР: изменения в уровне жизни, 1960–1980. М.: Наука, 1982. 215 с.

История Монголии. XX век / М.И. Гольман и др.; отв. ред. Г.С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.

История Монгольской Народной Республики / Ш. Нацагдорж, Б. Цэдэн, Б. Ширендыб и др.; гл. ред. А.П. Окладников, Ш. Бира и др. М.: Наука, 1983. 661 с.

История советско-монгольских отношений / М.И. Гольман, Б. Ширендыб, Ш. Нацагдорж и др.; редкол. Б.Г. Гафуров, Б. Ширендыб (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1981. 352 с.

История социалистической экономики МНР / П. Лувсандорж, С.К. Роцин, Б. Долгор-маа и др.; редкол. Г.Ф. Ким и др., П. Лувсандорж и др. М.: Наука, 1987. 374 с.

Матвеева Г.С. Создание материально-технической базы социализма в МНР. М.: Наука, 1978. 278 с.

Матвеева Г.С. Монгольская Народная Республика в системе социалистической экономической интеграции. М.: Наука, 1987. 244 с.

Монгольская Народная Республика: справочник / Г.И. Слесарчук и др. М.: Наука, 1986. 438 с.

Шурубович А.В. Развитие промышленности МНР на современном этапе. М.: Наука, 1978. 114 с.

References

Asonov, B.A., Petrov, B.M. (1971). *Ekonomicheskoe sotrudnichestvo Sovetskogo Soyuza s MNR* [Economic Cooperation of the Soviet Union with the Mongolian People's Republic]. Moscow, Ekonomika. 167 p.

Bavrin, E.P., Alabyan, S.S. (1982). *Ot ekonomicheskogo sotrudnichestva k sotsialisticheskoy integratsii* [From Economic Cooperation to Socialist Integration]. Moscow, Ekonomika. 143 p.

Dugarov, V.D., Nanzatova, Ch.D. (2013). Razvitie sovetsko-mongol'skikh ekonomicheskikh otnosheniy v 1950–1970-e gg. (voprosy istoriografii) [The Development of Soviet-Mongolian Economic Relations in the 1950s and 1970s (Questions of Historiography)]. In *Vestnik VSGUTU*. No. 6 (45), pp. 200–205.

Gataullina, L.M. (1964). *Mongol'skaya Narodnaya Respublika v sotsialisticheskoy sodruzhestve* [The Mongolian People's Republic in the Socialist Commonwealth]. Moscow, Nauka. 234 p.

Gataullina, L.M. (1978). *Problemy nekapitalisticheskogo razvitiya* [Problems of Non-Capitalist Development]. Moscow, Nauka. 303 p.

Gol'man, M.I. et al., Yaskina, G.S. (Ed.). (2007). *Istoriya Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. The 20th Century]. Moscow, IV RAN. 448 p.

Gol'man, M.I., Shirendyb, B., Natsagdorzh, Sh. et al., Gafurov, B.G., Shirendyb, B. et al. (Eds.). (1981). *Istoriya sovetsko-mongol'skikh otnosheniy* [History of Soviet-Mongolian Relations]. Moscow, Nauka. 352 p.

Grayvoronskiy, V.V. (1982). *Kooperirovannoe aratstvo MNR: izmeneniya v urovne zhizni, 1960–1980* [Cooperative Arat Households in the Mongolian People's Republic: Changes in Living Standards, 1960–1980]. Moscow, Nauka. 215 p.

Luvsandorzh, P., Roshchin, S.K., Dolgormaa, B. et al., Kim, G.F., Luvsandorzh, P. et al. (Eds.). (1987). *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki MNR* [History of the Socialist Economy of the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka. 374 p.

Matveeva, G.S. (1978). *Sozdanie material'no-tekhnicheskoy bazy sotsializma v MNR* [The Creation of the Material and Technical Base of Socialism in the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka. 278 p.

Matveeva, G.S. (1987). *Mongol'skaya Narodnaya Respublika v sisteme sotsialisticheskoy ekonomicheskoy integratsii* [The Mongolian People's Republic in the System of Socialist Economic Integration]. Moscow, Nauka. 244 p.

Natsagdorzh, Sh., Tseden, B., Shirendyb, B. et al., Okladnikov, A.P., Bira, Sh. (Eds.). (1983). *Istoriya Mongol'skoy Narodnoy Respubliki* [History of the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka. 661 p.

Shurubovich, A.V. (1978). *Razvitie promyshlennosti MNR na sovremennom etape* [The Development of Industry in the Mongolian People's Republic at the Present Stage]. Moscow, Nauka. 114 p.

Slesarchuk, G.I. et al. (1986). *Mongol'skaya Narodnaya Respublika: spravochnik* [The Mongolian People's Republic: A Reference Book]. Moscow, Nauka. 438 p.